

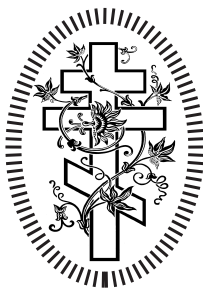
ВАЛЕНТИН КАТАСОНОВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ СЛАВЯНОФИЛОВ
И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Серия научных изданий и справочников, посвященных малоизученным проблемам истории и идеологии русской цивилизации:

- Русская цивилизация: история и идеология
- Слово и дело национальной России
- Экономика русской цивилизации
- Экономическое учение славянофилов
- Денежная держава антихриста
- Энциклопедия черной сотни
- История русского народа в XX веке
- Стратегия восточных территорий
- Мировоззрение славянофилов
- Биосфера и кризис цивилизации
- Начальная история русской цивилизации
- Третий Рим против нового мирового порядка
- Энциклопедия славянофилов
- Русские монастыри и храмы
- Русские святые и подвижники Православия
- Государственно-правовой идеал славянофилов
- Россия на рубежах США, Японии и Китая
- Русская цивилизация: философия и литература
- Россия и Польша
- Славянофилы, их сподвижники и последователи
- Политическая экономия национального хозяйства
- Космология духа и циклы истории
- Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию
- Синодикъ или Куликовская битва в лицах
- Русская цивилизация: экологический аспект
- Великие русские достижения
- Русская община
- Русская артель
- Русская партия в первой четверти XIX века
- Славянская идеология
- Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова**

ВАЛЕНТИН КАТАСОНОВ

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ
СЛАВЯНОФИЛОВ
И СОВРЕМЕННАЯ
РОССИЯ**

«Бумажный рубль»

С. Шарапова

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2014**

УДК 336.027

ББК 65.02

К 29

Катасонов В. Ю.

К 29 Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова / Сост. В. Б. Трофимова / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 656 с.

В книге исследуются экономические труды Сергея Федоровича Шарапова (1855–1911), вобравшие в себя многие главные идеи славянофилов. Шарапов прозорливо предвидел катастрофические последствия капиталистического развития страны в конце XIX – начале XX в., предлагал альтернативные модели экономического развития, делая особый упор на необходимость перестройки денежно-кредитной системы России. Он постоянно подчеркивал, что экономическое возрождение России возможно лишь на фундаменте Православия, крепкой церковной жизни, с опорой на приход как первичную ячейку общества, имеющую помимо всего ряд экономических функций. В альтернативной модели экономики и денежной системы, предлагавшейся Шараповым, ключевыми элементами являлись абсолютные (бумажные) деньги, мнимые капиталы, запасные капиталы, государственные банки, казенные монополии в ряде отраслей экономики, регулируемый государством валютный курс рубля и др.

Автор отмечает, что сформировавшаяся в советский период нашей истории денежно-кредитная система имела ряд элементов, которые содержались в модели Шарапова.

Нынешнее состояние российской экономики очень напоминает то положение, которое было столетие назад, поэтому многие мысли русских экономистов-славянофилов остаются актуальными по сей день.

ISBN 978-5-4261-0081-7

© Институт русской цивилизации, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Еще в конце прошлого, XX века имя Сергея Федоровича Шарапова было почти неизвестно многим даже вполне образованным людям. Не только на произведения С. Ф. Шарапова, но даже на упоминание его имени в советское время был наложен негласный запрет. Лишь в очень специальных изданиях о нем давалась короткая информация нелестного свойства. Например, в работе «Экономическая энциклопедия. Политическая экономия» Шарапову было посвящено всего несколько строк: «...русский реакционный публицист... предлагал передать функции городского и земского самоуправления церковным приходам. Непримиримый противник демократии, он отрицательно отнесся к революции 1905–1907 гг. Вел в печати энергичную агитацию против финансовой политики С. Ю. Витте, боролся с введением в России золотой валюты»¹.

Пожалуй, наибольшего внимания в советский период С. Шарапов удостоился в книге В. Е. Власенко «Денежная реформа в России 1895–1898 гг.», которая вышла в 1949 г., причем очень небольшим тиражом. Автор книги назвал С. Шарапова главой русских «инфляционистов», т. е. тех, кто в конце XIX в. в нашей стране выступал против введения золотого рубля и отстаивал вариант бумажных денег. Кратко излагая позицию Ша-

¹ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. – М., 1980. – С. 415.

рапова по вопросу организации денежного обращения в России, Власенко сопровождает свое изложение идеологическими штампами, призванными вызвать у читателя негативное отношение к самому Шарапову. Например: «Во главе откровенных инфляционистов стояли крайне реакционные круги помещиков. Их чаяния ярче всего выразил активный реакционер Шарапов. По его выражению, Россия представляет собой особый “мир, вполне самодовлеющий и экономически независимый”. Политическим строем, соответствующим этому особому миру, он считал абсолютную монархию, а ее экономическим идеалом – мелкое кустарное и крестьянское хозяйство, конечно, наряду с крупным помещичьим хозяйством»¹. Немного ниже Власенко говорил о крайне негативном отношении Шарапова к иностранному капиталу в российской экономике: «Шарапов не стеснялся в выражениях по поводу роста власти иностранного капитала в России». И далее автор без всякого перехода продолжает: «Дворяне-помещики и ее идеологи действительно опасались ее, но лишь постольку, поскольку она угрожала их господствующему положению. Экономическая и политическая независимость страны нисколько их не интересовала. Они торговали ею и оптом и в розницу»². Из данной лукавой формулировки следует, что Шарапов как представитель класса дворян-помещиков торговал Россией «и оптом и в розницу». Это было откровенной ложью.

Понятно, что противник революции, неприкрытый церковник, защитник интересов дворянства, монархист не мог рассчитывать на пропаганду своих взглядов в стране победившего социализма. Он мог рассчитывать лишь на ругательные эпитеты типа «реакционер», «кре-

¹ Власенко В. Е. Денежная реформа в России 1895–1898 гг. – Киев, 1949. – С. 129.

² Там же. – С. 132.

постник», «противник демократии», «защитник дворянства». Особо ревностное отношение советских цензоров и идеологов к личности Шарапова объяснялось тем, что Сергей Федорович удостоился критики со стороны самого вождя мирового пролетариата¹.

Годы жизни Шарапова: 1856–1911. В последние два десятилетия жизни имя его было уже достаточно на слуху у многих современников. Шарапов активно занимался журналистикой и публицистикой, изданием газет (наиболее известная из них – «Русское дело»), пробовал себя на литературном поприще (писал романы, повести, пьесы), был вовлечен в общественно-политическую деятельность (пытался даже пройти в Государственную Думу, создавал новую партию), некоторое время пребывал на государственной службе (в том числе в Министерстве финансов), проявил себя в предпринимательстве (организовал выпуск плуга новой конструкции), организовал образцовое хозяйство в своем имении («помещичий колхоз») и занимался распространением этого опыта и т. д. В данном случае нет смысла подробно описывать жизнь Сергея Федоровича, т. к. к сегодняшнему дню такие жизнеописания уже имеются².

Примечательно, что известность Сергея Федоровича при его жизни и до революции 1917 года не означала славу и почитание. Его позиция по многим вопросам общественно-политической и экономической жизни тог-

¹ Речь идет о статье В. И. Ленина «Перлы народнического прожектерства» 1897 г. (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. – С. 497*). Досталось Шарапову в свое время и от Л. Троцкого, который, занимаясь в начале XX в. журналистикой, написал язвительно-критическую статью «С. Ф. Шарапов и немецкие аграрии» (*Восточное обозрение. – 1901. – 13 октября. – № 225*).

² См., например: *Антонов М. Шарапов Сергей Федорович // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа / Сост. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2006. – С. 1036–1044.*

дашней России, мягко говоря, не совпадала с общепринятыми мнениями, а часто находилась в непримиримом противоречии с ними. Эти несовпадения и противоречия касались государственного устройства России, церковно-религиозной жизни, событий так называемой «русской» революции 1905–1907 гг., денежного обращения и организации хозяйственной жизни страны в целом, официальной экономической науки, марксизма и социализма, так называемого «еврейского вопроса», внешней политики России в Европе и на Дальнем Востоке и т. п.

Шарапов вел непримиримую борьбу с тогдашним министром финансов С. Витте – тем самым Витте, который готовил введение в России «золотого рубля», а после его введения поощрял развитие «дикого» капитализма, коррупции и приход в страну иностранного капитала, а также ловко помогал Западу заманивать страну в сети геополитических интриг мировой закулисы. Позднее Сергей Федорович критиковал премьер-министра П. А. Столыпина за его аграрную реформу, которая разрушала крестьянскую общину (хотя при этом считал Петра Аркадьевича большим государственным деятелем). Он также не мог примириться с официальной экономической и финансовой наукой, которая оправдывала и обосновывала разрушительную экономическую политику правительства. Особую позицию Шарапов занимал и по многим вопросам внутренней и внешней политики: польскому вопросу, автономии Финляндии, Русско-японской войне. Официальный Петербург очень раздражали предупреждения Шарапова о том, что в мире назревает большая война и что Россия к этой войне не готова. Шарапов взывал к уму и чувству образованного слоя России, который находился под гипнозом марксизма и социализма, буржуазного либерализма и «просвещенного» материализма, разоблачал эти чуж-

дые русскому народу учения. Шарапов даже не побоялся возвысить свой голос христианина против косности, формализма и бюрократизма, которые проникли в церковную организацию, требовал созыва Поместного Собора Русской Православной Церкви и восстановления Патриаршества. Это порождало раздражение со стороны некоторых тогдашних церковных иерархов.

Конечно, Шарапов не был абсолютным одиночкой. Он был очень близок к немногочисленной группе общественных и государственных деятелей, публицистов и писателей, которых в той или иной мере можно назвать славянофилами, государственниками, монархистами, консерваторами, «почвенниками». Среди таких людей – И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, К. Н. Леонтьев, Г. В. Бутми, П. Н. Оль, А. А. Стахович, А. В. Васильев, Д. И. Менделеев, Ю. Г. Жуковский, В. А. Кокорев, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин и некоторые другие. Причем первых троих из этого списка Сергей Федорович считал своими учителями.

В целом жизнь и творчество Шарапова можно назвать *движением против течения*. Но эта позиция не была позой, не диктовалась желанием быть оригинальным, тем более – не свидетельствовала о революционных и бунтарских настроениях Шарапова. Наоборот, он был консерватором и противником революционных потрясений. Иногда консерватизм порождается ленью ума, нежеланием учитывать изменения, неспособностью понять глубинные механизмы общественного развития. Консерватизм Шарапова – иного рода. Шарапов глубже большинства своих современников понимал движущие силы истории, культурно-исторические особенности России, текущую ситуацию в стране, тектонические изменения, которые происходили в мире и угрожали России.

Сегодняшняя Россия переживает такие же крутые повороты в своем развитии, как и дореволюционная Россия времен Шарапова. Совпадения в общественно-политической, духовно-религиозной, экономической жизни сегодняшней и тогдашней России поразительные. Тогда правящие круги страны и образованный слой России не прислушались к словам и предупреждениям Шарапова. А если бы прислушались, может, не было бы тех трагедий, которые пришлось пережить русскому народу. Поразительно, что советская власть не признавала и замалчивала Шарапова, но при этом целый ряд экономических идей Сергея Федоровича был практически воплощен в жизнь именно в советское время. Некоторые мысли Шарапова были почти слово в слово повторены через два–три десятилетия известным английским экономистом Джоном М. Кейнсом.

За последние 100 лет Россия пережила несколько революций, две мировые войны, гражданскую войну и бесчисленное количество локальных гражданских конфликтов. Хотелось бы верить, что с учетом этого богатого и одновременно печального опыта русского народа слова и мысли русского православного патриота, государственника, экономиста С. Ф. Шарапова наконец-то найдут отзвук в умах и сердцах нашего современника.

Предлагаемая читателю книга зародилась в виде серии докладов, прочитанных автором на конференции, приуроченной к 100-летию со дня смерти С. Ф. Шарапова. Конференция проходила в Москве в Донском монастыре в декабре 2011 г. и была организована совместно духовно-просветительской общественной организацией «Переправа» и Институтом русской цивилизации. Примечательно, что конференция продемонстрировала столь высокий интерес общественности к творчеству С. Ф. Шарапова и других русских экономических мысли-

телей прошлого, что на заключительном заседании конференции было принято решение о создании Русского экономического общества. Такое общество было создано и получило имя С. Ф. Шарапова.

Уже после конференции первоначальные мои доклады были дополнены, доработаны и составили данную книгу.

Цель данной работы – показать, что изучение творческого наследия Шарапова – отнюдь не удел любителей «русской старины», которая ушла в невозвратное прошлое. Я по мере своих скромных сил и способностей пытаюсь показать, что Шарапов со страниц своих статей и книг говорит о нашей *сегодняшней России* с ее проблемами и трагедиями. В обширном творческом наследии С. Ф. Шарапова¹, пожалуй, центральное место занимает

¹ Полный список прижизненных публикаций С. Ф. Шарапова приведен в следующем источнике: *Базулин Ю. В.* Двойственная природа денег: русская экономическая мысль на рубеже XIX–XX веков. – СПб., 2005. – С. 30–44. Этот список насчитывает 255 позиции и включает газетные и журнальные статьи, брошюры и книги, доклады, рецензии и др.

Наиболее крупные прижизненные публикации (в формате книг и брошюр): *Будущность крестьянского хозяйства.* – М., 1882; *А. Н. Энгельгардт и его значение для русской культуры и науки.* – СПб., 1894; *Франция и славянство. Речь в торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского общества 19 декабря 1893 г.* – СПб., 1894; *Бумажный рубль (Его теория и практика). Исследование о научных законах бумаго-денежного обращения в самодержавном государстве.* – СПб., 1895; *Опыт русской политической программы. Самодержавие и самоуправление. Сущность бюрократии (переписка с князем В. П. Мещерским).* – М., 1905; *Сущность аграрного кризиса.* – М., 1906; *«Матрикулированные» октябристы, или Как я не попал в Государственную Думу.* – М., 1908; *Финансовое возрождение России. Речь в Русском Собрании 9 марта 1908 г.* – М., 1908; *Аксаков Н. П., Шарапов С. Ф.* Германия и славянство. Доклад Санкт-Петербургскому Славянскому съезду Аксаковского литературного и политического общества в Москве. – М., 1909; *Министерство земледелия и его задачи в России.* – СПб., 1882; *По русским хозяйствам.* – М., 1881; *Сочинения.* – М., 1892; *Франция и славянство.* – М., 1894; *По садам и огородам.* – М., 1895; *Как ликвидировать золотую валюту.* – СПб., 1899; *Сочинения. Т. 1–9.* – СПб., 1900–1906.

его работа *«Бумажный рубль: Его теория и практика»*, которая вышла в Санкт-Петербурге в 1895 г. Это наиболее крупное произведение Сергея Федоровича по проблемам денежного обращения и организации народного хозяйства в православном государстве. Многие мысли, лишь схематично обозначенные в *«Бумажном рубле»*, более подробно раскрыты в последующих работах С. Шарапова. На фоне всех других экономических работ *«Бумажный рубль...»* – наиболее целостное произведение. Оно дает общее представление о том, что такое деньги, какие функции они выполняют, какие бывают виды денег, почему общество выбирает тот или иной вид денег, какими деньгами на разных этапах своего развития пользовалась Россия, почему «золотые» деньги – самый худший для России вид денег, что такое «абсолютные» деньги, почему они являются самым совершенным средством обращения, каким образом обеспечить переход России к «абсолютным» деньгам и т. д. и т. п. При этом представления С. Шарапова о мире денег весьма отличались от устоявшихся взглядов в конце XIX в. Шарапов, воспитанный на идеях славянофильства, обладал очень ясным, незамутненным идеями либерализма и марксизма взглядом на мир экономики.

Мой опыт показывает, что для того, кто набрался сил и терпения ознакомиться с работой Шарапова *«Бумажный рубль...»*, такое знакомство не проходит бесследно. Даже если читатель по каким-то причинам не принимает точку зрения Сергея Федоровича, он все равно начинает по-новому смотреть на мир денег, кредита, банков, финансов. Не побоюсь сказать: *«Бумажный рубль...»* можно вполне рекомендовать для знакомства не только «узким» специалистам в области денежного обращения, но и другим категориям читателей, в частности студентам экономических вузов и экономических

факультетов. Эта работа могла бы стать своеобразным «противоядием», защищающим молодежь от экономического либерализма, проникшего в нашу высшую школу под видом «экономической теории», «экономикс», «эконометрики», «макроэкономики», «микроэкономики» и всякими другими наукообразными вывесками.

Знакомство с трудами Шарапова позволит нам быстрее понять причины проблем и трагедий современной России, найти выходы из сегодняшних тупиков, наметить долгосрочные ориентиры нашего развития. Хотелось бы верить, что читатель, приобретя через мой скромный труд «вкус» к углубленному изучению работы «Бумажный рубль...» и иных работ С. Ф. Шарапова¹, в дальнейшем приступит к освоению творческого наследия других русских мыслителей. Такое освоение поможет формированию нашего, русского взгляда на экономику. Благо, для этого сегодня есть все условия. Институт русской цивилизации уже выпустил в свет сочинения нескольких десятков лучших деятелей русской философской, богословской и научной мысли и планирует продолжать эту издательскую деятельность далее.

¹ На сегодняшний день в распоряжении читателя имеется ряд современных изданий работ С. Ф. Шарапова. Наиболее полное собрание сочинений: *Шарапов С. Ф.* Россия будущего / Сост., предисл., примеч., именной словарь А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 720 с. Обзор современных изданий работ С. Шарапова (по состоянию на 2005 год).

ГЛАВА 1. С. Ф. ШАРАПОВ: ВЗГЛЯД СЛАВЯНОФИЛА НА ЭКОНОМИКУ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ

Главный славянофил среди экономистов, главный экономист среди славянофилов

С. Ф. Шарапов (1855–1911) – один из наиболее ярких представителей позднего славянофильства. На фоне других славянофилов его особенно отличает широкий диапазон затрагиваемых вопросов, – и не просто затрагиваемых, а детально осмысливаемых. По каждому из таких вопросов имеются конкретные предложения, порой содержащие скрупулезную проработку. Большинство славянофилов занимались фундаментальным, метафизическим осмыслением проблем бытия, русской цивилизации, духовно-религиозной жизни, культуры и др. Шарапов был в первую очередь практиком, занимался прикладными вопросами, но при этом прекрасно понимал фундаментальные вопросы русской цивилизации и опирался на своих предшественников. Вот краткий перечень вопросов, которые он поднимал в своих работах «Бумажный рубль (Его теория и практика)», «Диктатор», «Марксизм и русская экономическая мысль», «Финансовое возрождение России» и др.¹:

¹ Наиболее важные из этих работ включены в книгу: *Шарапов С. Ф. Россия будущего.* – М., 2008. Следует иметь в виду, что «Бумажный рубль...» в упомянутой книге дан без достаточно обширных приложений. Полную версию этой работы (с приложениями) можно найти в Интернете (сканированное дореволюционное издание).

1. О денежной системе России. Борьба против золотого рубля и денежной реформы С. Ю. Витте.

2. Проект перехода к бумажному рублю. Теория «абсолютных» денег. Модель русской денежной системы.

3. Об иностранном капитале и иностранных кредитах. Об утрате российским государством контроля над экономической и политической жизнью страны, о «внешнем управлении» страной со стороны западных банкиров и биржевиков.

4. Теория «мнимых капиталов» и практические предложения по использованию «мнимых капиталов» государством для строительства железных дорог и других объектов инфраструктуры.

5. О налогах, страховании, государственном имуществе, резервных фондах (запасные капиталы), системе экономических ведомств государства.

6. О деградации деревни, сельского хозяйства. Критика реформы Столыпина. Об организации кредита деревне.

7. Об организации управления страной. Критика бюрократических методов управления. О ликвидации губерний и создании областей. Земское самоуправление. Модель народной монархии.

8. О состоянии нашей Церкви. О необходимости восстановления Патриаршества и преодоления последствий церковного раскола.

9. О приходе как «первичной ячейке» российского общества.

10. Еврейский вопрос в России.

11. Об экономической науке.

12. О семье и браке.

13. О внешней политике России и угрозе мировой войны.

14. Критика капитализма и социализма.

Как видно из перечня вопросов, ряд из них имеет прямое отношение к экономической жизни России. Пожалуй, никто из славянофилов не уделял вопросам экономики столько внимания, как Шарапов. Поэтому его совершенно справедливо называют славянофил-экономистом. Среди экономистов в России не было человека с более ярко выраженным славянофильским мировоззрением, чем Шарапов. Среди славянофилов не было человека с более ясным и профессиональным пониманием хозяйственных и финансовых вопросов, чем Шарапов.

С. Ф. Шарапов: особый взгляд на реформы в России во второй половине XIX века

Экономические идеи Шарапова, к сожалению, не были воплощены в жизнь при его жизни. А вот те преобразования, которые проводились в стране после революции (особенно в сталинскую эпоху), наводят на мысль, что наши хозяйственные и финансовые руководители были знакомы с идеями Шарапова и практически претворяли их в жизнь. Сегодня мы ломаем голову, как нам выбраться из тех экономических тупиков, в которые страна попала еще 20 лет назад. В таких же тупиках наша страна пребывала в конце XIX–начале XX в., и Шарапов разработал конкретную программу выхода страны из-под финансово-экономической зависимости от Запада, превращения России в мощную промышленную и сельскохозяйственную державу. Я уверен, что идеи Шарапова не утратили актуальности и в нынешних условиях. Полагаю, что всем патриотам и государственно мыслящим людям сегодняшней России надо ознакомиться с основными положениями экономического учения С. Ф. Ша-

рапова (с книгой Шарапова при желании можно ознакомиться на сайте Института русской цивилизации, где она выложена в электронном виде).

Временной точкой отсчета для своего анализа Шарапов определяет начало 1860-х гг. (он постоянно проводит сравнительный анализ того, что было до этого момента русской истории и что было после него). Шарапов вполне солидарен со многими другими авторами (не только славянофилами), которые связывали радикальные сдвиги в традиционном укладе русской жизни и изменения позиций России в мире с преобразованиями Александра II и его кабинета. Но Шарапов в отличие от большинства других авторов, которые говорили об отмене крепостного права и земельной реформе, фокусирует внимание на денежно-кредитной и финансовой реформе, которая происходила параллельно. Опуская детальный анализ указанной реформы, содержащийся в работах Шарапова, сформулируем лишь его окончательное заключение: *в результате финансовой реформы государство утратило контроль над денежным обращением в стране, а вследствие этого – и контроль над экономикой.*

Какие экономические идеи легли в основу реформ?

Начальный пункт экономических размышлений Шарапова: какими экономическими идеями пользовались государственные деятели тогдашней России? Кому эти идеи были выгодны? Почему эти идеи проросли на российской почве? Можно ли называть эти идеи «наукой»? Как достижения этой науки влияли на общественное сознание в стране? Каковы альтернативы разным официальным «теориям»? и т. д.

Финансовые реформы Александра II **начались** после прихода в министерство финансов в конце 1850-х гг. команды «молодых финансистов» В. П. Безобразова¹, Е. И. Ламанского² и других людей с «новым мышлением» (аналогов современных «реформаторов» Кудрина и Чубайса). Даже по современным меркам перестроенного времени они были действительно «молодыми»: им едва исполнилось 30 лет. Естественно, ни жизненного опыта, ни глубоких знаний у них еще не было. На вооружение ими были взяты *западные финансовые и экономические теории*, согласно которым рынок все «сделает сам». Как видим, экономический либерализм существовал и «правил умами» уже в те времена. Для того чтобы рынок эффективно функционировал, либералы твердили: «свободной игре рыночных сил» не надо мешать (в переводе на русский язык это означает: не мешать биржевикам и ростовщикам заниматься «рыночным разбоем»). Для этого, согласно канонам экономического либерализма, необходимо: а) чтобы государство минимально вмешивалось в экономику; б) чтобы в экономике не было «избытка» денег; в) что-

¹ *Безобразов Владимир Павлович* (1828–1889) – сенатор, академик, экономист и публицист из дворян Тверской губ. – Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 90, 91.

² *Ламанский Евгений Иванович* (1825–1902) – государственный и общественный деятель, предприниматель. В 1863 г. – один из учредителей Петербургского общества взаимного кредита. В 1867–1883 гг. был управляющим Государственным банком. Активно участвовал в создании фондового отдела Петербургской биржи. Являлся учредителем Московского купеческого и Сибирского торгового банков; состоял председателем совета Русского для внешней торговли банка и Волжско-Камского коммерческого банка. Акционер ряда компаний, в т. ч. Березовского золотопромышленного товарищества (под Екатеринбургом). Возглавлял 1-й съезд представителей обществ взаимного кредита и 1-й съезд представителей акционерных коммерческих банков. – Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 463.

бы на смену бумажным деньгам пришло золото, которое обеспечит автоматически снабжение экономики необходимым количеством денег. В самом начале реформ был учрежден Государственный банк Российской Империи (1861 г.), что соответствовало канонам западных финансовых теорий (при этом в некоторых странах Запада центрального банка еще не было – например, в США). Началась подготовка к переходу на золотой стандарт (а ведь его не было в то время даже в Европе, лишь одна страна – Англия – привязывала свое денежное обращение к желтому металлу). Наконец, началось размещение облигаций государственных займов на европейских биржах, Россия быстро начала накапливать внешний долг (забегая вперед, отметим, что накануне Первой мировой войны Россия заняла первое место в мире по объему внешнего долга).

В итоге Россия получила блестящий позолоченный фасад (на который обращают внимание некоторые современные авторы, ностальгически вспоминая, «какую Россию мы потеряли»). А вот другой стороной этого здания (или этой медали) стали кризисы, безработица, обезземеливание крестьян, бедность и социальная поляризация общества, контроль со стороны западных компаний над целым рядом отраслей российской экономики, быстро растущий внешний государственный долг, уничтожение отечественного товаропроизводителя в промышленности и сельском хозяйстве, хищническое изведение лесов и истощение почв и т. д. Вслед за этим следовало усиление контроля над российской экономикой со стороны европейской биржи и западных банков.

Несколько подробнее остановимся на оценках Шарповым так называемой «экономической науки», которой вооружились тогдашние реформаторы.

«Теория» конкуренции как экономическая версия социал-дарвинизма

В своей основной экономической работе «Бумажный рубль (Его теория и практика)» Шарапов обращает внимание на такой краеугольный камень западной экономической теории как *учение о конкуренции*. Как и сегодня, и 100, и 150 лет назад либералы твердили (ссылаясь на «авторитетов» в лице Адама Смита и Давида Рикардо), что конкуренция – «двигатель прогресса». Я не буду сейчас заниматься детальным критическим анализом этого положения (об этом можно прочитать в моей книге «О проценте: ссудном, подссудном, безрассудном»), а предоставлю слово Шарапову. Он называет конкуренцию *бесконечной борьбой эгоизмов*, причем эта борьба всех изматывает, обескровливает. Западная экономическая наука, с одной стороны, оправдывает и поощряет конкуренцию; с другой стороны, ищет какие-то способы и ухищрения избавиться от самых одиозных проявлений «борьбы эгоизмов»: «...высоко вознесшее и разнуздавшее хищное человеческое я» обратило «все стороны жизни цивилизованного человечества в огромную арену *бесконечной борьбы эгоизмов*¹. Эгоизмы эти то топят безжалостно друг друга, то, устав в борьбе и впадая в отчаяние, силятся путем холодной рассудочной спекуляции придумать такие нормы и рамки, при которых было бы возможно *кое-как жить*»². Далее Шарапов писал, что конкуренция захватывает все сферы и все уровни общественной жизни: «Управляемый *пользой*, экономический мир,

¹ Курсив мой. – В. К.

² Здесь и далее (если специально не оговорено) цитаты приводятся из работы «Бумажный рубль (Его теория и практика)» // Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 51–173.

по воззрениям западных экономистов, имеет могучим орудием борьбу индивидуальных эгоизмов между собой. В этой борьбе, носящей техническое название *конкуренции*, люди сами собой изощряются и придумывают все более и более совершенные орудия борьбы. Для большего успеха в деле люди сплачиваются в группы и союзы, удесятерят свои разрозненные силы и начинают бороться уже не человек с человеком, а группа с группой, общественный класс с классом, наконец, народ с народом».

В общем, получается «война всех против всех» (Гоббс). Шарапов совершенно справедливо отмечает, что конкурентная борьба не только не соответствует христианским принципам жизни, но прямо ведет к уничтожению христианской цивилизации. Уже в духовно-нравственной оценке Шараповым конкуренции содержится его отношение к капитализму: капитализм и Христианство несовместимы.

Конкуренция как «борьба эгоизмов» стала обыденным явлением даже в российской жизни, люди перестали чувствовать противоестественность этой борьбы, особенно после того как рыночный разбой получил оправдание и обоснование в виде соответствующих правовых норм: «Ясно, что ум мыслителей, окруженный в жизни, в вере и в науке одной борьбой, не мог не перенести ее и в область экономики, где борьба совершается вполне открыто на глазах зрителя, где сильный рвет у слабого, может, торжествуя и радуясь, что непосредственные, ближайшие, по крайней мере, формы борьбы облечены в совершенно приличную оболочку, что нет ни грубого насилия, ни стонов, как в те времена, когда сильные брали слабого за горло. Теперь та же или, может быть, еще более ужаснейшая борьба совершается без воплей и стонов. Утром заглянули в газету, в полдень написали на бумажке несколько цифр – к ве-

черу часть имущества, а иногда и все имущество одного самым несправедливым по существу образом перешло к другому. Жаловаться некому и не на кого. Вас ограбил не Петр, не Иван, не разбойник рыцарь, вас ограбила биржа, ограбил неизвестно кто, вас раздавила невидимая рука, одетая в мягкую перчатку “правового порядка”».

Западная цивилизация выпустила из бутылки «джина эгоизма» (или «джина индивидуализма»), а обуздать его никак не может. «Раскупоривали бутылку» с этим «джином» европейские философы, «просветители», экономисты и социологи (яркий их представитель – *Иеремия Бентам* с его теорией «утилитаризма»). Кажется, европейские «ученые» сами в душе ужасаются тем последствиям, которые к этому привел, приводит и будет приводить «джин эгоизма». Западная наука в полной растерянности, и ей ничего не остается, как «делать хорошую мину при плохой игре»: оправдывать свои теории «благотворного» влияния «борьбы эгоизмов» на общество и человека и предлагать какие-то бесполезные «примочки» для зараженного смертельным вирусом «эгоизма» и «индивидуализма» западного общества.

Вот что по поводу кризиса и полной беспомощности западной «науки» пишет Шарапов: «Куда ни взглянешь, повсюду человеческая мысль упирается в отчаяние и небытие. Религия выродилась в атеистический материализм, философия – в пессимизм, государственность – в анархизм, этика – в проповедь чистейшего эгоизма, экономика – в *формальное торжество хитрости и силы, с одной стороны, рабства, нищеты и неугасимой ненависти – с другой*¹». В приведенном отрывке перечисляются основные черты экономики западной цивилизации:

а) использование хитрости (обмана) и силы;

¹ Курсив мой. – В. К.

б) рабовладельческий ее характер (если не де-юре, то де-факто);

в) нищета как результат систематической эксплуатации наемных рабов;

г) ненависть как наиболее яркое проявление «борьбы эгоизмов».

Примечательно, что все эти свойства капитализма западная экономическая «наука» замалчивает, ретуширует или оправдывает.

Очень немногие русские экономисты осмеливались выступать против ключевого догмата западной экономической науки – конкуренции как «двигателе прогресса». Один из них – Ю. Г. Жуковский¹. Он отмечал, что опыт Западной Европы и Северной Америки свидетельствует лишь о разрушительном влиянии конкуренции: «Конкуренция ведет только к лишним тратам сил и богатств, к взаимному обману, плутовству, наживе незаконными средствами, не к удешевлению товаров, а к их фальсификации»². Впрочем, отмечает Жуковский, конкуренция неизбежно ведет к монополии, а это не меньшее зло для общества: «вся наша торговля у монополистов – бесконтрольных и дорого стоящих обществу»³.

Многие думающие люди в России подчеркивали, что конкуренция – не столько созидаящая, сколько разрушающая сила. Более того, «короли биржи» (выражение С. Ф. Шарапова) заинтересованы в том, чтобы разрушений было как можно больше, поскольку разрушения (банкротства) ведут к перераспределению богатств в пользу немногих капиталистических «акул».

¹ Жуковский Юлий Галактионович (1833–1907) – экономист, литератор. Управляющий Государственным банком (1889–1894), сенатор.

² Цит. по: Жуковский Ю. Г. // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 332.

³ Там же.

Еще один из наполеоновских маршалов остроумно заметил: «*Политика англичан – это естественная история акул. Подкарауливая кораблекрушения, они никогда не чувствуют себя лучше, чем после изрядного урагана*»¹. Скорее всего, маршал имел в виду геополитические «кораблекрушения», которыми пользовались коварные англичане. Но не в меньшей степени можно говорить и об экономических «кораблекрушениях», которые становятся настоящим праздником для «акул» капиталистической биржи. «Акулы» биржи не только пользуются «кораблекрушениями» в экономике, но они эти «кораблекрушения» и создают. И важнейшим средством создания экономических «кораблекрушений» становятся деньги, выпуск которых оказывается в их руках.

О теории и практике «государственного невмешательства»

Во многих своих произведениях С. Шарапов обращает внимание на «заразу» *экономического либерализма*, которая поразила Россию. По сути, теоретическое обоснование конкуренции как движущей силы хозяйства (теорию, которые мы выше рассматривали) – одна сторона медали, называемой «экономическим либерализмом». Другая сторона этой медали – теория невмешательства государства в хозяйственную жизнь, т. е. упование на то, что «рынок сам все сделает». Для этого государство должно исполнять роль «ночного сторожа»: заниматься общественным порядком, правосудием, обороной и т. п., но в экономику не вмешиваться, чтобы не внести искажение в действие рыночных механизмов.

¹ Цит. по: *Шмаков А. С. Международное тайное правительство.* – Таллинн, 1999. – С. 66.

Другими словами,, во-первых, не заниматься самостоятельной хозяйственной деятельностью; во-вторых, не регулировать и не контролировать деятельность частного бизнеса. Максимум, что дозволяется государству в части, касающейся хозяйства, – взимать налоги в казну и (при определенных условиях) ограждать внутренний рынок от иностранных конкурентов с помощью импортных пошлин¹. Наиболее последовательные экономические либералы настаивали даже на том, что выпуском (эмиссией) денег должно заниматься не государство, а частные корпорации. Экономический либерализм берет свое начало от английской политической экономии.

Основоположником *английской политэкономии* принято считать *Адама Смита* (1723–1790). Он полагал, что система, основанная на естественной свободе индивида, свободе рынка и конкуренции, ведет к благосостоянию народа. В свободной конкуренции корыстолюбивых индивидов он видит источник экономического роста, социального порядка и общественного блага. Индивидуализм ведет не к хаосу, а к порядку и процветанию. В своем труде «*Богатство народов...*» Смит высказывает мысль, что рынок регулируется самостоятельно в процессе конкуренции частных товаропроизводителей и через него лежит путь к экономическому росту и изоби-

¹ «Либерализм (лат. *liberalis* – свободный) – социально-политическое учение и общественное движение, основной идеей которого является самодостаточная ценность свободы индивида в экономической, политической и других сферах жизни общества. Впервые либералами называли группу людей, готовивших текст конституции в Испании (1812). В Европе понятие *Л.* связано с классическими теориями английских политэкономов, в которых развивалась мысль о невмешательстве государства в экономику. *Л.* выступал за развитие личной инициативы индивидов, свободу торговли, свободное ценообразование и оплату труда, которые образуются в процессе конкуренции между товаропроизводителями на рынке...» (*Грицанов А. А.* Либерализм // *Новейший философский словарь*).

лию. Другой представитель английской политической экономии *Давид Рикардо* (1772–1823) увидел в накоплении капитала пружину экономического роста. Экономическая политика должна быть направлена на то, чтобы способствовать такому накоплению. Он был убежден, что экономическая свобода содействует получению максимальных прибылей, которые могут стать основным источником инвестируемого капитала. Предпринимательство ведет к максимальному экономическому росту, ибо прибыль составляет основу накоплений, которые необходимы государству для развития. Английская политэкономия стала уже весьма популярной среди аристократии и образованных слоев населения России в первой половине XIX века. Об этом, кстати, мы можем судить по роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Например, главный герой Евгений Онегин увлекался модным тогда учением Адама Смита:

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита.

Наверное, из таких скучающих и легкомысленно увлекающихся западным либерализмом молодых людей типа Онегина потом и появлялись «молодые финансисты», о которых писал С. Шарапов в работе «Бумажный рубль (Его теория и практика)».

Юношеские увлечения либерализмом были небезобидны: вчерашние юноши приходили в государственные министерства и ведомства и проявляли полное бездействие, полагая это «нормой» жизни. Разрушительные последствия доктрины «государственного невмешательства» стали особенно бросаться в глаза, когда в России начались реформы Александра II. Эти реформы сдвинули страну с «мертвой точки», вызвали достаточно бур-

ные экономические и социальные процессы и не вполне прогнозируемые их последствия – процессы, которыми надо было управлять, но которыми государство не управляло. Именно это больше всего удивляло и возмущало Шарапова – еще задолго до того, как он приступил к написанию работы «Бумажный рубль...». За 10 лет до этого Шарапов (под псевдонимом Тарлицкий) опубликовал статью «Что нужно прежде всего для нашего экономического возрождения?»¹, в которой он как никто до него со всей остротой поставил вопрос о необходимости всестороннего и постоянного государственного управления народным хозяйством. Начинает он издали: с известного и печального факта разделения России на две части. Первая часть – «Россия официальная, мнимая, но всепоглощающая и всезаслоняющая». Вторая часть – «Россия подлинная, народная, служащая лишь фундаментом первой, ее корнями». Это не просто разные части, они между собой почти не общаются: «Между этими верхами и корнями нет никакой творческой, живой и деятельной связи, никакого разумения». Все правильно. Об этом говорил не только Шарапов, но и многие народники и славянофилы. Но Шарапов дает объяснение такого разъединения двух частей России, которое до него никто не давал: «И подобное гибельное недоразумение опирается ни больше ни меньше как на целую, якобы научную доктрину, проповедующую невмешательство государства в экономическую жизнь народа!».

И российская правящая верхушка, которая восприняла указанную доктрину, оказалась «святей Папы Римского», т. е. реализовывала ее на практике более последовательно, чем Запад, откуда она пришла: «Как бы

¹ *Тарлицкий*. Что нужно прежде всего для нашего экономического возрождения? // Русь. – 1885. – №10, 12 (современное переиздание статьи см.: *Базулин Ю. В.* Указ. соч. – С. 45–54).

ни были различны взгляды на широту прав и задач государства, нигде, кроме России, нет со стороны последнего такого полного отречения от своих существеннейших обязанностей в отношении народного хозяйства. Даже в странах, где принципом государственной деятельности поставлен экономический либерализм, строго и систематически проводимый, никогда государство не отрекалось от положительного творчества в области народного труда. Государственная власть в Англии при полном и безусловном признании свободы личной инициативы и почина более, чем где-либо, служила народному хозяйству. Сила личного почина совокуплялась там всегда с мощью почина государственного, взаимно укрепляя друг друга. Государство направляло все свои силы, всю политику к открытию новых рынков, к облегчению и развитию частной предприимчивости, к защите английского хозяйственного интереса. То же в большей или меньшей степени встречаем мы повсюду, от стран самых просвещенных и до стран самых диких».

С момента написания этих строк Шараповым прошло 127 лет. А такое ощущение, что все сказанное относится к современной России. Уже два десятилетия у нас идут непрерывные экономические «реформы» под флагом «либерализма». Государство сворачивает свое прямое присутствие в экономике, проводя массовые приватизации государственных предприятий, переходящих в руки спекулянтов и иностранцев. Государство снижает долю федерального бюджета в перераспределении национального дохода. Государство отказывает работникам наемного труда в защите их интересов перед натиском корпораций-работодателей. Государство отказывается от регулирования цен и тарифов. Государство не желает более защищать отечественного товаро-

производителя (власти объявили о вступлении России во Всемирную Торговую Организацию, что означает ликвидацию таможенных пошлин, ограждающих российский рынок от импорта). Государство отказывает отечественному товаропроизводителю в дешевых кредитах и толкает его в смертельные объятия международных ростовщиков. Наконец, государство не бросает отечественному товаропроизводителю «спасательный круг» во время кризисов. В общем, государство в России последовательно снимает с себя многочисленные обязанности в сфере экономики согласно канонам так называемого «Вашингтонского консенсуса» (доктрина «экономического либерализма», разработанная в Международном Валютном Фонде в конце 1980-х гг. специально для стран периферии мирового капитализма и последовательно навязывавшаяся им Фондом).

А вот на Западе о теориях «государственного вмешательства» порой полностью забывают. Особенно во время острых экономических кризисов. Так, во время последнего финансового кризиса в США казначейство бросило банкам Уолл-стрит «спасательный круг» в виде 800 млрд. долл. А это, между прочим, деньги американских налогоплательщиков. Это не просто отход от доктрины экономического либерализма. Это, как признают некоторые американские эксперты, самый настоящий «банковский социализм»¹. Государственный бюджет используется не только для строительства «банковского социализма», но также в качестве кормушки для многих крупнейших корпораций, получающих государственные заказы (регулярно, а не только во время кризисов). Такие корпорации давно за-

¹ Подробнее см.: *Катасонов В. Ю.* Гл. 13. Как ростовщики борются с банковскими кризисами // *О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации».* Кн. 1, 2.– М., 2011.

были, что такое конкуренция и рынок. Они живут при так называемом государственно-монополистическом капитализме, когда происходит сращивание государства и крупного бизнеса¹.

О государственной бюрократии и пренебрежении отечественным опытом

Но вернемся к дореволюционной России, разделенной на две части, два народа. Со времен Петра I «русское государство все более и более изолировалось. Между Царем и народом возрос официальный государственный строй, работавший все время для *отвлеченной идеи государства*² и никогда не имевший в виду живого народа. Сложились учреждения – органы этой государственной идеи, работавшие для нее с большим или меньшим успехом. Возникла обширная, разветвленная бюрократия, совершенно заслонившая собой русский народ».

Такое изолированное и «самодостаточное» существование государственной бюрократии было еще терпимо в России крепостной. После начала реформ Александра II все общество пришло в движение: «Насильственный, но привычный союз помещика с крестьянами лопнул, и каждая сторона должна была искать новые экономические формы для своего труда». Помещикам не оставалось ничего другого, как превращаться в предпринимателя-капиталиста. А крестьянин мог себя реализовать лишь как наемная рабочая сила. Но самостоятельно себя реализовать в новых условиях толком не мог ни помещик, ни крестьянин. И все это

¹ Подробнее см.: *Катасонов В. Ю.* Гл. 28. Корпоратизм как современная форма «денежной цивилизации» // Указ. соч.

² Курсив С. Шарапова.

еще совпало с переворотом в области техники и промышленности: «Железные дороги, телеграфы, газеты, крупные фабрики, таможенная война, погоня более передовых в промышленности наций за новыми рынками – все это обрушилось сразу на Россию и застало ее буквально врасплох».

Казалось бы, в этих условиях на помощь растерявшимся помещикам и крестьянам, становящимся на ноги российским предпринимателям, всему народу, нуждающемуся в железных дорогах и других достижениях технической цивилизации, должно прийти государство с его денежной казной, дешевым кредитом, защитительным таможенным тарифом, казенными заводами и компаниями, рабочим законодательством и т. д.

А что было на самом деле? Шарапов писал: «Официальная Россия в ужасе замахала руками и под влиянием господствовавших теорий стала открешиваться от всякого вмешательства в народное хозяйство. Россия живая – крестьяне, помещики, горожане, промышленники, торговцы – была выдана с головой новому движению и должна была бороться и приспособливаться, как умела».

Далее Шарапов отмечает, что русскую историю XIX века с точки зрения отношения государства к народному хозяйству можно разделить на два периода: а) до-реформенный; б) послереформенный.

Первый период выражается «в покровительстве народному труду, пусть даже только механическом – посредством высоких таможенных пошлин, высокого налога на путешественников, внешнего упорядочения государства, умной и бережливой финансовой политики». Особенно такое государственное покровительство проявлялось при Николае I.

Второй период – «эпоха великих социальных и гражданских реформ, эпоха огульного и беспощадного

отрицания всего прошлого. Вместе с «либерализмом» политическим воцарился «либерализм» экономический. Увлеченное бурным потоком «прогресса», правительство делало лишь одно – противоположное идеалам и задачам минувшего тяжелого, но экономически умного царствования. Место серьезных министров-хозяев, вроде Канкрин¹, Киселева², заняли совершенно легкомысленные люди, отрицавшие даже саму идею руководства народным трудом и хозяйством³. Управление перестало существовать».

В одной из своих поздних работ «*Финансовое возрождение России*» (1908) Шарапов еще раз с прискорбием констатирует, что сложившаяся в стране финансовая система построена на заимствованных теориях, которые не учитывают особенности русского человека: «Русская финансовая система взяла себе в основание не русскую науку, не данные русской психологии и экономии, а случайные теории, возникшие в странах иного экономического склада и на почве иных экономических данных»⁴. Почему-то вспоминаются слова

¹ *Канкрин Егор Францевич (Георг Людвиг)* (1774–1845) – выходец из Германии. Русский государственный деятель, граф, министр финансов (1823–1844 гг.). При нем была проведена финансовая реформа (1839–1844 гг.), установившая систему серебряного монометаллизма и приведшая к замене ассигнаций кредитными билетами. На посту министра финансов его сменил *Вронченко Федор Павлович* (1844–1852). – В. К.

² *Киселев Павел Дмитриевич* (1788–1872) – государственный деятель, граф, министр финансов (1837–1856), Посол России во Франции (1856–1862). Похоронен в Донском монастыре. – В. К.

³ Отметим, в частности, что во время царствования Александра II Министерство финансов возглавляли Брок Петр Федорович (1852–1858); Княжевич Александр Максимович (1858–1862); Рейтерн Михаил Христофорович (1862–1878); Грейг Самуил Алексеевич (1878–1880); Абаза Александр Агеевич (1880–1881). – В. К.

⁴ *Шарапов С. Ф.* Финансовое возрождение России (Доклад, прочитанный в заседании Русского Собрания в Петербурге 9 марта 1908 г.). // *Шарапов С. Ф.* Россия будущего. – С. 206.

из рассказа Николая Лескова (1831–1895) «Железная воля»: «Что русскому хорошо, то немцу смерть; и наоборот». Не исключаю, что идея рассказа могла быть подсказана писателю окружающей жизнью, когда «благородные» сословия в России стали во всем подражать европейцам (хотя в центре его рассказа – немец, живущий в России).

Вот и сегодняшние наши «реформаторы» делают все «противоположное идеалам и задачам прошлого минувшего тяжелого, но экономически умного» периода нашей истории. Речь идет о минувшем советском периоде, когда экономическая функция государства была ярко выражена и проявлялась в планировании народного хозяйства, надежной защите советской экономики от хищных устремлений международных корпораций, регулировании цен и тарифов, освоении природных богатств Севера, Сибири, Дальнего Востока, поощрении научно-технического прогресса, поддержании военно-промышленного потенциала страны и т. п. Сегодняшние власти Российской Федерации стараются замалчивать опыт управления народным хозяйством в советский период, поскольку любое сопоставление того времени и нынешнего – не в их пользу.

В дореволюционной России в ее столице Санкт-Петербурге министерств и ведомств расплодилось множество. При этом ни одно из них за народное хозяйство в целом, как пишет Шарапов, не отвечало: «В государственном механизме России не хватает малого: нет органа, которого прямой задачей являлась бы забота о народном хозяйстве, руководство народным трудом, защита национально-экономических интересов! Вести народное хозяйство, иметь ясный план русской промышленной деятельности, поднимать голос за русский национальный интерес – попросту оказывается

некому, даже при том непомерном избытии ведомств и начальств, которым поистине *болеет* Россия».

Вот и сегодня в Российской Федерации имеются различные министерства: финансов, экономики, промышленности и энергетики, сельского хозяйства, регионального развития и др. Плюс к этому Банк России. Но за развитие в целом никто не отвечает. Одно ведомство «борется с инфляцией», другое – отвечает за «удвоение ВВП», третье – обеспечивает «инвестиционный климат» и т. д. А реальное отечественное производство гибнет, цены растут, безработица на высоком уровне, народ нищает, страну лихорадят постоянные кризисы. Уже не приходится говорить, что отсутствует «ясный план русской промышленной деятельности». И это при том, что у нас накоплен уникальный опыт средне- и долгосрочного планирования народного хозяйства в течение нескольких десятков лет¹.

Вновь возвратимся к дореволюционной России. Шарапов отмечал, что отсутствие минимальной заботы о народном хозяйстве со стороны бюрократического государства привело к тому, что благополучие официальной (бюрократической) России оказалось под угрозой: «Наша финансовая политика, имеющая единственной задачей – отыскивать во что бы то ни стало средства для удовлетворения официальной России, становится в тупик. Средства истощены, плательщик разорен, долгов накопилось столько, что делать новые уже не имеет смысла. Русскому государству грозит то же истощение

¹ Первый долгосрочный план был принят в декабре 1920 г. Это был план ГОЭЛРО, рассчитанный на 10–15 лет. Он был направлен на развитие не только электроэнергетики, но всего народного хозяйства страны. Таким образом, советский опыт планирования экономики насчитывает более 70 лет. После Второй мировой войны многие экономически развитые страны (Германия, Франция, Япония, Голландия и др.) изучали и практически использовали этот опыт.

сил, которым страдает и русский народ; правительство пришло к сознанию, что заботу о народном хозяйстве сложить с себя нельзя, что волей-неволей нужно что-то сделать для народного труда и хозяйства». В общем, бюрократическое государство с ужасом увидело, что сук, на котором оно сидит, им же подрублен. Ситуацию надо срочно спасать. Напомним, что Шарапов об этом писал в 1885 г. Как же государственные чиновники стали спасать ситуацию (вернее, самих себя)? Они выбрали самый простой путь: привлекать в Россию иностранный капитал, который будет за правительство «поднимать» и «развивать» народное хозяйство, не думая при этом о последствиях подобного привлечения в страну «капиталистических варягов».

Сегодняшние наши власти, послушно и последовательно проводя политику «экономического либерализма», делают то же самое: они «привлекают иностранные инвестиции», т. е. окончательно подрубают сук, на котором сидят. Как говорится: «История учит, что она ничему не учит». В России это особенно справедливо в отношении тех, кто прилежно выучивает западные экономические теории.

О ядовитых плодах западной финансовой науки

Наиболее важной частью западной экономической «науки», по мнению Шарапова, является *финансовая наука*. Финансовая «наука» современности подобна военной науке. Обе изобретают новые орудия борьбы. Та финансовая «наука», которую взяли на вооружение российские «молодые финансисты», была, однако, предназначена не для укрепления позиций России, а, наобо-

рот, для того, чтобы Запад сумел одержать победу над нашей страной. В работе «Бумажный рубль...» Шарапов писал: «В экономике, основанной на борьбе, часть ее, финансовая наука, является совершенно последовательным орудием борьбы. Подобно тому, как военные техники с величайшей быстротой изобретали в последнее время все ужаснейшие орудия разрушения, западная финансовая наука, развиваясь неумолимо последовательно в одну сторону, выковывала наиболее совершенное орудие для экономической борьбы, переводила эту борьбу с маленького единоборства какого-нибудь сапожника с потребителем или ростовщика с должником на борьбу Ротшильда с целым человечеством, на борьбу мира англо-саксонского с германским из-за рынков для мануфактур или на борьбу Америки с Россией из-за золота и пшеницы».

Мысли С. Шарапова о «военной» западной финансовой функции перекликаются с размышлениями близкого к славянофилам русского предпринимателя Василия Кокорева. В книге «Экономические провалы» (1887)¹ он писал о славной русской истории и говорил, что Петр Первый сначала на поле боя терпел поражения. Но затем смог «к удивлению всей Европы заявить такой исполинский рост военной силы, что после присоединения Крыма и побед на Альпах, в Польше и Финляндии, через 100 лет от времени Нарвского поражения мы вступили в Париж победителями и даровали всей Европе мир и освобождение от порабощения Наполеоном I. Мы вырастали в военном деле на почве незыблемого сознания своего будущего великого назначе-

¹ Современное издание книги: *Кокорев В. А. Экономические провалы: по воспоминаниям с 1837 года.* – М., 2005. Указанная работа размещена в Интернете. В сокращенном варианте работа имеется также в следующем источнике: *Платонов О. А. Русская экономика без глобализма.* – М., 2005.

ния и на силе духа, верующего в народную мощь; но в деле финансов после каждого поражения мы, наоборот, падали духом и, наконец, до того приубожились, что во всех действиях наших выражалось постоянно одно лишь *рабоподражательное снятие копий с европейских финансовых систем и порядков*¹. Продолжая идти этим путем, мы утратили уважение к самим себе и веру в самих себя»². «Финансовая война против России настойчиво ведется Европой с начала 30-х годов; мы потерпели от европейских злоухищрений и собственного недомыслия полное поражение нашей финансовой силы», – развивает свою мысль Кокорев³.

Итак, едва Россия пришла в себя от войны с Наполеоном, как Европа опять ополчилась против России, причем оружие было применено совершенно новое, неизвестное русскому человеку и даже государственным мужам. Это и не удивительно: к этому времени Европа уже полностью встала на путь капитализма, всем правили короли биржи и банкиры-ростовщики, а у них главным орудием борьбы были не пушки и снаряды, а кредиты и деньги. Говоря о *«собственном недомыслии»*, Кокорев имел в виду, прежде всего, легкомысленное восприятие государственными деятелями России западных финансовых теорий, предназначенных не для укрепления, а для ослабления государственной мощи нашей страны.

Справедливости ради следует отметить, что Кокорев на несколько лет раньше Шарапова стал громко и энергично обличать западную экономическую и финансовую науку. Не исключено, что именно Кокорев, которого называли «экономическим славяно-

¹ Курсив мой. – В. К.

² Платонов О. А. Русская экономика без глобализма. – С. 329.

³ Там же. – С. 328.

филом», подвиг Шарапова на размышления о том, какой должна быть денежная система в русском самодержавном государстве. Кокорев особенно акцентировал внимание на том, что западные финансовые теории загоняли Россию в долговую кабалу западным ростовщикам. Кокорев отмечает, что «новые финансисты» эпохи Александра II «сговорились с нашими западными завистниками и стали соединенными силами... проводить идею... о невозможности Верховной Власти разрешать – без потрясения финансов – печатание беспроцентных денежных бумажных знаков на какие бы то ни было производительные и общепользные государственные потребности... Мы могли бы на эти деньги построить дома у себя, все нужные для железнодорожного дела заводы; но мы, неизвестно почему и зачем, не решились отступить от исполнения чужеземного догмата, вовсе не подходящего к образу Всероссийского правления, и *всецело подчинились указаниям заграничных экономических сочинений*... Теперь... мы взвалили на народную спину такой долг по платежу, который поглощает почти треть из общего итога государственных доходов... *Вот вам и теория, вот вам и плоды каких-то иностранных учений и книжек!.. Извольте-ка теперь тянуть лямку платежей, в которую запряжена Русская жизнь лжемудрою теорией на целые полвека*»¹.

Ядовитые плоды применения в России западной финансовой «науки» стали созревать достаточно рано. Шарапов пишет: «Финансовая наука выдвигает свои законы, а жизнь им совершенно противоречит. Финансовая наука на основании своих умозрений рекомендует те или иные меры, жизнь их отвергает. Наконец, финансовая наука предсказывает явления, вычисляет их

¹ Платонов О. А. – С. 332. Курсив мой. – В. К.

и соотносит, а в действительности получается совсем другое, иногда прямо противоположное».

По мнению Шарапова, и за пределами России были умы, которые предлагали альтернативные модели финансового устройства, но в России их теории (и даже имена) замалчивались либо оплевывались. В числе экономистов и государственных и общественных деятелей, которые приближались к пониманию того, как должна быть построена финансовая система, Шарапов в работе «Бумажный рубль...» называет финансиста-практика XVIII века *Джона Ло* (сочинения которого плохо поняты и почти полностью забыты, а облик Джона Ло даже в современной России демонизирован и искажен)¹; некоторых *социалистов-утопистов* (без упоминания конкретных имен); немецкого экономиста *Фридриха Листа* (как впервые признавшего великую роль нравственного начала в экономической науке); *Адольфа Вагнера* (специально посвятившего России огромный труд, «долгое время считавшегося чем-то вроде финансового у нас Евангелия»); *Робертуса* («к сожалению, только наметившего истинные законы денежного обращения в своей знаменитой книге “Исследования в области национальной экономики классической древности”, но отнюдь их не разрешившего»).

Не наука, а «гимн золоту»

В работе «Бумажный рубль (Его теория и практика)» С. Шарапов пишет: «Если бы кто-нибудь вздумал действительно научным образом изложить и осветить западные финансовые теории, он убедился бы с первого

¹ Кое-что о Дж. Ло можно найти в моей книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном». Кн. 1. – С. 187–188.

шага, что на Западе денежной теории *вовсе нет*, а есть теоретические рассуждения *о золоте как деньгах и о замещающих их суррогатах*.

Шарапов заостряет внимание читателей на золоте, поскольку указанная работа преследует двоякую цель: с одной стороны, представить проект здоровой денежной системы для России; с другой стороны, предотвратить переход страны к золотому рублю, который готовил тогдашний министр финансов С. Ю. Витте. В связи с этим Шарапов и анализирует господствовавшие в Европе финансовые теории, которыми со временем заразились правящие круги России. И приходит к выводу, что это не научные теории, а лишь средства одурачивания и закрепощения народов теми, кто сосредоточил золото в своих руках.

Шарапов делает очень парадоксальное утверждение (парадоксальное для тех, кто учился по общепринятым учебникам экономики): *золото – лишь товар, но не деньги; в полном смысле деньгами золото никогда не было*. Это заявление диаметрально противоположно принятому в финансовой «науке» мнению, что самыми лучшими деньгами является золото: «С самых отдаленных времен, после перехода античного мира с его натуральным хозяйством к хозяйству денежному, лучшими и почти единственными деньгами считалось золото. Оно действительно с большим удобством исполняло роль денег. Но в сущности это были не деньги, а был “всем нужный товар”, разделенный на точные весовые количества. Понятие о деньгах, совершенно отвлеченное, было привязано, воплощено в металлическом кружке такого-то веса. Таким оно осталось и в наши дни: отвязать, освободить его не пыталась вовсе западная финансовая наука.

При всех неудобствах золота при явной кабале, в которую *только ради золота* впадают иногда целые государства, оно давало единственную, но очень важную гарантию: прибавить по производству золота было почти нельзя, в природе его немного, наличное все размещено в чью-либо собственность, следовательно, никакое злоумышление правительства не может нарушить естественного уровня цен; накопивший золото всегда богач, ибо невероятно, чтобы вдруг были открыты слишком обширные залежи золота и оно, сразу прибавившись в количестве, упало бы в цене.

Все это соображения очень веские, но с наукой ничего общего не имеющие».

В этом отрывке важными являются слова «*накопивший золото всегда богач*». Это соображение, действительно не имеющее отношения к науке, но практически важное. Можно сказать, что *золото – богатство номинальное или потенциальное*. Само по себе золото *реальным богатством* не является (вспомним историю про *царя Мидаса*) и *нового реального богатства* не создает. Но в руках тех, кто его накопил, золото становится *средством перераспределения уже созданного реального богатства в свою пользу*. Такова *тайна золота*, и те, кто ее не знает, становятся рабами тех, кто обладает золотом (Шарапов пишет о том, что целые государства впадают в кабалу только ради золота). Если тайна будет раскрыта, то золото потеряет силу. Вот хозяева золота и создают финансовую «науку». «Наука», которая всем людям внушает, что самое истинное богатство – золото, а государствам, что самые настоящие деньги – золотые.

Шарапов приводит в «Бумажном рубле...» иностранную выдержку из книги И. Кауфмана¹, посвящен-

¹ Кауфман И. И. Кредит, банки и денежное обращение. – СПб., 1873.

ную описанию золота (на трех страницах). Коротко об авторе. Кауфман Илларион Игнатьевич (1848–1915) – российский экономист, профессор финансового права Петербургского университета. Как член Совета Государственного Банка участвовал в разработке денежной реформы С. Витте. Многие авторы считают Кауфмана основным разработчиком реформы. Современный исследователь дореволюционной экономической мысли пишет, что период творчества Кауфмана «совпал по времени с очередной волной российских либеральных реформ. Этот виток “перестройки” можно назвать буржуазным... Это, конечно, не могло не сказаться на его творчестве... В этом либеральном процессе И. И. Кауфману досталась роль “агитатора и пропагандиста” капиталистических отношений»¹.

Итак, приводим начало указанной выдержки: «Богатство, принявшее форму золота и серебра, воплотившееся в драгоценно-металлическом теле, может всего более сохраняться, всего менее бояться разрушительного влияния времени, всего менее ему подчиняться и, напротив, само всего более над ним господствовать. Но золотое и серебряное тело сверх того имеет то преимущество, что оно одинаково предлагает свои услуги большому и малому богатству: золото и серебро почти до бесконечности делимы и потому могут в себе воплощать богатства самых разнообразных размеров...». Кончается эта пространная цитата следующим: «Драгоценные металлы ставят обладателя ими в центральное положение, равно удаленное от всех пунктов, к которым ведет экономическое движение, и, стало быть, дающее возможность достигнуть с наибольшей скоростью... Всякий, кто обменивает свои товары или оказываемые им услуги на драгоценные металлы,

¹ Базулин Ю. В. Указ. соч. – С. 238–239.

становится через то в центр самого обширного круга, в котором он скорее всего может достигнуть каждого из его периферических пунктов». Примерно в том же восторженном духе писали о золоте и драгоценных металлах авторы других российских учебников по деньгам и кредиту во времена Шарапова¹.

Шарапов называет это описание «*поэтическим гимном золоту*», выражающим отношение евреев к желтому металлу: «Если мы припомним историю еврейского народа после его рассеяния, его психологию с основной чертой грубой *утилитарности* и стремлением к грубому же материальному владычеству над всем остальным человечеством, мы поймем своеобразную поэзию этих великолепных строк»².

Золото, денежная система, основанная на золоте, по мнению Шарапова, – средство реализации стратегических устремлений еврейского народа, которое способствовало нравственному падению всего человечества: «Вот оно, уже не только деловое, но чисто философское выяснение роли и значения золота³. Безграничная свобода и, прибавим, безграничная власть капитала – капитала, не знающего ни родины, ни нравственных законов, – таков еврейский миродержавный идеал. И этот идеал, эта власть путем основанной на золоте денежной системы открыто провозглашены и могущественно легли над миром». Фактически в этих

¹ Да что там дореволюционные учебники! Мне пришлось в конце 1960-х гг. учить политическую экономию капитализма по известному старшему поколению учебнику Э. Я. Брегеля. Там про золотые деньги говорилось примерно то же самое, что и у Кауфмана. Хотя золотой стандарт (в его усеченной, золотодолларовой модификации) доживал уже последние годы.

² Из книги Кауфмана. – В. К.

³ Речь идет о «гимне золоту», содержащемся в книге Кауфмана. – В. К.

строках Шарапов раскрыл духовно-религиозные корни современного капитализма¹.

Мысль Шарапова о еврейском авторстве «гимна золоту» позднее была развернута и углублена последователями С. Шарапова, в частности русским монархистом *Н. Е. Марковым*²: «Но все, что исходит от еврейства, неизменно сохраняет особый – чисто еврейский – дух одностороннего расового утилитаризма. Даже отвлеченные понятия о добре и зле в еврейском представлении претворяются в утилитарные понятия пользы и вреда... пользы и вреда для евреев. *Это до того верно, что в еврейском языке вовсе нет слов добро и зло, а те слова, которые должны выражать эти понятия, по существу означают польза и вред*³. Хорошо все то, что полезно для еврейства, и наоборот – таков склад еврейского ума и еврейской совести»⁴.

Соответственно экономическая (и финансовая) «наука», навязанная человечеству мировыми ростов-

¹ Через девять лет после работы «Бумажный рубль (Его теория и практика)» Шарапова вышла книга немецкого социолога *Макса Вебера* «Протестантская этика и дух капитализма» (1904), в которой была предпринята попытка раскрыть духовно-религиозные корни капитализма. М. Вебер связывал происхождение капитализма с протестантизмом, что является достаточно поверхностным объяснением. С нашей точки зрения, Шарапов в лаконичной форме дал более глубокое объяснение происхождения капитализма.

² Марков Николай Евгеньевич (Марков Второй; 1866–1945) – русский политик правых взглядов и публицист, потомственный дворянин. Один из учредителей Курской народной партии порядка, которая впоследствии вошла в Союз Русского Народа. В 1905–1917 гг. издавал газету «Русское знамя»; с осени 1915 г. – также «Земщину». Депутат Государственной Думы III и IV созывов от Курской губ. Монархист, один из лидеров черносотенцев. С 1910 г. – председатель Главного совета Союза Русского Народа.

³ Курсив мой. – В. К.

⁴ *Марков Н. Е.* Русские деньги. // Войны темных сил. Статьи 1921–1937. – М., 2002. – С. 421.

щиками (носителями еврейского духа), оперирует понятиями пользы и вреда, выгоды и убытка, коммерческой эффективности и рентабельности и начисто лишена понятия добра и зла, апеллирует к эгоистическому чувству, а не совести. Марков фактически подтверждает мысль Шарапова о том, что пришедшая в Россию так называемая финансовая «наука» абсолютно чужда духу русского человека: «В области обмена ценностей, торгового оборота и в особенности в области финансовых ухищрений евреи всегда обладали выдающимися знаниями и талантами и чрезвычайной изобретательностью. Поэтому и финансовая наука вообще и учение о деньгах в особенности почти всеми своими главными положениями своими и принципами обязаны еврейскому уму, еврейской указке»¹.

Современник С. Шарапова, Г. В. Бутми, сделал очень важное наблюдение: почти вся российская профессура, занимавшаяся вопросами денег, финансов, права, выступала за золотой рубль. В чем причина такого единодушия? Очевидно, что от введения золотого рубля выигрывали банкиры, потому что деньги становились дорогими, соответственно, все их финансовые активы (требования) становились более «весомыми». Банкиры выигрывали, а люди труда проигрывали, ибо им для покрытия своих обязательств перед банкирами (погашения долгов) надо было произвести и продать больше товаров. Исключение, как отмечал Бутми, составляла интеллигенция: «Интеллигенция больших городов состоит главным образом из лиц, получающих определенное денежное содержание. Вздорожание денег доставляет им больше товаров за те же деньги – выгодно для них. Представители кафедральной науки стоят ближе к интересам городской интеллигенции, среди которой они

¹ Там же.

живут, чем к интересам промышленности и земледелия, с которыми они знакомы лишь теоретически. И представители кафедральной науки, за немногими, выдающимися исключениями, защищают золотую валюту, дающую и им самим больше удобства за те же деньги»¹.

Единомышленники и последователи С. Шарапова о «тайне золота»

Сергей Федорович был одним из первых в России, кто подверг сомнению и разоблачению официальную финансовую «науку» с ее «гимном золоту». Он дал толчок очень глубоким и ярким работам других талантливых русских мыслителей, которые продолжили активную деятельность по раскрытию «тайны золота». Среди них – Г. В. Бутми, А. Д. Нечволодов, А. В. Васильев, П. В. Оль, Н. Е. Марков (Марков Второй), Н. Н. Зворыкин и многие другие истинные патриоты России.

Здесь мы вспомним одного талантливого русского исследователя и писателя, генерала А. Д. Нечволодова, который жил примерно в одно с Шараповым время. В небольшой, но очень емкой по мыслям книге «От разорения к достатку» (1906 г.) Нечволодов развивает и углубляет мысли Сергея Федоровича по поводу золота и тех «научных» теорий, которые были созданы вокруг него. Нечволодов подтверждает: *финансовая «наука» очень много и восторженно говорит о золоте, но при этом не раскрывает «тайну золота»*. Вот основные положения работы Нечволодова, касающиеся золота как денег.

Положение первое. Золото не является реальным богатством: «...золото в деньгах *само по себе* никакой

¹ Бутми Г. В. Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира. – СПб., 2000. – С. 27.

реальной ценности не имеет, т. к. не имеет никакого практического применения, а служит лишь знаком обмена всех остальных реальных ценностей для человека: земли, хлеба, угля, предметов роскоши и проч.»¹.

Положение второе. Золото не может быть постоянным и неизменным измерителем стоимости (ценности) других товаров. Нечволодов критикует Маркса, А. Смита и других представителей классической политической экономии, которые говорят о том, что ценность золота неизменна: «...по общепринятому ходячему понятию, ценность золота *неизменна* вследствие его неизменяемости от времени и незначительности ежегодного прироста из земли; величина же всех остальных ценностей, покупаемых на это золото, *изменяема* и зависит от спроса и предложения. Последнему учит отец всей современной политической экономии Адам Смит, и этому положению все поверили...

Создатель же современного социализма Карл Маркс, строя всю свою теорию на строго научных началах, доказал также строго научным способом – неизменяемую ценность золота. Читаем у Нечволодова критический разбор «Капитала»: «“Деньги как мера стоимости, – говорит Карл Маркс, – есть необходимая форма проявления внутренней (имманентной) меры стоимости товаров – рабочего времени. Цена есть денежное название рабочего времени, овеществленного в товаре. Вследствие того, – продолжает он, – что товары выражают в золоте свою относительную стоимость, золото относительно их играет роль меры стоимостей (всеобщего эквивалента)”»; поэтому, по формуле Карла Маркса:

20 аршин холста = 1 сюртук;

10 фунтов чаю = 2 унциям золота.

¹ Нечволодов А. Д. От разорения к достатку. – СПб., 2007. – С. 36.

Другими словами, предполагая, что для производства 20 аршин холста, 1 сюртука и 10 фунтов чая надо по 40 ч. рабочего времени, для добычи двух унций золота требуется также 40 ч. рабочего времени.

Это научное доказательство неизменной стоимости золота, основанное на количестве рабочих часов, необходимых для его извлечения из недр земли, включает в себя *величайшее недоразумение*, на котором построено, однако, все учение Маркса о капитале...»¹.

Положение третье. Это положение раскрывает полностью *тайну золота*. Пока золото – обычный товар, то его ценность действительно определяется общественно необходимыми затратами труда на производство (добычу). Когда деньги приобретают статус денег (всеобщего эквивалента), то их ценность определяется совсем по другому принципу: ценность накопленного запаса золота = объему всех остальных ценностей, которые имеются у человечества и которые становятся объектом реального (или потенциального) обмена на рынке. Или, по крайней мере, ценность каждой унции золота находится в прямой зависимости от объема всех остальных ценностей, которые обмениваются (или могут обмениваться) на рынке. Понятно, что запас золота растет медленнее, чем запас всех остальных ценностей, поэтому *ценность золота как денег неизбежно увеличивается во времени. Поэтому обладатели (монопольные владельцы) золота будут стремиться к тому, чтобы золото сделать деньгами!*

Нечволодов выделяет *два момента, связанных с раскрытием «тайны золота»*. Момент *первый* связан с тем, что даже если ценность золота выводить из затрат труда на его добычу, то эта ценность не является чем-то постоянным. Гораздо более постоянной является цен-

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 37–38.

ность других товаров, на производство которых заранее известно количество потребных часов труда (например, производство ткани, одежды, колбасы и т. п.): «Именно ценность золота не может определяться количеством рабочих часов, потраченных для его добычи, т. к. условия ее *совершенно различны*: они всецело зависят от процента содержания руды в земле, колеблющиеся от 2 долей до нескольких золотников на сто пудов земли, от орудий промывки, от времени, потребного, чтобы добраться до рудника от мест постоянного жительства и проч. Наконец, случается, что даже по одному этому определять стоимость золота в зависимости от количества часов, потраченных на его разработку, – *явно нелепо*»¹.

Момент второй связан с тем, что мы вообще не можем класть в основу цены (ценности) золота количество часов, затраченных на его добычу. Ведь золото – не потребляемый товар, а все остальные товары – потребляемые (с той или иной скоростью). Как мы можем сравнивать 1 сюртук, который сшит сегодня, с золотом, которое было добыто неизвестно когда (может быть, во времена царя Соломона)? Цена на все накопленное за тысячелетия золото определяется не количеством часов, затрачиваемых сегодня на добычу 1 унции желтого металла, а чем-то иным. Если золото приобретает функцию денег, тогда его ценность напрямую начинает зависеть от общей массы товаров, которые реально или потенциально могут стать объектом купли-продажи, т. е. его ценность в этом случае зависит от спроса на золото как средство обмена: «Главное же недоразумение заключается в следующем: допустим даже, несмотря на явную нелепость, что при извлечении золота из недр земли затрачивается в среднем на каждые две унции 40 рабочих часов, мы все-таки *отнюдь не можем*

¹ Там же. – С. 38.

его считать эквивалентом для определения стоимости продуктов человеческого труда, и вот почему.

Золото, добытое из недр земли, остается *навек неизменным*, а все продукты человеческого труда подвержены *изменению и уничтожению*, начиная от свежесвепеченного хлеба и кончая египетскими пирамидами. Поэтому если 2 унции золота и приняты в каждый момент при обмене равными по стоимости товару, на производство которого затрачено 40 рабочих часов, то громадная разница в положении потребителя товара и хозяина золота. Потребитель товара для того, чтобы вновь получить такое же количество его, должен истратить 40 рабочих часов на производство какого-либо труда, обменять это производство на 2 унции золота и купить на него известное количество нужного товара, затем потребить его, опять же приняться за работу и т. д. Хозяева же золота не работают; они только отдают его *взаимы* для производства операции обмена, а затем получают его обратно, но уже с процентом в золоте же, купленном ценой человеческого труда, и *так при каждом обороте*¹.

На основании вышеприведенных рассуждений генерал Нечволодов делает ошеломляющий вывод, который раскрывает так называемую *«тайну золота»*: «Поэтому каждые две унции заключают в себе *не 40 рабочих часов, а миллиарды их*, причем ввиду того, что количество золота крайне мало сравнительно с потребностями для человечества в знаках обмена, стоимость его обладания, хотя бы на самое короткое время, нужное для обмена, все возрастает, но не прямым путем его вздорожания, а *скрытым*, выражающимся в понижении стоимости товара, т. е. человеческого труда.

Вот истинная, чисто магическая ценность золота: в нем благодаря его неизменяемости незаметно сосре-

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 38–39.

дотачивается весь труд и капитал человечества, временно пользующегося им лишь с целью обмена своих произведений труда»¹.

Итак, в своей работе «От разорения к достатку» Нечволодов дал развернутое объяснение слов Шарапова из работы «Бумажный рубль...»: «Накопивший золото всегда богач». Навязывание человечеству (в том числе России в конце XIX века) золотого стандарта – это попытка создать мировыми ростовщиками основанного на золоте механизма перекачивания богатств мира в карманы (сейфы) ростовщиков. Этот механизм основан на использовании ростовщического процента и монополизации желтого металла в руках ростовщиков. Фактически в их руках оказался идол – золотой телец. Язычники, каждый раз желая поклониться своему божеству, должны платить ростовщикам за право доступа к своему идолу.

Нечволодов, как и Шарапов, очень отрицательно относился к марксизму – как лукавой и провокационной теории. Генерал, в частности, обращает внимание на то, что «гениальный» Маркс аккуратно обошел стороной в своем толстенном «Капитале» «тайну золота»: «Это, разумеется, отлично понимал Карл Маркс как еврей. Но ему, конечно, невыгодно было объяснить тайную силу, заключающуюся в золоте, непосвященным, а потому он и дал научное определение его стоимости в рабочих часах как “необходимой формы проявления внутренней (имманентной) меры стоимости товаров – рабочего времени”»².

И Шарапов, и Нечволодов одинаково считали, что если бы человечество понимало эту «тайну золота», то, наверное, пути исторического развития могли бы быть иными; тогда люди не стремились бы совершать

¹ Там же. – С. 39.

² Там же.

социальные революции и двигаться по пути строительства коммунизма (как к этому призывали классики марксизма-ленинизма), а добивались бы изменения денежной системы (т. е. целенаправленно боролись с торговцами золотом и ростовщиками). Нечволодов писал: «Если выяснить это недоразумение в понятии неизменности ценности денег, т. е. золота, поставленным Адамом Смитом и Карлом Марксом в основании своих учений, то, конечно, все современные теории политической экономии, неизбежно приводящие к социалистическим принципам, совершенно неприменимым к жизни, сейчас же рухнут, и человечество может пойти по новым путям, имея впереди самые светлые и притом достижимые идеалы, простым изменением своих понятий о деньгах»¹.

Эта мысль Нечволодова очень созвучна с идеями Шарапова, который был одинаково критично настроен в отношении как тогдашнего капитализма, так и проектов социалистического переустройства мира на основе учения Маркса. А «понятия о деньгах», которыми руководствовались русские люди в XIX – начале XX века, были в своей массе превратными, они базировались на западноевропейской политической экономии и финансовой «науке», которые проповедовались с кафедр российских университетов. Эти искаженные марксизмом, буржуазной политической экономией и западной финансовой «наукой» «понятия о деньгах» облегчили Витте и другим агентам Ротшильдов в России навязывание русскому народу золотого рубля. А введение в конце XIX века золотого рубля способствовало, в свою очередь, разорению страны мировыми ростовщиками и в итоге привело к социально-политическим катаклизмам начала XX века.

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 40.

Уже после С. Шарапова, Г. Бутми, А. Нечволодова о «тайне золота» стали писать и другие русские патриоты. Особенно понятной эта «тайна золота» стала после таких катаклизмов, как Первая мировая война, февральская и октябрьская революции 1917 года. Находясь в эмиграции, известный деятель монархического движения Н. Е. Марков написал в 1926 г. статью «Русские деньги», в которой помимо всего подчеркнул роковую роль некритического отношения русского человека к пришедшим из-за рубежа учениям о золоте: «Нееврейское человечество допускало большую неосторожность, долгое время принимая, без необходимого отслеживания, блестящие с виду открытия и положения еврейского финансового творчества. К числу таких якобы бесспорных и якобы научных постулатов относится и *учение о золоте как единственно возможном основании денежной системы*¹ культурного государства. Другая столь же сомнительная и для неевреев столь же опасная *финансовая доктрина гласит, будто для блага всех народов необходимо установить единую международную монету и ввести единую для всего света денежную систему*²».

Н. Е. Марков, досконально проанализировав уроки русских революций, понял, что в итоге игры мировых ростовщиков с золотом, в которые они втянули в XIX веке Россию, – часть общего плана по установлению ими мирового господства. И предупреждал о смертельной опасности, которая исходит от иноземных учебников, ведущих к духовному порабощению русского человека: «Наивное человечество только теперь, после “планетарных” уроков наглядного обучения, преподанных иудо-большевиками в России, начало понимать, что далеко не все полезное для еврейства есть

¹ Курсив мой. – В. К.

² Марков Н. Е. Указ. соч. – С. 422. Курсив мой. – В. К.

действительное добро и что, начиная с объединения монеты, почты, таможни и паспортов, народам легко докатиться до международного объединения суда, войска, управления, религии и, как венец, до исчезновения самих народов в океане безнародного, безземельного и безбожного Интернационала...Те, кого не влечет идея национального самоуничтожения... должны отложить в сторону еврейские учебники...»¹.

Российские финансовые реформы: беспечность, продажность и невежество

Причин того, что Россия в части, касающейся ее финансов, живет чужим умом, по мнению Шарапова, несколько.

Первая причина. В России к середине XIX века не сложилось необходимого понимания того, как должна выглядеть финансовая система страны. Отсутствие в России собственной финансовой теории привело к пагубным последствиям, дорогим ошибкам, за которые, как говорил Шарапов, «нам еще долго расплачиваться»: «Если бы существовала истинная финансовая наука, если бы государям, начиная с Александра II, не приходилось доверяться искусству выдвинутых общественным мнением или случаем лиц, призванных к заведованию государственным хозяйством, можно было бы смело быть уверенным, что такая же мудрая осторожность (выше автор говорил о той остороженности, которую проявляли русские самодержцы, когда предлагалось выпускать дополнительное количество бумажных денежных знаков. – В. К.) была проявлена и в остальных отраслях финансового дела. Не было

¹ Марков Н. Е. Указ. соч. – С. 422.

бы произведено бесполезной ломки старых кредитных учреждений, были бы найдены иные финансовые основания для великой реформы 1861 года, иначе были бы выстроены русские железные дороги, не было бы сделано столько угнетающих Россию внешних и внутренних займов. Но финансовой науки не было, были теоретики-доктринеры, рядившиеся в западную ученость»¹.

В момент, когда была написана книга «Бумажный рубль...», Россия была на пороге новой реформы – перехода к золотому рублю. А убедительного научного обоснования этой реформы не было. Здравый смысл говорил против этой реформы. Но в России привыкли верить в теории, а не в здравый смысл. Шарапов считал, что для противостояния готовящейся денежной реформе тогдашнего министра финансов С. Ю. Витте нужно было здравый смысл облечь в привычные для чиновников одежды «научной теории»: «Господствовали западные теории, которые к настоящему времени показали свою полную несостоятельность. Необходимо создавать собственную финансовую науку. Актуальность этого возрастает в связи с тем, что власти готовятся переводить денежную систему России на *золотой рубль*. Альтернативой золотому рублю являются *абсолютные деньги*». Книга С. Ф. Шарапова «Бумажный рубль...», изданная в 1895 г., призвана была убедительно показать научную альтернативу золотому рублю в виде абсолютных (бумажных) денег. Это было необходимым, но не достаточным условием успеха в борьбе с Витте и его сторонниками по поводу золотого рубля.

Вторая причина: продажность и беспринципность русской «ученой публики», готовой одобрить и обосновать все, что необходимо политической и особенно денежной власти. О ней Шарапов пишет в своем романе

¹ Шарапов Ю. Ф. Бумажный рубль (Его теория и практика).

«Иванов 16-й и Соколов 18-й (политическая фантазия, продолжение романа “Диктатор”)): «Значительное число ученых прямо продано бирже и проповедует то, что ей на руку. Этим, между прочим, мастерски воспользовался Витте. В его время чуть ли не все европейские знаменитости были на содержании у кредитной канцелярии. Из наших он тоже набрал немало. Вспомните, например, покойного Миклашевского. До Витте дал чудесные работы по бумажным деньгам, затем поговорил с Сергеем Юльевичем – и начал воспевать золото. Также были завербованы Чупров, Постников, Янжул, Озеров и др., я таких знаю человек десять из наших профессоров. Европейцы тоже. Знаете ли вы, что последняя статья Леруа Болье в “Neue Freie Presse”, наделавшая столько шума, была написана в кабинете у Витте? Зачем в Париже сидит Рафалович? Почему ни одна русская газета не напечатает против золотой валюты?» – эти слова произносит герой романа Соколов.

Впрочем, была *еще одна причина* быстрого продвижения разрушительных для России теорий и реформ – невежество высшей власти, которая не понимала сущности предстоящих преобразований. Невежество сосуществовало рядом со слепой, почти религиозной верой в истинность западных финансовых теорий и вытекающих из них реформ: «Верховная власть волеиневолей санкционировала *на веру* ряд мероприятий, объема и сущности коих не понимали даже сами их авторы, один за другим сходявшие со сцены, натворя бед России», – писал Шарапов.

Кстати, на «*собственное недомыслие*» как причину наших экономических и финансовых провалов обращал внимание Василий Кокорев: «Финансовая война против России настойчиво ведется Европою с начала 30-х годов; мы потерпели от европейских злоухищений и

собственного недомыслия¹ полное поражение нашей финансовой силы»².

Шарапов государственную бюрократию, которая начала финансовые реформы в России, называл «молодыми финансистами». А Василий Кокорев назвал их *фирмой «они»*, подчеркивая, что реформаторы предпочитали действовать анонимно, по крайней мере, без лишней огласки³. В своей книге «Экономические провалы» он перечисляет «заслуги» перед Россией этой таинственной фирмы «они»:

1. «Либеральные нововведения, уничтожив для помещиков кредит, лишили десятки тысяч помещичьих семейств возможности жить в своих имениях. На почве этого бедствия вырос нигилизм.

2. Затем фирме «они» принадлежит распространение пьянства посредством безграничного количества кабаков, разрушение сельского хозяйства от уничтожения мелких винокурен.

3. Вовлечение России в заграничные займы вследствие недопущения русского народа кредитовать правительство своим трудом с получением за этот труд беспроцентных бумаг».

¹ Курсив мой. – В. К.

² Платонов О. А. Русская экономика без глобализма. – С. 328.

³ В связи с этим вспоминается книга доктора И. Ландовского «Красная симфония (откровения троцкиста Раковского)». Первоначально была издана за рубежом на испанском языке, у нас вышла на русском языке в 1996 г. в издательстве «Вестник». Эта книга представляет собой подробное изложение протоколов допросов в Москве во второй половине 1930-х гг. известного партийного и государственного деятеля Х. Раковского, обвиненного в связях с троцкистами и мировой «закулисой». Раковский на допросах рассказал много интересного о своих личных связях и связях других троцкистов с мировой «закулисой», представляющей собой всемирную финансовую олигархию. Примечательно, что Раковский предпочитал для обозначения представителей мировой масонской и финансовой элиты использовать слово «они».

Общее следствие: «Совокупность этих зол, конечно, гораздо более причинила вреда России, чем 1812 г., Севастополь, холера и все другие пережитые нами бедствия»¹.

Все сказанное еще в XIX веке В. Кокоревым и С. Шараповым в полной мере относится к нашим современным «реформам» и их «научному» обоснованию. Это «научное» обоснование, в котором участвовали такие украшенные академическими и учеными титулами «умы», как А. Яковлев, Г. Явлинский, Е. Гайдар, Е. Ясин, Г. Попов и др., представляет собой адскую смесь, замешанную на невежестве, продажности и беспечности.

Незатейливое финансовое правило, или удушение России на «научной» основе

Денежные власти России из всей западной финансовой науки выучили только одно незатейливое правило: самое опасное для денежного обращения и экономики – избыток денег. Это правило было ими заучено как религиозный догмат, как «символ веры» религии под названием «экономический либерализм». Поэтому власти для себя выработали еще одно правило: пусть лучше денег будет меньше, чем больше необходимого. Кстати, Шарапов обращает внимание, что религия «экономического либерализма» не могла дать внятный ответ на вопрос: сколько же денег необходимо экономике? Много их в обращении в данный момент или мало? И сегодня проповедники «экономического либерализма» (например, представители экономической теории монетаризма) путаются в ответах на этот вопрос. На вполне «научной основе» денежные власти России в течение

¹ Кокорев В. А. Указ. соч. – С. 28.

полувека (с момента реформы начала 1860-х гг. до Первой мировой войны и революции 1917 года) «сжимали денежную массу», т. е. душили российскую экономику на радость врагам нашей страны и западным ростовщикам. В середине XIX века на одного жителя России приходилось в среднем около 30 руб., что было эквивалентно 120 французским франкам. К 1914 г. эта сумма сократилась до 10 руб., или 25 франков¹.

Вот краткий итог четырех десятилетий (1857–1906) финансовых реформ, направленных на «денежное удушение» русского народного хозяйства, который сделан самим Шараповым в его работе «Земля и воля... без денег»:

«К 1 января 1857 г., по официальным сведениям, в народном обращении находилось... 2 048 297 000 руб. Государственный бюджет в 1857 г. был 255 млн. руб., жителей в империи было 65 млн. человек.

На 1 января 1906 г., согласно балансам Государственного банка, находилось в обращении 2 260 800 000 руб. – всего на 212½ млн. руб., или едва на 10% более против 1857 г., в то время как государственный бюджет вырос на 700%, перейдя за 2 млрд. руб.; число жителей возросло в 2½ раза, достигнув 145 млн. душ, причем сельское хозяйство, промышленность и торговля, да и все население, сполна перешедшее с натурального хозяйства на денежное, нуждаются в значительно больших оборотных средствах, чем в 1857 г.»².

¹ Для сравнения аналогичный показатель по странам Запада был равен: в Германии – 115; США – 125; Англии – 140; Франции – 140 франков (Антонов М. Экономическое учение славянофилов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 299).

² Земля и воля ... без денег. Публичная лекция, прочитанная в апреле 1907 г. в Тамбове, Саратове и Смоленске, и доклад, сделанный Чрезвычайному смоленскому губернскому Дворянскому собранию 1 июня 1907 г. Сергеем Шараповым». – М., 1907. – С. 16.

Русский народ прекрасно понимал, что экономическое неустройство, бедность, разорение хозяйств, низкая конкурентоспособность отечественного товаропроизводителя на мировом рынке порождается нехваткой денег, а нехватка денег подавляет трудовую энергию и желание трудиться. Наиболее грамотные представители народа пытались достучаться до «верхов», объяснить столичному начальству, что надо выпустить дополнительное количество денег в обращение. Вот, например, ростовский купец Г. Паршин направил в 1885 г. письмо тогдашнему министру финансов Бунге. Отметив затруднительное положение промышленности и торговли, вызванное сокращением денег в обращении (дефляцией), Паршин предлагает выход из сложившейся ситуации: «Единственное средство... – это нужно, например, выпустить, примером, на 200 миллионов кредитных ассигнаций и на них начать в разных пунктах России государственные работы за счет казны... А что наш рубль будет стоить дешево на заморском рынке, потому что будет выпущено много, но зато в родной земле будет идти за полную монету и этим достигнется меньший вывоз наших товаров за границу, а все будем покупать в родной земле...а если наш рубль будет идти на заморском рынке полной монетой, то тогда совсем прекратятся фабрикация в России и будет бедствие народа, а при выше сказанном мнении все нужное для построек и нашей обыденной жизни будет работаться на наших фабриках и наш же народ будет зарабатывать... Этим достигнется полная конкуренция России с заграницей»¹. К сожалению, столичные власти оставляли без ответов и внимания подобного рода

¹ Цит. по: *Власенко В. Е.* Денежная реформа в России 1895–1898 гг. – Киев, 1949. – С. 134–135. Текст приведенного письма приведен в соответствии с современными правилами русского языка. – В. К.

призывы русских людей с мест, предпочитая обращаться к финансовым авторитетам на Западе.

Русский народ, как мог, сопротивлялся подобного рода дефляционным экспериментам, проводимым финансовыми властями. Создавал кредитные кооперативы и общества взаимного кредитования. Купцы и предприниматели, где могли, замещали деньги векселями или бартером. А некоторые наиболее энергичные предприниматели даже создавали свои деньги. Наиболее яркий пример – деньги С. И. Мальцева. Мальцев (правильно – Мальцов) Сергей Иванович (1810 – декабрь 1893) – русский промышленник, кавалергард, генерал-майор в отставке, почетный член Общества содействия русской торговли и промышленности. Выдающийся представитель дворянского и промышленного рода Мальцовых, Сергей Иванович создавал и использовал собственные деньги в своем достаточно автономном хозяйстве, которое раскинулось в нескольких губерниях и включало несколько десятков фабрик, заводов и иных предприятий. Эти местные деньги назывались *денежными расписками* Мальцовского заводского округа и ходили в этом округе наряду с законными кредитными билетами¹. Шарапов восхищается энергией и предпринимательским талантом С. И. Мальцова, который свидетельствует об энергии и предприимчивости русского человека вообще: «А что мы можем работать, что мы умеем вести дело, этому доказательства могут спрашивать только господа, с деловою Россиею незнакомые. Мы так привыкли к поклонению всему иностранному и оплевыванию всего «отечественного» (самое слово-то – ирония), что вовсе не замечаем мно-

¹ См.: *Парамонов О. В.* Денежные знаки Мальцовского заводского округа в XIX веке. Записки Его Превосходительства С. И. Мальцова. – М., 2001.

жества превосходно поставленных у нас дел, не только не уступающих Европе, но и перещеголявших ее, что особенно важно при тех трудностях, которые окружают русского промышленника. Возьмите, например, покойного С. И. Мальцева. По объему им сделанного, по духу дела и по той великой инициативе, которая здесь развернулась, другого такого дела вы мне не укажете ни в Европе, ни в Америке»¹.

Однако знаменитый заводской округ Мальцевых с десятками предприятий и десятками тысяч работников в конце XIX века стал постепенно приходить в упадок. И дело не в каких-то ошибках С. И. Мальцева или даже болезнях, которые его стали одолевать. Дело в том, что власти не могли допустить, чтобы на обширной территории обращались какие-то деньги, не «вписывающиеся» в финансовую теорию (да еще в условиях, когда Министерство финансов готовилось всех «осчастливить» «золотым рублем»). Шарапов с горечью констатирует: отчего же это дело погибло? Оттого *единственно*, что Мальцеву *круто* было воспрещено печатать свои деньги (деньги, всегда ходившие *al pari* и не знавшие злоупотреблений), а государственных в виде нужного кредита не было дано. Из живого организма была выпущена кровь, но организм был рожден такой могучий, что дышит до сих пор, хотя – увы! – пока это калека и заправиться не может»².

Недостаток денег, как отмечает Шарапов, угнетает и обесценивает труд: «Политическая экономия определяет капитал как концентрированный прошлый труд, являющийся орудием новому труду. Недостаток денежных знаков, возвышая плату за наем капитала,

¹ Шарапов С. Иностраннные капиталы и наша финансовая политика // Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 193.

² Там же.

отделяет, отрезывает его от труда будущего, обесценивает, парализует этот труд, отдает его в кабалу и ставит элементы праздные в положение, господствующее в стране, элементы трудовые – в рабство им». Как это положение актуально для понимания нынешней политики денежных властей РФ, «борющихся с инфляцией» путем сжатия денежной массы! Создание дефицита денег выгодно тем, кто торгует деньгами, т. е. ростовщикам, угнетает главный экономический ресурс общества – труд.

Шарапов прямо говорит, что при сложившейся финансовой системе в России произошла лишь замена форм крепостного права, причем новая форма крепостного права оказалась еще более тяжелой: «Примеряя эти соображения к жизни, легко понять, что это не про Америку говорится, а про матушку Россию, где только благодаря западной финансовой доктрине, отводившей глаза русскому финансовому ведомству за последнюю четверть века, вместо старого добродушного крепостного права юридического создано новое, в тысячу раз тягчайшее, – крепостное право экономическое.

Господа: биржевики, дисконтеры, спекулянты, рантьееры, чиновники.

Рабы: землевладельцы, земледельцы, промышленники, рабочие.

Вот прямые последствия недостатка денежных знаков и вместе с тем его точные признаки».

Хочу обратить ваше внимание на то, что среди «рабов» оказываются и рабочие, и промышленники! Это противоречит догматам марксизма (желающим понять, почему промышленники оказываются в компании «рабов», рекомендую посмотреть мою критику марксизма в книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном»). Также любопытно: в одной компании

«господ» у Шарапова оказываются финансисты (биржевики, дисконтеры, спекулянты) и чиновники. Мы сегодня видим этот «брак по расчету» между банкирами и чиновниками – как в России, так и во всем мире. В России недостаток денег в обращении способствовал тому, что на смену юридическому крепостному праву пришло экономическое крепостное право. Как точно! Нынешний строй следует называть не «рыночной экономикой» и даже не «капитализмом», а «экономическим крепостным правом»!

Уроки финансовых реформ: предупреждение С. Шарапова нынешней России

Шарапов постоянно сравнивает две финансовые системы России: ту, которая существовала без малого век до прихода к рулю власти «молодых финансистов»¹, и ту, которая была создана этими «молодыми финансистами»:

«Как ни странно, но мы сами, собственными руками разломали и растоптали очень верную научно, очень удобную практически систему. Накануне самого освобождения крестьян, когда предстояла вопиющая необходимость обновить нашу старую финансовую систему, оживить, расширить кредит, удвоить или утроить количество денежных знаков соответственно ожидаемому увеличению сделок и потребности в деньгах при вольнонаемном труде, пришла группа “молодых финансистов” с Евгением Ивановичем Ламанским и Владимиром Павловичем Безобразовым в качестве дельфийских оракулов и главных инициаторов реформ во главе, захватила

¹ В качестве точки отсчета первого периода Шарапов берет 1769 г., когда согласно указу Екатерины II были выпущены первые бумажные деньги – ассигнации.

руководство российскими финансами, в несколько лет изломала и исковеркала все и после тридцатилетнего владычества сдала Россию в ужасном виде, в котором она теперь находится»¹.

Шарапов приводит перечень печальных результатов использования западной финансовой науки и проводимых на ее основе реформ денежно-кредитного хозяйства страны: «Все это (реформирование финансовой системы. – В. К.) совершалось самым добросовестным образом, согласно последнему слову западной финансовой науки. В результате оказалось:

- четыре миллиарда бесполезного долга, в том числе около половины на золото;
- огромные бюджетные назначения на уплату процентов;
- широко развитая за наш счет германская железная промышленность и машиностроение;
- огромный ввоз иностранных товаров в Россию;
- сеть железных дорог, обремененная неоплатным почти долгом иностранцам и не вырабатывающая процентов;
- разорение поместного и земледельческого классов;
- биржевая игра русскими фондами;
- ограбление и истощение земли и сведение лесов по нужде ради самосохранения;
- уничтожение труда, торжество всякой наживы, спекуляции и хищничества;
- понижение нравственного уровня. Отчаяние безвыходности, бесплодие честности и высоких нравственных доблестей. Нигилизм. Анархисты...

¹ Подробное описание финансовых реформ 1856–1864 гг. дано в работе С. Шарапова «Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве» (глава «Как разоряются государства»). К сожалению, данная работа в собрании работ С. Ф. Шарапова «Россия будущего» отсутствует.

Все это дало нам тридцатилетнее господство чужих финансовых доктрин...».

Перечитывая Шарапова, забываешь, что речь идет о событиях в России более чем вековой давности. Мы в России уже пережили двадцать лет господства чужих финансовых доктрин. Промежуточные итоги такого господства видны невооруженным глазом и не отягощенным западными экономическими теориями умом. Но это, как говорится, «еще не вечер». Чем все это может кончиться, можно узнать из работ Шарапова. Хотя он не дожил ни до Первой мировой войны, ни до революций 1917 года и последующих событий, он многое предвидел. Многие его экономические и политические прозрения исполнились. Будем надеяться, что трагическая история первых десятилетий прошлого века не повторится, хотя бы потому, что у нас есть С. Ф. Шарапов. Шарапов, который нас предупредил. Шарапов, который подсказал нам, что делать. С. Ф. Шарапов для нас важнее и нужнее, чем вся нынешняя Академия наук, занимающаяся «пережевыванием» западных лженаучных теорий экономики и финансов.

О западных «семенах» экономического «просвещения» в России

Хотелось бы еще раз вернуться к вопросу: почему западные финансовые и экономические теории и науки приобрели такую популярность в дореволюционной России? Самая главная причина такой неразборчивости и некритического отношения к иноземным учениям – духовное оскудение русского народа, отход от церковной жизни и Православия, заражение части народа (его аристократической верхушки, а затем и «образованных»

слоев) агностицизмом¹, атеизмом, материализмом. В сфере познавательной деятельности человека это неизбежно ведет к разъединению и последующему противопоставлению науки и религии. Меняются цели познавательной деятельности: вместо познания Истины – Бога отягощенные материализмом ученые начинают заниматься частными вопросами, часто попадая в различные интеллектуальные тупики. Кроме того, центр тяжести перемещается на решение практических, сиюминутных задач; исследователь занимается «узким» вопросом и не в состоянии видеть мир в его целостности со всеми его сложными взаимосвязями между материальной и духовной сферами. Пораженный духом материализма исследователь добровольно отказывается от накопленного человечеством интеллектуального наследия на том основании, что оно создавалось «темными» и «невежественными» монахами и церковниками (заметим, что в так называемые Средние века научная жизнь в основном была сосредоточена в монастырях).

Русский человек в своем отступлении от Бога отставал от европейца. Европейцы еще со времен Реформации и Просвещения стали создавать свою безбожную «науку». К моменту, когда русский человек стал превращаться в материалиста и атеиста, Запад уже успел создать громадное количество разных теорий и «наук».

¹ Агностицизм (от древнегреч. «непознаваемый», «непознанный») – позиция, существующая в философии, теории познания и теологии, полагающая принципиально возможным познание только через опыт (познание объективной действительности) и невозможным познание любых предельных и абсолютных оснований реальности. Так же отрицается возможность доказательства или опровержения идей и утверждений, основанных полностью на субъективных посылах. Применительно к вопросам религиозным агностицизм представляет собой позицию, согласно которой невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть существование Бога. Такая позиция неизбежно ведет к безразличию человека к вопросам веры и религиозной жизни.

Поэтому русские «образованные» люди с жадностью набросились на всю кучу этого накопленного с XVI–XVII веков хлама, который они по своей духовной слепоте приняли за истину. Роясь в куче этого хлама, они нашли разные непонятные теории, касающиеся устройства общественной жизни, экономики, финансов, не понимая, по крайней мере, двух простых истин.

Во-первых, те теории, которые создавались на Западе, могли оказаться совершенно непригодными для России. Различия были более чем очевидны: разная вера, разная культура, разный климат, разные природные условия и т. д. Недаром мудрые люди в России говорили: «Что русскому человеку хорошо – то немцу смерть, и наоборот».

Во-вторых, те теории, которые приходили к нам с Запада, вообще не имели никакого отношения к науке, потому что они призваны были не объяснять мир, а обосновывать и оправдывать политику тех, кто эти теории заказывал. Да, да! Эти теории не были результатом свободного творческого поиска истины. Они представляли собой инструмент идеологии определенных групп интересов, которые рвались к власти или уже находились у руля власти. Особенно это касалось общественных «наук». Та же самая английская классическая политическая экономия находилась под сильным влиянием Ост-Индской компании. Давид Рикардо, один из представителей английской политэкономии, сам был биржевым спекулянтom и был близок к Нотану Ротшильду (с которого началось возвышение клана Ротшильдов). Да и Карла Маркса трудно назвать «независимым ученым»: слишком очевидно лукавство его «Капитала», который был на руку банкирам-ростовщикам.

Из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» мы узнаем, что дворянская молодежь уже в начале XIX века

активно интересовалась английской политической экономией. Строки о Евгении Онегине: «...Бранил Гомера, Феокрита; // Зато читал Адама Смита // И был глубокий эконо́м. // И он умел судить о том, // Чем государство богатеет, // И чем живет, и почему // Не нужно золота ему, // Когда простой продукт имеет».

Другой герой этого романа – Владимир Ленский – получил образование в Германии, откуда привез «учености плоды»: «Он из Германии туманной // Привез учености плоды: // Вольнолюбивые мечты, // Дух пылкий и довольно странный, // Всегда восторженную речь // И кудри черные до плеч». Ленский учился в Геттингенском университете – одном из самых либеральных в Европе – и поклонялся Канту, чья философия в официальных кругах России считалась опасной и вредной, враждебной Христианству. Ленский многозначительно охарактеризован как «поклонник славы и свободы», его отличает благородное «волнение бурных дум», ему свойственно «негодование, сожаленье, ко благу пылкая любовь». Все это – иносказательное обозначение гражданских настроений, о которых в черновой редакции романа говорилось более откровенно: «Крикун, мятежник и поэт».

Наконец, вспомним Татьяну Ларину, которая зачитывалась французскими романами (хотя из всех героев романа Татьяна по своему душевному устройству была ближе к русской культуре и народу, чем Онегин и Ленский).

При всех различиях в характерах, привычках, образовании Онегина и Ленского они – типичные представители великосветского дворянства своего времени, которые чужды русской культуре, Православию, народу и которых объединяет преклонение перед западными теориями и науками, западной культурой и литературой, французским языком (который они знали лучше русского).

Постепенно «профессиональная наука» стала появляться и в России – в основном на базе университетов. Но это в подавляющем числе случаев было слепое и беспомощное подражание западной «науке». Были, конечно, в России самобытные мыслители (прежде всего славянофилы), но они были не в почете. Их голоса были слабо слышны на фоне голосов официальных профессоров. Голоса таких «ученых» материализовались в «научной» литературе, которая расходилась по России миллионными тиражами и пропагандировала западные идеи материализма и либерализма. Конечно, наибольшим эпигонством отличались науки общественные и гуманитарные. Все они базировались на материализме и представлении о человеке как эгоистическом существе, *homo economicus* («человек экономический»), абстрагировались от наличия в человеке души и совести.

В 1802–1806 гг. был сделан перевод книги Адама Смита «Исследование природы и причин богатства народов». После этого в «Санкт-Петербургском журнале» (официальном органе Министерства внутренних дел) появилось несколько статей, пропагандировавших произведение Смита. С 1815 г. либеральные идеи английской политической экономии стал активно пропагандировать еженедельный журнал «Дух журналов». На основе труда А. Смита стали писаться учебники работавших в России профессоров. В основном это были профессора иностранного происхождения, которым идеи англичанина были ближе, чем русскому человеку. Тогда на слуху у всех были имена Хр. Шлецера¹, Г. Шторха², А. Гакстгау-

¹ В 1805 г. он выпустил книгу «Начальные основания государственного хозяйства» в духе основных идей А. Смита.

² *Генрих Фридрих* (на русской службе *Андрей Карлович*) *фон Шторх* читал лекции по политической экономии будущему императору Николаю I и его младшему брату Михаилу.

зена¹. Под влиянием заграничных экономических идей оказались писатели и с чисто русскими фамилиями и именами. Например, Николай Тургенев, написавший в 1819 г. «Опыт теории налогов», где пропагандировались идеи введения в России либерального таможенного тарифа². Полагаю, что увлечение Н. Тургенева западными экономическими либеральными идеями сыграло не последнюю роль в том, что он оказался в рядах декабристов. Ряд других декабристов, как свидетельствуют их биографии, также были воспитаны на идеях английской политической экономии³.

«Наука» вместо Бога

На ущербность западной науки обратил внимание русский писатель, представитель раннего славянофильства В. Ф. Одоевский: «В нынешней старой Европе мы видим... горькое и странное зрелище! Мнение против мнения, власть против власти, престол против престола, и вокруг сего раздора – убийственное, насмешливое равнодушие! Науки, вместо того чтобы стремиться к тому единству, которое одно может возратить им их мощную силу, науки раздробились в прах летучий,

¹ Справедливости ради следует отметить, что А. Гакстгаузен в своих работах достаточно далеко отошел от Адама Смита. Этот немец отдавал предпочтение русскому хозяйственному строю перед западноевропейским и ратовал не за свободную торговлю, а за активное использование протекционизма. А. Гакстгаузен оказал заметное влияние на Е. Ф. Канкрин, который был при Николае Первом министром финансов и последовательно проводил политику протекционизма.

² Не без влияния Н. Тургенева в 1819 г. был введен либеральный таможенный тариф. Противником свободной торговли был знаменитый государственный деятель адмирал Мордвинов. В 1822 г. он добился перехода к протекционистским тарифам.

³ Среди них особенно выделяются П. И. Пестель и М. В. Орлов.

общая связь их потерялась, нет в них органической жизни; старый Запад, как младенец, видит одни части, одни признаки – общее для него непостижимо и невозможно; частные факты, наблюдения, второстепенные причины – скопляются в безмерном количестве. Для чего? С какою целью? – Узнать их, не только изучить, не только проверить, было невозможностию уже во времена Лейбница; что ж ныне, – когда скоро изучение незаметного насекомого завладеет названием науки, когда скоро и на нее человек посвятит жизнь свою, забывая все подлунное; ученые отказались от всеобъединяющей силы ума человеческого; они еще не наскучили наблюдать, следить за природою, но верят лишь случаю, – от случая ожидают они вдохновения истины, – они молятся случаю. *Eventus magister stultorum.* (Случай – учитель неразумного – лат.) Уже в том видят возвышение науки, когда она обращается в ремесло!.. И слово язычника: “Мы ничего не знаем!” – глубоко напечатлелось на всех творениях нашего века!.. наука погибает¹. В яркой художественной форме (роман «Русские ночи», публиковавшийся в 1840-х гг.) Одоевский выразил суть трагедии западной науки – отход от целостного понимания и восприятия окружающего мира, его дробление на кусочки, бесконечное дробление некогда единой науки на различные мелкие и частные «науки», возведение между ними непреодолимых стен, превращение ученого в ремесленника с узким, ущербным мировоззрением. Фактически Одоевский констатировал умирание западной науки². И эту уми-

¹ Одоевский В. Ф. Русские ночи. – М., 1975.

² Одоевский был одним из первых, кто высказал мысль о «смерти» Запада (еще за много десятилетий до того, как в 1918–1920 гг. вышла известная книга О. Шпенглера «Закат Европы»). Одоевский говорил о том, что на Западе происходит умирание не только науки, но также искусства и религиозной веры.

рающую и заражающую своей мертвенностью науку русский «образованный» класс брал на вооружение, вытесняя из своей жизни животворящую веру в Бога и отказываясь от постижения Истины.

На эпигонство так называемой «науки», которая буйным цветом расцвела на Русской земле, обращали внимание почти все последующие славянофилы, ряд русских писателей, подвижники Церкви. Взять, к примеру, одного из основоположников славянофильства И. В. Киреевского. Вот что он писал в 1852 г. по поводу пришедшей в Россию диковинной науки под названием «политическая экономия», ориентированной на западного человека, но мало понятной русскому человеку: «Западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремится внутренним возвышением над внешними потребностями избежать тяжести внешних нужд. Если бы наука о политической экономии существовала тогда, то, без всякого сомнения, она не была бы понятна русскому. Он не мог бы согласиться с цельностью своего воззрения на жизнь особой науки о богатстве. Он не мог бы понять, как можно с намерением раздражать чувствительность людей к внешним потребностям только для того, чтобы умножить их усилия к вещественной производительности. Он знал, что развитие богатства есть одно из второстепенных условий жизни общественной и должно поэтому находиться не только в тесной связи с другими высшими условиями, но и в совершенной им подчиненности»¹. Выдающийся славянофил обращает внимание на то, что западная политическая экономия всю энергию че-

¹ *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России (письмо к графу Е. Е. Комаровскому) // *Киреевский И. В.* Разум на пути к истине. – М., 2002. – С. 151-213.

ловека ориентирует на преобразование внешнего мира, в том время как русский человек в первую очередь был ориентирован на внутреннюю работу, борьбу со страстями, духовное совершенство. У русского человека была своя иерархия ценностей: духовные были выше материальных. В политической экономии оставались лишь материальные, духовные вообще не брались в расчет. Киреевский одним из первых среди русских мыслителей обратил внимание на то, что политическая экономия ориентировала человека на то, чтобы «раздражать чувствительность людей к внешним потребностям». В переводе на современный язык это означает стимулирование человека к потреблению.

Во времена молодости Шарапова «наука» стала превращаться для молодежи в религию, которая постепенно вытесняла веру в Бога: Сергей Федорович вспоминает: «При переходе в высшие школы мы были сплошь материалистами по верованиям... “Наука” была нашею религиею, и если бы можно было петь ей молебны и ставить свечи, мы бы их ставили; если бы нужно было идти за нее на муки, мы бы шли»¹. Кроме того, Шарапов подметил особый интерес молодежи к таким новоиспеченным «наукам», как «социология» и «политическая экономия». Что касается второй «науки», то это уже была политическая экономия не Адама Смита, а Карла Маркса: «Большинство (студентов. – В. К.) набросилось на политическую экономию и социологию. Трудно поверить, с каким прилежанием одолевали люди дубовый “Капитал” Маркса, да еще по-немецки. Свежие головы просто трещали от невообразимой путаницы в изложении этого столпа социальной науки, даже и не подозревая, что венцом его трудов будет

¹ Шарапов С. Молодежь прежде и теперь // Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 592.

нечаянное признание самого Маркса, что он “меньше всего марксист сам”. За Марксом следовали более толковый и страстный Лассаль, Огюст Конт, Милль, Спенсер. Этими последними зачитывались¹. Не удивительно, что после постижения таких «наук» молодые люди становились космополитами, у них любовь к России сменилась на неприязнь и даже ненависть ко всему русскому, университетская молодежь пополняла ряды анархистов, социалистов и других революционеров, боровшихся с «режимом»: «В молодежи неведомо откуда появилась злая струя, нам совершенно чуждая. Мы были розовые космополиты, но на всю Россию смотрели снисходительно; здесь вдруг появилась яркая ненависть ко всему русскому. Мы мечтали о конституции и кричали “Ура!” Александру II, а из этой молодежи анархисты вербовали динамитчиков»².

Святитель Феофан Затворник о «западной тьме»

На бездумное, некритическое увлечение европейскими теориями и науками «просвещенной» публики в России обращал внимание святитель Феофан Затворник. Вот как описывают современные российские авторы отношение святителя Феофана к тогдашней науке: «Свя-

¹ Там же. – С. 593; *Лассаль Фердинанд* (1825–1864) – немецкий философ, юрист, социолог, деятель немецкого рабочего движения. *Конт Исидор Мари Огюст Фрасуа Ксавье* (1798–1857) – французский философ и социолог; основатель позитивизма и социологии как самостоятельной науки. *Милль Джон Стюарт* (1806–1873) – английский философ-позитивист, экономист, общественный деятель. *Спенсер Гербер* (1820–1903) – английский философ и социолог, идеолог социал-дарвинизма.

² Там же. – С. 601.

титель Феофан видел односторонность и ущербность современной науки в том, что она отвернулась от изучения духовных явлений в мире и человеке. Это попросту означало – исказить действительность, вырвать самую важную страницу из книги жизни. Особенно страдали от этого науки о человеке. В их выводах не могло быть и речи ни о какой справедливости и полноте знаний без ясного представления о внутренней жизни человека, о духовной стороне его естества. По мнению святителя Феофана, следовало одухотворить науку, привлечь ее внимание к проявлениям духовности в человеке, а это значит, что она не должна противопоставлять себя вере и отталкивать ее от себя, это значит, что они должны повернуться лицом друг к другу. Без этого в объяснении многих явлений наукам не избежать ошибок и упрощений, без этого они во многом останутся на уровне голых и абстрактных теорий»¹. А теории, настаивает Феофан Затворник, следует отличать от подлинных фактов: «Теории – личное дело учащих; факты – общее достояние. Истинною, настоящею теориею может быть только та, которая согласна с христианскими истинами»², ибо Христианство открыло миру подлинное знание о явлениях духовной жизни человека, о ее непреложных законах. Защищая смелость своих суждений, Феофан Затворник пишет: «Верующие имеют полное право втесняться с духовным в область вещественного, когда материалисты лезут со своею материею, без зазрения совести, в область духовного», тем более что «материальное не

¹ Гончаров Геннадий, Каплин Александр. «Западом наказывал и наказет нас Господь...». Святитель Феофан Затворник о духовном состоянии российского общества во второй половине и конце XIX века // Русская народная линия. – 23.01.2012 (Интернет).

² Феофан Затворник. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собрание писем. В 4 т. В 8 вып. Т. 3. Вып. 6. – Репринт. – М., 1992. – С. 47.

может быть ни силою, ни целью»¹. Наиболее яркое выражение материального как цели проявлялось в экономической «науке», которую многие в то время называли еще «наукой о богатстве»², стремление к богатству в русской традиции считалось гибельной страстью.

Даже так называемые «естественные» науки были поставлены на службу атеизма и безбожия, а в итоге, чтобы обосновывать различные социальные и экономические теории, служившие интересам «миродержителей» (выражение С. Шарапова, которое он употреблял в отношении «королей биржи» и ростовщиков). Со второй половины XIX века, в частности в России, стали активно насаждаться такие материалистические теории, как гипотеза Лапласа о происхождении мира и теория Дарвина о происхождении человека из обезьяны и его же теория «естественного отбора». Некоторые «естественные» теории прямо проецировались на человека и общественную жизнь. Например, те авторы, которые развивали и пропагандировали «теорию конкуренции» (ту самую, которую Шарапов подверг резкой критике в работе «Бумажный рубль...»), постоянно апеллировали к дарвинизму: мол, как и в живой природе, в обществе также происходит «естественный отбор» в результате конкуренции между товаропроизводителями.

О «западной тьме», пришедшей в Россию, писали и говорили также почти славянофилы. Возникает вопрос: а откуда на Западе взялась эта самая «тьма»? Об этом кратко и точно сказал *святитель Николай Серб-*

¹ Там же. Т. 1. Вып. 2. – С. 117.

² Ее так называли в силу того, что в ее основании находилась работа А. Смита «Исследование природы и причин богатства народов». Довольно часто в дореволюционных изданиях длинное название работы Смита давали в более короткой версии «О богатстве», или «О происхождении богатства». Во всех случаях ключевым словом было «богатство».

ский. В одной из своих публикаций (1941 г.) он писал об организованной «оппозиции Богу», которая оформилась в различные этические и научные формулы. Последние, в свою очередь, начали последовательно вытеснять христианскую этику и догматику. Святитель отмечает, что: а) эта организованная «оппозиция Богу» зародилась не в простом народе, а в среде образованных верхов общества; б) сначала эти верхи утвердили грех в качестве этической нормы жизни (используя в том числе свои способности в литературе и искусстве), а затем обосновали это «научно», возведя свои домыслы в ранг «догматов позитивного знания».

«Оппозиция Богу на Западе, – писал святитель Николай Сербский, – зародилась не в простом народе, а в среде людей хорошо образованных и ученых; иными словами – в среде книжников и фарисеев, как и во времена древние. В первую очередь был нанесен удар по христианской этике, а затем и догматике. Сначала легкомысленные борзописцы сочиняли скандальные книги, а близорукие... художники тиражировали соблазнительные картины... Так с истреблением нравственности была подготовлена почва для ниспровержения догматики, для развала богооткровенных истин веры. Это разрушение продолжалось два последних столетия. Сперва включились в него французские энциклопедисты и английские утилитаристы, вслед за ними социологи и составители законов, затем растлевающие всех и вся романисты и приверженцы так называемого «реализма» в искусстве, потом ученые со своими упрямыми и фантастическими теориями и, наконец, лица, злоупотребившие научными открытиями в своих корыстных целях и обратившие их на подрыв веры и морали у европейской молодежи»¹.

¹ Святитель Николай Сербский (Велимирович). Духовное возрождение Европы. – М., 2006. – С. 394.

Для «подрыва веры и морали» в Европе активно стали использоваться школы и особенно университеты, которые христианские нормы этики и догматы стали замещать антихристианскими нормами и догматами.

Если в первой половине XIX века русская аристократическая молодежь ездила за «просвещением» в Европу, то с середины того века массовое «просвещение» было налажено уже в самой России на базе университетов. Процесс духовного и умственного разложения дворянства и иных сословий пошел гораздо быстрее. Западные «миссионеры» стали насаждать кафедры и курсы политической экономии в российских университетах.

Опять обратимся к Феофану Затворнику, которого очень тревожил процесс отделения светского образования от духовного. Светское образование, не освященное светом Евангелия, по его мнению, наносило непоправимый ущерб молодежи. В высшей школе уже зачастую давалось не «чисто светское» образование, а образование, которое было направлено на дискредитацию Христианства – чаще всего, в закамouflированной, но оттого еще более опасной форме. Из стен российских университетов стали выходить вольнодумцы, протестанты, атеисты и даже революционеры (с формальной отметкой в паспорте: «православный»): «Они прошли все науки в наших высших заведениях. И не глупы и, не злы, но относительно к вере и Церкви никуда неgoжи. Отцы их и матери были благочестивы; порча вошла в период образования вне родительского дома. Память о детстве и духе родителей еще держит их в некоторых пределах. Каковы будут их собственные дети? И что тех будет держать в должных пределах? Заключаю отсюда, что через поколение, много через два, иссякнет наше Православие»¹.

¹ Феофан Затворник, *святитель*. Письма о христианской жизни. Поучения. – М., 1997. – С.138–139.

Впрочем, по мнению святителя Феофана, данный процесс не является фатальным. У русского человека тогда (во второй половине XIX века) еще было время одуматься и изменить свою судьбу: «Что общего у Христианства с характером времени, в которое оно зачалось? Оно засемено несколькими лицами, которые не были порождением необходимого течения истории; оно привлекало желающих, крепко расширялось и стало общим делом тогдашнего человечества, а все-таки оно было делом свободы. То же и в худом направлении: как развратился Запад? Сам себя развратил: стали вместо Евангелия учиться у язычников и перенимать у них обычаи – и развратились. То же будет и у нас: начали мы учиться у отпавшего от Христа Господа Запада и перенесли в себя дух его, кончится тем, что, подобно ему, отшатнемся от истинного Христианства. Но во всем этом ничего нет необходимо определяющего на дело свободы: захотим и прогоним западную тьму; не захотим – и погрузимся, конечно, в нее»¹. Обратим внимание: святитель Феофан говорит о «*западной тьме*». В его времена это были, конечно, и многочисленные секты, приходившие из Европы и развращавшие русского человека; и католицизм, который со времен Александра Невского не оставлял надежды поставить Святую Русь под свой духовный и политический контроль; и забрасываемые из-за границы всевозможные ереси, призванные разложить Православие изнутри. Но у святителя не меньшее внимание уделяется так называемой «науке» и «светскому» образованию, особенно высшему (через которое и происходило заражение наших верхов западными экономическими и финансовыми теориями).

Святитель Феофан высказывает парадоксальную на первый взгляд, мысль: если русский народ добро-

¹ Феофан, епископ. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия. – М., 1991. – С.187–188.

вольно не вразумится, не отойдет от «западной тьмы», тогда Господь, как опытный врач, будет лечить его с помощью самого же Запада (известный принцип в медицине: «подобное лечится подобным»), в том числе избавлять русский народ от гипноза западных теорий. Например, святитель писал о сильном влиянии немецкой протестантской литературы на богословскую науку в России и предсказывал, что сами же немцы избавят наших богословов от этого влияния: «Жаль смотреть, как у наших богословов все немчура да немчура. – Вот пошлет за это на нас Господь немчуру, чтоб она пушками и штыками выбила из головы всякое немецкое (неправославное) мудрование»¹. Подобные мысли, отличающиеся исторической проницательностью, мы встречаем у него постоянно: «Нас увлекает просвещенная Европа... Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят и к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся, как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее. А теперь, кажется, начала забывать тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтоб привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему»².

¹ *Феофан Затворник*. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собрание писем. Вып. 7. – С. 209–210.

² *Феофан, епископ*. Мысли на каждый день... – С. 196. Еще одно подобное высказывание святителя: «Западом и наказывал и накажет нас Господь, а нам в толк не берется...» // *Феофан Затворник, святитель*. Письма о христианской жизни. Поучения. – С. 126.

Через некоторое время после того как были написаны эти строки, Господь послал на Россию ту самую «немчуру». Частично от «немецкого мудрования» наш народ тогда был освобожден. Хотя оно было замещено другим иноземным «мудрованием» под названием «марксизм». Пришлось еще раз посылать на Россию «немчуру»; надо сказать, что определенный очистительный эффект второе нашествие «немчуры» на Россию имело. Но полного очищения не произошло. Сегодня мы опять под гипнозом «немчуры» («немчура» – как собирательный образ Запада), которая на протяжении 20 лет активно насаждала в России идеи либерализма, в том числе экономического. Надо сказать, что сегодня в эти идеи в России не верят даже умственно поврежденные люди. И это дает нам некоторую долю оптимизма.

Мы далеки от того, чтобы утверждать, что «западная тьма» покинула Россию. Нет, конечно. Об этом свидетельствует в том числе сохраняющееся в высшей школе засилье западной экономической и финансовой науки. Но внедрять идеи этой науки в сознание студентов пропагандистам «вашингтонского обкома партии» становится с каждым годом все труднее. Первостепенной задачей борьбы за Россию является перестройка экономического образования в нашей высшей школе. Это условие не только экономического, но и духовного возрождения России. Мы должны понимать, что нынешние программы и курсы экономического образования не просто искажают реальность, не просто обслуживают чьи-то материальные интересы, но и имеют мощную антихристианскую направленность, духовно уничтожают русский народ. Одним из важных ориентиров при создании новой, истинно русской системы экономического образования должны стать

идеи С. Ф. Шарапова, изложенные в работе «Бумажный рубль (Его теория и практика)» и других его работах.

С. Шарапов: экономика как парадокс русской мысли и культуры

Для понимания взглядов С. Шарапова на экономику и экономическую науку большое значение имеет его работа «Марксизм и русская экономическая мысль» (речь, произнесенная в собрании экономистов 15 февраля 1899 г.). Она включена в только что изданную книгу «Россия будущего». В этой работе Шарапов констатирует прискорбный факт: практически вся интеллигенция России (независимо от ее политических пристрастий) находилась под гипнозом Карла Маркса, вернее, его экономического учения. Русскому интеллигенту «Капитал» казался высшим проявлением научного осмысления хозяйственной жизни общества. Ни народники, ни легальные марксисты, ни буржуазные писатели, ни даже толстовцы не ставили под сомнение «научные» выводы экономического учения Маркса. Для представителя «образованного» сословия оно было «священной коровой», споры между различными фракциями интеллигентов касались лишь тонкостей толкования этого «священного писания» новейшего времени. Шарапов рассматривал подобную популярность «Капитала» как своего рода духовно-умственное помрачение «среднего класса», которое затем, подобно заразе, распространилось и на другие слои русского общества. В связи с этим он попытался разобраться в том, что такое наука вообще и «экономическая наука» в частности.

При этом Шарапов заходит издали. Он обращает внимание на то, что в науке (по крайней мере,

гуманитарной) и культуре существуют обязательно национальные особенности восприятия тех или иных общественных явлений и процессов. Он, в частности, подчеркивает: «Я хочу воспользоваться моментом как бы вашего раздумья, чтобы совершенно объективно и спокойно напомнить вам, что, каково бы ни было направление, каковы бы ни были симпатии, в тех вопросах, о которых здесь спорят, надо стараться прежде всего стать твердо на почве науки, на почве свободной критики, свободного, а не загипнотизированного мышления.

Я не буду поднимать здесь старого вопроса о национальности в науке, так хорошо освещенного Юрием Самариним; я напому лишь то положение, что наука, в особенности гуманитарная, может быть жизненна и составлять равноправную долю общечеловеческой науки только тогда, когда она не безлична, когда на ней лежит отпечаток психических особенностей создающего ее народа. Только при этих условиях она оригинальна и продуктивна. Истина одна, но каждый народ идет к ней своим путем, согласно своему духовному складу, видит и схватывает лучше одну какую-либо часть, ему более понятную и родственную. Происходит как бы мировое разделение труда, в результате коего получается обмен умственных богатств. Англичанин, француз, германец, русский – все культурные народы должны быть совершенно равноправны в этом общем творчестве. Но англичанину легче понять, изучить и дать научное определение той стороне его бытия, которая составляет особенность его народа и не повторяется у русского, и обратно. Каждый народ глядит на истину немножко под своим углом зрения, и эта истина раскрывается перед ним только в оригинальном творчестве, а не в заимствованных готовых результатах чу-

жого, часто принимаемых на веру. Все заимствованное поэтому менее жизненно, менее действенно и менее ценно для человечества, чем свое, оригинальное, органически сложившееся и идущее в великую общечеловеческую семью со своей собственной физиономией. В Адаме Смите, Дарвине и Ньютоне всякий сразу узнает англичан, в Декарте, Паскале и Прудоне – французов, в Гете, Гегеле и Рошере или Тюнене – немцев, во Льве Толстом, Аксакове, Пушкине – русских»¹.

При этом Шарапов обращает внимание на удивительный факт: Россия не дала миру выдающихся, всемирно известных ученых-экономистов. Чем это можно объяснить? Может быть, причина кроется в национальных особенностях мировосприятия русского человека? Шарапов высказывает свое предположение: «Но почему же так? Неужели у нас нет экономической жизни? Наоборот, есть, огромная и сложная и вдобавок совершенно оригинальная. Такая жизнь не могла не возбуждать аналитической мысли, не могла, казалось бы, не вызвать и своих экономических построений. Но, может быть, таковые и есть, да только мы их не видим и не знаем?

Из того, что русская литература, давшая такие огромные и разнообразные вклады в общечеловеческую сокровищницу, упорно не выдвигала до сих пор ни одного мирового экономиста, можно, пожалуй, заключить и нечто иное. Не отвращалась ли русская мысль от западного толкования экономических явлений, не относилась ли она отрицательно к самой возможности признать особый мир экономических явлений со своими особыми законами?».

¹ Здесь и далее (если специально не оговорено) цитаты приводятся из работы: Марксизм и русская экономическая мысль // Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 241–270.

Русской экономике нужны мысль и творчество, а не придуманная наука

Русский ум постоянно задавался вопросами хозяйственной жизни, очень глубоко проникал в сущность экономических процессов и явлений, но при этом, что удивительно, никогда не претендовал на то, чтобы создать экономическую науку. По одной простой причине: русский человек не видел в сфере хозяйственной жизни каких-то особых законов, без которых науки, как известно, не бывает. Нет, конечно, хозяйственная жизнь управляется законами, но *это законы не экономические, это законы, находящиеся вне сферы экономики*. Эти законы давно известны русскому православному человеку. Это *законы духовно-нравственные*, которые в обыденной жизни выражаются в форме соответствующих этических норм – норм, нарушение которых означает, в конечном счете, нарушение Высших законов, установленных Богом.

Шарапов называет двух русских мыслителей, которые, по его мнению, сумели убедительно обосновать эту простую истину. Первый из них – Н. П. Гиляров-Платонов¹, которого Шарапов считал своим учителем и

¹ *Гиляров-Платонов Никита Петрович* (1824–1887) – мыслитель, писатель, экономист. Основные работы по экономической проблематике: «Работа и труд» (1861), «Основные начала экономии» (1888–1889). Указанные работы вошли в книгу: *Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение*. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. В указанном собрании сочинений содержатся также работы Гилярова-Платонова по православному богословию и основам церковно-общественной жизни, народному образованию, критические исследования по вопросам коммунизма, нигилизма и народничества, по вопросам правосудия в России, по искусству и русской литературе, по еврейскому вопросу. Гилярова-Платонова с полным основанием можно отнести к русским славянофилам. Он оказал существенное влияние на формирование мировоззрения С. Ф. Шарапова.

который оставил после своей смерти очень небольшое количество листочков с записями своих экономических мыслей. Шарапов достаточно подробно анализирует лаконично изложенные экономические мысли Гилярова-Платонова и делает общее заключение: «Одним словом, вывод Гилярова повсюду одинаковый. Экономические явления сами по себе не могут составлять самодовлеющего замкнутого мира, и не они, не их законы управляют человеческим общежитием, но законы иного рода и иного мира – *законы нравственные*. Эти законы должны охватывать собою и проникать насквозь мир человеческой экономики, которая как наука, если таковая возможна, будет не что иное, как учение *о подчинении человеку природы в целях его хозяйственного преуспеяния*».

Второй русский мыслитель – известный философ В. С. Соловьев¹. Шарапов цитирует работу этого философа «Оправдание добра» (гл. 16 «Экономический вопрос с нравственной точки зрения»)². Одна из мыслей известного философа: рассмотрение человека как *homo economicus* – «точка зрения ложная и безнравственная»: «Признавать в человеке только *деятеля экономического* – производителя, собственника и потребителя веществен-

¹ Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – философ, поэт, публицист и критик. В основе философского творчества Соловьева лежит стремление к универсальному всеединству, «цельной жизни», «цельному знанию», «цельному творчеству». Средством для этого он рассматривал синтез философии, научного знания, религии. Иначе говоря, философ призывал к синтезу опыта, знания и веры. В ряде вопросов отклонялся от православного понимания мира, общества, религии; в этой связи подвергался резкой критике со стороны славянофилов и консерваторов. Наиболее крупные и известные философские работы Соловьева: «История и будущее теократии» (1886), «Россия и Вселенская Церковь» (1889), «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями» (1899–1900).

² Последнее издание данной работы: Соловьев В. С. Оправдание добра (нравственная философия). – М.: Институт русской цивилизации, 2012.

ных благ – есть точка зрения *ложная и безнравственная*. Упомянутые функции не имеют сами по себе значения для человека и нисколько не выражают его существа и достоинства. Производительный труд, обладание и пользование его результатами представляют одну из сторон в жизни человека или одну из сфер его деятельности, но истинно человеческий интерес вызывается здесь только тем, как и для чего человек действует в этой определенной сфере. Как свободная игра химических процессов может происходить только в трупе, а в живом теле эти процессы связаны и определены целями органическими, так точно свободная игра экономических факторов и законов возможна только в обществе мертвом и разлагающемся, а в живом и имеющем будущность хозяйственные элементы связаны и определены целями нравственными, и провозглашать здесь *laissez faire, laissez passer* – значит говорить обществу: “умри и разлагайся!”. Удивительно яркая мысль! Современная экономическая теория требует, чтобы человек избавился от всех своих «предрассудков» в виде нравственных норм, совести, чувства справедливости и любви. Тех «предрассудков», которые мешают идеальному функционированию «рыночного механизма». Безумные экономисты требуют, чтобы человек превратился в биоробота, или *homo economicus* с двумя-тремя чувствами-рефлексами (алчность, сластолюбие, страх). Но это означает смерть человечества – сначала духовную, а затем и физическую. Конечной целью современной экономической теории является убийство человечества, идеалом – труп.

Соловьев утверждает, что хотя труд является необходимостью, однако сама экономическая деятельность определяется мотивами, вытекающими из нравственных установок человека и общества. Отсюда приговор Соловьева: никаких экономических законов быть не может:

«Хотя необходимость трудиться для добывания средств к жизни есть действительно нечто роковое, от человеческой воли независящее, но это есть только толчок, побуждающий человека к деятельности, дальнейший ход которой определяется уже причинами психологического и этического, а вовсе не экономического свойства. При некотором осложнении общественного строя не только результаты труда и способ пользования ими – не только «распределение» и «потребление», – но и самый труд вызывается, кроме житейской нужды, еще другими побуждениями, не имеющими в себе ничего физически принудительного или рокового, например, чтобы назвать самые распространенные *страстью к приобретению и жаждою наслаждений*. Так как не только нет экономического закона, которым бы определялась степень корыстолюбия и сластолюбия для всех людей, но нет и такого закона, в силу которого эти страсти были бы вообще неизбежно присущи человеку как роковые мотивы его поступков, то, значит, поскольку экономические деятельности и отношения определяются этими душевными расположениями, они имеют свое основание *не* в экономической области и никаким экономическим законам *не подчиняются* с необходимостью. Более того, обстоятельство, что человек является экономическим деятелем в силу нравственных качеств или пороков, делает вообще *невозможными какие бы то ни было экономические “законы”* в строгом научном смысле этого слова». Чуть ниже (работа «Оправдание добра») Соловьев вновь возвращается к мысли, что в сфере хозяйственной жизни может быть только закон нравственный (никаких специальных «экономических законов» нет): «Так как подчинение материальных интересов и отношений в человеческом обществе каким-то особым, от себя действующим экономическим законам есть лишь

вымысел плохой ребяческой метафизики, не имеющий и тени основания в действительности, то в силе остается общее требование разума и совести, чтобы и эта область подчинялась высшему нравственному началу, чтобы и в экономической своей жизни общество было организованным осуществлением добра.

Никаких самостоятельных экономических законов, никакой экономической необходимости нет и быть не может. Самостоятельный и безусловный закон для человека как такового один – *нравственный* и необходимость одна – *нравственная*. Особенность и самостоятельность хозяйственной сферы отношений заключается не в том, что она имеет свои роковые законы, а в том, что она представляет по существу своих отношений особое своеобразное поприще для применения единого нравственного закона, как земля отличается от других планет не тем, что имеет какой-нибудь свой особый источник света (чего у нее в действительности нет), а только тем, что по своему месту в солнечной системе особым, определенным образом воспринимает и отражает единый общий свет солнца».

Помимо Гилярова-Платонова и Соловьева были, конечно, и другие русские мыслители, которые отвергали претензии западной политической экономии на статус «науки», но которых Шарапов не упомянул. Среди них – известный русский ученый Н. Я. Данилевский¹.

¹ *Данилевский Николай Яковлевич* (1822–1885) – русский ученый-естествоиспытатель, социолог, философ, публицист. В 1850-е гг. занимался рыбоводством на Каспии, Волге, Русском Севере. Автор фундаментального исследования «Россия и Европа» (1869), в котором заложил основы учения о цивилизации (культурно-исторические типы). Занимался также вопросами экономики (см.: Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. – СПб., 1890). Перу Данилевского принадлежит также фундаментальный труд «Дарвинизм» (1885), посвященный критике теории английского ученого Ч. Дарвина (о происхождении человека, естественном отборе и др.).

Николай Яковлевич с иронией говорит о том, что политэкономия заявила о себе как о настоящей науке на том основании, что она «открыла» «экономические законы»: «Политико-экономы гордятся тем, что среди всех нравственно-политических и общественных наук только одной их науке удалось установить законы явлений, т. е. такие общие формулы, которые объемлют собою обширный круг фактов, представляющихся уже как необходимый из них вывод, совершенно такой же, как в области наук физических и отчасти естественно-исторических или биологических»¹. Данилевский, как и Гиляров-Платонов, и Соловьев, отвергает заявления профессоров от политической экономии на существование каких-то «экономических законов»: «Все дело в том, что напрасно говорят о каких-то особых экономических законах, ибо все экономические законы суть законы психические в применении к мене товаров и услуг. В самом деле, ведь не происходит же никаких движений и явлений в экономических объектах без того, чтобы они не приводились в движение человеком сообразно с нуждами и потребностями, которыми ведь управляет не что иное, как законы психические»². В качестве доказательства этого своего тезиса Данилевский приводит пример: изменения курсов валют и акций под влиянием биржевой паники. Наверное, можно согласиться, что экономические отношения, как и всякие отношения между людьми, зависят от психического состояния и психических реакций этих людей. Но, безусловно, законы психические играют гораздо более подчиненную роль по отношению к законам духовно-нравственным.

Следует обратить внимание, что в последних своих работах Шарапов уже не ставит задачи создания русской

¹ Цит. по: Антонов М. Экономическое учение славянофилов. – С. 220.

² Там же. – С. 220.

экономической (и финансовой) науки. Видимо, сказало влияние упомянутых выше мыслителей – Никиты Гилярова-Платонова и Владимира Соловьева. Сергей Федорович формулирует более точно и корректно задачу – разработать экономическую теорию на базе русского понимания добра и нравственности. Фактически речь идет о *хозяйственной этике как части общей христианской (православной) этики*. Что касается конкретных механизмов и инструментов хозяйственной жизни, то их разработку и применение можно скорее отнести к сфере творчества и искусства. И в этом творчестве и искусстве Шарапов имел талант от Бога.

О самобытности русской экономической мысли и экономики

С. Ф. Шарапов полагал, что насаждение в России западной экономической «науки» (не только в марксистском ее варианте, но и всех других) наносит непоправимый ущерб не только экономике страны, но также душам молодежи: «Да, экономическая наука пришла к банкротству, стала схоластикой, и молодой, свежий ум, в нее углубляющийся и жадно стремящийся ее усвоить и на ней построить свое мировоззрение, рискует не найти в ней ничего, кроме игры в слова и понятия, и выйти искалеченным».

Как это справедливо для наших дней! Под предлогом «экономического образования» наши власти организовали в университетах и других вузах конвейер, на котором каждый год калечится по миллиону молодых душ, происходит «перезагрузка сознания». На выходе такого «производства» мы получаем биороботов, работающих по западным программам, а не думающих и

творческих личностей. Без необходимого «программного обеспечения» такой биоробот превращается в хлам, место которому на помойке, подобно тому как компьютер без необходимых программ являет собой совершенно ненужную вещь. Наносится непоправимый ущерб главному экономическому достоянию страны – труду, а человек становится неполноценной личностью¹.

С. Ф. Шарапов постоянно апеллировал к разуму и совести той части российской интеллигенции, которая позиционировала себя как представителей «экономической науки». Шарапов призывал интеллигенцию России начать мыслить самостоятельно, по-русски, освободиться от эпигонства, слепого подражания западным теориям, в первую очередь, марксизма: «Не с тем, м<илостивые> г<осударь>, занял я сегодня эту кафедру, чтобы вступать в какую бы то ни было полемику с вашим «великим учителем» (К. Марксом. – В. К.) или его последователями из обоих спорящих лагерей. Я хотел лишь напомнить вам, что, сплотившись под знаменем крупного европейского мыслителя и ученого, совершенно противоположного по складу ума, симпатиям, идеалам и научным методам русскому человеку, русской науке и русской культуре, вы, по крайней мере, не должны *идти* за ним слепо. Ни за ним, ни за теми, кто облекается в ученую тогу его продолжателей и толкователей. Я хотел предостеречь вас от ложного и совершенно ненаучного пути – брать все на веру или утомлять разум и мысль в дебрях схоластики, из которых нет выхода. Искать Истину, искать свободно и самостоятельно, ничего не принимая на веру и критически относясь ко всякому извне

¹ На эту тему мною был опубликован в Интернете (на «Русской национальной линии») ряд материалов, в частности: «Самый ценный ресурс в условиях рыночной экономики – это дурак» (30.09.2011); «Кризис современного экономического образования как шанс на спасение человечества» (07.12.2011).

взятому утверждению, ко всему тому, что предлагается под видом аксиом, – вот истинно научный путь и истинно достойный тех, кто так гордо присваивает себе кличку интеллигенции. Не только не избегать критики, но искать ее во что бы то ни стало, не пугаться никакого, как бы оно ни казалось неприемлемым и несимпатичным, мнения. Все проверять своим анализом и совестью да заботиться свято о том, чтобы эта совесть, это чувство правды было вечно живо и деятельно.

Привнесение какой бы то ни было лжи или условности, допущение себя до унижения в форме господства над совестью той или иной страсти, даже той или иной симпатии – слишком опасно для науки. Но менее опасно, чем разменяться на мелочи, уйти в схоластику. А с политической экономией это уже успело случиться».

К сожалению, эта схоластика и грубый, вульгарный материализм были присущи и той политической экономии, которая разрабатывалась и преподавалась в советское время. Иной она и не могла быть, ибо называлась «марксистско-ленинской». Мораль, нравственность человека там оказались заложниками «железных» «экономических законов». Один из главных постулатов марксистского «символа веры» был: чтобы создать нового человека («гармонически развитого», «нравственного», «совершенного» и т. п.), необходимо всемерно развивать производительные силы. Без пьедестала под названием «материально-техническая база коммунизма» о совершенном (в том числе нравственном) человеке мечтать нельзя! Нравственный и совершенный человек без соответствующего «экономического базиса» и «материально-технической базы» – это, по мнению марксистов, – буржуазные предрассудки, фантазии идеалистов. Вот такой «символ веры» завел нас в болото застоя и полной деморализации общества, породил в

итоге крах Советского Союза. О социал-дарвинизме и вульгарном материализме сегодняшней экономической теории и пришедшего с Запада предмета под брендом “economics” говорить не приходится. Фактически за вывесками экономических предметов и дисциплин, преподаваемых не только в России, но и по всему миру, скрывается *«религия денег»*.

Там «чувство правды», о котором говорил Шарапов, не нужно и вредно. Там, в «религии денег», все принимается на веру, ничего не проверяется «анализом и совестью». Более того, совесть нещадно изгоняется, ибо она может подвергнуть сомнению сомнительные умственные и нравственные (точнее – безнравственные) конструкции экономической теории, вывести человека из состояния духовного гипноза. Техника духовного гипноза, применяемая «жрецами» «религии денег», очень многогранна. В приведенной выше цитате из Шарапова он, в частности, предупреждает, чтобы в постижении экономики «не разменяться на мелочи» и «не уйти в схоластику». Именно этот прием (погружение в мелочи и опора на схоластику) и используют «жрецы» «религии денег», уводя современного человека в дебри математических формул, графиков, моделей, не имеющих никакого отношения к нашей действительности. Все подобные схоластические построения построены на лукавом приеме: использовании ложных аксиом, о которых в дальнейшем объект гипнотического сеанса должен забыть. Формула лукавой аксиомы обычно начинается со слов: «Предположим, что...». Выглядит очень «научнообразно» и действует безотказно. Имеют место опасные для человеческой души манипуляции, которые Шарапов назвал «игрой в слова и понятия». Эти манипуляции опираются на новейшие достижения в области психо-

анализа, нейролингвистического программирования сознания («зомбирования»), каббалистики¹.

С. Ф. Шарапов считал, что русская экономическая мысль (прежде всего в лице двух выше упомянутых русских мыслителей – Н. Гилярова-Платонова и В. Соловьева) достойна того, чтобы наряду с лучшими достижениями русской культуры стать достоянием всего человечества. По мнению Шарапова, Запад крайне далек от правильного, христианского понимания хозяйственной жизни. Более того, именно в сфере экономики и финансов антихристианский дух западной цивилизации особенно ярко проявляется. Русская экономическая мысль может и должна выполнять всемирную миссионерскую задачу: «И вот, мы видим, что в этой культуре, в этом умственном богатстве чистые, самодовлеющие учения политической экономии отсутствуют. Огромная русская экономическая литература вся сплошь переводная или грубо компилятивная и комментаторская. Только два писателя, коснувшиеся своим анализом этой области, спускавшиеся туда искать Истину, заявили согласно: один – что это область не самостоятельна, а подчинена и самостоятельных законов иметь не может; под его аналитическим ножом разложились ходячие понятия и произвольно условные термины и дело свелось к первичным элементам жизни, складывающимся совсем по иной схеме. Другой объявил всю западную экономическую науку *мнимой величиною*, отказал ей в звании науки и объявил ее законы мнимыми и несуществующими.

И мы должны признать, что эти оба мыслителя, не будучи ни в малейшем противоречии между собой, не

¹ См., например: *Катасонов В. Ю.*: Мир находится под гипнозом каббалистических символов // Русская народная линия. – 17.01.2012 (Интернет).

только не противоречат всему великому ходу русской национальной мысли, но органически в него вливаются, несут и со своей стороны новые устои, подводят дальше фундамент под величавое здание русской культуры».

Думаю, что кроме Н. Гилярова-Платонова и В. Соловьева в список тех мыслителей, которые внесли свой вклад в правильное, православное понимание экономики, можно включить имена и многих других соотечественников С. Ф. Шарапова (живших до С. Ф. Шарапова или бывших его современниками): М. В. Ломоносова, И. Т. Посошкова, А. П. Сумарокова, С. Н. Булгакова, Г. В. Бутми, А. И. Васильчикова, В. П. Воронцова, Н. Я. Данилевского, Ю. Г. Жуковского, И. Зейделя, К. Д. Кавелина, В. А. Кокорева, А. И. Кошелева, Д. И. Менделеева, М. О. Меншикова, А. Д. Нечволодова, В. Ф. Одоевского, П. В. Оля, К. Н. Пасхалова, Ю. Ф. Самарина, Л. А. Тихомирова, Ф. В. Чижова, А. П. Шипова, А. Г. Щербатова, А. Н. Энгельгардта, В. Ф. Эрн и многих других¹.

И сегодня мы видим оживление русской экономической мысли. В работах О. А. Платонова, М. Ф. Антонова, С. Г. Кара-Мурзы, Ю. М. Осипова, А. А. Олейникова и некоторых других современных исследователей современному читателю возвращаются имена дореволюционных мыслителей, оценивается с позиций Православия экономический строй России (дореволюционной, советской, современной), формулируются основные задачи и направления актуальных экономических исследований, нащупываются пути выхода России из нынешних социально-экономических тупиков.

Исследователь О. А. Платонов в 1995 г. выпустил книгу «Экономика русской цивилизации», в которой

¹ Подробнее см.: Антонов М. Экономическое учение славянофилов; Платонов О. А. Экономика русской цивилизации (1-е изд. – 1995, 2-е изд. – 2008 г.); Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа.

сформулировал основополагающие основы развития русской экономики. По его мнению, русская модель хозяйственного развития принадлежит к общинному типу экономики. Она развивалась на традиционных ценностях крестьянской общины и артели, коллективизма, взаимопомощи, трудовой демократии, местном самоуправлении. Эффективный труд мотивировался в ней преимущественно моральными, а не материальными стимулами. Русская модель экономики существовала как определенный национальный стереотип хозяйственного поведения. Это не была жесткая доктрина, а постоянная развивающаяся устойчивая система представлений, опиравшихся на традиционные народные взгляды.

О. А. Платонов пишет: «Изучение деятельности русской модели экономики, существовавшей как господствующий тип с X–XII веков вплоть до начала XVIII века, а в усеченном виде даже до начала XX века, позволяет выявить ряд основополагающих принципов ее функционирования.

1. Хозяйство как преимущественно духовно-нравственная категория. Ориентированность на определенный духовно-нравственный миропорядок.

2. Автаркия – ориентированность хозяйственных единиц и системы в целом к замкнутости, самодостаточности, самоудовлетворенности. Основной поток эффективной хозяйственной деятельности направлен не во вне, а внутрь хозяйственной системы.

3. Способность к самоограничению. Направленность не на потребительскую экспансию (постоянное наращивание объемов и видов товаров и услуг как самоцель), а на обеспечение самодостаточности.

4. Трудовой характер хозяйственной деятельности. Взгляд на труд как на добродетель. Экономический про-

цесс направлен не на максимизацию капитала и прибыли, а на обеспечение трудовой самодостаточности.

5. Собственность – функция труда, а не капитала. Капиталом является производительная часть собственности, направленная на производство; капитал, отдаваемый в рост, рассматривается как паразитический.

6. Самобытные особенности организации труда и производства – трудовая и производственная демократия.

7. Самобытные особенности трудовой и хозяйственной мотивации – преобладание моральных форм понуждения к труду над материальными»¹.

Важные мысли о том, что такое экономика с точки зрения русского человека, высказывает М. Ф. Антонов: «Русская экономическая мысль не сводила хозяйственную деятельность только к деньгам, к подсчету прибылей и убытков, не отделяла финансовые итоги от духовно-нравственных ценностей, всегда имела перед собой высокий идеал.

По моему определению, экономика – это наука не о том, почему кубометр бетона или как снизить его себестоимость, и не о том, какими способами современному Дерунову-Колупаеву-Разуваеву (персонажи М. Е. Салтыкова-Щедрина. – В. К.) увеличить прибыль его частного предприятия. **Экономика – это наука о том, как нам вести хозяйство, чтобы государство богатело, земля хорошела, а люди становились чище, человечнее, благоднее и жили дольше и радостнее.**

Главным критерием развития экономики не может служить рост внутреннего валового продукта по многим причинам.

¹ *Платонов О. А.* Экономика русской цивилизации. – М., 1995. – С. 6–7 (в расширенном варианте книга переиздавалась в 2006 и 2008 гг.). Еще ранее эти идеи высказывались автором в книгах: *Воспоминания о народном хозяйстве.* – М., 1990; *Русский труд.* – М., 1991.

Во-первых, этот рост может достигаться за счет производства алкоголя и прочих отнюдь не полезных продуктов, увеличения добычи и экспорта нефти в ущерб будущим поколениям.

Во-вторых, он часто достигается таким способом, что, обогащая правящую элиту, не ведет к повышению уровня и качества жизни рядовых граждан.

В-третьих, такой рост, к сожалению, нередко ведет к сокращению численности населения и продолжительности жизни людей.

И вообще, наша цель – не общество потребления, а более достойная, духовно богатая жизнь российских граждан. Поэтому для нашей экономики должен стать характерным не цикл “деньги – товар – больше денег”, а цикл совсем другого рода: “человек – производство – более совершенный человек”. Новый критерий прогресса экономики должен включать показатели продолжительности жизни людей, уровня экологической безопасности и др.»¹.

После погружения в мир С. Ф. Шарапова и его единомышленников особенно отчетливо понимаешь никчемность, суетность и разрушительность той современной псевдотворческой деятельности, которая называется «экономической наукой» и «экономическим образованием». Если судить о нашей «экономической науке» по количеству публикаций различных монографий, учебников, статей, обзоров и других информационных материалов, то она у нас «процветает». Число таких публикаций исчисляется ежегодно десятками тысяч! «Огромная русская экономическая литература вся сплошь переводная или грубо компилятивная и комментаторская», – эти слова Шарапова, сказанные более века назад, в полной мере отражают нынешнюю ситуацию

¹ Антонов М. Капитализму в России не бывать! – М., 2005. – С. 665–666.

в области «экономической науки». Однако эта «наука», по яркому выражению В. Соловьева и С. Шарапова, эта «наука» – «мнимая величина».

И в то же время после знакомства с творческим наследием Шарапова восхищаешься: такую сверхзадачу для экономической мысли и экономического творчества в России (участие в строительстве «здания русской культуры») до С. Ф. Шарапова и его немногих единомышленников еще никто не ставил. *В России экономическая мысль и экономическое творчество должны стать не наукой, а важнейшей частью ее христианской духовной и материальной культуры.*

ГЛАВА 2. С. Ф. ШАРАПОВ: ПРОГРАММА ВЫХОДА РОССИИ ИЗ КРИЗИСА

Три основных направления программы С. Ф. Шарапова

Жизнь и творчество С. Ф. Шарапова пришлось на очень непростое для России время. После прихода к власти Александра II в стране начались реформы, которые резко изменили вектор социально-экономического развития страны. Россию активно втягивали на капиталистические рельсы развития, причем ей явно отводилась роль периферии мирового капитализма, т. е. колониального придатка Запада. Я уже говорил, что реформы «молодых финансистов» в конце 1850 – начале 1860-х гг. привели к утрате контроля российских

властей над денежным обращением в стране. Все более усиливалось влияние на страну со стороны западного капитала – биржевиков и банкиров-ростовщиков во главе с Ротшильдами, Варбургами, Шиффами и др. Сначала это было влияние финансовое, потом общеэкономическое, а затем оно переросло в политическое.

Шарапов был в эпицентре так называемой «русской» революции 1905–1907 гг. По горячим следам этих событий им были написаны в 1907–1908 гг. роман «Диктатор», состоящий из нескольких частей:

«Диктатор (Политическая фантазия)»;

«Иванов 16-й и Соколов 18-й (Политическая фантазия. Продолжение “Диктатора”)»;

«У очага хищений (Политическая фантазия. Продолжение “Диктатора”)»;

«Кабинет диктатора (Политическая фантазия. Завершение “Диктатора”)»¹.

Роман «Диктатор» стал попыткой Шарапова в художественной форме осмыслить причины революции и представить программу ее преодоления и построения сильной и независимой России. Впрочем, осмысление причин социально-экономического кризиса и путей его преодоления сопровождает все творчество Шарапова. Еще в 1880–1890-е гг. он предсказывал возможные социальные и политические катаклизмы в стране, выявлял их причины и предлагал конкретные меры по предотвращению надвигающейся катастрофы.

Главный герой романа «Диктатор» – генерал Иванов – был поставлен царем на должность своего уполномоченного, который должен был обеспечить в стране режим чрезвычайного положения и вывести ее из хаоса

¹ Все перечисленные части романа включены в изданную Институтом русской цивилизации книгу избранных произведений С. Ф. Шарапова «Россия будущего».

революции 1905 года. Генерал получал широкие полномочия в самых разных сферах государственного управления, фактически становился на время диктатором. Он кратко и предельно точно определяет *три основных направления действий, призванных спасти и преобразовать Россию*: «Возрождение России представлялось Иванову в трех основных формах. Возрождение *духовное* требовало очищения и восстановления Церкви во всей ее внутренней силе и правде. Возрождение *политическое* требовало уничтожения всеразъедающего начала бюрократизма и возрождения земщины, которая должна была стать добрым историческим фундаментом государства. Наконец, возрождение *экономическое* требовало правильной и стройной денежной системы, которая могла бы достойно обслуживать великую страну, дать широкое развитие народному кредиту, освободить Россию от ее печального рабства у иностранной биржи, создать национальную независимость, оплодотворить русскую предприимчивость, поднять народный труд».

Сегодня мы говорим, что России нужна *национальная идея*. Некоторые на полном серьезе пытаются «разработать», «сочинить», «сформировать» эту самую «идею». А она у русского народа была, причем ее понимал не только образованный представитель дворянства, но и простой мужик. Национальная идея русского народа имела чеканную формулировку «Православие, монархия, народность». В народе она трансформировалась в несколько иной по форме (но не по сути) лозунг «За веру, царя и отечество». Все три элемента формулы между собой органически взаимосвязаны. Это прекрасно показал и объяснил Л. А. Тихомиров в своей известной книге «Монархическая государственность». Шарапов не прибегает к прямому воспроизведению указанной формулы-лозунга, но, по сути, он так же, как и Тихомиров, раскрывает нам смысл

русской идеи, постоянно раскрывая органическую связь между Православием (религиозно-духовная сфера), монархической государственностью (политическая сфера), народностью (самоуправление народа на принципах земской организации). Таким образом, Шарапов выстраивает свою программу спасения и возрождения страны, предлагая практические меры по реализации лозунга «Православие, монархия, народность».

Следует обратить внимание, что Шарапов не был одинок в своих идеях и предложениях по спасению и возрождению России. В ноябре 1905 г. в России для противостояния волне революционного насилия и хаоса была создана массовая общественная организация под названием «Союз Русского Народа» (СРН). В патриотической деятельности Союза принимали участие выдающиеся общественные и государственные деятели, ученые, писатели, люди искусства¹. Центр СРН на-

¹ Среди них сам царь Николай II, святители Иоанн Кронштадтский и будущий патриарх Тихон, архимандрит Антоний (Храповицкий), протоиерей Иоанн Восторгов, протоиерей Михаил Алабовский, архимандрит Почаевской лавры Виталий (Максименко), архимандрит М. Гневушев; государственные деятели (министры, члены Государственного Совета и Государственной Думы) И. Г. Щегловитов, Н. А. Маклаков, А. А. Римский-Корсаков, князь А. А. Ширинский-Шихматов, Н. П. Муратов, Е. К. Климович, князь В. М. Волконский, А. С. Стишинский; ученые: академики Д. И. Менделеев, А. И. Соболевский, профессора Б. В. Никольский, А. В. Стороженко, А. С. Вязигин, Д. И. Иловайский, В. Ф. Залесский, С. В. Левашов, Ю. А. Кулаковский, И. П. Сазанович; И. Е. Забелин, Г. В. Бутми, А. Фролов, Г. Г. Замысловский, Л. А. Балицкий, А. С. Будилович; писатели и публицисты: С. А. Нилус, В. В. Розанов, Л. А. Тихомиров, М. О. Меньшиков, П. Ф. Булацель, К. Н. Пасхалов, П. А. Крушеван, Н. Д. Жевахов, Н. Д. Тальберг, И. И. Дудниченко, А. П. Липранди, А. Муратов, Н. Д. Облеухов, В. А. Балашов, Н. П. Тихменев, С. А. Кельцев, Д. Е. Куделенко, М. А. Орфенов («Рязанец»), С. К. Глинка-Янчевский; художники: В. М. Васнецов, М. В. Нестеров, П. Д. Корин. В Совет Союза входили Н. Е. Марков, А. И. Коновницын, Э. И. Коновницын, Е. Д. Голубев, А. И. Трищажный, В. М. Пуришкевич, Б. В. Никольский, И. О. Оборин, С. И. Трищажный, А. А. Майков, В. А. Андреев, С. Д. Чекалов, Е. А. Полубояринова.

ходил в Санкт-Петербурге, организация имела свыше 500 отделов в разных городах. Руководители: А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков. Число членов Союза доходило до 400 тыс. человек, но это был только патриотический актив. Общее число русских людей, связанных с деятельностью Союза Русского Народа, составляло не менее 2 млн. человек.

Союз имел программу срочных и более перспективных шагов по наведению порядка в стране и укреплению русского государства. Верховной целью Союза было развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний для общей работы на благо Отечества – России единой и неделимой. В программе Союза провозглашалось, что благо Родины – в незыблемом сохранении Православия, русского неограниченного Самодержавия и Народности. По некоторым данным, Шарапов также состоял в СРН. Более достоверно известно, что С. Ф. Шарапов был одним из организаторов Союза Русских Людей (СРЛ) – патриотической организации, которая по своим программным установкам была близка к СРН.

Кратко остановимся на указанных трех направлениях программы Шарапова (озвучиваемой его литературным героем – генералом Ивановым). Третье – экономическое – направление в данной главе излагается предельно кратко, поскольку в следующих главах оно будет подвергнуто доскональному анализу.

«Паралич» духовно-церковной жизни

В зрелые годы Шарапов твердо стоял на позициях Православия (хотя путь к вере и Церкви у него был не простым). В Церкви Шарапов видел духовную опору

государства. Он полагал, что серьезный удар по Церкви и, в конечном счете, по русскому государству нанесла реформа Петра I. Речь идет о ликвидации Патриаршества на Руси и постепенном превращении церковной иерархии в часть государственного аппарата. Над Синодом как высшим органом церковной иерархии появилась надстройка в виде аппарата обер-прокурора. Обер-прокурор вместе с Синодом фактически превратились в министерство по делам религии. Была нарушена симфония церковной и светской властей. Находясь под прессом государственной бюрократии, Русская Православная Церковь как организация перестала уделять должное внимание всем сторонам жизни христианина, сосредоточиваясь лишь на храмовых службах. Шарапов называл это «*храмовым Христианством*», или «*обрядовым Христианством*». Жизнь русского человека вне храма (в том числе и в первую очередь в сфере хозяйственной) постепенно утрачивала христианские ориентиры. Вопросы реформирования семинарского образования, издания богословской литературы, выпуска духовных книг для народа, переводов Библии решались, в конечном счете, обер-прокурорами (некоторые из них были достаточно далеки от истинного Христианства и даже подозревались в связях с масонством). В русской Церкви и в духовных учебных заведениях были сильны влияния католичества, протестантизма, даже некоторых сектантских учений. Русская богословская мысль находилась в параличе. Кровоточили незаживающие раны церковного раскола XVII века.

Вот данная Шараповым краткая историческая панорама церковной жизни в России до реформы Петра и после нее: «Древняя Русь была основана на тесном единстве государства и Церкви, народа и общества и Церкви. Точнее: и государство, и народ составляли Церковь,

жили в ней. Основной ячейкой всего быта народного и земского строя был приход. Этот строй был настолько прочен, настолько отвечал нашему национальному характеру, что в Смутное время только он один спас Россию от порабощения и анархии, восстановил государство, вдохнув в него тот же церковный и земский дух, которым был пронизан сам. Теперь мы видим совсем не то. Прекрасно оборудованная Церковь стала одной из отраслей государства и потеряла всякую связь с душой народа, стала для него внешней силой. Народ привязан к ней только обрядностью, в огромной части обязательной. Звонят колокола, идут чинные службы, но дух церковности отлетел, но живого Христа Церковь постепенно забывает. Верующие ходят слушать певчих, говеть, даже молиться, но жизнь стала языческой, в жизни Церковь потеряла всякое значение. Отсюда глубокая народная тоска, сознание пустоты, лжи и обмана и поразительная легкость всяких соблазнов и совращений».

Шарапов в своих оценках состояния нашей Церкви был не одинок. Например, *Ф. М. Достоевский* не раз говорил, что Церковь «пребывает в параличе». Схожие оценки давал наш духовный писатель и богослов *Константин Леонтьев*.

О нестроениях церковной жизни и последствиях этих нестроений для общества говорили наши тогдашние подвижники веры: святитель *Игнатий Брянчанинов*, святитель *Феофан Затворник*, святой Праведный *Иоанн Кронштадтский* и др. Много заметок и наблюдений по поводу оскудения церковной и духовной жизни в России оставил святитель *Феофан Затворник* (1815–1894), с трудами которого наверняка был знаком С. Шарапов. Современные исследователи творческого наследия святителя пишут: «Обращая свой взгляд на события современности, святитель *Феофан* обеспокоенно замечал все боль-

шее непонимание и нарушение православных начал, а с ними и всей внутренней жизни людей. Слабело монашеское служение, отходя от заветов святых православных подвижников. Безжизненной отвлеченностью, рассудочностью и духовным неведением страдало современное святителю богословие, отступавшее от православных основ к протестантским. В излишнюю ученость впадали духовная литература и церковная периодика, нередко упуская из виду живые, духовные потребности человека. Христианской, внутренней жизни все реже учили православные пастыри. Замирала духовная жизнь, и этого не могло не почувствовать российское общество. Православие теряло влияние на него. Верхи и низы отступали от Церкви, изменяя вере отцов или вообще отрекаясь от веры. Изменялся внутренний склад русских людей, менялись их устремления и ожидания, идеалы их сердца (т. е. то, что теперь принято называть менталитетом), а значит, целиком должно было смениться общественное и государственное устройство России»¹.

С особой болью Святитель Феофан писал о том, что пастыри Церкви и духовные писатели в основной своей массе разучились обличать зло и покорно молчат: «Зло растет, зловерие и неверие поднимают голову, вера и Православие слабеют... Что ж, сидеть сложа руки? Нет! Молчащее пастырство – что за пастырство? Нужны жаркие книги, защитительные против всех злостей».

Святитель Феофан не только констатировал факт оскудения веры, но и говорил о возможных трагических последствиях такого оскудения: «Завязли в грязи западной по уши и думают: все – хорошо!.. Через поколение-два иссякнет наше Православие... Православие, самодержавие, народность – вот что надобно сохранять! Когда изменятся эти начала, русский народ пере-

¹ Геннадий Гончаров, Александр Каплин. Указ. соч.

станет быть русским. Он потеряет тогда свое священное трехцветное знамя»¹. На склоне лет (2–5 июля 1893 г.) Вышенский Затворник писал с болью в сердце: «Гибнет Русь православная!»².

Шарапов не хотел мириться ни с низведением Христианства до уровня «обрядового», ни с господством синодального чиновничества в церковной жизни. Не случайно именно он осмелился издать письмо «О пленении Русской Церкви. Записка и проект всеподданнейшего ходатайства пред государем Александром II», направленное царю вскоре после его интронизации архиепископом Волынским *Агафангелом* (1812–1876). Письмо это тщательно скрывалось властями от общественности. В предисловии от издателя Шарапов пишет: «Чем-то прямо чудовищным представляется это торжество темного самовластия чиновника над Церковью, народом и царем, это издевательство над верой, совестью, правдой, над всем, что свято и дорого русскому человеку».

О том, что русская Церковь до революции имела серьезные нестроения и проблемы, мы можем прочитать также в очень интересной книге воспоминаний митрополита *Вениамина Федченкова*³ «На рубеже двух

¹ Цит. по: *Архиепископ Аверкий*. Провозвестник кары Божией русскому народу святитель Феофан Затворник Вышенский. – М., 1999.

² *Феофан Затворник*. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника // Т. 1. Вып. 1. – С. 252.

³ *Митрополит Вениамин*, в миру *Иван Афанасьевич Федченков* (1880–1961) – православный подвижник, духовный писатель. До революции был близок к протоиерею Иоанну Кронштадтскому. Принимал участие в работе Поместного Собора в 1917–1918 гг. Активный участник Белого движения. В 1919 г. генералом П. Н. Врангелем был назначен епископом армии и флота. После Гражданской войны – в эмиграции. В 1927 г. присоединился к клиру Московской Патриархии. Позднее организовал в Париже и других городах за границей Патриаршую Православную Церковь. С 1933 г. – Экзарх Московской Патриархии в Америке. В 1945 г. получил советское гражданство, в 1948 г. окончательно вернулся на родину, где управлял различными кафедрами.

эпох». Оценки духовного состояния общества и церковной жизни С. Шарапова и митрополита Вениамина очень схожи. Митрополит называл духовное состояние народа (даже находящегося в церковной ограде) «теплохладным». Отношения С. Шарапова с официальной церковной иерархией были весьма напряженными. Мы можем почувствовать это из содержащейся в книге «Россия будущего» публикации «Открытое письмо редактору “Русского труда” епископа Чебоксарского Антония (Храповицкого) и наш ответ» (1899).

Ситуация еще более осложнялась тем, что с конца XIX века в стране стали распространяться безверие, нигилизм, атеизм. Умами «среднего класса» стали править идеи марксизма и других западных учений. Фактически у интеллигенции появилась новая религия – социализм – со своим священным писанием в виде «Капитала» и других произведений Карла Маркса. Шарапов дал развернутую критику этой новой религии в своей работе «Социализм как религия ненависти» (1907), которая также включена в книгу «Россия будущего».

Безусловно, «паралич» церковной жизни подтачивал устои государства. В государственный аппарат проникали люди, которые только номинально числились «православными», а еще вчера были католиками, лютеранами, иудеями. Переход в Православие представлял собой упрощенную, формальную процедуру. Такие «свежеиспеченные православные» создавали в министерствах и ведомствах чуждую истинно русскому человеку атмосферу. Таким чиновникам на судьбы России было глубоко наплевать. Такие чиновники готовы были воспринимать любые западные теории, которые были противны русскому духу и Православию (например, западные финансовые теории). Нам не приходится говорить о том, что у некоторых из них напрочь отсут-

ствовали присущие русскому православному человеку совесть и страх Божий. На этой почве расцветали коррупция и казнокрадство. Шарапов все это хорошо почувствовал, поработав некоторое время в Министерстве финансов и других казенных учреждениях.

Программа духовно-религиозного возрождения России

После убийства революционерами великого князя Сергея Александровича Шарапов прямо заявил: «Если Церковь не остановит революцию, то междоусобицы не предотвратит никто и никогда...». Революционные события в России ускорили завершение разработки Шараповым программы духовно-религиозного возрождения России, общие контуры которой начали складываться еще в 80-е гг. XIX века. Программа включала, прежде всего, требование восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви и восстановление симфонии в отношениях духовных и светских властей (концепция, которая берет свое начало от византийского *императора Юстиниана*). Кроме того, программа предполагала:

- окончательное преодоление последствий церковного раскола;
- повышение роли приходов в жизни Церкви;
- активную борьбу с социализмом как формой религиозного сознания с ярко выраженной антихристианской направленностью.

Мы еще вернемся к вопросу о роли *приходов* в русской жизни. Эта роль, по мнению Шарапова, должна распространяться на разные стороны жизни – духовно-религиозную, культурную, образовательно-про-

светительскую, хозяйственную. Шарапов считал, что прихожане не в полной мере реализовывали свой потенциал как членов Церкви, роль приходов в решении общецерковных вопросов была крайне мала. Кстати, он был не одинок в таких оценках. Например, новомученик и исповедник нашей Церкви *М. А. Новоселов*¹ также обращал внимание на слабую активность прихожан в жизни Церкви в дореволюционной России и пытался наладить приходскую жизнь, опираясь на наследие Святых Отцов². По прошествии более века со времен Шарапова жизнь многих наших церковных приходов еще более далека от идеала. За некоторыми исключениями они по-прежнему не раскрыли своего потенциала, их голос не слышен при обсуждении и принятии решений на уровне всей РПЦ. Хотя у нас был Поместный собор РПЦ в 2009 г., однако он был посвящен лишь одному вопросу – выборам нового Патриарха. А вот обсуждения многих злободневных вопросов церковной жизни с участием не только высшей церковной верхушки (епископата), но и рядовых священников, монахов и мирян

¹ *Новоселов Михаил Александрович* (1864–1938) – русский богослов и духовный писатель. Был близок к протоиерею Иоанну Кронштадтскому и старцам Оптиной и Зосимовой пустыней. В 1902–1917 гг. был издателем «Религиозно-философской библиотеки». В 1912 г. был избран почетным членом Московской духовной академии. В 1938 г. был расстрелян по обвинению в «систематической антисоветской пропаганде». В 2000 г. был канонизирован Русской Православной Церковью как новомученик. Основные произведения: 1) Забытый путь опытного богопознания (в связи с вопросом о характере православной миссии). – Вышний Волочек, 1901; 2-е изд. – Вышний Волочек, 1903; 3-е изд. – М., 1912; 2) Психологическое оправдание Христианства (Противоречия в природе человека по свидетельству древнего и нового мира и разрешение их в христианстве). – М., 1912; 3) Беседы о жизни. – М., 1913; 4) Догмат, этика и мистика в составе христианского вероучения. – М., 1912; 5) За кого почитал Льва Толстого Владимир Соловьев? – М., 1913; 6) Письма к друзьям. – М., 1994.

² См.: Деятельное участие народа в жизни Церковной. По взглядам Св. Иоанна Златоуста и М. А. Новоселова. – М., 2001.

на Поместном Соборе уже не проводилось очень давно. Вопрос внутрицерковной демократии очень тонкий и деликатный, но обсуждение его порой у нас сегодня тормозится, как это было и во времена Шарапова.

А Шарапов говорил, что нашей национальной идеей всегда было, есть и будет Православие в его незамутненном виде как фундамент русской государственности и русского социума: «А с государственной точки зрения, на которой я единственно имею право стоять в этом вопросе, является вот что: наша национальная основа всей государственности и общественности есть Христианство, иной нет. Эта основа отнята, выкрадена, изуродована, и вот, мы не можем найти никакой общественной связи, никакого цемента для разлагающегося государства. И я глубоко убежден, что пока в той или иной форме мы этой связи не найдем и не восстановим, пока народная тоска по высшей Божественной правде не будет утолена, до тех пор анархия не кончится, ибо самая эта анархия есть, по-моему, только протест против опрофанирования идеала, против казенной лжи, вставшей на место народной правды. Мне думается поэтому, что первый шаг к восстановлению правды в русской жизни есть возрождение прихода. Оживите нашу древнюю церковную общину, верните народу Христа – и Россия воспрянет духовно и обновится».

Программа С. Шарапова по вопросам духовно-религиозного возрождения России имела практически полное совпадение с программой Союза Русского Народа. Русский народ, говорилось в программных документах Союза, – народ православный, а потому Православной Христианской Церкви, которая, по мнению членов Союза, должна быть восстановлена на началах соборности и состоять из православных, единоверцев и воссоединенных с ними на одинаковых началах старо-

обрядцев, должно быть предоставлено первенствующее и господствующее в государстве положение.

Сегодня наша Церковь уже имеет Патриарха, церковная иерархия выведена из-под прямого управления со стороны государства, ныне действующий Патриарх *Кирилл* на своей интронизации убедительно говорил о том, что принципом взаимоотношений между РПЦ и государственными властями РФ должна стать симфония. Вроде бы наша Церковь сегодня находится в лучшем положении по сравнению с тем временем, когда жил Шарапов. Но сегодня Русская Церковь столкнулась с другими вызовами времени. Тогда живую веру в Христа стала постепенно замещать идеология социализма, которая по сути стала альтернативной Православию религией. Сегодня на место идеологии социализма пришел еще более злой враг Православия – идеология капитализма. Фактически это больше чем идеология, это религия – «*религия денег*». К сожалению, наша церковная иерархия в силу ряда причин не замечает (или делает вид, что не замечает) этой «религии денег», которая убивает живую веру во Христа. С моей точки зрения, в социальной концепции РПЦ не дана в полной мере духовно-религиозная оценка капитализма как общества, в котором мы все оказались. Мы опять, как и во времена Шарапова, сталкиваемся с таким явлением, как «храмовое Христианство», «обрядовое Христианство». Жизнь христианина имеет ярко выраженную раздвоенность: с одной стороны, более или менее точное (иногда даже скрупулезное) соблюдение «ритуальных» правил; с другой стороны, полное забвение и попрание заповедей Христа в нашей повседневной жизни. Надо еще раз вернуться к Шарапову или митрополиту Вениамину Федченкову, чтобы осознать, какими для России катастрофами грозит подобная теплохладность, церковный

формализм, шизофреническая раздвоенность сознания и практической жизни современного человека, самодовольно причисляющего себя к христианам.

Одно государство и два народа. Кризис государственности

После преодоления смутного времени с 1613 г. в стране наблюдался расцвет российской государственности.

Во-первых, царь (светская власть) стал править в «симфонии» со свободной и авторитетной Церковью (духовная власть).

Во-вторых, все народы, населявшие Российскую Империю, были равны. Более того, некоторые из них сохранились и вышли на более высокий уровень духовного и культурного развития благодаря тому, что они вошли в состав империи. При этом особую роль играл русский народ (в лице малороссов, белорусов, великороссов) как державообразующий.

В-третьих, царская государственная власть дополнялась Боярской Думой (аристократический элемент власти) и избиравшимися снизу Земскими соборами (демократический элемент власти). На низовом уровне имело место народное самоуправление. Основным первичным «социумом» в России как крестьянской стране была сельская община, которая на местах решала многие важные вопросы.

В-четвертых, все сословия общества так или иначе осуществляли свое служение во имя укрепления российской государственности. Особая роль при этом принадлежала дворянству. Оно несло тягло военной службы, получая за это поместья (без права их передачи по наследству). Крестьяне, прикрепленные к этим

поместьям (крепостные крестьяне), в свою очередь, несли хозяйственное тягло, а также военную повинность. В православной стране прикрепление крестьян к земле рассматривалось не как форма рабского крепостничества, а как форма христианского послушания и служения.

Итак, сложилась стройная, иерархическая государственная система с четким разделением прав и обязанностей отдельных сословий, сочетанием централизованного управления и самоуправления на местах при приоритете духовных начал общественной жизни над материальными соображениями. Ответственность людей друг перед другом и каждого перед обществом строилась, в конечном счете, на служении Богу и на страхе Божиим. В этом было отличие общественной и государственной жизни в России от жизни в Европе: фундаментом первой было религиозно-нравственное чувство; фундаментом второй – юридические нормы. Юридические нормы на Западе призваны были сглаживать звериные начала в человеке, которые проявлялись в борьбе эгоизмов отдельных личностей между собой и с верховной властью.

Однако постепенно монолитное здание российской государственности стало давать трещины. Об одной из таких серьезных трещин мы выше сказали: Петр I ликвидировал Патриаршество и фактически установил государственное управление Церковью. «Симфония» властей была разрушена.

Постепенно происходила трансформация крепостного права. В учебниках его хронологические рамки обычно определяют периодом 1597–1861 гг. При Петре I начался, а при Екатерине II закончился процесс изменения статуса дворянских поместий: если раньше их владелец (пользователь) не имел права передавать землю в

наследство детям, то теперь право собственности стало наследуемым. Менялся смысл прикрепления крестьян к земле: теперь они фактически становились «живым приложением», которое наследовалось вместе с недвижимостью – землей. Процесс закрепощения был завершен при Петре III в 1762 г. Им был издан указ, согласно которому дворяне были освобождены от повинности военной службы, а крестьяне оставались по-прежнему прикрепленными к земле. Был нарушен принцип справедливости, крестьяне фактически становились личной собственностью помещика. Завершившийся процесс закрепощения крестьян фактически означал раскол России на два народа: дворянство и крепостных крестьян. Первые получили право господствовать, у вторых осталась лишь обязанность трудиться. Конечно, острота противоречий между помещиками и крепостными крестьянами часто смягчалась тем, что те и другие были православными христианами. Но раскол в обществе был налицо. Особенно «эмансипировалась» от народа та часть дворянства, которая составляла государственный аппарат и находилась в Петербурге и других крупных городах России. Это было сословие государственной бюрократии со своими особыми интересами и запросами, своей субкультурой. Царь, будучи хозяином всей России и «отцом» всему народу страны, безусловно, не мог не думать о благополучии крепостных крестьян, других сословий российского общества. Но государственная бюрократия становилась непреодолимым барьером между Государем и народом. Аристократическая верхушка России не только оторвалась от своего народа. Она одновременно стала ориентироваться на Запад с его внешним лоском, погоней за богатством и славой, забвением Бога. Фактически представители этой верхушки стали ощущать

себя иностранцами в собственной стране (достаточно вспомнить, что они предпочитали говорить не по-русски, а на французском языке).

Один из столпов славянофильства – А. С. Хомяков, сам принадлежа к сословию помещиков, нелицеприятно писал, что это сословие иностранцев, чуждых России: «Как бы каждый из нас ни любил Россию, мы все как общество – постоянные враги ее, разумеется, бессознательно. Мы враги ее, потому что мы иностранцы, потому что мы господа крепостных соотечественников, потому что одураем народ»¹.

Дело дошло даже до того, что она (верхушка) противопоставила себя не только народу, но и Царю. В глазах «нового», «прогрессивного» дворянства Царь был уже не Помазанником Божиим, а просто политической фигурой, которой можно двигать на шахматной доске политических игр и интриг. Дело дошло до дворцовых переворотов. Всего в период с 1730 по 1801 г. было проведено четыре таких переворота. Дворянство и гвардия привели к власти Анну Иоанновну, Елизавету, Екатерину II, Александра I. Заговорщики также убивают Петра III, Ивана VI и Павла I. **Дальше – больше.** Зараженные в масонских ложах антимонархическими и атеистическими идеями дворяне-офицеры вообще решили жить без Царя. Об этом свидетельствует восстание декабристов в 1825 г.

Приход к власти Николая I после восстания декабристов несколько улучшил ситуацию в стране, и Россия находилась в относительном спокойствии три десятка лет. Впрочем, разрушающие русскую государственность процессы продолжались, но они были подспудны и невидимы. Слабость русской государственности проявилась в Крымской войне, которую Россия

¹ Цит. по: Антонов М. Экономическое учение славянофилов. – С. 84.

проиграла, несмотря на беспримерный героизм простого народа. С восшествием на царский трон Александра II разрушительные процессы в государственном управлении стали набирать обороты. Царское самодержавие продолжало терять реальную поддержку со стороны дворянства. Тем более что у самого дворянства почва стала уходить из-под ног после отмены крепостного права. После начала реформы 1861 г. страна встала на путь развития капитализма, время «застойного» (и в то же время относительно стабильного) состояния российского общества закончилось. Начались новые, причем плохо прогнозируемые социально-экономические процессы, которыми власти управлять почти не могли. В городах стали появляться революционные элементы, которые сознательно расшатывали устои государства, требуя как минимум конституционной монархии, а как максимум – республики без монарха. Эффективность государственного управления в России стала падать также по причине быстрого укрепления в стране так называемой «четвертой власти» в виде газет и журналов, которые были в значительной степени под контролем нарождающейся буржуазии, а отчасти попали под контроль иностранного капитала. Несмотря на существование института цензуры, средства массовой информации вносили весомый вклад в расшатывание государственных устоев. Реформы Александра II (отмена крепостного права, земельные преобразования, финансовая, судебная, образовательная и другие реформы) не только не преодолели разделение России на два «народа», но еще более усугубили этот разрыв, создав в итоге угрозу существованию не только основной части русского народа, но и тому малому «народу», который Шарапов называл государственной бюрократией.

Шарапов был уже очевидцем этих процессов в стране. В молодости он несколько симпатизировал разного рода революционерам, «демократам» и «прогрессистам»¹. Однако в зрелом возрасте Шарапов уже не только не разделял их взглядов, но всячески эти взгляды обличал. «Что такое демократия? Национальное обезличение, пошлая нивелировка умного и глупого, культурного и дикого, упразднение всех традиций, гибель всякого гения и таланта и торжество грядущего Хама», – говорил генерал Иванов, главный герой романа Шарапова «Диктатор».

Шарапов обращает внимание на то, что среди тех, кто расшатывал устои русской государственности, было непропорционально много евреев. Шарапов неоднократно возвращается к *еврейскому вопросу*, который имел множество аспектов: религиозно-духовный, административно-государственный, социальный, финансово-экономический и др. В 1899 г. вышла статья Шарапова, которая так и называлась: «Еврейский вопрос»². Ослабление российской государственности происходило уже по той причине, что еврейство было организовано по кагальному принципу, имело свои законы и суды, школы, финансы и т. п.; фактически оно представляло собой «государство в государстве». В последние десятилетия XIX века еврейство, легко преодолевая черту оседлости, заполнило университеты и стало сеять антимонархические настроения среди студенческой молодежи; оно стало играть решающую роль в террористических организациях, политических партиях и разного рода социалистических и антиго-

¹ Подробнее о взглядах С. Шарапова в молодости см.: *Шарапов С. Молодежь прежде и теперь // Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 590–609.*

² Она включена в книгу: *Шарапов С. Россия будущего. – С. 298–304.*

сударственных кружках. Обладая большими капиталами, они постепенно захватывали газеты и журналы, через которые сеяли антимонархические, антигосударственные и откровенно революционные идеи. После Манифеста 17 октября 1905 г. и создания Государственной Думы они стали использовать трибуну этого парламентского учреждения для еще более активной пропаганды указанных идей. «Полвека не прошло с первого легкого послабления евреям в России (*речь идет о послаблениях, которые сделал Александр II сразу же после своего восхождения на трон. – В. К.*), а уже оккупация ими нашей бедной Родины, можно сказать, закончена!», – писал С. Ф. Шарапов в 1899 г.¹ С еврейством было достаточно сложно бороться, поскольку оно прибегало к проверенному средству маскировки – обращению из иудаизма в Христианство. «Что касается перехода евреев в Христианство, то при ослаблении в нас церковного духа и веры каков будет в новой вере более крепкий духовно еврей и по каким мотивам он здесь очутится? Не говорим об исключительных случаях искреннего перехода единиц, но огромное большинство разве не делает из этого акта очевидного гешефта?»².

«Евреи, – отмечалось в 1906 г. в одном из документов Союза Русского Народа, – в течение многих лет, и особенно в последние два года, вполне высказали непримиримую ненависть к России и ко всему русскому, свое невероятное человеконенавистничество, свою полную отчужденность от других народностей и свои особые иудейские воззрения, которые под ближним разумеют одного только еврея, а в отношении христиан допускают всякие беззакония и насилия, до убийств

¹ Шарапов С. Россия будущего. – С. 301.

² Там же. – С. 303–304.

включительно. Как известно и как заявляли неоднократно сами евреи в своих “манифестах” и прокламациях, переживаемая нами смута и вообще революционное движение в России – с ежедневными убийствами десятков верных долгу и присяге слуг Царя и Родины, – все это дело рук почти исключительно евреев и ведется на еврейские деньги!»¹.

Дополнительной угрозой для российского государства было то, что евреи достаточно быстро находили подходы к чиновникам-бюрократам (главное средство – взятка, коррупция) и использовали последних для решения своих вопросов: денежных, судебных, политических.

Бюрократия подрывала основы царского самодержавия, присваивая себе полномочия самодержавия: «Самодержавие государя на глазах у всех, – писал Шарапов, – обращается в самодержавие директора, начальника отделения, столоначальника». Шарапов предлагал избавить как царя, так и народ от подобного рода барьера и самостийного «самодержавия». Понятно, что для тогдашней бюрократии подобного рода предложения были страшнее, чем угрозы и бомбы революционеров.

Критика Шараповым тогдашней бюрократии, узурпировавшей государственный аппарат, проходит красной нитью через все его произведения. Он не раз говорил о том, что столичное и даже губернское чиновничество представляет собой автономное от общества образование, как бы «государство в государстве», причем этих отдельных «государств» много и они между собой почти не взаимодействуют: «Наши ведомства, во-первых, совсем не знают России, во-вторых, до сих пор представляют не части одного великого организма, а особые государства,

¹ Цит. по: Энциклопедический словарь русской цивилизации / Сост. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2000. – С. 840.

вернее – страны света, связанные только тем, что нарисованы на одном глобусе».

Коррупция и казнокрадство — вирус государственного разложения

Еще одна неприятная сторона деятельности государственной бюрократии – коррупция и казнокрадство. Когда русская аристократия, находившаяся у руля государственной власти, стала терять веру в Бога и вместе с ней страх Божий, она стала поклоняться мамоне, рассматривать свои должности как «кормушки». С этого момента существовавшая в традиционном русском государстве вертикаль власти стала рушиться. Эта вертикаль всегда была очень простой и понятной: Бог – Царь (Божий помазанник) – Царев слуга (государственный чиновник) – народ. Теперь русская властная верхушка вышла из подчинения Богу и Царю; теперь она стала управляться с помощью «золотого ключика» сторонними силами. Что это за сторонние силы? Это, прежде всего, те, кто владел большими деньгами: нарождающаяся российская буржуазия; еврейские банкиры и заводчики; Ротшильды и другие «короли» европейской биржи, действовавшие через своих представителей в России. Шарапов в романе «Диктатор» достаточно досконально рассматривает этот вопрос, особенно в той его части, которая называется «У очага хищений». Как следует из самого названия части, она посвящена коррупции в государственном аппарате Российской Империи. В основном все приведенные Шараповым факты казнокрадства и коррупции относятся ко времени, когда министром финансов был *С. Ю. Витте*. Однако этот «вирус», разлагавший государственный аппарат в России, появился

еще задолго до этого¹. По нашему мнению, масштабные казнокрадство и коррупция в России начались со времен Петра I. В частности, ближайший сподвижник Петра Александр Меншиков украл из казны и перевел в английские банки в общей сложности около 5 млн. руб., что сопоставимо с годовым бюджетом всей Российской Империи в те времена². По оценкам Ивана Солоневича, сумма, украденная А. Меншиковым, на начало XX века была эквивалентна 10 млрд. золотых рублей³. Как видим, реформы Петра, направленные на укрепление экономической мощи, оказались весьма сомнительными, т. к. модернизация России происходила по западным образцам и сопровождалась разрушением Церкви. Это, в свою очередь, подрывало веру в Бога – прежде всего в верхушке русского общества. Отсюда – взлет коррупции и казнокрадства.

Самый настоящий бум казнокрадства начался в эпоху Александра II, когда в Министерство финансов пришли «молодые финансисты». Петербургская финансовая бюрократия стала активнее прибегать к внешним займам, чтобы «залатать дыры» в государственной казне, опустевшей после Крымской войны. Министр финансов М. Х. Рейтерн в 1862 г. сумел организовать при помощи Лондонского и Парижского банков Ротшильдов заем на сумму 15 млн. ф. ст. (около 90 млн. руб. золотом)⁴. В 1864 г. был организован

¹ О хищениях и коррупции в государственном аппарате Российской Империи см. также: *Калашников М.* Низшая раса. – М., 2010.

² *Калашников М.* Указ. соч. – С. 33–37.

³ *Солоневич И.* Народная монархия. – М., 2005. – С. 425–426.

⁴ Деньги брались не только для финансирования текущих расходов казны, но также для пополнения металлического запаса государства и введения обмена кредитных билетов на металл. Рейтерн на короткое время ввел такой обмен, однако металлический запас быстро истощился. Заем у Ротшильдов «пошел коту под хвост»!

англо-голландский заем на сумму 47,9 млн. гульденов плюс 1,9 млн. ф. ст. В 1866 г. последовал второй англо-голландский заем на сумму 31,4 млн. гульденов плюс 33 млн. ф. ст. Займы брались уже не только и не столько для финансирования обычных текущих расходов государства, сколько для рефинансирования нарастающих долгов, т. е. на уплату процентов! Государственный (и особенно внешний) долг России при Александре II рос, как снежный ком. К вопросу государственных внешних займов в эпоху «русского капитализма» мы будем еще не раз возвращаться. Об этом сказано и написано много: и в дореволюционные годы, и в советский период, и в наше время. Все-таки не очень понятно: почему финансовые власти с такой легкостью и даже азартом брали все новые и новые займы? Неужели они не понимали пагубных последствий такой политики? Конечно, понимали. Но финансовые власти – это «верхи», для которых Россия была «этой страной». У них были «запасные аэродромы» – в Париже, Лондоне, Риме, Берлине, других европейских столицах. Там у них были банковские счета, там у них были роскошные особняки, там у них были связи и знакомства.

У петербургских чиновников было хорошее жалование, но даже на него особняк в центре Парижа не купишь. У некоторых были имения, но многие из них еще во времена крепостного права были заложены; поэтому после реформы 1861 г. значительная часть выкупных денег, полученных от казны, пошла на погашение старых долгов. Главный источник такой роскоши – казнокрадство. А займы, размещаемые Ротшильдами и другими европейскими банкирами за границей, – идеальный источник такого обогащения. Буквального казнокрадства не было: деньги не воровались из казны. Просто часть денег до казны не доходила. Часть денег, выручаемых

от размещения займов, чиновники получали от «Ротшильдов и К^о» в виде «комиссионных» (на современном языке – «откатов»). Нередко европейские банкиры оказывали своим российским «партнерам» «услуги», размещая «комиссионные» в нужных банках, акциях и процентных бумагах¹.

Не менее увлекательным для петербургских чиновников было занятие по *закупкам* различных товаров для казны – оружия, паровозов, вагонов, телеграфной техники и даже угля (в Англии). Нередко эти закупки осуществлялись акционерными обществами, где в правлениях заседали те же чиновники (аналог нашего современного «государственно-частного партнерства»). Особенно это касалось железнодорожных обществ, которые в дореволюционной России представляли собой симбиоз государственных и частных интересов. Они закупали в массовом порядке вагоны и паровозы в европейских компаниях, а также в компаниях с участием иностранного капитала на территории России. Тут также имели место «откаты» с последующим «отмыванием» полученных чиновниками денег. Петербургский чиновник предпочитал иметь дело с иностранцем, нежели с российским предпринимателем, т. к. в первом случае было проще выводить полу-

¹ Конечно, подобные схемы существовали и до Александра II. Но во времена предыдущих монархов этими операциями занимались считанные единицы финансистов, которые, строго говоря, не имели даже статуса государственных чиновников и назывались «придворными банкирами». Это были, по сути, частные лица, которые оказывали «услуги» по привлечению денег монархам и получение ими «комиссионных» было в порядке вещей. Последним «придворным банкиром» в истории России был *Александр Людвигович Штиглиц*, который занял этот пост в 1843 г. и сохранял его до 1860 г., когда был учрежден Государственный банк Российской империи и Штиглиц стал его первым управляющим. Уже не приходится говорить, что до Александра II внешние заимствования не имели такого размаха, как в эпоху «русского капитализма».

ченные деньги за границу и размещать их там. Российский купец и заводчик отдавался на «откуп» местному провинциальному чиновнику.

Ярким примером крупной финансовой аферы во времена Александра II является сделка по продаже Аляски. Современные исследователи совершенно верно отмечают, что сделка России была не выгодна с политической, военной, экономической и финансовой точек зрения. Также совершенно верно признается, что к этой сделке наше правительство подталкивали силы, враждебные России (которые опирались на свою агентуру в самой России)¹. Но одной из главных причин совершенной сделки является желание некоторых представителей нашей элиты нажиться на этой сделке, коррупция в «высших эшелонах власти». «Политическое решение» о продаже Аляски было принято 23 мая 1864 г. на встрече двух важнейших фигур банковского мира – Джеймса Ротшильда и барона Александра фон Штиглица. Последний с 1843 г. был «придворным банкиром» Российского Императора, а с 1860 г. – управляющим только что созданного Государственного банка. Естественно, что оба хотели на этой сделке хорошо заработать. С той встречи не прошло и трех лет, когда 30 марта 1867 г. в Вашингтоне был подписан Договор с США о продаже Аляски США за 7,2 млн. долл. (около 11 млн. золотых рублей). Общая площадь проданной сухопутной территории составила 1519 тыс. кв. км². Следовательно, стоимость одного квадратного километра составила 4 долл. 73 цента.

¹ Миронов И. Роковая сделка: как продавали Аляску. – М., 2007.

² К США переходили весь полуостров Аляска, береговая полоса шириной в 10 миль южнее Аляски вдоль западного берега Британской Колумбии; архипелаг Александра; Алеутские о-ва, острова в Беринговом море: Св. Лаврентия, Св. Матвея, Нунивак и о-ва Прибылова — Сен-Пол и Сен-Джордж.

Обратимся к работе *Анатолия Клепова* «Витте и немецкие ордена», в которой, по нашему мнению, наиболее полно раскрываются некоторые пикантные финансовые подробности сделки: «Однако из этих 7,2 млн. долл. не все достались России. Полученные деньги стали, как говорится, распределять, не отходя от кассы. Русский посол в Северо-Американских Соединенных Штатах (САСШ) Эдуард Стебль получил чек на сумму 7 млн. 35 тыс. долл. Себе оставил 21 тыс. долл. за хлопоты. 144 тыс. долл. якобы раздали в виде взяток сенаторам США, которые поддержали Договор о покупке Аляски. На самом деле эти деньги пошли в секретный фонд Александра II. Наличные неучтенные деньги царю всегда были нужны.

Далее началась разработанная хитроумным А. Штиглицем не менее ловкая финансовая махинация по “отмыванию” казенных денег. Российский посол банковским переводом перевел 7 035 000 долл. в Лондон, где с этими деньгами начали твориться чудеса. В официальных документах фигурировали фантастические цифры о том, что только за конвертацию долларов в фунты Английский банк взял 1,5 млн. долл. Не менее фантастические цены – за покупку в Англии паровозов и железнодорожного оборудования для Курско-Киевской, Рязанско-Козловской и Московско-Рязанской железных дорог. Кстати, эти дороги были частными. В результате такой “удачной” конвертации денег и покупки высокотехнологического оборудования Александр II сформировал свой личный фонд в Английском банке на сумму в 700 000 ф. ст. (1 000 000 долл.), а его брат Великий князь Константин Николаевич – меньше 100 000 ф. ст. (150 000 долл.). Остальные деньги были истрачены на погашение процентов займа 1862 г. и покупку железнодорожного оборудования.

Так вот из этих денег Александр II перевел во французский банк своей любовнице княгине Долгоруковой 3 000 000 руб. Часть истратил на постройку для нее шикарного особняка в Санкт-Петербурге. Великий князь тоже истратил значительные деньги на свою любовницу, балерину А. В. Кузнецову, но с несколько меньшим размахом. Он купил ей дом в Петербурге на Английском проспекте № 18 за 80 000 руб. в 1867 г. и с большой роскошью обустроил его... Деньги от продажи Аляски в Россию не поступали, так что общественность была в полном неведении о том, кто положил к себе в карман деньги за Аляску. Это была прекрасно организованная финансовая операция А. Штиглица и М. Х. Рейтерна»¹.

Автор фундаментального исследования о сделке по продаже Аляски *Иван Миронов* приходит примерно к тому же выводу, что и Анатолий Клепов: «Таким образом, на основании архивных документов можно смело утверждать, что организаторы продажи Аляски спланировали и реализовали крупнейшую финансовую аферу, в результате которой все средства, полученные за русские колонии в Северной Америке, поступили в личное распоряжение доверенных лиц Великого князя Константина Николаевича и Министра финансов М. Х. Рейтерна. Учитывая, что железнодорожные дельцы были лишь техническими посредниками, передаточным звеном в разработанной сановниками схеме, логично предположить, что большая часть суммы ушла в карманы организаторам продажи Русской Америки в русском правительстве»².

Как видим, к крупным международным финансовым сделкам проявляли интерес не только государ-

¹ Клепов А. Витте и немецкие ордена. Ч. V // Проза. Ру (Интернет).

² Миронов И. Указ. соч. – С. 233, 257.

ственные чиновники ранга министра финансов или управляющего Государственным банком, но и персоны, находившиеся рядом с тронном или даже на троне. Они конвертировали свою политическую власть в звонкую монету. Например, один из «бенефициаров» сделки по продаже Аляски *Великий князь Константин Николаевич* (родной брат Александра II) оказывался в центре многих других коррупционных скандалов. В частности, он был обличен в преступном сговоре с варшавским банкиром *Френкелем*. Последний нелегально вывозил свои денежные капиталы на судах Морского ведомства, во главе которого находился В. К. Константин Николаевич¹. Великий князь также сыграл решающую роль в доведении до банкротства *Российско-Американской компании (РАК)*, которая на протяжении многих десятилетий осуществляла весьма доходную хозяйственную деятельность в Северной Америке на подконтрольных Российской Империи территориях. Это банкротство было необходимо, чтобы показать бесперспективность нашего владения Аляской и приступить к ее продаже Соединенным Штатам².

Очень доходным видом бизнеса для чиновников и петербургской знати было также проведение «*приватизаций*» государственной собственности. Продавали не только Аляску, но и государственные железные дороги, например Николаевскую железную дорогу. Эта бизнес-операция получила большую скандальную огласку в России в конце 1860-х гг. Предыстория этой операции такова. В 1857 г. крупнейшими банкирами и финансистами Лондона, Парижа, Петербурга было принято решение об учреждении в виде акционерного общества Главного общества российских железных

¹ См.: *Мионов И.* Указ. соч. – С. 218–219.

² См.: *Кремлев С.* Русская Америка: открыть и продать! – М., 2005.

дорог (ГОРЖД)¹. В состав правления Общества вошли высокопоставленные российские сановники для лоббирования интересов ГОРЖД в правительстве. Возглавил Общество *А. Л. Штиглиц*, придворный банкир русского царя, будущий первый управляющий Государственного банка. Замах у Общества был грандиозный: оно планировало строительство четырех стратегически важных железнодорожных веток без помощи государства. Проекты Общества оказались «мыльным пузырем», ни одна ветка не была достроена в заявленные сроки. Пришлось достраивать с помощью государственных ссуд (в том числе «неуставных ссуд» созданного в 1860 г. Государственного банка). Несмотря на государственную поддержку, Общество было фактически банкротом. На спасение Общества бросились сановные лоббисты. В конце 1867 г. на заседании Совета министров был поднят вопрос о передаче Обществу в порядке продажи или концессии Николаевской железной дороги. Интерес Общества к дороге был понятен: она связывала две столицы и обеспечивала хорошую рентабельность перевозок грузов и пассажиров. Общество хотело получить «курицу, несущую золотые яйца». И оно ее заполучило в следующем 1868 г., причем фактически без конкурса; другие общества к «курице» не были допущены. Фактически это была концессия, причем срок ее действия – до 1952 г. Вместо оплаты сделки «живыми» деньгами Общество прибегло к испытанному

¹ Учредителями Главного общества российских железных дорог были, в числе прочих, санкт-петербургский банкир А. Л. Штиглиц, варшавский банкир С. А. Френкель, лондонские банкиры братья Беринг и К^о; парижские банкиры Готтингер и К^о, Б. Л. Фульд и Фульд-Оппенгейм, амстердамские банкиры Гоппе и К^о; берлинские банкиры Мендельсон и К^о, французские железнодорожные деятели братья Перейра. Основной капитал общества определялся по уставу в 275 млн. руб. серебром и должен был образоваться выпуском акций и облигаций.

приему: выпустило облигации под гарантии того же государства. Общество выжало все, что можно, из Николаевской дороги, сделав ее в конечном счете убыточной, и в 1894 г. дорога была возвращена государству.

В сделке «бенефициарами» оказались не только главные акционеры Общества, но и многие сановные фигуры. Опять фигурировали имена М. Х. Рейтерна, К. В. Чивкина, Великого князя Константина Николаевича, княгини Е. М. Долгорукой и др. В связи со скандальной продажей Николаевской дороги тогдашний министр внутренних дел *П. А. Валуев* так описывает разговоры Александра II по данному предмету с министром финансов М. Х. Рейтерном и председателем Департамента государственной экономии Государственного Совета К. В. Чивкиным: «Государь решительно не замечает недобросовестности и наглости, с которыми подбирают подходящие аргументы Чивкин всегда, а Рейтерн иногда»¹. Судя по приведенным словам Валуева, Государь не только был в курсе сделки, но был на стороне Общества. Обвиняет в недобросовестной сделке по передаче Николаевской дороги и известный славянофил *А. И. Кошелев*, причем он прямо называет участников аферы – министра Рейтерна и великого князя Константина Николаевича². Советский исследователь *А. П. Погребинский* называет главного чиновника-коррупционера в сделке по Николаевской дороге: «Операция выглядела откровенной махинацией, но Главному обществу удалось заручиться поддержкой министра финансов М. Х. Рейтерна»³.

¹ *Александр II*. Воспоминания. Дневники. – СПб., 1995. – С. 200.

² Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. I. *Записки А. И. Кошелева*. – М., 1991. – С. 156–157.

³ *Погребинский А. П.* Строительство железных дорог в пореформенной России и финансовая политика царизма (60–90-е годы XIX в.) // Исторические записки. Т. 47. – М., 1954. – С. 151.

Более подробную информацию о разнообразных махинациях в сфере финансирования, строительства и эксплуатации железных дорог можно найти в работах М. Л. Гавлина, В. М. Ляховского, А. П. Погребинского. Все они сходятся на том, что все махинации строились на казнокрадстве, различия касались лишь методов. Исследователь *М. Л. Гавлин* указывает, что в середине 60-х годов XIX века «железнодорожное дело переходит в руки небольшой группы тузов-миллионеров, ставших по существу монополистами, железнодорожными магнатами, своеобразным “олигархами”, возвращенными, как и в наше время, на казенных деньгах. Возникает негласный союз между сановной бюрократией и зависимыми от нее “железнодорожными королями” – монополистами (концессионерами и оптовыми подрядчиками)»¹. *В. М. Ляховский* подчеркивает, что покровительством Министерства финансов частных железнодорожных обществ «был преподан наглядный урок сметливости, ловкости в мошенничестве», а сами железнодорожные концессии «разожгли аппетиты к грабежу и разбазариванию государственных средств... в угоду союзу сановной бюрократии и олигархической буржуазии»². В конечном счете все разнообразие казнокрадства в сфере железных дорог в период становления «русского капитализма» можно свести к следующим видам:

1) получение без конкурсов государственных заказов (подрядные работы, поставка рельсов, паровозов, вагонов, угля и т. п.) и их выполнение по вздутым ценам;

2) получение государственных гарантий при размещении железнодорожных займов (даже в тех случа-

¹ *Гавлин М. Л.* Династия «железнодорожных королей» фон Мекк // Экономическая история. Обозрение. Вып. 7. – М., 2001. – С. 134.

² *Ляховский В. М.* К вопросу о фиктивных акционерных компаниях в России 1860–1870-х годов (Капиталы Рязанско-Козловской железной дороги) // Исторические записки. – М., 1965. – С. 291.

ях, когда гарантии не имели обеспечения со стороны общества-эмитента облигаций);

3) получение в качестве паев казенных денежных средств акционерными обществами (при отсутствии взносов в виде «живых» денег со стороны частных акционеров);

4) предоставление «спасательных» ссуд обществам, находящимся на грани банкротства;

5) предоставление в концессии рентабельных государственных дорог;

6) выкуп государством убыточных частных железных дорог по завышенным ценам;

7) назначение на казенные должности «нужных» людей, которые не обладали никакими профессиональными знаниями и навыками, но получали порой большое казенное жалованье;

8) невозвращение государству полученных ссуд, ложные банкротства и т.п.

В той или иной степени подобные методы казнокрадства практиковались и в других отраслях российской экономики.

Но особенно расцвела коррупция во времена *С. Витте*. Почему? Потому что при этом министре резко увеличились размеры государственной «кормушки» – бюджета, резко увеличились объемы государственных займов, резко увеличились масштабы иностранных прямых инвестиций в российскую экономику. И везде нужны были «услуги» чиновников, особенно финансового ведомства. Предоставим слово *Анатолию Клепову*: «Коррупция в Министерстве финансов стала основным способом существования практически всех чиновников министерства. Суммы взяток многократно превышали их основные служебные оклады. Это в конечном итоге привело к тому, что чиновники вышли из-под финансового кон-

троля С. Ю. Витте, и он не имел возможность контролировать суммы взяток, которые давали чиновникам. При этом следует отметить, что в период руководства С. Витте коррупция редко принимала формы открытой взятки. Это были различные аферы: займы, выпуск акций и облигаций.

Государственный чиновник становится при С. Витте более ловким и хитрым в добывании для себя незаконных денег. Государственные чиновники использовали все возможности, чтобы присвоить государственные деньги, тем более что Министерство финансов контролировало Государственный банк России. А это резко расширяло различные формы махинаций, которые выглядели, на первый вид, очень легально. Можно было под кредит Государственного банка скупить еще не выпущенные акции прибыльных железнодорожных компаний, а затем их очень выгодно продать по завышенным ценам»¹.

Клепов обращает внимание на сходство махинаций государственных чиновников начала XX века с действиями российских государственных чиновников в начале развития новой «демократической» России после 1991 г.: «Также выпускались особо привилегированные акции ГКО Сбербанка России. Но удивительно, что так же, как в начале XX века, их скупали в основном «нужные люди», а затем вовремя продавали»².

Можно было привести высказывание близкого к министру финансов Витте публициста *Н. И. Кольшко*, который отмечал, что при С. Ю. Витте администрация частных банков, при фикции выборности, состояла по существу из чиновников Министерства финансов. «А так как биржу составляли именно они, то ясно, что биржа с

¹ Клепов А. Указ. соч. Ч. XIII.

² Там же.

ее взмахами вверх и вниз, с ее аппаратом обогащения и разорения была финансами Министерства финансов»¹.

Еще один современный Витте автор (анонимный) писал, что «получить заказ для несуществующего еще завода мог далеко не всякий, а только тот, кто знал пути в темных коридорах Министерства финансов и был угоден лицам, стоявшим во главе этого учреждения...»².

Следует иметь в виду особо важную роль в финансовой и экономической системе России *таможни*. Таможенные пошлины наряду с доходами от питейной монополии были основным источником пополнения казны. А таможня находилась под министром финансов. Злоупотребления здесь были невообразимые, при Витте контрабанда расцвела пышным цветом³.

Во взяточничестве были замешены ближайшие сотрудники С. Ю. Витте, например директор департамента железнодорожных дел *Максимов* и товарищ министра финансов *Ковалевский*. В качестве примера можно упомянуть роскошь и расточительность управляющего нижегородской казенной палатой *В. Е. Вердеровского*: «Дом его преисполнен предметами роскоши, изящного мастерства и искусства; его повар – истинный артист;

¹ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. – СПб., 1999. – С.88.

² *Л. Г. С. Ю.* Витте и падение русского государственного кредита. – СПб., 1907. – С. 86.

³ Известный историк-библиограф и археолог *С. Р. Минцлов* отмечал, что ревизии таможен проводятся чиновниками особых поручений, 99% которых не знают таможенной службы: «Приедет такой ревизор в таможню, как в дремучий лес, и не знает не только главного – досмотровой части, но и ни бухгалтерской, ни пакгаузной. Вся его ревизия сводится к пустякам и к проверке книг, в которых могут отыскаться только описки, да к замечанию о том, что чиновник ест не по чину много омаров; настоящие злоупотребления всплывают случайно, исключительно только по доносам». – *Минцлов С. Р.* В таможенном мире. Из воспоминаний. – Трапезунд, 1917. – С. 14.

его погреб полон тонких, редких вин и напитков, его гостеприимство, посвященное только избранным, носит на себе яркую печать приветливого барства. Каждый день ... по четыре раза в день меняет свое раздушенное белье и костюмы. Он мастерски умеет жить, умеет мастерски пользоваться жизнью и всеми ее благами и хорошо знает себе цену»¹. О коррупции и казнокрадстве во время нахождения С. Ю. Витте у руля Министерства финансов мы еще будем говорить далее.

Программа укрепления российской государственности

Второе направление программы Шарапова – политическое. Шарапов, будучи православным, в области государственного строительства последовательно придерживался монархических взглядов. Кстати, в те времена такие взгляды уже становились анахронизмом в среде «образованной» публики. Эта публика «заразилась» идеями «конституции», «парламентаризма», «конституционной монархии», «просвещенного гуманизма», «демократии» и в качестве эталона государственного устройства рассматривала буржуазную Англию или Францию. Целью преобразований в политической программе Шарапова является создание *сильного самодержавного государства*. В общем виде эти идеи изложены Шараповым в его работе «*Самодержавие и самоуправление*» (1899), которая также включена в книгу «Россия будущего». Интересно, что работа была первоначально опубликована за границей,

¹ Морозов П. О. Соляное дело (По документам и личным воспоминаниям) // Голос минувшего. – 1915. – №11. – С. 146 (Цит. по: Клепов А. Указ. соч. Ч. XIII).

в Берлине. Мысли Шарапова, связанные с укреплением российской государственности, как это ни парадоксально, воспринимались властями в России с подозрением. Действительно, когда работа была переиздана в 1903 г. в Москве, ее тираж был конфискован, большая часть книг была уничтожена¹. В чем причина такого странного, мягко говоря, отношения к Шарапову – последовательному «государственнику» и монархисту?

В том, что в его модели российского государства совсем не было места бюрократии, которая к тому времени захватила командные позиции в государственной машине и превратилась в непреодолимый барьер между монархом и народом.

Модель государственного устройства, предложенная Шараповым, включала два главных уровня:

- а) уровень власти монарха-самодержца;
- б) уровень народного (земского) самоуправления.

Схема, очень похожая на ту, которую позднее *Иван Солоневич* назовет «народной монархией» (название одной из главных книг Солоневича).

Шарапов смело нападает на бюрократию, требуя заменить ее народным самоуправлением: «Бюрократия отжила свой век, опозорила и разорила Россию и вызвала к себе такую ненависть, с которой нам с вами не справиться. Нужно вступать на иной путь. Иной, кроме Царской и Самодержавной, верховной власти в России быть не может. Но под нее нужно подвести совсем иной фундамент. Этот фундамент – широкое самоуправле-

¹ В 1905 г. работа публиковалась на страницах издаваемой С. Шараповым газеты «Русское дело». Затем в 1907 г. вышла книга С. Ф. Шарапова «Россия будущего» с подзаголовком «Третье издание “Опыта Русской политической программы”», в которую вошло исследование «Самодержавие и самоуправление», а также переписка с редактором газеты «Гражданин» князем В. П. Мещерским». До революции 1917 г. работа выдержала еще несколько изданий.

ние, которое должно всецело заменить бюрократию. Все будущее России – в земстве, поставленном как первооснова государственного здания».

Все пространство России, по Шарапову, должно быть разделено на 18 областей, которые выделяются на основе географических и этнических признаков. Из них – 12 «коренных русских» областей, а 6 – «инородческих» областей. Области приходят на смену большому количеству губерний. «Диктатор» Иванов говорит, что мысль о переходе от губернской структуры к областям не является его изобретением: «Мысль об областях взята не из книжки; она красной нитью проходит через всю русскую историю. Полное самоуправление областям давал Иоанн Грозный. Областное деление являлось необходимым условием для каждого самостоятельного русского государственного ума от Пестеля, либерала и революционера, до крайнего консерватора Фадеева». Кстати, генерал Иванов в одном из разговоров обмолвился, что схему территориального деления России ему предложил Д. И. Менделеев (русский ученый действительно занимался этими вопросами; в 1893 г. в своей работе «Фабрично-заводская промышленность и торговля России» он предложил разделить страну на 14 экономических краев).

В каждой области вводится самоуправление, имеющее три уровня. Низший уровень – всеобщий приход, представляющий собой единство церковной и гражданской организации. Второй (средний) уровень – уезд. Высший уровень – область. Связь области с монархом обеспечивалась посредством генерал-губернатора, который назначался царем. Высшее управление области находилось в руках генерал-губернатора и областной думы, причем председатель думы (областной предводитель дворянства, утверж-

даемый монархом) имел право выходить на монарха наряду с генерал-губернатором.

У государя должен быть свой аппарат управления, который включает Государственный совет, Народнохозяйственный совет, Сенат, министерства, другие органы и ведомства. Чиновники для органов центрального управления подбираются из областей, из среды земства, а не из столичной светской публики. Главный критерий отбора – личные достижения и достоинства, никакие сословные преимущества (прежде всего принадлежность к дворянству) при этом не признавались.

В годы революции 1905–1907 гг. Шарапов дополнил свою программу государственно-политических преобразований программой чрезвычайных мер. Эта программа нашла отражение в романе «Диктатор». В романе на роль уполномоченного императором администратора государства предлагается никому не известный полковник Иванов, лишь после назначения произведенный в генералы. Шарапов показывает, что, с одной стороны, для управления государством в России на местах имеется большое количество «самородков»; с другой стороны, что эту функцию может выполнять и человек, не обладающий какими-то сверхъестественными способностями. Главное, чтобы человек у власти характеризовался такими качествами, как патриотизм, здравый смысл, твердость, был истинно православным.

После революции 1905 года и подписания Николаем II Манифеста 17 октября о даровании народу различных «свобод» и учреждении Государственной Думы Шарапов большое внимание стал уделять в своих работах критике парламентаризма, который подрывал устои монархического строя в России. Здесь, надо сказать, Шарапов был не одинок, против парламентаризма выступали многие русские люди. Вновь трезвомыслящи-

ми людьми в России была подвергнута чужеземная теория «разделения властей» (Монтескье), которая нашей либеральной интеллигенцией стала рассматриваться чуть ли не аксиомой теории государства. Как писали Д. Менделеев, Л. Тихомиров, М. Меншиков и другие русские консервативные мыслители, Россия в течение многовековой своей истории привыкла жить как «государство-крепость», окруженная врагами, а власть в такой крепости должна соответствовать духу военного времени, быть нераздельной, консолидированной, крепкой. Всякие либеральные теории «политических свобод», «парламентаризма» и «разделения властей» органически чужды нашему народу.

Некоторые элементы политической программы Шарапова вызывали определенные сомнения и возражения даже среди его единомышленников. Например, возникали опасения: предложенная Шараповым модель может привести к тому, что области, получив большие полномочия в сфере управления, будут иметь соблазн отделения (выделения) из состава Российской Империи. Л. А. Тихомиров ставил под сомнение целесообразность превращения церковного прихода в организацию, имеющую дополнительные, прежде всего, хозяйственные функции (а также функции в области здравоохранения, образования, судебных споров, поддержания общественного порядка). Тихомиров считал, что попытки создать «из церковного прихода какую-то первичную единицу социальной и политической организации» были бы полным извращением идеи прихода, «приход должен быть первоячейкой коллективной религиозной жизни, а не жизни административной или экономической».

Впрочем, точно так же по каждому пункту программы преобразований государственного управле-

ния у Шарапова были единомышленники. Взять тот же самый церковный приход. За укрепление его и превращение в первичную ячейку государственной системы активно выступал князь *А. Г. Щербатов*¹. Он специально написал работу «Православный приход – твердыня русской народности» (1909). В этой работе он отмечает, что приходом должны решаться все государственные проблемы на низовом уровне – хозяйственные, общественного порядка, образовательные, судебные, призыва в армию. По мысли князя, приходу должны быть не только переданы функции земства, но он должен стать и самостоятельной полицейской единицей со своим полицейским чином. Управлять таким приходом должно приходское попечительство, которое избирают из своей среды прихожане. При приходе должны быть созданы также народнохозяйственные общественные учреждения: мелкие сельскохозяйственные общества, свое учреждение мелкого кредита, общество взаимопомощи и потребительское общество. Трезво анализируя современное состояние русского общества, князь Щербатов писал: «Положение Русской Народности более опасное, чем когда-либо... После испытанных неудач пошатнулась в Русском Народе вера в Правительство, руководящие сословия и даже церковное управление». В условиях расшатанности государственного организма, ввиду грозящих России

¹ *Щербатов Александр Григорьевич* (1850–1915) – князь, общественный деятель, сельский хозяин, экономист, публицист. Президент Московского общества сельского хозяйства (1892–1904). Один из учредителей, председатель Российского союза торговли и промышленности. Один из инициаторов создания центрального банка мелкого кредита, который был учрежден под названием «Московский народный банк» (1911). Последовательно придерживался монархических взглядов. Был членом старейшей монархической организации Русского собрания. Один из организаторов и первый председатель Союза Русских Людей (находился во главе СРЛ с 1905 до 1909 г.).

опасностей русская народность «должна утвердиться в своих православных Приходах и оказать через них поддержку Царскому Самодержавию»¹.

Российская государственность, по мнению Шарапова, не может быть укреплена и даже сохранена без решения еврейского вопроса. В работе «Еврейский вопрос» Сергей Федорович перебирает возможные варианты такого решения: 1) «удаление всех евреев без всякого исключения»; 2) «уничтожение излишних, т. е. погромы» («малороссийский взгляд»); 3) «полное уравнивание прав, уничтожение черты оседлости...»; 4) «политика слияния» («смешанные браки», «переход евреев в Христианство»). Шарапов анализирует каждый из вариантов, при этом каждый из них признает или невозможным, или малоэффективным. Заканчивает свою статью он не очень приятным выводом: «Мы глубоко убеждены, что еврейский вопрос неразрешим. Оттого так тяжело и грустно о нем говорить»². Из-за такого вывода вся программа укрепления российской государственности Шарапова выглядит неполной и незавершенной.

Позиция С. Ф. Шарапова по укреплению российской государственности с целом совпадала с программными установками Союза Русского Народа (СРН) и других патриотических организаций, возникших в годы революции 1905–1907 гг. В программных документах СРН специально подчеркивалось: члены Союза не ставят знак равенства между царской властью и существующим бюрократическим аппаратом, который присвоил себе самочинно часть прав, составляющих исконную принадлежность Русской самодержавной власти, и встал

¹ Цит. по: Щербатов Александр Григорьевич // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 1057.

² Шарапов С. Россия будущего. – С. 304.

преградой между монархом и народом. Бюрократический строй привел Россию к тяжким испытаниям и поэтому подлежит коренному изменению. СРН придерживался мнения, что никакие ограничения прав царской власти в форме каких бы то ни было конституционных или учредительных собраний недопустимы. Вместе с тем целесообразно создание Государственной Думы как совещательного органа, осуществляющего связь между державной волей царя и национальным сознанием народа. Причем Государственная Дума не должна пытаться ограничить верховную царскую власть, а обязана правдивым осведомлением о действительных нуждах народа и государства помогать царю – верховному законодателю – осуществлять назревшие преобразования во благо русскому народу. Для этого Государственная Дума должна быть чисто совещательной и национально русской. Государственная Дума в понимании Союза не имела ничего общего с той парламентской говорильней, которая предусматривалась Манифестом от 17 октября 1905 г. Дума в программе СРН – чисто русская организация Земского Собора. Думу, которая существовала в 1906–1907 гг., СРН считал масонской, чуждой русской жизни, вредной и не признавал. Тем не менее, Союз не исключал необходимости своего присутствия в Государственной Думе, чтобы вести борьбу с врагом в его стане. СРН ставил своей задачей упразднение этой чужеродной России организации и создание на ее месте представительного органа русского духа – Земского Собора.

В документах Союза подчеркивалась мысль о решающем значении русского народа в государственном строительстве. Русской народности (объединяющей великороссов, белорусов и малороссов), собирательнице земли Русской, создавшей великое и могущественное

государство, принадлежит первенствующее значение в государственной жизни и в государственном строительстве. Все учреждения Российского государства объединяются в прочном стремлении к неуклонному поддержанию величия России и преимущественных прав русской народности, но на строгих началах законности, «дабы множество инородцев, живущих в нашем Отечестве, считали за честь и благо принадлежать к составу Российской Империи и не тяготились бы своей зависимостью».

В отличие от программы Шарапова, где еврейский вопрос остался «незакрытым», программа СРН вполне четко определила подходы к его решению. В одном из программных документов Союза отмечалось: «Русский народ, сознавая все это и имея полную возможность, пользуясь своим правом хозяина земли Русской, мог бы в течение одного дня подавить преступные желания евреев и заставить их всех преклониться перед его волей, перед волей державного хозяина земли Русской, но, руководствуясь высшими задачами христианского верования и слишком сознавая свою силу для того, чтобы отвечать им насилем, избрал другой путь для решения еврейского вопроса, являющегося одинаково роковым вопросом для всех цивилизованных народов»¹.

Что же предлагает Союз Русского Народа? – Введение целого ряда ограничений для евреев, в частности, восстановление действия всех тех ограничений, которые существовали по состоянию на 1903 г. В случае участия евреев в революционных действиях проводить конфискацию их имущества в пользу казны. Запретить участвовать в выборах в Государственную Думу и другие выборные органы; тем более – выставлять свои кандидатуры для выборов и т. д.

¹ Цит. по: Энциклопедический словарь русской цивилизации. – С. 840.

Но самое главное средство – способствовать организации еврейского государства в Палестине и всячески помогать евреям переселиться в свое государство. Напомним, что именно в это время начинает формироваться движение международного сионизма, провозгласившее своей целью создание еврейского государства. В качестве наиболее предпочтительного варианта рассматривалась Палестина – «историческая родина» евреев¹.

«Руководствуясь этим и веря в успешное осуществление данного проекта, идущего навстречу желанию самих евреев, Союз Русского Народа полагал, что успешность осуществления этой задачи, несомненно бы, отразилась на нормальном выполнении евреями их гражданских обязанностей в странах, оказавших им гостеприимство, во вред народам, среди которых они живут.

А потому СРН обязал своих представителей в Государственной Думе требовать, чтобы все проживающие в России евреи были немедленно признаны иностранцами, но без каких бы то ни было прав и привилегий, предоставляемых всем прочим иностранцам. Такая мера в связи с другими ограничительными мерами, несомненно, поддержала бы энергию евреев в деле скорейшего переселения в собственное государство и обзаведения собственным хозяйством...

Союз Русского Народа предлагал еврейским организациям оказать даже материальную поддержку, чтобы ускорить процесс переселения евреев в Палестину. Представители Союза обращались к правительству с просьбой войти в сношение с иностранными правительствами о всяческом содействии евреям в переселении»².

Нам неизвестно, как относился Шарапов к предложению СРН по оказанию содействия российским евреям

¹ См.: *Рид Дуэлас*. Спор о Сионе. – М., 1993.

² Энциклопедический словарь русской цивилизации. – С. 840.

в переселении в Палестину. Но очевидно, что в начале XX века создание еврейского государства в Палестине было еще крайне абстрактной идеей, которая не получила сколько-нибудь определенной поддержки со стороны западных государств. Не было даже единства по данному вопросу среди международного еврейства¹.

Но вернемся к программе Шарапова. До начала Первой мировой войны и революции 1917 года практически ни один пункт этой программы не был реализован. К сожалению, в годы войны и накануне февраля 1917 года никто не вспомнил о той программе чрезвычайных мер, которая была блестяще изложена в романе «Диктатор». Было в то время в русской армии немало «полковников Ивановых», но окружение Николая II ревниво охраняло своего царя от прямого общения с истинными русскими патриотами. Вместо «диктатора» генерала Иванова на политическую сцену вышли совсем другие генералы – *Русский, Алексеев*, внесшие свой весомый вклад в ликвидацию русской монархии. Правда, с этой сцены они сами быстро исчезли. Да и генерал *Корнилов*, который появился на политической сцене летом 1917 года и которого кое-кто называл «диктатором» и «спасителем», на самом деле также внес свой вклад не в спасение, а в уничтожение монархической государственности в России.

А вот в советский период была проведена реорганизация территориальной схемы управления страной, когда на карте СССР появилось 16 республик (позднее их стало 15). Это очень близко к тому, что предлагал Шарапов (18 областей). Но это чисто формальное сходство, советские реформы были нацелены на укрепление государства совершенного иного типа.

¹ См.: *Катасонов В. Ю.* Заговор правды. К 25-летию выхода на русском языке одной из величайших книг XX века «Спор о Сионе» // Русская народная линия. – 10, 18 августа 2011.

Безусловно, сегодня реализовать в полном объеме идеи Шарапова для укрепления российского государства не представляется возможным. Например, приход как возможная первичная ячейка российского социума и самоуправления сегодня у нас крайне слаба (во времена Шарапова многие приходы существовали на базе сельских общин, а такие общины давно уже разрушены). Сегодня нам надо искать другие формы и способы самоорганизации народа в рамках малых социумов: по месту жительства; по общности экономических, профессиональных, культурных интересов. Впрочем, некоторые приходы сегодня пытаются выйти за рамки чисто церковных единиц и превратиться в малые социумы, организующие жизнь людей в хозяйственной, социальной, образовательной, культурной и даже политической сферах. Этот опыт нам необходимо изучать и распространять.

Невозможно воспользоваться предложениями Шарапова и потому, что они касаются укрепления монархической государственности, а у нас лозунг восстановления монархии – из области фантазий или подковерных политических интриг. Впрочем, некоторые идеи, касающиеся введения чрезвычайного положения в стране и изложенные на страницах «Диктатора», вполне пригодятся для нашего времени. В сегодняшней России есть немало неизвестных и мало известных «полковников Ивановых», которые готовы навести порядок в стране и которых готов поддержать народ. У нас нет царя, который бы пригласил их для выполнения этой миссии. А Государственная Дума и Президент страны на это никогда не пойдут, ибо они опираются не на 100 млн. граждан России, а на 100 миллиардеров-олигархов. Поэтому «полковников Ивановых» может привести к власти только народ. Мы сегодня слишком загниваем.

зированы выборами в наш «игрушечный» парламент, выборами нашего «марионеточного» президента, тратим на это непростительно много времени и сил. Их надо тратить на самоорганизацию «снизу». И у Шарапова очень много интересных идей в части, касающейся самоорганизации русских людей на местах, которые не утратили своей практической значимости и через сто с лишним лет.

Программа восстановления и укрепления российской экономики

Эта третья часть общей программы Шарапова обоснована и проработана им наиболее глубоко. Именно в этой части программы проявился основной талант Шарапова – талант экономиста. Экономическая программа Шарапова имеет несколько направлений. В романе «Диктатор» один из главных героев – Соколов (диктатор Иванов назначил его министром финансов в своем кабинете) – определил эти направления:

«Наше финансовое преобразование должно распасться на три части:

- переустройство денежной системы;
- переустройство государственного хозяйства;
- переустройство органов хозяйственного управления».

Сквозная идея Шарапова, проходящая через все его произведения: здоровая денежная система страны – важнейшее условие успеха реформ во всех сферах общественной жизни – социальной, экономической, политической. Не скатываясь на позиции вульгарного материализма и денежного детерминизма, Шарапов, тем не менее, полагает, что здоровая денежная систе-

ма может способствовать даже оздоровлению духовно-нравственной атмосферы в России. Эту простую мысль Шарапов вкладывает в уста своего главного героя – «диктатора» Иванова, беседующего с будущим своим министром финансов Соколовым: *«...в основе организации современного государства лежат деньги... Все может быть плохо, но денежная система хороша, и государство будет процветать. Все хорошо, но денежная система плоха, и государство разорится и попадет в революцию...»*¹.

Эта посылка актуальна и для сегодняшней России. Да, ситуация во всех сферах нашей жизни плоха или даже ужасна. Тысячи авторов – ученых, политиков, писателей, общественных деятелей – предлагают различные идеи выхода из кризиса. Но буквально единицы обращают внимание на следующее обстоятельство: каких бы успехов мы ни достигли в плане духовно-нравственного возрождения нашего народа, при существующей ныне в России денежной системе нам Россию не восстановить и не спасти.

Мне вспоминается русская сказка про Кощея Бессмертного – страшного и безжалостного чародея. Под ним аллегорически можно понимать вселенское зло, мировую закулису, капитализм. Человеку кажется, что Кощей бессмертен, поскольку все усилия человечества уничтожить его кончаются ничем, Кощей продолжает жить и наводить ужас на людей. Чтобы уничтожить его, надо найти и сломать иглу Кощея, которая упрятана в яйце, яйцо – в утке, утка – в зайце, заяц – в сундуке, а сундук зарыт под дубом. Многим борцам с Кошеем в лучшем случае удавалось найти дуб. А немногим – отрыть сундук под дубом. Но до иглы еще никто не добрался. Потому, что человек, одурманенный опиу-

¹ Курсив мой. – В. К.

мом «религии денег», не очень себе представляет, что собой представляет эта игла в нашем мире и где она зарыта. Шарапов нам подсказал: это современная денежная система, которая находится под контролем бессмертных Кощеев – Ротшильдов, Варбургов, Шиффов. Эти Кощеи делают все возможное, чтобы никто не догадался, в чем секрет их силы – финансовой, политической, духовной. Шарапов один из первых разгадал тайну современных Кощеев.

Примерно за два года до своей кончины С. Ф. Шарапов написал одну из наиболее программных своих работ в области экономики и финансов «Финансовое возрождение России», которая была зачитана им как доклад на заседании Русского собрания в Петербурге 9 марта 1908 г. Работа достаточно обширная, но в конце Сергей Федорович в краткой форме изложил основные пункты своей программы: «Резюмируя все высказанное сегодня, я предложу на ваш суд нижеследующие положения:

1. Чтобы выйти из нынешнего печального экономического положения, ведущего Россию к разорению и гибели, необходимы три условия: во-первых, *отменить нынешнюю золотую денежную систему*, не отвечающую ни внутренним, ни международным потребностям России, и перейти к такого рода деньгам, которые как в качественном, так и в количественном отношении соответствовали бы нашим экономическим условиям, т. е. давали бы возможность правильно обставить народный труд и широко развить кредит, способствовали бы накоплению национальных капиталов и избавили бы нашу Родину от кабалы у международной биржи. Такими деньгами может быть или наша *старая испытанная серебряная валюта*, или *бумажные деньги*. Во-вторых, переустроить в полной между собой гармонии

правлящие экономической жизнью народа и государства органы. В-третьих, начать совершенно иную экономическую и, в частности, финансовую политику.

2. Основой здоровой финансовой политики после переустройства русской денежной системы является пересмотр нашей системы прямого и косвенного обложения и *перенесение центра тяжести государственных доходов с налогов и сборов на другие источники.*

3. *Главными источниками государственного дохода должны быть:* государственные железные дороги, государственные кредитные учреждения, капиталы казны, вложенные в промышленные предприятия, и монополии: табачная, нефтяная и элеваторная.

4. *Вредная и безнравственная питейная монополия должна быть упразднена с возмещением получавшегося от нее дохода равномерной раскладкой соответственной суммы на все виды имуществ и рисков по введению всеобщего обязательного государственного страхования.*

5. На первый план должно быть поставлено постепенное *погашение нашего внешнего долга, достижимое единственно путем улучшения нашего торгового и расчетного баланса при совершенном прекращении всяких дальнейших займов и привлечения иностранных капиталов»*¹.

Программа С. Ф. Шарапова и современная Россия

То положение, в котором находилась Россия 100 лет назад, имеет много общего с положением нынешней России, получившей невразумительное название «Россий-

¹ *Шарапов С. Ф.* Финансовое возрождение России (Доклад, прочитанный в заседании Русского собрания в Петербурге 9 марта 1908 г.). // *Шарапов С. Ф.* Россия будущего. – С. 236–237. Курсив мой. – В. К.

ская Федерация». Сходство не случайное: тогда Россия вопреки воле русского народа двигалась по пути капитализма; и сегодня ее опять загоняют в эту же самую колею, ведущую к обрыву. Мне как экономисту особенно бросаются в глаза такие общие моменты, как:

- засилье иностранного капитала в российской экономике,
- быстро растущий внешний долг страны,
- сильная зависимость государственного бюджета и всей экономики от внешнего рынка и игр спекулянтов на мировом рынке,
- испытываемый отечественными предприятиями постоянный денежный голод,
- высокие процентные ставки по кредитам,
- растущая социально-имущественная дифференциация общества,
- паразитизм и космополитизм нашей государственной бюрократии,
- процветающая коррупция и казнокрадство,
- усиливающееся отставание российской экономики от западной экономики,
- неразвитость экономической инфраструктуры,
- бедственное положение сельского хозяйства, грозящее стране голодом;
- отсутствие развитой промышленности,
- неготовность экономики к ведению серьезной войны и т. д.

Достаточно сходна и геополитическая ситуация той и нынешней России. Шарапов писал в начале 1908 г.: «Огромная, свежая и живая страна с талантливым и трудолюбивым народом дошла до положения жалкого паралитика, прикованного к своему одру, и то бессильно на нем мечущегося, то не подающего признаков жизни. А между тем со всех сторон собираются тучи, готовят-

ся величайшие, быть может, за всю нашу историю испытания. России придется отстаивать и от пробуждающегося Желтого Востока, и от фанатизируемого все более и более ислама, и от своих мнимых западных друзей не только свою целостность и независимость, но, быть может, и самое свое существование»¹. Характеристика внешнего окружения России, данная Шараповым, полностью соответствует реалиям XXI века.

В каком-то смысле сегодня экономическая и политическая ситуация в России и вокруг России даже более катастрофическая, чем во времена С. Шарапова.

Во-первых, сегодня мы имеем не Россию в границах 1914 г., а лишь ее кусок, называемый «Российской Федерацией». Значительная часть некогда громадного континента под названием «Российская Империя» уже 20 лет числится «ближним зарубежьем». Потери с экономической точки зрения громадные. Уже не приходится говорить о потерях нравственных, гуманитарных, геополитических.

Во-вторых, в своей массе население России в начале прошлого века было сельским, связанным с землей и сохранявшим православное мировоззрение и православный образ жизни. Это был духовный фундамент, на котором легче было возрождать и укреплять российскую государственность. Сегодня такого фундамента нет (хотя большая часть населения себя позиционирует как «православное», однако это Православие чисто номинальное).

В-третьих, разрушение духовно-религиозного фундамента русского общества сопровождалось также разрушением монархического устройства государства. Сегодняшнее государство с его парламентарно-демократическим устройством несравненно слабее, чем даже самодержавие, ограниченное Манифестом 17 октября 1905 г.

¹ Там же. – С. 238.

В-четвертых, тогдашняя Россия не имела такого богатого экономического наследия, которое получила нынешняя Российская Федерация от своего предшественника – Советского Союза. Худо ли бедно, но тогдашняя Россия что-то производила. Сегодняшняя Россия занимается проеданием и доеданием того, что ей досталось от СССР. Осталась лишь нефтяная и газовая «труба». Иначе говоря, колониальный характер отечественной экономики значительно усилился по сравнению с началом XX века.

В-пятых, сегодняшнее геополитическое положение России еще менее устойчивое, чем во времена С. Шарапова. И тогда Запад был настроен агрессивно в отношении России, но в те времена основной движущей силой западного империализма была борьба за рынки, стремление обогащения капиталистической олигархии. Сегодня основной движущей силой западного империализма является борьба за выживание (и одновременно за установление глобального господства). Иначе говоря, агрессивность Запада в целом (и в отношении России в том числе) за последнее столетие существенно возросла.

Безусловно, идеями С. Ф. Шарапова для возрождения современной России пользоваться следует. Но при этом чувствовать и понимать, в чем отличие и в чем сходство России начала XX века и России начала XXI века. Вполне вероятно, что какие-то положения и тем более детали программы С. Шарапова к сегодняшней России не применимы. Например, положения, касающиеся совершенствования государственного устройства страны. Шарапов предлагал модель, которую мы условно называли «народной монархией». Эта модель опиралась на существовавшее тогда самодержавие, общинное устройство сельской жизни, земское

самоуправление и т. п. Сегодня ничего этого нет. А вот в сфере экономики многие идеи Шарапова сохраняют свою актуальность.

ГЛАВА 3. С. ШАРАПОВ ОБ ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛАХ

Об иностранных капиталах: лукавство С. Витте и правда С. Шарапова

В предыдущей главе мы уже затронули вопрос о двух сторонах «медали», называемой российской экономикой последних десятилетий существования Российской Империи. Начавшийся предвоенный экономический «бум» в стране был в значительной степени искусственным, он обеспечивался не внутренними, а внешними источниками, а именно: займами, кредитами и прямыми инвестициями, которые притекали в России с Запада. Процесс притока иностранного капитала в российскую экономику был обусловлен как глобальными причинами, так и причинами внутреннего порядка.

Глобальные причины – вступление западных стран в высшую стадию своего капиталистического развития – монополистический капитализм, или империализм. Это качественное изменение западного капитализма достаточно хорошо показано в работе *В. И. Ленина* «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916 г.). По сути, она представляет собой добротный конспект десятков лучших зарубежных и отечественных работ по проблемам капитализма и обобщение выводов, сделанных авто-

рами этих работ¹. Переход капитализма в высшую стадию развития – монополистический капитализм – стал осуществляться в 80–90-е гг. XIX века и сопровождался усилением внешней агрессивности западных стран. Завершался территориальный раздел мира, начиналась борьба за его передел. Западному капитализму стало тесно в рамках национальных границ, он стал искать новые рынки сбыта товаров, источники сырья, сферы приложения капитала. Борьба за раздел и передел мира велась всеми дозволенными и недозволенными средствами – дипломатическими, военными, экономическими. Важнейшим экономическим средством борьбы стал экспорт капитала – в виде займов, кредитов, прямых инвестиций. А объектом межимпериалистического соперничества стали не только страны Африки и Азии, но также Россия. Последнюю Запад рассматривал как страну экономически отсталую, но в то же время богатую природными ресурсами, имеющую достаточно емкий внутренний рынок и относительно дешевую рабочую силу.

Для проникновения в другие страны западный капитал активно опирался на «пятую колонну» внутри захватываемых стран. Социальной опорой западного капитала выступала компрадорская буржуазия, которая сколачивала себе капитал за счет «оказания услуг» западному капиталу. Такая поддержка и есть главная *причина внутреннего порядка*. Наиболее крупной и влиятельной фигурой среди тех, кто оказывал внутри страны содействие проникновению иностранного капитала, был С. Ю. Витте. Он был быстро выдвинут на ключевые государственные должности, прежде всего, – на пост министра финансов.

¹ Согласно последним данным, к работе Ленина приложил руку будущий советский академик-историк М. Н. Покровский. Он провел редактирование работы и придал ей форму легко усваиваемого популярного очерка.

Следует отметить, что свое содействие продвижению иностранного капитала в Россию Витте осуществлял очень целеустремленно и последовательно, а для прикрытия истинных целей своей политики прикрывался различной демагогией, трескучей риторикой и ссылками на разного рода «научные теории», заимствованные на Западе. Витте даже пытался выдавать себя за «патриота», «монархиста», «государственника».

Например, Витте выступал за индустриализацию России. Трудно не согласиться с целым рядом оценок Витте о промышленном отставании России от Запада и его выводами о необходимости ускоренного промышленного развития страны. Более того, он был против эволюционного капиталистического развития промышленности, поскольку на это требовалось слишком много времени. Россия безнадежно отстала бы от Запада. Витте, выражаясь современным языком, выступал за активную государственную промышленную политику. Правда, позиция Витте отличалась от позиции русских патриотов, которые также выступали за индустриализацию России и считали, что она позволит превратить ее в «самодостаточную» страну, не зависящую от «королей биржи». Витте считал, что индустриализация должна помочь российским компаниям выйти на внешние рынки и включиться в конкурентную борьбу, раздел и передел международных рынков и сфер влияния. Другими словами, Россия, по словам Витте, должна стать индустриальной *империалистической* страной наподобие Америки или Англии.

Трудно было не согласиться с некоторыми мерами, которые предпринимало финансовое ведомство под руководством Сергея Юльевича. В частности, оно проводило политику последовательной защиты внутреннего рынка от иностранных промышленных товаров. Боль-

шие средства выделялись из бюджета Российской Империи для строительства железных дорог, что должно было способствовать промышленному развитию России. Большая часть российской прессы называла Витте «великим реформатором», сравнивая его с Петром I. Нередки были также адресованные Витте эпитеты: «государственник», «патриот» и даже «русский националист».

Но на самом деле за внешне декларируемой Витте политикой ускоренного промышленного развития России скрывалась другая, не афишируемая политика.

Во-первых, экономическая политика Витте, будучи ориентированной на внешнюю экспансию российских компаний, создавала серьезные политические риски для России. Сегодня, например, не вызывает сомнения то, что экономическая политика С. Витте спровоцировала военное столкновение России с Японией в 1904 г.¹ Свой вклад С. Витте внес в обострение российско-германских отношений и втягивание России в Антанту, а затем и Первую мировую войну.

Во-вторых, ориентация на использование иностранного капитала вела к закабалению России иностранным капиталом – мировыми ростовщиками и «королями биржи».

Мы уже говорили (и еще будем говорить) о главной «заслуге» Витте перед Россией – навязывании ей золотого рубля. Другая «заслуга» Витте – резкое усиление с его приходом в правительство зависимости России от иностранного капитала. Кстати, за период с 1800 по 1861 г. иностранные вложения в российские предприятия составили весьма скромную величину – 232 млн. руб. После перехода России на золотую валюту они достигли к 1914 г. 2243 млн. руб.²

¹ См., например: *Кремлев С.* Россия и Япония: сравить! – М., 2005.

² *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. – Л., 1981.

По сути, все основные направления экономической политики Витте были в итоге ориентированы именно на то, чтобы обеспечить массовое привлечение иностранного капитала в Россию. Выражаясь современным языком, Витте делал все возможное для того, чтобы обеспечить в России «инвестиционный климат» для иностранных капиталистов. Золотой рубль был гарантией для иностранных инвесторов, что они не понесут убытков от падения курса российской денежной единицы при выводе своих прибылей из России. Введение золотого рубля немедленно привело к резкому росту притока иностранного капитала как в виде займов и кредитов, так и в виде прямых инвестиций.

Точно так же активное строительство железных дорог было выгодно иностранным инвесторам.

Во-первых, они предоставляли займы и кредиты на строительство, участвовали в работах в качестве подрядчиков, получая щедрые казенные заказы. Шарапов писал: «Прежде всего, бросается в глаза, что главные у нас иностранные дела основываются в качестве поставщиков казны»¹.

Во-вторых, железные дороги обеспечивали более эффективное функционирование иностранных предприятий, которым надо было вывозить свою продукцию на мировой рынок.

Многие русские люди, даже далекие от экономики и финансов, прекрасно понимали опасность иностранных инвестиций в промышленность и другие отрасли российской экономики. Поэтому Витте для проведения своей политики привлечения «капиталистических ворягов» в Россию необходимо было как-то ее обосновать. В своих выступлениях, статьях, а также фундаментальной работе «Конспект лекций о народном и государ-

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 182.

ственном хозяйстве»¹ он доказывал, что без привлечения иностранных капиталов России не удастся стать передовой в экономическом отношении страной. Одновременно он утверждал, что иностранные капиталы независимости нашей страны не угрожают. При этом Витте ссылался на опыт стран Запада: «Подобные опасения высказывались у нас еще со времен Петра Великого, но государи русские с ними никогда не считались, и история вполне оправдала их прозорливость... Привлечением иностранного капитала создали свое промышленное могущество все передовые ныне страны – Англия, Германия, Соединенные Штаты Америки...»². По некоторым данным, Витте активно использовал этот аргумент в беседах с императором Николаем II, который высказывал серьезные сомнения в необходимости опираться на иностранный капитал. Например, современный исследователь С. Г. Мартынов пишет: «Для убеждения царя Витте ссылался на пример Англии и США, добившихся создания промышленности с помощью иностранных капиталов, утверждая, что прилив чужих сбережений не отразится на национальном характере русской промышленности, ибо Россия как страна, обладающая громадной политической силой и могуществом, способна будет их ассимилировать»³.

Также Витте апеллирует к историческому опыту России. «Подтверждение своей позиции, – пишет современный исследователь творческого наследия С. Витте *Н. Фигуровская*, – он находил и в историческом про-

¹ Первое издание этой работы вышло в Санкт-Петербурге в 1912 г. Современное издание: *Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. – М., 1997.

² Цит. по: *Тимофеева А. А.* История предпринимательства в России / Учебное пособие. – М., 2011.

³ *Мартынов С. Г.* Гл. 5. Денежно-кредитная политика С. Ю. Витте // Государство и экономика: система Витте // – СПб., 2002.

шлом экономической жизни самой России, говоря, что мы сами поглотили уже иностранного капитала, явившегося нам в виде знаний, орудий труда, денег, ассимилировали совершенно стольких иностранцев, пришедших в качестве мастеров, хозяев предприятий, военных, учителей, что странно даже упоминать о какой-то опасности для русской самобытности от ищущих у нас заработка иностранцев и иностранных капиталов. Важным аргументом выступало то, что значительная часть капиталов поступает в ресурсы страны. Залогом безопасности привлечения иностранных капиталов является величие страны»¹.

Витте, как и окружавшие его либеральные профессора, любил говорить, что иностранные капиталы приносят в страну «знания», «технологии», «опыт», «оказывают услуги». Естественно, за это иностранные инвесторы вправе получать вознаграждение. Вот такая нехитрая «теория» иностранных инвестиций.

В работе «Иностранные капиталы и наша финансовая политика» (1899) С. Ф. Шарапов полемизирует с Витте по вопросу иностранных инвестиций (хотя имени его не упоминает). Сергей Федорович не оспаривает того факта, что в Россию приезжали много иностранцев как с капиталом, так и без капитала и участвовали в нашем экономическом строительстве. Особенно много было немцев-колонистов, которых Екатерина II вызвала из Германии для освоения российских просторов. Действительно, многие иностранцы ассимилировались, становились гражданами Государства Российского, верно служили Царю и Отечеству, вносили вклад в экономическое развитие нашей страны.

¹ *Фигуровская Н.* Взгляды С. Ю. Витте на государственное хозяйство // *Экономист.* – 2008. – № 10.

Но во второй половине XIX века ситуация изменилась. Шарапов отмечает, что раньше под «иностранцами» понимались вполне конкретные живые люди, которые представляли сами себя и работали также на себя. Часто приезжали с семьями и, в конце концов, оставались в России навсегда. В настоящее же время «иностранцы» стали появляться в виде совершенно анонимных акционерных обществ, за которыми не было видно их истинных хозяев; эти общества представляли в России совершенно номинальные фигуры, которые были связаны со своими хозяевами – главными акционерами, находившимися в Лондоне, Париже или Берлине. Очевидно, что ни хозяева обществ, ни номинальные их представители даже не мыслили о том, чтобы «ассимилироваться» в России. Тем более что «фатерлянд» для приезжающих в Россию иностранных граждан стал ближе благодаря развитию средств транспорта и связи. Вот что писал по этому поводу Шарапов: «Так было в России еще недавно (речь идет об иностранцах, которые ассимилировались в России. – В. К.). Мы так к этому привыкли, что совершенно не заметили неожиданной перемены. А перемена произошла огромная. Наступила эпоха железных дорог, телеграфов, неслыханной ранее быстроты сообщений, широкого развития спекуляции, водворилось царство биржи, синдикатов, земельная собственность мобилизовалась, личность уступает место анонимному обществу, страшной силе соединенного капитала. Европейцы почти все очень обогнали нас на этом поприще. Но обогнали не столько техникой или лучшими качествами – обогнали, прежде всего, *лучшей организацией*, более крепкой общественностью, лучшим государственно-экономическим механизмом. Положение иностранца у нас совершенно изменилось. С одной стороны, наше общество как будто потеряло свою пере-

варивающую способность, с другой – самая ассимиляция стала для иностранца совершенно ненужной»¹.

Далее Шарапов пишет о том, что любое иностранное предприятие в России становится кусочком чужой страны на территории нашей страны. Взять, например, современного немца в России: «Если он ведет крупное дело, это уже не русское, а чисто немецкое дело. Постарайтесь зайти (если пустят) на любой немецкий завод в Петербурге или Москве. Администрация немецкая, делопроизводство немецкое, разговор немецкий, интересы немецкие и самая неразрывная, самая тесная связь с Германией *как с метрополией*. Территория завода – это завоеванная *капиталом* и почти отчужденная немцами территория. Это только *номинально* Россия. Русские рабочие здесь *только* чернорабочие, и Россия от фирмы имеет *только* налоги да скудную поденную плату рабочим.

Возьмите Бухару и нашу там колонию – Новую Бухару. Разве, например, дело там любой крупной русской фирмы, вроде Большой Ярославской Мануфактуры, *бухарское* дело? Это настоящий уголок Русской земли, хотя номинально и во владении Бухарского эмира. В этом же роде совершенно и иностранные у нас крупные акционерные предприятия. Россия, разумеется, чуточку посильнее Бухары и рядом с немецкою и вообще иностранною промышленностью еще может выдвинуть свою, но... надолго ли? Ведь иностранная у нас промышленность растет гигантскими шагами, ведь иностранцы имеют явную тенденцию выплачивать и высаживать все русское и притом из самых лучших дел...»².

Чуть ниже Шарапов еще раз возвращается к *мифу* об «ассимиляции» в России иностранцев, созданному

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 179–180.

² Там же. – С. 180.

Витте и его сторонниками: «Ведь это все фантазия, чтобы иностранный капиталист, сидящий преимущественно за границей и имеющий у нас только своих приказчиков, ассимилировался с нами, становился русским. Давно прошли эти времена!»¹. Немного ниже он отмечает, что истинные хозяева иностранных предприятий, капиталисты в нашу страну и нос не суют, решая все вопросы по России в своих конторах в Лондоне, Амстердаме, Брюсселе и Берлине: «...сейчас мы можем указать на правление Московской или Ташкентской конки, заседающее в Брюсселе, общество разработки каменной соли в Амстердаме, на правление общества каменноугольных копей гр. Ренара, орудующее из Берлина, или на правление бывших Тагиевских промыслов в Баку, сидящее в Лондоне...»².

Справедливости ради следует признать, что в России во времена Шарапова среди русских патриотов, выступавших против засилья иностранного капитала, выделялась небольшая группа с особым мнением. Это были *германофилы*, которые считали, что если привлечение иностранного капитала нельзя свести сразу к нулю, то лучше ориентироваться на капитал немецкий, который принесет России меньший ущерб. Отчасти сторонники такой точки зрения исходили из того, что немцы все-таки более склонны к ассимиляции, чем прочие иностранцы. К тому же Германия как страна технически передовая могла дать что-то полезное России для ускорения ее технического развития. Например, такой точки зрения придерживался известный государственный деятель *П. Н. Дурново*. В своей записке императору Николаю II в начале 1914 г. он писал о необходимости резкого политического и экономиче-

¹ Там же. – С. 184.

² Там же. – С. 195.

ского разворота России в сторону Германии для того, чтобы избежать войны: «Что касается немецкого засилья в области нашей экономической жизни... Россия слишком бедна капиталами и промышленной предприимчивостью, чтобы могла обойтись без широкого притока иностранных капиталов. Поэтому известная зависимость от того или другого иностранного капитала неизбежна для нас до тех пор, пока промышленная предприимчивость и материальные средства русского населения не разовьются настолько, что дадут возможность отказаться от услуг иностранных предпринимателей... Но пока мы в них нуждаемся, немецкий капитал выгоднее для нас, чем всякий другой. Прежде всего, этот капитал из всех наиболее дешевый как довольствующийся наименьшим процентом предпринимательской прибыли... Мало того, значительная часть прибылей, получаемых на вложенные в русскую промышленность германские капиталы, и вовсе не уходит; в отличие от английских и французских капиталистов германские капиталисты и сами со своими капиталами приезжают в Россию. Англичане и французы сидят себе за границей, до последней копейки выбирая из России вырабатываемые их предприятиями барыши. Напротив того, немцы-предприниматели подолгу проживают в России и быстро русеют. Кто не видел, например, французов и англичан, чуть ли не всю жизнь проживающих в России и ни слова по-русски не говорящих? Напротив того, много ли видно в России немцев, которые хотя бы с акцентом, но все же не объяснялись бы по-русски?»¹.

Что можно сказать по поводу подобной точки зрения?

¹ Цит. по: *Кремлев С.* Россия и Германия: сравнить! От Версаля Вильгельма до Версаля Вильсона. Новый взгляд на старую войну. – М., 2003. – С. 148.

Во-первых, очевидно, что П. Дурново не знаком с экономическим учением С. Шарапова. В противном случае он, наверное, воздержался бы от утверждения, что Россия «бедна капиталами». Россия могла бы самостоятельно удовлетворить свои потребности в капитале, осуществляя выдачу государственных кредитов в виде «мнимых» капиталов под соответствующие проекты. Впрочем, следует учесть, что Дурново не был экономистом.

Во-вторых, утверждение Дурново о склонности немцев к русификации и ассимиляции не совпадает с точкой зрения Шарапова. Вероятно, все-таки представления Дурново отражают ту ситуацию, которая была в России XIX века. В XX веке немцы также (подобно англичанам и французам) начали чувствовать себя в России как иностранцы. Дурново также идеализирует немцев, говоря, что они могут довольствоваться меньшей нормой прибыли, чем французские или английские инвесторы. В условиях международной конкуренции выживают лишь те, которые получают наибольшую прибыль.

В-третьих, Дурново прав, что с политической точки зрения России было бы лучше опираться на германский капитал, а не на французский или английский, с помощью которого нашу страну втягивали в войну против Германии. Вместе с тем на момент, когда Дурново писал свою записку, немецкий капитал в общем объеме накопленных прямых инвестиций в российскую экономику (начало 1914 г.) занимал весьма скромное место – лишь 20%¹.

В значительной степени «перекосы» в географии иностранных инвестиций в российскую экономику

¹ Доли других стран были равны (%): Франция – 31; Великобритания – 24; Бельгия – 15; США – 5. См.: Бобович И. М., Семенов А. А. История экономики. Учебник. – М., 2002. – С. 229.

создавались агентами мировых ростовщиков, которые готовили Россию к противостоянию с Германией. Главный из этих агентов – С. Витте – делал все возможное для того, чтобы обострить торгово-экономические отношения России с Германией¹.

«Выгоды» России от иностранных инвестиций

Высказывает Шарапов и свое мнение о тезисе, что доходы от иностранных инвестиций – *плата за предоставление «знаний», «опыта», «техники» и «услуг».*

Во-первых, большинство тех отраслей и производств, куда приходят иностранные компании, не относятся к разряду «передовых» и «наукоемких» и в особо сложной технике не нуждаются. Более того, в техническом отношении некоторые отечественные производства, как отмечает Сергей Федорович, выше по техническому уровню, чем западные. Шарапов перечисляет, какие производства захватывают иностранцы в первую очередь: соль, уголь, нефть, рельсы для железных дорог. Он пишет: «Идет постройка железных дорог, нужны рельсы, паровозы, все это обеспечено казенными заказами, и вот готов, ждет иностранец. Открывается винная монополия, требующая массу стекла и пробки. Опять иностранец, ибо здесь обеспеченный казенный заказ, который совершенно так же мог бы быть выполнен нашими заводами, будь у них оборотный капитал. Дальше: захватывается соль, уголь, нефть. Приносят ли здесь иностранцы что-либо новое, учат нас чему-нибудь? Увы!.. Затем иностранцы

¹ См.: Фомин С. Банкиры начинают и выигрывают // Правая.ру (Интернет).

овладели конками почти во всех главных городах. Надеюсь, что эта наука невысокого качества»¹.

В ряде отраслей, как отмечает Шарапов, наоборот, иностранцы получали от нас передовые технологии. Например, в нефтяной и текстильной промышленности: «В Баку не мы учились у иностранцев, – техника бурения и добычи нефти там на огромной высоте, – там иностранцы – ученики наши, там они пришли на готовое... Теперь их капиталы направились на устройство прядилен и ткацких. Вы думаете, что здесь будет внесено что-нибудь новое в смысле техники...? Увы! Наша русская техника по прядению и ткачеству стоит ничуть не ниже, а в красильном деле даже выше иностранной»².

Западные инвесторы не собираются создавать в России «продвинутые» отрасли промышленности: станкостроение, автомобильную и авиастроительную промышленность, химию, другие отрасли высокого «передела». Зачем создавать конкуренцию своим же предприятиям в Западной Европе и Северной Америке? Их интересует в России лишь добыча полезных ископаемых, эксплуатация других природных ресурсов. В это время западный капитализм начинает входить в стадию империализма. Начинается борьба Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатов, других стран западной цивилизации за окончательный раздел и передел мира, в том числе источников сырья. Кстати, в 1884 г. ведущими странами мира был принят *«Акт Берлинской конференции»*. Этот документ закреплял принцип *«эффективной оккупации»*. Смысл этого принципа прост: если страна, обладающая сырьевыми ресурсами, не имеет достаточных технических средств для эффективной добычи ресурсов на своей территории,

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 183.

² Там же. – С. 183.

она должна допускать на свою территорию компании других стран. Правда, указанный Акт не имел статуса международно-правового документа, а представлял собой некую «декларацию о намерениях» западных стран. Причем в тот момент в фокусе интересов западных стран была Африка. Но принцип «эффективной оккупации» негласно стал проводиться Западом и в отношении России.

Во-вторых, никаких «услуг» иностранцы со своими капиталами нам не оказывают. Шарапов, развенчивая этот миф, пишет, что из России за границу уходят не платежи за «услуги», а проценты, которые начисляются на гигантский внешний долг России: «Ни о каких услугах иностранцев и речи быть не может. Это не обмен услуг, а обязательная уплата долга. Русская земля, русский народ расплачивается своею недвижимостью, своими богатствами за бесхозяйность нашей экономической политики последнего сорокалетия (с либерального тарифа 1857 г.). Но... заметьте это: расплачивается, *должая* вновь, и притом в страшной степени...»¹.

Как только отрасль или производство попадает под контроль иностранного капитала, он организует трест или синдикат (разновидности монополий). Вслед за этим происходит взвинчивание цен на соответствующие товары, которые иностранные фирмы реализуют тут же на российском рынке. Иностранцы получают бешеные прибыли, какие русским промышленникам и не снились. Шарапов иронизирует: «Приносят ли здесь иностранцы что-либо новое, учат нас чему-нибудь? Увы! Они учат нас одному: как устраивать тресты и синдикаты, захватывать монополию и поднимать цены. Не успели каменноугольные копи попасть в иностранные руки, уже казенные железные дороги переплачи-

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 187.

вают на первых же поставках угля сотни тысяч. В Баку они... сразу, с первых же дней страшно подняли цены. В первые 10 месяцев главная английская компания выдала своим акционерам 43% дивиденда. Сколько же получил заработка русский народ? Об этом легко составить понятие, если мы обратимся к цифрам: промыслы Тагиева на Биби-Эйбате, дававшие около 40 млн. пудов нефти в год, занимали всего 150 человек мастеров и рабочих»¹.

Хорошо известно, что в России перед Первой мировой войной существовало множество *синдикатов*, т. е. таких объединений капиталистов, которые на территории нашей страны организовывали совместную сбытовую деятельность, естественно, на основе монопольных цен. Хотя вывески у синдикатов были русскими («Продуголь», «Продамет», «Гвоздь», «Медь», «Продвагон» и т. д.), за вывесками скрывался иностранный капитал. В частности, российская экономика была поставлена в зависимость от английского угля, причем реализуемого по монопольно высоким ценам. Приведем сообщение начальника Харьковско-Николаевской железной дороги *В. Н. Волкова*, который отмечал: «Все попытки Комиссии по поставке каменного угля для казенных железных дорог в 1906 г., чтобы добиться понижения цен, ни к чему не привели вследствие существования синдиката (Генеральное Общество «Продуголь» контролировало 44% добываемого в Донцке угля. – *В. К.*), который нормировал цены. Синдикат, фактически существующий и руководимый из Парижа и Брюсселя, настолько широко организован, что те немногие, которые остались самостоятельными, в борьбе с синдикатами бессильны и никакой роли не играют»².

¹ Там же. – С. 183.

² ЦГИА. – Ф. 273. Оп. 9. Д. 3502. Л. 10-11. Цит. по: *Клепов А.* Современный путь эффективного грабежа // Проза.ру (Интернет).

Таким образом, иностранные инвесторы ничего в Россию не приносят, а только из нее уносят. Однако отечественные финансовые «теоретики» этого либо не понимают, либо проявляют заведомую недобросовестность, когда говорят о «положительном влиянии» иностранных капиталов на российскую экономику: «...только величайшая наивность наших финансистов или прямая, заведомая недобросовестность может предполагать, что в крупных, миллионных предприятиях, основываемых на иностранные капиталы, есть что-нибудь, кроме самого обыкновенного снятия сливок, самого обыкновенного промышленного хищничества, где русский народ играет совершенно ту же роль, что индусы, китайцы, негры. Недаром же Екатеринославская губерния называется довольно откровенно Белым Конго»¹.

Шарапов отнюдь не идеализирует отечественных промышленников, которые также умеют драть семь шкур с работников и «снимать сливки». Но российские предприниматели свои прибыли оставляют на родине, создавая новые производства или даже занимаясь благотворительностью. Иностранцы все заработанное вывозят за пределы страны, оставляя после себя лишь истощенные недра и вырубленные леса: «Положим, снимать сливки умеют хорошо и наши промышленные тузы. Но, не будучи вовсе защитником нашей мануфактурной промышленности, все же приходится признать, что от этих русских тузов остается родине хоть что-нибудь: ряд клиник на Девичьем Поле в Москве, пожалуй, первая в мире по обстановке Третьяковская галерея, дар Пекина городу Ростову в виде будущего университета, Добровольный флот, множество весьма почтенных учебных и благотворительных учреждений. Что-то останется от иностранцев! Пока можно ожидать

¹ Клепов А. Современный путь эффективного грабежа. – С. 183–184.

лишь одного: опустошенных рудных и угольных месторождений, сведенных лесов, высосанных нефтяных источников да перемытых золотоносных эфелей...»¹.

А что еще приносит иностранный капитал? Картину дополняет Г. Бутми. Он отмечает в своей работе «Кабала или свобода» (1906), что иностранный капитал заинтересован в беспорядках и смуте в стране². Так называемая «русская» революция 1905 года показала: беспорядки ведут к разорению и без того слабых российских предприятий, и иностранцы прибирают такие предприятия к рукам. «Враги наши, – пишет Бутми, – объединились. Они знают, чего хотят. Беспорядки и забастовки вызывают застой во всех делах. От застоя все промыслы и торговля терпят убытки. Но русские промышленники и торговцы, особенно мелкие, не могут выдержать этого и разоряются. Иудейские же и заграничные фабриканты и торговцы, обладая большими капиталами, могут вынести эти убытки. Поэтому беспорядки и забастовки ведут к совершенному разорению русской промышленности и русской торговли, особенно мелкой, и к переходу всех выгодных дел в руки иудеев и иностранцев, а русские люди становятся их батраками. Бакинские беспорядки уничтожили мелких нефтепромышленников. Все нефтяное дело сосредоточивается в руках крупных англо-иудейских фирм. Теперь они хотят разорения русского земледе-

¹ Там же. – С. 184.

² Согласно данным других исследователей, иностранный капитал не только был заинтересован в российской смуте, но также вносил свой практический вклад в ее создание. См., например: *Стариков Н.* Кто убил Российскую Империю? Главная тайна XX века. – М., 2006; *Сикорский Е. А.* Деньги на революцию: 1903–1920 г. Факты. Версии. Размышления. 2-е изд., доп. и перераб. – Смоленск, 2004; *Мультатули П. В.* Строго посещает Господь нас гневом Своим. Император Николай II и революция 1905–1907 гг. – СПб., 2003.

лия, русской промышленности и торговли, чтобы захватить все в свои руки...»¹.

Шарапов с болью в сердце констатирует, что вся Россия сегодня опутана сетью иностранных предприятий и контор. Даже в первопрестольной Москве в глазах рябит от иностранных вывесок: «Москва – центр России. Многим из нас приходилось ездить по Мясницкой. Много там русских вывесок? Много у нас в Москве русских механических заводов? Чьи пивоваренные, машиностроительные заводы и склады? Я знаю, что могут указать Ильинку и Варварку, но только уж придется прищуриться или отвернуться, когда мы будем проезжать мимо некоторых амбаров... А потом можно проехать в Петербург, в Лодзь, в Варшаву, в Киев, побывать в районах каменноугольном, металлургическом, нефтяном, заглянуть во Владивосток, в сибирскую тайгу...»².

С. Шарапов о причинах российской «неконкурентоспособности»

Возникает вопрос: почему иностранцы оказываются почти всегда впереди русских предпринимателей – купцов и промышленников, захватывая ключевые позиции в нашем собственном доме? Шарапов называет *три основные причины*:

«Иностранец имеет перед нами преимущества в своем богатстве, в легкости достать на дело необходимые средства, в большей дешевизне денег где-нибудь в Бельгии или Германии, чем у нас.

¹ Бутми Г. В. Кабала или свобода (Святая Русь на распутье) // Бутми Г. В. Кабала или свобода / Под ред. О. Платонова. – М., 2005. – С. 33.

² Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 180.

Иностранец имеет преимущества в техническом и коммерческом образовании.

Иностранец имеет преимущества в своем юридическом положении в России, созданном законодательством, договорами, международным правом и пр.»¹.

По крайней мере, к созданию первой и третьей причин, обеспечивающих преимущества иностранцев над местными предпринимателями, приложил свою руку министр финансов С. Ю. Витте.

По поводу первой причины (*«преимущества в своем богатстве, в легкости достать на дело необходимые средства, в большей дешевизне денег»*) нами уже сказано достаточно. Повторим: введение золотого стандарта в России существенно ограничило денежную массу на внутреннем рынке, сделало деньги для российского промышленника и купца еще дороже, чем они были раньше. На Западе они были дешевле (более низкие процентные ставки по кредитам). Российские компании по этой причине были менее конкурентоспособными по сравнению с европейскими предприятиями. Нередко российские предприятия, обремененные долгами, скупались на корню иностранцами. Отметим, что иностранцы вообще мало строили новых заводов, предпочитая скупать уже построенные русским народом объекты (это очень напоминает сегодняшнюю ситуацию в Российской Федерации).

Вот как Шарапов описывает принципиальные различия в положении отечественного и иностранного предпринимателя в российской экономике с точки зрения их доступа к кредитам: «Дело открыто. Вот русское, вот рядом бельгийское или немецкое. Нужен кредит, без кредита *теперь* работать нельзя. К услугам отделение Государственного Банка. Вы просите креди-

¹ Там же. – С. 185.

та на *миллион*, и отделение хорошо знает, что кредит этот вполне обеспечен. Но у него *нет средств*, как оно об этом прямо заявляет, и оно вам предлагает *сто тысяч*. Остальные девятьсот тысяч берите, откуда хотите. Ищите их у дисконтера, у ростовщика, кланяйтесь и платите процент, какой тот положит.

Бельгиец открывает себе кредит в Брюсселе или Париже, немец в Берлине, Лейпциге или Дрездене – кредит почти безграничный. Вам Государственный Банк отказал, ему даст хоть десять миллионов. Как так? Да тот же *Deutsche Bank*, та же *Comptoir d'Escompte* купит на Россию тратту¹, и наш Государственный Банк *обязан ее выплатить беспрекословно*. Чтобы оправдать эту трассировку, закроют русским людям кредиты в десяти отделениях банка, создадут искусственное безденежье в целых областях, но в ваше отделение нужное количество “оборотных средств” переведут и у вас на глазах снабдят ими иностранца. Трассировка – это биржевой фокус, не больше. И вы, и иностранцы работаете *на одни и те же деньги*, и от того, что иностранец открывает новое дело, *количество денег* в России не увеличивается. Их, наоборот, становится все меньше и меньше по отчетам самого же Государственного нашего Банка, да это и понятно: золото, на которое иностранец покупает тратту, у нас только по счетам проходит, мы им только за наши долги расплачиваемся да убытки по расчетному балансу покрываем. “Для обращения” ничего не остается, и обращение не уве-

¹ Тратта (от итал. *tratta*), или *переводный вексель* – финансовый документ, который составлен в строго упорядоченной форме, содержащий безусловный приказ кредитора (трассанта) заемщику (трассанту) об уплате в оговоренный срок определенной суммы денег, обозначенной в векселе, третьему лицу (ремитенту) или предъявителю векселя. Может являться одним из товарораспорядительных документов внешнеторгового контракта. – В. К.

личивается. Золото проходит по счетам, является приходной статьей расчетного баланса и сейчас же уходит обратно за границу»¹.

Шарапов нарисовал печальную картину. Иностранец с его «золотой» траттой (финансовым документом, удостоверяющим обеспеченность требований иностранца золотом) получает в России реальные активы, а это «золото» тут же уходит из страны, количество рублей в обращении не увеличивается, денежный голлод сохраняется, российскому предпринимателю приходится идти на поклон к ростовщику.

Описываемая Шараповым ситуация имела место в конце XIX века. Сегодня на дворе XXI век, но мало что изменилось. В Россию приходят иностранные компании с капиталами, которые они получили в западных банках. Эти капиталы номинированы (выражены) в долларах США, евро, фунтах стерлингов, других иностранных валютах. Иностранные инвесторы обменивают их в Центральном банке Российской Федерации на наши рубли, причем (заметьте!) по выгодному курсу, т. к. российский рубль имеет заниженный курс (примерно в 2 раза) по отношению к основным резервным валютам Запада. Иначе говоря, иностранный инвестор скупает российские предприятия по дешевке. А российскому предпринимателю, работающему в России, зарабатывать рубли непросто, поэтому как инвестор он проигрывает иностранцу. Современный российский предприниматель, кроме того, вынужден пользоваться дорогими кредитами, поэтому он как инвестор еще раз проигрывает иностранцу. Количество валюты, притекающей в Российскую Федерацию, в последние годы примерно сравнялось с тем объемом валюты, которая утекает из страны в виде процентов и дивидендов. Та-

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 182.

ким образом, иностранные инвесторы количество денег, обращающихся в российской экономике, не увеличивают, кредиты для российского инвестора по-прежнему дорогие и даже недоступные.

Шарапов также отметил, что *«иностранец имеет преимущества в своем юридическом положении в России, созданном законодательством, договорами, международным правом и пр.»*. Вот в чем проявляются, по мнению Шарапова, эти преимущества: «Преимущества эти в промышленном и торговом отношении выражаются, во-первых, в тех конвенциях и торговых договорах, которые нами заключены с разными странами. Во-вторых, во внимательном и любезном отношении наших центральных и местных властей к основавшимся в России иностранным предпринимателям. В-третьих, в той точке опоры, которую эти господа имеют в своих консулах и вообще в дипломатическом персонале. Я вовсе не думаю обвинять здесь наших власть имущих в каком-нибудь пристрастии или послаблении иностранцам. Ни одному из наших государственных людей *теперь* в голову не придет предпочитать иностранца русскому только потому, что он иностранец, или хлопотать за него предпочтительно перед соотечественникам. Делается это мимовольно, скрепя сердце, иногда даже с болью в душе. Да что толку России от этой боли, раз иностранцы все-таки одолевают нас на всех пунктах и идут, куда им угодно?».

Если государство и создавало бюрократические препоны для предпринимательства, то только для отечественного. Иностранец благодаря разным «конвенциям» имел режим наибольшего благоприятствования, какой русскому и не снился: «Бельгиец или немец напишет устав, соберет общество с правлением в Брюсселе или в Берлине, и пока вы будете ходить торговаться да упра-

шивать разрешить в вашем уставе такие-то параграфы, он уже выстроит завод. Затем ваш устав утвержден, но его еще не опубликовали в «Собрании Узаконений», а до тех пор вам Экспедиция заготовления государственных бумаг паев печатать не будет. Недавно я видел человека, проклинавшего наши канцелярские порядки, ибо попал на такой случай: деньги нужны до зарезу, товар покупается раз в год, осенью; дополнительный выпуск паев разрешен, а Экспедиция требует номер «Собрания Узаконений». А там разрешение будет напечатано месяцев через шесть... Иностранец ничего этого не знает, потому что у него в руках *конвенция*. Его дело заранее утверждено и благословлено...»¹.

Помилуйте, скажет оппонент: какая дискриминация? – Наш промышленник и купец тоже получает все права у них в Европе! Международные конвенции о взаимном признании акционерных обществ обеспечивают полную взаимность! Шарапов с иронией пишет об этой «взаимности»: «Взаимность! Горожанин и сельский житель заключают *взаимный* и совершенно *равноправный* договор об охоте. Мужик получает святое право искать дупелей в городском саду, а в это время горожанин перестреляет всю его дичь. Любой из нас имеет бесспорное право скупить хотя бы все копи угля в Бельгии и Силезии, но пока позвольте господам бельгийцам и всем, за ними укрывающимся, попользоваться нашими бассейнами, позвольте англичанам скупить нашу нефть и поднять ей цену, так что вся русская промышленность начинает стонать... Вот какое значение имеют эти конвенции»². Статистика того времени показывает: зарубежные инвестиции российских промышленников и купцов были очень не-

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 181.

² Там же. – С. 192.

значительны (в Китае и Персии, на Западе их почти не было). Русский предприниматель был похож на того самого мужика, который получил «святое право искать дупелей в городском саду».

Иностранные инвестиции и государственная «кормушка»

Многие исследователи русского капитализма конца XIX – XX века выделяют две главные особенности этого капитализма: а) высокую зависимость российской экономики от иностранного капитала; б) высокую степень огосударствления экономики.

Иностранные инвесторы, по крайней мере, наиболее крупные и именитые, рассматривали Россию в качестве настоящего «Эльдорадо», где можно делать большие деньги, ничем не рискуя. Для этого необходимо было иметь своих людей во власти (особенно в Министерстве финансов). А люди во власти (особенно в Министерстве финансов) обеспечивали иностранным инвесторам доступ к государственной «кормушке». А «кормушка» официально называлась «бюджетом» и составляла более 2 млрд. золотых руб. в год. Происходило сращивание государственной бюрократии и иностранного капитала на почве общей любви обеих сторон к деньгам. Первый шаг в деле создания такого «любовного союза» делали почти всегда иностранцы: в виде взятки и/или приглашения российского партнера принять участие в «совместном предприятии». Последующие шаги должен был делать российский партнер. Существовало три основных способа использования иностранцами государственной «кормушки»:

- а) получение государственных заказов (подрядов);

б) привлечение казенных средств в виде паев и/или кредитов в компании, где участвовали иностранцы (для приобретения основных фондов, пополнения оборотного капитала);

в) погашение из казны убытков иностранных инвесторов. В последнем случае обычно на помощь приходил Государственный банк со своими так называемыми «неуставными ссудами».

Вот как современный исследователь *А. Клепов* описывает государственную поддержку *золотодобычи* – отрасли, где иностранцы появились в 70-е гг. XIX в.: «Западные компании использовали российские государственные инвестиции для развития русских компаний, в которых они участвовали как акционеры. Это можно наглядно показать на истории крупнейшего в России Ленского золотодобывающего предприятия. В 1871 г. учредителями золотопромышленного Товарищества стали банкирский дом “И. Е. Гинзбург” и петербургское банкирское заведение “Э. М. Мейер и К^о”, которое полностью контролировал английский подданный Эдуард Мейер. Уже в 1874 г. Гинзбурги выступили в числе соучредителей Березовского золотопромышленного дела. Одним из учредителей этой организации был и П. А. Шувалов!¹ Вот кто многие годы оказывал огромное влияние на “правильное” развитие золотодобывающей отрасли России! С его ведома этому предприятию выдавали огромные субсидии и льготы. Среди основных держателей акций крупнейших золотодобывающих компаний – министр двора И. И. Воронцов-Дашков, свитский генерал-майор Н. О. Андельсон, компания алтайского золотопромышленного дела “В. И. Асташев и

¹ *Шувалов Петр Андреевич* (1827–1889) – генерал-адъютант, член Государственного Совета, представитель России на Берлинском конгрессе (после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.). – В. К.

К^о”. Участниками Миасского золотопромышленного дела были П. А. Шувалов и генерал-майор П. П. Дурново, московский генерал-губернатор.

Очень интересно рассмотреть учредительство “Российского золотопромышленного общества”, которое было одним из первых крупнейших акционерных предприятий в золотопромышленности. Главным учредителем общества был Санкт-Петербургский международный банк, который создал под своей эгидой влиятельную группу промышленников и финансистов. С самого начала своего существования “Российское золотопромышленное общество” развернуло бурную деятельность в Сибири для захвата приисков и золотосодержащих местностей, а также для установления финансового контроля или участия в золотопромышленных компаниях. Общество купило $\frac{2}{3}$ паев в Забайкальском золотопромышленном товариществе, $\frac{1}{3}$ паев у Второва, стало крупнейшим пайщиком, а потом держателем акций Ленского золотопромышленного товарищества, купило 78 паев из 100 Амгунской золотопромышленной компании. Такая активность “Российского золотопромышленного общества” наблюдалась накануне введения в России золотого стандарта. Добычу золота необходимо было строго контролировать и, как было сказано выше, не допускать резкого увеличения его добычи. Что успешно и делалось. Золотодобывающие предприятия специально разоряли. В результате наиболее крупное предприятие по добыче золота, Ленское золотопромышленное товарищество, имело убыток с 1899 по 1903 г. около трех миллионов рублей из-за повышения расходов на эксплуатацию приисков. Впервые в истории России добыча золота стала убыточной!.. И сразу это общество по указанию С. Ю. Витте поддержал Государственный банк России, открывший ему неуставной кредит в раз-

мере 11,2 млн. руб. Вот что значит тесная связь главного акционера А. Ротштейна и министра финансов России С. Ю. Витте. Как бы ни разоряли предприятие, всегда поможет дружеская рука министра. Он финансировал проворовавшиеся предприятия¹. Стоит только напомнить, что главный акционер Ленского золотопромышленного товарищества А. Ротштейн представлял банк, который лишь по названию был русским, а фактически контролировался иностранным (немецким) капиталом. Так что Витте оказывал двойную услугу иностранцам: во-первых, разорял предприятия, принадлежавшие отечественному капиталу, готовя их в качестве «корма» для иностранных «акул»; во-вторых, покрывал убытки тех предприятий, в которых иностранцы уже обосновались.

Ранее был упомянут «неуставной кредит» Госбанка золотопромышленникам. Следует иметь в виду, что «неуставные ссуды» были обычной практикой Государственного Банка. Выдавались они терпящим крахи банкам и предприятиям на «некоммерческих» условиях, причем секретно, по особому решению министра финансов или даже Императора. Эти ссуды из «исключения» превратились в «правило»: в 1870–1880-х гг. они составляли до 50% кредитного портфеля Государственного банка. После превращения Государственного банка из коммерческого в действительно эмиссионный институт в новом уставе Госбанка были предусмотрены ограничения для выдачи «неуставных ссуд». Однако после введения золотого стандарта и начавшегося вскоре кризиса Госбанк был вынужден опять прибегать к раздаче казенных денег: в 1901 г. «чрезвычайные» ссуды составили 65 млн. руб., а в 1902 г. – более 100 млн. руб.² Почти все спасаемые банки были полностью или частично

¹ Клепов А. Витте и немецкие ордена. Ч. VIII.

² Там же. Ч. I.

под контролем иностранцев. Подобная практика раздачи «спасательных ссуд» продолжалась до войны и даже до революции 1917 года.

Но главной «кормушкой» для иностранных инвесторов были, конечно, государственные заказы. Особенно в такой сфере, как *железнодорожное строительство*. Здесь наблюдался своеобразный кругооборот иностранного капитала: 1) деньги на железнодорожное строительство приходили в российскую казну из-за границы в виде займов за границей; 2) затем российская казна раздавала эти деньги иностранному капиталу, который поставлял для строительства путей рельсы и шпалы (а затем, после пуска дорог – паровозы и вагоны).

Рельсы составляли основную часть всех затрат на строительство. Большая часть производства металла для рельсов и самих рельсов находилась в руках компаний, контролировавшихся иностранным капиталом (нередко прикрывавшихся русскими вывесками). Предприятия с преобладанием отечественного капитала были в основном мелкими, мало конкурентоспособными, сосредотачивались на Урале. Подавляющая часть крупных предприятий по производству металла и рельсов была сосредоточена в Донецком бассейне (Южнорусский регион), в них преобладал иностранный капитал.

В учебнике «История предпринимательства в России» читаем: «Огромной была роль иностранного капитала в создании базовой по тем временам металлургической промышленности в России. На иностранные средства создается крупнейший металлургический комплекс страны – южнорусский, на который в 1913 г. приходилось 67% выплавленного в России чугуна и 60% стали. Несмотря на то, что правительство предоставило российским предпринимателям необходимые льготы, все их попытки создания здесь центра железнорудитель-

ной промышленности окончились неудачей. Без помощи иностранного капитала криворожским рудам еще долго пришлось бы мирно покоиться под черноземными полями Приднепровского края. Точно так же в металлургическом деле Донецкого бассейна пионером явился англичанин Юз. На юге России не было почти ни одного предприятия, в котором бы не участвовал иностранный капитал. Из существовавших там 18 акционерных обществ акции 16 котировались на иностранных биржах. Таким образом, можно говорить о южнорусских предприятиях как о предприятиях с почти исключительным или преобладающим участием иностранного капитала. В Южную Россию целыми массами переселялись иностранные капиталы, инженеры и рабочие, а в современную эпоху «горячки» (1898 г.) туда перевозятся из Америки целые заводы. Играя первостепенную роль в выплавке стали и чугуна, южнорусский комплекс вместе с тем включал в себя только 22 металлургических завода, тогда как всего в России в то время их насчитывалось 167. Южнорусские заводы выплавляли чугуна в среднем в 14 раз больше, чем уральские, при этом производительность труда на первых была в 5 раз выше»¹.

Наиболее активный период раздачи казенных средств иностранному капиталу на железнодорожное строительство – время «царствования» Витте. При нем началась «стройка века» – сооружение *Транссибирской магистрали*, которую тогда называли «Великим Сибирским Путем». Первоначальная смета проекта составляла 350 млн. руб. золотом. Однако аппетиты поставщиков рельсов и других материалов росли очень быстро, цены стали вздуваться. В связи с этим приведем высказывание *профессора Милютина* о реальной стоимости работ: «Так,

¹ Тимофеева А. А. История предпринимательства в России. Учебное пособие. Раздел 4.2. Иностранный капитал в России. – М., 2011.

когда для Сибирской железной дороги английские заводчики брались поставлять стальные рельсы по 75 коп. за пуд, заказ был отдан отечественному предпринимателю по 2 руб. с пуда с выдачей аванса в несколько миллионов на устройство завода. При заказах цены вообще назначались не по соображениям рынка, а единственно в видах восполнения заводам. В 1898–1900 гг., когда стоимость чугуна на заводах составляла 62–65 коп., казна платила за рельсы 1 руб. 12 коп., и в последующем, когда чугун упал в цене до 40–50 коп., цена на рельсы была повышена до 1 руб. 25 коп. Такая щедрость казны приводила к тому, что на южных заводах рельсы не для казны расценивались 85–87 коп. за пуд, а для казны – в 1 руб. 25 коп. Ежегодные переплаты казны по предметам железнодорожного оборудования достигли не менее 15 млн. руб.»¹.

Фактические затраты на строительство Транссиба за период 1891–1905 гг. оказались равными 936 млн. руб. золотом, что превысило первоначальную смету в 2,7 раза. Кроме того, после Русско-японской войны пришлось исправлять «ошибку» Витте, который принял решение строить Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) по чужой территории. По нашей территории пришлось прокладывать Амурскую железную дорогу², на что было истрачено еще 519 млн. руб. Итого, реализация проекта Великого Сибирского Пути обошлась казне в 1455 млн. руб. золотом, что превысило первоначальную смету в 4,2 раза³. Впрочем, ино-

¹ Цит. по: *Клепов А.* Витте и немецкие ордена. Ч. I. Приводя эти данные профессора Милютина, А. Клепов заключает: «Несложно подсчитать, что за время строительства Транссиба из казны мошенники украли не меньше 180 млн. руб. только за поставку чугунных рельс».

² Строительство участка Транссиба от станции Куэнга до Хабаровска протяжением более 2000 км было начато в 1907 г. и сдано в эксплуатацию в 1915 г.

³ *Клепов А.* Витте и немецкие ордена.

странные подрядчики и поставщики были рады подобного рода «ошибкам».

Иностранные инвестиции и «золотая мышеловка»

Возникают законные вопросы:

Неужели нашей власти не были видны негативные последствия прихода иностранного капитала в конце XIX – начале XX века в Россию?

Разве нашей власти не было очевидно, что российский промышленник и купец оказывается в неравном положении по отношению к иностранному капиталисту?

Разве нашей власти не было ясно, что иностранец не собирается ассимилироваться в России?

С 1900 г. Россия стала переживать экономический кризис. В 1904 г. началась война с Японией. В 1905–1907 гг. в стране произошла первая «русская» революция. Так или иначе эти все события были связаны с деятельностью мировых ростовщиков и «королей биржи», которые искусно использовали инструмент иностранных инвестиций против России. Даже слепому стали видны катастрофические последствия нашествия «капиталистических варягов» в Россию после прихода в Министерство финансов С. Витте. Царь в 1903 г., наконец, отстранил Витте от руководства Министерством финансов, а фактически от управления всей российской экономикой. Но курс, заданный Витте в предыдущее десятилетие, продолжался и при его преемнике *В. Н. Кокорцеве*¹.

¹ *Кокорцев Владимир Николаевич* (1853–1943) – граф, товарищ министра финансов (1896–1902). В 1904–1914 гг. – министр финансов России (с перерывом в 1905–1906 гг.). Одновременно в 1911–1914 гг. занимал пост председателя Совета министров. Член Государственного Совета.

В чем же дело? Объяснение, которое дал Шарапов, крайне просто: власти стали *заложниками золотого рубля*, и для поддержания золотого стандарта было необходимо обеспечивать любой ценой прилив иностранных инвестиций, которые создавали иллюзию прочности золотого рубля. Видимо, *золотой рубль стал идеей-фикс* для многих руководителей дореволюционной России.

Вот что по этому поводу писал Шарапов еще в 1899 г.: «Казна занимает, и много занимает. Ренту (облигации государственных займов. – В. К.) печатают, как газету, и продают ее, и по подписке, и в розницу, на всех европейских биржах, *обязавшись там платить проценты золотом*. Но для правильного сведения концов с концами, для верной оплаты процентов, для поддержания курса этих явных и замаскированных займов, даже вместе с добываемым сибирским золотом, недостаточно. Увеличить наш вывоз уже невозможно. Сократить ввоз не в наших средствах, мы связаны договорами. Что делать? Откуда доставать необходимое золото, чтобы не только не трогать нашего запаса, но еще чтобы оставалось кое-что для Государственного банка в подкрепление его ничтожно малой собственной кассы?»

Это золото могут дать только иностранцы, которые принесут его в виде тех капиталов, что будут ими вложены в новые промышленные дела. Значит, как бы вредно ни было, *с национальной точки зрения*, это нашествие иностранцев и захват ими *в собственность* лучших наших дел и важнейших народных богатств, с точки зрения *финансовой, казначейской*, оно неизбежно, оно необходимо, ибо без прилива, и притом очень широкого, к нам иностранных капиталов сейчас, при существующей денежной системе, немислимо свести концы с концами, немислимо удержать золотое обра-

щение. Отсюда следует, что движение к нам этих капиталов волей-неволей приходится поощрять»¹.

О лукавом лозунге Витте, что иностранные капиталы нужны, мол, для индустриализации и строительства «Великой России», уже через несколько лет после введения золотого рубля никто не вспоминает. Соображение здесь чисто финансовые, а именно – поддержание курса рубля. А ведь об этом Шарапов прозорливо предупреждал еще до введения золотого рубля в совместной с П. Олем работе «Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881–1895 гг.»²: «В прежние времена, – говорится в моем докладе по поводу работы П. В. Оля над нашим расчетным балансом, – никому не приходило в голову, что расплачиваться с иностранцами по убыткам расчетного баланса и держать курс, какой угодно, можно самым простым путем: увеличивая внешнюю задолженность страны, расплачиваясь землями, естественными богатствами, концессиями на разные промышленные предприятия и т. д.

Честь открытия этого способа всецело принадлежит позднейшим финансовым деятелям, которые, громко провозгласив, что привлечение иностранных капиталов есть благо для России, открыли этим капиталам дорогу и обратили их сполна на текущие потребности, т. е. на утверждение равновесия в расчетном балансе»³.

Надо полагать, что С. Ю. Витте прекрасно понимал эти тонкости финансовой науки и вводил золотой

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 191–192. Курсив мой. – В.К.

² Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881–1895 гг. П. В. Оля и С. Ф. Шарапова. – СПб., 1896. Данная работа была недавно переиздана и содержится в следующем источнике: Витте С. Ю. Т. 3: Денежная реформа, кредит и банковская система России // Собрание сочинений и документальных материалов. В 5 т. (Памятники экономической мысли). Кн. 2. – М., 2007. – С. 623–713.

³ Там же. – С. 15.

рубль не ради индустриализации и строительства «Великой России», а в угоду мировым ростовщикам и «королям биржи».

Именно экономические соображения (поддержание золотого рубля) заставляют российские власти быть любезными с иностранцами, быть к ним снисходительными и предоставлять им всяческие поблажки: иностранный инвестор может принести в казну золото, а российский – нет! Вернее, российский предприниматель также теоретически может, но это может быть не очень скоро. А золото денежным властям нужно немедленно! Шарапов писал об *«особом режиме» для иностранцев в России*: «Отсюда же и любезность к иностранцам, и всякие им потачки и поблажки. Попробуйте, хотя бы законно, прижать иностранца. Сию минуту об этом с невозможными прикрасами разблагостят иностранные газеты и поднимется крик: “В России варварство, в России нельзя помещать иностранных капиталов”, а этот крик равносителен падению нашего кредита, он прямо опасен для политики привлечения иностранных капиталов...»¹.

Теоретически власти могут не удовлетворить заявку иностранцев на открытие ими в России своего предприятия. Но реально такого не происходило, такое могло произойти только с заявкой российского предпринимателя. Теоретически власти могли даже потребовать закрытия ранее открытого иностранцем предприятия. Но это еще более фантастическое предположение. Потому что тогда иностранцу надо будет выплатить золотом компенсацию. А на это власти никогда не пойдут, ведь в казне золота всегда не хватает! Шарапов пишет об этой стороне отношений власти и иностранных капиталистов: «Правда, правительство *дает разрешение* на

¹ Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881–1895 гг. П. В. Оля и С. Ф. Шарапова. – С. 192.

открытие действий данного общества в России. Правда, оно оговаривает, что во всякую минуту и без объяснения причин деятельность эту *может прекратить*. Но разве последнее физически возможно? Чем же мы выплатим иностранцу, которого пожелали бы удалить? На это – увы! – нет средств. Неудобно ли выплатить и удалить Ротшильда, Кокериля, Юза, Ротштейна и т. д.»¹.

О том, чтобы просто удалить (или, проще говоря, выдворить) из России Ротшильда, Кокериля, Юза и Ротштейна, не прибегая ни к каким выплатам, тогда никто не мог и думать. Позднее именно такой способ вырваться из «золотой мышеловки» использовали большевики. И у них получилось. Это способ назывался «национализацией» иностранной собственности (без компенсаций собственникам), а также отказ платить по долгам дореволюционной России.

Русские патриоты и государственники в дореволюционной России прекрасно понимали, что г. Вите заманил Россию в «золотую мышеловку». Вырваться из нее было сложно, но не невозможно. И они (включая С. Шарاپова) предлагали свои варианты. Но об этом далее.

О государственном долге России (1)

Тема государственного долга проходит красной нитью почти через все произведения С. Шарاپова, органически переплетаясь с темами денежного обращения, иностранных инвестиций, экономической и политической зависимости России от Запада, золотого рубля, государственного бюджета и т. п. Государственный долг бывает внутренним и внешним. Шарاپов особое внимание уделил долгу внешнему. Государственный внешний

¹ Там же.

долг – результат привлечения иностранного капитала в Россию в виде займов и кредитов (другая разновидность иностранного капитала – прямые инвестиции, т. е. участие иностранцев в капитале российских предприятий).

Наиболее полные и обобщенные данные о внешних заимствованиях дореволюционной России содержатся в работе американских экономистов *Л. Пазвольского* и *Г. Моультона* «Русский государственный долг и восстановление России»¹. Эта работа появилась на свет после Первой мировой войны, была издана у нас на русском языке в 1925 г. и широко цитировалась и использовалась нашими исследователями. По их данным, между 1769 и 1914 гг. российское правительство заимствовало как внутри России, так и за рубежом около 15 млрд. руб. Примерно 40% указанной суммы было погашено в рассматриваемый период. Примечательно, что в течение большей части рассматриваемого отрезка русской истории, а именно в 1769–1886 гг. (117 лет) государственные займы России составили лишь 6% общего объема государственных заимствований, а 94% пришлось на короткий отрезок времени 1887–1914 гг. (27 лет). В абсолютных цифрах получается менее 1 млрд. руб. государственных заимствований в первый период и более 14 млрд. руб. – во второй.

Первые попытки внешних заимствований относятся к XVII веку. В 1613–1614 гг. первым царем из династии Романовых Михаилом Федоровичем были направлены посольства в Англию и Голландию с целью получения займов. Они нужны были для ликвидации последствий Смуты. Голландцы отказали нам, ответив, что сами находятся в сложном положении (недавно закончили войну). А Англия выставила ряд неприемле-

¹ *Пазвольский Л., Моультон Г.* Русский государственный долг и восстановление России. – М., 1925.

мых для России условий (например, снятие пошлин на ввоз товаров в Россию из Англии). В результате переговоры окончились ничем.

Первые государственные внешние заимствования Россия, согласно имеющимся источникам, осуществила в XVIII веке. *Петр I* хотя и «прорубил окно в Европу», однако к внешним заимствованиям относился отрицательно. К его чести Россия не заняла у Европы ни одной копейки. Первые займы были сделаны при *Екатерине II*. Они были необходимы для покрытия расходов на ведение ряда войн (прежде всего, с Турцией). Переговоры велись с голландскими банкирами, банкирским домом «*Гонс и К^о*»¹. В общей сложности было сделано 20 займов, под которые Россия выпустила облигации. Общая сумма заимствований – 75 млн. гульденов, причем часть новых займов шла на погашение долгов по ранее сделанным займам. Екатерининские займы неоднократно пролонгировались и реструктуризировались. Окончательно обязательства России по ним были закрыты лишь в 1891 г., т. е. уже во времена С. Шаропова. Вступив в XIX век, Россия стала периодически прибегать к внешним заимствованиям, в основном для финансирования расходов во время ведения войн или ликвидации последствий войн. Так, при Александре I после окончания войны с Наполеоном в 1815 г. был получен заем от Голландии.

После войны с Наполеоном при дворе Александра I появился банкир *Людвиг Штиглиц* – по происхождению немецкий еврей, который позднее обратился в лютеранство. Он получил статус придворного банкира и, пользуясь своими связями с Ротшильдами, неоднократно получал займы в Европе. После смерти Людвиг в 1843 г.

¹ Этот банкирский дом еще не раз организовывал займы для России и после царствования Екатерины II (вплоть до середины XIX века).

эстафету придворного банкира принял сын Людвига *Александр Штиглиц*. Отец и сын Штиглицы в период с 1820 по 1855 г. организовали русскому правительству 13 внешних займов на общую сумму на 346 млн. руб. (по номиналу бумаг). Самые значительные займы (по 50 млн. руб.) были заключены при участии А. Л. Штиглица в период Крымской войны, в 1854 и 1855 гг. Они обошлись русскому правительству в 5,5%. Следует также упомянуть шесть 4-процентных займов, заключенных с 1840 по 1850 г. на строительство Николаевской железной дороги. Наричательный капитал этих шести займов составил примерно 67 млн. руб.¹

Конечно, в первой половине XIX века финансовые власти России крайне осторожно относились к такому средству пополнения казны, как внешние заимствования. Министр финансов *Е. Ф. Канкрин*, несмотря на свой консерватизм, вынужден был прибегать к займам – как внешним, так и внутренним. Читаем о Канкрине: «В 1828–1829, 1831, 1832, 1840, 1843 гг. провел заграничные займы, действительный процент по которым составил 5,42%, сумма – 92,2 млн. руб. серебром. Ежегодные выплаты по займам в министерство Канкрин были ниже, чем у его предшественников, что способствовало улучшению расчетного баланса Российской Империи»². Последние два внешних займа пошли на строительство Николаевской железной дороги (Москва–Петербург).

Шарапов неоднократно обращал внимание на то, что при Канкрине основной упор был не на внешние,

¹ *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. – М., 2006. – С. 19–20.

² Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 393. Отметим, что Е. Ф. Канкрин был министром финансов в период 1823–1844 гг. Его предшественниками были Д. А. Гурьев (1810–1823), Ф. А. Голубцов (1807–1810), А. И. Васильев (1802–1807).

а на *внутренние заимствования*. Такие заимствования были организованы в виде:

- а) привлечения средств населения на депозитные счета в государственных кредитных учреждениях;
- б) выпуска казначейских процентных билетов.

Шарапов давал высокую оценку такой политике Канкрин, которая, во-первых, не создавала угрозы потери Россией своей экономической и политической независимости; во-вторых, способствовала наполнению внутреннего рынка необходимой денежной массой. Что касается первого источника внутренних заимствований, то следует отметить организацию (начиная с 1842 г.) широкой сети сберегательных касс, принимавших вклады от 50 коп. до 750 руб. Расширение при Канкрине ссудно-депозитных операций государственных учреждений позволило снизить проценты по депозитам с 5 до 4%, а по ссудам – с 6 до 5%. Что касается второго источника, то в 1831 г. были запущены в обращение билеты Государственного казначейства (так называемые «серии»), которые имели номинал 250 руб. ассигнациями и обеспечивали 4% годовых. «Серии» выпускались на срок 4 года, затем он был увеличен до 6 лет.

Депозиты оформлялись в виде вкладных листов или депозитных билетов, которые использовались наряду с ассигнациями в качестве средств обращения и платежа. Что касается казначейских процентных билетов, то в расчетах граждан с государством они могли использоваться в качестве платежных средств по номиналу, а в отношениях между частными лицами – по соглашению.

Конечно, в курсе Канкрин произошли изменения после того, как на смену Егору Францевичу пришел сначала *Вронченко Федор Павлович* (министр финансов в период 1844–1852 гг.), а затем *Брок Петр Федорович* (1852–1858 гг.). Изменения были обусловлены не только

субъективными причинами (финансовые взгляды Вронченко и Брока отличались от взглядов Канкрин), но и более объективными; в частности Крымской войной. В 1854 и 1855 гг., как мы отметили выше, Россия вынуждена была (при содействии А. Л. Штиглица) разместить два займа по 50 млн. руб. Это было сопоставимо с суммой внешних заимствований за двадцатилетний период нахождения Канкрин на посту министра финансов.

С приходом к власти Александра II и «молодых финансистов», как мы уже неоднократно говорили, денег в России стало меньше, чем до начала реформ. Это негативно сказывалось и на государственном бюджете. Бюджетные дефициты стали закрываться с помощью займов, причем все чаще использовались внешние государственные займы. Более чем столетия, прошедшие с начала финансовых реформ Александра II до начала Первой мировой войны (капиталистический период русской истории), с точки зрения внешних заимствований можно разделить на два периода:

а) до начала практической подготовки Министерства финансов к переходу на золотой рубль (первые 20–25 лет);

б) после начала такой подготовки вплоть до введения золотого рубля и начала Первой мировой войны (последующие примерно 30 лет).

Первый период русского капитализма характеризовался активным железнодорожным строительством, которое осуществлялось на деньги внешних займов. Государство либо само выступало в качестве заемщика, либо в качестве гаранта по частным займам, размещаемым на европейских денежных рынках. Впоследствии государство использовало внешние займы для выкупа железных дорог у частных владельцев, поскольку дороги были убыточными.

Несмотря на большие по сравнению с эпохой Николая I **внешние заимствования**, они выглядели достаточно скромно на фоне тех сумм займов, которые Россия стала привлекать начиная с 1880-х гг., когда началась активная подготовка к введению золотого рубля. По данным уже упоминавшихся *Л. Пазвольского* и *Г. Моультона*, в 1887–1914 гг. государством было привлечено займов на общую сумму более 14 млрд. руб., причем особая «нагрузка» пришлась на пятнадцатилетний период 1887–1902 гг., когда было привлечено около 10 млрд. руб., а на период 1903–1914 гг. пришлось примерно 4 млрд. руб.

В 1880–1890-е гг. особую роль во внешних заимствованиях стали играть так называемые *золотые займы* – целевые займы, которые Министерство финансов Российской Империи использовало для накопления запаса «желтого металла», необходимого для введения золотого рубля. В период 1881–1897 гг. в Россию было привлечено иностранного капитала на сумму 1700 млн. руб., в том числе внешних государственных займов – на сумму 1050 млн. руб. (остальные 650 млн. руб. – иностранные инвестиции в российские предприятия)¹. Большую часть получаемого по займам золота Министерство финансов передавало в Государственный банк для формирования разменного металлического фонда в обмен на кредитные билеты. Примечательно, что на облигациях золотых займов стояли номиналы, выраженные в валютах стран, которые уже ввели золотой стандарт; также стоял номинал в золотых рублях, хотя еще официального введения золотого рубля в России не было. Предъявитель таких облигаций

¹ См.: *Брегель Э. Я.* Гл. 12. Денежно-кредитная система дореволюционной России // Денежное обращение и кредит капиталистических стран. – М., 1955. – С. 326.

мог получить ренту в валюте любой страны. В размещении и последующем обслуживании золотых займов активно участвовали европейские банкирские фирмы: Парижско-Нидерландский банк, Учетная контора, Лионский кредит (Франция); «Мендельсон и К^о», Берлинское торговое общество (Германия); «Братья Бэринг и Ко.» (Англия) и т. д.

Впрочем, и после введения золотого рубля финансовые власти России продолжали прибегать к золотым займам (золотым кредитам) для поддержания золотого запаса и минимального объема денежной массы во внутреннем обороте. На начало 1914 г. обязательства России по внешним золотым займам были равны 594 млн. руб., в том числе перед Францией – 431 млн. руб., Германией – 103 млн. руб., Англией – 46 млн. руб., Голландией – 8 млн. руб., другими странами – 6 млн. руб.¹

Золотые займы (кредиты) имели следующие особенности:

– они предоставлялись не в виде физического золота, а в виде валют тех стран, которые имели золотой стандарт (фунтов стерлингов, франков, марок, гульденов);

– полученные средства размещались на счетах в иностранных банках, находящихся за пределами Российской Империи;

– они предназначались исключительно для поддержания внутреннего денежного обращения в России в виде выпуска бумажных денежных знаков;

– в финансовой отчетности Государственного банка указанные средства проходили по статье «золото за рубежом».

По официальным данным, валютные заграничные запасы («золото за рубежом») составляли накануне

¹ Хейфец Б. А. Кредитная история России: от Екатерины II до Путина. – М., 2001. – С. 15.

Первой мировой войны следующие величины (на начало соответствующего года, млн. руб.)¹: 1909 г. – 305,3; 1910 г. – 551,8; 1911 г. – 638,9; 1912 г. – 627,7; 1913 г. – 634,1; 1914 г. – 635,3.

Вероятно, определенная часть запаса «золота за рубежом» была сформирована не за счет золотых займов, а за счет иных источников. Тем не менее, есть основания полагать, что решающую роль в формировании запаса «золота за рубежом» играли иностранные займы России².

Важным является вопрос о разделении государственных заимствований России на внутренние и внешние. Точных данных нет, есть лишь экспертные оценки. Причина в том, что процентные бумаги, которые Министерство финансов Российской Империи размещало в Европе, могли покупать также российские подданные, находящиеся за границей. Точно так же при размещении облигационных займов на внутреннем рынке бумаги могли приобретать находящиеся в России иностранцы или агенты, действовавшие по поручениям иностранцев. Более или менее точные оценки деления государственных займов на внутренние и внешние имеются лишь за 20 лет, предшествующих началу Первой мировой войны.

Данные о государственном внешнем долге России в дореволюционное время, содержащиеся в разных источниках, могут заметно не совпадать. Одни авторы включают в сумму государственного внешнего долга лишь обязательства Министерства финансов Российской Империи по размещенным за границей займам

¹ Золотой запас // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 374.

² Если сравнить величину запаса «золота за рубежом» на 1 января 1914 г. (635,3 млн. руб.) с величиной «золотых займов» России на тот же момент времени (594 млн. руб.), то мы увидим, что первая величина превышает вторую всего на 41,3 млн. руб.

(государственный долг в узком смысле, или долг казначейства), другие дополнительно учитывают обязательства по городским займам. Всего до начала Первой мировой войны было выпущено 159 городских займов. Задолженность по городским займам перед иностранцами на 1 января 1914 г. составила 420 млн. руб. Также могут учитываться обязательства по железнодорожным займам, гарантированным правительством Российской Империи. Накануне войны в руках иностранцев, по разным оценкам, находилось железнодорожного долга на сумму от 850 до 975 млн. руб. Наконец, свои облигации выпускали и размещали за границей государственные земельные банки. В руках иностранцев объем таких облигаций составил, по оценкам, 230 млн. руб. Также следует учитывать закладные листы Дворянского земельного банка и свидетельства Крестьянского поземельного банка, которые обращались на иностранных рынках (биржи Лондона, Парижа, Амстердама). Сумма этих обязательств накануне войны оценивается в 339 млн. руб.¹

Обратимся опять к работе Л. Пазвольского и Г. Моультона. По их данным, до начала 1890-х гг. внутренние заимствования явно преобладали над внешними. В 1895 г. доля внешних займов в общем объеме государственных заимствований уже составила 30%. Далее она имела тенденцию неуклонного увеличения (%): 1899 г. – 37; 1904 г. – 46; 1909 г. – 46; 1914 г. – 48². Если выразить внешние заимствования в абсолютных цифрах, то они с 1,7 млрд. руб. в 1895 г. возросли до 4,2 млрд. руб. в 1914 г.,

¹ См.: Займы // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 336–338.

² Некоторые исследователи называют даже более высокий процент. Так, М. Антонов пишет: «Перед Первой мировой войной 55% российских ценных бумаг принадлежали иностранному капиталу» (*Антонов М. Капитализм в России не бывает!* – С. 583).

т. е. в 2,5 раза. Еще более высокими темпами нарастали выплаты по внешнему государственному долгу. Они составили следующие суммы (млн. руб.): 1885 г. – 62; 1889 г. – 98; 1904 г. – 138; 1909 г. – 181; 1914 г. – 194. Таким образом, за два десятилетия выплаты по внешнему государственному долгу выросли более чем в 3 раза и в 1914 г. составили 48% всех выплат по государственному долгу России¹. России приходилось не только выплачивать проценты по внешним займам, но также погашать основную сумму долга. Совокупные выплаты по займам оказывались большими, чем начисляемые проценты². Обратим внимание, что обязательства по займам измерялись в золоте, а золото постоянно дорожало. Следовательно, для оплаты каждого рубля основного долга России с каждым годом приходилось вывозить на мировой рынок все больше товаров. Шарапов писал: «Не будем забывать, что по своим долгам Россия расплачивается отнюдь не золотом, а только вывозимыми продуктами своего народного труда»³.

Отметим, что западные капиталисты выкачивали из России деньги не только в виде процентов по займам и кредитам, но также в виде дивидендов от инвестиций в капиталы российских предприятий. По

¹ Пазвольский Л., Моультон Г. Русский государственный долг и восстановление России. – М., 1925. – С. 22, 125. Оценки, приводимые Пазвольским и Моультоном, близки к оценкам, содержащимся в других источниках. Например, в Большой энциклопедии русского народа отмечается, что в период 1907–1913 гг. в общих расходах России по государственному долгу 45% приходилось на выплаты за границу (Займы // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 337).

² Так, по данным А. Нечволодова, суммарные выплаты по внешним государственным займам (проценты + погашение основного долга) России составили (млн. руб.): 1897 г. – 198,0; 1898 г. – 222,9; 1899 г. – 228,5; 1900 г. – 223,2; 1901 г. – 234,5 (Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 9).

³ Земля и воля ... без денег. – С. 23.

данным расчетного баланса Российской Империи (который начал составляться с конца XIX в.), совокупные доходы иностранцев, выведившихся из страны, были равны (млн. руб.): 1897 г. – 218,5; 1898 г. – 248,2; 1899 г. – 259,1; 1900 г. – 262,7; 1901 г. – 276,3¹. При этом доля процентов по ссудному капиталу была доминирующей в общих доходах иностранцев; она равнялась (%): 1897 г. – 90,8; 1898 г. – 89,9; 1899 г. – 88,2; 1900 – 85,0; 1901 г. – 84,9.

Посмотрим, как выглядела ситуация накануне Первой мировой войны. Совокупные доходы иностранцев, выведившихся из России, составляли (млн. руб.)²: 1911 г. – 311,4; 1912 г. – 328,5; 1913 г. – 363,1. Вместе с тем основная часть в указанных совокупных доходах по-прежнему приходилась на проценты по займам и кредитам; эта доля составила (%): 1911 г. – 79,0; 1912 г. – 74,7; 1913 г. – 70,7.

Таким образом, можно констатировать факт явного превалирования процентов по займам и кредитам над дивидендами в общей массе прибыли, вывозимой иностранцами из России. По крайней мере, за период с 1897 г. (когда появились надежные статистические данные) до начала Первой мировой войны. Некоторые авторы объясняют это тем, что прямые иностранные инвесторы значительную часть своих инвестиционных доходов направляли на экономическое развитие России. Вряд ли можно согласиться с таким объяснением. Главная причина сложившейся пропорции – в общей струк-

¹ Данные расчетного баланса взяты из следующего источника: *Нечволодов А. Д.* Указ. соч. – С. 9.

² Золотой запас // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 375. Отметим, что в эту сумму не включены расходы по уплате текущей краткосрочной задолженности российских хозяйствующих субъектов. Они составили (млн. руб.): 1911 г. – 29,0; 1912 г. – 25,9; 1913 г. – 25,5 (Там же. – С. 375).

туре вложений иностранного капитала. Сумма прямых долгов казначейства иностранцам по состоянию на начало 1914 г. была равна 3971 млн. руб. Сюда следовало бы также приплюсовать долги иностранцам¹:

- по городским займам (420 млн. руб.),
- по железнодорожным займам, гарантированным правительством (от 850 до 975 млн. руб.),
- по облигациям государственных земельных банков (230 млн. руб.),
- по закладным листам земельных государственных банков, обращающимся на европейских биржах (339 млн. руб.),
- по облигациям российских акционерных обществ (256 млн. руб.).

В итоге мы получим сумму займов, находящихся в руках иностранцев, равную от 6066 до 6191 млн. руб.

По данным П. Оля, содержащимся в его работе «Иностранные капиталы в России» (1923), объем участия иностранного капитала в промышленных, страховых, кредитных, торгово-комиссионных, транспортных и городских предприятиях (прямые инвестиции) на начало 1914 г. был равен 1987 млн. руб.

Таким образом, общая сумма иностранного капитала, рассчитанная на основе приведенных выше цифр, в начале 1914 г. составила около 8 млрд. руб. Округленно соотношение иностранного ссудного капитала и прямых иностранных инвестиций в российской экономике перед началом Первой мировой войны было 6 млрд. руб. к 2 млрд. руб., или 3 : 1. Эта пропорция достаточно точно совпадает с пропорцией распределения выплат иностранцам в виде процентов и дивидендов по данным расчетного баланса России.

¹ Данные: Займы // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 338; Иностранный капитал в России. – С. 379.

О государственном долге России (2)

Одна из главных причин «бума» внешних заимствований России в последние два десятилетия перед войной очевидна – ставка С. Витте на использование иностранного капитала, а также стабилизация российского рубля и его превращение в золотую валюту. Держатели денежного капитала были готовы предоставлять кредиты и займы, номинированные в золоте, которое, как отмечал Шарапов, постоянно усиливало свою покупательную силу.

В нашей литературе по истории России достаточно часто можно встретить такую оценку: да, действительно, государственные долги России в конце XIX – начале XX века быстро росли. Общая их сумма была накануне мировой войны велика. Но в этом, мол, нет ничего страшного, т. к. по величине государственного долга Россия не была «рекордсменом». На первом месте находилась Франция – 12,21 млрд. руб. (1911 г.), на втором Германия – 9,49 млрд. руб. (1912 г.). А Россия была лишь на третьем месте – 8,86 млрд. руб. (1913 г.). Немного от России по величине государственного долга отставали и другие европейские страны (млрд. руб.): Австрия – 6,95 (1912 г.); Англия – 6,73 (1913 г.); Италия – 5,26 (1912 г.)¹.

Однако уникальность России на фоне европейских стран заключалась не в общей величине ее государственного долга, а в том, что она имела гигантский внешний государственный долг, намного обогнав по его величине все страны мира. Дадим слово нашему специалисту по истории государственных заимствований России *Б. Хейфецу*: «До Первой мировой войны

¹ Государственный долг // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 258.

Россия... по размерам внешнего долга была первой в мире. В 1914 г. среди развитых стран внешний государственный долг имела только Япония. Остальные государства-должники были зависимыми и полуколониальными. Среди них особое место занимала Индия, которая имела огромный государственный долг перед Великобританией. Внешний долг царской России в 1914 г. в 2,3 раза превышал внешний долг Индии и в 2,6 раза – Японии»¹. Хейфец также обращает внимание на высокую цену государственных заимствований для России: «На первом месте в мире Россия была и по ежегодным расходам на обслуживание государственного долга, составлявших в предвоенный период 0,3–0,4 млрд. руб.»². Тем более Россия была в мире «вне конкуренции» по величине расходов на обслуживание внешнего государственного долга.

Вопросы, связанные с пагубными последствиями растущих государственных заимствований России за рубежом, достаточно подробно рассмотрены Шараповым в работах: «Бумажный рубль (Его теория и практика)», «Иностранные капиталы и наша финансовая политика», «Финансовое возрождение России». Интересные наблюдения на этот счет мы также находим у *А. Д. Нечволодова* в его книге «От разорения к достатку». В частности, Нечволодов достаточно обстоятельно исследует величину внешнего долга Российской Империи, который стал еще быстрее расти после введения в стране «золотого рубля». Золотая валюта стала высасывать из России жизненные соки, *уплата процентов по золотым кредитам стала напоминать репарации и контрибуции*. Генерал цитирует работу *И. П. Табурно* «Эскизный обзор финансово-экономического состояния

¹ Хейфец Б. А. Указ. соч. – С.12–13.

² Там же. – С. 13.

России за последние 20 лет (1882–1901)». – СПб, 1904: «Россия за 20-летний период 1882–1901 гг. уплатила за границу около 5740 млн. руб., или около 15½ млрд. франков, т. е. мы уплачиваем иностранцам в каждые 6½ лет дань, равную по величине контрибуции, уплаченной Францией своей победительнице Германии. В последние два года (1900 и 1901) наши платежи иностранцам составляли ежегодно около 380 млн. руб., а в настоящем 1903 г. эта сумма будет еще значительнее, так что за последние 5 лет мы уплатим иностранцам около 5½ млрд. франков. Тогда всех удивляло, откуда Франция могла достать такое значительное количество денег. Где же мы берем необходимые суммы для расплаты по своим обязательствам? Над этим можно и необходимо призадуматься. Без войны, без затрат, без человеческих жертв иностранцы все более и более побеждают нас, каждые 5–6 лет нанося нам финансовый разгром, равный разгрому Франции в 1870 г.»¹. Генерал не отрицает, что и другие страны, вошедшие в «золотой клуб», стали быстро наращивать свои долги. Но ситуация в России усугублялась тем, что мы (в отличие от стран Западной Европы) делали упор не на внутренние заимствования, а на внешние: «Мало того, что Россия *первая в мире страна* по своей государственной задолженности; большую половину наших колоссальных долгов золотом мы *должны за границу*. Англия же, Франция и Германия – имеют все свои государственные долги заключенными у себя *дома*»².

Цифры, взятые из работы Табурно, генерал Нечволодов дополняет новейшими данными. В частности, он дает оценку последнему займу, реализованному Россией через консорциум французских и иных банков в

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 10-11.

² Там же. – С. 29.

начале 1906 г., как грабительскому и колониальному¹. Номинальная величина займа 842 750 000 руб. Курс бумага был столь низким в момент размещения, что мы сразу на этом низком курсе потеряли 120 млн. руб. (т. е. более 14%). При этом мы обязались (без согласия Франции) не совершать в течение 2 лет новых займов. Половина займа пойдет на покрытие краткосрочных иностранных обязательств (рефинансирование долгов), заключенных вследствие войны с Японией. Другая половина – на покрытие дефицита бюджета 1906 г. Таким образом, отмечает генерал, «на поднятие народного благосостояния из займа этого не остается ни одной копейки, хотя уплата роста и погашения по нему и легла на Россию новым бременем в 49 200 000 руб. в год... причем около трех четвертей этого долга мы должны за границу; поэтому платеж % и погашения по нему является новым *могущественным насосом* для вытягивания золота из страны и сильного ухудшения нашего расчетного баланса»².

Добавим, что заем 1906 г. спас Россию от экономического краха, вызванного Русско-японской войной 1904–1905 гг. и революцией 1905 г. Эмиссионное право Государственного банка было исчерпано, и страна была близка к тому, чтобы прекратить обмен бумажных денег на золото, а может быть, и вообще отказаться от золотого стандарта. Ротшильды не могли допустить такого развития событий, согласившись на оказание помощи России.

Уже после выхода в свет книги Нечволодова Россия сумела получить в 1909 г. еще один крупный заем

¹ Указанный заем 1906 г. часто называют «международным», поскольку в консорциуме участвовали также банки других европейских стран (Англии, Австрии, Голландии), а частично и российские банки. Общая сумма займа была равна 2250 млн. франков, больше половины займа обеспечивали французские банки.

² Там же. – С. 53.

за границей. Усилия Министерства финансов России по поиску денег за границей увенчались успехом благодаря начавшемуся в российской экономике оживлению и росту доверия со стороны кредиторов. Заем был размещен преимущественно во Франции при некотором участии английских и голландских банков. Это был последний государственный заем до начала мировой войны. Он предназначался, прежде всего, для покрытия обязательств по ранее полученным займам, в том числе займу 1906 г. Погашение займа должно было начаться с 1919 г. и продолжаться в течение 40 лет (т. е. до 1959 г.).

Вместе с тем продолжалось размещение за границей железнодорожных займов, гарантированных правительством. Общая сумма таких займов к началу войны составила 3 млрд. руб. В Париже такие займы были реализованы в 1908 и 1910 гг., в Амстердаме, Берлине и Лондоне – в 1909 и 1911 гг.¹

Иностранные займы как средство продвижения в Россию прямых инвестиций

Двумя основными каналами поступления иностранных капиталов в Россию, как мы выше показали, были займы от размещения российских бумаг на западных фондовых рынках и прямые инвестиции в предприятия на территории России. При этом займы выступали в роли «ледокола», пробивающего путь прямым инвесторам, которые приобретали активы разных отраслей российской экономики. Это особенно наглядно видно на примере французских займов и следовавших за ними французских прямых инвесторов.

¹ Бобович И. М., Семенов А. А. Указ. соч. – С. 228.

Ранее мы отметили, что в России среди иностранных доноров капитала на первом месте с середины 1880-х гг. оказалась Франция. Определенную роль в этом сыграла Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Германия и Великобритания в то время были союзниками Турции; указанная война сделала невозможным размещение новых займов России на фондовых рынках указанных двух стран, которые до этого играли основную роль. России же надо было срочно погасить свои обязательства по ранее взятым у Ротшильдов займам (на строительство железных дорог). В этой ситуации единственной «отдушиной» для России оказалась Франция, которая в турецком вопросе была на стороне России; к тому же во Франции наблюдался явный избыток капитала. С этого времени начинаются «особые отношения» России и Франции: сначала в сфере займов, затем в сфере торговли и прямых инвестиций, а еще позднее – в сфере военно-политических вопросов.

В начале 1880-х годов во Франции был сформирован синдикат для размещения российских бумаг в составе кредитных обществ *Credit Foncier* и *Societe General*, финансового пула Ноэля Бардака, французского банковского дома Ротшильдов. Благодаря поддержке синдиката России удалось разместить во Франции в 80-е гг. XIX века займов на несколько миллиардов рублей. В 1891 г. было заключено соглашение о франко-русском союзе, а на следующий год между двумя странами была подписана секретная военная конвенция. В соглашении был прописан *принцип государственного покровительства* для частных инвесторов. Для российских капиталистов этот принцип был почти пустым звуком, т. к. в России избыточных капиталов не было и во Францию ей вывозить было нечего. А вот для французов он был крайне важен: они получили упрощен-

ные процедуры регистрации и покупки недвижимости. Благодаря соглашению 1891 г. французские инвесторы вскоре вышли на первое место среди всех прямых иностранных инвесторов в России.

Правда, кроме общего принципа государственного покровительства каждый заем Франции сопровождался неафишируемыми обязательствами со стороны России оказать содействие французским инвесторам в размещении их средств в наиболее привлекательные конкретные предприятия нашей экономики, или оказывать уже перешедшим в собственность французов конкретным российским предприятиям «адресное» содействие¹. Об этих «особых» условиях размещения наших займов за границей стало известно вскоре после прихода в Министерство финансов С. Витте. Предшественник Витте Вышнеградский готовил очередной заем во Франции, однако завершать организацию займа пришлось уже Витте. Однако нового министра ждала неудача: облигации шли по цене немного более 50% номинала. Делалось все возможное для исправления ситуации. Агент Витте А. Рафалович даже ездил в Лондон, пытаясь уговорить тамошних Ротшильдов поучаствовать в выкупе облигаций в обмен на предоставление рентабельных инвестиционных проектов с доходностью, превышающей 70% в год. Прежде всего, Ротшильды приглашались в разработку нефтяных месторождений в Баку. Однако Ротшильды заявили, что «в Англии экономические интересы никогда не возьмут верх над политическими». Им нужны были политические уступки России в пользу Великобритании по Турции и Китаю. Пришлось опять торговаться с Францией. Кредитное общество *Credit*

¹ Здесь мы не говорим о других конкретных условиях соглашений о займах. Например, о закупках Россией продукции оборонной промышленности Франции.

Foncier выразило готовность сыграть на повышение российских облигаций в случае, если Государственный банк Российской Империи предоставит кредит Волжскому пароходству. Такая просьба была продиктована тем, что французское кредитное общество имело долю в пароходстве. Сделка состоялась, облигации подорожали, а пароходство получило деньги в Госбанке. После этого ни один заем во Франции не обходился без подобного рода дополнительных условий в пользу французских прямых инвесторов. Фактически это была коррупционная схема, в которой в равной степени были задействованы как российские, так и французские чиновники самого высокого ранга. В Париже мост франко-российского коррупционного союза выстраивал финансовый агент Витте А. Рафалович, который занимался вербовкой французских министров, предлагая им лакомые куски в российских предприятиях. Современный исследователь франко-российских экономических отношений *Павел Жаворонков* пишет: «Подобные схемы, ставшие нормой в отношениях Витте и парижской биржи, привели к появлению в России “особых” французских предприятий, которые процветали и выплачивали огромные дивиденды благодаря государственному покровительству. Довольно типична для того времени история успешной деятельности Общества Брянского завода, которое было основано в начале 1880-х гг. на средства Societe Generale и группы французских вкладчиков, среди которых, как считалось, присутствовали несколько членов французского кабинета министров»¹.

Брянский завод к началу 1890-х гг. являлся лидером российского рельсопроката и металлообработки.

¹ *Жаворонков П.* Французский поцелуй. Инвестиционный бум в России обычно заканчивается скандалом // Компания. – 2003. – 17 марта. – № 256.

Чистая прибыль общества достигала 4 млн. руб. в год, акционеры получали до 38% прибыли на капитал. Однако производственные и финансовые успехи Общества Брянского завода (ОБЗ) были обусловлены в немалой степени особой поддержкой со стороны российского государства. Общество стало скандально известным в конце XIX – начале XX века в России: его руководство, за которым стояли именитые акционеры из французского правительства, занималось неприкрытым вымогательством и шантажом. Например, ОБЗ получило от Государственного банка кредит на сумму 12 млн. руб. для покупки Керченского железного рудника и постройки на его основе металлургического комбината. Кредит, однако, был истрачен для выплаты повышенных дивидендов ОБЗ, а металлургический комбинат так и остался на бумаге. Тем не менее, под комбинат было создано акционерное общество, на которое ОБЗ перевело свои обязательства и долги. В 1899 г. надо было возвращать кредит, денег у ОБЗ уже не было, общество предложило Госбанку покрыть долг акциями новоиспеченного акционерного общества «Керченский металлургический комбинат», существовавшего лишь на бумаге. Директор кредитной канцелярии *Болеслав Малешевский* в начале категорически отказывался рассматривать такой вариант. Однако в это же время (1899 г.) на самом высоком уровне начал готовиться очередной заем на 2 млрд. руб. в виде облигаций Дворянского банка. Деньги России нужны были позарез для того, чтобы подкрепить золотой рубль, который, едва родившись, уже начал шататься. На министра финансов С. Витте стал давить его французский коллега министр финансов Кайо, представлявший интересы *Societe Generale*. После этого Сергею Юльевичу пришлось собирать экстренное совещание Совета Госбанка, на котором он фактически при-

казал оформить операцию по получению макулатурных бумаг в погашение кредита ОБЗ. Витте утвердил решение совета Государственного банка и немедленно дал язвительную телеграмму в Париж своему французскому коллеге: «Вы отлично понимаете, Кайо, что подобное решение с моей стороны не сообразуется со здоровыми принципами предпринимательства. Я решился сделать это исключительно ради того, чтобы доставить удовольствие вам, мой дорогой коллега, и всем близким друзьям членов французского правительства»¹.

В общем, складывалась интересная ситуация: за каждым так называемым иностранным инвестором в России стояли чиновники – российские и зарубежные, которые защищали и продвигали «курируемые» предприятия и соответственно были «бенефициарами» этих предприятий. Наиболее наглядно это видно на примере французских инвестиций².

Займы России и будущая война

В 1914 г. между Францией и Россией было подписано соглашение, предусматривавшее привлечение

¹ Цит. по: *Жаворонков П.* Указ. соч. С 1900 по 1902 г. Брянское общество восемь раз обращалось в государственный банк с просьбами о предоставлении кредитов и каждый раз получало поддержку. В 1902 г. Societe Generale выкупило у Госбанка обязательства Брянского общества номинальной стоимостью 10,8 млн. руб. за 3,6 млн. руб.

² После революции 1917 года большевики овладели секретными документами, из которых было видно участие французских министров, политиков, журналистов в кампаниях по повышению «рейтингов» российских ценных бумаг для того, чтобы дурачить французскую публику, скупавшую эти бумаги, как «горячие пирожки». Угроза со стороны большевиков рассекретить эти документы повлияла на решение Франции о дипломатическом признании СССР в 1924 г. (*Ганелин Р. Ш.* Битва документов» в среде Царской бюрократии. 1899–1901 // *Вспомогательные исторические дисциплины (ВИД)*. Вып. 17. – Л., 1985. – С. 221–222).

российскими компаниями на парижской бирже под гарантии правительства России займов на строительство железных дорог стратегического назначения (на сумму 400–500 млн. франков в год). Данная сделка является достаточно ярким примером того, как Запад, используя рычаги долговой зависимости России, втягивал ее в мировую войну.

Долговая зависимость России неизбежно вела к ее *внешнеполитической зависимости* от стран-кредиторов. Россию вынудили подписать серию неравноправных экономических и политических договоров с Германией, Францией и Англией. По договорам с Францией и Англией Россия должна была оплачивать свои долги не только деньгами, но и «пушечным мясом», корректируя в угоду им свои военно-стратегические планы. Французские и английские правительства, пользуясь «союзническими договорами» с Россией, принуждали царское правительство размещать свои зарубежные военные заказы только на их предприятиях. С помощью кредитов и займов мировые ростовщики постепенно втягивали Россию в сети военно-политического альянса под названием Антанта (Великобритания и Франция). Одновременно они вбивали «клинья» в отношения между Россией и Германией, подготавливая заранее почву для военного противостояния этих двух стран. «Практически весь мировой капитал боялся прочного русско-германского союза, боялся, пожалуй, больше, чем чего-либо другого. Такой союз делал невозможной большую континентальную войну в Европе, мог сорвать множество замыслов. Противостоять же военной силой такому союзу было бы очень сложно. Англия и США не имели сухопутных армий, а Франция... Вот Франция-то как наиболее обеспокоенная сторона и ринулась обраба-

тывать Россию в пользу заключения прямого военного союза с ней. Естественно, против Германии»¹.

Именно по указанной выше причине Франция в Европе оказалась самой «отзывчивой» на просьбы России о предоставлении займов. Россия начала «заглаживать» французские займы еще в 1880-е гг. В 1891 г. Министерство финансов пыталось получить новый заем, но возникли неожиданные препятствия. Глава французской ветви Ротшильдов Альфонс заявил, что не будет организовывать нового займа ввиду того, что в России имеют место «преследования евреев». Россию начали загонять в угол. По дипломатическим каналам царю намекнули, что, несмотря на «нерешенность еврейского вопроса», заем все-таки можно получить. Но для этого России надо стать военным союзником Франции, и тогда, мол, Ротшильды согласятся. Деньги были получены даже авансом, в 1892 г. Но Россия поняла «сигнал» из Парижа и энергично вела военные переговоры. В том же 1892 г. в Париже были проведены переговоры начальников генеральных штабов двух стран. К началу 1894 г. франко-русская военная конвенция уже была подписана и ратифицирована. Теперь, начав войну с Францией, Германия автоматически получала и войну с Россией².

На первом месте в мире по экспорту капитала в то время находилась Англия, а Франция была на втором месте. Англия преимущественно вывозила капиталы в страны Британского Содружества, т. е. свои колонии и зависимые страны. На Европу приходилось лишь немногим более 5% накопленных на начало 1914 г. зарубежных инвестиций Англии. У Франции была совершенно дру-

¹ *Кремлев С.* Россия и Германия: сравить! От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. – С. 50.

² Там же. – С. 50–51.

гая география экспорта капитала: на начало 1914 г. 67% ее зарубежных накопленных инвестиций находилось в Европе¹. С конца XIX века до начала Первой мировой войны Россия занимала первое место среди стран, получавших инвестиции из Франции. В первую очередь Франция экспортировала ссудный капитал. В том числе и в Россию. Однако вслед за предоставлением России займов Париж также продвигал в нашу страну французских экспортеров товаров и предпринимательского капитала. Подписывая соглашения о займах, Париж добивался от России снижения импортных пошлин для французских товаров и режима наибольшего благоприятствования для прямых инвестиций. Накануне Первой мировой войны Франция занимала первое место среди других стран по величине капиталов, вложенных в российские акционерные общества. Доля французских инвесторов в общем объеме иностранных инвестиций в акционерный капитал в России перед Первой мировой войной была равна 31% против 24% у английских, 20% у германских, 15% у бельгийских и 5% у американских инвесторов². Надо иметь в виду политическую близость Франции и Бельгии, общность их интересов в начале XX века, часто французский и бельгийский капиталы действовали в России сплоченно, как единое целое. На франко-бельгийский капитал приходилось 46% прямых иностранных инвестиций в России.

Первое место по сравнению с другими иностранными инвесторами французский капитал занимал в банковском секторе (на втором месте находился немецкий, на третьем – английский капитал).

За кулисами игры по затягиванию России в сети финансовой и политической зависимости стояли, пре-

¹ Бобович И. М., Семенов А. А. Указ. соч. – С. 192.

² Там же. – С. 229.

жде всего, лондонские и парижские Ротшильды, а в России их агентом был С. Ю. Витте. Он им оставался и после своего смещения с должности министра финансов в 1903 г. до конца жизни (1915 г.). В 1907 г. Россию благодаря займам Парижа заманили в Антанту, до начала войны оставалось семь лет¹.

Французские банкиры после заключения франко-русской военной конвенции 1894 г. и особенно после присоединения России к Антанте стали активно использовать имеющиеся у них рычаги (займы и подконтрольные им петербургские банки) для давления на Россию: во-первых, добиваясь ослабления и разрыва нормальных экономических и политических отношений России с Германией; во-вторых, активизируя военно-экономическую подготовку России к будущим сражениям. Автор интересной монографии «Империализм до 1914 года» *Георг Хальгартен* отмечает: «Французский финансовый империализм, который до войны в основном контролировал южнорусскую тяжелую промышленность, в это время не только вел борьбу против германского участия в русских железнодорожных обществах, но даже размещение новых русских займов в Париже ставил в зависимость от строительства русских стратегических железных дорог и значительного увеличения армии»².

Примечательно, что втягиванию России в Антанту способствовали не только банкиры, но также военные промышленники Франции и Англии. Займы России фактически были «связанными»: от России Запад требовал, чтобы свои военные заказы русские размещали на европейских заводах. Уже упоминавшийся Георг Хальгартен пишет: «Из-за этих гигантских сделок происходи-

¹ Подробнее см.: *Кремлев С.* Россия и Германия: сравить! От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну.

² *Хальгартен Георг.* Империализм до 1914 года. – М., 1961. – С. 629.

ла драка между концернами военной промышленности всей Западной Европы, особенно, конечно, Антанты; ее концерны не только снабжали Россию извне, но контролировали также немногие *мнимо русские предприятия*¹ и таким образом закрепляли за странами Западной Европы монополию поставок для русской армии, а это, согласно, правда, пристрастному мнению тогдашнего русского военного министра Сухомлинова, препятствовало созданию достаточно сильной национальной военной промышленности и тем самым обусловило русскую катастрофу 1915 г. которая, несомненно, была вызвана в первую очередь недостатком боеприпасов»². Примечательно, что западногерманский историк говорит о контроле со стороны европейских концернов военной промышленности «мнимо русских предприятий». Речь идет о предприятиях, которые располагались на территории России, на них работали русские люди. Но при этом они частично или полностью зависели от западных поставок основных элементов, полуфабрикатов, деталей и узлов, необходимых для производства конечной продукции (что-то типа сборочного производства).

Впрочем, был еще один тип «мнимо русских предприятий». Там, где даже персонал был преимущественно иностранный. Взять, например, известный Путиловский завод в Петербурге. Принято считать, что это «цвет и гордость» русской индустрии, причем работающий преимущественно по заказам военного ведомства. А вот уже упоминавшийся нами Хальгартен дает нам иное представление об этом заводе: «...Из 32 директоров 21 директор, а из общего числа рабочих и монтажеров 60% принадлежали немецкой национальности»³.

¹ Курсив мой. – В. К.

² *Хальгартен Георг*. Указ. соч. – С. 631.

³ Там же. – С. 632.

Финансовый контроль над заводом осуществлял банк «Унион паризьен»¹. Иностранные компании, получавшие заказы от российского военного ведомства («Виккерс», «Крезо» и пр.) имели своих людей во всех сферах власти: Думе, правительстве, окружении царя².

За полгода до начала Первой мировой войны член Госсовета *П. Н. Дурново*³ в своей записке Императору Николаю II писал о почти полной неизбежности военного столкновения России с Германией, раскрывая финансово-экономические причины и последствия такого столкновения. Вот лишь одна выдержка из записки: «Последствием этой войны окажется такое экономическое положение, перед которым гнет германского капитала покажется легким. Ведь не подлежит сомнению, что война потребует расходов, намного превышающих ограниченные финансовые возможности России. Придется обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств, а он будет оказан, разумеется, не даром... И вот неизбежно, даже после победоносного окончания войны, мы попадем в такую финансовую и экономическую кабалу к нашим кредиторам, по сравнению с которой теперешняя зависимость от германского капитала покажется идеалом»⁴.

Петр Николаевич Дурново оказался прозорливым политиком. Действительно, вскоре началась война. Действительно, имела место победа над Германией. Действительно, России эта победа ничего не дала. А вот

¹ Там же. – С. 633.

² Там же. – С. 634.

³ *Дурново Петр Николаевич* (1845–1915) – государственный деятель Российской Империи, директор департамента полиции (1884–1893 гг.), товарищ Министра внутренних дел (1900–1905 гг.), министр внутренних дел (1905–1906 гг.), с 1906 г. – член Государственного Совета.

⁴ Цит. по: *Кремлев С.* Россия и Германия: сравнить! От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. – С. 148.

потери оказались громадными и трудно измеримыми (революция 1917 года, гражданская война, интервенция). Более или менее измеримыми были лишь потери в виде долгов, которые Россия сделала за годы войны. В 1914 –1917 гг. военные заимствования России составили 7,7 млрд. руб. Теперь на арену вышли английские банкиры, которые стали играть решающую роль в размещении военных займов России. К моменту прихода к власти большевиков основная часть внешнего долга России стала приходиться на Англию (46–47%), а Франция перешла на второе место (34–35%)¹. Во время переговоров с советской делегацией на Генуэзской экономической конференции Запад представил детально подготовленный счет по внешним долгам России (включая военные займы). Сумма внешнего государственного долга округленно была равна 16 млрд. руб., причем эта величина делилась примерно на две равные части: долги, сделанные Россией до начала войны, и военные займы². Признание таких гигантских долгов обрекло бы Россию «на финансовую и экономическую кабалу к нашим кредиторам», как писал в своей записке П. Н. Дурново.

Цена опоры на иностранный капитал

Резюмируя все сказанное по вопросам внешней задолженности, следует еще раз подчеркнуть, что Россия несла большие (и все возрастающие) издержки, привлекая внешние займы. Эти издержки выражались в следующем.

¹ Хейфец Б. А. Указ. соч. – С. 18.

² Миркин З. И. СССР, царские долги и наши контрпретензии. – М. – Л., 1928. – С. 122.

1. Уплата процентов, начисляемых на сумму полученного займа. В случае реструктуризации и пролонгации займов могло происходить начисление сложных процентов. Примечательно, что никакие другие заемщики не платили такие высокие проценты по ссудному капиталу, как Россия (в лице казначейства). Средняя процентная ставка по русским займам в 1885 г. составляла 5,5% годовых. Для сравнения: она была равна 4,0% по немецким займам, 3,0% по французским и бельгийским, немного менее 3% по английским и 2,5% по голландским займам. По некоторым выпускам государственных облигаций российского казначейства, предназначенных для размещения во Франции в начале XX века, предусматривались выплаты 10 и более процентов годовых¹.

2. Погашение основной суммы долга, которое иногда начиналось через много лет после получения займа. В силу постоянного вздорожания золота России приходилось для покрытия каждого рубля долга расплачиваться большим количеством товаров (по сравнению с моментом получения займа).

3. Потери при размещении займа, когда цена покупки бумаг оказывалась ниже номинальной цены. Реализационная цена бумаг на европейских рынках в последние два десятилетия XIX века была почти всегда ниже номинала. В среднем она находилась в диапазоне 83–96% номинала². Впрочем, реализация крупных зай-

¹ Хейфец Б. А. Указ. соч. – С. 16. Автор данной работы пишет, что во Франции в начале XX века ввиду беспрецедентно высокой ренты по российским бумагам начался настоящий ажиотаж: «...многие французы...для покупки русских ценных бумаг продавали дома, земельные участки, фамильные драгоценности».

² Там же. Как пишет Хейфец, «в финансовой истории России были и более неудачные внешние займы. Например, облигации займа 1859 г. удалось реализовать по цене 64,3% от номинала» (Там же. – С. 16).

мов в начале XX века также происходила по ценам ниже номинала. Мы уже отмечали, что международный заем 1906 г. размещался по цене на 14% ниже номинала.

4. Издержки, связанные с обеспечением обязательств России по займам. Для гарантирования выплат ренты по облигациям Запад требовал от российского казначейства резервирования валюты и золота. Особенно это требование стало актуально после того, как в 1893 г. российское правительство приняло решение выплачивать проценты по ренте не в рублях, а в иностранной валюте¹. Резервируемая валюта размещалась на счетах иностранных банков. За пределы России для обеспечения обязательства по займам также вывозилось золото в слитках и монетах. Валюта и золото в зарубежных банках официально в отчетности Государственного банка назывались «золото за рубежом». Мы уже отмечали, что на начало 1914 г. эта позиция была равна 635,3 млн. руб. Непосредственно перед началом войны стоимость «золота за рубежом» оценивалась в 640 млн. руб.² Большая часть валюты размещалась на счетах в банках Франции. Когда началась Первая мировая война и России срочно потребовалась валюта для военных закупок, правительство Франции заблокировало эти счета. Париж, являясь на словах главным союзником России в войне, ставил интересы француз-

¹ «Рентой» было принято называть бессрочные ценные бумаги (займы), которые не имели определенного срока погашения (в отличие от обычных средне- и долгосрочных займов). При этом правительство сохраняло за собой право принудительной скупки бумаг, называемых «рентой», по номиналу. После введения золотого рубля скупка правительством бессрочных бумаг становилась невыгодной, т. к. выкуп должен был осуществляться золотыми рублями, которые имели тенденцию становиться все более дорогими.

² Пазвольский Л., Моультон Г. Русский государственный долг и восстановление России. – М., 1925. – С. 38.

ских держателей российских ценных бумаг выше соображений военного характера¹.

5. Для размещения займов за границей Министерству финансов приходилось тратить немалые деньги на подкуп иностранной прессы, государственных и политических деятелей европейских стран, содержание своих агентов (при Витте появился институт «финансового агента» – представителя Министерства финансов за границей²). Для подобного рода деятельности только в 1904 г. было во Франции истрачено 3,3 млн. золотых франков³.

О печальных результатах экономического развития России, опирающегося на «помощь» иностранного капитала, Шарапов предупреждал еще в конце XIX века в своей работе «Бумажный рубль (Его теория и практика)» (1895), а также совместной с П. Олем записке «Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881–1895 гг.» (1896). Проведенный Шараповым и Олем анализ показывает, что уже в то время (еще до введения золотого рубля) иностранный капитал уже вполне эффективно осуществлял ограбление России. Согласно расчетам, содержащимся в указанной записке, за период 1881–1895 гг. Россия выплатила за границу в виде процентов и в порядке погашений займов в общей сложности 1867 млн. руб. Общий объем различного рода заимствований, оцененный на основе различных аналитических методов, составил за указанное пятнадцатилетие 1173 млн. руб. Получается, что чистый результат

¹ Подробнее см.: *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. – М., 1960.

² Первым финансовым агентом Министерства финансов стал Артур Рафалович, которого Витте направил в Париж в 1894 г. Рафалович оставался официальным агентом в Париже до начала Первой мировой войны.

³ *Сироткин В.* Зарубежное золото России. – М., 2000. – С. 17.

«инвестиционного сотрудничества» России с остальным миром (почти исключительно – с Западом) составил минус 694 млн. руб. Иначе говоря, с помощью иностранного капитала Россия за период 1881–1895 гг. была ограблена на сумму, примерно равную 0,7 млрд. руб.¹.

Насколько нам известно, С. Шарапов не делал подобного рода обширных и глубоких исследований за более поздний период времени. Воспользуемся данными Государственного банка Российской Империи, который с конца XIX века начал регулярную подготовку и публикацию расчетного баланса страны.

Базируясь на официальной статистике платежного баланса России за период 1898–1913 гг., приведем следующие обобщенные данные: нами за полтора десятилетия было выплачено за границу в виде процентов, дивидендов и на выкуп ценных бумаг 5400 млн. руб.; за это время Россией было получено государственных займов из-за границы на сумму 2000 млн. руб., а также иностранных инвестиций в предприятия и банки на сумму 2225 млн. руб.² Таким образом, Россия за полтора десятилетия накануне Первой мировой войны получила в общей сложности иностранного капитала на сумму, равную 4225 млн. руб. Чистый результат бурной «интеграции» Российской Империи в мировое капиталистическое хозяйство в конце XIX – начале XX века исчислить несложно:

4225 млн. руб. – 5 400 млн.руб. = минус 1175 млн. руб.

Для России чистый убыток от привлечения иностранного капитала составил почти 1,2 млрд. руб., а для западных ростовщиков чистый прибыль от капитали-

¹ Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881–1895 гг. П. В. Оля и С. Ф. Шарапова. – С. 706–707.

² Хромов П. А. Экономическое развитие России. – М., 1967. – С. 490; Вестник финансов. – 1928. – № 5. – С. 82.

стической эксплуатации России – соответственно те же 1,2 млрд. руб.

Если сложить оценки за период 1881–1895 гг., сделанные П. Олем и С. Шаратовым, и оценку, которые мы получили на основе официальных данных Государственного банка Российской Империи за период 1898–1913 гг., получим, что суммарная величина ограбления России иностранным капиталом за два рассматриваемых периода составит: 0,7 млрд. руб. + 1,2 млрд. руб. = 1,9 млрд. руб.

Фактически эта оценка охватывает широкий период времени с 1881 по 1913 г. включительно за исключением двух лет – 1886–1887 гг. Будем отталкиваться от самого консервативного предположения, что в указанные два года чистый финансовый результат деятельности иностранного капитала был равен среднегодовому значению за период 1881–1895 гг. (694 млн. руб. : 15 = 46,3 млн. руб.). Тогда мы получим, что в целом за период 1881–1913 гг. Россия была ограблена иностранным капиталом на сумму, равную примерно 2 млрд. руб. Такова была цена приобщения России к капитализму и ее опоры на иностранный капитал.

Итак, мы имеем следующие обобщающие показатели о деятельности иностранного капитала в России за период 1881–1913 гг.:

– совокупные вложения западного капитала (как в форме займов, так и прямых инвестиций) в Россию составили примерно 5,5 млрд. руб.;

– инвестиционные доходы, выведенные из России, равнялись 7,5 млрд. руб.;

– чистая прибыль западных кредиторов и инвесторов составила 2,0 млрд. руб. (7,5 млрд. руб. – 5,5 млрд. руб.), а рентабельность иностранных инвестиций – 136% (7,5 млрд. руб. : 5,5 млрд. руб.).

Долги царской России: некоторые исторические отступления

Сделаем небольшое историческое отступление. Прошло всего несколько лет после начала Первой мировой войны, в России разразились февральская и октябрьская революции 1917 года, к власти в стране пришли большевики. Все мы помним из курса отечественной истории, что большевики отказались от выплаты внешних долгов, сделанных царским правительством. Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов от 21 января 1918 г. заявлялось: *«Безусловно и без всяких ограничений аннулируются все иностранные займы»*. Декрет умещался на одной странице и никаких объяснений не содержал. Позднее в советской печати появились обоснования такого отказа, которые носили преимущественно политический и моральный характер. Так, современный исследователь С. Фомин отмечает, что подготовка и размещение займов во Франции Министерством финансов осуществлялась с использованием нечистоплотных методов, в том числе подкупа французских депутатов и чиновников. Большевики по этой причине рассматривали займы, размещенные во Франции и других странах, «ничтожными» сделками: *«Впоследствии сохранившиеся в русских архивах документы были использованы большевиками для морального обоснования отказа выплат по “царским долгам”, а также для дипломатического шантажа продажных французских политиков»*¹.

¹ Фомин С. Указ. соч. Как отмечает С. Фомин, немалая роль в подкупе французских политиков принадлежала финансовому агенту А. Рафаловичу и резиденту разведки Департамента полиции в Париже П. Рачковскому. Оба были близко знакомы с министром С. Витте и в Париже действовали по его указаниям.

Правда, позднее отказ стал обосновываться также тем, что Запад не удовлетворял встречные имущественные требования Советской России. В 1922 г. на международной экономической конференции в Генуе, куда была приглашена советская Россия, одним из главных был вопрос об уплате большевиками внешних долгов и компенсации иностранным гражданам за национализацию их имущества. Сумма требований Запада к России достигла 16 млрд. руб. (включая долги, которые были сделаны Россией в ходе войны). Большевики грамотно «отбили» эти требования, выставив Западу встречные претензии в размере 39 млрд. руб. за ущерб, нанесенный России интервенцией и последующей экономической блокадой; сюда также включались требования по возвращению российского золота, находившегося в зарубежных банках¹.

В этой истории немного удивляет то обстоятельство, что советская делегация не подняла вопрос о компенсации России ущерба, нанесенного иностранным капиталом до начала Первой мировой войны. И уж как минимум не отвергла претензии западных кредиторов и инвесторов о погашении Россией довоенных долгов на том основании, что они окупили свои капиталы в России с лихвой. Вероятно, в российской делегации на Генуэзской конференции не было специалистов, равных по своей квалификации С. Шарапову, П. Олю, А. Нечволодову. Специалистов, которые бы грамотно и убедительно показали, что отсчет бесчинств, которые Запад начал творить в нашей стране, надо начинать не с 1918 г., а на несколько десятилетий раньше.

За «кадром» нашей работы мы оставляем очень интересные и сложные вопросы, связанные с многочисленными политическими, социальными и военными

¹ Миркин З. И. СССР, царские долги и наши контрпретензии. – М.–Л., 1928.

«издержками», возникавшими при получении Россией займов и прямых инвестиций из-за границы. Кредиторы в лице банкиров бесцеремонно навязывали России условия займов, которые предусматривали изменения внутренней и внешней политики, радикальное решение «еврейского вопроса», предоставление «режима наибольшего благоприятствования» продвижению западных товаров и капиталов на российский рынок, добивались «демократических реформ», отмены всякой цензуры и т. п.

Нельзя исключать, что за иностранные займы пришлось заплатить и нашему царю-освободителю Александру II. Сегодня достаточно распространено мнение, что частые покушения на жизнь нашего царя-реформатора следует объяснять тем, что его «заказали» Ротшильды. Обычно приводят две версии такого «заказа».

Первая версия. Несмотря на свои либеральные взгляды и покладистость, Александр II воспротивился созданию центрального банка по типу Банка Англии, т. е. как акционерного общества, которое бы с самого начала оказалось под контролем Ротшильдов.

Вторая версия. Царь оказал помощь президенту Линкольну во время гражданской войны в Америке, чем осложнил Ротшильдам реализацию их плана по установлению своего контроля над Североамериканскими Соединенными Штатами¹.

¹ Президент Линкольн вел борьбу против натиска Ротшильдов. Он обратился к Александру II с просьбой оказать содействие в гражданской войне. Царь откликнулся на эту просьбу и послал Атлантическую эскадру под командованием адмирала Попова в порт Нью-Йорка, а Тихоокеанскую эскадру адмирала Лисовского – в Сан-Франциско. Царь приказал «быть готовыми к бою с любыми силами противника и принять командование Линкольна». Таким образом, царь дал понять Англии, Франции и Испании (а следовательно, и Ротшильдам), что в случае их вмешательства Россия поддержит президента Линкольна. Подробнее см.: *Череп-Спиридович А. И.* Скрытая рука. – М., 2006; *Кремлев С.* Русская Америка: Открыть и продать!

Но есть еще *третья версия*. Эта версия изложена в работе *Анатолия Клепова* «Витте и немецкие ордена». Суть ее предельно проста. У правительства Александра II накопились громадные долги перед Ротшильдами, долги, за которые царь нес личную ответственность. Ротшильды использовали различные способы возврата долгов. В том числе имели они, по данным А. Клепова, «группу возврата» – т. е. команду наемных убийц, которые методом устрашения добивались от своих клиентов выполнения обязательств. Именно эта «группа возврата» не раз влияла на решения Александра II в пользу Ротшильдов (в частности, решение продать Аляску Америке, в чем были заинтересованы Ротшильды).

Предоставим слово А. Клепову: «Всемирно было известно, что семейство Ротшильдов создало специальную группу по возврату денег своих должников, независимо от того, кто занимал деньги, частное лицо или государство. Поэтому кредиторы предпочитали возвращать деньги. А в случае займа России Александр II лично отвечал за возврат кредита банкам Ротшильда, т. к. он был абсолютным монархом в стране. Конечно, в такой обстановке заволнуешься: денег в стране нет, реформы проводить сложно, народ волнуется и бунтует, большой кредит необходимо отдавать... У Великого князя Константина Николаевича (брата Александра II. – В. К.) дела тоже в этом отношении обстояли не лучшим образом. Как ни враждовали братья, но братская солидарность стала выше прежних распрей. Не до нее, когда в России финансовый кризис. Тем более что Д. Ротшильд предложил найти компромисс в создавшемся положении. Не можешь вернуть долг – продавай свою собственность, но, конечно, по самой минимальной цене. А какая собственность у им-

ператора России? Конечно, это российская территория. Вот здесь и сказалось совместное влияние А. Штиглица (управляющий Государственным банком. – В. К.), М. Х. Рейтерна (министр финансов. – В. К.) и Великого князя Константина Николаевича на Александра II с целью убедить его продать Аляску. Зачем Ротшильду нужна была Аляска? К тому времени Д. Ротшильд расширял свою деятельность в США, и присоединение Аляски было выгодно не только Соединенным Штатам, но и самому Д. Ротшильду. Конечно, он знал об огромных запасах природных ископаемых в этом районе. Через несколько лет он претендовал на нефтяные территории Батума. Это был хороший шанс для Александра III и Великого князя Константина Николаевича поправить свои личные финансовые дела. Сначала Александр колебался: все-таки Император России и его предки никогда не продавали русскую землю иностранцам. Но вдруг грянул выстрел Д. Каракозова. Некоторые историки не исключают возможности того, что эти покушения организовала группа возвратов Ротшильдов, чтобы напомнить царю о необходимости вовремя вернуть долг. Возможно, Александр II почувствовал, что Ротшильд шутить не собирается¹.

Предложенная Клеповым версия «заказа» Александра II достаточно убедительна, но требует дополнительного исследования. Вместе с тем при рассмотрении всего комплекса «издержек», связанных с втягиванием России в долговую петлю западных ростовщиков, на первое место следует поставить цену в виде *потери жизней миллионов простых русских людей*. Здесь нет никакой натяжки. Ведь именно иностранные банкиры и «короли биржи» несут главную ответственность за создание в стране социальных

¹ Клепов А. Витте и немецкие ордена. Ч. V.

беспорядков и «русских» революций 1905–1907 гг. и 1917 г., а также за втягивание России в мировую войну. Все это кончилось, как мы знаем, неисчислимыми человеческими жертвами.

ГЛАВА 4. БАНКИ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

Банки в докапиталистической России

Тема банков является в работах Шарапова «сквозной». Ведь банки – не просто предприятия, действующие в одной из отраслей российской экономики. Они снабжают все клетки сложнейшего организма под названием «народное хозяйство» деньгами, т. е. являются жизненно важными факторами этого организма. А деньги – «кровь экономики», с помощью которой поддерживается обмен товарами и услугами – процесс «экономических метаболизм». Банки не только обеспечивают циркуляцию такой «крови», они также участвуют в ее создании (эмиссия денег). Поэтому дать глубокое объяснение того, что такое «бумажный рубль», «абсолютные деньги», «русские деньги» Шарапов мог лишь в контексте анализа банковской системы (как существовавшей, так и той, которая была необходима для создания и обращения «абсолютных денег»).

Надо иметь в виду, что банковская деятельность в России до середины XI века играла подчиненную роль в хозяйственной жизни страны. В 1823 г. в России насчитывалось 2287 менял, которые выполняли функции частных ростовщиков. Было также несколько частных

банкирских домов – Штиглица, Юнгера, Симона, Якоби, Гинзбурга, Кенгера (представителя Ротшильдов) и др. Кроме того, было несколько небольших купеческих банков¹. В патриархальной России кредитно-ростовщическая деятельность как вид предпринимательства воспринималась достаточно негативно, как противоречащая устоям Христианства. Промышленник *Владимир Павлович Рябушинский* следующим образом описывал атмосферу предпринимательской жизни Николаевской России: «В московской неписанной купеческой иерархии на вершине уважения стоял промышленник-фабрикант, потомшел купец-торговец, а внизу стоял человек, который давал деньги в рост, учитывал векселя, заставляя работать капитал. Его не очень уважали, как бы дешево его деньги ни были и как бы приличен он сам ни был. Процентщик»².

До середины XIX века банковская система России преимущественно складывалась из небольшого количества казенных учреждений. «Регуляторами денежного обращения в России, – пишет С. Шараров, – были Ассигнационный банк, учреждение исключительно эмиссионное, Коммерческий и Заемный банки для кредита торгового и земельного, сохранные казны и приказы общественного призрения, служившие, с одной стороны, учреждениями земельного кредита, с другой – агентами, принимавшими на вклады свободные средства публики». Итак, можно выделить четыре основных звена банковской системы того времени:

1) Государственный ассигнационный банк – был создан в 1786 г. для эмиссии бумажных денег (ассигна-

¹ В 1857 г. было 15 таких банков – в Вологде, Осташкове, Иркутске и др. (Кредит // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 428).

² Цит. по: *Антонов М.* Капитализму в России не бывать! – С. 612.

ций), чеканки монет (при банке был создан Монетный двор), учета векселей, денежных переводов¹.

2) Государственный заемный банк – был учрежден в 1786 г. для кредитования дворян-землевладельцев². Выдавал ссуды под залог деревень с крепостными душами, каменных домов, фабрик и заводов сроком от 8 до 20 лет из 5% годовых.

3) Государственный коммерческий банк – был учрежден в 1817 г. для проведения операций по вкладам, учету векселей, выдаче ссуд под залог товаров, денежным переводам.

4) Сохранные казны, вдовьи кассы (казны) и приказы общественного призрения. Сохранные казны появились в Москве и Петербурге в 1770-х гг. при воспитательных домах с целью накопления капитала для этих учреждений. Доходы складывались из добровольных пожертвований, вкладов. Занимались предоставлением ссуд под залог недвижимости. Вдовьи кассы представляли собой разновидность банков, обеспечивавших страхование жизни вдов, оставшихся без средств к существованию (пенсионное обеспечение). Были созданы в 1772 г. при воспитательных домах. Средства касс формировались за счет взносов капитала частными лицами. Приказ общественного призрения – губернское учреждение, введенное в России Екатериной II в 1775 г., в ведении которого находилось управление народными школами, госпиталями, приютами для больных и умалишенных, больницами, богадельнями и тюрьмами. Собирался из выборных заседателей под председатель-

¹ Банк был создан на базе Московского и Петербургского ассигнационных банков (последние были учреждены в 1768 г. на основании указа Екатерины II о выпуске ассигнаций).

² Банк был создан на базе петербургской конторы Государственного банка для дворянства (последний был создан в 1754 г. и упразднен в 1786 г.).

ством государственного чиновника. Для увеличения финансирования приказов им было разрешено принимать вклады на хранение и выдавать ссуды под недвижимость и государственные процентные бумаги.

Государственные банки и иные депозитно-кредитные учреждения неплохо обеспечивали хозяйство деньгами и не позволяли частным ростовщикам развернуться в полную ширь.

Банковское «грюндерство» в России

Из названных учреждений раньше всего исчез Государственный ассигнационный банк – он был упразднен в 1847 г. в связи с прекращением обращения ассигнаций. Когда начались финансовые реформы Александра II, существовавшая до этого денежно-кредитная система стала ломаться кардинально. В 1860 г. были ликвидированы Государственный заемный и Государственный коммерческий банки. Правда, в том же 1860 г. был учрежден Государственный банк, который стал правопреемником Государственного коммерческого банка, получив от последнего губернские конторы и местные отделения. Примечательно, что деятельность Государственного банка имела существенные отличия от деятельности Государственного коммерческого банка. В частности, депозиты нового банка формировались преимущественно за счет казенных средств. Частным лицам и предприятиям после сворачивания государственных депозитных операций оставались две альтернативы: либо открывать депозиты в частных акционерных банках, которые стали создаваться в массовом порядке; либо приобретать ценные бумаги казначейства, которые обеспечивали сопоставимый доход.

Шарапов раскрывает причины банковских преобразований, произошедших в 1860-е гг. во многих своих работах. После прихода к власти Александра II события развивались следующим образом.

1. В результате Крымской войны, а также введения либерального таможенного тарифа курс рубля упал. «Молодые финансисты» решили (опираясь на западные теории), что это падение обусловлено избытком денежной массы в обращении.

2. Было принято решение изъять «излишнюю» денежную массу, предложив народу вложить деньги в казенные ценные бумаги («бумагу-товар»). Народ неохотно вкладывался в ценные бумаги, предпочитая вклады в банки. Вклады по сравнению с ценными бумагами были, выражаясь современным языком, более ликвидным финансовым инструментом: во-первых, вклад в любой момент можно было изъять в виде денег из банка; во-вторых, можно было пользоваться вкладными листами (деPOSITными билетами) как законными платежными средствами. Государство пыталось загнать деньги в «бумагу-товар», понижая процент по депозитам в государственных учреждениях. Однако желаемого достичь не удавалось. С. Шарапов писал в работе «Бумажный рубль (Его теория и практика)»: «Процентные бумаги все-таки не шли».

3. Что произошло на следующем этапе, читаем там же: «Тогда разгромили старые банки (Государственный заемный и Государственный коммерческий банки. — В. К.), создали Государственный банк и конвертировали вклады *насильно*».

4. Но помещику в условиях отмены крепостного права надо было налаживать капиталистическое хозяйство в своем поместье. Ему нужно было формировать основной и оборотный капитал, для чего требовались

деньги. Вместо денег у него на руках была «бумага-товар», которую он получал в обмен на имевшиеся у него ранее банковские вклады, а также выкупные свидетельства, которые также были «бумагой-товаром». Помещик вынужден был продавать «бумагу-товар», а поскольку денег в обращении было мало, то бумаги шли с чудовищным дисконтом. «Бумагу-товар в виде выкупных свидетельств выдали помещному классу, до того нуждающемуся в знаках, что эти выкупные свидетельства, обеспечивавшие пять процентов дохода, отдавали по 65 копеек за рубль» («Бумажный рубль...»).

5. «Денежный голод» стал питательной почвой для ростовщичества. Вместо государственных депозитно-кредитных учреждений в стране появилось множество частных банков, которые занимались ростовщичеством и спекуляциями. Шарапов в этой же работе подводит печальный итог «реформирования» денежно-кредитной системы: «Уничтожили старые ипотечно-кредитные учреждения. Поместный класс лишили всякого оборотного средства и затем сдали в жидовскую эксплуатацию частным банкам».

Начиная с 1860-х гг. в России, как грибы после дождя, стали появляться *частные коммерческие банки*, которые должны были прийти на смену, с одной стороны, частным ростовщикам, с другой стороны, упраздненным государственным банкам. Преимущественно они имели акционерную форму. Первый такой банк под названием «Санкт-Петербургский частный коммерческий банк» был учрежден в 1864 г. Примечательно, что в размещении акций данного банка участвовали банкирские дома Берлина, Лондона, Амстердама, Гамбурга, Вены. Немалую роль в этой операции сыграл *А. Л. Штиглиц* – первый управляющий Государственным банком, хорошо известный в европейских финансовых кругах. Успех опе-

рации по созданию и капитализации указанного банка способствовал созданию в течение короткого срока еще нескольких акционерных банков – Московского купеческого банка (1865 г.), Харьковского торгового банка (1867 г.), Киевского частного банка (1867 г.) и т. д.

60–70-е гг. XIX века – время учредительской «горячки» («грюндерства») в банковской сфере. Если в 1864 г. был лишь один акционерный банк, то в 1868 г. – уже 4, а в 1873 г. их число достигло 39. Банковская «горячка» в значительной степени совпала с «горячкой» в промышленности, железнодорожном строительстве, торговле. Проекты учреждения банков были наиболее привлекательными в «грюндерской» деятельности. Капиталы всех акционерных обществ, созданных в 1871–1873 гг., составили 347 млн. руб., в том числе акционерных банков – 124 млн. руб., или 36%¹. В условиях, когда все народное хозяйство страны находилось в состоянии застоя, а денег в обращении по-прежнему было мало, многие банки вскоре после своего рождения начинали испытывать серьезные трудности. Раскрываются банковские аферы, обнажается паразитическая сущность банков, удушающее влияние их ростовщической деятельности на хозяйство. Стала бросаться в глаза высокая активность при учреждении банков со стороны иностранцев. В том же Санкт-Петербургском частном коммерческом банке значительная доля принадлежала немецким банкирам. Немецкий капитал также играл большую роль при создании других банков: Международного коммерческого, Рижского коммерческого, Русского банка для внешней торговли. В обществе начинают звучать призывы положить конец созданию частных банков.

¹ Кредит // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 429.

В 1873 г. консервативная газета «Гражданин» отмечала: «Страшный наплыв к нам евреев и других иностранных финансистов, банкиров, ажиотеров, спекулянтов, присоединение к ним всякого звания русских финансовых дельцов и купное их всех быстрое обогащение ясно доказывают, что *финансистам вполне дозволено почитать кредит в России не государственным богатством, – а товаром, не общим и неделимым гражданским достоянием, – а собственностью тех финансистов, которые его захватят в свое распоряжение, не источником государственной власти правительства, – а источником власти финансистов, и, наконец, не орудием государственного управления, – а орудием плутократии для безнаказанной эксплуатации благосостояния всех русских граждан, не занимающихся вредною для государства торговлею кредитом*»¹.

В 1875 г. происходит крах Московского коммерческого ссудного банка. Вскоре еще ряд банков объявили о своей несостоятельности. Большие потери понесла публика, которая клюнула на высокие проценты по депозитным операциям. Постоянные банкротства стали тормозить дальнейшее развитие банковского сектора. «До промышленного подъема 90-х акционерные банки в общем функционировали сравнительно слабо: сумма из баланса с 1874 по 1890 г. увеличилась совершенно незначительно, а учетно-ссудные операции, и в особенности учет векселей, даже сократились. Невиданный в экономической истории России промышленный переворот 90-х и денежная реформа в конце этого десятилетия сыграли огромную роль в деятельности акционерных коммерческих банков. За это десятилетие сумма баланса банков возросла более чем в 2 раза, в несколько раз увеличилось число отделений банков, значительно

¹ Степанов М. Плутократия // Гражданин. – 1873. – 5 марта. – № 10.

расширились учетно-ссудные операции и т. д.»¹. Если в 1860–1870-е гг. объемы учетно-ссудных операций Государственного банка были несоизмеримо больше, чем у частных банков, то к концу века, наоборот, они в несколько раз превосходили Государственный банк по этому показателю².

Однако далеко не все было благополучно в банковской сфере. Кое-что об оборотной стороне впечатляющих цифр мы узнаем из работ С. Шарапова. Основной «заслугой» банков было то, что они опутывали своими процентами клиентов и доводили их до разорения. У Шарапова банки выступают проводниками денежно-кредитной политики Министерства финансов, направленной на разорение русской деревни. Он обращал внимание на то, что наиболее прибыльными и привлекательными для банков являются операции спекулятивного характера – финансирование проектов учредительства новых обществ, операции на бирже и т. п. Те банки, которые имели филиальную сеть, не кредитовали товаропроизводителей на местах, а, наоборот, подобно насосу, высасывали последние деньги из народа и стягивали их в Петербурге и Москве.

Уже в конце 1890-х гг. в связи с большой потребностью в кредитах стала возрастать зависимость промышленности от банковского капитала. Банки пользовались этим и стремились получать доли в акционерных обществах.

Приведем примеры. *Русский Торгово-промышленный банк* кредитовал Истринские заводы, Восточное общество товарных складов, Волжский стальной завод, Никополь-Мариупольское общество, Российское

¹ Кредит // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 430.

² Там же. – С. 429.

золотопромышленное общество, Общество тульских меднопрокатных и патронных заводов, Московское стеклопромышленное и др. Задолженность их банку превышала 14 млн. руб. Кроме кредитования банк владел 13 735 акциями Никополь-Мариупольского общества и 11 836 акциями общества Гартман; в указанных двух обществах банк имел почти неограниченный контроль. Кроме того, в 1898 г. он имел в своем портфеле 519 акций Волжского стального завода, 97 акций Петербургского вагоностроительного завода, 87 паев Сергинско-Уфалейского завода и др.

В портфеле *Учетного и ссудного банка* в 1898 г. имелось 307 акций Бакинского нефтяного общества, 430 акций Донецко-Юрьевского металлургического общества, 600 акций машиностроительного завода Леснера, 400 акций общества стекольного производства Ликфельда. В портфеле *Русского для внешней торговли банка* имелось 370 акций общества братьев Бромлей, облигации Никополь-Мариупольского общества, общества Сормово и др. В портфеле *Международного банка* имелось 4 тыс. акций машиностроительного завода Гартмана, 1492 акции Московского стеклопромышленного общества, 4003 акции золотопромышленного общества, 2031 акция Никополь-Мариупольского общества.

В портфеле *Частного коммерческого банка* находились те же акции Волжского стального завода, Северного стекольного общества, Коломенского машиностроительного завода, Путиловского завода, завода Гартмана.

Акции и облигации промышленных предприятий в активах банков в конце 1890-х гг. составляли уже довольно значительную долю и имели тенденцию увеличиваться. Сравнивая, однако, основные и облигационные капиталы самих акционерных обществ, можно видеть, что доля акций и облигаций, принадлежавших банкам, в

90-е гг. являлась еще небольшой. Говорить о финансовом капитале, т. е. о сращивании банковского капитала с промышленностью (кроме отдельных случаев, как упомянутые общества «Гартман», Никополь-Мариупольское), в эти годы еще было нельзя.

Банки и финансовый капитал

Когда начался *промышленный кризис 1900–1903 гг.*, он захватил и ряд банков, портфели которых были обременены промышленными бумагами. Например, во время кризиса Международный банк потерял около 4,5 млн. руб., сильно пострадали Петербургский учетный и ссудный, Петербургско-Азовский, Рижский коммерческий, другие банки. Кризис сильнейшим образом подорвал самостоятельность промышленного капитала, поставил его в полную зависимость от банков, ускорил процесс формирования финансового капитала в России.

Наш историк-экономист *П. И. Лященко* писал, как конкретно это происходило: «При наличии убытков акционерных промышленных предприятий, кредитуемых банками, последним приходилось во избежание полного краха и ликвидации этих предприятий прибегать к так называемой “финансовой реорганизации”. Она состояла обычно в том, что при крупных убытках вся сумма их обычно “списывалась” с основного капитала общества, т. е. собственный основной капитал акционерного общества сильно уменьшался. После такого “санирования” банк брал на себя выпуск новых акций, т. е. обеспечивал прилив нового капитала, причем он являлся здесь не только посредником в выпуске новых акций за известное комиссионное вознаграждение в виде тех же акций, иногда до 10–20% их, но часто прямо брал акции

в свой портфель, т. е. фактически становился собственником значительной части акционерного капитала. Для приобретения решающего влияния в делах общества банку или группе их достаточно было иметь значительно менее половины акций.

В период кризиса 1900–1903 гг. такого “санирования” акционерных обществ и их финансовой реорганизации (или реорганизации на тех же основаниях единоличных предприятий и превращения их в акционерные) не избежало почти ни одно сколько-нибудь крупное промышленное предприятие. Все это ставило промышленность в прямую зависимость от банковского капитала. Но русская банковская система и банковский капитал, несмотря на быстрое свое развитие в 1909–1913 гг., все же далеко не могли удовлетворить всего спроса на капитал для такой “реорганизации” промышленности. Поэтому русскому банковскому капиталу, устанавливая свое сращивание с промышленностью, в то же время в поисках финансовой базы для своего укрепления приходилось обращаться к иностранному банковскому капиталу. Русский финансовый капитал получал, таким образом, характер зависимой системы, а русская промышленность “срачивалась” не только с русским банковским капиталом, но через него и с иностранным капиталом. Таким образом, переход к империализму характеризуется и в России увеличением влияния банковского капитала, образованием финансового капитала, но и для того и для другого – с усилением влияния иностранного капитала»¹.

В современных учебниках по экономике процесс сращивания банковского и промышленного капитала перед Первой мировой войной обычно оценивается как

¹ *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2. Капитализм. – М., 1948. www.fintrest.ru

позитивный. Например: «Для промышленных предприятий банковское участие обеспечивало увеличение основных капиталов. Так, в южной металлургии, как раз в тех обществах, финансированием которых занимались банки, капиталы возросли в 1900-х гг. на 80%, капиталы металлургических обществ других районов и металлообрабатывающих предприятий – на 60%, в промышленности строительных материалов – более чем вдвое. В Петербурге, ведущем кредитном и индустриальном центре России, финансово-промышленные связи особенно результативно сказывались на динамике основных капиталов... Банковская поддержка была одним из важнейших условий промышленного развития России в предвоенные годы»¹.

Участие банков в финансировании предприятий реального сектора экономики происходило как путем покупки акций этих предприятий, так и путем кредитования. Главной целью банков было отнюдь не развитие промышленных предприятий, а получение максимальной прибыли любой ценой, в том числе за счет «надувания» курса акций. Промышленные предприятия, перешедшие под контроль банкиров, резко отличались от акционерных обществ семейного типа, где хозяевами были русские. Автор известной книги «Москва купеческая» П. П. Бурыйшкин пишет: «Одной из главных особенностей московской торгово-промышленной жизни перед революцией был, как говорили в свое время, семейный характер ее предприятий. И фабрики, и торговые фирмы оставались зачастую собственностью той семьи, члены которой дело создали, сами им руководили и передавали его по наследству членам своей же фамилии. Так, например, Прохоровская мануфактура и принадлежала семье Прохоровых, Морозовская фирма

¹ Бобович И.М., Семенов А. А. Указ. соч. – С. 228.

оставалась в руках Морозовых, а дело, носившее имя Щукина, Щукинским и было.

Предприятия носили форму паевых товариществ, но в известном смысле это была лишь юридическая форма. Все – иногда без исключения – паи оставались в руках одной семьи, и в уставах обычно имелся параграф, затруднявший возможность продать паи “на сторону”. Правление, т. е. глава семьи и его ближайшие помощник из числа членов той же семьи сохраняли за собою право “выкупить” таковые паи, если кто-либо из пайщиков по тем или иным основаниям хотел выйти из дела... Поскольку в составе правлений были сами владельцы, так сказать, подлинные “хозяева”, то они сами обычно и несли обязанности по участию в тех или иных промышленных группировках или объединениях. А хозяйская точка зрения далеко не всегда совпадала с точкой зрения “служащих”, даже таких крупных, как директора-распорядители. На все вопросы “хозяева” обычно смотрели, конечно, прежде всего, с точки зрения интересов своего дела, но вместе с тем, не будучи ни перед кем ответственны, могли гораздо легче и шире идти навстречу таким мероприятиям, которые не были финансово выгодны, как, например, в области оборудования фабричных больниц или школ».

Следует оговориться, что в приведенном выше описании Бурышкина речь идет преимущественно об одной отрасли – *текстильной промышленности*, которая изначально находилась в руках русских хозяев. Во многих других отраслях главными акционерами с самого начала оказывались иностранцы или банкиры, которые вели себя совершенно иначе, чем вышедшие из народа русские хозяева. Бурышкин продолжает: «Те, скажем, учреждения, которые были созданы на Коноваловской мануфактуре к столетнему ее юбилею, не были бы воз-

можны в предприятии, где главенствовали либо представители иностранного капитала, либо назначенные банками лица, для которых все сводилось к тому, чтобы поднять биржевую цену акций. Торгово-промышленная акция и ее положение на денежном рынке интересовали банки как биржевая ценность, как ценная бумага. *И банковских представителей в правлениях фабрично-заводских предприятий интересовало, прежде всего, то, что могло непосредственно сказываться на биржевой стоимости акций, а не на потребностях самого дела, вытекающих из требований производства*¹.

Взять, например, знаменитые Путиловские заводы, которые принято считать чисто «русским» предприятием. Инженер и предприниматель *Николай Иванович Путилов* (1820–1880) купил в 1868 г. у казны железоделательный и сталеплавильный завод, где в короткое время наладил производство рельсов новой конструкции для Николаевской железной дороги. Через 5 лет (в 1873 г.) Путилов совместно с Немецко-Русским торгово-промышленным банком организовал на базе завода акционерное общество «Путиловские заводы». После смерти Н. И. Путилова германский капитал усилил свой контроль над «Путиловскими заводами». Однако в XX веке общество стало переходить к французскому капиталу. Этот контроль еще более усилился после создания в 1910 г. Русско-Азиатского банка, который владеет контрольным пакетом «Путиловских заводов». За вывеской указанного банка скрывался не русский и не китайский капитал, а французский, причем его доля в капитале банка составляла 4/5. Номинально Русско-Азиатский банк возглавил *Алексей Иванович Путилов* (дальний родственник Н. И. Путилова), занимая при этом пост

¹ Цит. по: Антонов М. Капитализму в России не бывать! – С. 610–611. Курсив мой. – В. К.

председателя правления «Путиловских заводов». Однако фактически нашим важнейшим предприятием военно-промышленного комплекса управляли французы¹.

Происходила быстрая концентрация и централизация банковского капитала. Капиталы сосредоточивались в нескольких крупных и очень крупных банках. В конце XIX века это были такие банки: Международный, Учетный и ссудный, Русский для внешней торговли, Частный коммерческий, Русский торгово-промышленный. Они приобретали контрольные пакеты акций в более мелких банках, создавали новые акционерные общества в промышленности и торговле или покупали пакеты акций в уже существующих промышленных и торговых обществах.

Концентрации и централизации банковского капитала способствовал кризис начала XX века и последовавшая за ним депрессия, когда многие банки оказывались несостоятельными. Одни из них просто ликвидировались, другие покупались более крупными, третьи сливались для того, чтобы выжить. Например, в 1901 г. были ликвидированы Харьковский торговый банк, Екатеринославский коммерческий, Петербургско-Азовский банки. В десятилетний период 1900–1909 гг. банков ликвидировалось больше, чем возникало. Происходит слияние многих отдельных, более мелких банков в более крупные банки-гиганты. Так, например, в 1901–1904 гг. был организован один из крупнейших банков – Азовско-Донской банк – на базе трех банков – Петербургско-Азовского, Минского и Киевского коммерческого. В 1908 г. организовался Соединенный банк из Московского международного, Орловского и Южно-русского. Северный банк в 1910 г. сливается с Русско-

¹ Подробнее см.: Бовыкин В. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М., 2001.

Китайским и образуется Русско-Азиатский банк. Достаточно указать, что доля 13 крупнейших тогдашних петербургских банков в собственных капиталах всех акционерных банков возросла с 49% в 1900 г. до 65,2% в 1914 г. В среднем на один петербургский банк приходилось 42 млн. руб. собственных капиталов, тогда как на один московский – 19 млн. руб. и на один провинциальный – 5 млн. руб. Распределение вкладов концентрировано еще более: на 1 января 1914 г. петербургские банки сосредоточивали 72,2% всех вкладов против 54% в 1900 г. При этом среди петербургских выделялась пятерка ведущих банков: Русско-Азиатский, Петербургский Международный, Русский для внешней торговли, Азовско-Донской, Русский Торгово-промышленный. Все они были петербургскими. Мелкие банки за 13 лет сократили удельный вес своих капиталов почти с половины до одной десятой, тогда как семь крупных банков, не существовавших в 1900 г., обладали в 1914 г. уже более чем половиной всех капиталов¹.

Накануне Первой мировой войны в России действовали 50 акционерных коммерческих банков, при этом 80% активов и пассивов всех российских банков было сосредоточено в 12 банках².

Много интересного о мире банков мы узнаем из романа Шарапова «У очага хищений» (продолжение романа «Диктатор»). Здесь Сергей Федорович пишет о том, о чем обычно умалчивают учебники и «научные» монографии по деньгам, кредиту, банковскому делу, а именно о «грязной», закулисной деятельности банкиров. Основными методами обогащения банкиров, как это видно из романа, являются коррупция (подкуп чиновников), шантаж, ложные банкротства, откровенное

¹ Лященко П. И. Указ. соч.

² Бобович И. М., Семенов А. А. Указ. соч. – С. 224.

казнокрадство, семейственность и клановый характер банковского бизнеса, покрывание подкупленными чиновниками «грязных» дел, введение чиновников в состав правлений формально частных банков, использование государственного аппарата для подавления не входящих в кланы конкурентов и т. п.

Крупнейшие банки, как паразиты, присосались к государственной казне. Происходило теснейшее сращивание государственных чиновников и банкиров. Особенно это стало бросаться в глаза во времена С. Витте. Вот что писал близкий к этому министру *И. И. Кольшко*: «Русские банки времен Витте из объектов истории стали субъектами ее. Они оперировали почти целиком на средства Государственного банка. Администрация этих банков при фикции выборности состояла по существу из чиновников Министерства финансов. А т. к. биржу составляли именно они, то ясно, что биржа с ее взмахами вверх и вниз, с ее аппаратом обогащения и разорения была филиалом Министерства финансов»¹.

Например, Соколов (министр финансов в кабинете диктатора генерала Иванова) неоднократно поднимает вопрос о том, что в банковском сообществе России сложился *клановый порядок*, причем это *клан еврейских банкиров, получающих поддержку со стороны руководства Министерства финансов*. Особенно эта поддержка стала явной при министре Витте, причем поддержка еврейских кланов оборачивалась разорением русских предпринимателей: «Витте, который выручал всех жидов на десятки и сотни миллионов, не захотел поддерживать во время кризиса группу чисто русских и очень крупных дел на Юге. Отказал только потому, что это были русские люди и русские дела»².

¹ Цит. по: *Фомин С.* Указ. соч.

² *Шарапов С. Ф.* Россия будущего. – С. 487–488.

Соколов описывает один случай, на примере которого видно, как слаженная группа ростовщиков при опоре на чиновников из Министерства финансов и других ведомств убирает своих конкурентов: «Разгром (крупного акционерного общества, действовавшего на Юге России и принадлежавшего русским предпринимателям. – В. К.) производили соединенными силами: московские древле-православные ростовщики (староверы. – В. К.), муравьевское министерство юстиции и виттевско-коковцевское Министерство финансов. Ростовщики привезли из Москвы целый вагон подставных акционеров, сразу забрали в руки или пустили по ветру все дела, сделав нищими тысячи семей. Юстиция стала на сторону хищников и устроила самый безобразный процесс, засудив невинных людей, а финансы... эти держали себя как известные специалисты на пожаре»¹. Из этой истории мы узнаем, что *в союзе с еврейскими ростовщиками действовали наши староверы, которые были российской модификацией европейских протестантов*². Кроме того, содействие в неблагоприятных делах еврейских ростовщиков оказывало не только финансовое ведомства (Витте, Коковцев), но также органы правосудия.

А вот еще один пример, раскрывающий, какие порядки царили в финансово-промышленном мире России в начале XX века: «Крупный акционер одного из огромных заводов, – продолжает Соколов свой доклад диктатору, – теперь тоже нищий. В свое время горячился, бо-

¹ Там же. – С. 488.

² В романе «У очага хищений» С. Шарапов показывает, что банкиры-староверы Рябушинские действуют такими же методами, как еврейские ростовщики. Один из героев романа Павлов говорит генералу Иванову: «Вот она, ваша юстиция! Ни дать ни взять, как в Харьковских банках. Там прокуроры и следователи свирепствовали в угоду братьям Рябушинским, здесь это требуется жиду Гирману» (*Шарапов С. Ф. Россия будущего.* – С. 496).

ролся с разбойническим правлением, ходил к прокурору, хотел возбудить следствие. Нельзя! Необходимо заключение Министерства финансов, а оно, конечно, не дает, т. к. солидарно со всеми ворами и не желает “подрывать промышленность”. Акционер остался без поддержки, общество выхватило миллионную промышленную ссуду и задолжало по уши Государственному банку. Ссуду, разумеется, наполовину раскрали посредники и покровители, остальное пошло по карманам правления. Сажает им Витте казенного директора. Ну, раз казенный директор, значит, воровство благословлено. Общество раскрали вдребезги, дочиста. Ликвидация – и акции могут идти в обойную бумагу. Ни суда, ни расправы, потому что каждый шаг прикрыт специально выкраденными Высочайшими повелениями... Хороша картинка?», – спрашивает в заключение Соколов. Диктатор лаконично ответил: «Обычная, ежедневная»¹.

В данной картинке мы видим то же покровительство разбойникам со стороны Министерства финансов, ту же безнаказанность жуликов, те же бессовестные методы уничтожения конкурентов кланом ростовщиков и спекулянтов. Кроме того, мы видим, что средства Государственного банка раздаются представителям этого клана и разворовываются. Введение в руководство обществ чиновников, как следует из рассказа Соколова, не только не ослабляло воровство, но, наоборот, его благословляло.

Как это все похоже на положение дел в банковском мире современной России! Например, мы видим такое же воровство казенных денег современными коммерческими банками, которые они получали в виде стабилизационных кредитов из Центрального банка Российской Федерации или казны (в частности, из Стабилизационного фонда во время финансового и экономического

¹ Шаратов С. Ф. Россия будущего. – С. 488–489.

кризиса 2009 г.). Деньги пускались не на поддержку предприятий реального сектора экономики, а на валютные и фондовые спекуляции внутри страны или вообще выводились из России. Те же ложные банкротства для того, чтобы «кинуть» своих клиентов. То же самое покровительство «нужным» коммерческим банкам со стороны руководства Банка России и «наезды» на «неудобные» коммерческие банки со стороны Центрального банка с проверками и разбирательствами. Пожалуй, еще более ярко проявляется роль банков как «насоса», который обескровливает всю нашу экономику, сосредоточивая все деньги в Москве и Петербурге. Да и в этих столицах деньги не задерживаются, т. к. «российские» банки гонят их дальше за границу, в различные оффшоры. Так что обескровливается не только провинция, но и вся Россия. Как и 100 лет назад, нынешние банки ярко демонстрируют свой паразитизм, превращаясь не только в тормоз экономического развития страны, но и эффективное орудие ее ограбления.

Иностранный капитал и банки

Пожалуй, самое неприятное заключалось в том, что за русскими звучными вывесками московских, петербургских и иных банков скрывалось совсем не русское содержание. В той или иной степени все они контролировались иностранцами. Взять, например, ведущие банки Петербурга: в Азовско-Донском банке доля иностранного капитала в уставном капитале была равна 36,7%, Русском для внешней торговли банке – 40%, Петербургском международном – 40%, Русско-азиатском – 79%¹. Были бы, наверное, в российских

¹ Бобович И. М., Семенов А. А. Указ. соч. – С. 232.

столицах и иностранные вывески на конторах банков. Но у наших властей еще во время бума банковского «грюндерства» в XIX веке хватило ума и сил запретить иностранным кредитным организациям открывать филиалы на территории России. Присутствие иностранцев в банковском секторе было разрешено только в форме участия в капитале российских банков (т. е. организаций, действующих по законам Российской Империи). Правда, в 1878 г. было сделано исключение для банка «Лионский кредит», оказавшего царскому правительству большие услуги в получении внешних займов во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Постепенно иностранный капитал внедрился почти во все российские банки. В начале XX века «из 40 акционерных банков (из них 9 петербургских и 4 московских) собственно русскими (и то условно) были только два: Волжско-Камский и Торгово-промышленный, отнюдь не самые крупные»¹.

Иностранные банки активно приобретали доли и акции в российских банках, а в дальнейшем использовали последние в качестве «опорных точек» для захвата позиций в других отраслях российской экономики (учреждение новых обществ или приобретение существующих).

Кстати, вернемся к теме прямых иностранных инвестиций в российскую экономику. Ряд авторов обращает внимание на то, что доля иностранцев в акционерных капиталах российских обществ в десятилетие накануне Первой мировой войны снижалась. Некоторые авторы склонны такое снижение объяснять политическими причинами – опасениями иностранных инвесторов, что Россия в ближайшее время будет вовлечена в большую войну². Обычно в качестве иллюстрации данного тезиса

¹ Антонов М. Капитализму в России не бывать! – С. 589.

² См.: Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. – М., 2005.

приводится уход Ротшильдов из российской нефтяной промышленности в начале XX века. Не исключаем, что, действительно, Ротшильды были в курсе планов развязывания войны и вовлечения в нее России. Однако большинство западных инвесторов продолжали наращивание своей инвестиционной экспансии в России.

Поменялась лишь тактика. Иностранцы стали действовать преимущественно не напрямую, а *через свои кредитные организации в России, которые были дочками иностранных банков и выполняли роль «опорных точек» западного капитала*. Если они делали инвестиции в виде покупки акций, то проходили по графе «российские капиталовложения».

Такие банки, как Санкт-Петербургский международный или Русско-Азиатский, активно вкладывались в предприятия реального сектора экономики и проходили как «российские инвесторы». Первый из них контролировал предприятия транспортного машиностроения, судостроения, золотодобычи, цементной, стекольной, сахарной промышленности. Контроль осуществлялся путем покупки акции или с использованием «неакционерных» методов, т. е. через кредиты.

Точно так же второй банк, используя акционерные и «неакционерные» методы, контролировал Путиловские и другие ведущие предприятия Петербурга, ряд железнодорожных и страховых компаний, машиностроительные, золотодобывающие и цементные предприятия в регионах, имел большую долю в табачном тресте (совместно с Санкт-Петербургским международным банком), в Русской генеральной нефтяной корпорации¹. Русско-

¹ Русская генеральная нефтяная корпорация (РГНК) была создана в 1912 г. при участии Санкт-Петербургского международного и Русско-Азиатского банков. Вся нефтяная промышленность России контролировалась накануне войны шведской группой Нобелей, англо-голландской корпорацией «Ройял Датч Шелл» и указанной корпорацией РГНК.

Азиатский банк еще более усилил свои позиции в годы Первой мировой войны, поскольку подконтрольные ему предприятия значительную часть продукции поставляли по заказам государства. К 1917 г. Русско-Азиатский банк контролировал свыше 160 акционерных компаний, сумма акционерных капиталов которых превышала 1 млрд. руб. В их число входили 124 торгово-промышленных предприятия, 20 железнодорожных обществ, 4 парохозяйства, 3 страховые компании, 2 земельных банка. Военно-промышленная группа Русско-Азиатского банка включала 8 крупнейших акционерных обществ с капиталом 85 млн. руб., в том числе такие знаменитые предприятия, как Путиловский, Невский судостроительный и Русско-Балтийский судостроительный заводы¹.

На ключевую роль банков в продвижении иностранного капитала в России обращает внимание М. Антонов, который также ставит под сомнение тезис о «вытеснении» иностранного капитала отечественным. Он пишет, что то, что принимается «за “вытеснение” иностранного капитала русским, было всего лишь переходом контроля над многими российскими предприятиями от иностранных банков к российским, которые на деле... принадлежат тем же иностранцам»².

Если в начале процесса создания частных банков в России среди иностранных инвесторов и учредителей преобладали немцы, то уже в 1880-е гг. на первые позиции вышли французы. Французские капиталы были вложены в Русско-Азиатский, Петербургский, Азовско-Донской, Соединенный и Русско-Французский коммерческие банки с общей суммой активов (по данным на конец 1913 г.) в 1,373 млрд. руб.

¹ Петров Ю. А. Алексей Путилов и Русско-Азиатский банк // Вестник Банка России. – 2005. – 11 марта. – № 13.

² Антонов М. Капитализму в России не бывать! – С. 581.

Среди германских банков тесные связи с российскими предприятиями установили Deutsche bank и Dresdner bank. Кроме того, еще в конце XIX века в Германии был образован так называемый «Русский консорциум», в который входили другие крупнейшие банки и банкирские дома. Немецкие кредитные организации владели акциями в таких крупных российских банках, как Петербургский международный коммерческий, Петербургский учетный и ссудный, Сибирский торговый, Русский для внешней торговли. Сумма их активов в конце 1913 г. составляла 1,272 млрд. руб. В Петербургском международном коммерческом банке немцам принадлежало 42% акций.

Позиции англичан в банковском секторе России были значительно скромнее: они владели акциями на сумму 408 млн. руб. только в двух банках – Русском торгово-промышленном и Русско-Английском. Незначительные голландские капиталы были вложены в акции Русско-Голландского банка. Американцы лишь присматривались к российскому банковскому сектору, но в капитале не участвовали¹.

О точных цифрах присутствия иностранного капитала в российском банковском секторе говорить достаточно сложно. Чаще всего, оценки находятся в диапазоне 35–50% по состоянию накануне Первой мировой войны².

¹ Американцы же попытались выйти на российский финансовый рынок только в 1917 г. при Временном правительстве, но Октябрьская революция не позволила осуществить этот проект.

² Например, П. А. Хромов называет цифру от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ (Хромов П. А. Экономическая история СССР. – М., 1982). Сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Г. Гольц говорит: «Доля иностранного капитала в русских банках выросла с 7,5% в 1870 г. до 43% в 1914 г.» (Известия – 1993. – 16 октября). И. М. Бобович отмечает, что доли инвесторов из отдельных стран в капитале российских банков перед войной были равны (%): Франция – 26,6; Германия – 19,4; Англия – 6,3. Получается, таким образом, что совокупная доля французских, немецких и английских инвесторов была равна 52,3% (Бобович И. М., Семенов А. А. Указ. соч. – С. 232).

Также интересно посмотреть, а что представляли собой иностранные инвесторы, например французские. В Петербурге 1914 г. вышла интересная книга *Е. Агада* «Крупные банки и всемирный рынок». Во всех российских банках, как отмечается в указанной книге, присутствовало одно и то же «трио» французских банков: «Сосьете Женераль» («Генеральное общество»); «Банк де Пари э де Пэи-Ба» (Парижско-Нидерландский банк), «Унион Паризьен» (банк «Парижского союза»). Наиболее прочно указанная «троица» контролировала Русско-Азиатский, Петербургский частный, Соединенный банки¹.

Сегодня, если верить данным Банка России, доля иностранцев в уставных капиталах российских банков ниже, чем 100 лет назад. На конец 2008 г. она составляла 28%. Однако следует иметь в виду, что на самом деле присутствие иностранцев может быть значительно выше. Во-первых, потому, что акционеры банка могут лишь формально быть физическими и юридическими лицами Российской Федерации. Физические лица могут иметь двойное гражданство. А юридические лица могут быть лишь номинально «российскими», а на самом деле различными способами контролироваться из-за границы. Сегодня все большую роль приобретают различные «неакционерные» формы контроля. Наиболее широко используемая на сегодняшний день «неакционерная» форма контроля – с помощью кредитов и займов. Тема эта обширная, выходит за рамки данной работы. Так что благодущие наших денежных властей, заявляющих, что

¹ Агад Е. Крупные банки и всемирный рынок. – СПб., 1914. – С. 55. Кстати, указанную книгу подробно конспектировал В. Ленин и использовал при написании своей работы «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916). Конспект данной работы, а также других работ по банкам и финансовому капиталу входит в состав сборника «Тетради по империализму» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28).

у них «все под контролем», разделить мы никак не можем. Тем более что Россия находится на пороге вступления во Всемирную Торговую Организацию (ВТО), что может окончательно поставить банковскую систему России под контроль мировых ростовщиков. Тем более, что они в рамках переговоров о вступлении России в ВТО продолжают настаивать на том, чтобы в нашей стране орудовали не только «дочки» западных транснациональных банков (ТНБ), но также их филиалы. Напомним, что филиалы в отличие от «дочек» вообще не подпадают под контроль российского Центрального банка. Даже «молодые финансисты» времен Александра II не пошли на то, чтобы допустить в страну филиалы иностранных банков.

Кое-что о «русских» банкирах

Однако следует иметь в виду, что часть так называемых «иностранных инвесторов», покупавших акции российских банков, были гражданами Российской Империи, скрывавшимися за компаниями, которые они создавали за границей. У нас, действительно, до революции были «иностранные» компании, фактическими владельцами которых были российские банки и предприниматели. Многие подобные финансовые общества основывались за границей, чаще всего в Лондоне, который для наших банкиров был своеобразным «оффшором». В начале XX века в Англии появился новый вид акционерных компаний – так называемые «свободные» компании (*free-standing companies*). Они имели право без ограничений вести операции за границей, при этом акционерами и членами правления таких компаний могли быть граждане любого государства. Это позволяло

русским банкирам и промышленникам без особых проволочек создавать за рубежом финансовые корпорации, а затем также быстро создавать в России необходимые им компании (для российских предпринимателей наша бюрократия создавала почти непреодолимые административные барьеры, о чем писал С. Шарапов¹). Так, в 1912 г. в Лондоне была образована *Русская генеральная нефтяная корпорация*. Ведущая роль в консорциуме принадлежала двум петербургским банкам – Русско-Азиатскому и Международному.

В сентябре 1913 г. в Лондоне консорциум русских банков в составе Русско-Азиатского банка, Частного коммерческого банка, Торгово-Промышленного банка и ряда других основал Русскую Табачную Компанию. В 1914 г. в Лондоне было образовано общество *Russian Corporation Ltd.*, основной целью которого являлось распространение на английском рынке ценных бумаг российских государственных и городских займов, а также акций и облигаций железнодорожных, трамвайных, электрических и других предприятий. В состав учредителей общества вошли представители Русско-Азиатского, Азовско-Донского, Международного, Сибирского и Учетного банков.

Но у проблемы национальной идентификации банков России есть и другая сторона медали. Если за некоторыми «иностранными» инвесторами в российских банках скрывались граждане Российской Империи, то, с другой стороны, многие (или, по крайней мере, некоторые) формально российские инвесторы и учредители по своему духу были космополитами. А из этого вытекало, что они могли не только не думать о национальных интересах России, но при удобном случае (если это

¹ См.: Шарапов С. Иностранные капиталы и наша финансовая политика // Шарапов С. Сочинения. Кн. III. – СПб., 1899.

приносило им прибыль) действовать вопреки этим интересам. И не важно, где они открывали свои конторы – в Москве, Петербурге или Париже и Лондоне. На это обращал внимание и С. Шарапов, и многие его современники, стоявшие на позициях русского патриотизма. Уже в те времена для многих банкиров с русскими фамилиями и именами Россия была «этой страной».

Уже не приходится говорить о банкирах, которые имели нерусские фамилии и с трудом говорили по-русски. В 1859 г. Александр II принял закон, разрешающий евреям селиться за пределами «черты оседлости», в том числе в двух столицах. Многие евреи ринулись из своих местечек осваивать Петербург, Москву, другие крупные центры. Среди учредителей банков было непропорционально много евреев. Некий Н. Н. в своих воспоминаниях так писал про эти времена: «В выходах из черты оседлости происходила полная метаморфоза: откупщик превращался в банкира, подрядчик – в предпринимателя высокого полета, а их служащие – в столичных денди... Образовалась фаланга биржевых маклеров (“зайцев”), производивших колоссальные биржевые обороты... Один петербургский еврей-старожил говорил мне: “Что тогда был Петербург? Пустыня; теперь же ведь это Бердичев!”¹». Интересно, что и С. Шарапов сравнивал деловой Петербург конца XIX века с Бердичевым. Кстати, этот небольшой провинциальный город, населенный преимущественно евреями, к началу 50-х гг. XIX века, как пишет *Б. Ананьич*, стал «крупным банкирским центром». В городе было восемь банкирских домов. На Золотой улице, где размещалось большинство кредитных учреждений, кипела деловая жизнь. Банкирские дома Бердичева обслуживали Ки-

¹ *Чумаков В. Д.* Русский капитал: от Демидовых до Нобелей. – М., 2008. – С. 244.

евскую контрактную ярмарку, учитывали переводные векселя на Петербург, Москву, Одессу и другие города, были связаны с банкирскими домами обеих столиц, а также с заграничными банкирами¹.

О засилье евреев в банковском деле России писали многие авторы конца XIX – начала XX века². Они получали особое покровительство со стороны Министерства финансов и Государственного банка. Особенно еврейский фаворитизм расцвел пышным цветом при министре финансов С. Витте. Вот что писал *В. П. фон Эгерт* о «заслугах» Сергея Юльевича перед еврейскими банкирами и предпринимателями: «Политика высшей администрации в России поощряет эту часть еврейства и выводит ее наверх. Удерживается директива, данная резко в этом смысле бывшим министром финансов С. Ю. Витте (впоследствии графом), Государственный банк при нем сделался просто питомником для еврейских банков, в субсидировании еврейских предприятий при нем не бывало отказа»³.

Было много «спецов», которые приезжали из-за границы и, опираясь на свои знания и связи в европейском банковском и биржевом мире, делали в России карьеру. Такие «гастролеры» вообще могли не говорить по-русски, а с петербургской знатью общались на французском, немецком или английском языке.

Взять, к примеру, фигуру такого известного в России в конце XIX–XX веков банкира, как *Ротштейн А. Ю.* Обычно в словарях о нем пишут очень лаконично: член правления и директор Петербургского Международного коммерческого банка (1890–1904), учредитель

¹ *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. – С. 14.

² Подробнее см.: *Фомин С.* Указ. соч.

³ *Шмаков А. С.* Указ. соч. – С. 626.

и член правления Русско-Китайского банка (1896–1904), товарищ председателя Русского общества машиностроительных заводов Гартмана, учредитель Никополь-Мариупольского горно-металлургического общества, учредитель Общества тульских меднопрокатных и патронных заводов.

Однако знакомство с воспоминаниями людей, которые соприкасались с Адольфом Юльевичем, расширяет наше представление об этом финансовом деятеле. Большинство современников считали А. Ю. Ротштейна самым близким из всех людей банковского мира к тогдашнему министру финансов С. Ю. Витте. Более того, некоторые авторы отмечают, что Ротштейн оказывал Сергею Юльевичу всяческое содействие в переводе России на золотой рубль¹. Также было известно, что Ротштейн общался с Ротшильдами и был в России их главным агентом (наряду с Витте).

Есть мнение, что именно Ротштейн был передаточным звеном между Ротшильдами и С. Витте. Период пребывания Ротштейна на посту руководителя Международного банка, его активное участие в предприятиях российского Министерства финансов совпали с усилением русско-французских политических и экономических связей. Ротштейн принял непосредственное участие в осуществлении многих практических начинаний царского правительства в отношениях с Францией. Документы архива французского Министерства иностранных дел свидетельствуют, что руководители внешнеполитического ведомства Франции хорошо понимали, какую роль играет Ротштейн. «Мне не нужно напоминать вам о кредите, которым он пользуется у г. Витте, – сообщал французский посол в Петербурге своему правительству. – Ротштейн представляется

¹ См.: Антонов М. Капитализму в России не бывать! – С. 574.

мне истинным хозяином финансовых предприятий на Дальнем Востоке».

Порой трудно отличить, где Ротштейн действовал как предприниматель, а где как уполномоченный Министерства финансов. Интересы частного капитала и царского правительства в этих вопросах переплетались тесным образом. Поэтому нет ничего удивительного, что официальные представители Министерства финансов зачастую выполняли поручения Ротштейна и отчитывались перед ним.

Взаимоотношения Министерства финансов с Международным банком и персонально Витте с Ротштейном были узаконены многолетней практикой. Но далеко не все в этих отношениях подлежало огласке. Видимо, не случайно в переписке Ротштейна с Ротшильдами в тех случаях, когда речь шла о Витте, его имя было зашифровано прозвищем *Эмиль*.

Влияние Ротштейна на Витте трудно переоценить. Французский посол в Петербурге уверял даже свое правительство, что Ротштейну принадлежала роль вдохновителя всей финансовой политики Витте, называл его человеком пылкого воображения, очень изобретательным и неслыханной дерзости. Ротштейн, по его словам, провел крупные финансовые операции, которым было присвоено имя Витте¹.

Вот как о нем писала одна из американских газет, когда в 1899 г. он приехал в США: «Господину Ротштейну 43 года, он родился в Берлине, первый деловой опыт получил в Англии... Затем приобрел известность в качестве брокера на столичной германской бирже, специализируясь на русских ценностях. В 26-летнем возрасте переехал в Россию, где служит в Петербургском Меж-

¹ См.: Период пребывания Ротштейна // Последние новости IT // El Group LLC. 27.08.2010.

дународном банке... Быстро выдвинулся в роли советника банка и стал ведущим его директором... Своими манерами и речью г. Ротштейн производит впечатление настоящего американского бизнесмена. Он великолепно информирован по всем современным финансовым и политическим вопросам, охватывает суть дела широко и отчетливо, быстро делает выводы...».

Другая газета писала: «Ротштейн – alter ego («второе я» – лат.) известного царского министра финансов Витте; он занимает примерно такое же положение по отношению к нему, какое занимал в свое время капуцин Жозеф – “серая знаменитость” – по отношению к великому Ришелье... г. Ротштейн простого происхождения, пруссак по рождению и еврей по национальности. В настоящее время он натурализованный подданный царя. Он плохо говорит по-русски, хотя и быстро схватывает любое упущение в финансовых контрактах и соглашениях, написанных на этом языке... Он очень груб, заявляя, что вежливость и хорошие манеры бесполезны, ибо “никогда не выиграть шахматную игру сердцем, ее можно выиграть лишь головой”. Вряд ли можно сказать, что внешность г. Ротштейна приятна и располагающа. Он похож на больного Мефистофеля. У него рыжая борода и рыжая шевелюра, он сутул ... очень близорук, носит двойные очки...»¹.

Между прочим, в работе «Иностранные капиталы и наша финансовая политика (1899) С. Шарапов упоминает А. Ротштейна в связке с Ротшильдами, что не случайно. В работе «Еврейский вопрос» (1899) Шарапов опять вспоминает Ротштейна, на этот раз вместе с Поляковыми, Гишманами, Гинцбургам, Бродскими, Блюхами и другими еврейскими банкирами, промыш-

¹ Иностранные менеджеры в русских компаниях // ONE2ONE magazine. – 2009. – № 12.

ленниками и торговцами (предлагая всех их убрать из России). Наконец, в романе «Кабинет диктатора» Ротштейн упоминается в паре с С. Витте.

Современный исследователь дореволюционных банков С. Г. Беляев пишет о Ротштейне как яркой фигуре второго поколения банкиров в России: «Первое поколение основателей («грюндеров») к началу 1890-х гг. сошло со сцены. Его сменило второе, виттевского призыва. «Придя в 1892 г. к управлению Министерством финансов, С. Ю. Витте выступил с широкой программой реформ хозяйственного механизма страны при содействии иностранного капитала. Петербургские банкиры второго поколения – главные помощники министра в привлечении этого капитала в страну как в виде государственных и гарантированных правительством займов, так и в виде прямых промышленных инвестиций. Среди этих банкиров особо выделялся А. Ю. Ротштейн, сменивший В. А. Ляского на посту главы Международного банка»¹.

В Википедии в статье «Санкт-Петербургский международный банк» мы немного подробнее узнаем о деятельности Ротштейна на посту главы банка: «В 1889 г. первого директора банка Владислава Ляского сменил Адольф Ротштейн, прусский подданный, пользовавшийся поддержкой Сергея Витте. На этот период приходится расцвет финансовой деятельности банка. Благодаря зарубежным связям Ротштейна, банк начал проводить широкую инвестиционную политику в России и за границей, привлекая иностранный капитал. Были установлены связи с французскими банками – Парижско-Нидерландским и банкирским домом Ротшильдов. В 1898 г. совместно с последним Междуна-

¹ Беляев С. Г. Петербургские банкиры в начале XX века. // Из глубины времен. Вып. 6. – СПб., 1996. – С. 5.

родный банк учредил торговое общество “Мазут” для добычи нефти в Баку; также банком были учреждены два российских электропромышленных предприятия – общество “Сименс-Гальске” (вместе с Deutsche Bank) и общество “Унион” (вместе с Dresdner Bank). Банк сотрудничал с Министерством финансов в размещении российских займов за границей».

Об Адольфе Юльевиче достоверно известно, что он состоял в одной из лож «Великого Востока» и что против него был сильно предубежден Император Николай II¹. По сведениям уже упоминавшегося петербургского историка С. Г. Беляева, «поверенный в делах США в Петербурге Г. Д. Пирс писал в это время главе банкирского дома Морганов, что Ротштейн играет в финансовой жизни России ту же “контролирующую” роль, которую сам Морган играет в Америке. В 1895 г. Ротштейн стал одним из организаторов Русско-Китайского банка, на деле являвшегося филиалом Государственного банка на Дальнем Востоке и основным инструментом виттевского “мирного” проникновения в Маньчжурию. Впрочем, благодаря Ротштейну не только Русско-Китайский, но до некоторой степени и Петербургский Международный банк в это время играл роль банка русского правительства»².

В романе Шарапова «У очага хищений» подробно описываются многочисленные аферы банкиров в России на примере *Русско-Китайского банка*. Этот банк был создан при содействии Витте банкиром А. Ротштейном в 1895 г. и превратился быстро в один из крупнейших кредитных учреждений России³. Не будем

¹ Фомин С. Указ. соч.

² Беляев С. Г. Указ. соч. – С. 5–7.

³ В 1908 г. происходит слияние Русско-Китайского банка с Северным банком и образовывается Русско-Азиатский банк, который по всем показателям стал первым в России частным коммерческим банком.

говорить о геополитических планах, которые Витте (действуя, естественно, по указке Ротшильдов) преследовал при создании указанного банка¹.

Очень интересно описание руководства и сотрудников Русско-Китайского банка, сделанное Соколовым: «Просмотрел я его документы, выслушал объяснения – вижу очевидный грабеж на большой дороге. Соображаю, что Китайский банк находится под контролем Министерства финансов и что там в правлении сидит представитель правительства и директорами состоят разные высокопоставленные россияне. Подать сюда правление Китайского банка с русскими кондитерскими генералами!

Ведут ко мне генералов. На первом плане председатель правления князь Эспер Эсперович Ухтомский. Посажен Ротштейном и Витте. Сам по себе ничтожество полное, но был одно время вблизи Государя и теперь режет с этого купоны. Роль в банке и в Китайской дороге: расписываться в получении жалованья. Далее сынок и племянничек. Сынок министра Вышнеградского и племянничек министра Сольского. Вышнеградский, кроме того, директор Международного банка и председатель правления Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, а Сольский – директор Брянского правления и что-то такое был или есть в Государственном банке. Затем генерал Путилов, правая рука Витте, бывший директор его канцелярии; был в Крестьянском и Дворянском банках, участвует в нескольких жирных правлениях, нефтепромышленник. Затем представитель правительства Давыдов, вице-директор Кредитной канцелярии, говорят, замечательный музыкант. Жалованья

¹ Об этом достаточно подробно сказано в следующем источнике: *Кремлев С.* Россия и Япония: сравнить! Если говорить коротко, то целью создания банка было «мирное» проникновение России в Маньчжурию. Кончилось все это плачевно – Русско-японской войной 1904–1905 гг.

ванья 60 тыс. руб. Остальные соответственно: Вышнеградскому, например, пришлось в разделе до 140 тыс. Делает эта теплая компания то же, что и везде и всегда: получает жалованье, делит наградные и затем не только ничему не мешает, но покрывает все пакости и отстаивает, где следует, в “сферах”.

Наконец, идут “работники” и иностранцы. Работники – это два русских немца – Бок и Берг. Пропускаю. Иностранцы – финансисты и дельцы по своим делам: барон Готтингер, в России не живет, Нетцлин тоже, Верстрат – французский коммерческий агент, Бизо и Рандр – статисты. Ну вот вам и все Дагестанское ущелье (имеется в виду, что грабеж со стороны банка подобен бандитскому разбою в Дагестанском ущелье. – В. К.). Местные агенты главным образом жида: французские, бельгийские, бердичевские. Хорошенькое заведеньице? ... Нет, кажется, той пакости, как по отношению к казне, так и к краю, и к публике, которая бы не проделывалась в Китайском Банке *вовсю*!¹

Из этого описания мы получаем представление о том, каков был «личный состав» в крупном петербургском банке.

Во-первых, первые лица в коммерческом банке назначались только по согласованию с главными агентами Ротшильдов в России – С. Витте и А. Ротштейном².

Во-вторых, состав руководства Российско-Китайского банка в целом отражал состав всего банковского клана России. Здесь были в основном люди мало профессиональные, беспринципные, что очень удобно для принятия и проведения решений, которые необходимы Ротшильдам в России. За свою беспринципность они получают очень хорошее материальное вознаграждение.

¹ Там же. – С. 492–494.

² О Ротштейне см. раздел «Иностранный капитал и банки».

Примечательно, что в руководстве банка присутствуют лица как с еврейскими фамилиями и именами, так и лица, на первый взгляд, совершенно русские. Например, *А. И. Вышнеградский* – сын министра финансов (до Витте). Или *Алексей Иванович Путилов*, который, кстати, после преобразования Русско-Китайского банка в Русско-Азиатский (в 1908 г.) становится его директором-распорядителем (председателем правления). Наконец, это *Леонид Федорович Давыдов*, один из «учеников» Витте. Подробнее об этих «гениях» банковского дела можно прочитать в публикации С. Фомина «Банкиры начинают и выигрывают». Всех указанных лиц лишь условно можно отнести к разряду «русских». Они были замешаны в воровстве, государственной измене, принадлежали к масонству, но при этом имели мощное «прикрытие» со стороны высших государственных чиновников России¹.

В-третьих, в штате банка множество иностранцев, которые не только не говорили по-русски, но даже не проживали в России. И это в учреждении, которое в России в начале XX века многие воспринимали как банк государственный.

Дополнить характеристику «личного состава» указанного банка можно выдержкой из воспоминаний князя *В. А. Оболенского*, служившего в Русско-Азиатском банке. Он отмечает, что в банке «были преимущественно люди, большая часть интересов которых была направлена на стяжание и обогащение. Они следили за биржевым курсом бумаг, играли на бирже и делали банковскую карьеру. Услужливые по отношению к начальству, они подсиживали своих конкурентов, не брезгуя никакими интригами, были грубы с подчиненными»².

¹ См.: *Фомин С.* Указ. соч.

² *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. – Париж, 1988. – С. 427.

Итак, люди, обитавшие в банковском мире России, были в подавляющей своей массе космополитами – независимо от их национальности, вероисповедания, социального происхождения, культурного развития. Еще в годы первой так называемой «русской» революции наблюдался отток капитала из России. Причем уходил из страны не только иностранный капитал, но также капитал российский. Это очень интересный момент, важный для понимания того, что предприниматели и особенно банкиры смотрели на Россию как на «эту страну». Позволю процитировать самого себя: «К началу XX века появились признаки достаточно активного движения валюты из России за рубеж, в годы накануне революции 1917 г. этот процесс приобрел форму масштабного бегства капитала. Указанные финансовые потоки формировались за счет прибылей иностранных инвесторов (репатриация прибылей), дезинвестиций (распродажи иностранными и российскими предпринимателями своих активов в России), резервов государства (прежде всего перевод в годы Первой мировой войны золотого запаса в другие страны – в целях закупок военного снаряжения и т. п.), а также за счет средств российских граждан¹. Между событиями 1897–1917 гг. и событиями нашего времени (“перестройка” 1985–1991 гг. и “реформы” 1991–2001 гг.) напрашиваются определенные аналогии. В том числе и при рассмотрении проблемы бегства капитала. Тема оттока, а затем и явного бегства капитала из России в предреволюционные годы пока крайне слабо исследовалась

¹ «Кстати, вывоз валюты из страны был отчасти обусловлен тем, что более миллиона русских жили за границей, в Западной Европе, а источники их средств существования находились в России. Большая часть (две трети) “контрреволюционных эмигрантов” выехала из России задолго до революции, а вовсе не “бежала от контрреволюционного террора”» (Паршев А. П. Почему Россия не Америка. – М., 2001. – С. 143).

нашими историками и экономистами»¹. Эта фраза из моей книги, которая была опубликована в 2002 г. За истекшее десятилетие, к сожалению, мне не попалось на глаза ни одной специальной работы на указанную тему. Однако разбросанные по разным источникам цифры и факты свидетельствуют: многие «русские» банкиры и прочие предприниматели готовили в Западной Европе и даже в Америке «запасные аэродромы» в виде банковских счетов и недвижимости.

Знакомство с миром денег и банков дореволюционной России с помощью работ С. Шарапова дает представление об этом мире, очень отличающееся от того, которое мы получаем из учебников. Деньги и финансы – это, прежде всего, отношения между людьми с их интересами, нравами, психологией. К сожалению, в современных учебниках все это пропадает за абстрактными формулами, цифрами, пересказами внешних формальных событий и официальных документов. Число публикаций, отражающих объективную ситуацию в банковской системе дореволюционной России, базирующихся на архивных материалах, первичных документах и живых впечатлениях, крайне не велико, а тираж этих публикаций мизерный². До сих пор у нас

¹ *Катасонов В. Ю.* Бегство капитала из России. – М., 2002. – С. 184.

² Наиболее детальные исследования банковского мира дореволюционной России на сегодняшний день: *Левин И. И.* Акционерные коммерческие банки в России. – Пг., 1917; *Оль П. В.* Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. – Л., 1925; *Ронин И. Ф.* Иностранный капитал и русские банки. – М., 1926; *Слиозберг Г. Б.* Барон Г. О. Гинцбург: его жизнь и деятельность. – Париж, 1933; *Давыдов А.* Воспоминания. 1881–1955. – Париж, 1982; *Власенко В. Е.* Денежная реформа в России 1895–1897 гг. – Киев, 1949; *Гиндин И. Ф.* Банки и промышленность в России по 1917 г. – М.–Л., 1927; *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. – М., 1948; *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства. – М., 1960; *Боровой С. Я.* Кредит и банки в России (середина XVI в. – 1861). – М., 1958; *Сидоров А. Л.*

почти нет работ, которые показали бы закулисную жизнь банковского мира России через выяснение роли самых ключевых фигур. Таких фигур, как *Александр Штиглиц*, *Евгений Ламанский*, *Адольф Ротштейн*, Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. – М., 1960; *Соловьев Ю. Б.* Франко-русский военный союз в его финансовом аспекте (1895–1900 гг.) // Французский ежегодник. 1961. – М., 1962; *Соловьев Ю. Б.* Русские банки и французский капитал в конце XIX века // Французский ежегодник. 1974. – М., 1976; *Соловьев Ю. Б.* Петербургский международный банк и французский финансовый капитал... // Монополии и иностранный капитал в России». – М.–Л., 1962; *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. – Л., 1973; *Бовыкин В. И.* Зарождение финансового капитала в России. – М., 1967; *Бовыкин В. И.* Формирование финансового капитала в России. – М., 1984; *Бовыкин В. И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М., 2001; *Бовыкин В. И., Петров Ю. А.* Коммерческие банки Российской Империи. – М., 1994; *Лаверычев В. Я.* Государство и монополии в дореволюционной России. – М., 1982; *Лаверычев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. – М., 1974; *Дякин В. С.* Германские капиталы в России. – Л., 1971; Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Б. В. Ананьич, С. Г. Беляев, А. В. Бугров, М. М. Дадыкина и др. – СПб., 2005; *Беляев С. Г.* Русско-французские банковские группы в период экономического подъема 1909–1914 гг. – СПб., 1995; *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика России. 1911–1917. – СПб., 2002; *Беляев С. Г.* Алексей Иванович Путилов // Из глубины времен. Вып. 10. – СПб., 1998; *Барышников М.* Деловой мир России. – СПб., 1998; *Лебедев С. К.* Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. – М., 2003; *Петров Ю. А.* Династия Рябушинских. – М., 1997; *Петров Ю. А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. – М., 1998; *Петров Ю. А.* Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. – М., 2002; *Лизунов П. В.* Санкт-Петербургская биржа и рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). – СПб., 2004; *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. – Л., 1970; *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства; *Ананьич Б. В., Генелин Р. Ш.* С. Ю. Витте и его время; *Ананьич Б. В., Лебедев С. К.* Участие банков в выпуске облигаций российских железнодорожных обществ (1860–1914 гг.) // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX – начале XX века. – Л., 1987; *Чумаков В. Ю.* Русский капитал: от Демидовых до Нобелей. – М., 2008; Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883 – 1914 // Документы и материалы. – М. – Л., 1961.

Александр Вышнеградский, Леонид Давыдов, Алексей Путилов, Абрам Животовский, Гораций Гинцбург, Лазарь Поляков, Василий Тимирязев, Болеслав Малешевский, братья Рябушинские, Рафаловичи и некоторые другие. Большинство из них перемещались из кресел высокопоставленных государственных чиновников в кресла директоров, председателей и членов правлений крупнейших частных банков и наоборот. Некоторые одновременно умудрялись «сидеть на двух стульях»: занимали кресла чиновников и частных банкиров. Большинство из них имели связи с западными банкирами, иногда не только деловые, но и родственные. Почти все были масонами, следовательно, подчинялись указаниям со стороны высших лож, находящихся в Париже, Лондоне и других европейских столицах. Некоторые из них даже плохо говорили по-русски.

С. Фомин в своей работе «Банкиры начинают и выигрывают» совершенно справедливо отмечает: «Как одну из важнейших до сих пор нерешенных проблем исследователи отмечают неизученность персонального состава банковской элиты, на протяжении почти полувека определявшей финансовую политику России». Характеристики ряда банкиров, содержащиеся в работах С. Шарапова, могут быть вполне использованы в качестве основы для такого углубленного изучения.

Государственный банк на службе ростовщиков и «королей биржи»

Мы уже отметили, что в начале царствования Александра II в России появился Государственный банк. В учебниках по экономике обычно год образования Государственного банка (1860 г.) считают датой по-

явления Центрального банка в нашей стране. На самом деле прошло еще много времени, пока, наконец, в конце 1890-х гг. Государственный банк действительно обрел статус Центрального банка (что нашло свое отражение в новом уставе Государственного банка).

Есть смысл остановиться немного на вопросе: что такое центральный банк? Обратим внимание: раньше человечество жило без центральных банков. И очень неплохо. Деньги выпускали либо королевские монетные дворы (если речь идет о металлических деньгах), либо государственные казначейства, либо множество частных банков. Среди банков были большие и маленькие, они между собой конкурировали и разделяли сферы влияния (деньги частных банков имели ограниченное пространство обращения). Но такого банка, который бы стоял над всеми остальными и при этом имел бы монопольные права на выпуск национальных денег, не было. Первый центральный банк появился в Англии в 1694 г. (Банк Англии)¹. Потом появился Банк Франции (1800 г.), а затем в XIX веке такие институты стали появляться в разных частях света, как грибы после дождя. Большинство создававшихся в те времена центральных банков были частными структурами, организованными обычно как акционерные общества закрытого типа. Хотя они были частными структурами, но функция у них была явно государственная – обеспечивать общество деньгами – «кровью» экономики. Чем плохи были государственные ведомства под названием «казначей-

¹ Правда, следует отметить, что Банк Англии не получил тогда монопольного права эмиссии денег в стране. Его особый статус заключался в том, что он получал право кредитовать государственную казну, а также хранить на своих счетах средства государственной казны. Множество других банков в Англии продолжали свою эмиссионную деятельность. Банк Англии стал единственным (монопольным) эмиссионным центром лишь после Первой мировой войны.

ства», снабжавшие экономику законными платежными средствами в виде монет (полноценных и разменных), а также бумажных знаков, которые назывались «казначейскими билетами»?

«Профессиональные экономисты» (которые, как известно, любят жить на деньги ростовщиков) бросились «обосновывать» негодность казначейств для выполнения эмиссионной функции. Они (казначейства), мол, имеют соблазн выпускать «излишнее» количество денег (для покрытия возникающих дефицитов государственных бюджетов), что ведет к их обесценению и расстройству экономики. Надо сделать так, чтобы чиновники казначейств не могли покрывать дефициты бюджетов за счет печатного станка. При этом, по глубоко «научному» мнению «профессиональных экономистов», помогать государству контролировать нерадивых чиновников должны... ростовщики. Государство передает право выпускать законные денежные знаки «избранной» группе ростовщиков, которая организует центральный банк. А казначейству, если уж очень захочется иметь дефицит бюджета, придется покрывать его не с помощью станка, а прибегая к получению кредита у «избранной» группы ростовщиков, естественно, впоследствии покрывая свои долги перед ростовщиками за счет налогов с народа. Я не буду сейчас погружаться во многие тонкости финансового и юридического свойства.

В переводе с «профессионального» языка экономистов комбинация очень простая: *«козлам» (избранным ростовщикам) было поручено стеречь «капусту» (создавать деньги и контролировать их обращение).* «Козлы» организуются в корпорацию под условным названием «центральный банк» для того, чтобы защитить «капусту» от «вредных кроликов» (т. е. казначейства). «Козлы» давно пытались согнать с капустного поля «кроликов», и

это, в конце концов, им удалось. Раньше случалось, что «кролики» съедали несколько кочанов капусты и хозяин капустного поля (народ) это не всегда даже замечал. Теперь «козлы» на поле на вполне «законных основаниях» съедают больше половины всей капусты и хозяин поля (народ) порой начинает голодать. Раньше за «кроликами» хоть какой-то пригляд был (со стороны короля или парламента). Сейчас же все решают сами «козлы», которые получили статус «полной независимости».

Такой же фокус «козлы» стремились проделать и в России. Им это удалось, но лишь отчасти. Как пишет Шарапов, с приходом к власти «молодых финансистов» в 1860 г. был создан Центральный банк, получивший название «*Государственный банк Российской Империи*». Напомним, что, строго говоря, Государственный банк в России появился почти еще за век до этого. Речь идет об указе Петра III, изданного в 1762 г. Согласно указу, в России создавался *Государственный банк*, который должен был выпускать бумажные знаки – «ассигнации». Банк создавался по образу и подобию Банка Англии. Вскоре после упомянутого указа произошел дворцовый переворот, в результате которого к власти была приведена Екатерина II. Она отменила указ Петра III. Вместе с тем через несколько лет императрица начала выпуск бумажных денег, называемых ассигнациями. Для этого в 1786 г. были учреждены два *Ассигнационных банка* – в Петербурге и Москве. В 1786 г. они были объединены в один банк – *Государственный ассигнационный банк*. Этот банк можно считать предшественником Государственного банка, созданного в 1860 г. Государственный ассигнационный банк находился фактически в ведении государственного казначейства¹.

¹ Выпускавшиеся им бумажные денежные знаки хотя и назывались ассигнациями, но, по сути, были близки к казначейским билетам.

Государственный банк имел ограниченные полномочия, выступал в качестве комиссионера казны по техническим вопросам, относящимся к эмиссии кредитных билетов. Госбанк лишь производил обмен кредитных билетов: ветхих – на новые, крупных – на мелкие и размен на монету, а также прием монеты и слитков из золота и серебра с выдачей за них кредитных билетов. Законодательство сводило на нет его эмиссионные функции. Министр финансов являлся «непосредственным главным начальником банка» с широкими распорядительными правами и возможностью направлять всю деятельность банка.

«Молодые финансисты» очень хотели, чтобы Государственный банк с самого начала имел статус абсолютно независимого института, чтобы без оглядки на правительство и даже Царя выпускать деньги и выдавать кредиты тому же правительству. «Молодые финансисты», как пишет Шарапов, очень хотели «призвать евреев и сдать им Банк, другими словами, поставить их на страже против возможных злоупотреблений органа, которому Верховная Власть поручила распоряжение государственным и народным хозяйством... тогда господа “молодые финансисты” не смогли провести свою идею насчет обращения Государственного Банка в акционерный, и это учреждение так и осталось на ведомстве Министерства финансов, хотя и разграниченное (на бумаге) по своим оборотам от оборотов Государственного казначейства». Госбанк в те времена даже не занимался эмиссионной деятельностью. Его основной функцией было управление денежными средствами Министерства финансов, которое размещало их на беспроцентных депозитных счетах Госбанка. Кроме того, Госбанк был озадачен вопросами «выкупных платежей», связанных с отменой крепостного права и земельной реформой.

Введение золотого стандарта породило новый аргумент в пользу того, что «капустное поле» следует полностью передать в распоряжение «козлов». Шарапов пишет: «Основная черта этого денежного обращения (основанного на золотом стандарте. – В. К.) – разменность банковых билетов каждую минуту на металл. Приостановка этого размена равносильна государственному банкротству. Это обман и насилие над подданными. Во избежание этого обмана и всяких искушений для парламентарного государства орган денежного обращения в стране *отнимается у правительства* и становится особняком, ограждаясь от всяких на него воздействий серьезными и положительными статутами». Почти никто из критиков золотого стандарта в конце XIX в. не заметил эту иезуитскую хитрость ростовщиков, которые хотели полностью подмять под себя Госбанк Российской Империи.

Действительно, с приходом в Министерство финансов С. Ю. Витте и подготовкой перехода к золотому рублю в российской прессе на полном серьезе стал обсуждаться вопрос не только о выведении Госбанка из подчинения Министерству финансов, но даже полном его выведении за пределы государственной власти и превращении в *частное акционерное общество*. Вот что пишет С. Шарапов об этом проекте преобразования Госбанка в работе «Бумажный рубль (Его теория и практика)»: «Другими словами, кликнут клич по всему европейскому Израилю: “Милостивые государи! Не будет ли вам угодно получить в ваше заведование экономическое сердце России? Приходите к нам, составляйте акционерную компанию, получайте золотой фонд, печатайте бумажки и заведуйте нашим денежным обращением, т. е. *берите в полное владение с правом жизни и смерти наше сельское хозяйство, фабричную и завод-*

скую промышленности и нашу торговлю, словом, весь наш народный быт и труд во всех его видах. Государство от всего этого отрекается, ибо оно верит, что вы с этим лучше справитесь, чем оно само. Вы, конечно, на всем этом будете наживать, но ведь это торговое”».

С введением в России золотого рубля полномочия Госбанка расширились, он получил право денежной эмиссии. Но, слава Богу, до полного отделения этого института от государства и тем более превращения его в частное акционерное общество не дошло. Наверное, какую-то роль в этом сыграла активная критика финансовых «реформ», которую С. Шарапов вел в печати, а также выступая на различных собраниях.

А вот в «цивилизованной» Европе центральные банки после введения золотого стандарта окончательно «эмансипировались» от остатков влияния правительства. Но эмиссионные злоупотребления никуда не исчезли. Все равно на Западе денег выпускалось больше, чем это позволял золотой запас. Иногда это делалось нелегально, иногда легально – путем пересмотра норм покрытия денежной эмиссии золотом. Наконец, даже самые щадящие нормы стали мешать ростовщикам. Тогда они вообще отказались от каких-либо норм и отменили золотой стандарт (о чем я уже вначале сказал). А «независимый» статус Центрального банка, тем не менее, остался. «Козлы» с «капустного поля» уходить отказались.

Возвращаясь к России, отметим: приватизационные посягательства «европейского Израиля» на Госбанк Российской Империи продолжались вплоть до начала Первой мировой войны. Например, *А. Нечволодов* в своем известном труде «От разорения к достатку» пишет, что в разгар так называемой «русской» революции 1905–1907 гг. в Петербург прибыл целый ряд «международных посредников» для того, чтобы

добиться получения от России различных концессий. Всего Нечволодов называет семь таких концессий. Одна из главных – передача права выпуска денег Государственным банком Российской Империи иностранному акционерному обществу¹.

Наш сегодняшний центральный банк, называемый Банком России, был создан 20 лет назад. Думаю, что «независимость» его от государства существенно больше, чем у Госбанка Российской Империи. По сути, Банк России – «государство в государстве». Он является важным звеном в международной сети центральных банков, ядром и управляющим центром которой выступает Федеральная резервная система США (ФРС). Таким образом, Банк России фактически – региональный филиал ФРС. Кстати, ФРС – частная корпорация, в капитале которой участвуют те же самые ростовщики, которые еще в XIX веке пытались приватизировать Госбанк Российской Империи.

Современные мировые ростовщики действуют сегодня в отношении России еще более нагло, чем 100 лет назад. Они «положили глаз» даже на активы Министерства финансов (казначейства), т. е. государственные средства. В качестве примера приведем историю со швейцарским банком UBS, который в середине 2008 г. предложил нашему Минфину взять в управление средства нашего Фонда национального благосостояния (на тот момент – почти 33 млрд. долл.). Голодный «козел» по имени UBS (голодный – потому, что в условиях начавшегося финансового кризиса потерял 38 млрд. долл.) стал активно предлагать свои «услуги» по охране нашего «капустного поля». Думаю, что таких «козлов» вокруг нашего поля бродит немало. Памятуя историю Госбанка Российской Империи, изложенную Шарапо-

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 53.

вым, нам надо быть готовым к тому, что не сегодня-завтра у нас начнут обсуждать проект приватизации Министерства финансов.

ГЛАВА 5. ЗОЛОТОЙ РУБЛЬ ВИТТЕ – «МЫШЕЛОВКА» ДЛЯ РОССИИ

Золото и денежное обращение в России

Мы уже не раз отмечали, что одной из главных тем творчества С. Шарапова была тема золотых денег. В связи с этим Шарапов касался таких вопросов, как сущность золотой валюты, ее отличие от бумажных денег, причины распространения золотого стандарта в мире, угрозы перехода России к золотому рублю, последствия для России введения в стране золотых денег в конце XIX века, пути выхода России из «золотой мышеловки» и т. п.

Чтобы разобраться в хитросплетениях темы золотых денег, попытаемся для начала ответить на вопрос: а были ли в России золотые деньги раньше, т. е. до введения золотого рубля в результате денежной реформы 1895–1898 гг.? Некоторую путаницу в понимание того, что собой представляла денежная система России, вносили золотые монеты, которые в некоторых количествах чеканились в стране, в том числе и при жизни Шарапова (до введения золотого рубля С. Витте). *Чеканка золотой монеты была «экзотикой» на Руси.* Золото, конечно, накапливалось князьями и царями, но в основном оно было необходимо им в качестве международных денег (для расчетов и платежей по импорту товаров), а не для внутреннего обращения. Энциклопедия сообщает нам:

«Золотые монеты чеканились еще в X в.; чеканка золотых монет производилась и при Иване Грозном; иностранец Бухау писал, что попадались, хотя очень редко, и золотые монеты, деланные в Московском государстве. Правда, золотые деньги не играли большой роли ни в допетровское время, ни даже в эпоху Петра»¹. В царствование Петра в денежном обращении преобладало серебро: было выпущено всех монет на общую сумму 43 441 тыс. руб., в том числе *золотых* – на 706 тыс. руб. (1,6% от общей суммы), медных – на 4354 тыс. руб. (10%). Остальное (38 381 тыс. руб., или 88,4% от общей суммы) приходилось на серебро².

В период 1755–1899 гг. (с перерывами) в Российской Империи чеканились небольшие партии золотых монет, которые назывались «империал» и «полуимпериал». Империал содержал 11,61 г чистого золота. До 1838 г. империал равнялся 10 руб., с 1838 г. – 10 руб. 30 коп. (официально), в конце XIX века (после перехода к так называемому «золотому рублю» в 1897 г.) – 15 руб.³

Шарапов (до введения «золотого рубля» Витте) писал, что европейские соседи России избрали золотой стандарт, их денежная единица привязана к определенному количеству металла. Поэтому мы наши расчеты с соседними странами (по торговле и по долгам) вынуждены вести в золоте. В России имеются золотые монеты. Но они практически не используются в качестве платежного и расчетного средства внутри страны: «Мы выпускаем монету, на которой написано “пять рублей”, но эта монета вовсе не обращается внутри страны. 99/100 русского населения ни разу в жизни не произ-

¹ Деньги // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 291.

² Там же.

³ Там же. – С. 379.

вели на нее ни одной сделки, 9/10, наверно, ни разу в жизни и не видали. Видят ее только заграничные путешественники, да и то редко, а главным образом, столичные жители на выставках меняльных лавок».

Россия даже поменяла свои золотые монеты, «подогнав» их под европейский стандарт латинского монетного союза¹. Фактически это монета европейская, «на экспорт», ею пользоваться для операций внутри России не очень удобно, в России она может обращаться лишь как товар: «И вот до какой степени это (золотая монета с надписью “пять рублей”. – В. К.) не деньги для России, что правительство особую русскую золотую монету даже *вовсе уничтожило*. Наш прежний полуимпериал был несколько больше 20 франков (получается курс: 1 рубль за немногим более 4 франков. – В. К.). Недавно введен новый, совершенно равноценный 20-единичной монете, принятой латинским монетным союзом, равной 20 франкам, левам, динарам, драхам и пр. Это настоящая латинская монета, снабженная лишь профилем Русского Государя и надписью “пять рублей”. Впрочем, эта надпись также мало соответствует пяти рублям, как и надпись на кредитных билетах “предъявитель сего...” и т. д. И вот наши новые полуимпериалы прекрасно обращаются как монеты, как деньги за границей, а у нас в России если бы у

¹ Латинский монетный союз – объединение нескольких европейских стран, созданное в конце 1865 г. В него вошли Франция, Италия, Бельгия, Швейцария. Позднее (в 1868 г.) присоединилась Греция. В странах союза существовала биметаллическая денежная система, в обращение они пускали золотые и серебряные монеты, которые были унифицированы по размерам, весу и пробе (стандарт Латинского монетного союза) и которые облегчали международные расчеты между странами, входившими с союз. Подобного рода монеты также выпустили некоторые другие страны, которые в союз не вошли. В частности, Россия в 1885 г. выпустила золотые монеты империал и полуимпериал, которые соответствовали золотым монетам в 40 и 20 франков. – В. К.

кого и оказались, то, прежде чем их употреблять, было бы необходимо *продать* их, разменять их *по курсу* на русские деньги, так же как золото в слитке или любую иностранную монету. И здесь факт налицо, и его требуется лишь узаконить, провозгласить. Для этого было бы достаточно не писать на полумпериале “5 рублей”, а поставить вразумительно “Российская для внешних платежей монета. Двадцать...”, существительное подберите, какое угодно, но никак не “рублей”, чтобы не было никакой путаницы».

Зачем же правительство чеканит золотую монету, которая мало кому нужна в качестве средства платежей и расчетов внутри России? Чеканка таких «русских франков» («русских динаров», «русских драхм» и т. п.), как отмечает Шарапов, выгодно властям: «Но какая надобность выпускать эту особую монету? Не гораздо ли проще расплачиваться готовой монетой латинского союза? Ответ на это самый простой: добываемое у нас золото при обращении в монету дает казне известный доход. Доход этот небольшой, но зачем же им пренебрегать?»¹.

Итак, золотая монета была что-то наподобие иностранной валюты, которая на внутреннем рынке не была востребована, т. к. русский бумажный рубль гораздо лучше выполнял функцию средства обмена и платежа.

Россия XIX века: сосуществование бумажных и металлических денег

Фактически в стране существовала *система «параллельных валют»*, причем во внутреннем обращении

¹ В какой-то мере это можно сравнить с чеканкой нашим Банком России памятных и коллекционных монет из драгоценных металлов, что дает ему «известный доход». Понятно, что такие монеты никогда не будут использованы в качестве средства обращения и платежа.

преимущество было за бумажными деньгами, имевшими признаки абсолютных. Во время Крымской войны в казне почти не осталось золота и серебра, и обмен бумажных денег на металл был государством прекращен. После этого Россия еще четыре десятилетия жила при абсолютных деньгах, а полноценные металлические монеты (серебряные рубли, а также небольшое количество золотых) стали что-то наподобие «пятого колеса в телеге».

Шарапов говорит: принято считать, что рубль, выпущенный казной, есть подобие векселя, обещание казны обменять бумажку на золото (об этом даже в тогдашних учебниках писали). Без этого бумажки якобы перестанут быть деньгами. Лет 30–40 казна российская не платит по этим мнимым своим векселям, однако такие бумажки принимаются всеми без каких-либо сомнений. Что удивительно: даже иностранцы, которые привыкли у себя дома к металлическим деньгам, в России не обращают внимания на отсутствие размена рубля на металл: «Не правильное ли заключение, вытекающее отсюда, что рубли внутри страны ходят только потому, что это настоящие абсолютные деньги, а не гарантии их каким-то золотом, которого никому не выдают? Не ясно ли также, что и для иностранцев, торгующих с нами, это обеспечение не имеет никакого значения, а важна покупная ценность рубля внутри России?».

Бумажные деньги внутренней стоимости не имеют, они лишь знак; западным финансистам, которые привыкли иметь дело с товарными деньгами, русский рубль представляет собой непостижимую загадку: «Мы видим, – пишет С. Шарапов в работе “Бумажный рубль...”, – в жизни явление с точки зрения западных финансистов почти необъяснимое: русский рубль, величина совершенно отвлеченная, на деле изображаемая бумажкой, не имеющей сама по себе никакой стоимо-

сти, ибо потребовать законной валюты за прекращением размена нельзя и не у кого, отлично ходит и обладает замечательной внутренней устойчивостью».

Наивные те люди, как считает С. Шарапов, которые доверяют только тем бумажным знакам, на которых есть надписи, удостоверяющие право держателя обменять знаки на золото или, по крайней мере, надписи, гласящие, что данный знак обеспечен таким-то количеством золота¹. Тем более надписи на денежных знаках теряли всякий смысл, что почти никогда реальный обмен бумажных денег на металл не совпадал с тем официальным металлическим паритетом, который красовался на российской бумажке: «...золотое обеспечение, или эта магическая надпись на рубле, никакого практического значения ни для нас, ни для иностранцев не имеет. Чтобы совершенно усвоить абсолютный характер русских бумажек, достаточно себе представить, что завтра, например, правительство выпустит нового образца билеты, на которых вместо обычной надписи будет стоять: “Государственный денежный знак. Разменивается по предъявлении в каждом казначействе на знаки меньшего достоинства или на мелкую монету”. Полагают ли господа финансисты, что русская публика и иностранцы, прочтя подобную надпись, придут в

¹ Например, на советских денежных знаках (бумажных деньгах) не было надписи, что их (денежные знаки) можно обменять на золото, но надпись об обеспеченности знаков золотым запасом государства была. Исключение составил бумажный червонец, выпущенный в 1922 г. как билет Государственного банка РСФСР с номиналом 10 руб. На нем была надпись: «*Банковский билет подлежит размену на золото. Начало размена устанавливается особым правительственным актом*». Одновременно была отчеканена партия золотых червонцев в виде монет с тем же номиналом 10 руб. Однако «особого правительственного акта» так и не последовало, размен билетов на металл не производился (см.: Катасонов В. Ю. Золото в экономике и политике России. – М., 2009. – С. 83).

ужас и перестанут брать новые бумажки? Не думаем! Иностранцу это будет решительно все равно, а русская публика, наверно, будет довольна, ибо не может русский человек мириться с таким наивным самообманом...».

Для истинно русского человека, доверяющему своему государству, такие надписи излишни и даже не очень странны: «...золотое обеспечение, или эта магическая надпись на рубле никакого практического значения ни для нас, ни для иностранцев не имеет. Чтобы совершенно усвоить абсолютный характер русских бумажек, достаточно себе представить, что завтра, например, правительство выпустит нового образца билеты, на которых вместо обычной надписи будет стоять: “Государственный денежный знак. Разменивается по предъявлению в каждом казначействе на знаки меньшего достоинства или на мелкую монету”. Полагают ли господа финансисты, что русская публика и иностранцы, прочтя подобную надпись, придут в ужас и перестанут брать новые бумажки? Не думаем! Иностранцу это будет решительно все равно, а русская публика, наверно, будет довольна, ибо не может русский человек мириться с таким наивным самообманом...».

Начавшееся во второй половине XIX века *обесценение серебра в мире* (в т. ч. в России) лишний раз показало, что бумажные деньги имеют неоспоримое преимущество перед металлическими. Вот что пишет по этому поводу Шарапов: «Наступившее, начиная с Америки, всеобщее падение серебра отразилось и у нас и дало новое великолепное доказательство превосходства нашей, абсолютной денежной системы. У нас, как известно, “неприменяемая и законная единица” всех денег, обращающихся в государстве, – серебряный рубль такого-то веса. Пока золото и серебро были тесно связаны между собой, из России оба металла ушли

одновременно. Чтобы не остаться совсем без мелкой разменной монеты, было необходимо выпустить низкопробную, так называемую билонную монету, имеющую значение не монеты, а тех же почти ассигнаций. В пяти двугривенных серебра было значительно меньше, чем не только в полноценном рубле, но даже и полтиннике. Наступает обесценивание серебра. Сначала серебряный рубль, ставший таким же товаром, как и полуимпериал, ценился ниже рубля золотого, но выше рубля кредитного. Затем на минуту он сравнялся с кредитным и рубли появились у нас в обращении, но отнюдь не в качестве “законной и неприменяемой” монеты, а просто как новинка, как курьез. Прошло всего три месяца. Затем серебро подешевело еще, и полноценный серебряный рубль, законная монета, стал дешевле рубля кредитного¹. И вот эту нашу законную основную единицу перестали принимать частные люди, затем и казенные учреждения. Правительство сначала перестало чеканить рубли, затем начало отказывать в переделке на монету частного серебра (ибо это могло вызвать великие злоупотребления: вы принесли серебро, купленное вами за 80 руб. на вес, и должны получить монеты на 100руб.!) и, наконец, распорядилось исключить серебро вовсе из разменного фонда. Серебряный рубль, еще стоящий в своде законов как основная наша единица, фактически исчез, не произведя ни малейшего потрясения, и самый факт был совершенно не замечен народом. Дивились только одному курьезу: за полноценный серебряный рубль дают только четыре, а затем и три двугривенных, заключавших серебра не более чем на 30 коп. Серебряный рубль сам собой превратился в товар, разменная монета – в маленькие металлические ассигнации».

¹ Это произошло в начале 1890-х гг. – В. К.

В общем, русский человек достаточно трезво относился к металлическим деньгам, считая их и не деньгами вовсе, а лишь «капризной игрушкой», с которой лучше не связываться¹.

Когда в стране существует избыток драгоценных металлов, то нет ничего предосудительного в том, что власть чеканит металлические деньги. Именно так и было в России в эпоху становления единого государства. Но когда капитализм стал быстро развиваться в соседних странах, потребность в драгоценных металлах резко стала возрастать и дефицит их стал все более ощущаться. В этой ситуации роскошь использования драгоценных металлов в денежном хозяйстве страны становится, по мнению Шарапова, непозволительной и опасной: «Правительственная власть начала чеканить монету, и в России явилось металлическое денежное обращение. Тогда оно было совершенно естественно, ибо если в стране накапливается золото, то оно само собой стремится обратиться в деньги и заместить другие знаки. Но когда наличное количество золота в мире перестало соответствовать потребности в нем, когда выковалось острое оружие международной борьбы в виде западных банковских систем и когда вследствие этого удержание металлического обращения в стране с плохим международным балансом или отставшей в своем промышленном развитии равносильно ее разорению или кабале у евреев – королей биржи, счастлива та страна, которая, опираясь на свое государственное устройство, на силу и свободу своей верховной власти,

¹ С. Шарапов в работе «Бумажный рубль...» обращает внимание на принципиально различное отношение к драгоценным металлам русского, православного человека и еврея, иудея. У второго он наблюдает трепетное, почти религиозное отношение к золоту. Об этом он говорит, ссылаясь на «гимн золоту» И. Кауфмана, который Шарапов приводит в своей работе и о котором мы уже упоминали.

порожденной нравственным началом, имеет возможность перейти к деньгам абсолютным и отречься от золота!». Итак, Россия решила присоединиться к золотому стандарту тогда, когда уже большинство «цивилизованных» стран оказались в «золотом клубе».

«Классики» политической экономии о золоте

Но все началось с Великобритании, которая первая приняла в 1821 г. золотой стандарт. Достаточно странно, потому что «классик» английской политической экономии Адам Смит относился к золоту, мягко говоря, прохладно. Он жил и творил еще в те времена, когда введение золотого стандарта не было на повестке дня. Ростовщики уже захватили власть (буржуазные революции), но еще не сосредоточили в своих руках золото мира. Поэтому Смит просто констатирует, что происходит порча монеты, которая делает невозможным использование золота в качестве полноценных денег. Порча монеты выгодна должникам и невыгодна кредиторам. Коль скоро золото не может использоваться в качестве денег, то богатство народов заключается в тех товарах (продуктах труда), которые производятся для обмена на рынке. Уже не раз упоминавшийся нами *А. Д. Нечволодов* в работе «От разорения к достатку» писал: «Адам Смит, сказав на с. 115 кн. 2 “Богатство народов”, что “простой здравый смысл указывает – богатство страны заключается в ценности годового производства ее земли и труда, а не в количестве обращающихся в ней драгоценных металлов”, тем не менее в кн. 1 на с. 130 говорит: “Во всех странах мира корыстолюбие и несправедливость Государей и Правительств злоупотребляли

доверенностью подданных и мало-помалу уменьшили действительное количество металла, первоначально заключающегося в монетах. При содействии таких мер прибегавшие к ним Государи и Правительства приобретали, по-видимому, возможность заплатить свои долги и исполнить свои обязательства меньшим количеством денег в сравнении с тем, какое им было необходимо для этого; но это было только по-видимому, потому что в действительности они ограбили у своих заимодавцев часть принадлежащего им имущества. Такое же право было предоставлено и всем другим должникам в Государстве, которым были открыты средства уплачивать тою же нарицательной и искаженной монетой за все, что им было уступлено по прежней стоимости монеты. Поэтому такие меры были всегда выгодны должникам и разорительны для заимодавцев”.

После того, доказав убыточность, а потому и бесполезность разработки золотых и серебряных рудников, Адам Смит построил всю свою теорию “О богатстве народов”, которую обессмертил Пушкин следующими словами:

Как государство богатеет,
И как живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет¹!

А. Смит негативно относится к «порче» монет. «Порченная» монета – это уже не полноценные товарные (металлические) деньги, она в чем-то напоминает бумажные деньги: номинал «порченной» монеты и бумажных денег отличается от стоимости материала, из которых они изготовлены (внутренней стоимости).

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 44–45.

Просто степень отклонения номинала от внутренней стоимости может быть различной. Фактически и «порченная» монета, и бумажные билеты – не товарные деньги, а разновидности *денежных знаков*. Кстати, в этом Маркс единоклубен со Смитом. Однако, если Маркс призывает к восстановлению полноценных золотых денег (в интересах ростовщиков), Смит к этому не призывает, он говорит о возможности и целесообразности наращивания богатства всей нации путем производства «простого продукта», не прибегая к золоту. А к чему же? – К бумажным деньгам.

Несмотря на то, что Смит ругает королей и феодалов за «порчу» монеты, он одновременно исподволь высказывается в пользу бумажных (нетоварных) денег. Просто Смицу как выразителю интересов ростовщиков не нравится, что эмиссией «порченной» монеты (денежных знаков) занимаются аристократы. Это право должно, по его мнению, перейти к банкирам-ростовщикам.

Вот что по этому поводу пишет Нечволодов: «Даже Адам Смит, называющий грабителями всех государей средних веков, за то, что они, вынужденные увеличить количество денежных знаков в своих государствах, поневоле прибегали к перечеканке монет с уменьшением в них содержания драгоценного металла, во второй части своего труда доказывает на с. 30–37 всю благодетельность увеличения денежных знаков страны вдвое, путем выпуска частными банкирами бумажных денег, которые они давали бы в долг на проценты.

Двадцать или тридцать лет тому назад, – говорит он, – произошло нечто подобное в Шотландии вследствие учреждения новых банковских компаний во всех почти значительных городах и даже в некоторых деревнях. Мера эта вызвала именно такие последствия, какие указаны мною...

Все почти торговые операции совершаются в стране теперь уже бумажными деньгами, выпущенными этими банковскими компаниями и содействующими всякого рода продажам и покупкам. Серебра там почти не имеется, разве для размена банковского билета в 20 шиллингов, а золото встречается еще реже. И хотя образ действия этих различных компаний был не всегда безупречен, а для приведения их в порядок потребовалось даже вмешательство парламента, тем не менее они оказали большие услуги для торговых сношений страны. Меня уверяли, что торговля в Глазго удвоилась в пятнадцать лет после учреждения первых банков в этом городе и что шотландская торговля более чем учетверилась со времени учреждения двух общественных банков в Эдинбурге¹.

Почему было различие в позициях А. Смита и К. Маркса в вопросе о том, какие деньги лучше? Потому, что во времена А. Смита у Англии было крайне мало золота. А К. Маркс жил в то время, когда Европой правили *Ротшильды*, причем Ротшильды сосредоточили большое количество золота и им было выгодно введение в Европе (и во всем мире) золотой валюты. Другой представитель английской классической политической экономии – *Давид Рикардо* (1772–1823) – жил и творил позднее Адама Смита (1723–1790). Давида Рикардо совершенно справедливо называют «идеологом золотого стандарта». Не следует при этом забывать, что Рикардо был близким другом Натана Ротшильда (они вместе играли на фондовой бирже).

Известно, что *Уильям Питт младший*², благодаря которому в эпоху наполеоновских войн в Англии дей-

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 72–73.

² *Уильям Питт младший* (1759–1806) – министр финансов (1782–1783), премьер-министр Великобритании (1783–1801, 1804–1806).

ствовала система неразменных бумажных денег, находился под сильным влиянием идей А. Смита (и был лично с ним знаком).

Не всегда легко понять, что же на самом деле предлагали отцы-основатели «классической» политической экономии и их последователь Карл Маркс – золото или бумажные знаки в качестве денег? С нашей точки зрения в их предложениях (которые всегда представляют собой «научообразное» озвучивание планов ростовщиков) содержался определенный последовательный план, который озвучивался не целиком, а лишь отдельными частями. Полный план ростовщиков проявлялся постепенно, в течение примерно последних 250 лет. Суть его заключалась в следующем:

а) отнять у феодалов право чеканить монету; еще в Средние века многие монетные дворы перешли в управление ростовщиков (что-то типа концессии); затем произошли буржуазные революции, которые окончательно привели к закреплению за ростовщиками права такой чеканки; это право окончательно утвердилось, когда были созданы центральные банки;

б) перейти на чеканку полноценной золотой монеты, обеспечив золоту монопольную роль денег (отход от биметаллизма и тем более от бумажных неразменных денег – казначейских билетов), тем самым поставив под свой контроль весь мир;

в) организовать затем выпуск «порченных» золотых денег; действительно, мы видим, как мир переходил постепенно от «классического» *золотомонетного стандарта* (который сложился до Первой мировой войны) к «урезанному» (*золото-слитковому, золото-девизному*) *стандарту* в период между двумя мировыми войнами, а затем (после Второй мировой войны) к *золото-долларовому стандарту* (который просуществовал до начала 1970-х гг.);

г) наконец, полностью отказаться от металлических (даже «порченных») денег и перейти на выпуск бумажных денег.

Последние четыре десятилетия мир живет именно в условиях бумажных денег (вернее – бумажных знаков; эти знаки сегодня создаются не только и не столько на бумажных, сколько на электронных носителях).

Если бы капитализм с самого начала развивался на базе полноценных золотых денег, то он, пожалуй, не смог бы даже встать на ноги. А ведь в Англии произошла промышленная революция. Примечательно, что она началась еще до введения в стране золотого стандарта (по всем учебникам, ее старт определяется с последней трети XVIII века). В эпоху наполеоновских войн Англия вообще использовала бумажные деньги. Золотой фунт появился лишь в 1821 г. Таким образом, *английский промышленный капитализм формировался на основе не золотых, а бумажных денег!*

Об этом, кстати, пишет Нечволодов: «Таким образом, с помощью бумажных денег и только при их посредстве могут быть подняты на должную высоту наши сельское хозяйство и промышленность, подобно тому как это было сделано в Англии в конце XVIII века благодаря переходу нации на бумажные деньги, предложенному гениальным Питом»¹.

Кстати, позднее Англия, узаконив у себя золотой стандарт, ради поддержания и сохранения своего «золотого богатства» стала постепенно жертвовать своим богатством в виде «простого продукта» (торможения промышленности и сельского хозяйства). По инерции Англия продолжала наращивать свой промышленный потенциал 36 лет после введения золотого фунта, а потом резко споткнулась об этот самый золотой фунт. Об

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 66.

этом очень убедительно пишет современный западный исследователь *Уильям Энгдаль*: «После лондонской банковской паники 1857 года влиятельные круги лондонского Сити, включая директоров Банка Англии, решились на новый механизм, предназначенный для предотвращения утечки золота из лондонских банков. Паника 1857 года была результатом массового отзыва зарубежных вкладов из международных золотых запасов Банка Англии (*утечка золота, в конечном счете, происходила в результате ухудшения платежного баланса Великобритании, о чем У. Энгдаль писал выше. – В. К.*). Эти требования о немедленной выплате привели к краху банковской кредитной системы в Сити и по всей стране. В ответ на кризис власти разработали ряд мер, которые привели к простой, но опасной перестройке практики центрального банка. Контролируемый в то время не правительством, а финансовыми кругами Сити, Банк Англии просчитал, что, хотя торговые партнеры в любой момент могут осушить британские резервы, утечка золота прекратится, стоит лишь ему централизованно поднять свои процентные ставки на более высокий уровень по отношению к ставкам конкурентов. Если ставки будут достаточно высоки, то золото потечет обратно в банки лондонского Сити из Берлина, из Нью-Йорка, из Парижа, из Москвы».

Здесь мы прервем цитату. Энгдаль упомянул Москву. В это время на трон в России как раз взошел Александр II, а в Министерство финансов пришли «молодые финансисты». В стране началась экономическая либерализация, в том числе были облегчены условия для международного перемещения денег через российскую границу в обоих направлениях. Так что золото в лондонский Сити действительно потекло из Москвы, а также (в еще большей степени) – из Петербурга.

Продолжим цитату Энгдаля: «Централизованное регулирование процентной ставки стало мощным оружием, которое давало Банку Англии решающее преимущество над конкурентами. Не имело никакого значения, что ростовщически высокая ставка приводила к опустошительным кризисам в британском производстве и в сельском хозяйстве. После отмены в 1846 г. Хлебных законов (*т. е. отмены протекционистских барьеров, которые защищали сельское хозяйство Англии от иностранной конкуренции.* – В. К.) в британской экономической политике властвовали не индустрия или сельское хозяйство, а финансы и международная торговля. Чтобы удержать господство Британии в международной банковской системе, британские банкиры были готовы принести в жертву и национальную индустрию, и инвестиции...

Но последствия этой новой политики Банка Англии (регулирование процентных ставок) мстительно вернулись сторицей назад в лице «Великой депрессии», которая началась в Британии в 1873 г. и продолжалась до 1896-го»¹.

Вот и Нечволодов говорит об Англии (не об Англии времен Адама Смита, а о современной ему Англии начала XX века): «Теория эта (*теория, воплощенная в стихах Пушкина.* – В. К.) на практике, как известно, привела именно к тому, что Англия, имевшая золото, но не имеющая этот продукт, разоряется все более и более»². Иначе говоря, Россия имела перед своими глазами наглядный пример того, какие последствия создает для экономики страны принятие ею золото-

¹ Энгдаль Уильям Ф. Столетие войны. Англо-американская нефтяная политика и новый мировой порядок / Пер. с англ. – СПб., 2008. – С. 19–20.

² Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 45.

го стандарта. Энгдаль пишет, что Британия с 1873 по 1896 г. (т. е. 23 года) пребывает в состоянии «Великой депрессии». Любой грамотный русский человек знает об этой депрессии из газет. Но, к сожалению, очень многие газеты объясняют истинные причины депрессии. А российское Министерство финансов готовит введение золотого рубля.

Как создавалась «Золотая» Европа

В середине XIX века к «золотому клубу», где в гордом одиночестве пребывала Англия, присоединились ее колонии Австралия и Канада (соответственно в 1852 и 1854 гг.), а также Португалия (1854 г.)¹. Однако дальше «процесс не пошел», а указанные страны не «делали погоды» в мировых финансах.

Некоторые страны устанавливали золотой паритет своих денежных единиц, но это еще не был золотой стандарт, который предусматривал свободный и гарантированный обмен бумажных знаков на желтый металл. Например, в США в 1834 г. было определено, что 1 тройская унция золота была равна 20,67 долларам². В Японии в 1871 г. 1 иена была приравнена к 1,5 г золота.

Мир жил в основном с серебряными деньгами или использовал в качестве денег оба металла (биме-

¹ Португалия могла себе позволить золотой стандарт, т. к. имела обильные поступления золота из своих колоний. Кстати, она ликвидировала золотой стандарт раньше других стран – еще в 1891 г. (Моисеев С. Р. Денежно-кредитная политика: теория и практика. – М., 2005. – С. 96). В это время Россия еще только готовилась ввести золотой рубль.

² Указанный золотой паритет доллара США продержался ровно век, после чего он был изменен указом президента Ф. Рузвельта: 1 тройская унция золота стала равняться 35 долларам.

таллизм). Ярким примером страны биметаллизма была Франция, которая узаконила такую денежную систему в 1803 г., обеспечивала свободную чеканку монеты из серебра и золота, а бумажный франк имел твердый золотой и серебряный паритет. Некоторые страны (прежде всего Россия) опирались на бумажные деньги (такие деньги имели привязку к серебру, но обмена на металл не осуществлялось).

При этом по стоимости совокупные объемы обоих металлов, находившихся в распоряжении денежных властей мира, были примерно одинаковы; пропорции обмена золота на серебро не были постоянными, т. к. периодически происходили открытия новых месторождений золота и серебра, что меняло ситуацию на рынках драгоценных металлов. Если резко увеличивалось предложение золота, то происходило относительное удорожание серебра. Наоборот, при резком увеличении добычи серебра наблюдалось относительное удорожание золота. По инициативе Франции в 1865 г. рядом стран Западной Европы (Франция, Бельгия, Италия, Швейцария) был подписан договор о создании *Латинского монетного (валютного) союза*. В рамках этого союза устанавливался *биметаллизм*, т. е. денежные системы стран-участниц основывались как на золоте, так и серебре. При этом между золотом и серебром фиксировалось соотношение 15,5 : 1. Договор предусматривал унификацию чеканки монет, что позволяло монетам стран-участниц приниматься без каких-либо ограничений и затруднений и использоваться в качестве средства платежей и расчетов на всем пространстве союза. Позднее к Латинскому монетному союзу присоединилось еще несколько стран (Греция, Испания, Румыния, Болгария, Венесуэла и др.). Договор о

Латинском монетном союзе вступил в силу в 1866 г. Страны-участницы приступили к чеканке унифицированных по весу монет (одинаковый вес, одинаковое содержание драгоценного металла, одинаковые размеры монет), разными были лишь названия монет. Это немного напоминает осуществляемый сегодня выпуск в странах Европейского Союза международной валюты под названием «евро».

Вместе с тем параллельно шел процесс подготовки к тому, чтобы навязать миру золотой монометаллизм, в котором были заинтересованы мировые ростовщики, контролировавшие запасы золота и его добычу. В первую очередь, это были Ротшильды. Ими был инициирован международный монетный конгресс, проведенный в 1855 г. в Париже. На нем был выдвинут универсальный монетарный постулат: «Пока в государствах будут существовать различные денежные системы... частое повторение кризисов на денежных рынках со всеми пагубными последствиями для правильного хода экономической жизни неизбежно»¹.

В 1867 г. в Париже был проведен еще один международный монетный конгресс². В учебниках по экономике часто ошибочно указывают, что на указанном конгрессе был учрежден международный золотой стандарт, что конгресс дал жизнь международной валютной системе, которую стали называть «парижской». Конгресс был проведен по инициативе

¹ Цит. по: Антонов М. Капитализму в России не бывать! – С. 571. Видимо, «молодые финансисты», пришедшие к управлению российскими финансами в конце 1850-х гг., взяли на вооружение указанный постулат монетного конгресса 1855 г., т. к. немедленно стали перестраивать российские финансы на западный лад.

² В современной экономической литературе его также называют Парижским монетным конгрессом, Парижской валютной конференцией и т. п.

императора *Луи Наполеона III*¹, который пригласил на встречу представителей 20 стран. Император находился под сильным влиянием Лондона и Ротшильдов (как английских, так и парижских). Он стремился добиться от Конгресса однозначной поддержки идеи создания международного золотого стандарта, что было выгодно Ротшильдам.

Поразительно, что конгресс проводился в Париже, где за два года до этого был создан Латинский монетный союз, закрепивший биметаллизм. Также поразительно, что золотого стандарта в то время еще нигде не было – за исключением Англии (и ее колоний). В нашей литературе в искаженном виде представляют результаты работы Конгресса. Большинство участников встречи не выразило поддержки идеи международного золотого стандарта. Желаемое выдавалось за действительное, и здесь немало поработали газеты, подконтрольные Ротшильдам. После Парижского конгресса прошло еще несколько лет, прежде чем к Англии с ее золотым монометаллизмом стали присоединяться другие страны².

Лишь через несколько лет после Парижского монетного конгресса начался массовый переход европейских стран к золотому стандарту. В результате *франко-*

¹ *Наполеон Бонапарт III* (полное имя – Шарль Луи Наполеон Бонапарт; 1808–1873) – последний монарх Франции. Президент Франции с 1848 г. После переворота 1851 г. – император Второй Империи. Конец правлению Наполеона III **положила франко-прусская война. По мнению многих исследователей, Наполеон Бонапарт III пришел к власти благодаря поддержке со стороны Ротшильдов и, находясь у власти, действовал в их интересах. Более того, некоторые из исследователей полагают, что Луи Наполеон не имел никого родства с Наполеоном I и был одним из отпрысков клана Ротшильдов (см.: Череп-Спридович А. И.. Указ. соч. – С. 109–111).**

² См.: Steven P. Reti. Silver and Gold. The Political Economy of International Monetary Conferences, 1867–1892. – Westport, 1998.

прусской войны 1870-1871 гг. проигравшая ее Франция выплатила Германии громадную контрибуцию золотом (5 млрд. франков). Примечательно, что в казне достаточно разоренной войной Франции такого количества золота не оказалось. Как отмечает С. Шарапов в работе «Денежная сила Франции», «всей наличной монеты в золоте и серебре, которая находилась в стране, не хватило бы на уплату и четверти контрибуции»¹. Франция получила его от ряда европейских стран в виде займа. «Услугу» по организации займа и размещению облигаций Франции оказали Ротшильды, которые были заинтересованы в навязывании золотого стандарта Германии. Кстати, об этой операции, называемой «*займом свободы*», достаточно подробно пишет С. Шарапов. Он отмечает, что «по окончательному расчету Франция выплатила Германии 5 315 758 853 фр.». Приводимые им данные свидетельствуют, что за счет внешних займов было покрыто 80% контрибуции².

Во многих работах отмечается, что немецкий финансист и политик *Бамбергер* предложил правительству Германии перейти на золотой стандарт³. Однако, вероятно, главную роль в принятии решения о переходе Германии на золотую валюту сыграл первый канцлер Германии *Бисмарк*, который находился под сильным влиянием Ротшильдов⁴.

¹ Шарапов С. Денежная сила Франции. Экономический этюд. – Екатеринбург, 1900. – С. 18.

² Немногим более 1 млрд. франков были получены из казны Франции в виде золотых и серебряных монет, а также банковских билетов, включая 326 млн. франков вознаграждения за залог Восточных железных дорог. 4 млрд. 248 млн. франков представляли собой векселя на иностранные государства (см.: Шарапов С. Денежная сила Франции. – С. 17–19).

³ Об этом, в частности, пишет Г. В. Бутми в работе «Золотая валюта».

⁴ См.: Череп-Спиридович А. И. Указ. соч.

После введения в Германии золотой марки в 1873 г. в стране появился излишек серебра, который она начала обменивать на золото. Это привело к падению цен на серебро на мировом рынке и сделало денежное обращение, основанное на биметаллизме, неустойчивым. Появились разговоры, что серебро якобы плохо стало справляться со своими функциями денежного металла и надо опираться на более стабильное золото¹. Вскоре после введения золотой валюты в Германии Франция ограничила свободную чеканку серебра. Постепенно обозначилась тенденция бегства от серебра к золоту. Вот как описывает этот процесс современный специалист по золоту *Питер Бернстайн*: «Германия пожинала плоды над Францией, одержанной в 1871 г. Конtribusiция, выплаченная Францией, уменьшила необходимость реализации серебра в целях закупки золота. Немцы ждали до 1873 года, чтобы начать продажу серебра, и даже надеялись, что часть его купит Франция. Французы не только отказались сотрудничать в этом вопросе, но даже пошли еще дальше. 5 сентября 1873 г., на следующий день после окончания выплаты контрибуции, Франция сократила ежедневный выпуск серебряных монет до 280 тыс. франков в день, а в ноябре снова уменьшила его до 150 тыс. франков. Это привело к новому резкому падению спроса на серебро.

Франция перестала себя насилловать. Слишком многие страны присоединились к волне продаж, стараясь избавиться от запасов серебряных денег, которые дешевели не по дням, а по часам. Процесс нарастал, как снежный ком. Решение, принятое Францией скорее из тактических, а не стратегических соображений, приве-

¹ Подробнее см.: *Антонов М.* Гл. 19. Предреволюционная Россия: капиталисты без капитализма // Золотая удавка на шее России // Капитализму в России не бывать!

ло к падению цен на серебро с более чем 60 пенсов за унцию в 1860-х гг. до $52\frac{3}{4}$ пенса в 1876 г. и 51 пенса к концу 1870-х гг. К этому времени на рынке унция золота стоила в 18 раз дороже унции серебра; к концу столетия она стоила уже в 30 раз дороже унции серебра»¹.

После Германии к «золотому клубу» присоединились: Швеция (1873 г.), Нидерланды (1875 г.), Норвегия (1875 г.), Финляндия (1877 г.), далее процесс пошел лавинообразно². Ядро «золотого клуба» сложилось уже к концу 1870-х гг. В него вошли Великобритания, Германия, Франция (с 1878 г.) и США (с 1879 г.). Россию мировым ростовщикам удалось затащить в «золотой клуб» лишь через четверть века после начала победоносного шествия золотого стандарта по миру.

«Золотая» Европа и «Великая депрессия» 1873–1896 гг.

Мы уже отметили одно неприятное следствие вступления стран в «золотой клуб» – погружение в *экономическую депрессию* вследствие начавшейся *дефляции* (всеобщего падения цен). Г. Бутми, ссылаясь на западные источники, приводит такие данные. За период 1848–1873 гг. производство всех товаров в Западной Европе возрастало в среднем за год на 2,75%. Этого роста не хватало для возрастающих потребностей населения. Цены товаров за этот период возросли на 18–20%. С 1873 по 1885 г. производство товаров возрастало только на 1,6%, при этом цены упали на 22–25%. Бутми с иро-

¹ Бернштейн Питер. Власть золота. История наваждения. – М., 2004. – С. 219.

² Подробнее см.: Моисеев С. Р. Денежно-кредитная политика: теория и практика. – М., 2005. – С. 92–98.

нией пишет: «С 1885 по 1895 г. благоденствие человечества еще более увеличивается и цены товаров падают еще на 20%». Конечно, никакого роста благоденствия не было. Было снижение уровня жизни и рост нищеты: «Рядом с общим падением цен падает и заработная плата. Народы стали скромнее – питаются больше картофелем, а иногда и лебедою. 1891 год показал нам, что бывает иногда недостаток в картофеле и лебеде и люди мрут от голода. Это называется перепроизводством»¹. Действительно, многие «профессиональные» экономисты пытались объяснить экономические неурядицы в Европе перепроизводством товаров, назвав эти неурядицы «кризисом перепроизводства» (этот термин до сих пор широко используется в современных учебниках по экономике)².

Бутми в книге «Золотая валюта» на основе детальной статистики развенчивает этот миф: «В 1873 г. Германия признала марку единственной валютой. С тех пор в течение 23 лет кризис есть общепризнанное состояние земледелия, промышленности, торговли Европы и Соединенных Штатов ... цены товаров значительно поднялись со времени открытия золота в Калифорнии и

¹ Бутми Г. В. Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира. – С. 37.

² Об абсурдности термина «кризис перепроизводства» я пишу в своей книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном». Какое может быть перепроизводство товаров, если во время кризисов люди голодают и бедствуют, не будучи способными приобрести жизненно необходимые средства существования! А не способны они не потому, что не способны трудиться, а потому, что в экономике не достает денег как средств обмена и платежа. Причины этого кризиса заложены, прежде всего, в сфере денежного обращения, конечными виновниками (и творцами) этого кризиса являются банкиры-ростовщики. Маркс в своем «Капитале» аккуратно обошел этот вопрос, обвинив в возникновении «кризисов перепроизводства» капиталистов-промышленников и капиталистов-торговцев.

Австралии до 1873 года, а с 1873 года не переставали падать и достигли уровня более низкого, чем в какой-либо иной период нашего столетия...»¹.

Далее Бутми для подтверждения своей точки зрения об отсутствии признаков кризиса перепроизводства цитирует различные иностранные источники.

«Кроме отсутствия прибылей характерным признаком настоящего кризиса, отличающим его от всех предшествовавших, является продолжительность времени предполагаемого перепроизводства. Во всякой отрасли промышленности случается, что производство превышает спрос, но эти уклонения исправляются сами собою в очень короткое время... Гораздо труднее объяснить себе систематический избыток производства в течение продолжительного времени, от которого потребители выигрывают мало или ничего не выигрывают, как единогласно утверждают опрошенные нами эксперты» (*Trade Depression Commission*, Англия)².

«Пока дешевизна вызывается не ростом производства товаров, но изменением отношения между мерою и измеряемыми предметами (деньгами и товарами)... эта дешевизна никому не может дать продолжительных выгод» (*Henry Gibbs*, английский финансист)³.

«Понижение цен, происходящее не от избытка товаров, но от недостатка денег, – это кризис медленный, предательский, продолжительный.

Медленный и продолжительный кризис – это фермер, который не может оплатить аренды.

Это понижение арендной платы, и земля, превращающаяся в состояние целины, как это наблюдалось в Англии.

¹ Бутми Г. В. Указ. соч. – С. 41.

² Там же. – С. 42.

³ Там же.

Это купец, который принужден продать дешевле, чем купил.

Это промышленник, принужденный продать фабрикованный товар дешевле, чем ему обошлось сырье.

Это угнетение и застой в делах.

Это деньги, накапливающиеся без применения в банках, а отсюда – понижение дисконта (процента по кредитам при учете и переучете векселей. – В. К.)» (*Emile de LaYeleye*, выдающийся бельгийский экономист)¹.

Одно из неприятных последствий вызванной золотой валютой дефляции – разгул *спекулятивной игры на понижение*. «Постоянно вздорожание золота, способствуя постоянному понижению всех цен, вызвало к жизни своеобразный способ торговли – продажи на сроки со спекуляцией на понижение. Этот способ торговли – вредный результат ошибочной денежной системы – еще более способствует дальнейшему понижению цен. Спекуляция на понижение, довершая разорение земледелия и промышленности, всегда будет давать верные барыши убежденным спекулянтам, пока золото будет возрастать в цене»². Таким образом, помимо банкиров-ростовщиков явными защитниками золотой валюты становятся спекулянты: «Вся задача для них (*спекулянтов*. – В. К.) в том, чтобы способствовать дальнейшему вздорожанию золота»³.

Экономическая депрессия внутри стран с золотой валютой неизбежно отражается негативно и на международной торговле. Бутми отмечает, что в период 1850–1860 гг. международная торговля переживала небывалый рост (почти на 100%), и главной причиной такого бума считает резкое увеличение добычи драгоценных металлов, преимущественно золота (Калифорния, Австралия).

¹ Бутми Г. В. Указ. соч. – С. 42

² Там же. – С. 62.

³ Там же.

А что далее? «С 1870 по 1880 г., в период, непосредственно следующий за демонетизацией серебра в Германии и прекращением свободной чеканки во Франции, торговля Европы возрастает за 10 лет только на 39%, между тем как вне Европы наплыв изгоняемого из Европы серебра вызывает возрастание торговли за то же десятилетие на 57%»¹. Добавим также: несмотря на серьезные трудности внутреннего экономического развития, Россия с ее кредитным рублем в указанное десятилетие также имела более высокие темпы роста торговли, чем Европа.

Такие страны, как Россия, Индия, Китай, Япония, которые имели серебряную валюту, получали выигрыш, укрепление своих конкурентных позиций после введения золотой валюты на Западе. Впрочем, благоденствие указанных стран было непродолжительным. Г. В. Бутми пишет: «В 1893 г. указом английской королевы в Индии была прекращена свободная чеканка серебра, вызвавшая, однако, лишь впоследствии значительное удорожание индийской рупии. Как только это вздорожание рупии наступило, наступил и в Индии кризис со всеми его ужасами, до голода включительно»². О Японии: «Япония ввела у себя золотую валюту в октябре 1897 г. Менее чем через год после этой реформы из Японии стали также доноситься жалобы на застой в делах и на безденежье»³.

¹ Там же. – С. 51.

² Там же. – С. 57.

³ Там же. После того как Япония попала в сети золотого стандарта, она стала сильно зависимой от мировых ростовщиков, которые стали активно подталкивать эту страну к войне с Россией, во-первых, проявляя готовность предоставить Японии займы для восстановления ухудшившегося экономического положения; во-вторых, намекая, что Япония, победив Россию, сможет хорошо обогатиться на контрибуциях с побежденного соседа. А. Д. Нечвалодов пишет, что Японии «вследствие принятия золотой валюты оставалось, чтобы отсрочить свое разорение, только одно решение – искать войны с надеждой на богатую контрибуцию» (Нечвалодов А. Д. Указ. соч. – С. 29).

Наивно думать, что процесс распространения золотого стандарта по миру был «естественным» и «стихийным». Добровольно ни одна страна такого стандарта принимать не желала. Мировые ростовщики этот золотой стандарт навязывали хитростью и силой, используя подкуп государственных лиц, интриги, угрозы, давление через подконтрольные газеты. Один из виднейших экономистов и финансистов Англии канцлер казначейства *Крошен* (Croschen) в 1878 г. говорил: «Попытки распространить исключительное употребление золота есть не только утопия, но утопия логичная и пагубная»¹.

По мере движения к XX веку у России становилось все меньше оснований для того, чтобы присоединиться к этому «клубу» и подпадать под влияние «евреев – королей биржи». Тем больше было у России мотивов в пользу сохранения и укрепления денежной системы, основывающейся на бумажных деньгах, формально имеющих «серебряное содержание».

Второе неприятное для общества следствие перехода на золотую валюту – *резкое (одномоментное) увеличение долгов* тех, кто должен был банкирам-ростовщикам. Ведь отказ от одного из денежных металлов – серебра – означал в целом уменьшение количества денежного металла примерно вдвое (в стоимостном выражении). Значит, цены на все упали в два раза, а покупательная способность одной денежной единицы (фунта, марки, франка и т. п.) возросла в два раза. Стало быть, банкиры, которым должны заемщики, стали в два раза богаче. А должник? Предположим, предприниматель должен был до перехода к золотым деньгам кредитору 100 000 франков. Предположим, что предприниматель производил швейные

¹ Цит. по: *Бутми Г. В.* Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира. – С. 59.

машинки по 1000 франков за машинку. Ему надо было продать 100 машинок для того, чтобы рассчитаться с кредитором. После введения золотого франка цена машинки упала до 500 франков. Для того чтобы погасить свой долг, предпринимателю надо будет продать уже не 100, а 200 машинок.

Резко возросли мощь и влияние банкиров. Г. В. Бутми в книге «Золотая валюта» писал: «Вздорожание золотого суверена обогащает небольшую группу банкиров за счет всего человечества». Он объясняет: *«Вся сумма денежного богатства банкиров, лишь в незначительной части представляя самостоятельное металлическое богатство, почти полностью составлена из долгов остального человечества. Для того, чтобы был человек, который имеет 100 000 ф. ст., необходимо, чтобы был другой человек или группа людей, которые должны эти 100 000 ф. ст.»*¹.

Вздорожание золота не просто делает богаче хозяев золота, оно одновременно делает беднее всех остальных, резко усиливается *социально-имущественная поляризация общества*: «Если вздорожание суверена, вызванное распространением золотой валюты, увеличивает вдвое богатство человека, который имеет 100 000 ф. ст., то это же вздорожание суверена увеличивает вдвое бремя долгов человека, который должен эти 100 000 ф. ст.... Дебитор, т. е. все трудящееся человечество, должно отдать вдвое больше товаров – произведений своего труда, чтобы уплатить тот же самый долг своему кредитору – банкиру»².

Чем больше становилось членов «золотого клуба», тем более дефицитным становился желтый металл в мире, тем все более очевидным становилось разрушительное

¹ Там же. – С. 26.

² Там же.

действие золота на государства-члены «золотого клуба». Протесты общественности и отдельных групп предпринимателей против золотого стандарта стали звучать все громче в этих странах. Достаточно отметить, что после введения в Соединенных Штатах золотого стандарта в 1879 г. там появилось организованное движение за возвращение к серебряному или биметаллическому стандарту. В 1890 г. через Конгресс США удалось даже провести закон, обязывавший казначейство страны закупать крупные партии серебра, что фактически означало восстановление биметаллизма. Однако под давлением лоббистов Уолл-стрит уже в 1893 г. указанный закон был отменен. Главным вопросом президентских выборов в Америке в 1896 г. был вопрос о том, останется ли в стране золотой стандарт, или она вернется к биметаллизму. За первый вариант выступал кандидат от республиканской партии *Уильям Мак-Кинли*, за второй вариант – кандидат от демократов *Уильям Брайан*. Лозунгом последнего были слова: «Вам не удастся надеть на трудящихся терновый венец и распять на золотом кресте». Морганы, Рокфеллеры и другие банкиры Уолл-стрит мобилизовали все свои ресурсы для того, чтобы не допустить победы Брайана. Им удалось провести в Белый дом своего ставленника Мак-Кинли, после чего золотой стандарт утвердился в Америке почти на четыре десятилетия¹. После своей победы в Соединенных Штатах мировые ростовщики мобилизовали все свои силы на России, действуя через своего ставленника С. Витте и стремясь «распять» Россию на «золотом кресте».

¹ См.: *Ротбардт Мюррей*. История денежного обращения и банковского дела в США. – Челябинск, 2005. – С. 193–207; *Бернстайн Питер*. Власть золота. История наваждения. – М., 2004. – С. 242–246. Отметим, что в 1900 г. Конгресс США принял специальный закон о золотом стандарте, закрепивший политическую победу сторонников золотой валюты.

Вместе с тем Россия со времени воцарения *Александра II* стала сходиться с тропинки бумажных денег, протоптанной *Канкриным* и другими отечественными финансистами эпохи *Николая I*. Пришедшие в Министерство финансов «молодые финансисты» в лице *Е. Ламанского*, *В. Безобразова* и других активных молодых людей вместо того, чтобы совершенствовать дошедшуюся им в наследство денежную систему страны, начали ее ломать. Они равнялись на Западную Европу, которая для них была «эталоном цивилизации». В том числе «эталоном» организации финансов. Однако перед глазами «молодых финансистов» не было еще живой картины тех разрушительных последствий, которые возникли у европейских стран после перехода к золотым валютам. А министры финансов *Бунге*, *Вышнеградский* и особенно *Витте* были свидетелями экономической депрессии 1873–1896 гг. и социальных протестов против золотой валюты на Западе. Стало быть, они сознательно готовили страну, чтобы ее «распять на золотом кресте» в угоду мировым ростовщикам и «королям биржи».

Закат промышленного капитализма. Финансовый капитал

Многие исследователи обратили внимание, что *переход к золотой валюте означал изменение всей модели капитализма*. Суть изменений в том, что банковский капитал окончательно подчинил себе капитал промышленный и торговый. Описывая ту депрессию, в которой находилась экономика «золотых» стран Европы, *Г. Бутми* отмечал, что промышленный и торговый капитал перестал обеспечивать их владельцам даже

минимальную прибыль. Тяжелейшие времена переживали не только простые люди, которые в капиталистическом обществе выступали в качестве наемной рабочей силы, но и капиталисты – промышленные и торговые. Единственной «твердой кочкой» в этом опасном, топком болоте экономической депрессии оставались банки. И промышленные, и торговые капиталисты пошли на поклон к банкирам-ростовщикам. Банки раскинули свои цепкие щупальца на все общество и использовали золото в качестве своеобразного «магнита», позволяющего стягивать созданные ранее богатства.

Очень хорошо эту новую ситуацию обрисовал Г. Бутми в книге «Золотая валюта»: «Среди общего кризиса, за неимением выгодного применения, капитал накапливается в банках, довольствуясь ничтожным процентом. Во-первых, он ускользает от неизбежных потерь в торговле и промышленности. Во-вторых, в то время как вокруг него все приходит в упадок и падает в цене, его приобретательная сила растет... Угрожаемый неизбежными убытками, если он вздумает действовать, уверенный в прибыли, если он останется неподвижным, капитал извлекается из обращения и отказывается от производства...Цены падают; потребление понижается; сбыта нет; машины гасят огни; рабочие остаются без работы. Получается общий застой, неправильно приписываемый то перепроизводству, то иностранной конкуренции»¹.

И далее Бутми продолжает: «Подобно тому как голодная толпа гибнет перед магазином, заполненным хлебом, не имеющим сбыта, промышленность погибает от безденежья рядом с банками, переполненными капиталами, которые ищут и не находят себе помеще-

¹ Бутми Г. В.. Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира. – С. 39–40.

ния в верных предприятиях. Верных предприятий нет среди *общего кризиса*»¹.

Если сравнивать экономику с живым организмом, то этот экономический организм складывается из отдельных клеток – промышленных и торговых предприятий. Эти *клетки – предприятия* – при капитализме находятся в подавленном, больном состоянии. На их фоне выделяется небольшое количество иных клеток. Это банки, которые являются раковыми клетками экономического организма, пожирающими здоровые клетки – предприятия. *Клетки – банки* – с начала существования капитализма подавляли здоровые клетки – предприятия, ограничивая поступление денег (крови) в экономический организм, затрудняя нормальные процессы метаболизма (обмен товарами). При переходе на золотой стандарт количество денег (крови) резко уменьшилось и процесс пожирания здоровых клеток (предприятий) раковыми клетками (банками) стал более интенсивным. Переход на золотую валюту вызвал опасные мутации в экономическом организме.

«Переход на золотую валюту, – пишет современный исследователь *М. Антонов*, – ознаменовал важный этап развития капитализма – установление главенства ростовщического, банковского, финансового капитала над капиталом промышленным, производственным. И хотя позднее стали говорить о “сращивании” промышленного и финансового капитала, на деле это “сращивание” происходило в виде подчинения промышленности, вообще производства банкам»².

Впрочем, некоторые исследователи еще в начале XX века обратили внимание на эту важную «мутацию» капитализма. Например, немецкий социалист *Рудольф Гильфердинг* (1877–1941) написал фундаментальный

¹ Там же. – С. 40. Курсив мой. – В. К.

² *Антонов М.* Экономическое учение славянофилов. – С. 274.

труд «*Финансовый капитал*» (1910). В нем он констатировал начавшееся в последние десятилетия XIX века «сращивание» промышленного и банковского капитала и образование на этой основе качественно нового капитала – финансового. Вместе с тем он не оспаривал доминирование в указанном альянсе капитала банковского над промышленным капиталом. Наоборот, Гильфердинг рассматривал это «сращивание» как «прогрессивное явление», как переход общества к «организованному капитализму» под эгидой мировых банкиров¹.

Впрочем, о том, что капитализм после воцарения в мире золотого стандарта перешел в свою новую фазу, констатировали еще до Гильфердинга многие русские мыслители и патриоты. Но в отличие от Гильфердинга, обслуживавшего (под прикрытием социалистических лозунгов) интересы мировых ростовщиков, они рассматривали этот переход как смертельно опасный для всего человечества, в том числе России. Например, генерал *Нечволодов* в 1906 г. в своей работе «От разорения к достатку» писал: «Владельцами же этого золота являются международные торговцы деньгами, короли биржи: гг. Ротшильды, Карнеджи, Мендельсон, Монтефиоре, Блехредер, Стерн, Фильд, Гальб, Фульд, Эпштейн, Опенгеймер, Леви, Штерн, Кон, Фульд, Поляков, Малклиель и

¹ О финансовом капитале в начале XX века писал также В. Ленин. Наиболее развернутая характеристика финансового капитала дана им в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916). Примечательно, что Ленин не связывал появление финансового капитала с переходом основных стран к золотому стандарту, а в качестве причин его возникновения называл процесс концентрации и централизации капитала. Как истинный марксист, он считал, что указанный процесс был обусловлен «объективными причинами», обусловленными «развитием производительных сил». Кроме того, он рассматривал сращивание производительного и банковского капитала как соединение равных начал. Тем самым Ленин продолжал линию Маркса, который всячески камуфлировал особую, ведущую роль банковского капитала в становлении и развитии капитализма.

др. Торговцы эти являются не только фактическими владельцами всего золота, находящегося на земном шаре; оно составляет лишь незначительную часть его богатств, т. к. портфели их обременены многочисленными обязательствами, состоящими из долгов всего человеческого мира, и притом обязательствами, переведенными ныне, на уплату золотом же. Люди эти свято помнят завет Моисеев, данный им своему народу в пустыне: Ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать в займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать (Втор. 15:6)»¹.

Вот и Шарапов в работе «Бумажный рубль...» отмечает, что Запад с переходом на золотой стандарт вошел в новую стадию своего развития: «Итак, вот стадии финансового развития золотого Запада:

1) золото как деньги (первая власть евреев как ростовщиков);

2) система банков и банковских билетов как заместителей золота (вторая власть евреев как банкиров и финансистов, начало их обогащения);

3) процентные займы государств, царство биржи в стране (третья ступень власти евреев – ростовщичество государственное и затем полное миродержавство)»².

Итак, Шарапов жил в то время, когда Запад вошел в третью стадию, когда должниками ростовщиков стали целые государства, которые ради поддержания золотого стандарта вынуждены были идти на поклон к хозяевам золота. А данниками ростовщиков стали все народы, поскольку с ростовщиками государства расплачивались народными налогами.

Ранее мы цитировали Бутми, который для описания капиталистической экономики начиная с 70-х гг.

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 14–15.

² Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 150.

XIX века использовал выражение «*общий кризис*». Примечательно, что этот термин стал популярным лишь через много десятилетий: в третьей Программе КПСС, принятой на XXII съезде коммунистической партии (1961 г.), было сказано, что начиная с Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 года капитализм стал переживать процесс постепенного распада и умирания. Этот процесс был назван «общим кризисом капитализма», а сам термин на протяжении трех последующих десятилетий широко использовался в партийной пропаганде. В целом социально-экономическая и политическая характеристика общего кризиса капитализма, содержащаяся в партийной программе, была достаточно объективной и взвешенной. Естественно, коммунисты не могли увидеть и раскрыть духовных причин указанного кризиса. Хотелось бы также обратить внимание, что отсчет общего кризиса капитализма следовало бы вести не от 1917 г. и даже не от 1914 г. Он начался гораздо раньше. А именно с того времени, когда мир оказался в сетях золотого стандарта, когда производственные потенции капитализма были подорваны и он из промышленного капитализма превратился в *финансовый*.

Финансовый капитализм, в свою очередь, приобрел такие яркие свойства, как *паразитизм* и *агрессивность*. Про паразитизм мы уже сказали выше, сравнив банки с «золотым магнитом», который стягивает труд и богатства многих народов. Финансовый капитал также порождает агрессивность: организованный банкирами-ростовщиками всемирный «денежный голод» стал подталкивать отдельные страны к тому, чтобы захватывать рынки сбыта для реализации продукции своих компаний. Без внешних рынков национальный капитал не может получить необходимого золота, а без золота невозможно ка-

питалистическое производство¹. О решающей роли внешних рынков для существования капитализма в отдельно взятой стране писал еще Маркс. Эту мысль продолжил и развил Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» в конце XIX века. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В. Ленин в качестве главной причины войн в условиях монополистического капитализма (империализма) называл образование монополий, начавших борьбу за международные рынки сбыта, сферы приложения капитала, источники сырья, раздел и передел мира. Однако Ленин не раскрыл особой роли банков в подготовке условий для развязывания мировой войны. Ленин также не показал, что *одной из первопричин мировой войны стал переход ведущих стран мира и России к золотой валюте*. По выражению Бисмарка, «золото есть слишком узкое одеяло, из-за которого спорят народы»². Введение золотого стандарта в Германии в 1873 г. (при Бисмарке) дало старт подготовке мировой войны. Причем в эпицентре военных действий оказалась сама же Германия, которая связала себя с золотой валютой за четыре десятилетия до начала Первой мировой войны.

Алгоритм финансовых «реформ», или путь России в «золотую мышеловку»

В наших учебниках русской истории пишут очень путано и невнятно о финансовых реформах последних

¹ Все это лишний раз доказывает, что марксизм-ленинизм очень аккуратно обходил некоторые «чувствительные» вопросы, связанные с глубоким пониманием капитализма. Подробнее об этом см.: *Катасонов В. Ю.* О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 1, 2.

² *Бутми Г. В.* Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира. – С. 37.

50 лет существования царской России. А Шарапов нам объясняет все очень просто и убедительно (тем более что он был свидетелем многих событий, связанных с финансовой «реформой»). Если опустить детали, то алгоритм (последовательность шагов) «реформаторов» был следующим.

Шаг первый. Сначала произошло резкое сжатие денежной массы в экономике за счет ликвидации многих кредитно-банковских учреждений России и принудительного по сути перевода денежных средств с депозитов в процентные бумаги. Шарапов писал об этом первом роковом шаге финансовой реформы¹: «Господа молодые финансисты, приступив к разрушению старой нашей системы финансовых учреждений, прежде всего постарались ввести вместо вкладов, *не допускающих биржевой игры*, процентные бумаги или *бумагу-товар*...

Государство добровольно само себе связало руки и фактически отреклось от управления денежным обращением...

Свободные капиталы были изъяты из народного обращения и скрыты в бумагу-товар.

Положено было прочное начало тунеядству на государственный счет и широкой биржевой игре.

Земледелие и промышленность были лишены орудия обращения – денег.

Все это находилось в тесной зависимости от введения системы внутренних и внешних займов, т. е. выпуска государственных процентных бумаг».

Шаг второй (по времени примерно совпадающий с первым). В это время происходила отмена крепостно-

¹ Подробное описание первого этапа реформ (1856–1864 гг.) можно найти в одной из ранних работ С. Шарапова «*Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве*», опубликованной в 1886 г. (глава «Как разоряются государства»). В книгу «Россия будущего» данная работа не включена.

го права, Россия от натурального хозяйства переходила к рыночным отношениям, и потребность в деньгах резко возросла по сравнению с дореформенным периодом (дополнительная потребность в деньгах была обусловлена необходимостью крестьян осуществлять так называемые «выкупные платежи»).

Шарапов пишет: «Читается манифест 19 февраля. Все стало делаться на деньги. Владелец на все *нанимает* и за все *расплачивается*. Крестьяне за все *платят*. Знаков против прежнего нужно, по крайней мере, втрое, ибо сразу все сделки переходят из натуральных в денежные».

В результате был спровоцирован «денежный голод» в экономике России. И барин (бывший помещик), и крестьянин (бывший крепостной) оказываются оба у «разбитого корыта»: «Бросился барин искать денег на свое новое хозяйство, бросился и мужик. Барин продал свое выкупное свидетельство за 65 коп. за рубль; кулак, чтобы дешево купить мужицкий труд и продукт, продал полученную им банковую бумагу (вместо прежнего вклада) тоже за 65–70 коп. и начал эксплуатировать и барина, и мужика». Отметим, что эксплуатация барина выражалась в том, что кулак скупал дешево произведенный на помещичьих землях продукт; крестьяне продолжали трудиться у помещика частично за деньги, частично отработывая барщину для покрытия обязательств по выкупу земли.

Шарапов продолжает описание бедствий: «Спокойные капиталисты в это время купили 5-процентную ренту за 65 коп., т. е. начали на свой капитал получать почти 8% *от государства* в виде пожизненной пенсии за то только, что направили свой капитал не непосредственно в дело, а в печь во дворе Государственного банка (таким образом, процентные бумаги способ-

ствовали развитию паразитизма в русском обществе и тормозили промышленное развитие. – В. К.)... выкупные свидетельства заменили собой те бумажки, которые было необходимо выпустить ради удержания на надлежащей норме денежного обращения после 1861 г., вместо этого: осталась земля и на ней барин и мужик с голыми руками, с обесцененным трудом, без оборотных средств, а кругом них, словно вампиры, денежные спекулянты, для которых 8% в виде купонов было мало, ибо около изнемогавших в агонии землевладельцев и земледельцев можно было погреть руки, можно было заработать не 8, а сто на сто. И зарабатывали! Этот мартиролог изложен в самых ярких чертах не газетными репортерами, а правительственной комиссией по исследованию упадка сельского хозяйства, работавшей еще в 1873 г.!».

Шаг третий. Были созданы, таким образом, благоприятные условия для ростовщиков, которые, используя тяжелое финансовое положение российского товаропроизводителя и простого человека, стали наживать большие проценты; начался «бум» создания банков. Сначала это были банки с участием отечественного капитала¹.

Шаг четвертый. Постепенно в банковском секторе России ключевые позиции заняли западные ростовщики; дефицит денег в экономике создал благоприятные условия для прямых инвестиций в российскую эко-

¹ См.: Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России. Т. 1. – Пг., 1917; Гиндин И. Ф. Банки и промышленность в России. – Л., 1927; Он же. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. – М., 1948; Он же. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. – М., 1960; Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. – М., 1967; Он же. Формирование финансового капитала в России. – М., 1984; Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. – М., 1974; Ананьич Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства.

номику со стороны западных компаний (у которых с деньгами было все в порядке). Отечественный капитал вытесняется из всех секторов и отраслей российской экономики. Об этом подробно и ярко сказал С. Шарапов в речи «Иностранные капиталы и наша финансовая политика» на первом земледельческом обеде в Санкт-Петербурге 20 февраля 1899 г.¹

Шаг пятый. «Реформаторы» поставили во главу угла еще более активизировать «привлечение иностранных инвестиций» в виде государственных займов, банковских кредитов, прямых инвестиций (покупка российских предприятий); для этого надо было создать в России «благоприятный инвестиционный климат» (таких слов Шарапов не употреблял, я использую современную терминологию). Одним из главных условий «благоприятного инвестиционного климата» было, по мнению «реформаторов», наличие в России устойчивой и конвертируемой в золото денежной единицы (очевидно, что бумажный неразменный рубль на роль такой единицы не годился). В этой связи в России началась ак-

¹ Данная речь включена в упомянутую выше книгу избранных произведений С. Ф. Шарапова «Россия будущего». Также на тему иностранного капитала в экономике дореволюционной России рекомендуем следующие источники: *Дельви́г А. И.* Есть ли у нас свободные капиталы для постройки железных дорог? – СПб., 1866; *Брандт Б. В.* Иностранные капиталы и их влияние на экономическое развитие страны. – СПб., 1898; *Л. Г. С. Ю. Витте и падение русского государственного кредита; Воронов Л. Н.* Иностранные капиталы в России. – М., 1901; *Череп-Спиридович А. И.* Как нам избавить Россию от экономического и политического рабства. – СПб., 1911; *Щербатов А. Г.* Государственная оборона России. – М., 1912; *Нечволодов А. Д.* Указ. соч.; *Левин И. И.* Германские капиталы в России. – СПб., 1914; *Зив В. С.* Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып. 1. Германские капиталы. – Пг., 1915; *Он же.* Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности. – Пг., 1916; *Он же.* Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. – Пг., 1917; *Оль П. В.* Иностранные капиталы в России. – Пг., 1922; *Донгаров А. Г.* Иностранный капитал в России и СССР. – М., 1990.

тивная подготовка денежной реформы и перехода к *золотому рублю*; в 1897 г. министру финансов С. Ю. Вите удалось «продать» такую реформу.

Последующие шаги. Ровно через 20 лет после введения золотого рубля российское монархическое государство пало. Шарапов не дожил до событий 1917 г. Он не мог до конца описать ту цепочку причинно-следственных связей, которая брала свое начало в 1860-х гг. и завершились февральской и октябрьской революциями. Вместе с тем он неоднократно предупреждал, что введение золотого рубля грозит России потерей национального суверенитета и может окончиться национальной катастрофой.

Тенденция к медленному, но верному финансовому удушению России на протяжении примерно полувекового существования страны после реформ Александра II была более очевидной. В середине XIX века на одного жителя России приходилось в среднем около 30 руб., что было эквивалентно 120 французским франкам. К началу Первой мировой войны (1914 г.) эта сумма сократилась до 10 руб., или 25 франков. Для сравнения аналогичный показатель по странам Запада был равен: в Германии – 115; США – 125; Англии – 140; Франции – 140 франкам¹.

Нетрудно заметить, что алгоритм финансовых и экономических реформ, начатых в нашей «демократической» России 20 лет назад, поразительно совпадает с алгоритмом реформ, описанных Шараповым. Как финансовая ситуация в России в последние десятилетия XIX века походит на сегодняшнюю ситуацию, когда наши денежные власти проводят «рестриктивную» денежную политику (так красиво и непонятно называются действия по перекрытию «денежного крана»)!

¹ Антонов М. Экономическое учение славянофилов. – С. 299.

Таким образом они помогают российским и особенно зарубежным ростовщикам-вампирам «греть руки» на нашем безденежье, заламывать грабительские проценты, банкротить российские предприятия и затем скупать их за бесценок. Центральный банк Российской Федерации фактически выступает в качестве структурной единицы наднационального преступного картеля ростовщиков, о существовании которого многие даже не догадываются¹.

«Ренессанс» С. Витте в современной России

Имя С. Ю. Витте многократно встречается в разных произведениях С. Шарапова. Краткая справка: Сергей Юльевич Витте (1849–1915) – граф, государственный деятель; в 1892– 1903 гг. – министр финансов, с 1903 по 1906 г. – председатель Комитета министров. Четыре основные его «заслуги» перед Россией:

- 1) введение «золотого рубля»;
- 2) введение государственной винной монополии (которая сменила систему акцизов на продукцию винокурения);
- 3) проведение с японцами переговоров с целью завершения Русско-японской войны и подписание Портсмутского мирного договора на невыгодных для России условиях²;

¹ Подробнее см.: *Катасонов В. Ю.* Гл. 16. Денежная революция: создание центральных банков; Гл. 29. Центральные банки в глобальном контексте. // О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 1, 2.

² В частности, по этому мирному договору Россия уступала Японии половину о. Сахалин. Поэтому в народе графа Витте прозвали «граф полусахалинский».

4) подготовка и обнародование известного *Манифеста 17 октября 1905 года*¹, который предусматривал «демократизацию» общественной жизни: введение свободы совести, собраний, печати; учреждение Государственной Думы и ограничение самодержавной власти российского монарха.

Даже если ограничиться рассмотрением указанных «заслуг», следует признать: деятельность Сергея Юльевича была очень многогранной. Она распространялась на денежно-кредитную сферу, государственные финансы (казна), внутреннюю и внешнюю торговлю, промышленность, политику, дипломатию. По своему влиянию на внутреннюю жизнь и внешнюю политику Витте превосходил всех остальных министров правительства, вместе взятых. Даже Председатель Кабинета министров не имел таких полномочий, как С. Ю. Витте. Не имел таких полномочий также ни один министр финансов Российской Империи ни до, ни после «царствования» Витте.

Есть смысл остановиться подробнее на деятельности С. Витте, особенно на его первой из названных «заслуг». Дело в том, что в годы нашей перестройки «демократических» реформ имя Витте стало подниматься на щит, его стали называть «величайшим реформатором» (не уступающим по своей масштабности тогдашнему премьер-министру *Столыпину*). Витте якобы «укрепил» Россию, ярким проявлением чего явилось введение в стране в конце XIX века «золотого рубля». Стали раздаваться призывы внимательнее изучать «богатый опыт» реформ Витте и использовать их в сегодняшней Российской Федерации.

Начал кампанию по восхвалению и «возвращению» Витте тогдашний академик *Л. Абалкин*, который

¹ Официальное название документа: *Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка»*.

был директором Института экономики – главного среди всех академических институтов экономического профиля. В 1999 г. академиком была опубликована работа «*Экономические воззрения и государственная деятельность С. Ю. Витте*»¹, приуроченная к 150-летию со дня рождения «реформатора». В ней предлагалось более глубоко изучать положительный опыт реформ Сергея Юльевича. В заключение Л. И. Абалкин сказал: «Приближающийся юбилей Сергея Юльевича Витте позволяет глубже оценить не только его государственную деятельность, но и место в российской экономической мысли. Становятся понятнее пути взаимодействия и взаимопроникновения мировой и российской экономической науки. Тем самым создаются и предпосылки их весьма перспективного взаимопонимания и взаимообогащения». Фактически академик призвал к тому, чтобы строить нашу экономическую жизнь в России «по Витте» и «по мировой науке». Вспомним, к чему привел Россию курс «молодых финансистов», ориентировавшихся на «мировую науку», – Шарапов подробно писал об этом в работе «Бумажный рубль». Но, видимо, академик Шарапова не читал, зато хорошо усвоил догматы марксистско-ленинской политической экономии и западных экономических «гуру». Кстати, по инициативе академика Абалкина было начато издание многотомной серии «С. Ю. Витте. Собрание сочинений и документальных материалов» («Памятники экономической мысли»).

Прошло десять лет после 150-летнего юбилея Витте – и появляется еще одна публикация, теперь уже приуроченная к 160-летию «великого реформатора». Принадлежит статья перу скандально известного рос-

¹ Абалкин Л. *Экономические воззрения и государственная деятельность С. Ю. Витте*. – М., 1999.

сийского политика – Валерии Новодворской и называется «Горькая чаша реформ»¹. В отличие от витиеватых формулировок академика язык Новодворской прост, как плакат «агитпропа». Она раскрывает страшную тайну нынешних «демократов»: генетическую связь С. Ю. Витте и современных «реформаторов» в лице Гайдара и Чубайса. Гайдар у Новодворской – «Витте номер два». Новодворская пишет: «Все реформаторы одинаково несчастны: реформируемые народы их поносят и проклинаяют, благословляя каждый свой застой, свою былую нужду и свои былые неудачи, и выдают их за “особый путь развития”. Сергей Юльевич Витте (безусловно, предтеча Гайдара и Чубайса) родился ровно 160 лет назад». Новодворская всемерно расхваливает деятельность Витте: «С. Витте был классическим западником. А перед ним лежала изоляционистская страна, страна без парламента и гражданских прав. Он сделал все, что мог. За 11 лет его министерской деятельности, с 1892 по 1903 г., доходы бюджета увеличились вдвое и вдвое возросла протяженность железных дорог. Были построены Транссиб и КВЖД. Витте пытался сделать Россию частью европейской экономической структуры, выбивая для иностранных предпринимателей равные права с российскими, потому что протекционизм убивал качество и конкуренцию. Это не удалось. Зато удалась денежная реформа 1897 года по введению золотого стандарта рубля. Рубль стал престижной валютой, пошли инвестиции». В конце своей статьи В. Новодворская пишет, что Витте принес России огромную пользу, однако Царь не доверял ему, а русская общественность резко критиковала. Новодворская сетует: реформы Гайдара, как и реформы Витте, не были поняты и приняты народом.

¹ Новое время. The New Time. – 2009. – 29 июня. – № 25.

Трудно ожидать от Новодворской понимания тонкостей денежной реформы и золотого стандарта. Посмотрим, что думают о золотом рубле Витте специалисты. Например, профессор, д-р эк. наук *С. М. Борисов*, который написал фундаментальную монографию «Рубль – валюта России». В ней он дает следующую оценку денежной реформы С. Витте: «Как показала история пореформенных лет, усилия, затраченные на переход к золотой валюте, в целом себя оправдали. Во всяком случае, новая система оказалась достаточно гибкой и устойчивой, чтобы выдержать такие серьезные внутренние и внешние испытания, как экономический кризис начала девятисотых годов, войну с Японией, революцию 1905 г.»¹. Очень жаль, что авторитетный отечественный экономист (его работы широко цитируются в нашей стране) не заметил причинно-следственных связей между реформой Витте и названными «внутренними и внешними испытаниями» России².

Возьмем специалиста еще более высокого ранга. В журнале «Финансы» № 7 за 1999 г. была опубликована статья Министра финансов РФ *М. М. Касьянова* «Деятельность С. Ю. Витте и современная политика России». В ней М. М. Касьянов утверждает: «Деятельность Сергея Юльевича Витте в качестве министра финансов России была в истории страны наиболее яркой и общественно значимой. Для самого Министерства финансов руководство Витте являлось периодом наибольшего влияния на судьбы России. В ведении Министерства финансов, которое называлось “государством Витте”, находился Государственный Банк,

¹ *Борисов С. М. Рубль – валюта России. – М., 2004. – С. 22.*

² Отметим, кстати, что С. Борисов, положительно оценивающий денежную реформу Витте, среди критиков министра финансов называет С. Шарапова, явно не разделяя взгляды последнего (см.: *Борисов С. М. Указ. соч. – С. 15).*

Таможенная служба. Министерство финансов занималось промышленностью, торговлей, железными дорогами, судоходством, имело своих дипломатических представителей за рубежом». С бывшим министром финансов и бывшим премьер-министром М. М. Касьяновым можно согласиться, что, действительно, Витте как министр финансов командовал «государством в государстве» и оказывал беспрецедентно сильное влияние на жизнь страны. Но не можем согласиться с оценкой Касьяновым деятельности Витте как «исключительно полезной». Если она и была «исключительно полезной», то не для России, а для ее врагов и «королей биржи». Видимо, М. М. Касьянов, находясь на ключевых государственных постах в Российской Федерации, брал во всем пример со своего кумира Витте. Деятельность Касьянова оказалась весьма «полезной», но не для нынешней России, а для современных «королей биржи», которые успели выкачать из России за время нахождения Касьянова во власти сотни миллиардов долларов. Впрочем, оказалась она «полезной» и лично для Касьянова, которого в народе называют «Миша два процента» (имеются в виду 2% «откатов», которые «Миша» получал за свои «услуги» олигархам). Видимо, опыт казнокрадства и коррупции, которые расцвели в России при Витте пышным цветом, Касьяновым также был хорошо усвоен.

О «ренессансе» «реформатора» Витте в современной России свидетельствуют многочисленные мелкие и не очень мелкие факты. В наше время учрежден *Центр социального и экономического анализа им. С. Ю. Витте* – экспертный центр либерального толка, который оценивает политику Витте как «эталон реформ»¹. Из-

¹ Руководитель центра – *Дмитрий Захарьин*, имеется Интернет-портал «Центр Витте».

даются многочисленные труды Витте¹, а также художественные произведения о нем. Например, в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга профессора, д-ра ист. наук *Сергея Ильина* «С. Ю. Витте». В 2012 г. она была переиздана². В 2001 г. в Москве появилась даже улица с названием «Аллея Витте»³.

Роль Витте в истории последних двух десятилетий существования царской России явно недооценена нашими историками. Более объективный портрет этого государственного деятеля можно нарисовать, ознакомившись с работами С. Шарапова. По мнению Шарапова, деяния Витте нанесли России громадный экономический и политический ущерб⁴. Мы можем добавить, что Витте фактически внес большой вклад в подготовку условий для втягивания России в Русско-японскую войну, Первую мировую войну, а также революций 1905 и 1917 гг. (февральской и октябрьской). Без преувеличений его можно назвать «предтечей» русских революций.

Слава Богу, последнее время стали появляться у нас работы, в которых дается объективная, основанная на глубоком анализе источников оценка деятельности министра финансов Витте. Например, книга *Сергея*

¹ В частности, под эгидой Института экономики РАН издается много-томное собрание сочинений С. Ю. Витте и документальных материалов, имеющих отношение к жизни и деятельности С. Ю. Витте. Издание осуществляется в серии «Памятники экономической мысли».

² Могу сказать, что С. Ильин, будучи историком по диплому, совершенно не понял сути экономических и финансовых реформ С. Ю. Витте. Работа носит откровенно апологетический характер.

³ *Аллея Витте* – улица в Москве, расположенная в районе Южное Бутово Юго-Западного административного округа.

⁴ См.: *Самонов С. В.* Министр финансов С. Ю. Витте и его политика в общественном мнении России (1892–1903). Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. – М., 2008. Особенно интересна третья глава диссертации «*Министр финансов С. Ю. Витте и С. Ф. Шарапов*».

Кремлева «Россия и Япония: сравнить!»¹. В ней автор показывает, как Витте осторожно, постепенно и целенаправленно создавал на Дальнем Востоке почву для Русско-японской войны. При этом Сергей Юльевич камуфлировал свою провокационную политику благовидным лозунгом мирной экономической экспансии России на Дальнем Востоке. Однако под прикрытием этого лозунга Витте толкал Россию на «освоение» не ее законных территорий, а Маньчжурии и Кореи, затрагивая таким образом интересы Японии.

Как известно, Россия терпела позорные поражения в войне с Японией. Не будем сейчас говорить о военных просчетах в этой войне. Главное: «реформированная» Витте экономика не выдержала испытания военным противостоянием даже с Японией, которая была не самой мощной в военном и экономическом отношении страной. Фактически «реформы» Витте оказались «дутым пузырем». Об этом также можно почитать в ряде работ, вышедших в последние годы, например, в книге *Михаила Антонова* «Капитализму в России не бывать!»².

Одновременно Витте активно содействовал Западу в подготовке условий для втягивания России в планировавшуюся мировую войну. С одной стороны, он «вбивал клинья» в отношения между Россией и Германией (например, через ужесточение таможенных тарифов для немецких экспортеров). С другой стороны, через организацию займов во Франции помогал затягивать Россию в сети Антанты. Это можно прочесть в книге *С. Кремлева* «Россия и Германия: сравнить!»³.

¹ *Кремлев С.* Россия и Япония: сравнить!

² *Антонов М.* Капитализму в России не бывать!

³ *Кремлев С.* Россия и Германия: сравнить! От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну.

Стали также появляться работы, в которых исследуется «теневая» сторона деятельности С. Витте: его связи с европейскими и американскими банкирами и политиками, «особые» отношения с еврейским капиталом внутри страны, участие Витте в масонских ложах, его двуличность в отношениях с царем, внеслужебная жизнь, использование подконтрольных газет и журналов, подкуп нужной профессуры и т. п. Одна из них принадлежит перу современного историка *Сергея Фомина* и называется «Банкиры начинают и выигрывают»¹. Другая написана *Анатолием Клеповым* в виде исторического повествования «Витте и немецкие ордена»². Знакомство с этими работами позволит лучше понять, почему Витте в период его нахождения во власти и в последующие годы воспринимался Шараповым как человек, абсолютно чуждый интересам России.

Витте: курс на накопление золота

Итак, о роли Витте во введении «золотого рубля». Конечно, в этом деле нельзя все лавры отдавать Сергею Юльевичу. Подготовка к этому шагу началась, как мы показали выше, еще с приходом к власти «молодых финансистов» при *Александре II*. Напомним, что в 1860-е гг. золотой стандарт существовал лишь в Англии и двух ее колониях – Канаде и Австралии. *Ротшильды* давили на Россию, желая втянуть ее в «золотой стандарт». Вообще, следует иметь в виду, что денежная реформа Витте явилась следствием не внутренних потребностей страны, а прежде всего результатом внешнего давления на российские власти. Про Сергея Юльевича

¹ Работа размещена на сайте «Правая.ру».

² Работа размещена на сайте «Проза.ру».

Витте можно прямо сказать, что он был ставленником западного капитала, проводившего в России политику в интересах этого капитала. Советский исследователь денежной реформы Витте *В. Е. Власенко* писал: «Западноевропейский капитал играл одну из важнейших ролей в проведении реформы. Царизм, попав в кабалу к иностранному капиталу и не имея возможности обойтись без его помощи, вынужден был считаться со своим хозяином при разрешении таких вопросов, как вопросы денежного обращения. Это послушание у царского правительства зашло слишком далеко, вплоть до посылки западноевропейским банкирам (например, Мендельсону) проекта закона о реформе»¹.

Однако для перехода России к золотому рублю нужно было не только «послушание» российского правительства, но и наличие достаточного запаса золота. А с золотым запасом дела были неважные. Одна из причин – отрицательное сальдо расчетного баланса, вызывавшее утечку золота за границу. Впервые попытку перейти к золотой валюте предпринял министр финансов М. Х. Рейтерн, однако Русско-турецкая война 1877–1878 гг. перечеркнула его планы из-за оскудения золотой казны. При министрах финансов *Н. Х. Бунге*² и *И. А. Вышнеградском*³ попытки введения золотой валюты повторились – соответственно в 1883 и 1888 гг. Однако осторожный и рассудительный император Александр III сумел остудить реформаторский пыл своих министров.

¹ *Власенко В. Е.* Денежная реформа в России 1895–1898 гг. – Киев, 1949. – С. 141.

² *Бунге Николай Христианович, фон* (1823–1895) – профессор, ректор Киевского университета, академик, министр финансов Российской Империи (1881–1886), председатель Комитета министров (1887–1895).

³ *Вышнеградский Иван Алексеевич* (1832–1895) – специалист в области механики, почетный академик, министр финансов Российской Империи (1888–1892).

Тем не менее, подготовка к переходу на золотой рубль невидимо продолжалась – прежде всего, посредством накопления золотого запаса. Россия была золотодобывающей страной, но добыча металла была не главным источником. Был взят курс на накопление золотого запаса за счет форсированного экспорта хлеба. Вышнеградский говорил: «Не доедим, но вывезем!».

Другим источником были золотые кредиты, которые Россия получала от тех же Ротшильдов. Внешний долг России стал быстро расти. Вышнеградский как «предтеча» Витте начал готовить замену бумажного рубля на золотой, стабилизируя курс рубля по отношению к иностранным валютам (и золоту) на низком уровне. В 1887 г. комитет финансов вынес специальное решение о стабилизации курса бумажного рубля на существовавшей в тот момент низкой точке. Имея к тому времени уже солидный запас золота, правительство стало проводить при необходимости золотые интервенции на русской и иностранных биржах.

Заступив на пост министра финансов в 1892 г., С. Витте продолжил с удвоенной энергией накопление золотого запаса страны, используя те же самые методы. Уходя с поста министра финансов, Вышнеградский оставил золотой запас, равный 642 млн. руб. Уже через два года Витте увеличил его до 895 млн. руб. Вот что писал С. Шарапов о «достижениях» Витте в области накопления золотого фонда: «Кроме того, с И. А. Вышнеградского ради военных целей и давно еще задуманного “исправления” денежного обращения мы начали собирать и собрали золотой фонд, первый в мире по объему. И мое исследование по данным, собранным П. В. Олем, и исследование П. Х. Шванебаха, человека весьма компетентного и служебно прикосновенного к образованию золотого запаса, напечатанное в “Русском

вестнике” этого года, с полной ясностью установили, что весь этот наш золотой запас является отнюдь не собственным богатством России, плодом ее народного заработка, но представляет или *занятое, как бы арендованное имущество, за которое приходится платить огромные проценты, или собранное путем заведомого народного разорения и голодовок*¹.

Итак, накопленный золотой запас, которым так хвалился Витте, России фактически не принадлежал. Он находился под жестким контролем западных банкиров. Впрочем, иногда они им распоряжались, действуя через Витте. Об этом свидетельствует следующая «пикантная» информация. В. П. фон Эгерт после своей поездки в Америку в 1912 г. написал брошюру «Из американских впечатлений»². Кое-что в ней говорится о С. Ю. Витте, его особо «теплом» отношении к еврейским банкирам. Но не только к местным, российским, но и к заокеанским: «Свою заботу о преуспевании еврейства этот министр деятельно проявлял и вне пределов России. Например, в середине 1890-х гг., объявляя и доказывая, что нет золота для поправления русской валюты, и устраивая в России девальвацию, он одновременно отсылал миллионы за миллионами золотом Соединенным Штатам для поддержания их валюты, от чего зависело спасение близких там к банкротству многих европейских банков и спекулянтов. Дань благодар-

¹ *Шарапов С. Ф.* Иностранцы капиталы и наша финансовая политика. // *Шарапов С. Ф.* Россия будущего. – С. 191. Курсив мой. – В. К.

² Об авторе Василии Петровиче фон Эгерте информации очень мало. Нам лишь известно, что он из обрусевших немцев. В том же 1912 г. свою работу в виде брошюры «Надо защищаться!» Эгерт разослал министрам, членам Государственного Совета, другим важным чиновникам. А. С. Шмаков называет фон Эгерта: «Мой почтенный друг и соратник». Перед войной брошюра Эгерта была хорошо известна в России и вызвала определенный общественный резонанс.

ности ему за это еще недавно принес в речи, сказанной в комиссии по иностранным делам палаты представителей в Вашингтоне, А. Уайт: «Я знал одного великого русского, Сергея Витте. Это он, в бытность свою министром финансов, наделял нас в Америке во время президентства Кливленда, для поддержания нашей валюты, многими и многими миллионами золота на самых сходных условиях ссуды»¹.

Россия заплатила очень высокую цену за тот «золотой фейерверк», который организовал «финансовый гений» Витте. Список «издержек» очень длинный. На протяжении нашей книги мы будем анализировать отдельные позиции этого списка. Сейчас обратим внимание лишь на две позиции.

1. *Лишение народа жизненно необходимых средств существования и здоровья.* За время нахождения Витте у власти здоровье нации было сильно надорвано. Справедливости ради следует отметить, что вклад в это начали вносить уже предшественники Витте на посту министра финансов – Бунге и Вышнеградский. Они стали форсировать экспорт зерна для накопления золота. Но Витте довел эту политику до того, что народ стал постоянно недоедать. Генерал Нечволодов в своей работе «От разорения к достатку» пишет, что с 1892 г., после того как С. Ю. Витте начал проводить в стране экономические реформы, процент призывников, признаваемых негодными для военной службы, стал быстро повышаться. В 1873 г., когда была введена всеобщая воинская повинность, их число составляло 6%. В период 1883–1892 гг. этот показатель стойко держался

¹ Шмаков А. С. Указ. соч. – С. 627. Цитата А. Уайта взята из официального документа: Hearing before the Committee on Foreign Affairs of the House of Representatives. – 1911. – December 11. – Monday. – P. 11 (выдержка из выступления Уайта на английском языке приведена в сноске книги Шмакова на с. 627).

на уровне 7%. К 1901 г. он достиг уже 13%, хотя именно в это время требования к новобранцам в отношении роста и объема груди были понижены. Ничего удивительного, что Россия фактически проиграла войну с Японией 1903–1905 гг.! Солдаты стали за время реформ С. Ю. Витте физически намного слабее. Спрашивается, почему? Ответ очень простой. Они просто мало ели из-за того, что реформы С. Ю. Витте вызвали резкое снижение нормы потребления пищи русских крестьян. Именно из их числа набирали больше всего рекрутов в царскую армию. Нечволодов приводит данные из статьи академика князя Тарханова «Нужды народного питания». В начале XX века расходы крестьян на питание в России были в 3,5–4 раза ниже, чем в Германии, Франции, Соединенных Штатах. Отставание от Англии и Ирландии было примерно в 5 раз, а от французских провинций Канады – почти в 6 раз¹.

2. *Спаивание народа.* Для того чтобы механизм золотого рубля действовал безотказно, финансовым властям России надо было думать: где брать деньги, чтобы выполнять своих обязательства по золотым займам, которые Россия активно набирала перед реформой? Витте решил задачу быстро и эффективно: сделал государственные бюджеты «пьяными». В 1894 г. была произведена замена акцизной системы обложения спирта и вина (косвенное налогообложение) казенной монополией торговли питьями. Питейная реформа имела целью, с одной стороны, увеличить доходы казны, обратив в ее пользу те прибыли, которые раньше поступали торговцам вином, с другой – дать правительству орудие «для борьбы с вредными сторонами питейного дела, в интересах поддержания доброй нравственности, предупреждения экономического упадка населения и охраны народного

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 13–14.

здравия». Действительность была безмерно далека от нарисованной министром благостной картины. При Витте винная монополия давала миллион рублей поступлений в день, и именно при нем бюджет страны окончательно стал строиться на спаивании населения.

Винная монополия являлась самой эффективной, но не единственной мерой для пополнения казны и косвенного обложения народа. Существенное значение имело также повышение акцизов, а следовательно, и розничных цен на товары повседневного массового потребления: спички, табак, керосин, сахар, чай и др. На целый ряд таких товаров акцизы повышались неоднократно.

Реформа Витте: мошенничество в особо крупных размерах

Но накопление золотого запаса было необходимым, но недостаточным условием введения «золотого рубля». В руководстве страны было много государственных деятелей и чиновников, которые понимали ту высокую цену, которую России придется заплатить за переход к «золотому рублю». Так, в романе «Кабинет диктатора» (продолжение романа «Диктатор») Шарапов рисует нам портрет реального государственного сановника *Васильева Афанасия Васильевича* (1851–1929), который занимал важные посты в ведомстве Государственного контроля. Васильев с самого начала был настроен категорически против навязывания России «золотого рубля» и против разрушительной политики Витте в целом. Шарапов пишет об отношении Васильева к Витте: «Назначенный директором Департамента железнодорожной отчетности, он (*Васильев. – В. К.*) повел упорную борьбу с только что воссиявшим

в качестве экономического и финансового гения Витте. Васильев сразу определил, из чего эта гениальность сделана и какие ужасные пути России прокладывает. Начинаясь грандиозный выкуп железных дорог и усиленное строительство. Казна трещала по швам. Но золотой фейерверк, пущенный Витте, прикрывал все раны Казначейства и отводил всем глаза. Васильев видел все и боролся, сколько мог».

Были среди государственных сановников и другие противники Витте и его «золотого рубля». Например, граф *Игнатъев Алексей Павлович* (1842–906) – генерал, государственный деятель. Занимал посты генерал-губернатора Иркутска, Киева, был членом Государственного Совета. Убит в 1906 г. эсером в Твери.

Кстати, Алексей Павлович был отцом уже советского генерала *Алексея Алексеевича Игнатъева*. Сын, будучи военным, после революции перешел на службу к большевикам и, по некоторым сведениям, был важной фигурой в так называемой «личной разведке» *Сталина*. Генерал-лейтенант А. А. Игнатъев в своей известной книге *«Пятьдесят лет в строю»* (М., 1986) писал о своем отце следующее: «Вскоре отец переехал в Петербург, став членом Государственного Совета. Он был выбран в законодательную комиссию, в которую обычно военные не назначались. Здесь он столкнулся с политикой Витте, который как-то со свойственной ему грубоватостью заявил, что “достаточно Витте сказать да, чтобы Алексей Павлович сказал нет”. *Главным объектом противоречий было введение золотой валюты*¹ – мера, которую отец считал не соответствующей интересам земледельческой России и облегчающей порабощение русской промышленности и торговли иностранным капиталом».

¹ Курсив мой. – В. К.

Сомневался в целесообразности перехода к «золотому рублю» и Император Николай II, который лишь недавно (после скорострительной смерти своего отца Александра III в 1894 г.) занял царский трон и не имел времени досконально разобраться во всех тонкостях денежного дела. Даже в начале 1897 г. Император сомневался в целесообразности срочного перехода к золотому рублю. В Указе Государя от 4 января 1897 г., адресованного министру финансов Витте, было сказано: «Для устранения некоторых силою обстоятельств и времени возникших недостатков денежного обращения Империи МЫ повелеваем вам внести на рассмотрение Государственного Совета выработанные в Особом Комитете предложения об установлении новых, соответствующих изменившимся условиям оснований нашей монетной системы и правил выпуска государственных кредитных билетов. По своей важности и сложности дело это может еще потребовать продолжительного обсуждения»¹.

Витте фактически пошел на обманы и подлоги, решение о введении «золотого рубля» принималось в обход Государственного Совета, оно было оформлено как «технические поправки» к Монетному уставу Российской Империи. Россия даже не заметила, как оказалась в «золотой мышеловке», сконструированной Ротшильдами. Пошаговый анализ жульнической операции по введению министром Витте золотого рубля без законодательного оформления такого введения дан во многих источниках².

¹ Цит. по: Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 35.

² Подробнее об этих интригах Витте можно почитать в работах современников и единомышленников С. Шарапова: Нечволодов А. Д. Указ. соч.; Бутми Г. В. Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира; Пасхалов К. Н. Витте – злой гений России // Пасхалов К. Н. Русский вопрос. – М., 2009. – С. 154–170. Краткое описание основных шагов по подготовке и принятию решений о введении «золотого рубля» см. также: Катасонов В. Ю. Золото в экономике и политике России. – С. 68–71.

Пожалуй, отметим *самый главный, решающий шаг*. Вот как описывает его *Нечволодов*: «... в России, где и мысли, казалось бы, не могло быть о том, чтобы финансовой политикой страны руководили какие-либо другие интересы, кроме интересов государства, золотая валюта была проведена *совершенно своеобразным порядком*, путем испрошения в Беловеже, где в то время Государь был на *охоте*, 29 августа 1897 г., Именного указа Министру финансов о реформе, без *предварительного рассмотрения* в Государственном Совете»¹.

Подписание Указа имеет прямо-таки мистический характер. Во-первых, *Беловежье* – место, в котором состоялся сговор в конце 1991 г. Ельцина, Кравчука и Шушкевича; этот сговор привел к распаду СССР – правопреемника Российской Империи. Во-вторых, важно время подписания Указа – *29 августа 1897 г.* В этот день в Базеле начался первый Всемирный сионистский конгресс, давший старт движению международного сионизма (Всемирная сионистская организация). Не афишируемая цель международного сионизма – мировое господство, а важным средством ее реализации должна стать золотая валюта².

Противники введения золотого рубля обращали внимание на такую хитрость со стороны Витте и его окружения, как искажение сути планируемой реформы. Инициаторы реформы в своих статьях и речах акцентировали внимание общества на такой функции золотых денег, как *средство обращения (обмена)*, сознательно замалчивая вопросы, связанные с функцией денег как *меры стоимости*.

¹ *Нечволодов А. Д.* Указ. соч. – С. 34–35. Курсив А. Д. Нечволодова.

² На связь международного сионизма с насаждением золотой валюты в России обратил внимание Г. Бутми (см.: *Бутми Г. В.* Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира).

В частности, *Георгий Бутми* писал: «Большинство публики истолковывало себе дело так, будто введение золотой валюты введет в России исключительно золотое обращение, которое должно вытеснить кредитное обращение.

Это смешение вопроса о валюте с вопросом об обращении чрезвычайно затрудняет понимание вопроса. Вопрос о валюте есть не столько вопрос об обращении, сколько главным образом вопрос о денежной единице, имеющей законную расплатную силу по всем обязательствам; о мере, служащей к измерению цены имуществ.

Между тем большинство споров велось до сих пор о том, возможно или невозможно удержать у нас золотое обращение, и, таким образом, внимание отвлекалось от главного вопроса: выгодно или невыгодно для нас отнять расплатную силу у серебряного рубля и передать эту расплатную силу дорожающему золоту.

Между тем спор о золотом обращении – совершенно праздный спор.

Чистого золотого обращения ныне нигде нет и быть нигде не может; для этого на земном шаре нет достаточно золота.

В самых богатых странах с золотою валютою обращаются кредитные билеты.

В Англии обращается кредитных билетов на 26 660 000 ф. ст.

Во Франции обращается кредитных билетов на 3 838 000 000 франков.

В Германской Империи обращается кредитных билетов на 1 257 000 000 марок.

Кроме того, в названных странах обращается громадное количество векселей, чеков, акций, государственных бумаг – орудий кредитного обращения.

Громадный международный обмен товаров на сумму около 3 млрд. ф. ст. не мог бы совершаться на на-

личную золотую монету, которой во всем мире всего на сумму 840 млн. ф. ст., из которых большая часть нужна для внутреннего обращения. В действительности только сальдо, не более 5% всемирной торговли, уплачивается наличным золотом, весь же остальной обмен ведется при помощи тратт и переводов, т. е. тех же орудий кредитного обращения»¹.

И Бутми, и Шарапов, и Нечволодов, и многие другие критики золотой валюты пытались донести до русского человека очень простую мысль: переход к золотой валюте означает неизбежное повышение «расплатной силы» золотого рубля по сравнению с ранее существовавшим кредитным рублем. Автоматически это вело к снижению цен на товары, производимые сельским хозяйством и промышленностью. Происходило обесценение труда. Одновременно происходило резкое увеличение богатства финансовых олигархов. Богатство последних состояло не только и не столько из золота, сколько из различных финансовых требований (векселя, процентные бумаги, кредитные договора и др.). Для удовлетворения финансовых требований того же номинального объема (выраженного в количестве соответствующих денежных единиц) требовалось больше товаров, следовательно, больше труда. К сожалению, этой простой истины не понимали не только многие простые граждане, но и большинство тех государственных деятелей, допустивших введение в России золотого рубля. «Пока промышленник и земледелец, не сознавая важности вопроса о валюте, безучастно допускают его разрешение одними представителями банкиров, их разорение неминуемо», – писал Г. Бутми накануне введения золотого рубля².

¹ Бутми Г. В. Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира. – С. 30–31.

² Там же. – С. 35.

Переход от прежнего рубля к золотому можно было уподобить мошеннической операции по замене торговцем одних гирь другими, более легкими, на которых красуется одна и та же надпись: «1 фунт», «1 килограмм» и т. п. Важность неизменяемости мер и весов сознавалась еще в Древнем мире. *Моисей*, выводя свой народ из Египта, учил: «Не делайте неправды в суде, в мере, в весе и в измерении: да будут у вас весы верные, гири верные, ефа (древнееврейская мера объема сыпучих тел. – *В. К.*) верная и гин (древнееврейская мера объема жидкостей. – *В. К.*) верный» (Левит, 19:35, 36).

Очевидно, что если подмена гирь будет замечена, то торговца следует арестовать и отправить в полицейский участок как мошенника. Витте был именно таким мошенником, но последствия его обмана были неизмеримо более серьезными, они распространялись на всю Россию. Это было мошенничество «в особо крупных размерах».

В работе «Бумажный рубль...», которая была написана в 1895 г., Шарапов предпринимает последние попытки остановить втягивание министром финансов Витте страны в «золотую петлю». На протяжении всей работы проводится сравнительный анализ бумажных (абсолютных) денег и золотых денег, который убедительно показывает гибельность вторых. Сергей Федорович воздерживается от выпадов лично в адрес министра финансов (между прочим, имя Витте в работе С. Шарапова «Бумажный рубль...» ни разу не упоминается).

Россия после введения золотого рубля.

Не девальвация, а ревальвация

Переняв эстафету подготовки перехода к золотому рублю от Вышнеградского, Витте продолжал дер-

жать курс бумажного рубля на прежнем стабильно низком уровне. К моменту объявления реформы курс бумажного рубля равнялся приблизительно 66 коп. золота. Иначе говоря, 1 зол. руб. = 1,5 бум. руб., или 15 бум. руб. = 10 зол. руб. Именно такой курс золотого рубля и был зафиксирован при его рождении. Таким образом, переход от бумажного рубля к золотому рассматривался (и рассматривается) большинством экономистов как его *девальвация*. Но при этом забывается, что так называемый «бумажный рубль» (кредитный рубль), согласно реформе Е. Ф. Канкрин, имел фиксированную привязку к серебру: 4 золотника и 21 долю металла. За период с 1839 г., когда законодательно было определено серебряное содержание рубля, до начала реформы Витте (1895 г.) серебро по отношению к золоту подешевело в 2,5 раза. Поэтому в пересчете на золото новый рубль Витте был тяжелее того бумажного рубля, который обращался в России в период 1839–1895 гг., в 1,67 раза. Таким образом, имела место *не девальвация, а ревальвация рубля*. Это имело серьезные последствия для России: во-первых, резко осложнились возможности экспорта из страны (особенно зерна). Во-вторых, внешний долг России (очень большой на момент введения золотого рубля), номинированный в кредитных рублях, в золотом выражении становился намного «тяжелее».

Очень подробно эту «химию» преобразования бумажного рубля в золотой описал генерал А. Д. Нечволодов в своей книге «От разорения к достатку»: «Одновременно с переходом на золотую валюту мы перевели на новый рубль весом в 17,424 долей золота и все наши прежние долговые обязательства, заключенные в серебряных рублях весом в 4 золотника и 21 долю серебра, согласно Манифесту 20 июня 1810 г.

Этим же новым золотым рублем должна была впредь производиться расплата и по всем ранее заключенным частным обязательствам в рублях серебром, т. к. с введением нового закона серебро демонетизировалось и осталось лишь разменной монетой, без всякой оговорки.

А из этого получилось следующее: один только наш государственный долг по внутренним займам, перешедший большей частью в руки заграничных банкиров, составлял в 1897 г. – 3 000 000 000 руб., весом каждый 4 золотника 21 доля, а потому выражался весь в весе слитка серебра в 4 394 531 пуд.

Переводя же этот 3 000 000 000 долг на новый золотой рубль в 17,424 доли золота без оговорки, мы увеличили его вес в серебре на 1 581 469 пудов, т. к. в 1897 г. рубль в 17,424 доли золота соответствовал не рублю в 4 золотника 21 доля серебром, а почти 7 золотникам серебра.

Этим правительство добровольно увеличило наш государственный долг на стоимость всего количества 1 581 469 пудов серебра, т. е. на 1 600 000 000 руб., и притом в долговом обязательстве уже на золото.

Казалось бы, правительство имело полное нравственное право при переходе на новую валюту указать в новом законе по этому вопросу, что старые обязательства в серебряных рублях в 4 золотника 21 доля, – будут расплачиваться по стоимости серебра этого же веса и что в стоимости серебра этого же веса могут погашаться и все частные сделки, заключенные до нового закона.

Владельцам обязательств, т. е. банкирам, это было бы невыгодно, но это было бы выгодно стране.

Указания этого, однако, не было, хотя об этом своевременно и раздавались энергичные голоса в печати.

Таким образом, с введением золотой валюты, мы не только, по примеру других стран, попали в тяжелую

золотую кабалу, но и увеличили всю свою прежнюю задолженность на 50%. На 50% произошло и увеличение ежегодного платежа процента по этой задолженности вследствие перевода их с рублей серебром весом 4 золотника 21 доля – на рубли золотом весом 17,424 доли.

Результаты закабаления нас в золото не замедлили проявиться с математической точностью: началось сейчас же необыкновенно быстрое разорение»¹. О разорении мы уже достаточно говорили, поэтому подробно на этом останавливаться не будем.

Витте и русские патриоты

После окончательного введения «золотого рубля» в 1898 г. Шарапов начинает прямую критику Витте, говоря уже не столько о его заблуждениях и ошибках, сколько о его недобросовестности и даже нечистоплотности.

Так, в работе (лекции) «Земля и воля... без денег» в 1907 г. Шарапов подробно раскрывает все шаги Витте по продвижению проекта золотого рубля. В частности, он пишет: «Никто не понимал, в чем собственно дело, вследствие полного незнакомства публики с финансовыми теориями, но проект встретил всеобщий и дружный протест, основанный на верном, хотя бессознательном инстинкте. Государственный Совет проекта не одобрил, и Государь наложил резолюцию, что “дело это может еще потребовать продолжительного обсуждения”».

Казалось бы, дело кончено и обязанностью министра финансов должно быть строгое исполнение закона... и забота об укреплении существовавшей уже серебряной валюты. Но это было не в интересах международной биржи, и потому г. Витте надумал обой-

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 25–27.

ти и Государственный Совет, и Монарха и провести реформу мошенническим образом... Он обратил ее в ряд мероприятий узкотехнического характера и разбил на части, по-видимому, несущественные». Далее Шарапов подробно описывает эти «мероприятия узкотехнического характера», которые привели к окончательному переходу страны на золотой рубль. Шарапов подытоживает: «Золотая реформа была именно потому и преступна, и безнравственна, что русскую публику путем подкупа главных газет уверили, будто ее кредитный рубль упал в своей ценности ниже рубля золотого, и этот паритет надо восстановить понижением цены золотого рубля. Произошла как будто *девальвация*. Но в действительности кредитный рубль *не имел никакого отношения к рублю золотому*, – это был представитель веса чистого серебра в 4 зол. 21 долю и ничего более. Это ясно, как день, стояло в законе, и потому иначе как безнравственным подложное толкование этого закона и прикрепление кредитного рубля к вздорожавшему золотому империалу, бывшему только нашей вспомогательной монетой, охарактеризовано быть не может»¹. Шарапов дает лаконичную и политически точную оценку личности С. Витте: «Нужна была железная рука и гуттаперчевая совесть, чтобы осуществить мечту всемирной биржи и путем золой валюты покорить доселе экономически независимую Россию под ноги международного капитала»².

Менее чем через год в докладе «*Финансовое возрождение России*», прочитанном на заседании Русского Собрания в Петербурге 9 марта 1908 г.³, Шарапов еще раз повторил основные обвинения в адрес Витте, ко-

¹ Шарапов С. Ф. Земля и воля ... без денег. – 1907. – С. 20–21.

² Там же. – С. 18.

³ Данный доклад включен в книгу С. Ф. Шарапова «Россия будущего».

торый в 1895–1898 гг. совершил самое настоящее преступление: «Золотая валюта была решена графом Витте единолично и введена явно недобросовестным способом, в обход Государственного Совета и в нарушение прямой воли Государя». Впрочем, в том же докладе Шарапов уточняет: граф не был взбалмошным министром-одиначкой, который руководствовался лишь своими личными соображениями и фантазиями. «Золотая валюта была решена» в итоге Ротшильдами, а граф был лишь проводником их решения. Шарапов говорит: так называемая «русская» революция 1905–1907 гг., несмотря на «золотой рубль», не спасла наши процентные бумаги, размещенные на рынке Франции от сильного падения. «Но эти жертвы (по созданию золотого запаса в России. – В. К.) и недавнее крушение наших бумаг, вызванное так называемым освободительным движением (революцией 1905–1907 гг. – В. К.), принесло жестокое разорение как своим владельцам капиталов, так и нашим доверчивым друзьям – французам. Потеря четвертой части своего достояния каждым держателем наших бумаг было законным возмездием: нам – за финансовое невежество, французам – за их продажную печать и доверие к международным евреям, поддержавшим сначала великого Кольбера¹ – Витте, а затем пресловутую революцию». Итак, *международные евреи (Ротшильды и К^о.) поддерживали нашего министра финансов Витте, потому что последний выполнял их задание – втянуть Россию в «золотую петлю»*. Команды от Ротшильдов

¹ Кольбер (Colbert) Жан-Батист (1619–1683) – знаменитый французский государственный деятель, интендант финансов, урегулировал распределение налогов, способствовал росту торговли и промышленности (меркантилизм), провел Лангедокский канал, поднял мореходство и состояние колоний. Дореволюционная пресса, контролируемая в значительной степени сторонниками Витте, лгливо называла его «русским Кольбером».

Витте получал по каналам международного масонства, в рядах которого граф состоял¹.

Впрочем, нельзя умалять «заслуги» графа и в подготовки условий той самой «пресловутой революции». В статье «Социализм как религия ненависти» (1907)² Шарапов пишет: «При наличии наверху графа Витте (граф возглавлял Комитет министров. – В. К.) эти забастовки (осенью 1905 г. – В. К.) вызвали знаменитый акт 17 октября, если только не были инсценированы умелой рукой самого его сиятельства, чтобы добить ненавистное ему самодержавие».

Следует обратить внимание и на другие «заслуги» графа Витте: всяческое поощрение иностранного капитала в стране (собственно, преимущественно для иностранных инвесторов и нужен был «золотой рубль»), покрытие различных мошеннических сделок, расцвет коррупции, рост внешней задолженности, затягивание России в сети Антанты, вбивание «клиньев» в отношения между Россией и Германией (подготовка будущей мировой войны) и многое другое³.

Наверное, наиболее яркий портрет Витте Шараповым нарисован в его романе «Диктатор». Главный герой романа генерал Иванов (он же – «диктатор») вызывает к себе графа Витте (уже бывшего министра финансов) и без обиняков заявляет: «Я считаю вас родоначальником и главной пружиной революционного движения в России. Как министр финансов, вы вашей политикой разорили

¹ О причастности С. Витте к масонству см.: Шабельская Е. А. Сатанисты XX века. – М., 2004 (переиздание книги, которая вышла впервые в России в 1912 г.). См. также: Клепов А. Витте и немецкие ордена.

² Данная статья включена в книгу С. Ф. Шарапова «Россия будущего».

³ О роли С. Витте в обострении отношений между Россией и Германией см.: Кремлев С. Россия и Германия: сравнить! От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. См. также: Клепов А. Витте и немецкие ордена.

Россию и подготовили то положение вещей, в котором застала нас Японская война. Вы развратили все правительство, печать, общество, вы убили народную честь и совесть. В Портсмуте вы заключили преступный мир и предали Россию и, наконец, как глава правительства, вы устроили ряд революционных выступлений, чтобы вырвать у Государя несчастный Манифест 17 октября. Все это, взятое вместе, дает такую ужасную картину измены и предательства, что я не затруднился бы расстрелять вас в 24 часа. Я умолял Государя разрешить мне предать вас Верховному Суду как государственного изменника и с вас начать очищение России. К несчастью, Государь не дал на это своего согласия. Все, на что Он меня уполномочил, это предложить вам немедленно и навсегда покинуть Россию. Преклоняюсь перед бесконечной добротой Государя и даю вам сроку...».

Как жаль, что у нас сегодня нет генералов Ивановых, которые бы могли не только дать оценку деятельности современных «реформаторов», но и предать их Верховному Суду. В крайнем случае – избавить от них Россию, выслав за пределы страны.

А. Нечволодов об абсурдности системы золотого рубля

Мы уже несколько раз вспоминали известного русского генерала *Александра Дмитриевича Нечволодова*, который жил примерно в одно время с Шараповым и был его единомышленником во многих вопросах¹.

¹ *Нечволодов А. Д.* (1864–1938) – русский генерал, историк, военный и общественный деятель. Действительный член Императорского русского военно-исторического общества. Автор знаменитого 4-х томного «Сказания о русской земле», вышедшего в свет по указанию Николая II. В эмиграции участвовал в переводе на французский язык «Сионских протоколов».

Прежде всего, в понимании того, что «золотой рубль» – смертельная опасность для России и что стране надо как можно быстрее избавляться от «золотой удавки». Генерал помимо своих военных дел занимался русской историей и известен как историк. Вместе с тем он глубоко разбирался в экономике. Об этом свидетельствует его книга «От разорения к достатку» (1906 г.), которая по многим моментам очень хорошо дополняет «Бумажный рубль...» Шарапова. По самым последним на момент издания книги данным (по состоянию на апрель 1906 г.) государственная задолженность России достигла 8525 млн. руб., а годовые расходы на погашение долга (погашение основной суммы долга плюс уплата процентов) – 384 млн. руб. Это была так называемая прямая задолженность или обязательства казначейства. Если учесть железнодорожные займы (по которым государство выступало гарантом), а также долги Дворянского и Крестьянского банков (государственных кредитных учреждений) по их закладным листам, то общая сумма государственных обязательств, по данным Нечволодова, достигала 10 741 млн. руб., а годовые расходы по этим обязательствам – 482 млн. руб.¹ При этом, согласно государственной росписи на 1906 г., доходы государственного бюджета планировались в размере 2030 млн. руб., расходы – 2501 млн. руб., а дефицит бюджета составлял 481 млн. руб.² Примечательно, что на начало 1906 г. денежная масса в стране составила лишь 2261 млн. руб. (кредитные билеты, золото, разменная монета). Денежная масса была даже меньше запланированной величины бюджетных расходов! Только что (в апреле 1906 г.) Россия с большим трудом получила так называемый

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 5–6.

² Там же. – С. 6.

французский заем (самый большой в истории России)¹, а уже опять надо думать, чем и как закрывать дефицит государственного бюджета.

Поскольку рассчитывать на новые займы Россия не могла, то недостающие деньги она рассчитывала получить через раздачу *концессий* иностранцам. Нечволодов называет это откровенной *распродажей России*. Уже в начале 1906 г. шли переговоры о концессиях, связанных с железнодорожным строительством, сооружением каналов, учреждением Торгово-Промышленного банка. Но самая ужасная последняя концессия – «передача права выпуска денег Государственным банком иностранному акционерному обществу». Генерал заключает: «Предоставление же всех упомянутых выше концессий, не только не помогая делу по существу, а лишь его ухудшая, было бы, конечно, *вполне откровенной распродажей* нашего государственного достояния и при этом в размерах, до которых не дошли еще ни Турция, ни Египет, а последняя концессия – и *откровенной же государственной изменой*»².

Оперируя цифрами, Нечволодов показывает, что ни России, ни другим странам, втянутым в «золотой клуб», не хватит даже всех мировых запасов золота для того, чтобы расплатиться по полученным от Ротшильдов и других ростовщиков кредитам: «Запас этих знаков (кредитных билетов, обеспеченных золотом. – В. К.) *совершенно не соответствует* современным потребностям человечества. Поэтому для того, чтобы иметь возможность для нужд своих подданных располагать нужным количеством означенных денежных знаков *в золотой валюте*, правительства вынуждены прибегать время от

¹ Подробнее об этом займе см. гл. 3, раздел «О государственном долге России» наст. изд.

² Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 54.

времени к займам золота, причем сумма государственных долгов в 23 государствах, где введена золотая валюта,... к 1 января 1903 г. составляла 4 546 047 110 ф. ст., или же 45 млрд. руб. золотом. Сумма эта более чем вдвое превышает наличность всего золота на земле, большая же часть обязательств по этому долгу находится в портфелях упомянутых выше банкиров – международных торговцев деньгами.

Что же касается, в частности, России, то *только по одним* государственным и гарантированным правительством долгам мы должны золотом более половины всех золотых денег, находящихся на земном шаре»¹.

Мы уже говорили о том, что золотая валюта была навязана русскому народу графом Витте откровенно мошенническим способом. Нечволодов пишет, что то же самое происходило и в других странах: «Это безграничное по своей глубине мировое мошенничество перевода всех денег и прежних долгов на золото было проведено как в Соединенных Штатах, так и в государствах Западной Европы актами артистически наглого проходимства»².

Нечволодов смотрит на ту денежную систему, при которой Россия существует уже почти 10 лет, и не перестает удивляться ее абсурдности. Об этой абсурдности говорил и Шарапов, но генерал в очень лаконичной и убедительной, понятной любому здравомыслящему человеку форме еще раз повторил основные моменты: 1) денежная система базируется на золоте, которое не имеет постоянной и устойчивой ценности; 2) количество денежных знаков в стране определяется количеством золотого запаса, а не потребностями общества;

¹ Там же. – С. 16.

² Там же. – С. 32–33. Нечволодов в своей работе конкретно разбирает акты артистически наглого проходимства» в Германии, САСШ, Франции.

3) выпускаемые денежные знаки на самом деле не обеспечены золотом, потому что оно заемное и России не принадлежит.

Вот мысль Нечволодова по поводу последнего момента: «Нелепость русской денежной системы заключается еще в том, что деньги наши обеспечены золотом, которое нам не принадлежит, т. к. мы должны его в пять раз большую сумму, чем у нас имеется золотых денег; в долг же это золото, нужное исключительно для обеспечения наших бумажных денег, мы берем под государственные ценные бумаги; бумаги же эти имеют, очевидно, ценность только потому, что верят Российскому Государству, которое их выпускает; потому, разумеется, и деньги наши вовсе не нуждаются в промежуточном золотом обеспечении, которое одно привело, однако, Россию к полному разорению и ежегодным платежам процентов свыше 482 000 000 руб. золотом»¹.

После такого простого объяснения генерала даже непрофессионалу становится понятной мошенническая природа так называемых «золотых» денег. И еще более очевидной становится простая и естественная альтернатива – *бумажные деньги*. В конце своей работы Нечволодов произносит пророческие слова: «Во всяком случае, для России *безотлагательный переход к бумажным, неразменным на золото деньгам* является в настоящее время *неизбежным*, и всякое промедление грозит как нашей самостоятельности в международных отношениях, так и кровавыми столкновениям на экономической почве внутри Империи»². Власти России не прислушались к грозным предупреждениям Шарапова, Нечволодова, других русских патриотов, и страна вскоре пришла к «кровавым столкновениям на эконо-

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 102 (примечание 39).

² Там же. – С. 98.

мической почве внутри Империи» в виде революций 1917 года и гражданской войны. Первая мировая война привела к насильственной ликвидации золотых денег. Скоро будет век, как наша страна живет без золотых (и вообще без металлических) денег.

Как выбраться из «золотой мышеловки»: вариант Нечволодова и Кокорева

Справедливости ради следует отметить, что у Нечволодова, судя по всему, речь идет просто о бумажных деньгах, а не о тех абсолютных деньгах, которые предлагал Шарапов. По Нечволодову, государство должно для обеспечения нормального денежного обращения:

- а) определять необходимое количество денег;
- б) обеспечивать поддержание этого объема денег с помощью внутренних займов и эмиссий.

Нечволодов пишет: «Потребность эта может быть определена или на основании числа жителей страны, среднего годового расхода каждого из них и среднего числа оборотов денег в год, или же государственной сметой вместе с количеством требования денег кредитными учреждениями страны для выдачи ссуд под векселя и залог имущества.

Если при этом получается, вследствие той или иной причины, в известный период времени излишнее обременение страны деньгами, что выразится возвышением цен на все товары, то излишек денег всегда может быть извлечен – *путем внутреннего займа*.

Деньги, извлеченные таким путем, будут погашаться, а при новой потребности страны в деньгах они будут выпускаться вновь»¹.

¹ Там же. – С. 47.

Как мы теперь уже хорошо поняли, у Шарапова организация денежного обращения организована иначе: государству не надо заранее определять (планировать) объем денежной массы, т. к. он регулируется автоматически с помощью разветвленной сети депозитно-кредитных учреждений, находящихся в ведении или под контролем государства. В схеме Шарапова государственные заимствования – не только внешние, но и внутренние с помощью процентных бумаг (облигаций) вообще теряют смысл, т. к. государство обладает властью производить «мнимые» капиталы. А если у населения по каким-то причинам образуется излишек денег на руках, то этот излишек оказывается на депозитных счетах касс, которые являются государственными. Происходит добровольное, оперативное, взаимовыгодное кредитование населением своего государства. Деньги Шарапова – не просто бумажные, они – кредитные. Кредитный характер денег означает, что они: а) образуют долг; б) указанный долг включает проценты.

Если сравнивать бумажные деньги Нечволодова, то они, наверное, по своей экономической природе ближе к бумажным деньгам, о которых говорил патриарх «экономического славянофильства» *Василий Кокорев* в своих «Экономических провалах» (1887). Кокорев – сторонник обычных бумажных денег, выпуск которых не образует долга. Другими словами, речь идет о классических *казначейских билетах* или *ассигнациях*, которые обращались в России со времен Екатерины II почти до самого конца царствования Николая I. А для изъятия в случае необходимости излишних денежных знаков он предлагал использовать такой метод, как размещение внутренних государственных займов. А про внешние займы, естественно, следовало забыть раз и навсегда. Кокорев писал о сложностях, возникающих из-за того,

что в стране не хватало бумажных денег, особенно после Крымской войны, когда потребность в них возросла из-за расширения внутреннего рынка: «Безусловные поклонники чужеземных правил, не входя ни в какие подробности и не исчислив размера нужного для крайних надобностей количества денег, громогласно вопиют на всякие лады о невозможности выпуска бумажных знаков, для какого бы общепольного и выгодного государственного дела они ни понадобились. Голоса эти слышатся с 1856 г., после которого к России присоединились умиротворенный Кавказ и затем Амур, Ташкент, Карс и Батум, породившие новую потребность в оборотных денежных средствах...»¹.

Кокорев отмечает, что Запад крайне болезненно воспринимал попытки России использовать в качестве денег бездолговые денежные знаки, навязывая нам мысль, что потребность в деньгах надо покрывать за счет заимствований на европейской бирже: «Европа постигала, что...надобно было сверх других экономических козней связать нам руки, т. е. подчинить правилу, что вместо простых денежных знаков можно выпускать только процентные бумаги с продажей их на европейских биржах, дабы таким способом постепенно вовлекать нас в неоплатные долги, а верховной русской власти противопоставить власть Ротшильдов и других представителей биржевого курса и сделать из этого курса политический и финансовый барометр для определения русской силы; показания же барометра заимствовать из бюллетеней иностранных бирж, находящихся в распоряжении противников нашего преуспевания...»².

В результате правительство Александра II пошло по пути покрытия своих финансовых потребностей не

¹ Кокорев В. А. Указ. соч. – С. 28.

² Там же. – С. 28.

за счет бумажных денег, которые оно могло бы само выпускать, а за счет размещения займов в Европе, что привело к печальным последствиям для России: «После Крымской войны мы никак не решались строить железные дороги на беспроцентные бумажные деньги, несмотря на то, что народная жизнь принимала их в полном рубле (т. е. они могли бы обмениваться на серебряный рубль без какого-либо дисконта. – В. К.) и с полным доверием, и мы могли бы платить этими деньгами за все земляные, каменные, плотничные и т. п. работы. Мы могли на эти деньги построить дома, у себя все нужные для железнодорожного дела заводы; но мы неизвестно зачем и почему не решались отступить от исполнения чужеземного догмата, вовсе не подходящего к образу всероссийского правления, и всецело подчинились указаниям заграничных экономических сочинений. Мы имели ложную боязнь, что при значительном выпуске бумажек наш рубль сильно упадет, и потому пустили в ход на иностранные биржи наши векселя с 5% интересов, т. е. облигации железных дорог и других займов, и отдавали их с уступкою более 30%»¹.

Эти «рецепты» западной финансовой науки быстро были восприняты в России, крайне мало людей даже из патриотических кругов ставили под сомнение эти финансовые аксиомы: «В период времени от 1860 до 1875 г. все стояли за невозможность выпуска (беспроцентных бумажных денег. – В. К.), и даже самые патриотические люди, В. Ф. Чижов и И. К. Бабст, принадлежали к тому же воззрению, и в целой России, в обществе и печати, раздавались только три голоса, желавшие для постройки железных дорог появления беспроцентных железнодорожных бумаг вместо разорительных займов за границу. Это были М. П. Погодин, А. П. Шипов и

¹ Кокорев В. А. Указ. соч. – С. 27.

А. А. Пороховщиков, но их за этот взгляд называли не только отсталыми, но и юродивыми»¹.

Для того чтобы принимать решение о выпуске беспроцентных бумаг или, наоборот, об их изъятии из обращения, властям надо было бы подсчитать, сколько надо вообще денег для русской жизни, а также при этом учесть громадные пространства страны, сложность общения между отдельными регионами России; никаких исчислений в России на этот счет до сих пор не делалось: «Следовало бы, прежде чем придти к мысли о невозможности печатать беспроцентные бумажные деньги, определить, сколько для всей русской жизни нужно вообще денег, чтобы можно было расплачиваться ежедневно за труд рабочих по сельскому хозяйству и фабричному производству и т. д., потому что при неимении монеты, исчезнувшей по случаю прежде изложенных провалов и предательских тарифов, надобно, чтобы были, по крайней мере, в потребном количестве бумажные знаки ценности. Затем следовало бы принять в соображение наши расстояния, например: Архангельск, Иркутск–С.-Петербург, Москва–Ташкент, Варшава–Амур и т. д. У нас никакого исчисления по этому основному вопросу еще никем не сделано, и мы сами не знаем, много или мало у нас денежных знаков, и скорее надобно думать, что их мало, по тем затруднениям, какие повсюду встречаются в денежных расчетах».

То, что к началу XX века не было никаких более или менее надежных способов подсчета количества денег, необходимых для экономической жизни, делало особо привлекательной модель денежной системы Шарипова. В системе, базирующейся на этой модели, денежным властям не надо ломать голову: оптимальный объем денежной массы формируется автоматически.

¹ Там же. – С. 27–28.

В модели Кокорева и Нечволодова такие расчеты делать необходимо, причем не исключались ошибки. Механизм управления денежной массой во второй модели также более грубый. В отличие от модели Шарапова, где существует разветвленная сеть депозитно-кредитных учреждений с тончайшей «капиллярной» системой, выступающей одновременно в качестве чутких «рецепторов» хозяйственной жизни на местах. Очевидно, что модель Шарапова более «рыночная».

Большевики, придя к власти, после некоторых сомнений отбросили идею металлических денег и взяли курс на развитие бумажно-денежной системы. При этом она восприняла некоторые элементы модели Шарапова. Прежде всего, в части, касающейся выпуска денег в виде мнимых капиталов для кредитования крупных инвестиционных проектов. В то же время она имела и черты модели Нечволодова–Кокорева, поскольку не использовала депозитно-кредитные регуляторы денежной массы. Объем и структура такой массы определились на основании расчетов и планов, а денежная эмиссия и денежные заимствования осуществлялись на основе утвержденных планов.

Как выбраться из «золотой мышеловки»: биметаллизм

После того как в России стараниями Витте был введен золотой рубль, Шарапов и другие русские патриоты стали бороться за его отмену. Уже через год после денежной реформы Витте Шарапов опубликовал брошюру, которая прямо так и называлась «*Как ликвидировать золотую валюту?*» (1899)¹; через десять лет

¹ Шарапов С. Ф. Как ликвидировать золотую валюту? – СПб., 1889.

этот вопрос об избавлении от золотой валюты подробно рассматривался Шараповым в брошюре «Финансовое возрождение России» (1908)¹. Г. В. Бутми посвятил вопросам выхода из золотого рубля такие работы, как «Золотая валюта» (1904), «Итоги финансового хозяйства с 1892 по 1909», «О финансовой и денежной системе» (1910) и некоторые другие. Этому же вопросу была посвящена значительная часть книги А. Нечволодова «От разорения к достатку» (1906), а также «Русские деньги» (1907). Нечволодов, в частности, писал: «Перед нами стоит вопрос самой огромной важности: явится ли для России еще *какая-нибудь* возможность бороться с этим уже наполовину надвинувшимся над ней господством хозяев международного капитала и какие для этого должны служить меры?»².

В принципе, в сложившейся ситуации было несколько выходов из «золотой мышеловки».

Самый радикальный из них – переход к *абсолютным деньгам* Шарапова. Смысл и механизм функционирования абсолютных денег мы уже обсудили. Это был, конечно, сложный вариант, т. к. он предполагал серьезную перестройку всей системы управления экономикой. Уже не приходилось говорить о том, что со стороны Запада были бы использованы все возможные средства (финансовые, дипломатические, военные), чтобы не допустить перехода России к бумажным абсолютным деньгам. Ведь это грозило королям биржи полной утратой контроля над Россией. Поэтому сам Шарапов не исключал других, более осторожных, «мягких» вариантов.

Обсуждался также вариант перехода от золотой валюты к *биметаллизму*. Многие противники золотой валюты в России в качестве альтернативного варианта

¹ Шарапов С. Ф. Финансовое возрождение России. – М., 1908.

² Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 15.

предлагали биметаллизм – одновременное использование в качестве денежных металлов золота и серебра. Такую позицию занимал, например, непримиримый противник С. Витте Г. Бутми¹. Биметаллическая система привела бы к примерно двукратному увеличению в стоимостном выражении металлического государственного запаса и, соответственно, двукратному увеличению количества денег в обращении.

Монометаллисты критиковали биметаллистов утверждая, что пропорции обмена золота и серебра под влиянием многих факторов постоянно меняются. Еще в 1558 г. советник английской королевы Грешэм (Gresham) сформулировал закон (который до сих пор называется его именем – «Закон Грешэма»): при одновременном хождении в стране золотых и серебряных монет из обращения будет вытесняться монета более дорогая и оставаться монета более дешевая. Смысл этого закона предельно прост: более дорогая монета будет уходить из данной страны в другую, где в обмен на эту монету ее владелец сможет получить больше монет из другого металла. Иначе говоря, биметаллизм – неустойчивое состояние денежной системы, он быстро вырождается в монометаллизм – золотой или серебряный.

Над законом Грешэма полтора века спустя размышлял другой англичанин – Исаак Ньютон, всемирно известный математик и физик. И он пришел к выводу, что биметаллизм может существовать: «Если бы у нас (англичан) ценность золота была ниже по отношению

¹ Бутми де Кацман, Георгий Васильевич (1856–1917) – экономист, публицист, общественный деятель, был близок к С. Шарапову. Участник монархического движения. Наиболее известные работы: «К вопросу о денежной реформе» (Одесса, 1896); «Золотой монометаллизм и его значение для России» (СПб, 1897); «Капиталы и долги» (М., 1898); «Золотая валюта» (СПб., 1904); «Итоги финансового хозяйства с 1892 по 1903 г.» (СПб, 1904).

к ценности серебра, равного отношению в остальной Европе, то не было бы никакого соблазна вывозить серебро скорее, чем золото, в другие европейские страны». Таким образом, решение гениально просто: надо добиться международного соглашения о введении биметаллического стандарта во всех странах одновременно, что лишит владельцев денег стимула перевозить монеты из одного металла для обмена на монеты из другого металла в иных странах. В учебниках это названо принципом Ньютона.

Впрочем, некоторые страны были уверены в том, что и без международного соглашения они в состоянии поддерживать биметаллическую денежную систему. В первую очередь, это Франция. Там в 1803 г. был принят закон, который легализовал в качестве денег оба металла, разрешив свободную чеканку золотой и серебряной монеты и их обмен в пропорции 15,5 : 1. В течение 70 лет правительству Франции (казначейству) удавалось поддерживать чеканку монет из обоих металлов и их свободный размен в установленной пропорции. В середине XIX века начался бум добычи золота (Калифорния, Австралия), что привело к относительному удешевлению желтого металла по отношению к серебру. Золото стало уходить из многих стран согласно закону Грешэма. Куда оно могло притекать? – Во Францию, на ее монетный двор. За 15 лет (1850–1865 гг.) Франция начеканила золотых монет на сумму более 5 млрд. франков. Конечно, Франция несла немалые издержки, но при этом сумела сохранить пропорцию металлического обмена на уровне 1803 г. (15,5 : 1). «Семидесятилетний опыт сделал названное отношение законом природы. О том, что это соотношение держится на французском биметаллизме, никто не задумывался»¹.

¹ Бутми Г. В. Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира. – С. 68.

Чтобы стабилизировать биметаллический стандарт, Франция начала активную международную агитацию в пользу европейского соглашения в духе принципа Ньютона. Биметаллический стандарт был согласован на международном уровне и принят в 1865 г. рядом европейских стран, объединившихся в *Латинский монетный союз* (кроме Франции в него вошли Швейцария, Бельгия, Италия; позднее присоединился еще ряд стран). Там главную роль играла Франция, которая с помощью обменных операций своего центрального банка поддерживала устойчивый обменный курс золота и серебра (1 :15,5).

Не успели высохнуть чернила на документах, оформлявших создание Латинского монетного союза, как международные ростовщики начали подрывную работу против биметаллизма. Уже через два года в 1867 г. был проведен международный монетный (валютный) конгресс, на котором последовательно насаждалась мысль о том, что золотой монометаллизм – лучшая денежная система. Основной аргумент в пользу этой точки зрения – доминирующее положение Англии на мировых рынках и в мировой экономике. Бутми писал об этом судьбоносном для человечества событии: «Торговля и промышленность Англии, свободно развиваясь, достигли того расцвета, который был обусловлен ее географическим положением и предприимчивостью английского народа. Этот результат был неправильно приписан английской монетной системе. Это заблуждение породило мысль, будто золотая валюта должна лечь в основание монетных систем наиболее цивилизованных народов, – мысль, которая была высказана на монетном конгрессе 1867 года»¹.

После того как Германия объявила о введении золотой марки, она начала активно продавать серебро в обмен

¹ Бутми Г. В. Указ. соч. – С. 69.

на золото. Серебро наводнило Францию, и она через некоторое время резко сократила чеканку серебряных монет, поскольку желающих приобрести дорожающее золото с помощью дешевого серебра оказалось очень много. В 1879 г. чеканка серебряной монеты во Франции прекратилась полностью, фактически установился золотой монометаллизм¹. Ученые профессора тут же поспешили сделать глубокомысленное заключение, что «денежный биметаллизм не выдержал испытания временем».

Во многих учебниках по истории финансов достаточно поверхностно пишут, что во второй половине XIX века началось перепроизводство серебра, оно стало быстро дешеветь по отношению к золоту, и Франции приходилось тратить много золота, спрос на которое стал быстро расти. Другими словами, упор делается на причины «объективного» характера (изменения объемов добычи двух металлов, издержек по добыче и т. п.). Бутми полагал, что отход Франции от своих обязательств по биметаллическому стандарту был обусловлен не «объективными» причинами (для доказательства этого он использовал обширную статистику), а факторами политического характера (давление на власти Франции со стороны мировых ростовщиков).

Как выбраться из «золотой мышеловки»: серебряный рубль

Нечволодов считал, что биметаллизм лишь немного ослабит «удавку», наброшенную ростовщиками на шею русского народа, но не более того: «Бороться с

¹ Вскоре Латинский монетный союз фактически перестал выполнять свои функции, т. к. часть стран-членов (включая Францию) присоединилась к золотому стандарту. Биметаллическая денежная система в отдельных странах мира просуществовала до 1930-х гг.

ней (золотой валютой. – В. К.) путем международного введения биметаллизма невозможно вследствие несомненного противодействия большинства английской и французской палат; наконец, даже если бы было снова введено путем международного соглашения в обращение 10 000 000 000 долларов серебра, до какого размера успел возрасти его запас к концу столетия, то бедствие будет не устранено, а только несколько отсрочено, т. к. запас металла, если серебро будет вновь признано деньгами, представит все-таки ничтожную сумму, задолженную человечеством металлом же международным торговцам деньгами, а потому это не выведет их из кабалы и масоны будут продолжать ростовщическую продажу этого металла по-прежнему»¹. Уже не приходится говорить об извечном дефекте биметаллической денежной системы – колебаниях пропорций обмена золота и серебра, что создавало почву для спекуляций и разного рода злоупотреблений. Государство могло брать на себя обязательства по поддержанию фиксированных пропорций обмена, однако это обходилось ему большими затратами либо золота, либо серебра.

По мнению ряда экономистов, в том числе самого Шарапова, более реалистичной альтернативой мог быть *серебряный стандарт*, особенно учитывая то обстоятельство, что серебро быстро дешевето (расширение числа стран, присоединявшихся к золотому стандарту, способствовало еще большему снижению цен на серебро).

Главные герои романа Шарапова «*Диктатор*» генерал Иванов («диктатор») и Соколов (министр финансов в кабинете Иванова) обсуждают альтернативы золотой денежной системы. Соколов разъясняет своему начальнику, что золото вздорожало (после перехода к золотому стандарту), а это выгодно кредиторам и разо-

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 30.

рительно для тех, кто должен: «Золото, ставши теперь мировыми деньгами, вздорожало. Отсюда огромные выгоды для тех стран, которым должны, и огромные убытки для стран, которые платят проценты. Россия задолжала по уши, следовательно, золото ее разоряет». Соколов обрисовывает несколько вариантов выхода из этого тупика: а) вернуться к биметаллизму; б) перейти к серебряному стандарту; в) установить бумажно-денежное обращение. Худшим для России он считает вариант биметаллизма: «На восстановление биметаллизма надежды нет, значит, она должна ради самосохранения взять деньги более дешевые, т. е. перейти на серебро или на чистые бумажки».

Но генерал Иванов совершенно справедливо высказывает опасения, что при более дешевых деньгах возрастет уплата процентов по внешнему долгу России (понижение курса нового рубля приведет к тому, что для погашения долга, номинированного в золоте, потребуется больше рублей). На это Соколов отвечает Иванову, что Россия в итоге все равно окажется в выигрыше, т. к. снижение курса рубля будет стимулировать экспорт и улучшит состояние расчетного баланса страны: «И все-таки страна будет в огромной выгоде. Судите сами. Представьте себе, что нам надо платить сто миллионов процентов. У меня точных цифр под руками нет, и я беру цифры схематически. Курс рубля понижен до 2/3. Значит, нам придется платить не сто, а полтора-два миллиона. Но в то же время мы вывозим на миллиард рублей товара. По новой расценке мы получим за него полтора миллиарда. Другими словами, государственное хозяйство потеряет пятьдесят миллионов, а народное выиграет полмиллиарда».

На замечание Иванова, что импорт подорожает в той же мере, как и экспорт, и выигрыша не должно по-

лучиться, Соколов отвечает: «Но так как иностранные товары вздорожают в полтора раза, то ввоз их сам собой сократится. Одновременно низкий курс будет давать огромную премию для вывоза. В результате расчетный баланс сразу сильно перекачнется в нашу пользу, и народное хозяйство получит огромные барыши».

Итак, остается решить: какие же из более дешевых денег более предпочтительны. Герой романа Соколов достаточно благосклонно относится к варианту *серебряных денег*: «В настоящем положении России и при существующих ценах серебра наш обратный переход на серебряную валюту мог бы тоже довольно прилично решить вопрос о нашей денежной системе. При серебре мы могли бы иметь хорошие национальные деньги и на первое время даже в нужном количестве. Можно было бы свободно выпустить около двух миллиардов разменных на серебро билетов и на эти деньги организовать народный кредит, перевооружить армию, создать нужные крепости и железные дороги, выстроить флот». Но, конечно же, наш герой, озвучивая мысли Шарапова, пальму первенства отдает бумажным деньгам через раскрытие недостатка денег серебряных: «Но позвольте мне быть вполне откровенным. Витте напустил на нас панику перед бумажными деньгами. ... Так вот, ваше превосходительство, бросьте вопрос о серебре. Зачем вы хотите связывать свободный и свободно управляемый знак с металлом? Почему рубль должен изображать непременно 4 золотника 21 долю серебра?». Свою мысль Соколов дополнительно объясняет: «С 1873 года покупательная способность золота возросла в $2\frac{1}{4}$ раза. Завтра Россия переходит на серебро, и нынешняя покупательная способность этого металла начинает резко расти. Остановить его не в нашей власти. Наоборот, именно раскрепленный от металла денежный знак может быть идеально постоянным».

Но серебряный рубль серебряному рублю рознь. Можно говорить о серебряном рубле, который представляет собой банкноту, обеспеченную на 100% серебром. А можно на 10 или 20%. Можно говорить о серебряной банкноте, которая обменивается на металл, и о банкноте, которая только имеет серебряное обеспечение, но на металл не разменивается. Шарапов вскользь говорит о возврате к такому варианту серебряных денег, который существовал в России в период между реформой Канкрина и реформой Витте. Это был так называемый «серебряный рубль» в виде кредитных билетов, которые серебром обеспечивались лишь на $\frac{1}{6}$ и при этом на серебро не разменивались. Об этом варианте достаточно подробно написал А. Нечволодов. По его мнению, возвращение к рублю Канкрина с чисто психологической точки зрения был бы очень приемлемым и «спокойным» вариантом демонтажа денежной системы Витте. Для России такой вариант, по мнению Нечволодова, не был бы слишком обременительным. Часть накопленного золотого запаса можно было бы истратить на закупку сильно подешевевшего серебра для формирования нового запаса. По его оценкам, для формирования необходимого запаса этого металла потребовалось бы истратить не более $\frac{1}{4}$ имевшегося на начало 1906 г. золотого запаса России¹.

Последний раз к серебряному рублю как альтернативе золотой валюты Шарапов обстоятельно возвращается в своей работе «Земля и воля... без денег» (1907), где он говорит о необходимости срочных мер по спасению российской деревни и сельского хозяйства. «Ближайшим образом это (спасение. – В. К.) осуществимо, – пишет он, – только планомерным, конечно, возвратом к нашей старой серебряной валюте. Этот возврат, незави-

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 89–90.

симо от возможности увеличить совершенно естественным и законным образом наше денежное обращение, по крайней мере, на 1 млрд. руб. повысит цены на продукты нашего земледелия внутри страны не менее как на 30% и сможет удерживать их на этом уровне.

Все возражения, которые могут быть сделаны против такого исхода, сводятся к невыгодам колеблющегося курса на серебро и к изолированности России от мирового денежного обращения, повсюду ныне, кроме Китая и нескольких государств Азии, основанных на золоте.

Эти возражения легко устранимы. Колеблющийся курс не в силах серьезно парализовать выгоды от дешевой валюты; с другой стороны, при громадной задолженности России вовне ее денежная изолированность кроме выгоды во всех отношениях не принесет ничего. Не будем забывать, что по своим долгам Россия расплачивается отнюдь не золотом, а только вывозимыми продуктами своего народного труда. Эти продукты будут по-прежнему расцениваться на мировом рынке и на мировые деньги, следовательно, в способе расплаты не меняется ничего. Но произвести внутри страны нужное количество продуктов для вывоза при серебряной валюте будет неизмеримо легче»¹.

И все-таки у Шарапова серебряный рубль – полумера, или задача-минимум. Завершая свои размышления о серебряной валюте, Шарапов в работе «Земля и воля... без денег» возвращается опять к бумажному рублю как идеалу русской модели экономики: «Совершенно так же решается вопрос и при переходе к чистым бумажным деньгам, составлявшим сорок лет кряду фактически нашу денежную систему»².

¹ Шарапов С. Ф. Земля и воля ... без денег. – С. 23.

² Там же. – С. 23.

Золотой стандарт — понятие относительное

Говоря о золотом или серебряном стандарте, не следует забывать, что, собственно, никакого единого международного стандарта никогда не было. Никто и нигде не устанавливал, в какой мере объем обращающихся денежных знаков (банкнот) должен быть обеспечен (покрыт) запасом металла. Если бы все страны имели 100-процентное покрытие, тогда можно было говорить: да, это стандарт, которого придерживаются все страны. Или, скажем, 80-процентное. Но этого не было.

В разных странах золотого стандарта сложились уровни покрытия эмиссии денежных знаков металлом. В Великобритании акт Роберта Пиля (1844) устанавливал твердый лимит фидуциарной (не покрытой золотом) эмиссии в 14 млн. ф. ст., все банкноты сверх этого лимита подлежали 100% -ному обеспечению золотом. Обычно Великобританию приводили в качестве примера страны с крайне жестким ограничением банкнотной эмиссии. Однако следует иметь в виду, что норма акта Пиля распространялась на эмиссионную деятельность Банка Англии, который этим же актом был определен как центральный эмиссионный институт страны. Как центральный, но не единственный институт. Другие банки сохранили эмиссионное право¹, причем для каждого из них норматив золотого обеспечения банкнотной эмиссии был определен на том уровне, который существовал фактически на момент принятия акта Пиля (нормативы были значительно более либеральными, чем те, которые устанавливались для Банка Англии). Такие параллельные эмиссионные

¹ Предоставление прав эмиссии банкнот (начиная с 1844 года) новым кредитным организациям было прекращено.

банки просуществовали в Англии довольно долго, и их эмиссия была существенным дополнением к эмиссии Банка Англии. Параллельные банки как эмиссионные центры окончательно прекратили свое существование лишь после Первой мировой войны¹.

Не менее важным является еще одно обстоятельство, о котором не любили вспоминать сторонники жесткого золотого стандарта в России, – действие акта Пиля еще до начала Первой мировой войны не раз приостанавливалось для того, чтобы Банк Англии мог накачать экономику страны необходимым количеством банкнот.

Наконец, следует иметь в виду, что Англия была колониальной державой, и у Банка Англии было много возможностей покрывать эмиссию банкнот не физическим золотом, а запасами валют таких своих колоний, как Канада и Австралия. Указанные две страны еще в 1850-е гг. ввели у себя золотые стандарты, поэтому их валюты приравнивались к золоту. В немалой степени именно этим объясняется тот парадокс, что Банк Англии регулярно рапортовал о 100-процентном покрытии своей банкнотной эмиссии золотом при весьма скромном запасе физического золота².

Во Франции эмиссионная система, введенная в 1870 г., определила общий максимум банкнотной эмиссии, обе-

¹ За 1844–1921 гг. (почти за 80 лет) эмиссионное право утратили 207 частных банкирских домов и 72 акционерных банка Великобритании.

² В отдельные годы, по отчетам Банка Англии, покрытие даже превышало 100%. Например, в 1906 г. он равнялся 104,1%, в 1909 г. – 113,2%, в 1911 г. – 111,0% (Валютный курс // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 138). А вот запас золота в сейфах Банка Англии был крайне скромным. Так, на 1 января 1914 г. золотой запас Банка Англии был в 3,6 раза меньше, чем у Банка Франции, в 1,5 раза меньше, чем у Германского банка и в 5,9 раза меньше, чем у Государственного банка Российской империи (Золотой запас // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 374).

спеченной и не обеспеченной металлом, в 1,8 млрд. фр.; Банку Франции предоставлялось право определять размер металлического покрытия эмиссии (в дальнейшем максимальный лимит эмиссии увеличивался и накануне Первой мировой войны составлял 6,8 млрд. фр.). В Германии по закону 1875 г. максимальный контингент не обеспеченной золотом эмиссии определялся в 250 млн. марок для Рейхсбанка и 135 млн. марок для 32 других эмиссионных учреждений страны; при этом одновременно действовал принцип «третьего покрытия» банкнот: они обеспечивались металлом не менее чем на $\frac{1}{3}$.

В России в 1897 г. была введена эмиссионная система, по которой Госбанку разрешалось выпускать не покрытые золотом кредитные билеты на сумму до 300 млн. руб.; в пределах до 600 млн. руб. золотое обеспечение составляло не менее 60%, вся эмиссия, превышавшая этот лимит, подлежала 100-процентному обеспечению золотом.

В некоторых странах для повышения эластичности денежного обращения разрешалось превышать размер допустимой по закону необеспеченной эмиссии при уплате так называемого эмиссионного налога. В Германии в 1875 г. был введен налог в размере 5% от суммы превышения по сравнению с разрешенной законом эмиссии. В США по закону 1913 г. при снижении нормы покрытия с 40 до 32,5% уплачивался налог в 1% при последующем снижении на 2,5–1,5% и т. д.

Уже в начале XX века металлическое обеспечение банкнотной эмиссии стало утрачивать прежнее значение. На первый план выдвинулась проблема обеспечения эластичности денежного обращения в связи с острыми денежно-кредитными кризисами, которыми сопровождались циклические колебания конъюнктуры. Повысилось значение кредитно-вексельного обеспечения эмиссии.

Так, закон об учреждении в 1913 г. Федеральной резервной системы (ФРС) США предусматривал, что не менее 40% эмитируемых банкнот должны обеспечиваться золотом, а остальные 60% – переучтенными векселями и акцептами, траттами (переводными векселями).

Уже не приходится говорить о том, что в годы Первой мировой войны фактически все страны забыли о существовавших нормативах золотого покрытия и стали широко использовать фидуциарную (необеспеченную) эмиссию денежных знаков. Восстановленный в 1920-х годах в урезанных формах золотой стандарт потерпел крушение почти во всех странах в годы мирового экономического кризиса уже в 1930-х гг. Золотой запас был передан центральными банками в стабилизационные валютные фонды казначейств и в большинстве стран перестал использоваться для покрытия внутренней эмиссии. Норма 40-процентного золотого покрытия сохранилась в Швейцарии, 33-процентного – в Бельгии, 25-процентного – в Португалии. В США норма металлического покрытия эмиссии, сниженная в 1945 г. с 40 до 25%, просуществовала до 1968 г., но имела практически формальное значение¹.

Но вернемся к России конца XIX века. Указ Императора от 29.08.1897 с самого начала закладывал достаточно жесткие ограничения для денежной эмиссии Государственного банка. По данным Госбанка, в 1895 г., например, денежная масса в обращении (банкноты) была равна 1055 млн. руб. Из этого можно было заключить, что для поддержания банкнотного обращения хотя бы на этом уровне требовалось золота в размере 300 млн. руб. + 455 млн. руб. = 755 млн. руб. Централизованный запас золота в том же 1895 г. был равен 964 млн. руб. Следовательно, применительно к 1895 г. фактический уровень золотого

¹ См.: Эмиссия // Большая Советская Энциклопедия.

покрытия по требованиям указа 29.08.1897 был бы равен 127,7%. А резерв дополнительной банкнотной эмиссии составил бы 964 млн. руб. – 755 млн. руб. = 209 млн. руб., т. е. с учетом существовавшего в 1895 г. золотого запаса Государственный банк мог увеличить банкнотную массу лишь на 20%. И не более. И это в момент максимальной подготовленности страны к введению золотого рубля. Указ 1897 г. загонял российскую экономику в крайне жесткие «золотые тиски».

В сентябре 1897 г. Государственным банком было выпущено кредитных билетов на сумму 1069 млн. руб. под обеспечение золотого разменного фонда в 862,5 млн. руб. Таким образом, степень покрытия кредитных билетов фондом составила 80,6%. Позднее этот процент покрытия почти всегда был выше 100%. Он, в частности, составил (данные на 1 января соответствующего года): в 1900 г. – 132,8%; 1907 г. – 99,7; 1908 г. – 101,2; 1909 г. – 112,2%¹. На 1 января 1914 г. бумажная денежная масса была равна 1665 млн. руб., а запас золота – 1695 млн. руб. Таким образом, накануне Первой мировой войны золотое покрытие кредитных билетов составило 101,8%². Такого высокого золотого покрытия не было ни в одной европейской стране.

В своем докладе «Финансовое возрождение России» Шарапов рассматривает пример Франции, которая в отличие от России не держалась «мертвой хваткой» за первоначально установленную норму покрытия бумажноденежной массы золотым запасом. Она эту норму не раз пересматривала ради того, чтобы обеспечить экономику нужным количеством денежных

¹ Отчет Государственного банка за 1910 год. – СПб., 1911. – С. 8.–11; Борисов С. М. Указ. соч. – С. 22. Лишь в период революции 1905–1907 гг. золотое покрытие кредитного рубля понижалось ниже 100% (см.: Борисов С. М. Указ. соч. – С. 23).

² Борисов С. М. Указ. соч. – С. 22.

знаков: «С другой стороны, никто не станет осуждать, например, Французский банк за то, что он постоянно расширяет свою выпускную операцию, все более раздвигая законодательным порядком максимум, установленный для бумажных денег. Французский банк имеет в виду удовлетворить всех своих кредитоспособных клиентов, и никому не придет на ум бояться огромного количества бумажных знаков, обращающихся во Франции, которые были бы столь же полноценными без всякого размена, как полноценны теперь, обеспеченные разменом на золото. Все дело в назначении денег и в устройстве системы кредита. Количество же их определяет сама жизнь»¹.

Некоторые страны в начале прошлого века имели достаточно «облегченный» «золотой стандарт», что весьма им упрощало жизнь. Например, в Германии в 1906 г. золотое обеспечение обращающихся денежных знаков было равно 37,4%, а в 1911 г. – 44,7%. Во Франции в указанные годы золотое покрытие равнялось соответственно 78,5 и 75,5%; в Австро-Венгрии – 67,8 и 62,0%².

В некоторых странах золотое обеспечение было вообще «символическим». Например, А. Д. Нечволодов отмечает, что разменный фонд золота в Бельгии составляет лишь $\frac{1}{6}$ бумажной денежной массы, намекая, что этого хватило бы и России³. Таким образом, Шарапов и Нечволодов называют еще один способ «мягкого» отхода от золотого рубля – *через снижение нормы покрытия массы находящихся в обращении бумажных денег золотым запасом.*

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 209.

² Бернацкий М. В. Государственный банк как учреждение эмиссионное. – СПб., 1913. – С. 24–25 (цит. по: Валютный курс // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 138).

³ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 79.

Но к этому способу власти России решились прибегнуть лишь после начала мировой войны. Буквально через несколько дней после вступления России в войну был обнародован царский указ, приостановивший обмен кредитных билетов на золото и увеличивший лимит необеспеченной золотом эмиссии бумажных денежных знаков. Этот лимит, который до войны составлял 300 млн. руб., был сразу увеличен до 1,5 млрд. руб. Впоследствии он еще несколько раз повышался. Если на 31 декабря 1913 г. объем бумажных денег в обращении равнялся 1,67 млрд. руб., то через четыре года (на 1 января 1917 г.) он достиг 9,1 млрд. руб. (рост почти в 5,5 раза). По данным Государственного банка, обеспеченность бумажных денег золотом на начало 1917 г. составила 16%, а ко времени февральской революции она, по оценкам, упала до 13%¹. Каноны финансовой «науки» властями были нарушены, но такое «нарушение» позволило России продержаться в войне более трех с половиной лет.

ГЛАВА 6. С. Ф. ШАРАПОВ: КАКИЕ ДЕНЬГИ НУЖНЫ РОССИИ

Золото и «человеческие слабости»

Один из постулатов «символа веры», который сохраняется неизменным в «религии денег», — денег в обращении не должно быть «слишком много». При бумажных деньгах риск избыточности денег в обра-

¹ Отчет Государственного банка за 1916 год. — Пг., 1917. — С. 9; *Борисов С. М.* Указ. соч. — С. 33.

щении очень велик. Никто из «профессиональных» экономистов ни во времена Шарапова, ни сегодня не может толком сказать, сколько их должно быть. Поэтому оппоненты Шарапова говорили: золотые деньги всегда лучше бумажных. Почему? – Потому что, по их мнению, при золотом обращении действует механизм автоматической регуляции количества денег в обращении: если масса денег избыточна, часть металла уходит в сокровища, если денег недостаточно, они изымаются из сокровищ и пускаются в оборот. Очень простой механизм, о котором нам еще 40 лет назад рассказывали на лекциях по политической экономии капитализма. А вот при бумажном обращении существуют так называемые «субъективные» риски: во-первых, денежные власти, занимающиеся эмиссией бумажных знаков, могут просчитаться в определении необходимой массы денег; во-вторых, могут злоупотреблять своим положением, сознательно выпуская избыточное количество денежных знаков. Человек, мол, слаб как умом, так и волей, поэтому доверять ему выпуск бумажных денег нельзя. Лучше положиться на золото, которое застрахует общество от человеческих слабостей. Таково мнение противников бумажных денег и защитников золота. Подобного рода рассуждения крайне примитивны, а кое в чем просто лживы. Подобный критический разбор этих рассуждений содержится в работах Шарапова. По мнению русского экономиста, любая денежная система (как бумажная, так и металлическая) может существовать при наличии минимальных нравственных качеств у людей, которые организуют выпуск и обращение денег. *Золото от обманов и злоупотреблений общество не спасает.* Примеров достаточно. Известно, что в период существования классического золотого стандарта в Англии, Германии, Франции, России и других стра-

нах использовались как золотые монеты, так и разменные на металл банкноты, причем количество последних лимитировалось законом (в виде определенного соотношения к золотому запасу). Зафиксировано множество случаев, когда количество пускавшихся в обращение бумажных знаков превышало установленный лимит, причем общество об этом в известность не ставилось. Впрочем, при необходимости власти ряда стран законодательно пересматривали лимит выпуска бумажных знаков в сторону его увеличения. Таким образом, никакого «автопилота» при золотом стандарте не существовало, всегда видимо (а чаще невидимо) присутствовало «ручное управление» денежным обращением. Иногда «золотой автопилот» вообще приходилось отключать. Например, с началом Первой мировой войны обмен банкнот на золото во всех воюющих странах (включая Россию) был прекращен. А с 1971 г. «золотой автопилот» вообще не работает (официальный отказ США от размена долларов на желтый металл) и весь мир перешел на «ручное управление» денежным обращением. Нравственность тех, кто контролировал и контролирует денежную эмиссию (т. е. мировых ростовщиков), за последние 100–200 лет принципиально не изменилась. Изменились лишь «правила игры». Но цели «игры» мировых ростовщиков – все те же: ограбление народа и установление мирового господства.

Итак, еще раз повторим: никакие ухищрения, связанные с «совершенствованием» денежно-кредитной системы, не в состоянии защитить общество от безнравственности и преступлений. Шарапов рассматривал свой бумажный рубль, абсолютные деньги как необходимое, но не достаточное условие восстановления здоровой жизни в России. Он постоянно говорил о необходимости духовно-религиозного возрождения России

как фундамента, на котором можно строить русскую экономику с ее бумажными абсолютными деньгами.

А вот распространение по миру золотых денег Шарапов как раз связывал с проявлением и усилением «человеческих слабостей». Это те «человеческие слабости», о которых было сказано еще в Ветхом Завете: поклонение «золотому тельцу» древних евреев, которые забыли Живого Бога (Исх.: 32). А это идолопоклонство потянуло за собой и другие грехи и страсти: любостяжания, ненависти к окружающим людям и народам, гордыни и превозношения, стремления к власти.

Шарапов приводит в своей работе пространную выдержку из книги *И. Кауфмана*¹ «Кредит, банки и денежное обращение» (СПб., 1873), посвященную описанию золота (на 3 страницах). Вот лишь начало этой выдержки: «Богатство, принявшее форму золота и серебра, воплотившееся в драгоценно-металлическом теле, может всего более сохраняться, всего менее бояться разрушительного влияния времени, всего менее ему подчиняться и, напротив, само всего более над ним господствовать. Но золотое и серебряное тело сверх того имеет то преимущество, что оно одинаково предлагает свои услуги большому и малому богатству: золото и серебро почти до бесконечности делимы и потому могут в себе воплощать богатства самых разнообразных раз-

¹ *Кауфман Илларион Игнатьевич* (1848–1915) – российский экономист, профессор финансового права Петербургского университета. Как член Совета Государственного Банка участвовал в разработке денежной реформы С. Витте. Современный исследователь дореволюционной экономической мысли пишет, что период творчества Кауфмана «совпал по времени с очередной волной российских либеральных реформ. Этот виток “перестройки” можно назвать буржуазным... Это, конечно, не могло не сказаться на его творчестве... В этом либеральном процессе И. И. Кауфману досталась роль “агитатора и пропагандиста” капиталистических отношений» (*Базулин Ю. В.* Указ. соч. – С. 238-239).

меров...». Кончается эта пространная цитата следующим: «Драгоценные металлы ставят обладателя ими в центральное положение, равно удаленное от всех пунктов, к которым ведет экономическое движение, и, стало быть, дающее возможность достигнуть с наибольшей скоростью... Всякий, кто обменивает свои товары или оказываемые им услуги на драгоценные металлы, становится через то в центр самого обширного круга, в котором он скорее всего может достигнуть каждого из его периферических пунктов». Примерно в том же восторженном духе писали о золоте и драгоценных металлах авторы других российских учебников по деньгам и кредиту во времена Шарапова¹.

Шарапов называет это описание «поэтичным гимном золоту», выражающим отношение евреев к желтому металлу: «Если мы припомним историю еврейского народа после его рассеяния, его психологию с основной чертой грубой *утилитарности* и стремлением к грубому же материальному владычеству над всем остальным человечеством, мы пойдем своеобразную поэзию этих великолепных строк (строк из книги Кауфмана. – В. К.)».

Золото, денежная система, основанная на золоте, по мнению Шарапова, – средство реализации стратегических устремлений еврейского народа, которое способствовало нравственному падению всего человечества:

¹ Да что там дореволюционные учебники! Мне пришлось в конце 1960-х гг. учить политическую экономию капитализма по учебнику Э. Я. Брегея. Там про золотые деньги говорилось примерно то же самое, что и у Кауфмана, хотя золотой стандарт (в его усеченной, золотодолларовой модификации) доживал уже последние годы. Такое восприятие золота шло от Маркса, который однозначно считал, что настоящие деньги – золото. Эта его мысль проходит через весь «Капитал». Впрочем, «Капитал» Маркс писал в Англии, где уже давно существовал золотой стандарт и где особенно стирались все различия между деньгами и желтым металлом. Осознанно или неосознанно, но Маркс был пропагандистом золотых денег.

«Вот оно, уже не только деловое, но чисто философское выяснение роли и значения золота (речь идет о «гимне золоту», содержащемся в книге Кауфмана. – В. К.). Безграничная свобода и, прибавим, безграничная власть капитала – капитала, не знающего ни родины, ни нравственных законов, – таков еврейский миродержавный идеал. И этот идеал, эта власть путем основанной на золоте денежной системы открыто провозглашены и могущественно легли над миром». Фактически в этих строках Шарапов раскрыл духовно-религиозные корни современного капитализма¹.

Впрочем, Россия через короткое время после выхода в свет работы «Бумажный рубль...» и серьезного предупреждения С. Шарапова все-таки поклонилась «золотому тельцу» (введение «золотого рубля»). Это свидетельствует о серьезном духовно-религиозном нездоровье тогдашней России.

О войне с Наполеоном, или о пользе печатного станка

Бумажные деньги – инструмент, оценивать эффективность и целесообразность использования которого можно лишь в контексте конкретной страны и конкретной исторической ситуации, т. е. учитывая нравственное состояние общества, государственное устройство,

¹ Через девять лет после книги «Бумажный рубль...» Шарапова вышла книга немецкого социолога *Макса Вебера* «Протестантская этика и дух капитализма» (1904), в которой была предпринята попытка раскрыть духовно-религиозные корни капитализма. М. Вебер связывал происхождение капитализма с протестантизмом, что является достаточно поверхностным объяснением. С нашей точки зрения, Шарапов в лаконичной форме дал более глубокое объяснение происхождения капитализма.

платежный баланс, текущие и стратегические задачи нации и т. п. Бумажные деньги как экономический инструмент может использоваться как в интересах всего общества, так и отдельных групп людей, как для укрепления государства, так и для его уничтожения и т. п. Шарапов показал, что с учетом российской государственности (самодержавное государство), истории страны (преобладание не полноценных товарных денег, а денежных знаков), текущей ситуации и потребностей России (острый денежный голод и масштабные задачи экономического строительства), обстановки в мире (дефицит золота, начало борьбы западных стран за экономический и территориальный передел мира) для России более всего подходят бумажные деньги. Естественно не просто бумажные, а абсолютные деньги.

Шарапову пришлось потратить немало времени на то, чтобы развеять многие мифы, которые сложились вокруг бумажных денег. Мифы, сочиненные представителями западной экономической «науки». Прежде всего, миф о вреде избытка денег. Шарапов считает, что ущерб от недостатка денег гораздо больше ущерба от их избытка: «Зло, могущее произойти от их несколько неумеренного выпуска, *пустяки* по сравнению со страшным злом, обусловливаемым их заведомым недостатком, или великими кризисами, или разорениями, вызываемыми особыми свойствами металлического обращения».

В качестве примера Шарапов разбирает такой фрагмент русской истории, как война русского народа с *Наполеоном*. Он не отрицает, что в годы Отечественной войны имел место чрезмерный выпуск ассигнаций. Такое, так сказать, «злоупотребление» происходило и происходит, как отмечает Шарапов, не только в России и в любой стране, которая втягивается в большую и

длительную войну. Обесценение денег в России в начале XIX века имело свое веское оправдание и создало, в конечном счете, больше плюсов, чем минусов. Ниже приводим образец широкой, основанной на критерии национальных интересов России оценки резкого расширения выпуска ассигнаций в 1809–1815 гг. Как она отличается от узких оценок многих так называемых «профессиональных» экономистов (которые кроме показателей инфляции и нормы прибыли ничего видеть не желают)!

«Такой момент (переизбыток бумажных денег. — В. К.) был у нас вскоре после двенадцатого года. Верховная власть, только что осознавшая весь вред чрезмерных выпусков бумажных денег и твердо решившаяся привести в порядок русскую денежную систему, ввиду крайней государственной опасности вынуждена была выпустить в тогдашней патриархальной и очень мало промышленной России непомерно большое количество ассигнаций. Рядом с ними обращалось неведомое количество фальшивых, пущенных Наполеоном, которые тем не менее приходилось принимать и оплачивать. Внутренняя покупательная стоимость рубля в тогдашней крепостной и совершенно не промышленной России пала. Рубль дошел до четвертака.

Любопытно, что по поводу выпуска ассигнаций в 1809–1815 гг. даже завзятые доктринеры не решаются говорить о вреде бумажных денег. Между тем даже и здесь абсолютные знаки в виде ассигнаций, которые с болью сердца выпустил Александр I, принесли не вред, а *явную и несомненную пользу*.

Чтобы это понять, достаточно мысленно отделить причины от следствия и взглянуть на *ассигнации* как на *показатель* народных жертв и напряжения народных сил для спасения России и Европы в 1812–1815 гг.

В 1807 г. ассигнационный рубль стоил на серебро около 50 коп., в 1813 г. – 25. Другими словами, его внешняя стоимость (курс по отношению к серебру. – *В. К.*) понизилась за шесть лет наполовину. Предположим (хотя это и не так), что и внутренняя его стоимость (т. е. покупательная способность на внутреннем рынке. – *В. К.*) упала также на 50%. Кто в 1807 г. имел 1000 руб., тот фактически в 1813 г. имел 500, а к 1815 г. – еще меньше, другими словами, потерял половину своего имущества. Относится это только к лицам, державшим деньги *на вкладах* в казенных банках, но отнюдь не к землевладельцам и промышленникам, ибо земли, соответственно, увеличивались в ценности, а промышленники подняли цены на свои произведения (т. е. имел место инфляционный рост цен на активы и товары. – *В. К.*). Пострадали, конечно, и они, как и вообще все население, но их убытки вознаградились широко увеличившимся трудом, а убытки непосредственно разоренных Наполеоном – правительственной помощью.

В результате нашествия неприятеля отражено, хозяйство в огромной полосе, опустошенной войной, восстановлено, Москва отстроена, русские войска вошли в Париж и спасли всю Европу. Расходы на все это покрывались ассигнациями, которые вызывали прямые убытки для групп рантьееров (фактически это было скрытым налогообложением «денежных мешков» в условиях военного времени. – *В. К.*), косвенные убытки для всех и напряжение сил для классов трудящихся».

Итак, фактически с помощью «избыточной» денежной эмиссии наше самодержавное государство: а) мобилизовало трудовой и ратный потенциал русского народа; б) обложило «инфляционным» налогом все население, причем это был фактически «военный» налог, с которым сознательный русский народ был со-

гласен; в) особо большим налогом оказались обложены «денежные мешки» – рантьееры, что в условиях войны также оправданно и разумно.

Шарапов подводит итог денежной политики самодержавного государства в годы Отечественной войны: «Всего через год после Венского конгресса рубль уже поднялся со своей наинизшей цены в 1815 г., доходившей до 20 коп. за рубль, на 5%, это указывало прямо, что народный труд стал самостоятельно залечивать раны, нанесенные войной. ...Эти излишние в мирное время ассигнации явились в великую войну 1812 года не только показателем принесенных Россией жертв, но и драгоценным орудием, посредством которого в огромной степени были облегчены самые жертвы и народная тягота разложилась и распределилась наиболее равномерным и вместе с тем наиболее легким способом».

Кстати, наши «профессиональные экономисты» дореволюционного времени, которые учились сами и учили других по западным учебникам, желали быть «святое Папы Римского». Они тщательно избегали упоминания многочисленных «исключений из правила», когда Запад вполне успешно использовал «печатный станок» для решения острых и неожиданных проблем: отражения военных агрессий, борьбы с неурожаями, смягчения кризисов. Генерал *Нечволодов* в книге «От разорения к достатку» писал, что в конце XVIII века и на протяжении всего XIX века к **неразменным бумажным деньгам** прибегали почти все государства.

Прежде всего, та же Англия – родоначальница золотого стандарта. Она (так же как и Россия) сумела выдержать натиск Наполеона только благодаря неразменным бумажным деньгам, которыми пользовалась непрерывно почти четверть века (с 1797 по 1821 г.). *Нечволодов* отмечает, что

в 1790, 1797 и 1810 гг. *Питт младший*¹ благодаря своевременным выпускам бумажных денег предотвратил три финансовых кризиса; при этом обесценение бумажных денег по отношению к золоту было очень незначительным².

Не менее интересен пример Франции: «Франция также прибегала к выпуску неразменных на золото бумажных денег после кампании 1870 г., – причем к концу 1873 г. количество бумажных денег превышало 3 000 000 000 франков. Эти бумажные деньги не только ни разу не падали ниже золота, но имели лаж в 1% в свою пользу»³.

Третий пример Нечволодова относится к Североамериканским Соединенным Штатам времен гражданской войны, когда президент Линкольн стал выпускать бумажные деньги в виде казначейских билетов. Впрочем, этот случай Шарапов достаточно досконально анализирует в работе «Бумажный рубль...» и др.⁴

С. Шарапов и «номиналисты»

Справедливости ради следует отметить, что на Западе всегда была небольшая группа экономистов, кото-

¹ *Питт Уильям младший* (1759–1806) – на протяжении в общей сложности почти 20 лет был премьер-министром Великобритании, причем впервые возглавил кабинет в возрасте 24 лет, став самым молодым премьер-министром Великобритании за всю историю страны. Его отец *Питт Уильям старший* (1708–1778) – британский государственный деятель из партии вигов, который в качестве военного министра в годы Семилетней войны внес неоценимый вклад в становление Британии как мировой колониальной империи и смог значительно прирастить заморские владения британской короны. Закончил карьеру премьер-министром (с 1766 по 1768 г.).

² *Нечволодов А. Д.* Указ. соч. – СПб., 2007. – С. 50.

³ Там же. – С. 50.

⁴ См. также в данной работе раздел «Абсолютные деньги у других народов: пример Америки».

рая выступала в пользу бумажных денег и против металлических (золотых) денег. В учебниках по экономике их обычно называют «номиналистами», т. к. они придерживались «*номиналистической*» теории денег.

В основе их теории лежали два основных положения. Во-первых, деньги создаются государством, и, во-вторых, стоимость денег определяется их номиналом. Представители этой теории денег утверждали, что деньги – это только условный знак, не имеющий ничего общего с товарами; важен только номинал денежной единицы, металлическое же содержание не имеет никакого значения. Номиналисты совершенно верно отмечали, что главными (и даже единственными) функциями денег являются средство обращения и средство платежа, что эти функции могут вполне выполнять денежные знаки. «Номиналисты» полагали, что денежные знаки можно наделить «стоимостью», «покупательной силой» путем акта государственного законодательства («декретные» деньги). Согласно этому акту, «стоимость» знака определяется «номиналом», обозначенном на знаке, и не должна произвольно меняться.

Первыми представителями этой теории были англичане *Дж. Беркли* (1685–1753) и *Дж. Стюарт* (1712–1780). Однако наиболее известным представителем номинализма был немецкий экономист *Г. Кнапп* (1842–1926). По его мнению, деньги имеют покупательную способность, которую придает им государство. Он считал объективным законом эволюцию полноценных товарных денег в деньги неполноценные и, в конечном счете, в бумажные деньги, или денежные знаки. Впрочем, некоторые относят Кнаппа не к исследователям академического толка, а практикам и прагматикам. Действительно, он стремился освободить Германию от «золотого ярма», которое ей было навязано Ротшиль-

дами после Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Он планировал заменить во внутреннем обращении золотые деньги бумажными, а за счет высвободившегося металла сформировать золотой стратегический резерв на случай войны (а приближение войны он чувствовал). Кроме того, в своих работах он пытался осмыслить опыт соседней Австрии, которая сумела избежать перехода на золотой стандарт, бумажно-денежное обращение там вполне успешно обеспечивало экономическое развитие. В этой стране с 1866 г. обращались неразменные банкноты. В 1892 г. австрийское правительство в результате займа смогло мобилизовать такое количество золота, которого вполне хватило бы для введения обратимой валюты. Новая денежная единица с законодательно установленным золотым содержанием – крона – была введена в обращение и заменила старый денежный знак – серебряный гульден. Но размен кроны на золото так и не был осуществлен. Запас благородного металла Австрийского банка был использован на поддержание вексельного курса. В этих целях банк постоянно осуществлял операции с иностранными векселями, хотя австрийская крона не разменивалась на золото, ее эмиссия жестко контролировалась¹.

Согласно формальным признакам, в компанию «номиналистов» попал и С. Ф. Шарапов. Да, его деньги были бумажными, как у Г. Кнаппа и других приверженцев «номиналистической» теории². Да, его деньги

¹ Бурлачков В. К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России. – М., 2003. – С. 38.

² Кстати, свои основные номиналистические идеи Г. Кнапп высказал уже после выхода в свет работы С. Шарапова «Бумажный рубль...» в 1895 г. Главный труд Кнаппа «Государственная теория денег» вышел на десять лет позднее (в 1905 г.). Нам неизвестно, в какой мере Шарапов мог оказать влияние на формирование теоретических взглядов немецкого экономиста по вопросу денег.

создавались государством, что также роднит его с «номиналистами». Но вот государство у Шарапова совсем другое. У западных «номиналистов» государство, выражаясь словами Шарапова, «парламентарно-биржевое». Такое государство может создавать бумажные деньги, которые выгодны лишь «королям биржи», а им выгодны деньги, которые делают дорогим капитал и которые недооценивают живой (настоящий) труд. Такие деньги не могут раскрыть в полной мере трудовой и экономический потенциал общества, а служат накоплению еще большего капитала хозяевами биржи и ростовщиками. Это бумажные деньги, которые ориентированы на получение максимальной прибыли, поэтому они не могут быть использованы для финансирования долгосрочных капиталоемких проектов, обладающих длительным сроком окупаемости. Скорее такие деньги пойдут на биржу и финансовые рынки, еще более усугубляя проблемы реального сектора экономики. Это деньги, которые короли биржи и ростовщики используют для целей «*миродержительства*» (выражение С. Шарапова соответствует нынешнему привычному термину «мировое господство»).

История показывает, что практическая реализация рекомендаций западных «номиналистов» не раз приводила к печальным последствиям. В лучшем случае покупательная способность денежных знаков начинала отклоняться от первоначальной, номинальной (ведь деньги оказывались в руках биржевиков). В худшем случае она просто исчезала, вернее, стремилась к нулю (инфляционное ограбление населения опять-таки в интересах биржевиков и ростовщиков). Положения номиналистической теории были применены в экономической политике всех воюющих стран в годы Первой мировой войны. После ее окончания «номинализм» продолжал

наиболее последовательно применяться в Германии. Вскоре там началась бешеная гиперинфляция, которая привела к окончательному развалу немецкой экономики. «Номинализм» был полностью дискредитирован, и о нем забыли на несколько десятков лет.

Сегодня все деньги в мире – бумажные (вернее, они – знаки денег, имеющие бумажную или электронную форму). А почти всех нынешних «профессиональных экономистов» можно отнести к «молчаливым номиналистам» («молчаливым» – потому, что даже не поднимают вопрос о возможности использования иных денег, кроме бумажных и электронных знаков; формально они причисляют себя к другим школам и теориям – например, «кейнсианству», «монетаризму» и т. п.). Однако, как мы уже отметили выше, бумажные деньги, рекомендованные западными номиналистами и заполонившие за последние десятилетия весь мир, человечество спасти не сумели. Но при этом сумели посеять в умах людей недоверие к бумажным деньгам вообще (и даже возродить ностальгические чувства к золоту). В том числе посеять недоверие и к бумажным абсолютным деньгам С. Шаропова, которого наши «профессиональные экономисты» по недоразумению (вернее, по формальному признаку) причислили к «номиналистам».

Болезнь под названием «бумагофобия» и ее последствия для России

Мифы западной экономической науки о бумажных деньгах породили у российских финансистов своеобразную «бумагофобию», т. е. страх перед избытком бумажных денег в обращении. Поэтому еще во времена министра финансов *Канкрин* (при Николае I) наблюдалась

тенденция всяческого сдерживания эмиссии бумажных денег. Но тогда преобладало натуральное хозяйство, поэтому «бумажная экономия», проводившаяся тогдашним Министерством финансов, не создавала очень разрушительных последствий. При «молодых финансистах» времен Александра II эта болезнь обострилась и продолжала прогрессировать.

Этому способствовало, по крайней мере, два шага, которые были предприняты «молодыми финансистами»: а) ликвидация целого ряда банков, которые обеспечивали народное хозяйство и население деньгами; б) конверсия депозитов в процентные бумаги (облигации казначейства).

Банковские депозиты оформлялись в виде депозитных билетов или вкладных билетов, которые вполне успешно выполняли функции денег. Процентные бумаги такие функции выполнять не могли. «Новая финансовая политика, введенная в конце 50-х гг. – писал С. Шаратов, – заменила прекрасный подвижной денежный знак – вкладной билет – биржевую процентную бумагой, постоянно колеблющуюся в своей ценности, а потому ни для каких платежей и оборотов непригодную»¹.

В связи с этим Шаратов в работе «Бумажный рубль...» показал те последствия, которые породила «бумагофобия». Вернее, недостаток бумажных денег в обращении, который сознательно создавался финансовыми реформаторами с конца 50-х – начала 60 гг. XIX века: «Все это (реформирование финансовой системы. – В.К.) совершалось самым добросовестным образом, согласно последнему слову западной финансовой науки. В результате оказалось:

– четыре миллиарда бесполезного долга, в том числе около половины на золото;

¹ Шаратов С. Ф. Земля и воля ... без денег. – С. 16.

- огромные бюджетные назначения на уплату процентов;
- широко развитая за наш счет германская железная промышленность и машиностроение;
- огромный ввоз иностранных товаров в Россию;
- сеть железных дорог, обремененная неоплаченным почти долгом иностранцам и не вырабатывающая процентов;
- разорение поместного и земледельческого классов;
- биржевая игра русскими фондами;
- ограбление и истощение земли и сведение лесов по нужде ради самосохранения;
- уничтожение труда, торжество всякой наживы, спекуляции и хищничества;
- понижение нравственного уровня. Отчаяние безвыходности, бесплодие честности и высоких нравственных доблестей. Нигилизм. Анархисты...

Все это дало нам тридцатилетнее господство чужих финансовых доктрин...».

Через 12 лет после выхода в свет работы «Бумажный рубль...» Шарапов вновь очень серьезно анализирует причины и последствия искусственно созданного дефицита денег в России в работе «Земля и воля... без денег»: «К 1 января 1857 г., по официальным сведениям, в народном обращении находилось... 2 048 297 000 руб. Государственный бюджет в 1857 г. был 255 млн. руб., жителей в империи было 65 млн. человек.

На 1 января 1906 г. согласно балансам Государственного банка находилось в обращении... 2 260 800 000 руб. – всего на 212½ млн. руб., или едва на 10% более против 1857 г., в то время как государственный бюджет вырос на 700%, перейдя за 2 млрд. рублей; число жителей возросло в 2½ раза, достигнув 145 млн. душ, причем сельское

хозяйство, промышленность и торговля, да и все население, сполна перешедшее с натурального хозяйства на денежное, нуждаются в значительно больших оборотных средствах, чем в 1857 г.»¹.

Почти все из приведенного в «Бумажном рубле» списка последствий сжатия денежной массы мы имеем в сегодняшней России (РФ), где денежные власти тяжело больны «бумагофобией». Как одержимый, наш министр финансов *А. Кудрин* (до отставки осенью 2011 г.) «боролся с инфляцией», сжимая денежную массу, изобретая для этого разные «кубышки» (Стабилизационный фонд, Резервный фонд, Фонд национального благосостояния), «связывая» денежную массу казначейскими бумагами, депозитами Центрального банка РФ и т. п. О последствиях «бумагофобии» нынешних денежных властей можно долго не распространяться, т. к. любой гражданин (даже не экономист) сталкивается с ними в повседневной жизни.

В конечном счете, самое главное зло, которое порождает недостаток денег, по мнению *Шарапова*, – подавление и обесценивание труда как главного ресурса и богатства России. Вслед за этим происходит профессиональная и, в конечном счете, нравственная деградация трудящихся.

Шарапов писал о социальных последствиях денежной политики, проводившейся находящимися у власти «бумагофобами»: «Политическая экономия определяет капитал как концентрированный прошлый труд, являющийся орудием новому труду. Недостаток денежных знаков, возвышая плату за наем капитала, отделяет, отрывает его от труда будущего, обесценивает, парализует этот труд, отдает его в кабалу и ставит элемен-

¹ *Шарапов С. Ф.* Земля и воля ... без денег. – С. 16.

ты праздные в положение, господствующее в стране, элементы трудовые – в рабство им».

Главный итог политики денежного удушения экономики в России после прихода к власти «молодых финансистов: на смену юридическому крепостному праву пришло экономическое крепостное право. Как точно! Нынешний строй следует называть не «рыночной экономикой» и даже не «капитализмом», а «*экономическим крепостным правом*»!

Интересно наблюдение Шарапова, согласно которому недостаток денег ведет к обесценению всякого труда, кроме чиновничьего: «...Нетрудно видеть, что при условии обесценивания всякого труда, кроме чиновничьего, независимо от положения промышленности и равно оплачиваемого при ее процветании или гибели, лица, получившие техническое образование, несмотря на их крайне ограниченное даже количество, могут оказаться лишними? Мы видим, что бедствуют или идут на самые низшие канцелярские должности агрономы, техники, врачи. Не ясно ли, что парализованная промышленность в них не нуждается и не может оплатить их труда?».

Последние 20 лет в нашей стране наблюдается непрерывное обесценение труда, особенно труда квалифицированного. В 1990-е годы наша техническая интеллигенция превратилась в «челноков». Сегодня резко сократилась подготовка специалистов в области технических наук, инженеров, врачей, агрономов и других специалистов для народного хозяйства. Одновременно растет непрерывно армия чиновников, которая сегодня уже больше, чем численность советской бюрократии. Между прочим, каждый второй чиновник – обладатель диплома со специальностью, которая нужна народному хозяйству.

Борьба за поддержание курса рубля, или «издержки» западной науки

Ярким примером того, к чему вело слепое следование рецептам западной экономической науки в России, является, как отмечает Шарапов, борьба финансовых властей за поддержание курса бумажного рубля. Когда начиналось снижение такого курса при обмене на европейские валюты, то в российском Министерстве финансов начиналась паника. И даже не потому, что ослабление курса рубля создавало какой-то видимый экономический ущерб Российской Империи (тут возникали как свои минусы, так и свои плюсы) или подрывало ее политическое реноме перед Европой. А потому, что это, согласно западной финансовой науке, – «очень плохо». А с этим «очень плохим» явлением надо бороться все по тем же западным учебникам. А там «рецепт» простой: изымать из обращения лишние бумажки – для того, чтобы привести в первоначальное соответствие рублевую и валютную массу. А то, что изменения курса рубля происходили в результате трюков биржевых спекулянтов в Европе, было уже не так важно. Финансовые власти России фактически вынуждены были постоянно реагировать на «трюки» спекулянтов, а то, что при этом могло лихорадить и раскачивать российскую экономику, было уже не так важно. О решающем влиянии валютного курса рубля на всю хозяйственную жизнь общества Шарапов писал в работе «Бумажный рубль...»: «Даже незначительные колебания менового средства производят огромные перемещения в экономической области, отражаются на всех ценах, на всякой работе, на всех предприятиях». Такая экономическая «чехарда» началась со времен Царя Освободителя, при котором «мо-

лодые финансисты» провели, выражаясь современным языком, полную валютную либерализацию, и русский бумажный рубль стал гулять по европейским рынкам и биржам. Наверное, в это время и появилось это любимое «профессиональными экономистами» понятие, как «денежно-кредитная политика», когда финансовые власти страны вынуждены были на «трюки» биржевых спекулянтов отвечать своими «трюками».

Внутренняя покупательная сила рубля определяется доверием к власти, а чем определяется внешняя покупательная сила рубля? – задается вопросом Шарапов. И отвечает: только состоянием международного расчетного баланса. Шарапов формулирует этот закон следующим образом: «Курс рубля, или отношение его к золоту находится в зависимости исключительно от международного баланса. Количество знаков, обращающихся в России, никакой здесь роли не играет»¹. Соответственно, совершенно бессмысленны и даже вредны попытки властей поднять курс своих денег по отношению к иностранным деньгам с помощью сокращения количества денег во внутреннем обращении. Так, после войны с Турцией 1878–1879 гг. курс рубля сильно упал. После этого «правительство пыталось уменьшить количество кредитных рублей, довести бумажный рубль до паритета (с золотым рублем. – В. К.). С этой целью были изъяты из обращения кредитные билеты на сумму 87 млн. руб.: по 30 млн. в 1883 и 1884 гг. и 27 млн. в 1885 г. После этого в течение шести лет (т. е. в период 1886–1891 гг. – В. К.) денежная масса оставалась без изменений»². Отметим, что на протяжении 1880-х гг., несмотря на столь драконовские меры правительства, курс рубля много раз опу-

¹ Курсив мой. – В. К.

² Деньги // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 293.

скался ниже золотого паритета, а российская экономика от безденежья задышалась.

Еще больше неприятностей для России представляет такой способ поддержания курса рубля, как золотые заимствования. Предположим, рубль падает, – рассуждает Шарапов и приводит следующий пример. «Но здесь вмешивается государство. Ему кажется это “падение рубля” опасным. Оно хочет удержать *пари* (имеется в виду паритет, т. е. первоначально установленный государством курс рубля. – В. К.). Оно выдает металлическое обязательство на 10 руб. (т. е. берет золотой заем. – В. К.) и платит за него проценты. На потомство ложится долг, но зато курс держится твердо. Но вот наши платежи за границу растут против платежей нам *непомерно*. Проценты все увеличиваются. Наконец, правительство видит, что поддерживать искусственно курс – значит разориться. Оно предоставляет дело рынку. Рубль бумажный, конечно, сразу падает. Курс начинает колебаться и, наконец, устанавливается на каждый срок в соответствии с международными нашими расчетами и следует за ними шаг за шагом. Уменьшается иностранный ввоз, увеличивается наш вывоз – курс повышается. Обратное – понижается». Во времена Шарапова эта простая истина была не столь очевидной. Российское правительство тратило немало золота для того, чтобы поддерживать «валютный престиж» Российской Империи. В том числе прибегая к золотым заимствованиям у западных ростовщиков.

О сформулированном Шараповым законе курса рубля говорил еще наш известный философ и писатель-славянофил *Н. Я. Данилевский*. Сергей Федорович считает именно Данилевского основоположником учения о расчетном балансе и его влиянии на валютный курс рубля – учения, которое было изложено им в статьях

«Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности» (1867) и «О низком курсе наших денег и новых источниках государственных доходов» (1886).

Данилевский провел составление и расчеты международного баланса Российской Империи еще до того, как этот баланс стало составлять правительство. По оценкам Данилевского, баланс был неблагоприятным для России за счет того, что стоимость ввоза товаров превышала вывоз, а также из-за больших выплат по внешнему долгу (в стране добывалось тогда ежегодно 200 пудов золота, и их не хватало на выплату процентов по долгу). Невыгодный расчетный баланс ведет к тому, что товары внутреннего, отечественного производства начинают цениться дешевле аналогичных иностранных товаров, обмениваемых при помощи одной и той же денежной единицы. По мнению Данилевского, эта неравноправность отечественного и иностранного товаропроизводителя со временем будет только усиливаться. «При невыгодности торгового баланса непременно должна существовать разность в ценности рубля на внутреннем рынке и ценности его на рынках иностранных (т. н. курсовая ценность), и эта последняя будет всегда ниже первой. В этой-то разности и заключается как вся сущность, так и главный вред низких курсов», – пишет Данилевский.

Данилевский был против перехода к золотому рублю как меры, которая способна поднять курс национальной денежной единицы. Он утверждал: «Пытаться поднять кредитную денежную единицу разменом на металлические деньги ... – все равно что наполнить жидкостью сосуд с открытым краном. Будь у нас даже золотые деньги, при невыгодном балансе их курс будет низким». Поскольку решение о переходе на золотую

валюту было уже принято, Данилевский не стал вступать в полемику с правительством, а ограничился таким замечанием: «Хотя мы и признаем преимущества металлической денежной системы перед бумажной... но беспроцентный кредит есть великое орудие в руках правительства. Недостаток бумажных денег – не в их сущности, а в злоупотреблениях»¹.

«Бумагофобия», перерастающая в «синдром Марата»

Уже во времена Шарапова западные финансовые теории активно насаждались в университетах России. С помощью целого ряда экономических и финансовых дисциплин профессора занимались «перезагрузкой» сознания русской молодежи. Преподавалась не только лукавая классическая английская политическая экономия, но также марксистская политэкономия с ее еще более лукавой полуправдой и провокационными намеками на необходимость и неизбежность классовой борьбы и революции². Внедрялась «бумагофобия», т. е. «научное обоснование» необходимости сдерживания эмиссии бумажных денег, всячески превозносилась «цивилизующая» роль иностранного капитала, обосновывались «необходимость» банковского кредита

¹ Подробнее с Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. – СПб., 1890 (имеется в Интернете).

² Об этом С. Шарапов писал в работах «Марксизм и русская экономическая мысль» (1899), «Социализм как религия ненависти» (1907). Критику марксизма см. также: *Катасонов В. Ю.* О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 1, 2. Особенно рекомендую обратить внимание на гл. 2 «Карл Маркс о кризисах» и гл. 26 «Карл Маркс, Ротшильды и механизмы долгового ограбления народа».

и эмиссии процентных бумаг, «прогрессивность» акционерной формы капитала, «преимущества» золота перед бумажными деньгами и т. д. и т. п. И после этого мы удивляемся, почему мы «потеряли ту Россию». Мы ее потеряли потому, что русская элита перестала быть носителем православного духа, она стала носителем другой религии – «религии денег». «Перезагрузка» их сознания происходила в первую очередь в российских университетах.

Увы, «ничто не ново под луною». И сегодня, через 100–150 лет после того как наша «просвещенная» публика окончательно свихнулась на западных финансовых и экономических теориях, мы видим в наших университетах то же самое. Учебники и профессора «демократической» России почти слово в слово повторяют то, что вещали учебники и профессора в Российской Империи в конце XIX века. Бедные студенты оказываются в очень жестком «прокрустовом ложе» экономических мифов и утрачивают остатки своих способностей к самостоятельному мышлению.

Опять нашим студентам внушается: нет ничего страшнее, чем избыточная денежная эмиссия (сегодня она вся бумажная). Иначе будет инфляция. А страшнее «зверя», чем инфляция в сегодняшней экономической «науке», нет. Она страшнее банкротств, внешнего долга, безработицы, нищеты и голода. И вот мои бедные студенты повторяют вслед за учебниками: а) в стране инфляция; б) причина инфляции – избыток денежной массы в экономике России; в) денежным властям (т. е. Банку России и Министерству финансов РФ) необходимо сокращать денежную массу; г) для этого денежные власти прибегают к разным способам (перечислять их не буду, отмечу лишь, что в этом списке способов на одном из первых мест стоит сокращение социальных расходов

государства). Одним словом, идет планомерный процесс подготовки «кадров», которые должны стать «экономическими янычарами» в собственной стране.

Обычно выслушав подобные ответы, я задаю простенький вопрос: «Деньги в России дорогие?» – «Да», – бодро отвечает студент. – «Почему?» – «Потому, что проценты по кредитам высокие». – «Это свидетельствует об избытке или нехватке денег?» – «Конечно, о нехватке», – бодро отвечает студент. Но тут же спохватывается, понимая, что он противоречит себе. И дальше бедный студент начинает что-то бормотать. Но, естественно, самостоятельно выбраться из этой «антиномии Зенона»¹, которую на самом деле можно назвать «антиномией Кудрина», он не может. Приходится ему объяснять:

– что такое инфляция (изменение пропорции между товарной и денежной массой в пользу второй);

– что не всякий рост цен – инфляция;

– что у нас действительно имеет место рост цен, что он обусловлен тем, что в издержках производства наших товаропроизводителей растет доля так называемых «процентных расходов» (выплаты по кредитам);

– что чем больше денежные власти будут сжимать денежную массу, тем больше будут расти цены;

– что если денежную массу сжимать достаточно продолжительное время, то пациент по имени «российская экономика» в конце концов скончается;

– что такое «лечение» пациента особенно выгодно мировым ростовщикам и т. д. и т. п.

¹ Антиномии (от древнегреч. – противоречие в законе) или апории (от древнегреч. – трудность) Зенона – внешне парадоксальные рассуждения на тему о движении и множестве, автором которых является древнегреческий философ *Зенон Элейский* (V в. до н. э.). Современники упоминали более 40 апорий Зенона, до нас дошли 9, обсуждаемые в «Физике» и в других трудах Аристотеля, в комментариях Симпликия, Филопона и Фемистия к Аристотелю.

Все начинается с элементарной неграмотности. Что мы можем ждать от нынешнего студента, если у министра финансов Кудрина (уже бывшего министра) любой рост цен – инфляция? Если в любом росте цен ему уже мерещится инфляция? Наверное, он в свое время инфекционным путем (от профессоров, может быть даже заморских) заразился «бумагофобией». А разве можно ожидать адекватных шагов от чиновника, который страдает маниями, фобиями, галлюцинациями? У такого человека неизбежно развивается «синдром Марата», который говорил: «Лучшее средство от головной боли – гильотина». У нас сегодня таких одержимых Маратов во власти достаточно.

С. Шарапов о функциях и свойствах денег

Уже на протяжении, по крайней мере, целого столетия студенты во всем мире (независимо от социально-экономического строя, существующего в стране) изучают экономику и прилежно запоминают тот раздел учебников, где говорится о функциях денег. В этом разделе воспроизводится набор из пяти экономических функций денег, который в свое время был определен классиком марксизма. Никаких изменений в этот список не вносилось. Вот эти экономические функции:

- 1) мера стоимости;
- 2) средство обращения (товарного обмена);
- 3) средство платежа;
- 4) средство образования сокровищ (накопления);
- 5) мировые деньги.

Последняя из названных функций не является вполне самостоятельной, здесь просто имеется в виду,

что в международном обращении деньги по-своему выполняют первые из четырех названных функций.

С. Шарапов в своих работах по-своему смотрит на основные функции денег. Так, в «Финансовом возрождении России» (1908 г.) он отмечает: «Всякая денежная система в государстве имеет значение, с одной стороны, счетчика народного труда, с другой – организатора и направителя этого труда. Кроме того, в тех государствах, которые достаточно самостоятельны по природе своей и могут выбирать ту или иную денежную систему, а не обвязаны силой вещей держаться только одной определенной системы, эта избранная система должна служить орудием экономической независимости государства от его соседей и в особенности от хищной международной биржи»¹.

Итак, по Шарапову у денежной системы (и денег соответственно) имеются три основные функции: а) измерения труда; б) организации хозяйственной (трудовой) деятельности; в) защита общества от внешних посягательств.

Нетрудно заметить, что в концепции Шарапова деньги, прежде всего, обслуживают жизнь *трудящихся* (измерение *труда*, организация *трудовой* деятельности, защита *трудового* народа). Однако это не те «*трудовые*» или «*рабочие*» деньги, которые предлагали те или иные общественные деятели – Р. Оуэн, Дж. Грей, П.-Ж. Прудон². Правда, мы бы не стали и полностью противополо-

¹ Шарапов С. Ф. Финансовое возрождение России (Доклад, прочитанный в заседании Русского Собрания в Петербурге 9 марта 1908 г.). // Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 201.

² Англичанин Дж. Грей (1798–1850) предлагал учредить специальный центральный банк, который бы через сеть своих филиалов удостоверял рабочее время, затраченное на производство тех или иных товаров, и выдавал соответствующие банкноты с номиналами «1 рабочая неделя», «1 рабочий день», «1 рабочий час». Товары должны были поступать на склады банка, где работники с помощью «рабочих» банкнот приобретали бы все им необходимое. Социалист-утопист и видный англий-

ставлять «рабочие» деньги и деньги Шарапова. И первые, и вторые предназначались для того, чтобы восстановить эквивалентность (справедливость) обмена, преодолеть эксплуатацию людей труда владельцами капитала. И сторонники «рабочих» денег, и Шарапов в равной степени были противниками металлических денег¹.

Внешне первая из экономических функций денег К. Маркса (мера стоимости) и первая функция денег С. Шарапова (мера труда) имеют сходство. Но это лишь внешнее сходство. Поскольку Маркс за настоящие деньги считает лишь золото, а такие деньги, по мнению Шарапова, абсолютно непригодны для измерения стоимости и труда. Шарапов критически относился к толкованию денег Марксом. Маркс, в частности, говорил лишь об экономических функциях денег, но замазывал вопрос о других функциях – социальных и политических. А основной функцией золотых денег (настоящих денег, по Марксу) является, как выражался Шарапов, «*миродержество*», т. е. мировое господство тех, у кого сосредоточивалось золото.

Отталкиваясь от установленных трех основных функций, Шарапов пытается определить, какими свойствами должны обладать деньги, чтобы успешно выский предприниматель Р. Оуэн (1771–1858) и его сторонники учредили в 1832–1834 гг. в Лондоне и других городах Великобритании «базары справедливого обмена» для продажи и покупки товаров в обмен на «рабочие» деньги. Вскоре на этих базарах скопилось большое количество нереализованного товара, и проект потерпел крах. Во Франции в 1849 г. социалист П.-Ж. Прудон (1809–1865) предпринял безуспешную попытку по реализации проекта «Народного банка» – организации, объединяющей мелких предпринимателей, рабочих и единоличных товаропроизводителей для организации эквивалентного обмена.

¹ По этой причине и сторонников «рабочих» денег, и Шарапова иногда зачисляют в разряд «номиналистов» (сторонников бумажных денег, противостоящих защитникам металлических денег). Но они не могут быть отнесены к «номиналистам». См. в данной работе раздел «Шарапов и «номиналисты»».

полнять указанные функции: «Итак, вот три стороны, требующие от денег определенных условий. Как счетчик народного труда, денежная единица должна быть постоянна и верна. Как организатор и направитель труда, другими словами, как орудие обращения, деньги должны постоянно и повсюду являться на работу в том количестве, в каком нужно, и, наконец, как охранитель экономической независимости страны, деньги национальные в известных случаях должны не совпадать, а противопоставляться деньгам международным и вообще быть от них независимыми».

Еще раз перечислим свойства денег, которые необходимы для эффективного выполнения их основных функций:

а) постоянство денежной единицы (имеется в виду постоянство покупательной способности в руках человека труда);

б) верность (в смысле: денежная единица должна быть объективным счетчиком труда);

в) наличие в необходимом количестве в нужном месте и в нужное время;

г) разделение на деньги национальные и деньги международные, их разъединение.

Это предварительный набор свойств тех денег, которые Шарапов назвал абсолютными. Ниже мы будем подробнее рассматривать эти свойства, опираясь на «Бумажный рубль...» и другие работы Шарапова.

Абсолютные деньги — “Terra incognita” для западной экономической «науки»

Шарапов стремится восстановить изначальное предназначение денег — как средства, обеспечивающего нор-

мальную жизнь общества на основе здоровых процессов экономического метаболизма (во-первых, обмен товарами; во-вторых, соединение основных факторов производства в целях производства товаров). Деньги же в условиях победившего на Западе капитализма окончательно превратились:

а) в самостоятельную и приоритетную цель экономической деятельности для большей части тех, кого принято называть «предприниматели» (накопление богатства);

б) в средство обогащения для «денежных предпринимателей» (на основе ростовщичества и биржевых спекуляций);

в) в средство власти «избранных» над обществом (постепенное установление господства крупнейших «денежных предпринимателей» – ростовщиков и биржевиков – над человечеством).

Исходя именно из русского, православного, некапиталистического (и даже антикапиталистического) понимания денег (как средства обмена, слуги общества) Шарапов совершенно правильно задается вопросом, как обеспечить общество необходимым количеством этих средств обмена. Для Шарапова недостаток знаков абсолютных денег, равно как и их избыток, крайне нежелательны, они отрицательно влияют на благосостояние общества. Подобно тому как для рачительного хозяина плохо, когда у него слуг и работников мало; но также плохо, когда их число избыточно. А вопрос о том, чему эквивалентна стоимость одной единицы абсолютных денег, для Шарапова имеет минимальный интерес.

Сегодня различные экономические школы соревнуются друг с другом в изобретении различных формул, с помощью которых можно было бы определить

количество денег, необходимых для экономики. Называются они по-разному: «монетаристы», представители «количественной теории», «номиналисты», «кейнсианцы» и т. п. Но никто из них (даже последователи Дж. Кейнса, которого некоторые по недоразумению считают последователем С. Ф. Шарапова¹) не приблизился к пониманию сущности абсолютных денег С. Шарапова. И никогда такого понимания со стороны официальной экономической науки не произойдет, потому что «официальная экономическая наука», по мнению того же Шарапова, – *лженаука*, призванная обосновывать ту денежную систему, которая в данный момент существует в обществе и выгодна ростовщикам и биржевикам². Понимание природы абсолютных денег требует выхода за пределы «официальной экономической науки», избавления иллюзий от навязанного «религией денег» представления о деньгах, экономике, труде, богатстве. Истинное понимание смысла «абсолютных денег» приходит лишь тогда, когда начинаешь воспринимать мир и Россию глазами С. Ф. Шарапова,

¹ Нам неизвестно, был ли английский экономист Дж. М. Кейнс знаком с трудами С. Ф. Шарапова. «Последователем» Шарапова Кейнса называют потому, что в некоторых вопросах точки зрения обоих экономистов совпадали. Например, Кейнс, как и Шарапов, был последовательным противником золотых денег, называя золото «пережитком варварства». Соответственно, Кейнс был сторонником бумажных денег. Однако если судить по работам английского экономиста, это были далеко не абсолютные деньги. Например, Кейнс полагал допустимыми и даже благоприятными для экономики факторами наличие дефицитов государственного бюджета и государственного долга и при определенных условиях неполную занятость. Ничего подобного в экономической модели Шарапова не было: абсолютные деньги предполагали полную сбалансированность экономики и полное использование всех ресурсов (факторов производства).

² Подробнее об этом см.: Катасонов В. Ю. Шарапов: взгляд славянофила на экономику и экономическую науку // Русская народная линия. – 22, 23, 24 декабря 2011 г. (Интернет).

т. е. глазами православного мыслителя, опирающегося на богатое наследие славянофилов и русский опыт использования абсолютных денег.

Абсолютные деньги: постоянство и «нейтральность»

С. Ф. Шарапов понимает, что его современникам трудно постичь его идею абсолютных денег. Поэтому он возвращается к ней во многих своих произведениях, ища все более яркие аналогии и образы, которые иногда вообще не связаны напрямую с миром экономики. Наиболее развернутое обоснование абсолютных денег мы находим в работе Шарапова «Бумажный рубль (Его теория и практика)» (1895 г.). Свою теорию абсолютных денег он продолжает развивать в следующих трудах: «Изменение денег» (1898 г.), «Как ликвидировать золотую валюту?» (1899 г.), «Иностранные капиталы и наша финансовая политика» (1899 г.), «Денежная сила Франции» (1900 г.), «Две записки Сергея Шарапова о русских финансах» (1901 г.), «Об успехах нашего народного и государственного хозяйства за последнее десятилетие» (1902 г.), «Финансовое возрождение России» (1908 г.), роман «“Диктатор” (политическая фантазия)» (1907–1908 гг.)¹.

Какая денежная система может считаться совершенной? – задается вопросом Шарапов. И отвечает: Та, в которой деньги *«нейтральны»*, т. е. не оказывают самодовлеющего влияния на взаимодействие трех основных факторов производства – труда, капитала и

¹ Наиболее полная библиография прижизненных работ С. Ф. Шарапова представлена в следующем источнике: *Базулин Ю. В.* Указ. соч. – С. 30–44.

знаний, когда деньги не мешают экономике нормально функционировать, когда экономика их «не замечает» (как не замечает воздуха человек, который им дышит). Это деньги, которые *постоянны*, но не по отношению к драгоценным металлам, а по отношению ко всей экономике и, в первую очередь, к человеку, олицетворяющему собой главный фактор производства – труд. Шарапов пытается донести свою мысль следующими словами («Бумажный рубль (Его теория и практика)»: «Нам надо найти денежную единицу, которая была бы *постоянной сама по себе, а не по отношению к золоту*. Эта единица у нас есть. Ее дала нам история. Это бумажный рубль, выпускаемый верховной властью... Постоянство это – его *нейтральность*, его *безразличие*, его *невмешательство* в те сделки, которые при помощи его совершаются. Чтобы это условие было достигнуто, рублей в каждой точке русской территории нужно налицо столько, *сколько потребует жизнь*. Если этих рублей меньше, недостаток их давит труд, знание и капитал в одну сторону. Если их больше – в другую. Спасение от зла – устройство правильных органов денежного хозяйства, где рубли рождаются, действуют и исчезают совершенно автоматически, т. е. как *перевод*, как *квитанция*, а не как самостоятельный товар».

Справедливости ради следует признать, что идея «нейтральности» денег в той или иной форме высказывалась некоторыми мыслителями и до Шарапова. Наверное, одним из первых ее сформулировал *Фома Аквинский* (1225–1274) в рамках так называемой «канонической теории денег». Средневековый богослов считал, что деньги не должны превращаться из «технического средства» обмена в средство обогащения. Деньги должны быть таковы, чтобы они могли обеспечивать

«справедливые цены», чтобы никто в сделках купли-продажи не мог получать односторонних преимуществ, т. е. незаконно обогащаться. Однако богословы, философы и даже экономисты не смогли разработать стройной, законченной системы практического воплощения в жизнь идеи «нейтральных денег». Шарапов в работе «Бумажный рубль...» это сумел сделать.

Кстати, после выхода в свет данной работы исследователи денег стали достаточно широко использовать понятие «нейтральные» деньги, а также близкое по смыслу понятие «свободные» деньги. Понятие «свободные» деньги ввел в оборот немецкий предприниматель Сильвио Гезель (1862–1930) в своей книге «Естественный экономический порядок» (впервые вышла в Швейцарии в 1916 г. под другим названием). Гезель акцентировал внимание на нарушении эквивалентного обмена в результате использования в экономике преимущественно денег, которые имеют кредитный характер и создают процент. В результате происходит незаконное (несправедливое) обогащение банкиров, которые монополизировали выпуск процентных денег. В качестве средства преодоления данного недостатка современных ему денег Гезель предлагает использовать деньги с нулевым и даже отрицательным процентом. Теория «свободных денег» Гезеля удачно дополняет теорию «абсолютных денег» Шарапова. Шарапов акцентирует внимание на бирже как факторе, нарушающем «нейтральность» денег, а Гезель – на ростовщичестве банкиров. Современные сторонники идей С. Гезеля, кстати, для объяснения преимуществ беспроцентных денег используют термин «нейтральные деньги»¹. Сегодня в экономической литературе, посвященной теориям де-

¹ См., в частности: *Кеннеди Маргарит*. Деньги без процентов и инфляции. Как создать средство обмена, служащее каждому. – М., 1993.

нег, в качестве одного из направлений выделяется теория «нейтральных денег»¹.

Но вернемся к работе «Бумажный рубль...». Шарапов специально подчеркивает, что нейтральность и постоянство абсолютных денег особенно важны для *полной и эффективной реализации потенциала народного труда*: «Денежная система в стране может быть совершенной лишь тогда, когда *ее денежная единица* (отвлеченная или реальная) *постоянна...* Денежная система может быть тогда названа совершенной, когда совершаемые ею сделки учитываются и ликвидируются вполне правильно, т. е. когда главный народный труд находится при данных законодательствах и иных условиях в самой лучшей обстановке, т. е. а) когда за денежными средствами (знаками) нет и не может быть остановки; б) когда цены на труд и на продукты устанавливаются естественно, т. е. внутренними условиями народного быта и труда, а не под давлением денежного рынка (например, я продал лен дешево только потому, что был вынужден был продать его большой урожай, а не потому, что вынужден был продать его за недостатком кредита. Обратное: рабочий взял с меня 15 руб. в месяц потому, что ему выгодно служить у меня, а не потому, что я закабалил его прошлой зимой...).

Следовательно, предположенное нами постоянство ценности рубля как денежной единицы станет фактом и вместе с тем теоретически докажется тогда, когда основанная на этом денежная система создаст наилучшую качественную обстановку для главного вида народного труда (в России – земледелие)... Не будем забывать основной идеи денег: облегчить расчеты,

¹ См., например: Деньги. Кредит. Банки. Учебник / Под ред. В. В. Иванова, Б. И. Соколова. – М., 2003. – С. 186–187. К сожалению, авторы данного учебника перечислили лишь иностранных авторов теории «нейтральных денег», «забыв» включить в этот список С. Шарапова.

отнять у денег их собственное, *самостоятельное значение*, устранить те замешательства, которые вносит в жизнь несовершенство денежной системы, помочь свободной установке цен, свободному взаимодействию труда, знания и капитала. Идеал денег – вполне облегченный учет работы этих трех элементов, свободный от всякого влияния самих знаков. Знаки должны быть нейтральны, безразличны и, следовательно, постоянны. Где же может быть проверка этого постоянства? В свободе и доброй обстановке главного труда. Практически это постоянство заключается в том, что государство путем вкладов и ссуд может держать в обращении как раз потребное число знаков. Практика и теория здесь вполне сходятся».

Западная экономическая наука в порочном круге «курица и яйцо»

Творческий характер мысли Шарапова проявляется в том, что в своем восприятии хозяйственной жизни он преодолевает схоластические и догматические представления западной науки об экономике как некой «механике». Согласно западной науке, «экономическая механика» нуждается в таких же, как точная наука, единицах измерения и эталонах (метр, фунт, секунда и т. п.). Таковыми оказываются цены на «избранные» товары, которые якобы не зависят от воли людей (во времена Шарапова – «избранный товар» – золото). Получается, что деньги – измеритель цен товаров, но при этом указанный измеритель сам измеряется ценами «избранных» товаров, причем, как мы отметили ранее, цены «избранных» товаров постоянно колеблются. При капитализме их сознательно раскачивают биржевики-спекулянты, монопо-

лизировавшие рынки «избранных» товаров. Получается, что цены на все и вся, в конечном счете, определяют короли биржи. Вот вам и «экономическая механика», которую правильнее назвать «денежной алхимией»!

Лукавство «профессиональных» экономистов хорошо чувствовали последовательные критики капитализма. Действительно, ученые мужи с их бесчисленными экономическими теориями и школами уже лет двести переливают из пустого в порожнее, выясняя, что первично: курица или яйцо? У одних первичны товары и предметы материального мира, которые определяют стоимость денег. У других первичны деньги, которые определяют стоимость товаров и предметов материального мира. Стоимость одного определяется через стоимость другого. Так и вращается до сегодняшнего дня мысль большинства «профессиональных» экономистов в этом *порочном круге «курица и яйцо»*. Кто не верит, пусть откроет современный учебник по «экономикс», который представляет собой богатую коллекцию нарушений правил формальной логики.

Критики подобной тавтологии стремятся найти «твердую точку» за пределами порочного круга «курица и яйцо». Шарапов отмечает, что еще социалисты-утописты предлагали в качестве денежной единицы и меры стоимости использовать *время*. Вернее, не просто время, а время, затрачиваемое работником на производство товаров и услуг. Но такая единица измерения также оказалась крайне несовершенной. Хотя бы потому, что не корректно сравнивать с помощью часов или дней труд людей разной квалификации. Или потому, что результаты труда одних работников находят общественное признание (товары покупаются, на них существует хороший спрос), а другие работники занимаются «сизифовым трудом». Идеи социалистов-

утопистов и классиков политической экономии (особенно *Давида Рикардо* с его теорией трудовой стоимости) усовершенствовал *Карл Маркс*. Ничего нового он, по сути, не создал, но придал «научнообразную» форму идее своих предшественников, согласно которой «стоимость – общественно необходимые затраты труда». Как в реальной жизни применить это «научное открытие», классик марксизма, однако, не объяснил. Критический разбор этого «научного открытия» выходит за рамки данного доклада, но отмечу: практически пользоваться схоластической конструкцией Маркса в принципе нельзя¹. Соответственно, и строить на ее основе здоровую денежную систему также нельзя.

Уже после Маркса появились другие попытки выйти за порочный круг «курица и яйцо». В частности, в виде *энергетической теории стоимости*. В рамках этой теории предлагается использовать единицы энергии (скажем, джоули) для определения эталонов денежных единиц. Труд человека, согласно этой теории, – разновидность энергии, используемой в хозяйственной жизни². Сегодня эта теория очень популярна, особенно среди людей с техническим складом ума, которые воспринимают экономическую жизнь как гигантскую «механику», а не отношения между людьми, которые строятся отнюдь не на законах физики и механики.

¹ Хорошо известно, что даже ложные теории иногда могут использоваться в практических целях (в науке и технике), до поры давая неплохой результат. Точно также и теория трудовой стоимости более или менее сносно описывала реальные процессы в экономике до краха золотого стандарта в прошлом веке. Сегодня при гипертрофированном развитии финансовых рынков (результат снятия «золотого тормоза» с «печатного станка») теория трудовой стоимости абсолютно не работает.

² Одна из последних отечественных работ, посвященных энергетической теории стоимости и проекту «энергетических денег»: *Арменский А. Е., Кочубей С. Э., Судариков А. Л. Устойчивое инновационное развитие Российской Федерации и мировые финансы в XXI веке.* – М., 2011.

Ярким примером такого «механистического» восприятия экономики представляет собой работа известного американского общественного и политического деятеля *Линдона Ларуша* «Физическая экономика» (она переведена на русский язык и имеется в Интернете). То, что для решения практических экономических задач можно (и нужно) применять количественные измерения и математические методы (скажем, для оптимизации распределения ресурсов), еще не означает, что экономика превращается в точную науку, подобную механике. Например, точные измерения, статистика, математическое моделирование и т. п. методы могут применяться в медицине, но это еще не основание называть медицину наукой в полном смысле слова. Точно так же мы говорим о «военной науке», но с определенной степенью условности. С нашей точки зрения, и экономика, и медицина, и военное дело – прежде всего искусство, базирующееся на интуиции и использующее знание определенных закономерностей. Закономерность – это не закон. Впрочем, мы уже уходим в сферу *гносеологии* – теории познания. Существуют различные теории познания. В рамках христианского богословия имеется своя гносеология. К сожалению, современный человек, даже позиционирующий себя как христианин, зачастую пользуется не христианской гносеологией, а гносеологией вульгарного материализма. Такая гносеология стала доминировать в обществе после того, как наука отделилась от Церкви и ее стали ставить выше веры (после Реформации, особенно в эпоху Просвещения), а «ученые» превратились в оракулов и жрецов, которым народ должен был верить больше, чем священникам.

Шарапов при всей «приземленности» рассматривавшихся им проблем, их прикладном характере являет пример человека, который сумел преодолеть стерео-

типы господствовавшей гносеологии и посмотреть на экономику с христианских позиций. Не побоюсь повториться: Шарапов (особенно в конце своей жизни) рассматривал экономику не как науку, а как сферу человеческого творчества и важнейшую часть культуры (духовной и материальной). Западная экономическая «наука» с ее придуманными «экономическими законами» сковывала и сковывает творческую деятельность русского человека и направляла его умственную энергию по ложному руслу (на разгадку тайны «стоимости» как некой «материальной» субстанции¹).

Но вернемся к энергетической теории стоимости, которая завоевала сегодня умы многих интеллектуалов, стремящихся превратить экономику в точную науку. При всей ее оригинальности она так же, как и трудовая теория стоимости, уязвима с теоретической точки зрения. Уже не приходится говорить о том, что пользоваться практически ею также невозможно, хотя бы потому, что энергетические ресурсы на нашей планете сегодня в значительной мере взяли под свой контроль те, кого Шарапов называл «королями биржи».

Абсолютные деньги как «идейная единица»

Шарапов также понимал бесплодность теоретических поисков «профессиональных» экономистов по

¹ Мне лично научная абстракция «стоимости» напоминает понятие «теплорода» – некой невесомой материи, присутствующей в физических телах и объясняющей различные тепловые и энергетические явления. Понятие «теплород» было введено французским ученым Лавуазье в 1783 г. и в некоторых учебниках по физике продержалось до конца XIX века. В учебниках по экономике понятие «стоимость» держится уже более двух веков.

поиску магической формулы стоимости и денег и стал искать «твердую точку опоры» вне порочного круга «курица и яйцо». Но он ее нашел не в материальном мире, а в мире, если так можно выразиться, идеальном. Альтернативой товарным деньгам и трудовым деньгам (деньгам, привязанным к затратам рабочего времени) Шарапов считает абсолютные деньги, удовлетворяющие таким требованиям, как постоянство, *«нейтральность»*, способность максимального раскрытия трудовой энергии народа. Все это крайне непривычно и непонятно для западных экономических схоластов и социалистов. Окончательно «убивает» их тезис Шарапова о том, что абсолютные деньги – *«идейная единица»*. Шарапов пишет: «Для достижения этого идеального качества денег (речь идет о таких деньгах, которые бы сохраняли «постоянную покупательную силу». – В. К.), которыми, очевидно, не обладает ни золото, ни серебро, представляющие товар, никакого другого пути нет, кроме приискания некоторой совершенно отвлеченной денежной единицы. В области ценовых измерений величина измерителя не может быть подогнана ни к каким постоянным вещественным величинам. Метр как длина одной сорокамиллионной окружности меридиана, ярд как длина секундного маятника в Гринвиче, звездные сутки как время прохождения Землей 1/365 земной орбиты опираются на постоянные величины. *В области цен таких постоянных величин нет и быть не может*¹. Все волнуется и колеблется вокруг некоторых идей, единица ценностей есть поэтому *идейная единица*, и ее *постоянство* (в данном случае покупательная сила) соответствует не произвольно избранной реальной величине, а некоторой *равнодействующей определенных экономических условий*.

¹ Курсив мой. – В. К.

Единица меры ценностей не может опираться ни на какую другую измеряемую ею цену, ибо все цены колеблются и часто в полной независимости одна от другой. Открыли Америку – подешевело золото. Ввели в Индии и Австралии обширные посеы пшеницы – пали цены на хлеб. Изобретены новые способы добычи и выделки тех или других металлов или изделий – цены резко переменялись. Меняются цены на землю, на труд, на все. *Отыскать что-либо реальное, имеющее постоянную ценность, немислимо.* Принять что-либо за эту постоянную ценность условно, вроде известного труда в форме рабочих часов или иной, как добивались утописты, – бесполезно».

С нашей точки зрения, требования «абсолютности» и «идейности» к деньгам в рамках теории Шарапова не только не противоречат друг другу, но, наоборот, являются взаимно дополняемыми. Абсолютные деньги могут существовать лишь в обществе, которое строит свою жизнь на нравственных абсолютах (по крайней мере, помнит о них). А нравственные абсолюты – это не число «Пи» (геометрия круга) и не число «G» (физика, формула ускорения), которые выведены из неживой природы, а понятия, относящиеся к сфере духовной жизни человека. Поэтому и деньги Шарапова – «идейные».

Функция абсолютных денег: «Оживление и оплодотворение народного труда»

Говоря об абсолютных деньгах, Шарапов ни на минуту не забывал, для чего эти деньги нужны России. Они нужны для оживления народного труда, что, в свою очередь, должно вести к развитию творческого начала в русском человеке, его умственному и духов-

ному совершенствованию. Говоря еще короче: *абсолютные деньги – это деньги для народа, трудящихся.* В отличие, например, от денег золотых, которые в первую очередь обслуживали интересы ростовщиков и королей биржи.

Вот что писал Шарапов в работе «Бумажный рубль...» о *главной функции абсолютных денег*: «Абсолютные деньги, независимые от золота, позволяют оживлять и оплодотворять народный труд до предела, до которого в данное время достигает трудолюбие народа, его предприимчивость и технические познания».

Золотые деньги, которые уже к моменту написания работы «Бумажный рубль...» (1895 г.) воцарились в западном мире (в виде золотого стандарта), труд подавляли, превращали человека в наемного раба. Главными функциями золотых денег, навязанных миру финансовой олигархией (ростовщиками и королями биржи), были: стяжание мировых богатств в руках этой олигархии и захват ею мировой власти. И во времена Шарапова, и сегодня в учебниках по экономике перечисляются лишь *пять экономических функций денег*: 1) мера стоимости; 2) средство обращения (обмена); 3) средство платежа; 4) средство образования сокровищ (накопления); 5) мировые деньги. Вместе с тем ничего не говорится о высших, неэкономических функциях – прежде всего как о средстве захвата и обеспечения мировой власти ростовщиками и королями биржи¹. Указанные пять функций переключались в учебники из произведений Карла Маркса, который всячески обходил многие «деликатные» вопросы сущности денег. Кстати, он всячески навязывал мысль, что

¹ Об иных функциях современных денег (кроме пяти «традиционных» экономических функций) см.: Катасонов В. Ю., Бурлачков В. К., Ткачев В. Н. Гл. 1. Деньги: сущность, функции, виды // Деньги. Учебное пособие / Под ред. В. Ю. Катасонова. – М., 2010.

настоящими деньгами может быть только золото, сознательно или неосознанно (скорее – первое) играя на руку Ротшильдам и К^о.¹

Вернемся к абсолютным деньгам. Шарапов отмечал, что абсолютные деньги позволяют сделать труд человека более свободным в смысле выбора работы, позволяют преодолеть крепостную зависимость от работодателя-капиталиста: «Трудящийся человек поднимается в цене, ибо ему не только создается работа *вообще, какая-нибудь*, но у него является уже *выбор работы*».

При абсолютных деньгах улучшаются социальные условия жизни человека труда. Он начинает по-другому относиться к своей трудовой деятельности, растет профессионализм и творческое начало, труд из суровой необходимости превращается в жизненную потребность: «Под влиянием промышленного оживления и улучшения условий народного труда развиваются и трудолюбие народа, и его предприимчивость, и его технические познания».

Абсолютные деньги — «живой нерв» народа, а не представитель мертвых вещей

Не только «профессиональные» экономисты и социалисты-утописты пытались найти для денег твердую точку опоры в материальном, вещественном мире, но и некоторые русские мыслители. Например, наш русский литературный критик *Виссарион Григорьевич Белинский* (1811–1848), интересы которого выходили далеко за пределы литературы, немало време-

¹ Подробнее см.: *Катасонов В. Ю.* Гл. 26. Карл Маркс, Ротшильды и механизм долгового ограбления народа // О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 1, 2.

ни посвятил размышлениям о том, как преобразовать русское хозяйство и денежную систему страны. Справедливо критикуя деньги, привязанные к одному товару (золоту, серебру), Белинский предлагал внутреннюю стоимость рубля определять с помощью всего национального достояния России. Шарапов, знакомый с экономическими взглядами русского литературного критика, полагает, что и деньги Белинского нельзя считать абсолютными. В работе «Бумажный рубль...» Шарапов пишет: «В. Белинский в своей замечательной статье в *«Русском деле»* о переустройстве нашей денежной системы рекомендовал принять в основание денежной единицы сумму всего достояния Русского государства и ее известную долю назвал рублем. Но эта условность, не принося ни малейшей пользы, лишает бумажные деньги их главного качества – постоянной внутренней стоимости. В самом деле, если принять сумму достояния государства за величину постоянную, то и количество рублей должно быть постоянным, а мы видели уже, что таковым оно быть не может. При постоянном количестве знаков будет именно беспрерывно изменяться их внутренняя стоимость, ибо она обусловлена не абсолютным их количеством, а *потребностью в них, их движением.*

Мерилом, следовательно, постоянства денежной единицы может служить нечто иное, лежащее вне области собственно цен. Сделаем попытку принять за такое мерило отношение главного народного труда в стране к его вознаграждению и окружающей трудящихся обстановке...».

Белинский выстраивал свою критику денежной системы, не выходя тем не менее за рамки традиционного для западной экономической науки представления о деньгах как товаре (все тот же порочный круг «курица

и яйцо»)¹. Просто он «привязывал» деньги не к одному товару, а ко всему миру товаров. Но каждый из объектов этого мира также имел цену, которая колебалась под влиянием тысячи факторов, воздействовавших на спрос и предложение. Можно, конечно, сказать, что эти разнонаправленные колебания взаимно друг друга «гасили» и сумма цен всего мира товаров была достаточно постоянной величиной.

Может быть, во времена Белинского и Шарапова так оно и было. Но не сегодня, когда под влиянием финансовых спекулянтов за одну ночь в результате падения фондовых индексов может «сгорать» капитал на сотни миллиардов долларов. В физическом мире при этом ничего не меняется: заводы на своих местах, месторождения полезных ископаемых имеют прежние запасы, сельскохозяйственные угодья сохранили те же площади, жилые и офисные здания никаким разрушениям не подвергались. И тем не менее за одну ночь национальное богатство страны сокращается на сотни миллиардов долларов (мы имеем в виду, прежде всего, США с их развитыми финансовыми рынками; в других странах такие «чудеса» также происходят, но не с таким размахом). Деньги в современных условиях оказываются «кривыми зеркалами»! Сегодняшние предложения привязать бумажные деньги не к одному товару, а к целой «корзине», наполненной кучей всяких биржевых

¹ Судя по отдельным высказываниям Белинского, можно предположить, что наш литературный критик стоял на позициях вульгарного материализма и даже относился к деньгам с религиозным трепетом. В частности, ему принадлежит «крылатая фраза»: «Деньги – это солнце жизни, без которого жизнь тяжка, мрачна и холодна». Невозможно себе представить, чтобы подобные слова произнес С. Ф. Шарапов, несмотря на то, что он действительно связывал многие беды России с деньгами. Но эти беды он связывал не с деньгами как таковыми, а с неправильным устройством денежного хозяйства. Для Шарапова деньги не были ни «солнцем жизни», ни «богом», а лишь средством жизни.

товаров (нефть, хлопок, зерно, золото, другие металлы и др.), проблемы не решают.

Позиция Белинского несостоятельна не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Во-первых, как практически измерить стоимость национального богатства? Даже сегодня нашему Росстату это не под силу. Он оценивает только небольшую его часть, а природные ресурсы оказываются за пределами оценок. Во-вторых, денежный спрос и предложение зависят не только и не столько от изменений величины национального богатства, сколько от многих других причин. При одном и том же национальном богатстве экономическая активность может быть высокая или низкая. Шарапов в приведенном выше отрывке указывает, что абсолютные деньги появляются или исчезают в экономике с учетом текущей экономической активности. Т. е. они являются «живым нервом» экономики, возбуждающим трудовую энергию народа. В отличие от денежных систем, привязанных к миру мертвых вещей – товаров. Современный монетаризм (главный идеолог – Милтон Фридман) привязывает денежную систему именно к миру мертвых вещей.

Абсолютные деньги — армия, готовая к войне

Интересные мысли относительно сущности абсолютных денег высказывают главные герои романа «Диктатор» генерал Иванов («диктатор») и Соколов (министр финансов в кабинете «диктатора»). Разговор у них идет о том, сколько денег нужно хозяйству для того, чтобы «ценность, или покупательная сила» денег оставалась постоянной. Соколов разными способами пытается объяснить

своему начальнику две простые взаимосвязанные истины абсолютных денег:

а) при нормальных условиях жизни страны объем денежной массы регулируется автоматически;

б) при чрезвычайных условиях (война) государство может (даже обязано) с «автопилота» переходить на «ручное управление» денежной системой и увеличивать денежное предложение с учетом потребностей чрезвычайного времени;

в) искусственное увеличение государством денежного предложения при нормальных условиях является преступлением, приравненным к фальшивомонетничеству.

Вот размышления Соколова на эту тему: «Для этого определения (количества денег, потребных для нормального функционирования хозяйства. – В. К.) точных способов нет, да оно и не нужно. Все это делается *автоматически*»¹. Как это непривычно звучит на фоне того, что многочисленные экономисты-теоретики и практики, занятые в центральных банках, ломали (во времена С. Шарапова) и продолжают ломать сегодня головы над тем, сколько экономике необходимо денег. И далее Соколов продолжает: «Здесь мы пришли к самому важному возражению против бумажных денег. Это не мое возражение, а ходячее. Правительство может напечатать массу бумажных денег и перепутать всю экономику... Это одно из самых недобросовестных возражений, какое только можно себе представить. Это все равно, что возражение против постоянной армии. А вдруг правительство выставит на улицах военные отряды и начнет расстреливать прохожих?».

Генерал Иванов прерывает своего министра вопросом: «Значит, вы не допускаете возможность чрезмерных выпусков?». Соколов отвечает: «Ваше превосходи-

¹ Курсив мой. – В. К.

тельство! Имейте терпение меня дослушать. Бумажные деньги – самое совершенное орудие государства. Возьмите армию. Во время войны войска бросают в сражение и сразу выводят из строя иногда десятки тысяч. В мирное время берегут солдата от лишней царапины. Так и бумажки. В военное время их приходится выпускать массами, как в Отечественную войну. Здесь, конечно, страдают все экономические отношения, но бумажки все-таки самый дешевый способ ведения войны для такого государства, как Россия. Это огромный налог на все капиталы и перенапряжение народного труда. В мирное время ни о каких неправильных выпусках бумажек не может быть и речи, разумеется, если государство сколько-нибудь правомерное. Ведь печатать бумажки и раздавать их направо и налево – это, в сущности, то же самое, что делать фальшивые ассигнации. Эмиссионный банк должен и может быть так устроен, чтобы знаки выпускались автоматически, т. е. чтобы деньги появлялись сами собой, когда они должны явиться, и, отработавши, исчезали опять же сами собой, с точностью до рубля. Никакому сомнению, никакому произволу здесь не может быть ни малейшего места.

Соколов в своем объяснении ссылается на опыт использования русским правительством дополнительной эмиссии бумажных денег в годы Отечественной войны с Наполеоном – опыт, который был проанализирован Шараповым подробно в его работе «Бумажный рубль»¹.

Дополнительные доказательства возможности и даже необходимости использования государством печатного станка в условиях военного времени мы находим у генерала *А. Д. Нечволодова* в его работе «От

¹ См. в данной работе раздел «О войне с Наполеоном, или о пользе печатного станка». – С.

разорения к достатку». Все они основываются на реальном историческом опыте России: «Наконец, Россия после Наполеоновских войн могла поправить свое экономическое положение и выдержать в финансовом отношении войны: Турецкую 1828–1829 гг., Польское восстание 1831 г., Венгерскую кампанию 1849 г. и Крымскую войну 1853–1855 гг., отнюдь не допуская покорения народных богатств иностранным капиталом, исключительно благодаря мудрой финансовой политике графа Канкринна, всецело основанной на *неразменных бумажных деньгах*, и только с *уходом графа Канкринна* началось мирное завоевание нашего отечества *капиталом*»¹.

Далее мы приводим объяснение, как работает автоматический механизм регулирования абсолютных денег в условиях нормальной жизни страны.

Механизм регулирования абсолютных денег

Сегодня деятельность денежных властей во многих странах исключительно сводится к разработке и реализации так называемой «денежно-кредитной политики». Центробанки и Министерства финансов поглощены решением вопроса: сколько денег нужно экономике? При этом они:

- поглощены разработкой неких магических формул необходимого объема денежной массы;
- постоянно в своих расчетах ошибаются; поэтому свои расчеты «по ходу» постоянно «корректируют», проводя специальные мероприятия то по «изъятию» денег из обращения, то по их дополнительному «вбра-

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 50.

сыванию» (все это называется «умными» и непонятными для экономически безграмотных граждан словами: «операции на открытом рынке», «изменения нормы резервирования», «изменения учетной ставки», «абсорбция денежной массы» и т. д.);

– вынуждены констатировать, что инфляция (дефляция), резкие колебания валютных курсов, банкротства банков, безработица и прочие экономические «неприятности», для преодоления которых задумана «денежно-кредитная политика», никуда не уходят;

– заняты «умными» объяснениями, почему такие «неприятности» произошли, и клятвенно обещают, что больше они никогда не произойдут.

В общем, нынешние денежные власти – «при деле», причем «общественно важном» и очень неплохо оплачиваемом. Они дают понять народу: без них общество погибнет.

Раньше такого не было. Никто в прежние века (даже «профессиональные экономисты») не знал такого мудреного слова: «денежно-кредитная политика». Короли, например, просто чеканили золотую или серебряную монету. А вся их «политика» сводилась к тому, как из серебра стоимостью 100 марок начеканить, например, монет на 200 или 300 марок и получить дополнительный доход, называемый *«сеньораж»*. При классическом золотом стандарте государству можно было лишь определить: на какую сумму можно было выпустить банкнот под 1 марку золотого запаса: на одну, полторы или две марки. Вот и вся официальная «политика» (про всякие закулисные хитрости, которые относятся к неофициальной «политике», мы сейчас не говорим).

«Профессиональные» экономисты нам говорят: при бумажных деньгах «денежно-кредитная политика» обязательна. И каждый год выдают на-гора буквально тон-

ны «научных» трудов на эту тему (кто не верит, может проверить в Интернете¹).

В схеме Шарапова поддержание равновесия между спросом и предложением бумажных денег как условия их «абсолютности» осуществляется почти автоматически. Никакой лукавой «денежно-кредитной политики» у Шарапова нет в помине. Потому, что регулирование денежной массы и поддержание «нейтральности» денег осуществляются почти автоматически. Такие регуляторы существовали в России, это были *государственные кассы*, которые принимали у народа излишние деньги в виде вкладов и покрывали потребности в дополнительных деньгах, выдавая ссуды.

Шарапов в связи с этим писал: «...Государство входит в роль посредника по помещению этих денег (излишних, не находящихся выгодного приложения в народном хозяйстве. – В. К.). Оно открывает специальную кассу, куда всякий желающий приносит излишние у него денежные знаки. Касса выдает ему *вкладной билет*, приносящий небольшой процент. Деньги накапливаются...

Если мы заглянем назад в историю русских финансов, мы найдем приблизительно эту схему, проведенную довольно строго системой старых банковских учреждений, сохранными казнами, приказами общественного призрения, ассигнационным, коммерческим, заемным и ссудными банками. Система эта оказала огромное благодеяние старой, дореформенной Руси, хотя самый кредит и был довольно односторонним, направляясь исключительно в землю в виде долгосрочных ссуд дворянству. И, тем не менее, теперь трудно даже себе представить, как при тогдашней несвободе труда

¹ Только диссертаций, в названиях которых содержится словосочетание «денежно-кредитная политика», у нас каждый год защищается по несколько штук.

(крепостном праве. – В. К.), при отсутствии почти всякой предприимчивости в среде поместного класса, при гораздо меньшем населении, при отсутствии железных дорог и страшной медленности оборотов, при двадцати миллионах бесплатных рабочих, денег почти не выдававших, могла Россия вмещать такое огромное количество золотых и бумажных денежных знаков».

Далее Шарапов называет основные денежно-кредитные институты, которые в дореформенной России поддерживали денежное равновесие: «Регуляторами денежного обращения в России были: Ассигнационный Банк, учреждение исключительно эмиссионное, Коммерческий и Заемный банки для кредита торгового и земельного, сохранные казны и приказы общественного призрения, служившие, с одной стороны, учреждениями земельного кредита, с другой – агентствами, принимавшими во вклады свободные средства публики... Превосходным регулятором, действовавшим автоматически, эти старые учреждения были потому, что по движению вкладов можно было всегда с большой точностью судить о состоянии промышленности и торговой деятельности в стране...».

Шарапов подчеркивает, что денежно-кредитные учреждения должны покрывать все пространство страны, быть максимально приближены к «земле» и чувствовать «пульс» экономической энергии народа. При этом такие учреждения должны складываться в единую иерархическую систему, возглавляемую центральным учреждением (центральным банком): «Центральное государственное кредитное учреждение является сердцем, вклады и ссуды – кровообращением. Постоянство денежной единицы – равносудью пульса... Система вкладов и ссуд при добавке по мере надобности свежих количеств знаков – вот настоящий, почти автоматический регулятор

денежного обращения. *Внимательная, добросовестная оценка условий сельской жизни и земледелия* – вот его превосходный нравственный контроль. За все остальное бояться нечего. Давным-давно сказано: сыт мужик, сыт фабрикант, сыт чиновник, сыт ученый – богато и сильно государство, богат и славен монарх...».

Обратим внимание: у Шарапова центральное кредитное учреждение принадлежит *государству* (естественно, самодержавному и православному). Он прекрасно понимает: если денежно-кредитную систему будут возглавлять и контролировать частные лица (ростовщички и короли биржи), то общество вместо абсолютных денег получит «денежный голод» и «долговую удавку».

Хотя «автопилот» денежного регулирования в схеме Шарапова прост и безупречен, автор работы «Бумажный рубль...», тем не менее, призывает государство следить за ситуацией в экономике. По движению средств, по активным и пассивным операциям кредитных организаций государство может судить о недостатке или избытке денег в хозяйстве. Если потребность в деньгах растет, то «признак тому самый точный налицо: *возвышение процентов по вкладам* (умеренное, конечно) *не останавливает отлива вкладов, возвышение процентов по ссудам не останавливает требования ссуд*». В случае избытка денег ситуация складывается следующим образом: «Бумажки накаплиются в кассах. Что с ними делать? Они лишние. Хотите – жгите, хотите – заприте и поберегите, если они еще не очень истрепались и могут идти вновь в случае нужды. Хотите, наконец, усиливайте промышленность искусственно или начинайте государственные предприятия вроде Сибирской железной дороги».

В последней фразе заложен большой смысл: Шарапов не исключает возможности активного участия

государства в хозяйственной жизни. Оно берет излишние деньги и направляет их на реализацию крупных проектов (то, что мы сегодня назвали бы проектами развития инфраструктуры). Здесь Шарапов выступает как сторонник активного государственного регулирования, опережая английского экономиста *Джона М. Кейнса* (которого во всем принято считать основоположником теории «регулируемого капитализма») на несколько десятилетий. Помимо того, что государство в схеме Шарапова может выступать активным посредником в перераспределении уже созданных денег, оно при необходимости может проводить также активную политику по созданию новых денег в виде «мнимого капитала».

Абсолютные деньги у других народов: пример Америки

Наиболее яркий пример применения абсолютных денег у других народов, по мнению Шарапова, дала Америка (Североамериканские Соединенные Штаты). То, что она длительное время жила с помощью собственных бумажных денег, которые в первую очередь использовались в целях создания реальной экономики, предопределило ее экономический взлет в XIX веке. Шарапов писал: «...Америка развилась только при помощи своих *гринбеков*, бывших в свое время почти абсолютными знаками... При помощи *гринбеков* Америка оплодотворила свой народный труд, затем запретительными тарифами изолировала себя от потребления продуктов чужого труда, *но сама свой труд умела навязывать иностранцам*. Ей приплачивали золотом все, с кем она торговала, золото накопилось и замени-

ло гринбеки. Мало того, его накопилось так много, что оно начало обесцениваться так же точно, как будут обесцениваться бумажки, когда их количество превзойдет здоровую в них потребность, *когда делать с ними будет более нечего*. Затем неожиданно обесценилось серебро, резко нарушилось его давно установившееся отношение к золоту, и т. к. серебряный доллар есть не только **de jure**, но и **de facto монетная единица**, то понятно, что наступило жестокое потрясение всей американской промышленности, конец которого пока трудно даже предугадать».

В приведенном отрывке Шарапов упоминает *гринбеки*. Это казначейские билеты, которые стал выпускать американский президент Авраам Линкольн во время гражданской войны в 60-е гг. XIX века. Ему надо было оплачивать военные расходы для ведения боевых действий южан, а денег в государственной казне не было. Он пытался получить кредиты от банкиров, но те заломили такие убийственные проценты, что Линкольну пришлось отказаться. У него оставался единственный выход – печатать бумажные деньги – гринбеки (в переводе – «зеленые спинки»; такое простонародное название они получили по зеленому цвету бумажного знака). При этом эмитентом выступало государственное казначейство, которое определяло, что в дальнейшем граждане и компании смогут уплачивать свои налоги этими казначейскими билетами. Президент решил подорвать монополию частных банкиров на выпуск денег, освободить государство от долга перед ростовщиками обеспечивать государство и общество беспроцентными деньгами. Историки-исследователи считают, что именно это послужило причиной убийства американского президента, которого, выражаясь современным жаргоном, «заказали» банкиры-ростовщики. Впрочем,

потребовалось достаточно длительное время, пока все казначейские билеты не вышли из обращения¹.

И до Линкольна Америка жила преимущественно за счет денег, которые были бумажными или, по крайней мере, не были вполне металлическими.

В середине XVII столетия, в период колонизации Америка была относительно бедной страной. Катастрофически не хватало драгоценных металлов для оплаты торговых операций. Поэтому жизнь заставила первых колонистов изобретать альтернативные деньги, которые имели бумажную форму. Впрочем, слово «изобретать», наверное, не вполне точное. Скорее всего, колонисты, прибывшие из «Старого света», были наслышаны о бумажных деньгах в Европе (а может быть, даже ими пользовались). Историки утверждают, что первые бумажные деньги были использованы в Испании в 1438 г. (впрочем, до нас ни одного бумажного знака из того времени не дошло). Чаще вспоминают эксперимент с бумажными деньгами в протестантском Лейдене (Нидерланды) в 1574 г. Впрочем, и в Испании, и в Нидерландах первые эксперименты были очень локальными. Скорее всего, американские колонисты могли знать об опыте использования бумажных денег в Швеции: там первые бумажные банкноты появились в

¹ Подробнее о гринбеках см.: *Ротбард Мюррей*. Указ. соч. – С. 124–134. При этом надо иметь в виду, что автор данной книги является ярким приверженцем золотых денег, поэтому историю гринбеков он освящает с критических позиций. Мюррей Ротбард – последовательный представитель так называемой «австрийской экономической школы», которая выступает за восстановление золотого стандарта, полную ликвидацию государственного контроля над денежно-кредитной сферой экономики и традиционно критикует бумажные деньги и особенно казначейские билеты. По мнению представителей этой школы (куда входят такие известные деятели, как *Л. Мизес* и *Ф. Хайек*), бумажные деньги являются «питательной почвой» для злоупотреблений и коррупции, а золото может «застраховать» общество от таких «человеческих слабостей».

середине XVII века. Впрочем, эти деньги были бумажными по форме, но по содержанию они были отчасти металлическими, т. к. подкреплялись определенным количеством золота, находившегося в запасах Шведского банка. Но поскольку указанный банк был чартерным (т. е. имел официальное разрешение – хартию – на выпуск банкнот со стороны короля¹), то доверие к банкнотами было полное.

Один из «отцов основателей» США Б. Франклин был ярким сторонником выпуска колонистами своих денег. В 1757 г. его послали в Лондон. Он прожил здесь 17 лет, почти до начала Американской революции. В течение этого времени колонисты начали выпускать свои бумажные деньги, прозванные «колониальные расписки». Эксперимент удался. Он обеспечил надежное средство обмена, а также способствовал укреплению чувства единства среди колонистов. «Колониальные расписки» были лишь бумажными деньгами, долговыми обязательствами, выпускавшимися в общественных интересах и не обеспеченными золотом и серебром. Другими словами, они были чисто денежным знаком, «условной» валютой.

В результате в один прекрасный день руководство Банка Англии спросило Бенджамина Франклина, как он объяснит необычный расцвет колоний. Безо всякого колебания он ответил: «Это просто. В колониях мы выпускаем собственную валюту. Она называется “колониальная расписка”». Мы печатаем ее в строгом соответствии с потребностями торговли и промышленности, чтобы товары легко переходили от производителя к потребителю. Таким образом, выпуская для себя бу-

¹ По мнению некоторых исследователей, именно Банк Швеции является первым центральным банком в истории человечества (получил хартию в 1668 г.), а не Банк Англии, который появился в 1694 г.

мажные деньги, мы контролируем их покупательную способность и не заинтересованы в том, чтобы платить кому-либо еще»¹.

Частные банки в Америке до А. Линкольна выпускали бумажные банкноты. По идее это были бумажные знаки, представлявшие золото. Но золота было мало, а бумажных знаков много. Поэтому банкноты приближались по своим свойствам к «условной» валюте. Банков было много, они между собой конкурировали, денежное предложение было сравнительно обильным. О неполном металлическом обеспечении бумажных знаков их пользователи знали (или, по крайней мере, догадывались). Но, тем не менее, ими пользовались, т. к. на бумажные знаки смотрели как инструмент обращения и платежа. Ожидаемые доходы от промышленности и торговли превышали риски, связанные с неполным металлическим обеспечением бумажных знаков. В стране не было золотого стандарта, который мог бы сдерживать денежное предложение (жестких стандартов привязки денежной эмиссии к запасам золота не было). Бумажные денежные знаки направлялись преимущественно в реальное производство, инфляции при увеличении денежного предложения не возникало. В стране наблюдалась нехватка рабочей силы (особенно квалифицированной), поэтому дополнительные выпуски денег эффективно «оплодотворяли» труд колонистов и способствовали быстрому экономическому росту Америки. Америка дольше, чем другие промышленно развитые страны, жила без центрального банка, что затрудняло частным банкирам координированные действия по сжатию денежной массы. Лишь когда Америка в XIX веке начала «спотыкаться» о первые

¹ *Дмитрий Карасев*. Менялы (Интернет). Подробнее о «колониальных расписках» см.: *Ротбард Мюррей*. Указ. соч. – С. 47–54.

капиталистические кризисы, выявились недостатки бумажных знаков, а именно их неполная (иногда символическая) обеспеченность металлом.

Уже в последние десятилетия XIX века, когда в стране утвердился золотой стандарт¹, американский доллар окончательно утратил свойства абсолютных денег. Как пишет Шарапов, в Америке стало быстро накапливаться золото (благодаря энергичному экспорту товаров), и это привело к тому, что она попала в «золотой капкан». С одной стороны, предложение долларов со стороны банков утратило свою эластичность (оно стало лимитироваться золотым запасом); с другой стороны, покупательная способность доллара стала зависеть от желтого металла, который, как постоянно подчеркивал Шарапов, был одним из наиболее «капризных» товаров, т. к. был игрушкой в руках биржевых спекулянтов. Шарапов наблюдал, как переход к золотому стандарту усиливал нестабильность американской экономики: наиболее крупный из них произошел в 1907 г.

Создание в Америке центрального банка под названием «Федеральная резервная система США» (ФРС) произошло уже после смерти Шарапова, в конце 1913 г. (после почти полутора веков непрерывных попыток ростовщиков навязать этой стране центральный банк). ФРС – своеобразный «картель» американских коммерческих банков, возглавляемый небольшой группой «избранных» ростовщиков (Ротшильды, Морганы, Рокфеллеры, Варбурги, Шиффы, Лебы и др.). Уже почти на протяжении века он слаженно и в «плановом порядке» «регулирует» денежное предложение в этой стране, периодически «разогревая» экономику

¹ Считается, что золотой стандарт в США де-факто стал действовать с 1879 г. Однако де-юре это произошло позже: Закон о золотом стандарте был принят в 1900 г. (см.: *Ротбард Мюррей*. Указ. соч.).

посредством резкого увеличения денежного предложения, а затем резко сжимая денежную массу и создавая экономические кризисы. Понятно, что создаваемые ФРС доллары не имеют ничего общего с абсолютными деньгами Шарапова, т. к. являются инструментами «плановой дестабилизации» экономики в интересах банкиров-ростовщиков. После создания ФРС Америка вошла в новую фазу своего развития: банкиры-ростовщики окончательно взяли под свой жесткий (можно сказать, тоталитарный) контроль не только денежную систему страны, но также всю экономику, политику и духовную жизнь США.

Абсолютные деньги в условиях господства биржи невозможны

Шарапов постоянно повторяет, что в западном мире (включая Америку после ее присоединения к «золотому клубу» в конце XIX в.) **абсолютные деньги невозможны**. Поскольку там обществом правит не государство, а *биржа*, которая заинтересована в том, чтобы капитал был дорог, а рабочая сила – дешева; т. е. биржа и стоящие за ней ростовщики не заинтересованы в том, чтобы деньги были «нейтральны» и обеспечивали полное использование трудовых, интеллектуальных и природных ресурсов общества. Шарапов пишет: «Современное парламентарно-буржуазное государство все экономическое творчество отдает бирже, т. е. представительнице капитала. Самовластная биржа, обладая деньгами (не забудем, что деньги – концентрированный прежний труд и орудие труда будущего), естественным образом приобретает и полное господство над трудом во всех его видах.

Правительство обращается в простого городского, наблюдающего за порядком, а страна при биржевом режиме резко разделяется на два класса: правящие – представители капитала, или труда прежнего, в их руках сосредоточенного; правимые – представители труда настоящего или будущего, работающие только потому, что правящие, т. е. капиталисты, дают свой капитал в производство.

И власть, и творчество, и действительное управление страной, и законодательство, и внешняя политика, и мировоззрение, и национальные идеалы – все это монополизировано одним правящим классом. Как Людовик XIV когда-то, так биржа теперь может сказать: “Государство – это я” и будет совершенно права, ибо, властвуя над трудом и заработком человека, нельзя не властвовать и над его душой и над его *bulletin de vote* вплоть до тех пор, пока озлобленный пролетарий, утративший Бога истинного и не могущий уверовать в бога Меркурия, не начнет швырять своих директоров фабрик в бассейны с расплавленным стеклом...».

Из данного отрывка вырисовывается очень простая *схема капиталистического общества*: с одной стороны – капиталисты – обладатели прошлого труда (воплощенного в капитале); с другой стороны – работники – представители труда настоящего и будущего.

Также предельно точно высвечивается *сущность денег*, которые представляют собой: а) концентрированное выражение прошлого труда; б) орудие (организации) настоящего и будущего труда.

При таком понимании денег становится очевидным, что биржа, получая контроль над деньгами, тем самым обретает контроль над трудом – прошлым, настоящим и будущим.

Очевидно, что такое устройство общества не может не приводить к социальным возмущениям и служит бла-

годатной почвой для появления различных социалистических теорий.

Интересно деление Шараповым *финансовой истории западной цивилизации на три основные фазы*: «Итак, вот стадии финансового развития золотого Запада: 1) золото как деньги (первая власть евреев как ростовщиков); 2) система банков и банковых билетов как заместителей золота (вторая власть евреев как банкиров и финансистов, начало их обогащения); 3) процентные займы государств, царство биржи в стране (третья степень власти евреев – ростовщичество государственное и затем полное миродержавство)».

Любопытно, что на всех трех фазах, по Шарапову, главенствующую роль в финансовом мире играли евреи. Сначала это были ростовщики, которые торговали золотыми деньгами, получая за это процент. Затем на смену им пришли банки как депозитно-кредитные организации, которые научились делать деньги «из воздуха» (за счет неполного покрытия своих обязательств)¹. Наконец, пришло царство биржи, которая стала основным финансовым институтом в то время, когда жил Шарапов. Конечно, данная периодизация достаточно условна, поскольку власть биржи не уничтожала банки и банковские билеты. Часто короли биржи становились одновременно и королями банковского мира (и наоборот). Банки и биржа взаимно дополняли друг друга. Кстати, банки при этом часто заламывали такие высокие цены за свои деньги, что, по сути, они были ростовщиками. Очевидно, что симбиоз банкиров-ростовщиков и спекулянтов-биржевиков исключал возможность вы-

¹ О том, как банки делают деньги «из воздуха», опираясь на неполное (частичное) покрытие своих обязательств, можно прочитать: *Катасонов В. Ю.* Гл. 12. «Денежная революция»: легализация «частичного резервирования» // О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 1.

страивания здоровой денежной системы, базирующейся на абсолютных деньгах.

Короли биржи полностью подчиняют себе государство, которое стало у них «лакеем на побегушках». При этом немаловажно, что они получают социальную поддержку среди части общества, которая не относится к биржевикам, но желает жить не трудом, а рентой. В некоторых странах Европы такой *класс мелкой буржуазии – рантьееров* стал достаточно многочисленным. Вот что пишет Шарапов: «При золоте в качестве денег и его суррогатах – банковых билетах правительство совершенно устраняется от государственно-экономического творчества и становится простым органом правящего класса, т. е. капиталистов, рантьееров, властвующих в стране. Центр, святилище этого класса – биржа, в руках которого само собой сосредоточивается творчество. Основой, фундаментом этого творчества являются капиталы, народные сбережения, сосредоточенные в руках правящего класса и отчасти классов трудящихся, стоящих между настоящими рантьеерами, вовсе не трудящимися, и настоящими пролетариями, вовсе не скопившими сбережений. Такими типами будут, например, какой-нибудь парижский извозчик, выезжающий ежедневно на работу, но уже имеющий капитал в 5–10 тыс. франков, или привратница, заведующая домом и ежедневно откладывающая известный доход на приобретение ренты или других ценных бумаг». Особенно распространен класс мелких буржуа – рантьееров во Франции: «Взглянем на Францию, какое изобилие накопленных капиталов! Пять миллиардов уплачены как пять рублей. Налицо четыре миллиона людей, живущих рентою, т. е. пользующихся чужим трудом, кормящихся за счет итальянцев, и за счет египетских феллахов, и за счет собственных трудящихся и нищенствующих

сограждан». Очевидно, что этим четырем миллионам французов абсолютные деньги также не нужны.

Шарапов неоднократно повторял, что в России биржа (пока еще) не имела такого влияния, как в Западной Европе. И это вселяло в него надежду, что у русского народа и абсолютных денег в России оставался шанс на будущее.

Впрочем, на Россию очень заметно влияла европейская биржа. Русский рубль во времена Николая I не гулял свободно через государственную границу, но и полных запретов на его вывоз также не было. Поэтому какая-то часть русских бумажных денег оказывалась за границей и становилась объектом биржевых спекуляций. С 1851 по 1878 г. курс кредитного рубля по отношению к основным европейским валютам упал на 35%, а с 1878 по 1894 г. повысился на 6%¹. Естественно, в рамках этих длинных периодов были свои краткосрочные взлеты и падения валютного курса бумажного рубля. Имели место сезонные колебания курса, в частности в связи с осенним вывозом хлеба из России (обычно осенью биржевики играли на повышение курса рубля). Ежегодные колебания курса рубля в результате валютных спекуляций достигали 36%².

Операции по поддержанию валютного курса рубля Россия начала осуществлять в 1845 г.³ и с той или иной интенсивностью проводила эту политику до момента введения в стране золотого рубля. Особенно активно эту политику проводил министр финансов И. А. Вышнеградский: он играл на понижение рубля в период

¹ Власенко В. Е. Денежная реформа в России 1895–1898 гг. – Киев, 1949. – С. 217.

² Там же.

³ Федорович Л. В. Теория денежного и кредитного обращения в России. – Одесса, 1877. – С. 617 (цит. по: Бурлачков В. К. Указ. соч. – С. 41).

вывозной хлебной кампании и на повышение, когда надо было проводить платежи казначейства и основных импортеров за границу¹. Безусловно, биржевая игра правительства была связана с существенными издержками: во-первых, не всегда удавалось достичь нужных результатов; во-вторых, для поддержания курса рубля нужен был солидный запас золота и/или иностранной валюты для проведения интервенций.

Чем обеспечены абсолютные деньги?

В любой денежной теории одним из главных является вопрос *обеспечения денег*. Разные деньги и денежные системы сравнивают, прежде всего, по способу и надежности их обеспечения. Если нет обеспечения, то и денег нет, а есть лишь какие-то бумажки наподобие конфетных фантиков, которые в лучшем случае можно использовать в узком кругу людей для какой-нибудь игры. Плохое обеспечение – люди неохотно пользуются предлагаемыми знаками для операций обмена и платежей, пользуясь альтернативными способами (например, бартером, взаимозачетами). Хорошее обеспечение – люди, не задумываясь, принимают предлагаемые им знаки, называемые деньгами, в виде заработной платы, гонораров, оплаты за свой товар и т. п.

У товарных денег обеспечением является внутренняя стоимость того товара, который выбился на должность «денег». У бумажных или электронных денег обеспечением является доверие и уважение к тому, кто выпустил такие деньги (мы сейчас не обсуждаем вопрос подлинности бумажных или электронных знаков; предполагается, что они подлинные, принадлежат тому,

¹ Бурлачков В. К. Указ. соч. – С. 41.

кто официально их выпустил)¹. Это нематериальное обеспечение, базирующееся на авторитете, честности и профессиональности того, кто их выпустил (эмитента). Когда мы говорим о честности и профессиональности эмитента, то имеем в виду, что он не злоупотребляет своим положением и не выпускает лишнее количество знаков или, наоборот, не создает их дефицит.

К сожалению, история бумажных денег (или шире – денежных знаков) пестрит примерами того, что эмитент проявляет «человеческие слабости». В лучшем случае – отсутствие профессиональных знаний, в худшем – алчность, хитрость и непорядочность для того, чтобы «нагреть руки» на своем монопольном положении. Именно по этой причине к бумажным деньгам всегда относились с достаточной долей скептицизма и подозрения.

В работе «Бумажный рубль...» Шарапов вспоминает польского экономиста и философа *Августа Цешковского* (1814–1894), сегодня мало известного даже в Польше. Этот поляк писал о достоинствах и недостатках бумажных и золотых денег и ломал голову над тем, как соединить достоинства обоих видов денег. По мнению Шарапова, именно абсолютные деньги обеспечивают такое соединение: «Еще пятьдесят лет назад Цешковский давал следующую характеристику золоту: самое верное обеспечение ценности, но весьма плохой ее измеритель².

¹ Впрочем, у современных знаков денег (товарных денег сегодня в мире почти нет) в качестве обеспечения может выступать сила или угроза применения силы. Именно на этом «нематериальном» обеспечении основывается обращение в мире доллара США (подробнее см.: *Катасонов В. Ю.* Гл. 24. Чем обеспечены современные деньги // О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 1, 2.

² *Цешковский* говорил об этом примерно в то время, когда началось достаточно резкое обесценение золота в результате значительного увеличения его предложения на мировом рынке («золотая лихорадка» в Калифорнии и др.), т. е. когда недостатки «измерительной» функции золота стали особенно очевидными. – В. К.

Что такое бумажные деньги? Самый лучший *измеритель* и самое плохое *обеспечение*. Необходимо, следовательно, отыскать такую денежную систему, которая имела бы монетную единицу, совмещающую в полной степени как *обеспеченность* золота, так и *измерительную способность бумажки*. Разумеется, эта задача Цешковского разрешима только при принятом нами условии обеспечения в виде нравственного начала, лежащего в основе самодержавного государства. Это есть наилучшее *обеспечение* как постоянства денежной единицы, так и ее обращаемости, так, следовательно, и ее внутренней полноценности для граждан данной страны».

В работе «Бумажный рубль...» Шарапов пишет: «Новые деньги могут появиться только в новом государстве. Деньги становятся «творческим орудием и послушной силой в руках государства, построенного не на эгоистическом начале *договора*, а на нравственном – *доверия*».

Итак, Шарапов дает ответ на вопрос: что является наилучшим обеспечением денег? – «*Нравственное начало, лежащее в основе самодержавного государства*». Это двойное обеспечение:

- а) постоянства покупательной способности денег;
- б) обращаемости денег, т. е. гарантия того, что деньги (денежные знаки) будут без каких-либо сомнений переходить из одних рук в другие.

Нравственное начало самодержавного государства в части, касающейся организации денежного обращения, проявляется в том, что государство:

– поддерживает нейтральность денег, не отдавая предпочтения ни капиталу (прошлый труд), ни работникам (настоящий и будущий труд), ни знаниям (умственный труд, обеспечивающий наиболее эффективное соединение прошлого, настоящего и будущего труда);

– обеспечивает неуклонный рост национального богатства за счет широкого применения «мнимых капиталов»;

– обеспечивает справедливое распределение результатов хозяйственной деятельности с помощью государственных финансов (бюджета и фондов, формируемых за счет запасных капиталов);

– защищает систему абсолютных денег как от внешних, так и внутренних посягательств (внешние посягательства – со стороны мировых ростовщиков и королей биржи; внутренние посягательства – со стороны тех, кто желал бы получать необоснованные привилегии за счет капитала-прошлого труда);

– избегает любых злоупотреблений своим привилегированным положением, связанным с особыми полномочиями в деле выпуска денег и регулирования их обращения.

В «Бумажных деньгах» Шарапов постоянно повторяет: по критерию нравственного начала наша самодержавная власть кардинально отличается от власти на Западе, где у руля власти стоят партии или даже династии, которые жертвуют национальными интересами ради своего личного господства. Официальная власть на Западе бессильна бороться с царями биржи. В России же биржа не имеет, слава Богу, пока такого могущества. Поэтому абсолютные деньги в России – реальность, которую надо укреплять и совершенствовать.

Шарапов о грядущей мировой войне и бумажном рубле

Шарапов раньше многих политиков и военных предсказал грядущую мировую войну. Особенно глу-

бокий и практически значимый анализ причин, участников, характера этой войны содержится в работе Сергея Федоровича, которая называется «В виду грядущей мировой войны», которая была написана им за год до смерти¹. Основными противниками России в будущей войне Шарапов видит Германию и Японию. Он анализирует их военно-экономический потенциал и приходит к выводу, что эти страны могут рассчитывать на военную победу только в случае проведения «молниеносной» войны. Затяжная война – не для них.

Опыт той же Русско-японской войны 1904–1905 гг. показал, что Япония начала быстро выдыхаться. Ее англо-американским покровителям пришлось прийти ей на помощь и вынудить Россию подписать мирный договор (при активном участии *С. Ю. Вумме*) в то время, когда Россия начала одерживать военные победы над своим восточным противником. «Мы уже видели в кампании 1904–1905 гг., когда за 18 месяцев борьбы с Россией Япония истощила все свои силы и дошла до полного изнеможения. Еще два-три месяца..., и Япония была бы вынуждена сама просить мира. Фактически так и было, и только наше преступное малодушие спасло Японию от страшной катастрофы»².

Проведя анализ военно-экономического потенциала Германии, Шарапов заключает: «Ей (Германии. – *В. К.*) необходимо с первого же момента развить всю свою колоссальную силу и сразу, одним натиском, если можно, уничтожить противника или принудить его к миру. Сами германские военные писатели утверждают, что Германия должна закончить войну в течение трех

¹ Шарапов С. Ф. В виду грядущей мировой войны. // Свидетель. – 1910. – № 31/32 (работа имеется в современном источнике: *Базулин Ю. В.* Указ. соч. – С. 131–150).

² Базулин Ю. В. Указ. соч. – С. 144.

месяцев. Именно так и поставлена в Германии мобилизационная часть, составляющая всю душу немецкого военного искусства»¹.

Что касается союзников России – Англии и Франции, то Шарапов оценивает их военно-экономический потенциал гораздо выше. Так, он пишет об Англии: «Островное положение и могущественный флот вместе с колоссальным богатством позволяют ей выдерживать войну очень долго». Гипотетически может быть иной вариант развития событий: «Англия может быть погублена в несколько недель, если ее флот погибнет в борьбе с могущественной мировой коалицией». Но такой вариант, по мнению Шарапова, маловероятен: «Но об этой коалиции сейчас не может быть и речи. Второй по величине флот Франции принадлежит к ее группе. Флот итальянский войдет, вероятно, туда же. Единственный враждебный флот, германский, будет заперт или истреблен»².

С Россией ситуация (в отличие от Японии и Германии), по мнению Шарапова, иная. Несмотря на все несовершенство отечественной экономики (даже учитывая то, что она так и не стала «самодостаточной»), Россия имела явные военно-экономические преимущества: «В то время как главный наш противник – Германия – может выдержать всего 3 месяца, а Япония – с великим трудом год или полтора, мы сможем смело рассчитывать на пять, если не на десять лет борьбы при единственном

¹ Там же. – С. 146.

² Там же. – С. 145. Тут мы позволим себе сделать комментарий. В некоторых важных деталях сценария будущей войны Шарапов все-таки ошибался. Эти ошибки в основном происходили из того, что Шарапов несколько заблуждался относительно честности и искренности этих союзников. События Первой мировой войны показали, что союзники России (Англия, Франция, а с 1917 г. и США) вели двойную и фактически предательскую игру в отношении России.

условии – не зарываться, не растрачивать сил и крови в решительных боях, а мудро, спокойно и систематически выстраиваться, доводя неприятеля до неминуемого изнеможения и истощения. Наше экономическое положение таково, что нам, в сущности, терять нечего. Хлебом будем питаться своим, промышленность всех видов не только не остановится, но получит огромный толчок, хлопок будем подвозить через Одессу, т. к. Черного моря наши союзники закрыть не дадут. Оттуда же будем получать и селитру, если запаса таковой (чего даже нельзя предположить) не сделало заблаговременно военное ведомство. Остальное все есть дома»¹.

Анализ реальных событий Первой мировой войны и участия в ней России показывает, что Россия по ходу войны постепенно набирала «очки», а Германия их теряла². Особенно преимущества России были видны по части продовольственного обеспечения фронта и тыла. Вместе с тем промышленность работала в первые полтора-два года войны крайне неудовлетворительно, на фронте не хватало оружия, патронов, снарядов. Россия вынуждена была обращаться за помощью к своим союзникам, но союзники явно не спешили с помощью (часто переговоры о поставках тех или иных материалов, оружия, боеприпасов в Россию превращались в затяжной базарный торг³). В результате это выливалось в большие человеческие потери на фронте, явно-

¹ Там же. – С. 149.

² Отметим, что в 1913 г. Россия производила промышленной продукции в 8 раз меньше, чем США, примерно в 3,5 раза меньше, чем Германия, в 3 раза меньше, чем Великобритания, и в 1,5 раза меньше, чем Франция. Доля России в мировой промышленной продукции в 1913 г. составляла 4 % (СССР. Промышленность // Большая Советская Энциклопедия.

³ См.: Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. – М., 1960.

го военного перевеса над Германией видно не было. Но все-таки Шарапов был прав, что война даст промышленности «толчок»: в 1916 г. промышленность России значительно увеличила производство оружия и боеприпасов. Конечно, это не был «огромный толчок», на который рассчитывал Шарапов. К сожалению, быстрой мобилизации российской экономики препятствовала не только государственная бюрократия, о которой Шарапов немало говорил и писал. Тормозом мобилизации были также хозяева промышленных предприятий, которые руководствовались не столько патриотическими, сколько «шкурными» интересами, безбожно наживаясь на военных поставках (Шарапов этот момент явно недооценил). К сожалению, также Россия не сумела реализовать свое военно-экономическое превосходство над Германией в 1916–1917 гг., но причины эти уже политического, а не экономического свойства.

К сожалению, «самодостаточной» экономики у России не сложилось даже накануне 1917 г. Продолжались переговоры с союзниками о новых поставках в Россию оружия, боеприпасов, некоторых видов гражданской продукции. Союзники требовали в качестве расплаты золото. Или готовы были предоставлять кредиты, но под залог все того же золота (переговоры о таких кредитах на протяжении всей войны велись с Англией). А если изъять золото из резервов государства, тогда резко сожмется объем банкнот, циркулирующих внутри страны. Чтобы избежать такого сжатия, надо ликвидировать ту денежную систему, которая была сконструирована С. Витте, и вернуться к бумажному рублю.

О том, что с денежной системой, построенной на золоте, нельзя вести серьезную войну, говорил еще С. Шарапов. И предлагал заблаговременно вернуться к бумажному рублю, который не раз помогал России

выигрывать войны. «Что касается собственно денежных средств, – писал Шарапов, – то у нас есть шанс, совершенно отсутствующий у врагов, – это переход на бумажные деньги, которые еще великий Наполеон считал наисильнейшим орудием в руках тех стран, которые могут им воспользоваться. Это средство выручило нас самым блистательным образом в годину великого нашествия и дало нам возможность надлежаще закончить последнюю войну с Турцией. Не затрудняя читателя подробностями, прошу пока принять на веру сделанный мной подсчет, согласно которому мы можем выпустить до 6 млрд. руб., почти не уронив курса, и только при следующих 4 млрд. рубль может дойти до 5 коп. за золото. Но это только отразится благотворно на земледелии и поднимет внутреннюю промышленность, задев слегка класс рантьееров и капиталистов, у нас попросту ничтожный. Десять миллиардов, во всяком случае, на пять лет самой напряженной войны хватит, а дальше едва ли стоит и загадывать»¹.

Россия решительного перехода к бумажному рублю так и не совершила. Когда началась Первая мировая война, власти прекратили размен бумажных денежных знаков на металл из государственных резервов. Но отказа от привязки денежного обращения к государственному резерву золота не последовало. В результате власть не могла обеспечить свою экономику необходимой бумажной денежной массой (чтобы максимально мобилизовать экономический потенциал страны). И в то же время они не могли использовать этот резерв для оперативных закупок на мировом рынке всего необходимого для быстрой победы над Германией². Следова-

¹ Базулин Ю. В. Указ. соч. – С. 149.

² Подробнее см.: Катасонов В. Ю. Золото в экономике и политике России.

ние западным финансовым теориям в мирное время наносило серьезный экономический урон России. Цена следования этим теориям во время войны оказалась намного выше: такое следование привело страну фактически к военному поражению и последующим катаклизмам в виде революций 1917 года, интервенций и гражданской войны.

Организация денежно-кредитной системы

Особенностью Шарапова как экономиста было то, что он не только формулировал фундаментальные идеи, но также досконально разрабатывал механизмы их практической реализации. В частности, он не просто сформулировал идеи абсолютных денег и «мнимых» капиталов, но свою работу «Бумажный рубль (Его теория и практика)» снабдил обширным приложением, содержащим описание организации предлагаемой им денежно-кредитной и финансовой системы. Центральными учреждениями этой системы является Державная Казна и Большая Казна.

Державная Казна (часть Министерства финансов, соответствующая Государственному Казначейству) – «учреждение, ведающее государственной росписью, т. е. приходами и расходами государства, а также его собственными капиталами и доходами, являющимися долей государства как результатом оплодотворенного народного труда».

Большая Казна (соответствует Государственному банку) – «учреждение, ведающее денежным обращением, народным кредитом и денежной частью всенародных государственных предприятий». Далее Шарапов пишет: «Главная задача Большой Казны – управление денежным

обращением посредством приема повсюду во всех своих приказах вкладов, выдачи повсюду ссуд, установление повсюду земледельческого, торгового и промышленного кредита, а также и посредством выпуска в обращение и уничтожения излишних денежных знаков».

Некоторые детали реорганизации управления денежным и финансовым хозяйством страны мы находим в романе «Диктатор». Министр финансов в кабинете «диктатора» Соколов говорит: «Во-первых, из состава Министерства финансов должен быть выделен Государственный Банк. К нему, как я уже говорил, должны быть присоединены Дворянский и Крестьянский банки, которые составят его ипотечный и культурный отделы, и сберегательные кассы. Здесь же должен быть монетный двор и, может быть, Экспедиция заготовления Государственных бумаг». Далее он указывает, что часть функций Министерства финансов должна быть выведена в новое ведомство Государственных Предприятий. За Министерством финансов, как говорит Соколов, остается: «Распоряжение государственными средствами, государственная приходная и расходная касса, т. е. Департамент неокладных сборов, Таможенный департамент, Департамент Государственного Казначейства и Комиссия погашения долгов. И этого слишком достаточно, чтобы человек едва мог справиться и охватить всю машину». Поэтому центральный аппарат Государственного банка и Министерства финансов дополняется разветвленной сетью территориальных и местных учреждений.

В работе «Бумажный рубль (Его теория и практика)» Шарапов пишет, что Большая Казна по всей территории Российской Империи имеет сеть своих учреждений – Приказов. *Приказы Большой Казны* – «отделения Государственного банка первого и второго разрядов,

слитые вместе с уездными и губернскими казначействами» («внизу, в областях (губерниях) и уездах»). Очень важно, что в систему Большой Казны были включены волости (приказы Большой Казны, соответствующие отделениям Государственного банка второго разряда) – это позволит максимально приблизиться к народу и товаропроизводителю. Как известно, Шарапов был сторонником придания церковным приходам ряда социальных и хозяйственных функций. Не исключал он в том числе и возможность создания приходских кредитных учреждений, которые могли бы образовать «*капиллярную сеть*» Большой Казны.

Забегая вперед, отметим, что та система (модель) организации государственного кредита, которую нарисовал Шарапов, отчасти была реализована в советское время (естественно в советской системе не было приходских кредитных учреждений).

Далее Шарапов пишет, что в управлении движением ссудным капиталом на местах будут участвовать приказы Большой Казны совместно с разными местными учреждениями – для того, чтобы лучше чувствовать потребности народного хозяйства: «...в местных приказах примут живое и деятельное участие (оформленное весьма широким уставом) всевозможные самоуправляющиеся местные земские, городские, сословные, торговые и промышленные учреждения и частные союзы и общества. Даже само установление ссудного и вкладного процентов будет принадлежать местным приказам с ведома и согласия центрального учреждения». Кстати, и здесь наблюдается некоторая аналогия с советским временем: местные конторы Госбанка СССР тесно взаимодействовали с органами партийной и государственной власти. Шарапов уделяет особое внимание организации нижних звеньев денежно-кредитной системы, поскольку именно

они выполняют роль своеобразных «рецепторов», чутко улавливающих спрос на деньги и позволяющих государству обеспечивать «нейтральность» денег.

В романе «Диктатор» Соколов (министр финансов) объясняет генералу Иванову («диктатору»), как организована *работа кредитно-депозитных учреждений на уровне уезда¹ и волости²*: «А теперь потрудитесь оценить сами этот аппарат (регулирования денег в обращении. – В. К.). Вообразите себе наш средний уезд. Денег обращается там крайне мало, кредита, можно сказать, никакого. Хозяйство самое хищническое, и ростовщики дерут по пять копеек в месяц и больше. Вот что вы делаете. Во-первых, в каждой волости открываете учреждение малого кредита, скажем, кредитное товарищество, кстати, это прекрасный тип. Это товарищество первое время работает на деньги, ссуженные Государственным банком, ибо своих вкладов взять негде. Во-вторых, преобразовываете уездное казначейство в отделение Государственного банка со всеми банковскими операциями. При нем учетные комитеты: от землевладельцев, от торговцев, от промышленников, от учреждений мелкого кредита. Кредиты открываются, разумеется, обдуманно и осторожно, но широко, так, чтобы ни один кредитоспособный не остался без удовлетворения. Казенные и земские суммы не выделяются и проходят только по счетам, единство кассы полное. Отделение выдает деньги и принимает вклады. Начинается работа. Сразу же оказывается, что денег в уездах обращается ничтожно мало и кассу отде-

¹ Уезд – низшая административная единица в Российской Империи (с 1775 г.), позднее в РСФСР и СССР до советской административно-территориальной реформы 1923–1929 гг.

² Волость – в Российской Империи – часть уезда, с 1861 г. – единица сословного крестьянского управления. В волость входили так называемые сельские общества. Была упразднена советской административно-территориальной реформой.

ления приходится “подкреплять”. Центральный эмиссионный банк печатает свои знаки и посылает. Уезд всасывает их и работает. Но вот понемногу рядом с расходной кассой работает все сильнее и приходная. Возвращаются ссуды. Являются отработавшие свободные деньги, которые дома никто не держит, а вносит на вклад или на текущий счет, чтобы воспользоваться процентом, разумеется, если кредитное учреждение под боком, а не за сотни верст, как теперь. Наконец, наступает момент, когда расход и приход денег в отделении уравниваются и новые знаки из банка не нужны. В уезде устанавливается свое правильное денежное обращение, и банку остается только определить, какой свободный резерв знаков должно держать отделение. ...Вы понимаете, ваше превосходительство, что дело совсем не в количестве выпущенных денег, а в условиях их обращения, т. е. вот в этих кредитных учреждениях и их надлежащей организации. Скажите: если бумажка будет идти только этим путем в обращение, может быть вопрос о чрезмерном их выпуске? Может ли явиться малейшая надобность в каком-либо металлическом покрытии?».

Но вернемся к работе «Бумажный рубль...». По замыслу Шарапова, в кредитной системе, базирующейся на абсолютных деньгах, будут существовать *различные виды кредита* – как государственного, так и частного, как долгосрочного, так и краткосрочного. При этом создаваться кредит будет как в форме «мнимого», так и «реального» капитала: «При всем разнообразии его форм преобладающими типами будут: кредит земледельческий, ипотечный и мелиоративный – долгосрочный, с неизменным на долгое время ссудным процентом. Соответственно этому кредиту имеются и капиталы, ищущие особенно долгого, иногда вечного и прочного помещения. Таковы капиталы различных учреждений, по

своему нравственно верному и неподвижному характеру как раз отвечающие прочному и взаимному ипотечному кредиту. Кредит земледельческий и промышленный оборотный, с более короткими сроками, чем ипотечный, но все еще с долгими сроками, дающими возможность выдерживать на складе запасы произведений и товаров. Ему соответствуют и менее долгосрочные вклады, представляющие капиталы частных лиц или запасные капиталы общественных учреждений, союзов, промышленных предприятий. Наконец, кредит торговый, учетный, с краткими сроками. Ему соответствуют краткосрочные вклады, или текущие счета».

Одна из важных задач Большой Казны, по замыслу Шарапова, – «увеличивать собственные средства государства, т. е. капиталы и запасы всенародные». Видимо, речь здесь идет о средствах государственного бюджета, а также различных денежных фондах, содержащих запасные капиталы. И те, и другие находятся в ведении Державной Казны, но передаются в управление Большой Казне. Похожую картину мы видим и в СССР: там средства государственного бюджета и различных фондов (прежде всего, фондов общественного потребления) находились в управлении Государственного банка и специализированных государственных банков.

О бюрократизме и абсолютных деньгах

Очевидно, что ни о каких абсолютных деньгах в России не могло быть и речи без наведения порядка в государственном аппарате страны. После начала реформ Александра II государство окончательно стало «вещью в себе». Государственная бюрократия превратилась в «самодостаточную» социальную группу, которая дела-

ми развития народного хозяйства не интересовалась. В России помещик, крестьянин (вчерашний крепостной), промышленник, купец, просто обычный гражданин были брошены на произвол судьбы, не получая от государства никакой помощи и даже сочувствия¹. Государственная бюрократия бездействовала по причине не одной лишь лени, а была уверена, что вмешательство государства в экономическую жизнь противоречит всем канонам «науки»². Шарапов еще в 1885 г. писал: «Взаимное понимание двух русских стихий, народа и государства утратилось до того, что самая мысль о том, что народное хозяйство без разумного руководства и помощи государства невозможно – стала казаться дикою!»³

Во времена Шарапова ситуация во многих ведомствах России была просто катастрофическая. Они были наводнены людьми непрофессиональными, порой не чистыми на руку, случайными, не имевшими специального образования и знания предмета. Исполнительская дисциплина была на низком уровне, господствовала атмосфера равнодушия к судьбам страны и преклонения перед Западом, процветали коррупция, кумовство, карьеризм и заискивание перед начальством, махровый бюрократизм. Во многих своих работах Шарапов обращает внимание на бюрократизм как особое состояние государственного аппарата, который существовал ради самого себя. Бюрократия подрывала основы царского самодержавия, присваивая себе полномочия самодер-

¹ Данный вопрос мы рассматривали в разделе: О государственной бюрократии и пренебрежении отечественным опытом // С. Ф. Шарапов: взгляд славянофила на экономику и экономическую науку.

² Данный вопрос мы рассматривали в разделе: О теории и практике «государственного невмешательства» // С. Ф. Шарапов: взгляд славянофила на экономику и экономическую науку.

³ *Тарлицкий*. Указ. соч. (Цит по: *Базулин Ю. В.* Указ. соч. – С. 48).

жавия: «Самодержавие государя на глазах у всех, – писал Шарапов, – обращается в самодержавие директора, начальника отделения, столоначальника». Шарапов предлагал избавить как царя, так и народ от подобного рода барьера, мешавшего их взаимному общению, и самостоятельного «самодержавия». Понятно, что для тогдашней бюрократии подобного рода предложения были страшнее, чем угрозы и бомбы революционеров.

Критика Шараповым тогдашней бюрократии, узурпировавшей государственный аппарат, проходит красной нитью через все его произведения. Он не раз говорил, что столичное и даже губернское чиновничество представляет собой автономное от общества образование, как бы «государство в государстве», причем этих отдельных «государств» много, и они между собой почти не взаимодействуют: «Наши ведомства, во-первых, совсем не знают России, во-вторых, до сих пор представляют не части одного великого организма, а особые государства, вернее – страны света, связанные только тем, что нарисованы на одном глобусе».

Любопытна характеристика отдельных организаций, составляющих денежную и финансовую систему России, данная в романе «Диктатор» министром финансов Соколовым: «Возьмите хоть одну Кредитную Канцелярию. Ведь это вертеп разбойничий. Или Государственный Банк! Они на всякого министра сомкнутым строем идут. А монополия? А Дворянский и Крестьянский банки? А Таможенный департамент?».

В романе «У очага хищений» (продолжение романа «Диктатор»)¹ Соколов также обращает внимание на ярко выраженную *антирусскую политику* Министер-

¹ Как можно догадаться по названию, роман посвящен проблеме коррупции в дореволюционной России и борьбе с ней. Борьба с коррупцией была одной из приоритетных задач «диктатора» генерала Иванова.

ства финансов при С. Ю. Витте: «...суть в том, что Витте, который выручал всех жидов на десятки и сотни миллионов, не захотел поддержать во время кризиса группу чисто русских и очень крупных дел на Юге. Отказал только потому, что это были русские люди и русские дела».

В том же романе «У очага хищений» Соколовым дается характеристика других ведомств, которые, по его мнению, еще хуже, чем Министерство финансов: «В других ведомствах везде то же самое, с той только разницей, что у вас в Министерстве (финансов. – В. К.) хоть и грабят, но все же кое-что делают, в других ведомствах даже на бумаги с марками не отвечают... здесь в Петербурге незараженного нет ни одного аршина... Что делать? Попытаться это воровство и разврат вывести. Александр III это пробовал, но ему не удалось. Помните манифест 29 апреля о “неправдах и хищениях”»¹? Прекрасный манифест, и, пожалуй, что-нибудь бы вышло, если правительство, одной рукой приглашающее “бороться с неправдой и хищениями”, другой рукой этих самых неправд и хищений не прикрывало. Попробуйте разоблачить какого-нибудь сановного вора. Он бежит к своему министру, этот пишет записочку графу Толстому, этот зовет Вяземского или Феокистова, и хищение спасено: по газетам рассылается циркуляр “не смей касаться такого-то дела...” Хищение разрослось на молчании печати...».

¹ Высочайший манифест Императора Александра Третьего, обнародованный вскоре восшествия его на царский трон (29 апреля 1881 г.), О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России.

Как это все напоминает нашу нынешнюю «борьбу с коррупцией», которую объявил в начале своего президентства в 2008 г. *Дмитрий Медведев*. А вот в ноябре 2011 г. Медведев вообще публично отказался от того, чтобы контролировать доходы чиновников; он также отказался от ратификации ст. 20 Конвенции ООН о борьбе с коррупцией, где предусматривается контроль над расходами чиновников и конфискация имущества. Тема коррупция – особая. Шарапов прекрасно понимал силу этой многоголовой гидры. Именно поэтому он полагал необходимым на время введение в стране особого режима – диктатуры, чему и посвятил свой роман «Диктатор». Уже после Шарапова в советское время при Сталине проводилась борьба с коррупцией, и эта борьба в целом оказалась очень успешной¹.

Абсолютные деньги в русской истории

Отмечу, что работы С. Ф. Шарапова вносят ясность в нашу достаточно запутанную (а отчасти фальсифицированную) финансовую историю. Он убедительно показывает, что те формальные «привязки» к металлу, которые существовали в российском законодательстве и даже в надписях на денежных знаках², создавали иллю-

¹ См.: *Вилькоцкий В. Б.* Сталин – борьба с коррупцией и воровством в СССР // Самиздат (Интернет).

² Например, на государственных кредитных билетах в царствование Александра III была следующая надпись: «По предъявлении выдается из разменной кассы Государственного банка (...) рублей серебряною или золотую монетою» (см.: *Аксенова С. В., Жилкин А. В.* Монеты и банкноты России и СССР. Полный каталог. – Ростов-на-Дону–М., 2009. – С. 288–289). Во времена Николая I на бумажных знаках (билетах депозитной кассы) была такая надпись: «Государственный коммерческий банк выдает по сему билету немедленно по предъявлении его (...) рублей серебряною монетою» (Там же. – С. 274–275).

зию, что у нас деньги были обеспечены драгоценными металлами. Однако страна жила, пользуясь бумажными денежными знаками, совершенно не обращая внимания на упомянутые формальные «привязки» и фактически обходясь без металла. Если вести отсчет от первых бумажных ассигнаций *Екатерины II*, то до начала финансовой реформы *С. Ю. Витте* Россия де-факто жила более века с абсолютными деньгами (периоды, когда бумажные деньги менялись на металл, были крайне непродолжительными).

Взять, к примеру, те же *ассигнации*. Первая попытка введения ассигнаций была предпринята *Петром III*, подписавшим 25 мая 1762 г. указ об учреждении государственного банка, который должен был выпустить в обращение ассигнации номиналом в 10, 50, 100, 500 и 1000 руб. на общую сумму в 5 млн. руб. Указ не был выполнен вследствие государственного переворота, осуществленного Екатериной II, которая в свою очередь через 6 лет вернулась к идее выпуска ассигнаций. Они были выпущены в 1768 г. с чисто «технической» целью – облегчить обращение в стране медной монеты. Для этого в Петербурге и Москве были специально учреждены *ассигнационные банки*. Для размена ассигнаций банки обеспечивались медной монетой на общую сумму 1 млн. руб. (по 500 тыс. руб. каждый). Выпуск ассигнаций ограничивался указанной суммой. Т. е. первоначально ассигнации были лишь знаком, представляющим товарные деньги, причем представительство было 100-процентное.

В связи с растущими потребностями правительства в деньгах (Русско-турецкая война 1768–1774 гг., пугачевский бунт и др.) власти стали выпускать ассигнации в объемах, намного превышающих установленный лимит. Уже в 1777 г. был прекращен размен ассигнаций на сере-

бро, а немного позднее – и на медь, т. е. через какие-то десять лет ассигнации из полноценных товарных денег превратились полностью в бумажные деньги. К 1786 г. в обращении ассигнаций было уже на сумму 46 млн. руб. Эмиссия бумажных денег шла на покрытие растущих государственных расходов, денежные знаки по своей сути были казначейскими билетами, хотя формально ассигнационные банки не входили в состав казначейства.

Ассигнационные банки постепенно стали приобретать форму депозитно-кредитных учреждений. С 1781 г. им было разрешено принимать вклады от частных лиц (под 5% годовых) и выдавать кредиты. В 1786 г. ассигнационные банки реорганизованы в единый *Государственный ассигнационный банк* с правлением в Петербурге и отделением в Москве. К концу царствования Екатерины II масса бумажных денег в обращении достигла 157 млн. руб. В 1797 г. была предпринята попытка изъять из обращения ассигнации, которая не удалась. После этого продолжилось наращивание выпуска ассигнаций, что было связано с большими военными расходами (война с Наполеоном). Выпуск ассигнаций старого образца был полностью прекращен в 1818 г., когда их масса в обращении достигла 836 млн. руб.¹ С 1818 г. начался выпуск ассигнаций нового образца. Решительное вытеснение ассигнаций началось в ходе денежной реформы Е. Ф. Канкрин, когда они стали обмениваться на кредитные билеты. В 1843 г. был упразднен Государственный ассигнационный банк. Окончательно хождение ассигнаций было прекращено в 1851 г.²

Им на смену пришли сначала депозитные, а затем кредитные билеты. Сначала кредитные билеты обмени-

¹ Ассигнации // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.

² См.: Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 68.

вались по первому предъявлению на серебро и золото, но в ходе Крымской войны такой размен был прекращен. В конце XIX века, накануне появления в России золотого рубля в словаре Брокгауза и Эфрона о кредитных билетах было написано следующее: «Ввиду недостаточности металлического фонда уже в 1854 г. принимаются меры к ограничению размена, который затем, к концу 1856 г., прекращается вовсе. С тех пор К. билеты превращаются в бумажные деньги с принудительным курсом. Такими они остаются и в настоящее время, хотя на них печатается и до сих пор обещание безостановочного размена на серебряную или золотую монету»¹.

Гораздо большее значение в стране имело доверие к власти, чем гарантии обмена бумажных знаков на металл по фиксированному курсу. А доверие было высокое, ибо власть была царева, а народ был православный и законопослушный. Такого доверия, кстати, на Западе в те времена не было. Кстати, на наших ассигнациях были надписи: «*Любовь к Отечеству*» и «*Действует к пользе онаго*».

Шарапов, рассуждая об истории абсолютных денег, полагал, что отсчет времени их использования в России следовало бы начинать не с Екатерины II (бумажные ассигнации), а с гораздо более ранних веков. Он полагает, что первые абсолютные деньги активно использовались еще в древней Руси и что это были первые в мире абсолютные деньги: «В противоположность истории Запада вся наша история с глубокой древности, с призвания варягов, основана на доверии, и вот почему, между прочим, именно нам суждено было изобрести первые в мире государственные абсолютные деньги (Рошер). Как жаль, что наши исто-

¹ Кредитные билеты // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.

рики почти не касались экономических отправлений Древней Руси и едва-едва исследовали княжеские кожаные деньги. Нет никакого сомнения, что эти деньги (кусочки кожи с княжеской печатью) имели характер настоящих абсолютных знаков (а не банковских билетов). Они оказали могущественное содействие русской культуре и вышли из употребления (при Дмитрие Донском), когда благодаря выгодной торговле с иностранцами в России стало в больших количествах накапливаться золото и серебро».

Шарапов в «Бумажном рубле» обращает внимание: на Западе некоторые мыслящие люди понимали недостатки металлических денег и мечтали о переходе к абсолютным деньгам. Но в Европе быт и нравы народа отличаются от наших, у русского народа использование абсолютных денег имеет больше оснований: «На Западе еще во всей силе продолжается период *товарно-денежного хозяйства*, а у нас уже совершился переход к *абсолютно-денежному хозяйству*. Те условия, о которых мечтал Родбертус¹, т. е. необходимый элемент доверия и соответствующие учреждения, у нас наполовину имеются. Непоколебимое доверие к верховной власти у нас имеется, на нем построен весь наш государственный быт».

Определенное смущение и путаницу в умы вносит то обстоятельство, что во всех учебниках пишется, что в XIX веке в России существовал серебряный рубль. Действительно, во времена *Николая I* при мини-

¹ *Родбертус (полностью: Родбертус-Ягецов), Карл Иоганн (1805–1875) – немецкий экономист, автор сочинений по вопросам земельной ренты и прибыли, один из основоположников теории «государственного социализма». Шарапов в «Бумажном рубле» несколько раз вспоминает Родбертуса как одного из первых экономистов на Западе, кто задумался всерьез о несовершенстве товарных денег и выдвинул (в общем виде) идею абсолютных денег.*

стре финансов *Егоре Францевиче Канкрине*¹ была проведена денежная реформа (1839–1843 гг.), которая узаконивала в России серебряный монометаллизм. Иначе говоря, законным платежным средством объявлялся *серебряный рубль* в виде монеты с фиксированным содержанием металла. В обращении также сохранялись золотые и медные монеты. Устанавливалось соотношение между металлами: 1 серебряный рубль = 0,097 золотого империала (на этой монете имелась надпись «10 рублей») = 16 (позднее 32) руб. медной монетой.

При этом сохранялись и бумажные деньги – сначала в виде ассигнаций, а затем были введены депозитные и кредитные билеты. Обменный курс устанавливался: 1 серебряный рубль = 3,5 руб. ассигнациями.

Кратко о депозитных и кредитных билетах. С 1 января 1840 г. правительством открывались депозитные кассы, предназначенные для хранения серебряной монеты; через эти кассы обеспечивался обмен серебра на *депозитные билеты*. По замыслу авторов реформы, депозитные билеты должны были постепенно заместить ассигнации в качестве средства платежа и расчетов.

1 июля 1841 г. начался выпуск новых денежных знаков – *кредитных билетов* (которые должны были постепенно вытеснить ассигнации и депозитные биле-

¹ *Канкрин Егор Францевич* (1774–1845). Граф, министр финансов при Александре I и Николае I (1823–1844). Подверг критике финансовую политику своего предшественника – министра финансов графа Д. А. Гурьева (1751–1825), который пришел в Министерство финансов со дня его образования (1802) и занял кресло министра в 1810 г. Канкрин проводил гибкую политику покровительства отечественной промышленности, периодически пересматривая ставки таможенных тарифов. При Канкрине торговый и расчетный балансы были положительными (особую роль в этом сыграл растущий экспорт зерна из России), что способствовало укреплению курса рубля и притоку в страну золота и серебра. Накоплению драгоценных металлов также способствовало увеличение их добычи внутри страны.

ты в качестве всеобщего средства платежей и расчетов; выпуск депозитных билетов прекращался). Выпуск кредитных билетов обеспечивался *Сохранинной казной* и *Государственным заемным банком*. Кредитные билеты обеспечивались всем имуществом (активами) государственных кредитных учреждений; устанавливался разменный фонд серебра в размере $\frac{1}{6}$ объема выпускаемых кредитных билетов. Для размена кредитных билетов на монету при Экспедиции государственных кредитных билетов создан постоянный *фонд золотой и серебряной монеты*, на местах открывались *разменные кассы*. Указанные кассы могли принимать вклады – как монетой, так и слитками золота и серебра. Устанавливался курс кредитного билета 1 руб. за 1 руб. серебряной монетой. В 1844–1846 гг. проводилось поэтапное замещение кредитными билетами ассигнаций и депозитных билетов (ассигнации обменивались на кредитные билеты в пропорции 3,5 : 1).

Однако по жизни если такой обмен и происходил, то по рыночному соотношению, которое отличалось от того, которое было обозначено на бумажке. Народ предпочитал бумажные деньги, а курс серебряного рубля был обычно ниже официального.

В серебряных рублях обычно нуждались при осуществлении внешнеторговых сделок или о них вспоминали тогда, когда наши аристократы ехали за границу. Иначе говоря, для русского человека серебряный рубль был что-то вроде иностранной валюты. Большинство русских людей пользовалось бумажными знаками или разменной (неполноценной) монетой.

Обмен бумажных знаков на металл продержался немного более десятилетия. Во время *Крымской войны 1853–1857 гг.* обмен кредитных билетов на серебро прекратился. Последующие 40 лет Россия жила фактиче-

ски без металлических денег, в стране все расчеты и платежи осуществлялись бумажным рублем. Исключение составил короткий период времени: при министре финансов *Рейтерне* в 1862 г. на несколько месяцев был восстановлен размен кредитных билетов на золото и серебро. Однако разменный фонд быстро истощился, и обмен был прекращен¹.

Более того, в связи с *Русско-турецкой войной 1877-1878 гг.* для покрытия военных расходов правительству пришлось прибегнуть к «печатному станку», когда за два года было выпущено кредитных билетов на сумму 398 млн. руб. (прирост денежной массы на 27% по сравнению с началом 1878 г.)². В очередной раз мы видим: чиновники в Министерстве финансов в военной обстановке на время «забывают» про то, что написано в иностранных учебниках по экономике и прибегают к «печатному станку». И в очередной раз выясняется, что «печатный станок» может быть не менее эффективным средством ведения войны, чем пушки и ружья³.

¹ Металлическое покрытие бумажного рубля составило (%): 1862 г. – 11,2; 1863 г. – 11,6; 1864 г. – 8,7 (Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 293).

² Если в 1876 г. металлическое покрытие бумажного рубля равнялось 28,8%, то к 1879 г. оно упало до 12,4%. Курс кредитного рубля к этому времени составил 0,69 золотого рубля. Разменный фонд с 1876 г. уменьшался не только относительно, но и абсолютно: золото и серебро во все больших объемах использовались для того, чтобы поддерживать курс рубля за границей. В конечном счете Государственный банк прекратил выплату золота даже по иностранным векселям (Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 293).

³ См. в данной работе раздел «О войне с Наполеоном, или о пользе печатного станка». Что касается финансирования военных расходов России в годы Крымской войны, то они осуществлялись не только за счет печатного станка, но также за счет больших запасов золота и серебра, накопленных во времена министра финансов Е. Канкрин, когда Россия имела устойчивый активный расчетный баланс (об этом упоминает Шарапов).

ГЛАВА 7. «МНИМЫЕ» И «ЗАПАСНЫЕ» КАПИТАЛЫ В ТЕОРИИ С. ШАРАПОВА

О «мнимом» капитале и экономическом потенциале России

В качестве важнейшего экономического средства возрождения России Шарапов предлагает использовать «мнимый» капитал. «Мнимым» он его называет потому, что он существует в форме бумажных денег (денежных знаков) и не имеет товарных (физических) «двойников». Бумажный рубль, не зависящий от золота и выпускаемый государством по мере необходимости, позволяет при правильной организации кредитных учреждений оживлять и оплодотворять народный труд и его производительность как раз до предела, до которого в данное время достигает трудолюбие народа, его предприимчивость и технические познания. Такой рубль, выпущенный в обращение, до определенного момента времени является «мнимым капиталом», поскольку окончательных материальных результатов труда еще не создано. Иными словами, государство авансирует создание объектов капитальных вложений, которые после завершения работ становятся действительным капиталом, обеспечивающим предложение товаров и услуг.

Вот как Шарапов объясняет природу мнимого и действительного капитала: «Государство строит железную дорогу... на вновь выпущенные знаки. Создается огромный заработок, ибо вызывается огромный труд. Капитал, оплодотворивший этот труд, не действительный, а мнимый, ибо бумажки представляют из себя пока простые квитки, расчетные знаки. Что изображает этот

заработок? Как он распределился? Он распределился на началах политической экономии, по законам свободно-го спроса и предложения. Но при этом, кроме заработка всех и каждого из участвовавших в работе, явилось еще некоторое реальное имущество, приносящее доход, и это имущество (если дорогу строила казна) принадлежит ей, т. е. составляет предпринимательскую долю этого мнимого капитала, ставшего, однако, после постройки капиталом действительным. Чей это капитал? Кто его собственник? Очевидно, государство, т. е. весь народ»¹.

Экономический потенциал России, по мнению Шарапов, используется крайне слабо, поэтому активное использование государством «мнимых» капиталов может привести к громадному накоплению запасного капитала: «Если мы только представим себе мысленно, какое огромное количество народного труда в России может быть быстро вызвано вот этими мнимыми капиталами, мы легко пойдем, как быстро, даже при крайнем бескорыстии государства, скопятся в его руках огромные запасные средства. Вспомним, что наш стомиллионный народ полгода сидит без дела, а остальные полгода, кое-как ковыряя землю, едва-едва вырабатывает себе годовое пропитание»².

Шарапов – реалист. Прежде всего, он понимает, что «*мнимым*» капиталом нельзя злоупотреблять. Чрезмерная эмиссия бумажных денег может привести к инфляции и даже отбросить экономику страны назад: «Увели-

¹ В работе «Бумажный рубль (Его теория и практика)» С. Шарапов скромно оценивает свою роль в создании теории «мнимого» капитала. Он отдает дань другим русским мыслителям, которые также выражали интересные мысли относительно возможностей использования «мнимого» капитала. Среди таких мыслителей он называет Н. Я. Данилевского, Н. П. Гилярова-Платонова, В. А. Кокорева, А. П. Шипова.

² Многие экономисты того времени отмечали: сезонный характер сельского хозяйства России приводит к тому, что трудовой потенциал используется лишь на $\frac{1}{2}$ – $\frac{1}{3}$. А еще надо принять во внимание безработицу в городах, которая стала образовываться в результате быстрого развития капитализма.

чение числа знаков необходимо и полезно до тех пор, пока новые, добавочно выпускаемые их количества вызывают новый, не производившийся дотоле труд или возвышают производительность и результаты труда прежнего».

Более того, он понимает, что «мнимый капитал» далеко не во всякой стране может стать «палочкой-выручалочкой», творящей «экономические чудеса». Для этого необходимы определенные условия. Прежде всего, потенциал «мнимого капитала» проявляется в полной мере лишь в масштабах всей страны. Для этого выпуск «мнимых капиталов» и владение ими должны находиться в *руках центральной государственной власти*, которая к тому же гарантирует честное и правильное применение «мнимого капитала»: «Разумеется, эти мнимые капиталы работают с полной силой только в руках центральной государственной власти (Мальцовские деньги показывают, что то же возможно и в частных руках, но это государство в государстве)»¹. Кроме того, на терри-

¹ Здесь С. Шарапов упоминает так называемые «*Мальцовские деньги*». Это были местные деньги, которые обращались в Мальцовском промышленном районе. Район был основан в середине XVIII в. *Демидовыми* и развился затем из предприятий *С. И. Мальцова* – одного из оригинальнейших и энергичных деятелей русской промышленности. Район обнимал ряд уездов Калужской, Орловской и Смоленской губерний. На территории района действовало несколько десятков предприятий (включая лесопилки и мельницы) и имелось почти 100 тыс. рабочего населения. Деятельность заводов сосредоточивалась на выплавке чугуна, выделке железа, чугунного литья, железных и стальных изделий, машин, локомотивов, вагонов и пр. Кроме того, было налажено производство стекла, хрусталя, глиняных изделий, кирпича, организованы добыча угля, заготовка и обработка леса, сбор лесных продуктов. Главное управление заводами сосредоточено было в с. Дятькове. В 1875 г. для расширения деятельности заводов было организовано Мальцовское товарищество. Мальцов старался, чтобы все изделия были из русских материалов и чтобы для потребностей заводского населения меньше завозить товаров из других районов. Большая часть потребностей Мальцовского района покрывалась с помощью собственных денег, которых в разное время выпущено до 2,5 млн. руб. Это были денежные знаки номиналом от 3 коп. до 5 руб.; их даже принимали в уплату акциза. Подробнее см.: *Парамонов О. В. Денежные знаки «Мальцовского заводского округа» в XIX веке.* – М., 2001.

тории страны должны быть в достаточном количестве и должного качества свободные экономические ресурсы (факторы производства). Как отмечает Шарапов, «мнимые капиталы» «оживляют и вызывают народный труд только тогда, когда вызвать этот труд возможно, т. е. когда его элементы уже есть налицо в виде материалов, рабочих рук и умственных сил».

А что можно сказать о сегодняшней России? Экономические элементы «в виде материалов, рабочих рук и умственных сил» (экономический потенциал страны) пока еще не до конца разграблены и уничтожены отечественными олигархами и «иностранными инвесторами». Кое-что еще осталось¹. Поэтому использование инструмента «мнимых капиталов» могло бы обеспечить экономическое возрождение нашего общества. Естественно, предварительно нашему обществу надо вернуть себе законное право контролировать денежную эмиссию в стране и кардинальным образом перестроить денежно-кредитную систему. Конкретная схема денежно-кредитной системы была разработана Шараповым.

Теория «мнимых» капиталов Шарапова: ключевые положения

Сформулируем *основные положения теории «мнимых» капиталов Шарапова*:

а) «мнимые» капиталы создаются государством посредством эмиссии абсолютных денег как кредитов для финансирования крупных и стратегически значимых проектов;

¹ Подробнее см: *Катасонов В. Ю.* Инвестиционный потенциал экономики: механизмы формирования и использования. – М., 2005.

б) правильное использование «мнимых» капиталов ведет к использованию незадействованных материальных и трудовых ресурсов общества и росту его экономического благосостояния;

в) применение государством «мнимых» капиталов предпочтительнее по сравнению с применением «действительных» капиталов (особенно если это иностранные капиталы);

г) по мере реализации проектов «мнимые» капиталы превращаются в «действительные», или «реальные» капиталы;

д) «мнимые» капиталы могут создавать оживление хозяйственной жизни сразу во многих отраслях; не исключена ситуация, при которой для поддержания экономического оживления могут потребоваться новые порции «мнимых» капиталов;

е) «действительные» капиталы находятся в руках государства и обеспечивают ему доход (ренту);

ж) доход от «действительных» капиталов становится постепенно основным источником государственных (бюджетных) доходов, что позволяет поэтапно снижать налоги с населения и товаропроизводителей;

з) часть ренты от «действительных» капиталов превращается в запасные капиталы государства;

и) государству, накапливающему запасные капиталы, не надо прибегать к займам в случае возникновения чрезвычайных ситуаций; чрезвычайные расходы покрываются из запасных капиталов;

к) выпуском «мнимых» капиталов нельзя злоупотреблять; их объем должен соотноситься с наличием реальных материальных и трудовых ресурсов;

л) для обеспечения эффективной государственной политики в области «мнимых» капиталов необходима централизованная, многоуровневая и охватывающая

всю территорию страны сеть государственных кредитных учреждений, которые бы на местах выполняли функцию «рецепторов», улавливающих спрос населения и предприятий на деньги.

Не всякий «мнимый» капитал хорош

Совсем по-другому выглядит картина на Западе, при власти биржи. Там используются действительные (или готовые) капиталы, а продукт творчества принадлежит не казне и народу, а банкирам: «Для постройки дороги биржа авансировала известный свой готовый капитал, выговорив себе определенный процент. Труд произведен, дорога создалась, все заработали, но заработок распределился совсем иначе. Капиталист разменял трехпроцентную ренту, чтобы купить акцию новой железной дороги, и получает теперь, скажем, 6% дивиденда, т. е. стал в два раза богаче. Инженеры, строители, подрядчики, получив свой заработок, купили на него (ту же проданную капиталистом) ренту, чернорабочие прожили и прокормились (может быть, даже лучше, чем жили и кормились раньше...), но вообще остались в том же положении, а государство осталось совершенно в стороне. Оно выиграло, может быть, лишь в смысле налогов, имея возможность несколько обложить новую линию как новое чужое для него имущество...

В первом случае заработка распределились совершенно равномерно между всеми трудящимися, а фактически обогатилось только государство, создав, т. е. получив даром, недвижимый капитал, новую линию железной дороги, пусть приносящую на первое время и малый доход. Капиталисты остались здесь в сторо-

не или участвовали косвенно и косвенно же получили свою долю дохода. Работал здесь в широком смысле труд, оплодотворенный мнимым капиталом, как бы уступившим свою долю вознаграждения государству, т. е. предоставивший ему новый капитал реальный.

Во втором случае заработка тоже распределились, но между трудом и готовым старым капиталом. Государство осталось в стороне. Продукт творчества пошел не ему, а капиталу, т. е. бирже, удвоив богатства биржевых царей...».

В самодержавном государстве мнимые капиталы сосуществуют с капиталами реальными, первые подрывают монополию вторых, которую они приобретают в парламентарном государстве: «Самодержавное государство, основанное на начале доверия к верховной власти, разумно пользуясь указанными выше мнимыми капиталами, возможными только при бумажных деньгах, способно явить идеал личной и экономической свободы. Услуги мнимого капитала представляют отнюдь не нарушение прав капиталов реальных, но устранение их несправедливой монополии, низложение их с того престола, который они себе создают на бирже, развенчание золотого тельца, в парламентарном государстве захватившего державу и скипетр совершенно открыто, у нас тайно посягающего на прерогативы самодержавной власти».

Сегодня, как мы уже отметили, в мире есть бумажные и электронные деньги, но нет абсолютных денег (ибо по-настоящему абсолютные деньги могут существовать в самодержавном государстве, а такового на карте мира в начале XXI века мы не найдем). А вот мнимые капиталы существуют, причем их объем растет, как снежный ком. Но это не те мнимые капиталы, о которых писал Шараров. Основной вклад в создание

мнимых капиталов в современном мире вносит Федеральная резервная система США (ФРС), которая 40 лет назад освободилась от «золотого тормоза» и включила на полную мощность печатный станок. Аудит ФРС, проведенный недавно Счетной палатой США (впервые, кстати, почти за столетнюю историю существования Федерального резерва), показал, что в ходе последнего кризиса (2007–2009 гг.) эта организация (имеющая статус частной корпорации) выдала ведущим американским и зарубежным банкам более 16 трлн. долл.! Это сумма, превышающая годовой объем ВВП США¹. Может быть, эти деньги были направлены на финансирование строительства автомобильных и железных дорог, реиндустриализацию Америки, в крайнем случае, освоение новых месторождений нефти, газа, других природных ресурсов? – Ничего подобного! Эти деньги пошли на финансовые рынки, на приобретение разного рода ценных бумаг, включая так называемые «финансовые производные инструменты», т. е. на азартные игры. В экономической литературе еще со времен К. Маркса такие вложения носят название *фиктивный капитал*. Напомним определение: «Фиктивный капитал – капитал, вложенный в ценные бумаги (акции, облигации), дающие право их владельцам регулярно присваивать часть прибыли в виде дивиденда или процента. Будучи бумажным двойником реального капитала, фиктивный капитал имеет особое движение вне кругооборота действительного капитала»². Фиктивный капитал в отличие от «мнимого» капитала Шарاپова никогда уже не превратится в действительный капитал. ФРС с по-

¹ Подробнее см.: Катасонов В. Ю. Заговор молчания вокруг самого крупного финансового скандала XXI века // Русская народная линия. – 03.10.2011 (Интернет).

² Фиктивный капитал // Большая Советская Энциклопедия.

мощью «мнимого» капитала пробуждает не экономические, т. е. созидающие потенции общества, а его темную энергию алчности, т. е. энергию разрушения.

«Мнимые» капиталы как средство борьбы с иностранным засильем

Шарапов совершенно точно подмечает, что *те капиталы, которые приходят в российскую экономику из-за границы, являются «действительными»*, следовательно, они по определению являются обременительными для нашего народа. За их использование надо платить процент; кроме того, они часто оказываются «связанными»: полученные деньги приходится тратить на товары и подряды зарубежных компаний.

Шарапов посвятил немало своих работ описанию того разорения страны, которое возникало в результате *использования иностранных займов для строительства железных дорог*. Вот что он писал в «Бумажном рубле»: «Железная дорога – новый кровеносный сосуд в организме. Прибавилось сосудов и стало быстрее кровообращение, ясно, что крови должно быть больше. Вместо этого кровь постепенно выпускали. Для постройки железных дорог употребляли не новые знаки, которые, оправданные жизнью, так бы и остались впоследствии в народном обращении; наоборот, привлекали готовые капиталы (по другой терминологии Шарапова – «реальные капиталы». – *В. К.*), а т. к. таковые не приливали изнутри, ибо и без того попрятались в процентные бумаги, т. к. этих процентных бумаг и без того было наводнение, то стали привлекать свободные капиталы иностранные. Этими же капиталами уплачивалось не за русский, а за иностранный труд.

Получилось создание за границей огромного класса русских кредиторов, возрождение за границей народного труда. Внутри России – расширенная система кровеносных сосудов при выпущенной крови: пустая, а потому бездоходная сеть дорог среди нищего населения сел, сеть, обремененная неоплатным долгом, проценты за который приходится изыскивать все с того же обедневшего населения. Ясно, что и здесь мысленно сожжены те же бумажки, которые нужно было выпустить для постройки и *эксплуатации* (т. е. увеличения оборотов промышленности) русской сети дорог.

Итак, иностранные капиталы можно и нужно заместить капиталами «мнимыми». Шарапов приводит цитату из газеты «Русское дело» (судя по всему, эта цитата также принадлежит Сергею Федоровичу): «Неужели нужно для постройки железной дороги средствами государства непременно занимать деньги, отыскивать чужой капитал и только обращать его в недвижимость, рискуя доплачивать огромные суммы, если эта недвижимость не даст условленных четырех или пяти процентов владельцу капитала? Не проще ли создать эту недвижимость из произвольно лежащих: труда и естественных богатств?». В случае *замещения иностранного капитала «мнимым» капиталом* (Шарапов приводит пример со строительством железной дороги) произойдет реальное оживление отечественной экономики: «Увеличение труда, сбыта, потребления почувствует немедленно вся без исключения промышленность. За границу из всей этой массы труда не будет уступлено ничего, ибо все нужное может и должно быть сделано дома».

Первоначальные *фиктивные денежные знаки* превращаются в *реальные деньги*, за которыми стоят произведенные товары и услуги: «Это уже не фиктивные знаки, которые были выпущены, это уже оплодотво-

ренные народным трудом совершенно реальные *деньги*, орудие известных торговых и промышленных оборотов, которых бы без этой новой дороги не было». В первую очередь, оплодотворяется народный труд тех, кто занят строительством дороги, и тех, кто производит для этой дороги рельсы, шпалы и другие материалы; во вторую очередь – тех, кто поставяет продовольствие и потребительские товары занятым на строительстве дороги и в производстве рельсов и шпал и т. д. Может даже возникнуть ситуация, когда экономика не только «переварит» полученную порцию фиктивных денежных знаков (превратив их в реальные деньги), но даже потребует *новой порции «мнимого» капитала*: «Выпущенные совершенно фиктивно поначалу знаки не только не окажутся лишними, но вызовут потребность в еще новых количествах знаков».

«Мнимые» капиталы и государственный сектор экономики

Ранее мы уже рассматривали теорию «мнимых» капиталов Шарапова. Указанная теория органически связана с *учением о государственной собственности*. На языке Шарапова государственная собственность – «мирское, всенародное имущество», а оно, по мнению Сергея Федоровича, должно формироваться на основе использования властью «мнимых» капиталов. В самодержавном государстве «мнимые» капиталы преобразуются в «реальные» капиталы. Последние накапливаются в виде разнообразного государственного имущества и предназначаются для *общенародного пользования* в противовес парламентарно-биржевому государству, где «реальные» капиталы (как в физической, так и де-

нежной форме) становятся собственностью ростовщиков и королей биржи. При господстве ростовщиков и биржевиков государственная собственность сведена к минимуму: «У западного парламентарно-биржевого государства, кроме случайно уцелевших как наследство старины государственных земель и лесов, собственно говоря, нет никакого мирского, всенародного имущества (морская и сухопутная оборона едва ли может считаться имуществом), а потому нет и никаких иных ресурсов, кроме некоторых регалий (например, монетная), монополий (например, почтовая, телеграфная, табачная) и налогов разнообразного вида и характера. При всяком поэтому чрезвычайном расходе приходится пользоваться или специальным, если есть таковой, военным фондом (в случае войны), или устанавливать новые налоги, или делать займы, т. е. закладывать налоги будущие, внося в будущие бюджеты проценты и погашения по займам. Других ресурсов у этого государства нет никаких, потому что нет никакого творчества, потому не может быть и другого исхода в случае крайности, как займы и новые налоги.

У государства самодержавного, уничтожившего биржу, усвоившего абсолютные деньги и работающего при помощи *системы ссуд и вкладов* как посредник и системы государственных предприятий при помощи *мнимых капиталов* как инициатор, – остается в качестве своей государственной или, что то же самое, всенародной, мирской собственности *вся та доля прироста и образования капиталов, которую у парламентарного государства снимает биржа для образования ротшильдовских богатств*».

Шарапов не только обосновал необходимость мощного государственного сектора экономики, но также сформулировал конкретные предложения по

организации управления этим сектором. В работе *«Финансовое возрождение России»* (1908) предлагал создать *специальное министерство для управления предприятиями государственного сектора*: «Государственные земельные и лесные имущества, государственные предприятия, как винная монополия (до ее упразднения), железные дороги с их тарифами, водные пути, казенные заводы (кроме специально военных и морских), монополии: элеваторная, табачная и нефтяная, а также, может быть, почты, телеграфы и телефоны должны быть сосредоточены в одном очень сильном и самостоятельном ведомстве, которое можно бы было назвать Министерством государственных предприятий или государственного хозяйства. Сколь ни разнородны на первый взгляд перечисленные здесь отрасли, их общий и важнейший по существу признак – исключительно коммерческое и живое (в противоположность бюрократическому и бумажному) отношение к делу. Главная здесь задача ведомства: обслуживая прямо народное хозяйство (элеваторы, почты, телеграфы и телефоны, железные дороги) или не мешая его свободной экономической деятельности, извлекать для государства значительную часть его доходов путем совершенно иным, чем налоги, ведаемые Министерством финансов. С коммерческой же точки зрения заведовать почтой или телефонной сетью, казенной табачной фабрикой или элеваторами – совершенно одно и то же. Чисто хозяйственное отношение к делу, широкие, если нужно, затраты, щедрое вознаграждение исполнителей за талант и инициативу, принципиальное отрицание чиновничества и бюрократической «высидки», быстрое выдвижение одаренных трудолюбивых и честных деятелей, оценка деятельности по результатам, а главное, полная гласность и широкий общественный

контроль – все это составляет «душу живую» государственных предприятий в той же степени, как и любого торгового дома. Главой этого ведомства должен быть коммерческий талант первой величины вроде покойных Кокорева, Мальцева, Губонина или Алчевского или здравствующего А. А. Померанцева»¹.

«Запасные» капиталы как важный элемент государственных финансов

Государство, которое умело пользуется *«мнимыми» капиталами*, быстро богатеет и накапливает не только *действительные капиталы* (физическое имущество, или реальные активы), но также колоссальные *запасные капиталы* (термин Шарапова; мы сегодня назвали бы их «резервным фондом»). Запасные капиталы формируются за счет доходов от использования государственной собственности.

Запасные капиталы освобождают его от необходимости увеличивать налоги или прибегать к займам в чрезвычайных ситуациях (например, войны, неурожай): «Вместе с государственным творчеством государство оставляет себе и создание государственных *самостоятельных доходов*, основанных не на одной лишь раскладке податей. Такое государство никогда не встретится с необходимостью делать займы и выпускать процентные бумаги, ибо несколько мир-

¹ *Шарапов С. Ф.* Россия будущего. – С. 218–219. В приведенном отрывке перечисляются имена наиболее выдающихся русских предпринимателей второй половины XIX века: **Кокорева Василия Александровича** (1817–1889); **Мальцева (Мальцова) Сергея Ивановича** (1810–1893); **Губонина Петра Ионовича** (1825–1894); **Алчевского Алексея Кирилловича** (1835–1901). О последнем из списка Шарапова (А. А. Померанцеве) мы не располагаем никакими сведениями.

ных лет позволят скопиться колоссальным запасным капиталам с избытком, достаточным для любого черного дня».

Наращивание государственной собственности (физического имущества и запасных денежных капиталов) позволит государству не только обходиться без всяких займов, но также существенно *снизить налоги*: «Вот тут-то, размотав этот несчастный клубок до конца, мы и увидим, что эти колоссальные собственные запасные средства государства не только позволят *совсем обойтись без всяких займов и процентных бумаг*, но по мере своего роста дадут возможность государству, несмотря на возрастание своего бюджета, *приняться за постепенное облегчение существующей податной тягости...* Образованием собственных, т. е. *безличных* всенародных источников дохода можно заменить известную часть... *прямых сборов, падающих лично на граждан или на их личные имущества*».

Создание «всенародных государственных запасов» позволит государству *снижать налоговое бремя народа в трудные для него времена*; это, как замечает Шарапов, находится в противоречии с рекомендациями западной финансовой «науки»: «Подобный регулятор представляет для государства огромную важность, ибо три рубля, взысканные с гражданина, выгодно работающего, легче для него иногда, чем рубль, взысканный с него же в минуту кризиса. А западная финансовая система дает как раз обратное. Именно в минуту, тяжелую для граждан, и должны увеличиваться их жертвы на свою государственность».

Достаточно подробно об изменениях в системе государственных финансов при активном укреплении государственного сектора экономики с помощью «мнимых» капиталов говорит герой романа «Диктатор» Со-

колов (министр финансов в кабинете «диктатора»). Его предложения сводились к следующему:

– во-первых, произвести замещение большей части государственных налогов доходами от государственного имущества;

– во-вторых, передать сбор прямых налогов на уровень *земств*¹;

– в-третьих, провести частичную децентрализацию управления государственным имуществом, передав его на уровень областей². За центральным правительством оставить только такие стратегически важные объекты, как железные дороги и хлебные элеваторы.

Приведем частично рассуждения Соколова по поводу реорганизации государственного хозяйства и государственных финансов: «Второй вопрос – государственное хозяйство³. Я считаюсь с вашей обычной системой и начинаю с того, что всякое прямое обложение государство передает земству. Источники государственных доходов – косвенные налоги и государственное имущество: леса, земли, ископаемые, затем

¹ Земства (земские учреждения) — выборные органы местного самоуправления (земские собрания, земские управы) в Российской Империи. Они были введены земской реформой 1864 г. К 1914 г. земства существовали в 43 губерниях Европейской России. Земства были упразднены после октябрьской революции 1917 г.

² Шарапов предлагал провести в России административно-государственную реформу. В частности, разделить Российскую Империю на 18 областей, которые бы подчинялись центральному правительству и непосредственно Монарху. О проекте этой реформы см.: *Шарапов С. Ф.* Самодержавие и самоуправление (1898). Работа вошла в состав сборника: *Шарапов С. Ф.* Россия будущего.

³ Чуть выше Соколов говорил обо всей программе финансовых преобразований. «Наше финансовое преобразование должно распасться на три части: 1. Переустройство денежной системы. 2. Переустройство государственного хозяйства. 3. Переустройство органов хозяйственного управления». Здесь он раскрывает вторую часть этой программы. – В. К.

железные дороги, казенные заводы, кредитные учреждения, монополии: табачная, нефтяная, платиновая, быть может, марганцевая и элеваторная. Я надеюсь сделать это имущество высокодоходным, установить лишь тот принцип, что казна дает средства и контролирует. Управление же делом поручается областным самоуправлениям, или устанавливается аренда. Разумеется, элеваторы и железные дороги должны быть централизованы, но здесь есть приемы управления, безусловно гарантирующие доходность».

В романе «Диктатор» Шарапов проводит мысль, что управление государственным (казенным) имуществом – сложное и очень специфическое дело, которое должно быть выделено в *самостоятельное ведомство*. Пока соответствующие функции закреплены за Министерством финансов, однако по мере расширения государственного сектора оно перестанет с ними справляться. Министр финансов в кабинете «диктатора» Соколов рассуждает: «Затем тарифные учреждения и Горный департамент вместе с управлением казенных лесов, управлениями новых монополий, почтами и телеграфами должны быть слиты в одно ведомство государственных предприятий. Несмотря на разнообразие этих отраслей, их общая черта – хозяйственный, а не чиновничий способ ведения дела».

О «запасных» капиталах и золотом запасе

Шарапов пишет, что на Западе государственные запасные капиталы если и создаются, то в основном в виде *запасов золота*. Другие виды имущества (земля, недвижимость, товарные запасы и др.) государству не

нужны, зато они нужны хозяевам биржи, для них это объект спекуляций: «При золотой валюте всякого рода запасные средства государства могут составлять, главным образом, вернее, единственно в запасах золота в кладовых национального банка. Земли, леса и другое имущество *нетворческому* государству не нужны или бесполезны, ибо биржевой режим совершенно противится всякой государственной собственности. Государству, изображающему только внешний порядок, нечего делать с недвижимыми имуществами, которыми биржа распорядится гораздо лучше, которые она сумеет двадцать раз перебросить из рук в руки, сделав их предметом разнообразнейших спекуляций. Такое государство, даже получив недвижимость, должно стремиться поскорее от нее избавиться как от чего-то, его роли явно не соответствующего. Да и самый золотой фонд может быть нужен только для двух целей: для обеспечения денежного обращения, и в этом смысле он опять же принадлежит не государству, а выделенному из него национальному банку, и для военных целей. Только последний фонд, совершенно особый, и может в строгом смысле считаться запасным государственным капиталом».

Шарапов пишет, что «биржевой режим совершенно противится всякой государственной собственности». Нынешние власти России представляют интересы биржевых королей, поэтому они заявляют о необходимости «разукрупнения» государства, о его «избыточности» и т. п. Именно поэтому наши «реформы» начались с приватизации государственной собственности в виде предприятий и заводов.

Обратим также внимание на фразу: «Да и самый золотой фонд может быть нужен только ... для обеспечения денежного обращения, и в этом смысле он опять

же принадлежит не государству, а выделенному из него национальному банку». Это совершенно справедливо в отношении золотовалютных резервов нашего нынешнего *Банка России*: они не принадлежат государству, поскольку, согласно закону о Центральном банке РФ, Банк России и резервы имеют особый статус и достаточно обособлены от государства.

Говоря о золотом фонде для «военных целей», Шарапов отмечает: «Только последний фонд, совершенно особый, и может в строгом смысле считаться запасным государственным капиталом». У нас в России аналогом такого фонда сегодня могут считаться *Резервный фонд* и *Фонд национального благосостояния*, которые управляются правительством в лице Министерства финансов. Однако они утратили свою военно-стратегическую значимость, фактически превратились в часть золотовалютных резервов. Указанные фонды создают лишь некоторую иллюзию того, что они выполняют военно-стратегическую функцию, поскольку представляют собой абстрактные требования к другим странам, которые в любой момент могут оказаться геополитическими и военными противниками Российской Федерации. Даже если отношения с этими странами (США, страны Европейского Союза) не будут откровенно враждебными, реализация указанных абстрактных финансовых требований остается проблематичной.

Запасы государства, свободного от биржи, работающего при системе абсолютных денег, должны, по мнению Шарапова, иметь *преимущественно натурально-вещественную, а не денежную форму*. Деньги в руках государства – лишь бумажки, представляющие мнимый капитал. Но эти бумажки помогают создавать реальный капитал, который и становится запасами государства. «Государство, работающее при системе аб-

солютных денег, очевидно, никакого запасного капитала в денежных знаках иметь не может. Оно выше денег, оно *творит* их само, и, следовательно, оно не может ни считать бумажки капиталом, ни помещать их во что бы то ни было. Бумажки для такого государства в лице его государственного ли казначейства или центрального государственного банка суть *мнимые величины*, инструменты расчета, но *никак не деньги*. Бумажный рубль рождается в момент перехода из рук государства в руки подданного и умирает, войдя обратно в государственную кассу. Там, в этой кассе, это костяшки на счетах, это квитки, обернувшиеся в хозяйстве, марки в булочной Филиппова. Там важно иметь этим рублям строжайший учет, но полагать в них какую-то внутреннюю силу – нелепо. Но если запасы государства не могут быть в деньгах, то считается они все же не могут иначе, как на деньги».

Из всех запасных капиталов Шарапов особое значение отводит *запасам хлеба*: «Из внутренних бедствий самое страшное – неурожай. Разумеется, дело идет здесь только о хлебе на продовольствие и на семена. Ясно, что единственный фонд здесь – *государственные хлебные запасы...*».

Идеи Шарапова о создании запасных капиталов в натурально-вещественной форме были практически реализованы в Советском Союзе. СССР создал государственную систему стратегических резервов – сырья, продовольствия, промышленного оборудования, нефтепродуктов и других ресурсов на случаи войны и других чрезвычайных ситуаций¹. Без преувеличения можно сказать: без государственной системы резер-

¹ В 1927 г. был образован государственный хлебный фонд, в 1931 г. – Комитет резервов при Совете Труда и Обороне, в 1937 г. – территориальные органы управления государственными резервами.

вов, сформированной в 1930-е годы, Советскому Союзу вряд ли удалось бы выйти победителем во Второй мировой войне.

А что же государству делать с денежными доходами, получаемыми от растущего государственного имущества? Шарапов уже дал ответ на этот вопрос: замещать этими доходами налоги, которые граждане и предприятия платят в бюджет. И уж если что-то будет оставаться после такого замещения, то помещать этот денежный избыток во вклады кредитных учреждений: «Часть государственного запасного капитала не может быть помещена ни в чем ином, как во вкладах. Соответственное учреждение (кредитное учреждение. – В. К.) окажется здесь истинным регулятором, с точностью указывающим взаимное соотношение капитала государственного, мирского с капиталами и трудом частных лиц. В этом соотношении и будет лежать истинный государственный запас специального назначения.

Поясним это примером. Десять лет подряд правительство, допустим, вносило на вклады, ставя в свою смету, скажем, по 3 млн. руб. на улучшение рек. Образовался фонд в 30 млн. руб. В данном году эта сумма вынута и истрачена на реки. Никаких замешательств и денежном обращении не произошло, ибо выем этих денег отразился на денежном обращении как раз настолько, на сколько отвлечение на реки массы рук отразилось на промышленности и земледелии. Иначе и быть не может, ибо при системе ссуд и вкладов все денежное обращение является точнейшим отражением явлений жизни, т. е. относительного положения в данную минуту труда и капитала».

Ранее мы показали, что Шарапов предусматривал возможность размещения избыточных денежных дохо-

дов государства в специальных депозитно-кредитных учреждениях, входящих в состав Державной Казны.

ГЛАВА 8. РУССКИЙ РУБЛЬ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ

Национальные деньги.

Государственная валютная монополия

Из всего контекста работы «Бумажный рубль» видно, что абсолютные деньги С. Шарапова – это *внутренние, национальные деньги*, которые обслуживают российскую экономику в пределах государственных границ. Что касается международной торговли и других международных расчетов, то для таких операций национальная денежная единица использоваться не должна. Здесь применяется исключительно *золото* (когда мы говорим золото, то имеем в виде не только физическое золото, но и иностранные валюты тех стран, которые имели золотой стандарт). Конечно, Россия могла бы торговать за свои рубли, но Шарапов полагает, что лучше продавать за золото и покупать за золото. Рубли должны оставаться внутри страны, чтобы не превратиться в объект манипуляций и махинаций со стороны иностранных биржевиков.

Шарапов считает, что государство, которое желает проводить активную экономическую политику, должно установить монополию на торговлю золотом.

В романе «Диктатор» Шарапов устами своего героя Соколова (министра финансов в кабинете «диктато-

ра» генерала Иванова) говорит, что государство должно перехватить у биржи управление курсом рубля (по отношению к золоту): «Я просто буду держать курс рубля на том уровне, какой нужен для народного хозяйства». Генерал Иванов улавливает ход мысли своего министра: «Ясно. Но для этого нужна монополия по продаже и покупке драгоценных металлов?». Министр отвечает: «Да, Государственный банк иначе курсами управлять не может. Тратты покупать и продавать должен только он. Впрочем, при этой системе никто больше этим заниматься и не будет. Фондовая биржа исчезнет». Генерал Иванов: «Так что игру на курсе вы совершенно исключаете?» Ответ Соколова: «Ее нельзя будет вести. Государственный банк раздавит всякого спекулянта – и здешнего, и заграничного».

Мысль Шарапова о том, что деньги, предназначенные для внутреннего обращения, не должны превращаться в предмет международной торговли, и внутреннее денежное обращение должно быть изолировано от международного рынка, повторяет в более развернутом виде современник Сергея Федоровича генерал *А. Д. Нечволодов*. В своей известной работе «От разорения к достатку» он пишет: «Денежные знаки различных стран при установлении их количества на одном из указанных оснований (в предыдущих абзацах Нечволодов объяснял, что может быть ориентиром для определения количества бумажных денег в обращении. – *В. К.*) не могут служить предметом международной торговли в сколько-нибудь значительных размерах. Этот принцип в прежние времена более или менее и осуществлялся на практике, т. к. каждая страна имела свои совершенно своеобразные, а потому и трудно соизмеримые между собою деньги, не имевшие почти никакой цены в других государствах, вследствие чего они, разумеется, и

не могли служить предметом международной торговли в сколько-нибудь широких размерах. Положение это было, конечно, крайне невыгодно для международных торговцев деньгами, а потому они всеми силами и стремились к его уничтожению. Золотая монета уничтожила это положение и придала всем деньгам совершенно интернациональный характер, определив ими только известный вес золота, что, разумеется, сильно облегчило задачу покорения мира международным капиталом»¹.

Далее в работе Нечволодова приводятся дополнительные аргументы и примеры, касающиеся взаимосвязей внутренних и международных денег, которые убеждают нас в следующем.

1. Если деньги имеют товарную природу, тогда неизбежно возникает *рынок денег*. Это своеобразный рынок, ибо на нем совершаются не сделки купли-продажи, а сделки денежной ссуды.

2. Введение повсеместно золотого стандарта в XIX веке – это своеобразная «*денежная глобализация*».

3. Страну с денежным обращением, изолированным от международного рынка, трудно покорить международному капиталу.

Остановимся подробнее на третьем пункте, который Нечволодов иллюстрирует на примере *Китая*. Изолированное от внешнего рынка денежное обращение мы видим теперь и в Китае; в разных провинциях – разные знаки, и среди них – масса чеков отдельных торговых домов и частных лиц, которые, конечно, имеют значение только в своем районе; и Китай до сих пор масонами и никем вообще не завоеван, внешние долги его, сделанные впервые по совету европейцев в 1874 г., ничтожны, разрушающего капиталистического хозяйства в нем нет, земледелие процветает, а население, не-

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 47–48.

смотря на страшную густоту, отсутствие технических усовершенствований и хищнический характер администрации, чрезвычайно богато, сохранило все основы своего тысячелетнего строя, а также и все добродетели: китаец честен и отличный семьянин, притом он первый купец в мире»¹.

От себя могу предложить еще пример США. Первые 100 лет своего существования Соединенные Штаты имели денежную систему, похожую на ту, которую на протяжении многих веков существовала в Китае. До гражданской войны между Севером и Югом не только отдельные штаты, но даже отдельные графства и муниципалитеты пользовались своими специфическими денежными знаками, которые почти не принимались в других регионах страны и уж тем более не попадали в каналы международного обращения². Лишь в 1863 г. (с принятием закона о национальной банковской системе) в Североамериканских Соединенных Штатах стала постепенно складываться единая денежная система, а доллар стал обращаться не только внутри САСШ, но и на мировом рынке. В дальнейшем это способствовало, по мнению некоторых авторов, закабалению Америки Ротшильдами и другими банкирами из «Старого Света»³.

Но вернемся к Шарарову. Фактически в его «Бумажном рубле» и других работах речь идет о *государ-*

¹ Там же. – С. 103.

² В том числе использовались и бумажные деньги. Например, так называемые «колониальные расписки». Подробнее см.: *Ротбард Мюррей*. Указ. соч.

³ Например: *Эпперсон Ральф*. Невидимая рука. – СПб., 1996; *Саттон Энтони*. Власть доллара. – М., 2003; *Он же*. Кто управляет Америкой? – М., 1995; *Хаггер Николас*. Синдикат. История грядущего мирового правительства. – М., 2007; *Катасонов В. Ю.* Гл. 19. Всеобщая либерализация как способ формирования спроса на деньги // О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 1, 2.

ственной валютной монополии. В наиболее завершенном виде идея такой монополии была сформулирована в докладе Шарапова «*Финансовое возрождение России*» (1908 г.): «Управление внешними курсами, помимо и часто вразрез велениям биржи, есть венец освобождения государственной власти от воздействия иностранного капитала, освобождения народного хозяйства от рабства у биржи. Это освобождение осуществимо, конечно, только при системе национальных денег и при благожелательном посредничестве государства во всех денежных расчетах своих граждан с внешним миром путем сосредоточения всех валютных сделок в учреждениях Государственного банка. Он один в стране должен являться продавцом и покупателем иностранной валюты, устанавливая ей цену в национальных знаках или, что то же, национального знака в иностранной валюте не по биржевым бюллетеням, а по соображениям нужд и польз государственного хозяйства»¹.

Государственная валютная монополия была установлена в СССР во второй половине 1920-х гг. Ей предшествовало введение *государственной монополии внешней торговли*. В СССР государственная монополия внешней торговли была установлена декретом СНК от 22 апреля 1918 г. «О национализации внешней торговли». Согласно декрету непосредственное государственное руководство внешней торговлей поручалось Народному комиссариату торговли и промышленности, переименованному в 1920 г. в Народный комиссариат внешней торговли. Внешнеторговые сделки могли совершаться впредь только органами, специально уполномоченными государством.

¹ Шарапов С. Ф. Финансовое возрождение России (Доклад, прочитанный в заседании Русского Собрания в Петербурге 9 марта 1908 г.) // Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 212.

Фактически уже в первые годы после введения государственной монополии внешней торговли подавляющая часть всей валюты и золота оказалась в руках государства. За пределами государственного сектора оставалась лишь небольшая часть валюты и золота, которая обращалась на внутреннем «вольном» рынке. В значительной степени причина сохранения такой «вольности» – создание и укрепление советской валюты под названием «червонец», которая должна была заменить обесценивающиеся советские бумажные знаки («совзнаки»). Однако сохранение «вольного» валютного рынка в стране создавало немалые угрозы для советской власти. Известный специалист по финансам *С. М. Борисов* пишет про сложившуюся к середине 1920-х гг. ситуацию: «Стремление застраховаться от надвигающейся инфляции и растущие масштабы финансирования контрабандного импорта настолько активизировали спрос на золото и иностранную валюту, что для его удовлетворения – при одновременном поддержании прежних курсовых пропорций – пришлось бы пожертвовать значительной долей золотовалютных резервов, которые перешли бы из рук государства в частные руки. Но власти пожертвовали не валютой, а самим механизмом “интервенции”. Весной 1926 г. Госбанк СССР, чтобы сдерживать отток из резервов, приостановил куплю-продажу золота и иностранной валюты ради стабилизации курса червонца, перестал участвовать в операциях “вольного” валютного рынка и прекратил публикацию рыночных котировок»¹. Таким образом, прекратилась «подпитка» внутреннего «вольного» рынка валютой и золотом из государственных резервов.

Весной 1928 г. произошло полное «отключение» советской денежной системы от международного рынка,

¹ *Борисов С. М. Указ. соч. – С. 90–91.*

когда окончательно были запрещены трансграничные перемещения червонных банкнот, казначейских билетов, советских монет и платежных документов, не имеющих отношения к внешнеторговым операциям. Через некоторое время прекратились операции с червонцем на зарубежных рынках. Соответственно исчезли и котировки рубля на таких рынках.

В конце 1920-х гг. на внутреннем денежном рынке могли обращаться лишь «остаточная» валюта и валюта, попавшая в страну по контрабандным каналам (операции со вторым видом валюты, естественно, пресекались). Последняя точка в создании государственной валютной монополии была поставлена в 1930 г., когда были запрещены операции с валютой и другими ценностями в фондовых отделах при товарных биржах. Кстати, на этом закончилась история советского червонца. Он был заменен обычным советским рублем, который был: а) бумажным; б) неразменным на золото и валюту; в) внутренним (замкнутым) денежным знаком, т. е. рубль приобрел признаки абсолютных денег Шарапова.

Государственная валютная монополия просуществовала до конца 1980-х гг. и эффективно защищала внутреннее денежное обращение от стихий мирового рынка и «фокусов» биржевых спекулянтов, т. е. была основой национального суверенитета страны. Демонтаж этой монополии начался еще в последние годы существования СССР (одновременно с демонтажем государственной монополии внешней торговли). Российская Федерация с самого начала своего существования отказалась от государственной валютной монополии, что было зафиксировано в Законе РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» (1992 г.). Новое государство сразу же отказалось от мощного щита, защищающего национальный суверенитет (не менее важ-

ного, чем «ядерный щит»), что предопределило быстрое превращение России в колонию Запада.

Какой валютный курс рубля нужен России?

Напомним: валютный курс – цена денежной единицы одной страны, выраженная в денежных единицах другой страны. Российский рубль на протяжении большей части XIX века имел колеблющийся курс. Колебания обуславливались как объективными причинами – состоянием торгового и расчетного балансов России, так и причинами субъективного характера – игрой спекулянтов с российским рублем на европейских биржах. Впрочем, состояние торгового баланса России в XIX веке во все большей степени определялось таким субъективным фактором, как спекуляции на товарных рынках. Зерно, лес, меха и другие экспортные продукты России относились к категории биржевых товаров и попадали в сферу влияния «королей биржи». Российские производители экспортных товаров и покупатели импортных, выезжавшие за границу российские граждане испытывали неудобства и несли убытки из-за спекулятивных игр с товарами и русским рублем. Во времена Александра II началась либерализация внешнеэкономических связей, что привело к росту потерь от колебаний валютного курса рубля. Правительство стало предпринимать попытки стабилизации рубля с помощью так называемых «валютных интервенций», осуществляя контригру на европейских биржах. Не всегда эта контригра оканчивалась успехом. Также для ее ведения нужно было иметь хороший запас золота и/или иностранных валют.

Либерализация Александра II предполагала помимо всего привлечение иностранного капитала в Россию. Однако иностранный инвестор шел в Россию очень неохотно, т. к. он сталкивался с валютными рисками в виде колебаний курса рубля. Уже в конце царствования Александра II появилась и начала практически обсуждаться идея введения золотого рубля как средства покончить с колебаниями курса рубля. При этом основной целью задуманного плана было, выражаясь современным языком, обеспечить благоприятный «инвестиционный климат» для иностранного капитала. В период царствования Александра III проект перехода к золотому рублю был «приморожен»: царь-миротворец интуитивно чувствовал подвох в этом проекте.

Политика валютного курса России в период царствования Александра III определялась, в первую очередь, соображениями поддержки национального экспортера (прежде всего, экспортера зерна). В то время как Европа переходила на золотую валюту, подрывая тем самым свой экспорт, Россия оставалась со своим серебряным рублем, и ее позиции на мировых товарных рынках улучшились. Россия пользовалась инструментом валютных интервенций на европейских биржах, но не задирила курс рубля. Бутми в своей книге «Золотая валюта» отмечает: мудрая и настойчивая политика Императора Александра III привела к тому, что производительные силы России окрепли, и в 1892 г. курс нашего кредитного рубля достиг своего законного серебряного эквивалента, определенного еще в 1810 г. (1 руб. = 4 зол. 21 доля чистого серебра). Иначе говоря, на мировом рынке за 1 кредитный рубль давали серебра весом 4 золотника 21 доля.

И тут Министерству финансов надо было бы остановиться. Но Вышнеградский и пришедший ему на сме-

ну Витте взяли курс на золотой рубль и после 1892 года продолжали укреплять валютный курс серебряного рубля¹. О последствиях такого курса пишет Бутми: «Цены на все продукты – как земледелия, так и промышленности – стремительно падают, и в 4 года мы переносим кризис, с которым Западная Европа свыклась постепенно в течение 20 лет... Мы произвольно подняли курс рубля выше его законом определенной стоимости, и кризис существует у нас в России вследствие недоразумения, как существует в странах с золотым обращением в силу закона»².

Если Бутми больше анализировал влияние валютного курса рубля на положение российского экспортера промышленной и сельскохозяйственной продукции, то Шарапов акцентировал внимание на том, как этот курс влияет на позиции иностранных инвесторов в России. Еще до введения золотого рубля *С. Шарапов* писал в совместной с русским экономистом *П. Олем* работе «Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881–1895 гг.» (1896): «Началось с того, что Государственный банк стал сосредоточивать в своих руках вексельную операцию и мало-помалу приобрел совершенно монопольное положение на бирже. Чтобы курс стоял прочно, необходимо, чтобы спрос

¹ В 1898 г. накануне перехода России к золотому рублю на Лондонской бирже 1 кредитный рубль = 156 серебряных копеек (*Бутми Г. В.* Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира. – С. 43). Таким образом, за период 1892–1898 гг. валютный курс кредитного рубля вырос в 1,56 раза. Очевидно, что резкое вздорожание кредитного рубля нанесло серьезный урон российской экономике. Поэтому неправы те критики золотой валюты, которые считали временной точкой начала экономических невзгод России 1898 г. (введение золотого рубля). Бутми справедливо считает такой точкой 1892 г.

² *Бутми Г. В.* Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира. – С. 47.

и предложение иностранных чеков и векселей на бирже взаимно уравновешивались. А так как благодаря невыгодному расчетному балансу величины эти не равны и товарных векселей за наш вывоз для покрытия всех расходов не хватает, то мы наряду с товарами расплачиваемся, чем можно. Есть возможность поместить на западных рынках наши ценности, мы помещаем их туда, есть у иностранцев охота покупать земли, мы продаем; наконец, готовы они идти к нам эксплуатировать наши богатства, мы охотно утверждаем уставы их обществ или предоставляем заграничным обществам прямо начинать свои операции по заграничным уставам и с правлениями за границей. Лишь бы притекало золото, побольше золота!.. Очевидно, здесь одно взаимно помогает другому. Благодаря такой политике курс держится прочно, и этот же фиксированный курс отворяет широко в Россию двери иностранцам.

Но как ни велико за границей доверие к русским экономическим силам и прочности финансовой политики России, все же фиксация курса есть лишь явление временное. Никто не может поручиться, что под влиянием тех или других соображений или давлений Министерство финансов не откажется в один прекрасный день от фиксации и не допустит понижения курса. Поэтому и размещение за границей наших бумаг в кредитной валюте, и прилив к нам иностранных капиталов идут далеко не столь быстро, как это желательно руководителям нашей финансовой политики. Совсем другое дело, когда фиксация курса из временной меры обратится в постоянную, когда торжественным законодательным актом правительство укрепит навсегда существующий искусственный паритет и этим отрежет себе путь к отступлению. Тогда сколько бы ни росли наши убытки по международному расчету, прилив

иностранных капиталов покроем все, пока России есть что продавать и куда пускать иностранцев»¹.

Как управлять валютным курсом рубля?

Фиксация валютного курса рубля путем превращения его в золотую валюту – самый опасный способ борьбы со спекулятивными операциями «королей биржи». Но именно этот способ навязывал России министр финансов С. Витте – ставленник западных «королей биржи». На самом деле, Россия через введение золотой валюты попадала в еще большую зависимость от этих «королей». Реформа С. Ю. Витте делалась в интересах не России, а «королей биржи», а для прикрытия их интересов использовалась различная околонучная демагогия: «Вот для чего прежде всего нужна реформа! Смешно слушать и читать теоретическое пустословие, все эти рассуждения о прочности денежной системы при металлическом обращении, о его растяжимости, о негодности бумажно-денежной системы и т. д. Дело стоит гораздо проще: при системе металлического обращения привлекать иностранные капиталы и этим покрывать убытки расчетного баланса удобно и возможно... Что будет дальше, какое значение имеет для экономического и политического будущего России этот наплыв к нам иностранных капиталов, об этом вопроса не поднимается. Что с каждым переведенным к нам миллионом иностранного золота возрастает наша задолженность и, следовательно, зависимость от иностранцев и вместе с тем расширяется сочащаяся золотом наша рана в виде

¹ Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881–1895 гг. П. В. Оля и С. Ф. Шарапова. – С. 16.

все возрастающих недочетов в нашем расчетном балансе, об этом нет и речи...»¹.

В работе «Бумажный рубль...» Шарапов, кстати, не утверждает, что раз и навсегда заданный валютный курс рубля – благо для российской экономики. Он выступает за *государственное регулирование валютного курса рубля*. Шарапов отмечает, что такое регулирование – более эффективный и оперативный способ управления внешней торговлей, чем таможенный тариф: «Коль скоро государство возьмет в свои руки истинное управление денежным абсолютным обращением и создаст для этого соответствующие органы, в его руках очутится сама собой монопольная торговля драгоценными металлами, являющимися орудием расчета международного. Другими словами, *этот центральный государственный орган будет устанавливать курс на золото*»².

Коль скоро это достигнуто, всякий таможенный тариф теряет значение. Объявлением курса можно ежедневно регулировать привоз и вывоз товаров, и это установление курса в руках твердой национальной политики будет оружием неизмеримо более острым и гибким, чем тяжеловесный и малоподвижный таможенный тариф».

О валютном курсе рубля размышлял также генерал А. Д. Нечволодов в своей работе «От разорения к достатку». Как и Шарапов, генерал ратовал за замену золотого рубля Витте бумажным рублем. При этом А. Д. Нечволодов предлагал, чтобы:

а) валютный курс бумажного рубля при его введении был установлен на более низком уровне, чем курс золотого рубля;

¹ Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881–1895 гг. П. В. Оля и С. Ф. Шарапова. – С. 16.

² Курсив мой. – В. К.

б) государство поддерживало курс рубля на стабильному уровне, защищая от манипуляций биржевых спекулянтов;

в) инструментом стабилизации рубля были валютные интервенции, а источником – запас валюты (золота), накапливаемый в результате поддержания активного сальдо торгового баланса.

А. Д. Нечволодов писал: «Если курс нового бумажного рубля на этой международной бирже будет стоять ниже прежнего золотого рубля, то мы получим от этого выгоды... Разумеется, переход на бумажные деньги вызовет известные изменения в делах внешней торговли; нет сомнения, что иностранные биржевые дельцы будут спекулировать с нашим рублем, и курс его первое время будет умышленно колебаться; спекуляция эта, однако, ввиду значительного превышения нашего вывоза над ввозом не может принимать сколько-нибудь широких размеров, если правительство наше будет *искренне* этому содействовать, как это делалось в министерстве Вышнеградского»¹.

Сравнивая позиции Шарапова и Нечволодова, видим существенное различие: первый предлагал, чтобы государство *декретным (административным) способом устанавливало* курс рубля по отношению к золоту; второй – чтобы государство его *регулировало рыночными методами (т. е. проводя интервенции)*. Первый предполагает введение государственной монополии на операции с золотом (валютой); второй предполагает сохранение существовавшей в России ситуации, когда операции с золотом могли осуществлять все и когда рубли циркулировали за пределами России. Безусловно, подход Шарапова был новаторским, подход Нечволодова – более традиционным.

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 76–77.

В условиях господства биржи курс на золото определяли короли биржи, а русское государство могло противостоять этим королям, играя по правилам биржи. Во времена *Вышнеградского* (как отмечает Нечволодов) русское государство весьма успешно противостояло королям, но при этом ему приходилось прибегать к золотому запасу. В модели Шарапова управление курсом бумажного рубля полностью отнимается у биржевых королей и переходит в руки государства.

В наиболее завершенном виде идея административного установления валютного курса рубля была сформулирована Шараповым в докладе «*Финансовое возрождение России*» (1908 г.): «Но для истинно широкой и мудрой государственной экономической политики постоянство ценности денежного знака внутри страны столько же важно, сколько и всегда нормальное, т. е. каждую минуту наивыгоднейшее для народа отношение ценности внутреннего национального знака к знаку мировому, коим ныне стало безраздельно золото. Низкий курс наших денег на золото иногда столько же выгоден для страны, сколько в другое время высокий. *Центральный денежный аппарат в государстве должен иметь возможность быть не рабом, а хозяином этого соотношения, т. е. управлять курсами*¹. Управление внешними курсами и даже какая-либо попытка к воздействию на курс считается правоверными экономистами величайшей ересью. К этому призваны сейчас биржи, имеющие наисовершеннейшим образом осуществлять закон спроса и предложения капитала. В действительности курсы почти всегда выражают собой тайную волю нескольких миродержавных князей

¹ Курсив мой. – В. К.

дома Израилева, которые мало-помалу во всех странах Запада и стали настоящими, хотя и невенчанными царями и обратили парламентарные правительства в свои послушные агентуры»¹.

Шарапов отмечал, что условием эффективного управления курсами в интересах народного хозяйства является *государственная валютная монополия*, при которой Государственный банк «один в стране должен являться продавцом и покупателем иностранной валюты, *устанавливая ей цену в национальных знаках или, что то же, национального знака в иностранной валюте не по биржевым бюллетеням, а по соображениям нужд и пользы государственного хозяйства*»².

Завершая разговор о государственном установлении валютных курсов, Шарапов подчеркивает, что данная идея является новаторской: «Сам вопрос об этом поднимается здесь впервые, и сейчас совершенно нельзя сказать, как скоро может справиться Русское государство с подобной задачей. Но что эта задача ставится повелительно нашему государственному аппарату, в этом, кажется, нет сомнения»³.

Итак, идея административного установления государством валютного курса национальной денежной единицы являлась:

- а) новаторской в теоретическом плане;
- б) практически никем и нигде не апробированной;
- в) смелой, т. к. по канонам официальной финансовой науки была «ересью»;

¹ Шарапов С. Ф. Финансовое возрождение России (Доклад, прочитанный в заседании Русского Собрания в Петербурге 9 марта 1908 г.) // Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 211.

² Там же. – В. К.

³ Там же. – С. 212–213.

г) опасной, т. к. противоречила интересам королей биржи (т. е. ее практическая реализация вызвала бы сопротивление с их стороны).

Валютный курс рубля: после С. Шарапова

При всем оптимизме, присущем Шарапову, он не рассчитывал, что указанная идея быстро воплотится в жизнь. Однако уже через два десятилетия она в основном уже была практически реализована. Это сделали большевики. Проблема неустойчивости валютного курса бумажного рубля, конечно, в первые годы советской власти существовала. Но большевики ее очень просто решили. В середине 1920-х гг. они вообще запретили вывоз и ввоз бумажных неразменных денег (в первую очередь для физических лиц, а также юридических лиц, если это не было связано с внешнеторговыми контрактами). Внешние расчеты были полностью отсечены от внутреннего денежного обращения. Хотя формально вывоз наших товаров на рубли не запрещался, однако фактически таких сделок почти не было, поэтому наших рублей за границей не было. Мы торговали с использованием иностранных валют. Были даже предложения со стороны некоторых контрагентов, чтобы мы им платили рублими. Но мы предпочитали рубли не вводить в международный оборот, пользовались золотом или «золотыми» валютами¹. Нам так было даже удобнее, снима-

¹ Через несколько лет после окончания Первой мировой войны ряд стран вернулся к золотому стандарту. Однако это уже был не «классический» (золотомонетный), а «усеченный» стандарт. Страны имели либо золотослитковый стандарт (обмен бумажных банкнот на стандартные золотые слитки достаточного большого веса) или золотодевизный стандарт (обмен банкнот на валюту тех стран, которые имели размен на золотые слитки). К первой категории стран относились, прежде всего, Великобритания и Франция. Советский Союз пользо-

лись риски того, что кто-то попытается манипулировать курсом нашего рубля за границей. В нашем послевоенном экономическом учебнике четко сформулирован принцип отделения национальной денежной единицы – рубля – от сферы международных расчетов: «Золотые резервы служат в руках Советского государства делу укрепления его международной платежеспособности и валютной независимости. Из этого, однако, не вытекает обязательность обращения советского рубля на внешних рынках. Вывоз советского рубля за границу и ввоз его из-за границы запрещен. Для осуществления своего внешнеторгового оборота, как и для обслуживания неторговых валютно-финансовых операций (получение и предоставление кредитов и займов, расходы советских граждан и учреждений за границей и иностранных граждан и учреждений в СССР и т. д.), СССР использует не денежную единицу внутренней национальной сферы обращения – советский рубль, а золото, т. е. свои золото-валютные резервы»¹. С учетом сказанного странно звучат периодически раздающиеся в нашей стране лозунги превращения российского рубля в резервную валюту. Так, в июне 2008 г. Президент РФ *Д. А. Медведев*, выступая на Петербургском международном экономическом форуме, заявил, что рубль должен стать международной резервной валютой. После этого выступления *Д. А. Медведева* ряд авторов высказали справедливые сомнения в целесообразности превращения рубля в резервную валюту. Например, *С. Р. Моисеев*, выбирая осторожные выражения, следующим образом прокомментировал заявление российского президента: «В то же время статус вался для международных расчетов преимущественно валютами указанных двух стран (фунтом стерлингов и франком). Использовались также доллары США (Америка была единственной страной, которая сохранила довоенный золотомонетный стандарт).

¹ Финансы и кредит СССР. Учебное пособие. – М., 1956. – С. 22.

резервной валюты несет с собой серьезные издержки. Вот почему такие страны, как Япония или Китай, не стимулируют или даже препятствуют распространению национальных валют за пределами своих экономик...»¹.

Полагаю, что те «буржуазные спецы», которые разрабатывали денежно-валютную систему СССР, были знакомы с работами С. Шарапова. Но идеи Сергея Федоровича не были воспроизведены буквально. В упомянутом докладе «Финансовое возрождение России» он предлагает менять валютный курс рубля, по крайней мере, два раза в год, привязывая его к сезонным колебаниям нашей внешней торговли. А именно: понижая курс при вывозе нашего хлеба на мировой рынок. И повышая его при осуществлении платежей по импорту и другим нашим международным обязательствам.

Большевики не стали менять курс рубля и его привязку к золоту так часто. Этим инструментом они пользовались лишь при серьезных поворотах экономической и международной политики страны. Тем более что со временем значение зернового экспорта во внешней торговле страны стало снижаться, а советская экономика становилась все более «самодостаточной». О стабильно-

¹ *Моисеев С.* Рубль как резервная валюта // Вопросы экономики – 2008. – № 9. Далее автор перечислил основные издержки такого статуса рубля. В частности, он писал: «Ограничение маневра денежно-кредитной политики. Эмитент резервной валюты должен поддерживать ее стабильный обменный курс, чтобы сохранять международное доверие к ней. Это ограничивает возможности центрального банка по проведению экономической политики, ориентированной на решение задач внутреннего рынка. Большая нагрузка в плане регулирования национальной экономики ложится на налогово-бюджетную политику.

Потеря контроля над денежным предложением. Денежные власти лишаются возможности прямого влияния на рублевое денежное предложение, поскольку оно будет отчасти формироваться на внешнем рынке. Как следствие, эффективность таргетирования денежного предложения со стороны Банка России снизится...» (Там же).

сти курса рубля в довоенный советский период можно судить по данным приведенной ниже таблицы.

Курс рубля (руб. за единицу валюты)

Иностранная валюта	1913 г.	1928 г.	1935 г.	1937 г.
Доллар США	1,94	1,94	1,15	5,30
Фунт стерлингов	9,46	9,46	5,65	25,85
Французский франк	0,375	0,076	0,076	0,213

Источник: *Борисов С. М.* Рубль – валюта России. – М., 2004. – С. 95.

Курс рубля пересматривался лишь тогда, когда менялось содержание золота в рубле и/или иностранной денежной единице. А это происходило крайне редко. Первоначальный золотой паритет рубля («червонного») был определен в 1922 г. в размере 0,774234 г чистого золота. Он был понижен только в 1936–1937 гг. Следующее понижение было произведено в 1950 г. (до 0,222168 г). Последнее изменение было произведено в результате денежной реформы 1961 г. Считается, что золотое содержание рубля было повышено (до 0,987412 г). Однако надо иметь в виду, что в ходе реформы произошла деноминация рубля (в 10 раз), поэтому фактически рубль был девальвирован примерно в 2,25 раза. После краха последнего золотого стандарта (золотодолларового) в 1970-е гг. фиксация золотого содержания советского рубля потеряла смысл. Госбанк СССР стал определять курс рубля только по отношению к основным бумажным валютам других стран, причем корректировки стали происходить довольно часто, однако в достаточно узких диапазонах¹.

Учитывая государственный характер советской экономики, вопрос о том, каков курс рубля по отноше-

¹ Подробнее см.: *Борисов С. М.* Указ. соч.

нию к иностранным валютам, ни советских граждан, ни руководителей предприятий особенно не волновал, т. к. они имели дело только с советским рублем. С. М. Борисов обращает внимание на существенное отличие понятия «валютный курс» в СССР и на Западе: «Обязательная продажа государству вырученной иностранной валюты и покупка ее для платежей по санкционированным внешнеэкономическим сделкам осуществлялись по твердому соотношению с рублем. Надо сказать, что *такое соотношение, хотя и продолжало именоваться валютным курсом, на самом деле имело мало общего с этой категорией, которая должна отражать относительную ценность денежной единицы страны в международном обороте*¹. В условиях валютной монополии курс рубля фактически являлся той монопольной ценой, по которой государство покупало и продавало иностранную валюту и которая произвольно устанавливалась самим государством... Трудно однозначно оценить подлинную сущность валютного курса советского рубля. С одной стороны, его величина ничего не означала с точки зрения пропорций международного обмена. Ни в единой точке мирового рынка рубль легально не соприкасался с денежными единицами других стран, и поэтому невозможно было судить, сколько он на самом деле стоил. С другой стороны, в денежных расчетах внутри СССР курс советского рубля, на каком бы уровне он ни находился, всегда был реально действующей пропорцией, такой же реальной, как например, внутренние цены и тарифы, кстати, тоже произвольно устанавливаемые государством»².

Впрочем, не со всеми положениями Борисова можно согласиться. Например, он полагает, что из-за отсут-

¹ Курсив мой. – В. К.

² Борисов С. М. Указ. соч. – С. 104.

ствия прямого (рыночного) контакта рубля с иностранными валютами нельзя было определить, какова была покупательная способность рубля. Это, однако, можно было делать через оценку покупательной способности рубля на основе сопоставления цен на однотипные виды товаров, услуг и работ в СССР и других странах. Кстати, автору данной работы приходилось оценивать паритет покупательной способности рубля и доллара США в первой половине 1980-х гг. Этот паритет примерно соответствовал официальному курсу рубля по отношению к доллару США (хотя по отдельным товарам, услугам и работам отклонения от среднего значения были очень большими). Думаю, что установление валютного курса рубля не происходило произвольно, а базировалось на определенных расчетах. Кроме того, нельзя согласиться и с тезисом Борисова, что «внутренние цены и тарифы произвольно устанавливались государством». У государства была достаточно продуманная ценовая политика, хотя, конечно, и в этой сфере допускались ошибки. Подобные «нюансы» в работе Борисова объясняются тем, что в целом он склоняется к тому, чтобы рубль был не только внутренней денежной единицей, но выходил на международный рынок и чтобы валютный курс рубля определялся на основе рыночных механизмов. Но именно против этого и выступал С. Ф. Шарапов.

Вот и китайцы уже в социалистический период своей истории не полагались на рыночное «плавание» своей валюты и не допускали частого изменения курса юаня по отношению к доллару и другим валютам. В конце 1940-х гг., когда создавалась КНР, был установлен фиксированный курс: 1 долл. США = 4,0 юаня; вскоре он был радикально понижен: 1 долл. США = 20,0 юаня. В 1994 г., когда Китай стал активно выходить на мировой рынок и завоевывать его, государственно-

партийные власти приняли решение об установлении нового фиксированного курса на заниженном уровне: 1 долл. США = 8,27 юаня. Такой курс продержался 11 лет (несмотря на постоянные требования со стороны США повысить курс юаня для сдерживания китайской экспансии на американском рынке). В 2005 г. китайцы продемонстрировали «восточную хитрость», отказавшись от прямой привязки юаня к доллару США и заявив, что отныне они привязывают его к «валюте корзины», что осложнило американцам выдвигать претензии к Китаю в занижении курса юаня по отношению к американской валюте. Китайцы проявили неслыханный «либерализм» и заявили, что они отходят от фиксированного курса юаня и переходят к режиму «управляемого плавания» этого курса. Но коридор «плавания» был определен в виде допустимых отклонений от «центрального» курса в 0,2%! В общем, Китай не собирался и не собирается отказываться от такого важнейшего рычага управления своей экономикой, как валютный курс национальной денежной единицы.

Но вернемся к Шарапову. В романе «Диктатор» через диалоги своих главных героев – генерала Иванова («диктатора») и Соколова (министра финансов в кабинете «диктатора») – он показывает, что у государства не должно быть раз и навсегда заданного курса рубля. Этот курс устанавливается с учетом экономической ситуации в стране. Низкий курс нужен, когда стране надо поднимать свою промышленность, защищать ее от конкуренции со стороны импортных товаров, он действует лучше таможенных пошлин. Когда страна крепко встает на ноги, курс рубля следует повышать, доводя до паритета.

Соколов прямо заявляет, что в настоящий, трудный для России момент надо сознательно занижать

курс рубля, «и в этом я вижу единственный способ экономического возрождения России». Иванов задает вопрос: «Но где же граница этой выгоды? Ведь она должна же где-нибудь быть? Иначе надо было бы понижать курс рубля до копейки». Ответ Соколова таков: «Граница есть, и ее укажет практика. Позвольте мне выразить это положение в такой форме. Во-первых, внутренняя стоимость рубля, т. е. его покупная и расплатная сила, должны быть по возможности постоянными. Это достижимо без всякого металла путем только правильного устройства внутреннего обращения, т. е. народного кредита и эмиссионной операции. Во-вторых, его международная стоимость должна сполна регулироваться государственной властью и строго отвечать потребностям страны в сношениях с внешним миром. В известный период вам нужно как можно полнее изолировать Россию – держите самый низкий курс. В другое время эта уединенность будет вредна – поднимайте курс до паритета с международными деньгами. Это дело народнохозяйственной политики». Далее Соколов дает более детальное объяснение: «Ну вот, например, сейчас Россия совершенно истощена. Всякий рубль, уходящий за границу, равняется выпускаемой из государства крови. Денег в обращении ничтожно мало. Народный труд парализован. Понижайте курс, изолируйте Россию от заграницы, развивайте народный труд, работайте на вывоз, ограничивайте ввоз, скопляйте национальные капиталы. Но затем проходит десять, двадцать лет. Россия поправилась, разбогатела. Долги заплачены. Русские капиталы в избытке и сами начинают искать внешних рынков. Уединение становится вредным. Снимайте все перегородки – и с Богом на мировую арену. Разница между внутренними и международными деньгами сама собой упраздняется. Эту

мысль, по-другому, правда, высказывал Мак-Кинлей¹ в день своей смерти...».

Обратим внимание: валютный курс рубля оказывает влияние не только на торговый баланс России, но также на движение капиталов через государственную границу. Поэтому государственная политика по регулированию курса рубля может и должна дополняться дополнительными государственными мерами по регулированию международного движения капиталов. Заниженный курс облегчает импорт капитала, а это может создавать угрозу для независимости национальной экономики. Стало быть, желательны ограничения импорта капитала – количественные (например, предельная величина доли участия в уставных капиталах), по отраслям, по возможности выхода иностранца из уставных капиталов, по выводу (репатриации) прибыли из страны за рубеж и т. п. При достижении рублем валютного паритета нужность для российского товаропроизводителя таких ограничений иностранных инвесторов исчезает или снижается. Российский товаропроизводитель с сильным рублем начинает себя уверенно чувствовать в других странах.

В нашей современной «демократической» России государственная валютная монополия похоронена и забыта. Рубль и иностранная валюта (сегодня уже никак не связанная с золотом) свободно пересекают государственную границу в обоих направлениях, иностранная

¹ *Мак-Кинлей (Мак-Кинли), Уильям* (1843–1901) – 25-й президент США, был избран от республиканской партии в конце 1896 г. В 1901 г. был избран президентом США на второй срок. В своем выступлении 5 сентября 1901 г. подверг сомнению целесообразность сохранения в стране высоких импортных таможенных пошлин и предложил другим государствам на взаимной основе произвести снижение импортных пошлин. На следующий день был ранен пулей, выпущенной американским анархистом *Леоном Чолгашом*, и через несколько дней скончался.

валюта внутри страны существенно потеснила рубль. Национальная денежная единица стала объектом манипуляций со стороны мировых биржевиков, которые управляют ее курсом так, как им выгодно. А им выгодно, чтобы рубль имел заниженный курс. Так им легче грабить Россию. Вывоз нефти и других природных ресурсов из России западным корпорациям обходится дешевле. Иностранным инвесторам, приходящим в Россию с долларами США и евро, покупка российских активов также обходится дешевле (российский инвестор с рублями оказывается неконкурентоспособным перед иностранцами с их дорогой валютой) и т.д.¹

«На подхвате» у королей биржи и мировых ростовщиков наш центральный банк, который создает искусственный спрос на иностранную валюту, скупая ее на рубли. В этом он мало чем отличается от центрального банка какого-нибудь Зимбабве.

Впрочем, нашему центральному банку «не велено» и слишком «опускаться» рубль. В этом заинтересованы те транснациональные корпорации и банки, которые укрепились в России еще в прошлом и позапрошлом десятилетиях и, как вампиры, сосут кровь из нашей экономики. Получаемые в рублях проценты и дивиденды им надо выводить из страны, а для этого предварительно конвертировать их в иностранную валюту по максимально высокому курсу рубля. Напомним, что поток доходов иностранных инвесторов, уходящих из России, нарастает с каждым годом. Так, в 1995 г., по данным Банка России (Центрального банка Российской Федерации), иностранные инвесторы вывели из страны 7,2 млрд. долл., а в 2008 г. – уже 88,7 млрд. долл. Всего за

¹ Подробнее см.: *Катасонов В. Ю.* Гл. 27. «Пищевые цепи» и «пирамиды» «денежной цивилизации» // Валютный курс как инструмент международного грабежа // О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 2.

период 1995–2010 гг. доходы иностранных инвесторов в России составили 514,8 млрд. долл. При этом суммарная величина иностранных инвестиций была равна (за тот же период времени) 641,9 млрд. долл. Иначе говоря, «насос» иностранных инвестиций начинает работать в обратную сторону. В последние годы отток доходов иностранных инвесторов уже стал превышать приток новых иностранных инвестиций. Например, в 2009 г. отток доходов был равен 61,3 млрд. долл. при объеме новых иностранных инвестиций всего 6,4 млрд. долл. В следующем, 2010 г. данные величины были равны соответственно 73,8 млрд. и 44,0 млрд. долл. Что это означает? Это означает, что иностранному инвестору может потребоваться «сильный» рубль для того, чтобы на втором этапе своей деятельности (первый этап – внедрение в российскую экономику) более «эффективно» обогащаться. А для этого может потребоваться уже не слабый, а «сильный» рубль. Подобно тому как в конце XIX века иностранным инвесторам в России очень был нужен золотой рубль. Впрочем, тогда «сильный» золотой рубль создавался на достаточно длительный период времени. Сегодня ситуация может выглядеть по-другому. Центральный банк РФ в соответствии с графиком, определяющим время вывода инвестиционных доходов из России, повышает (буквально на несколько дней) курс рубля, после чего происходит его «плановое» возвращение на исходные позиции.

Короли бирж и мировые ростовщики заставили почти все страны мира провести так называемую *валютную либерализацию*, которая лишила эти страны суверенной денежной системы. Таким образом, начинать нынешней России путь к созданию национальной денежной системы, базирующейся на абсолютных деньгах, надо сначала с введения валютных ограничений на международное

движение капитала, а затем восстановить государственную валютную монополию, о которой еще в конце позапрошлого века говорил С. Шарапов.

О золотом запасе и золотой добыче России

В течение примерно 20 лет, предшествовавших введению золотого рубля, денежные власти целенаправленно накапливали золотой запас (резерв). Золото было в запасах как Министерства финансов, так и Государственного банка. Однако постепенно золотой запас стал сосредоточиваться в Государственном банке, который планировалось использовать для выпуска новых денег. За период 1877–1896 гг. золотой запас, числившийся на балансе Государственного банка, увеличился со 144 до 848 т, т. е. почти в 6 раз, или на 700 с лишним тонн. Накопление золотого запаса шло нарастающими темпами: в первое десятилетие (1877–1886) прирост запаса составил 151 т; во второе десятилетие (1887–1896), которое пришлось на время министров финансов Вышнеградского и Витте, прирост превысил 550 т. При этом за пятилетний период 1892–1896 гг. (который преимущественно пришелся на время Витте) прирост составил 350 т¹.

У России на момент введения золотого рубля был самый крупный запас золота в государственных сейфах. В 1895 г. золотые резервы России были равны 695 т, в других странах они составляли: во Франции – 460 т; Великобритании – 305; Германии – 252; США – 169; Италии – 132 т. Накануне Первой мировой войны Россия переместилась по величине золотых резервов на второе место, уступив первое место Соединенным Штатам.

¹ Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860–1910 гг. – СПб., 1910. – С. 8–10, 138.

В 1913 г. золотые резервы были равны: в США – 2293 т; России – 1233; Франции – 1030; Германии – 437; Италии – 355; Великобритании – 248 т¹. Если бы Россия успела стать до войны «самодостаточной» и при этом вернуться к бумажному рублю, то ей такой большой запас желтого металла был бы даже не нужен. Но никаких признаков того, что Россия становится «самодостаточной» страной, в начале XX века не было видно.

За несколько лет до начала Первой мировой войны в воздухе уже пахло порохом, поэтому истинные патриоты в России действовали в трех основных направлениях, которые призваны были обеспечить готовность страны к военным действиям:

а) форсированное развитие промышленности («самодостаточная» экономика);

б) переход на бумажные деньги (об этом мы сказали ранее);

в) наращивание стратегического запаса золота.

Государственники в России понимали: иметь золото в качестве стратегического фонда намного важнее, чем в качестве обеспечения бумажных денежных знаков. Например, генерал *Нечволодов* в своей книге «От разорения к достатку» говорил, что России надо наращивать свой стратегический резерв золота, и предлагал три основных источника:

а) переход от золотого рубля к бумажному рублю, что приведет к высвобождению золотого резерва, который использовался бы для обеспечения денежного обращения;

б) поддержание активного сальдо внешней торговли, что будет означать приток золота в страну;

в) наращивание внутренней добычи золота.

Первый источник. На начало 1906 г. золотой запас оценивался примерно в 1 млрд. руб. Перейдя безболез-

¹ *Катасонов В. Ю.* Золото в экономике и политике России. – С. 74–75.

ненно к бумажному рублю, как советовал С. Шарапов, Россия могла бы сохранить указанный запас, переведя его в категорию стратегического резерва страны.

Второй источник. По мнению Нечволодова, его нельзя использовать для наращивания золотого резерва, поскольку он уже «расписан» под другие цели. По данным Нечволодова, среднегодовое значение положительного сальдо внешней торговли России за период 1901–1905 гг. составило 313,7 млн. руб. За счет этого сальдо надо покрывать следующие позиции валютных (золотых) расходов (в скобках – среднегодовые значения в период 1901–1905 гг.):

- а) выплаты по займам (247 млн. руб.);
- б) дивиденды иностранных промышленных предприятий (45 млн. руб.);
- в) обыкновенные расходы государства за границей (10 млн. руб.);
- г) расходы русских путешественников за границей (80 млн. руб.).

Итого: 382 млн. руб. в год. Как видно, активного сальдо внешней торговли не хватает даже для того, чтобы покрыть необходимые неторговые расходы в золоте. Дефицит составляет: $382 \text{ млн.} - 313,7 \text{ млн.} = 68,3 \text{ млн.}$

Третий источник. Добыча золота в России. Она, по данным Нечволодова, составляла в начале XX века 40–46 млн. руб. Генерал обращает особое внимание читателей на данный источник. И вот почему. Он считает, что данные источники используются очень слабо, а его потенциал очень велик. Государство не стимулирует добычу золота, а во время нахождения у власти С. Витте эта добыча даже искусственно подавлялась. В частности, по его инициативе 12.04.1901 был принят закон, который разрешал свободную (вольную) продажу золота, что породило кражи, хищничество и контрабандный вывоз зо-

лота из России: «Добыча его (золота. – В. К.), правильно поставленная на приисках, *сразу стала падать*. А хищничество и воровство развиваться»¹. Генерал также приводит обширный список принятых в 1892-1898 гг. актов, которые запрещали разведку золота и его частную добычу в районах Забайкалья и Дальнего Востока².

Еще одна угроза отрасли – проект концессии на сооружение железной дороги от Берингова пролива к Канску. Концессию предлагается передать иностранцам с правом отчуждения золотоносных земель вдоль дороги: «Принятие этого проекта будет самым *роковым и непоправимым ударом для нашей золотопромышленности*»³.

Наконец, такая проблема золотодобывающей отрасли, как бездорожье. Большие надежды возлагались на строительство железной дороги по левому берегу Амура (предложение *Александра III*). Однако с 1892 г. Витте стал настоятельно продвигать идею проведения Сибирской дороги не вдоль Амура, а через Маньчжурию. Окончательное решение о строительстве дороги по новому маршруту было принято Витте уже после смерти Александра III, в 1896 г. Нечволодов пишет о результатах такой инициативы Витте: «Мирового транзита мы не получили ввиду явной нелепости этой идеи для тех, кто знаком с тарифным вопросом; имели войну, разорившую две страны, но обогатившую главарей ма- сонства, и убили наше Приамурье, в котором находится 30 000 000 десятин прекрасной земли, вполне годной

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 84. Этот закон отменял порядок, который существовал долгое время: сдача шлихтового золота в правительственные лаборатории (аффинаж) лицами, которые имели разрешение на промыслы. По уплате горной подати таким лицам вручалась квитанция для получения денег в казначействе. Фактически ликвидировался строгий государственный контроль над добычей золота.

² Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 88–89.

³ Там же. – С. 89.

под колонизацию; убили вместе с тем и нашу золото-промышленность в Восточной Сибири»¹.

Анатолий Клепов, автор интересного исторического исследования «Витте и немецкие ордена», считает, что изменение маршрута строительства железной дороги на Дальнем Востоке прямо преследовало цель «убить» отечественную золотодобычу: «Можно предположить, что С. Ю. Витте сознательно изменил направление Транссибирской магистрали и проложил часть его по Маньчжурии, чтобы затормозить развитие золотодобывающей промышленности России. Его намерения становятся понятны при более тщательном рассмотрении развития промышленности России. Зарубежные займы поставили российскую промышленность в полную зависимость от западных инвесторов. Способ был достаточно простой. Сначала необходимо было привести в убыточное состояние высокоприбыльные или перспективные российские производства и за бесценок продать их западным инвесторам. Таких примеров очень много»².

Информацию Нечволодова о золотой добыче в России в конце XIX– начале XX в. можно дополнить кое-какими пикантными подробностями. Дальний Восток был вотчиной Витте, он там контролировал ситуацию, в том числе золотодобычу (достаточно сказать, что в ведении министра была таможня и пограничная охрана). Значительная часть добычи стала нелегальной, но подконтрольной некоторым банкам³ и компаниям. Последние, в свою очередь, были подконтрольны министру финансов. На Дальнем Востоке процветал контрабандный вывоз зо-

¹ Там же. – С. 87.

² Клепов А. Витте и немецкие ордена.

³ В частности, Русско-Китайский банк, который был создан для строительства Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) и который формально был частным акционерным банком, а фактически был государственным.

лота, но не стихийный, а управляемый Витте. Золото шло сначала в Китай, далее – в Гонконг и Сингапур, затем – в Америку и Великобританию¹. Важную роль в торговле дальневосточным золотом играла подконтрольная Ротшильдам банковская корпорация HSBC. На тот факт, что Витте организовал контрабандный вывоз золота из России, обращает внимание *Анатолий Клепов*: «Министерству финансов, которое возглавлял С. Ю. Витте, подчинялась Пограничная стража России, в которой служили более ста генералов! Почти миниармия с артиллерией и собственной разведкой. Концентрация в одних руках таможенной и пограничной службы позволяла С. Ю. Витте решать многие вопросы с выгодой для себя и своих компаньонов. Неслучайно добыча золота в России, которая до прихода в Министерство финансов С. Ю. Витте неуклонно росла, вдруг замедлилась, а потом стала даже падать. Видимо ловко “уплывала” за кордон благодаря действиям виттовской таможни и Пограничной стражи»².

Еще один неприятный момент, связанный с золотодобычей в России: она находилась под контролем иностранных инвесторов. Уже упоминавшийся Анатолий Клепов отмечает, что англичане в начале XX века «купили наиболее прибыльное золотодобывающее предприятие – “Ленаголдфилдс”», или “Ленские золотые прииски”. Борьба за одно из самых прибыльных золотодобывающих предприятий России закончилась к 1917 г. тем, что акции Ленского золотопромышленного товарищества контролировали два банка: Русско-Азиатский банк и Петербургский Международный банк»³. Здесь следует сде-

¹ В Приамурье нелегально добывалось и выводилось за границу ежегодно около 5 т золота (*Катасонов В. Ю.* Золото в экономике и политике России. – С. 20).

² *Клепов А.* Современный путь эффективного грабежа России.

³ *Клепов А.* Витте и немецкие ордена.

лать уточнение. У нас нередко пишут, что русский капитал после напряженной конкурентной борьбы вытеснил англичан и в 1912 г. золотодобывающее предприятие стало российским¹. Не следует обманываться русскими названиями обоих банков. И тот, и другой являются в значительной мере иностранными организациями. Первый из них контролировался французским капиталом, второй – немецким. Так что в «Ленских золотых приисках» произошла лишь смена иностранных инвесторов.

Какие выводы делает Нечволодов из своего анализа состояния золотодобычи в России?

Во-первых: «Очерченное выше искусственное сокращение добычи золота в России, конечно, прямо на руку верхней ложе франкмасонов – международным торговцам деньгами, т. к. оно поднимает цены на него»².

Во-вторых: «Мы должны совершенно *перестроить* нашу золотопромышленность на новых началах и поставить ее на степень *государственных работ первостепенной важности*»³.

Актуальность быстрого развития золотодобычи в России в начале прошлого века возростала в связи с тем, что Россия могла лишиться положительного сальдо внешней торговли из-за растущей международной конкуренции. По мнению Нечволодова, «благоприятное для нас заключение торгового баланса может со временем резко измениться не в нашу пользу, когда с окончанием Багдадской железной дороги и искусственного орошения Месопотамии Германия будет собирать по две жатвы в год в доли-

¹ «В обострившейся конкуренции между русскими и английскими финансовыми группами победа оказалась на стороне первых, и с 1912 г. контроль над Ленскими приисками перешел в руки петербургских банков – Международного и Русско-Азиатского» (Бобович И. М., Семенов А. А. Указ. соч. – С. 230).

² Там же. – С. 88

³ Там же. – С. 83.

нах Тигра и Ефрата и сведет в связи с этим почти на нет вывоз русского хлеба в Европу»¹.

По мнению Нечволодова, наиболее приоритетными в области развития золотодобычи должны были стать следующие задачи: а) установить контроль государства над добычей; б) определить такие закупочные цены государства на шлихтовое золото, которые бы стимулировали добытчиков; в) помешать осуществлению проекта концессии по строительству железной дороги от Берингова пролива до Канска.

По мнению генерала, отрасль может давать не 40–46 млн. руб. золота, а в 10 раз больше². Очевидно, что такого количества золота хватило бы на покрытие всех неторговых расходов России в золоте (даже в случае, если бы активное сальдо торгового баланса страны уменьшилось или исчезло).

Однако до Первой мировой войны должного импульса добыча золота в России не получила. В последнее десятилетие XIX века среднегодовой объем добываемого в стране золота был равен примерно 40 т, в первое десятилетие XX века – около 46 т, в 1913 г. – 62 т. Лишь в 1930-е гг. в СССР золотодобыча действительно получила мощную поддержку государства и стала динамично развиваться: в 1928 г. ее объем был равен 28 т, а в 1933 г. (по истечении первой пятилетки) вырос до 110 т. Накануне войны в 1939 г. он достиг 200 т. По некоторым данным, в начале Великой отечественной войны (в 1941 г.) Советский Союз имел накопленный государственный запас золота, равный 2600 т, что заметно превышало запас России накануне Первой мировой войны³.

¹ Бобович И. М., Семенов А. А. Указ. соч. – С. 89.

² Там же. Нечволодов ссылается на один источник, согласно которому только Амурский бассейн может дать не менее 1 125 000 пудов золота (более 18 тыс. т. – В. К.), т. е. не менее 20 млрд. руб. (Там же. – С. 106).

³ См. Катасонов В. Ю. Золото в экономике и политике России. – С. 21, 82.

Как мы уже говорили, в СССР создавалась такая экономика, которая была готова к серьезным военным противостояниям. Во-первых, до начала Великой отечественной войны была проведена индустриализация и коллективизация, сложилась «самодостаточная» экономика. Во-вторых, страна для внутреннего обращения использовала бумажные деньги без какой-то официальной привязки к золотому запасу. Тем не менее, для «подстраховки» в СССР к началу войны, как мы отметили ранее, был создан мощный золотой запас. Однако его использование в годы войны, судя по разным источникам, было минимальным¹. В общем, советская экономика строилась «по Шарпову», и в трудное для страны время она выдержала испытания и доказала верность его идей. Поскольку Россия – золотодобывающая страна, то для нее главным источником пополнения запаса желтого металла должна стать добыча золота, а активное сальдо внешней торговли могло бы выступать лишь в качестве вспомогательного источника.

Наращивание золотого запаса продолжалось в СССР и после Великой отечественной войны, и его максимальный объем был достигнут в 1953 г. 2050 т. Хотя в последующие годы этот запас частично расходовался, его величина до 1991 г. никогда не была меньше 500 т².

Вот как определялась роль золотого запаса в одном из советских экономических учебников: «Немалую, хотя и не основную роль в обеспечении устойчивости советских денег играет ...золотой запас, назначение которого при социализме существенно отличается от роли золотых резервов в капиталистических странах. В СССР золотой

¹ Подробнее см.: Там же. – С. 217–228. Косвенным свидетельством того, что СССР пользовался своим золотым запасом в годы войны очень умеренно, является то, что в 1953 г. государственный золотой запас Советского Союза был весьма значительным – 2050 т (Там же. – С. 82).

² См.: Там же. – С. 82.

запас служит обеспечению устойчивости советской валюты лишь в той мере, в какой он освобождает страну от вывоза за границу товаров или дает возможность дополнительного ввоза товаров, т. е. увеличивает внутреннюю товарную базу советского рубля.

Вот почему известную часть своих денежных резервов Советское государство держит в форме золотых резервов, обеспечивающих устойчивость советской валюты наряду с товарными запасами, находящимися в распоряжении государства...

СССР – один из крупнейших производителей золота, Советское государство может поэтому использовать свой валютный запас не только для сбалансированности платежного баланса, но и в качестве покупательного средства на мировом капиталистическом рынке.

Таким образом, в конечном счете, значение золотого запаса СССР в качестве фактора устойчивости советских денег состоит в том, что он позволяет Советскому государству увеличивать количество товаров, поступающих во внутренний товарооборот по устойчивым плановым ценам»¹.

ГЛАВА 9. ДЕНЬГИ ПОСЛЕ С. ШАРАПОВА

Советский вариант абсолютных денег

Абсолютные деньги были в русской истории не только до Шарапова, но и после. Я имею в виду опыт создания денежной системы в СССР. В первые годы советской вла-

¹ Финансы и кредит СССР. – С. 20–21.

сти происходили достаточно ожесточенные баталии в высшем государственном и партийном руководстве страны относительно будущего советской денежной системы¹.

Одно время верх стали брать сторонники введения в стране золотого рубля. Идеологом этой партии «золотого рубля» был *Г. Я. Сокольников*², которого некоторые его сторонники негласно называли «наш советский Витте». При проведении денежной реформы в 1922–1923 гг. в советской России была отчеканена партия золотых монет (по весу и содержанию золота соответствующих дореволюционным монетам), предполагалось осуществлять свободный обмен бумажного червонца на золото (его даже стали называть «золотым червонцем»). Однако такой обмен так и не состоялся.

Позднее (конец 1925 – начало 1926 гг.) победила партия «бумажного рубля», основными идеологами которой были *С. Г. Струмилин*³ и *В. Г. Громан*⁴. На вари-

¹ О становлении советской денежной системы см.: *Катасонов В. Ю.* Золото в экономике и политике России. – С. 82–92.

² *Сокольников Григорий Яковлевич (Бриллиант Гирш Янкелевич)* (1888–1939) – советский партийный и государственный деятель. Член Политбюро ЦК РСДРП (б) (октябрь 1917 г.), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) (1924–1925 гг.), нарком финансов СССР (1923–1926 гг.).

³ *Струмилин Станислав Густавович* (1877–1974) – советский экономист, статистик, академик АН СССР. Герой Социалистического Труда (1967), лауреат Сталинской (1942) и Ленинской (1958) премий. Один из главных авторов планов индустриализации. Основные произведения: *Богатство и труд* (1905); *Индустриализация СССР. Эпигоны народничества* (1927); *Избранные произведения* (тт. 1–8, 1963–1968); *Общественный прогресс в СССР за 50 лет* (Вопросы экономики. – 1969. – № 11); *Проблемы социализма и коммунизма в СССР*. – М., 1961; *Проблемы экономики труда*. – М., 1982.

⁴ *Громан Владимир Густавович* (1874–1940) – советский статистик. Внес вклад в разработку методологии экономического планирования. Вместе с тем выступал за полную свободу рыночных отношений. Отрицал существование социалистического способа производства, считал его разновидностью государственного капитализма. В 1931 г. арестован по обвинению в меньшевизме. Умер в тюрьме.

анте золотых денег в Советском Союзе был поставлен жирный крест. В послевоенном экономическом учебнике дается лаконичное объяснение неприемлемости золотых денег: «Товарное обеспечение денег при социализме делает излишним использование золота для целей внутреннего денежного и товарного обращения и целиком освобождает его для внешних расчетов. А в связи с этим создается наибольшая возможность использования золота на мировом капиталистическом рынке для пополнения внутренних товарных запасов, т. е. для усиления товарного обеспечения денег.

Отсюда ясно, сколь опасными для СССР, вредными для его хозяйственной политики были предложения троцкистов и бухаринцев, пытавшихся толкнуть страну на путь введения золотого обращения и свободного размена иностранной валюты на золото, т. е. на путь разбазаривания золотого резерва страны. Коммунистическая партия и Советское правительство своевременно разоблачили эти происки врагов, твердо и неуклонно следуя завету великого Ленина – беречь золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле»¹.

Конечно, начавшаяся денежная реформа не была буквальным воспроизведением всех предложений С. Ф. Шарاپова. В частности, в модели Шарاپова значительная роль в регулировании денежной массы отводилась депозитно-кредитным организациям, которые должны были выполнять роль своеобразных «рецепторов», улавливающих соотношение денежного спроса и предложения на микроэкономическом уровне и поддерживали необходимое денежное равновесие. В СССР регулирование денежной массы осуществлялось на макроэкономическом уровне с помощью народнохозяйственного планирования. Государственные кредитные учреждения (Го-

¹ Финансы и кредит СССР. – С. 21.

сударственный банк СССР, специализированные банки) выполняли более «технические» (эмиссионно-кассовые) функции, обеспечивая предприятия и население необходимой денежной массой (как наличными, так и безналичными деньгами) в соответствии с денежными балансами, которые утверждались в Москве. Абсолютные деньги в СССР обслуживали экономику, которая была по преимуществу плановой и государственной.

Конечно, полного сходства советских бумажных денег и абсолютных денег Шарапова не было. У Шарапова абсолютные деньги были предназначены для экономики, которая была смешанной, государственно-частной (Сергей Федорович в равной мере отвергал и капитализм, и социализм; его модель общества предполагала для России «третий путь»). Хотя модель Шарапова исходит из того, что хозяйствующие субъекты принимают решения на основе рыночных сигналов, однако она предполагает постепенное укрепление позиций государства в экономике и усиление его влияния на развитие страны. Еще раз напомним: у Шарапова с самого начала государству принадлежат доминирующие позиции в управлении денежным хозяйством. Контролируя денежное предложение в стране и наращивая в его структуре долю «мнимых капиталов» (кредитование крупных проектов в области железнодорожного строительства и развития других видов экономической инфраструктуры, проектов освоения природных ресурсов), государство постепенно усиливает свои позиции как собственник и получает все большую часть доходов в бюджет не от налогов, а от доходов от принадлежащих ему экономических объектов. Фактически Шарапов предлагал активно использовать государством абсолютные деньги для постепенного укрепления государственного сектора экономики, включающего страте-

гически важные отрасли, не прибегая при этом к революционным мерам (экспроприациям), как это сделали большевики в годы революции.

Деньги в сегодняшней России

В современной России (вернее, в той ее части, которая сегодня получила название РФ) наши власти – как государственные, так и денежные – преследуют цели, которые противоположны целям, изложенным в экономической программе Шарапова. Наши власти проводят политику, которая направлена, во-первых, на эксплуатацию России западным капиталом (в первую очередь, ростовщическим); во-вторых, на лишение ее экономического и политического суверенитета. Картина сегодняшней России очень напоминает ту, которая существовала в последние десятилетия в дореволюционной России. Подробный сравнительный анализ выходит за рамки доклада. Но я все-таки кое-что отмечу.

Во времена Шарапова Россия напрягалась для того, чтобы накапливать, а затем поддерживать свой золотой запас. Причем, дорогой ценой – за счет экспорта зерна и получения взамен золота (в виде иностранной валюты, привязанной к золотому стандарту). Тогдашний министр финансов Вышнеградский говорил: «Не доедим, но вывезем». Российская деревня и русский крестьянин действительно стали недоедать и хиреть. Кроме того, Россия периодически брала миллиардные «золотые» кредиты у западных банкиров (прежде всего, Ротшильдов) и неуклонно увеличивала свой долг. Часть золота приходила в страну в виде прямых иностранных инвестиций, что приводило к захвату зарубежным капиталом ключевых позиций в ряде отраслей российской экономики.

А что сегодня? Вместо золота центральный банк страны накапливает иностранную валюту, прежде всего доллары США. За счет чего?

Во-первых, за счет экспорта нефти и природного газа. При этом внутри страны цены на бензин и другие нефтепродукты – на уровне стран, куда мы вывозим «черное золото». Опять звучит лозунг: «Не доедим, но вывезем». Только исходит он не от не Вышнеградского, а министра финансов А. Кудрина. Того самого Кудрина, который полученные от экспорта природных ресурсов нефтедоллары спрятал в кубышку под названием «Стабилизационный фонд».

Во-вторых, за счет иностранного капитала (в золотовалютных резервах Банка России на этот источник валюты приходится примерно столько же, сколько на нефтедоллары). В результате мы имеем внешний долг, примерно равный 500 млрд. долл., а также контроль прямых иностранных инвесторов не только над отдельными предприятиями, но над целыми отраслями российской экономики (об этом свидетельствуют данные Росстата).

Во времена Шарапова российский товаропроизводитель (как в промышленности, так и в сельском хозяйстве) был на голодном «денежном пайке». Денег не хватало как до финансовой реформы С. Витте, так и, тем более, после ее проведения. Введение «золотого рубля» означало, что в обращение на 1 руб. золотого запаса можно было выпустить 1 руб. бумажных денег. Именно «денежный голод» внутри страны заставлял российского товаропроизводителя идти на поклон западным ростовщикам. Сегодня в России мы имеем похожую ситуацию: под 1 долл. своих валютных резервов наш центральный банк выпускает примерно 30 российских рублей (в зависимости от валютного курса). На-

сыщенность внутреннего обращения деньгами (так называемый коэффициент монетизации) у России в разы меньше, чем у стран «золотого миллиарда». Наш товаропроизводитель не может получить кредиты у своего центрального банка (он ему – хуже мачехи) и вынужден идти на поклон западным ростовщикам.

Во времена Шарапова денежная масса внутри страны, и без того недостаточная для обеспечения нормальной экономической деятельности, колебалась в зависимости от величины золотого запаса. Это вносило дополнительные осложнения и в крайне сложную жизнь российского товаропроизводителя. Сегодня денежная масса в Российской Федерации то сжимается, то увеличивается под влиянием факторов, на которые наши власти никак не влияют. Во-первых, это цены на нефть на мировом рынке. Во-вторых, притоки и оттоки иностранного капитала, которые определяются исключительно эгоистическими соображениями мародеров-спекулянтов.

Дальнейшие сравнения и параллели я не провожу. И так все понятно. Также понятно, что если не изменить нынешнего курса страны, то мы можем получить свой 1917 год, свою гражданскую войну и империалистическую интервенцию. Шарапов предвидел возможное развитие событий и предлагал свою программу. Экономическая программа для современной России с некоторыми коррективами может быть заимствована у Шарапова. Если у нас будет власть, которая будет представлять народ и реализовывать его интересы, то первое, что она должна сделать, – «взять банк». Я имею в виду установить полный контроль над центральным банком страны, превратить его из филиала Федеральной резервной системы США действительно в национальный эмиссионный банк России.

В сегодняшней России имеются налицо незадействованные те ресурсы, которые, по мнению Шарапова, являются ключевыми для экономического развития: а) рабочая сила (настоящий и будущий труд); б) капиталы в виде простаивающих основных фондов (прошлый труд); в) знания. Под эти ресурсы, согласно рекомендациям Шарапова, национальный эмиссионный банк России мог бы выпустить деньги (не обязательно бумажные, сегодня это могут быть электронные знаки), создав мнимый капитал и оживотворив умирающие силы русского народа. Через некоторое время мнимый капитал (авансированные деньги) стал бы реальным капиталом (основные фонды). Началось бы экономическое оживление страны...

Был ли Шарапов защитником ростовщического капитализма?

Есть еще одно сомнение со стороны наших вдумчивых современников в том, что идея абсолютных денег Шарапова верна и последовательна. Шарапов – сторонник бумажных денег, но не казначейских билетов, а банкнот, или кредитных денег.

Казначейские билеты, как следует из самого названия, – денежные знаки, которые эмитирует (выпускает) казначейство (министерство финансов) и которыми государство оплачивает свои расходы. Затем держатели таких билетов используют их для торговли и иных операций, а также уплачивают ими налоги государству. Достоинством казначейских билетов является то, что они не создают долга, не обременяют экономику процентами. К казначейским билетам государство раньше прибегало достаточно часто, особен-

но в чрезвычайных ситуациях. В отличие от банкнот (кредитных билетов) казначейские билеты драгоценными металлами никогда не обеспечивались и на металл не обменивались.

Классический пример казначейских билетов – *гринбэки* (greenbacks), которые выпускал в годы гражданской войны 1860-х гг. американский президент *Авраам Линкольн*. Он стал это делать, потому что денег для финансирования военных расходов в казне не было, а частные банкиры, к которым он обратился за кредитами, заломили грабительские проценты. Кстати, С. Шаратов приводит этот пример в своем «Бумажном рубле». Известно много других примеров массового выпуска казначейских билетов в условиях войн. Можно также привести близкий нам пример – советские казначейские билеты, которые имели достоинство 1, 3 и 5 руб. и обращались наряду с банковскими билетами, имевшими более высокие достоинства (до 100 руб.), до конца существования СССР (и даже некоторое время в Российской Федерации). Разменную монету традиционно всегда выпускали казначейства, такая монета по своему статусу ничем не отличалась от казначейских билетов. И сегодня во многих странах разменная монета продолжает выпускаться казначействами.

Банкноты (кредитные билеты) – денежные знаки, выпускаемые банками и обеспеченные драгоценными металлами, векселями, иными ценностями, которыми располагает банк-эмитент. Это кредитные деньги, при их выпуске возникает долг. Сегодня банкноты (кредитные знаки) уже не обеспечиваются золотом, серебром, другими ценностями и в этом плане становятся похожими на казначейские билеты. В учебниках по экономике часто пишут, что в современных условиях (после окончательного отхода от золотого стандарта и метал-

лических денег вообще) грань между казначейскими билетами и банкнотами стирается, вторые становятся обычными бумажными деньгами. Но все-таки разница остается: первые долга не создают, а вторые создают. Однако сегодня казначейских билетов в мире почти не осталось (если не считать разменную монету), банкноты полностью заместили их.

Наличные деньги (банкноты) – *денежная база*, создаваемая центральным банком. На этом фундаменте коммерческие банки создают безналичные, или депозитные деньги. Вторых в современной экономике в разы (иногда на порядок) больше, чем первых. И наличные, и безналичные деньги создают долг, с их помощью современные ростовщики облагают процентной данью все общество. Короче говоря, современная денежно-кредитная система создавалась ростовщиками ради их наживы. Остальное общество попадает в беспросветную кабалу к банкирам, экономика перестает развиваться, начинаются хронические кризисы, социально-имущественная поляризация и иные беды экономического, социального и экологического характера. Все это я подробнейшим образом описал и объяснил в книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном».

И при всем этом Шарапов выступает именно за бумажные деньги в форме банкнот, а не казначейских билетов. В «Финансовом возрождении России» (1908) он высказывается очень определенно: «При системе бумажных знаков, разменных на серебро или воплощающих только идею ценностей (чистый абсолютный знак, расчетная квитанция), *эмиссионная операция предполагается, разумеется, только характера банковского, но отнюдь не казначейского*¹. Ни одному государству ныне не придет в голову, кроме случаев политических

¹ Курсив мой. – В. К.

или военных катастроф, выпускать бумажные деньги для удовлетворения текущих расходов»¹.

Еще раз напомним: важнейшей частью модели Шарапова являются депозитно-кредитные организации (банки, кассы). Те самые, которые, как мы сказали, играют роль «рецепторов», улавливающих соотношение денежного спроса и предложения и поддерживающих необходимый баланс в экономике. Действительно, банки в модели Шарапова платят клиентам процент по депозитным операциям и взимают процент по кредитным (ссудным) сделкам².

Может быть, Шарапов не знал о тех последствиях, которые таит в себе использование кредитных денег? Может быть, он под прикрытием красивых слов о православии, самодержавии и народности протаскивал идею капитализма, причем в худшей его, ростовщической форме? Нет ли противоречий в моей собственной позиции? В своей книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном» я подвергаю резкой критике ростовщический капитализм, в котором мы сегодня живем. И в то же время пропагандирую идеи Шарапова, который ратует за кредитные деньги, а не казначейские билеты.

Отвечая на эти вопросы, прежде всего, хочу еще раз напомнить: у Шарапова в его работах достаточно мест, где он прямо говорит, что ему как православному человеку в равной мере претят идеи социализма (в его марксистском варианте) и капитализма. Тем более капитализма ростовщического.

Если внимательно читать Шарапова, то понимаешь: Сергей Федорович прекрасно понимал те угрозы, которые исходят от ростовщического процента. Например, в романе «Диктатор» на пост министра финансов рас-

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 208–209.

² См. раздел «Организация денежно-кредитной системы».

сма­три­ва­ет­ся кан­ди­да­ту­ра ре­аль­но на тот мо­мент су­ще­ст­во­вав­ше­го чи­нов­ни­ка *А. В. Ва­силь­е­ва*¹, за­ни­мав­ше­го вид­ные до­л­ж­но­сти в си­сте­ме го­су­дар­ст­вен­но­го кон­тро­ля Рос­сии. Од­но­го из ум­ней­ших и че­ст­ней­ших чи­нов­ни­ков то­го вре­ме­ни. В ро­ма­не о нем го­во­рит­ся: «По фи­нан­сам... Ва­силь­ев хо­тя и сто­ял за бу­маж­ные день­ги, но со­вер­шен­но от­ри­цал про­цен­ты на ка­пи­тал». По­че­му же он не по­до­шел на до­л­ж­но­сть ми­ни­стра фи­нан­сов? Не по­то­му, что Ша­ра­пов (вер­нее, его ге­рой ге­не­рал Ива­нов) не раз­де­лял взгля­ды Ва­силь­е­ва на про­цент, а по­то­му, что они не вполне со­от­вет­ст­во­ва­ли ре­аль­но­му ду­хов­но-нрав­ст­вен­но­му со­сто­я­нию рос­сий­ско­го об­щес­тва на тот мо­мент.

Еще раз на­по­м­ним: ка­зна­чей­ские би­ле­ты вы­пус­ка­ют­ся пре­иму­щес­т­вен­но для фи­нан­си­ро­ва­ния рас­хо­дов

¹ Ва­силь­ев Афанасий Ва­силь­е­вич – об­щес­т­вен­ный де­я­тель и пи­сатель. Родился в 1851 г. Окончил Петербургский университет по юридическому факультету. Служил в государственном контроле; в 1893 – 1896 гг. был генерал-контролером железнодорожной отчетности. Твердо отстаивал то положение, что железные дороги общего пользования не могут быть собственностью частных акционерных обществ, а находятся у них только во временном, условном пользовании. В заключениях по законопроектам и во всеподданнейших отчетах государственного контролера, во время генерал-контролерства Васильева, обстоятельно доказывалась разорительность для государства сооружения и эксплуатации железных дорог бесконтрольным распоряжением акционерных обществ и необходимость сосредоточения того и другого в руках казны. Вследствие неоднократных выступлений в этом направлении против министров финансов Вышнеградского и Витте, Васильев был перемещен в 1896 г. на должность генерал-контролера департамента военной и морской отчетности. В 1904 г. Васильев назначен членом совета государственного контроля.

Васильевым была создана собственная теория денежного обращения: он считал ошибочным представление о бумажном денежном знаке как о долговом обязательстве казны. По мнению Васильева, бумажный денежный знак есть «удостоверение, выданное казной в том, что на показанную в нем сумму произведена общепользная работа». Васильев являлся сторонником самого широкого обращения бумажных денег (см.: Священник *Н. Р. Антонов*. Русские светские богословы и их религиозно-общественное миросозерцание. Т. I. – СПб., 1912).

государства. Расходы эти в основном непроизводительные (социальные, административные, военные), которые не увеличивают предложения товаров и услуг. Такая денежная система, по мнению Шарапова, действительно таит угрозу инфляции и может вести к «расслаблению» трудовых потенций общества. Она приемлема лишь в условиях военного времени для финансирования военных расходов и инфляционного перераспределения денежных сбережений в пользу государства.

Кредитные деньги – если они направляются на увеличение предложения товаров и услуг – не порождают инфляцию и мобилизуют трудовой потенциал общества. Следует иметь в виду, что кредитные деньги могут выпускаться банками не только для производительных целей. Например, для финансирования дефицита государственного бюджета. Если бюджетные расходы имеют непроизводительный характер, то такие кредитные деньги, в конечном счете, могут порождать (и порождают) инфляцию и не мобилизуют трудовую энергию общества. У Шарапова речь идет именно о варианте выпуска кредитных денег под производство. Схема красивая, но в ней присутствует ссудный процент – «вирус», который может вызвать очень серьезные экономические и социальные «болезни».

Шарапов подобно опытному врачу «прописывает» пациенту «лекарство» (предлагает России такую денежную модель), которое соответствует состоянию больного. Да, это лекарство будет иметь определенные негативные последствия для пациента, но Шарапов предлагает такую схему лечения, которая минимизирует эти последствия. Конкретно Шарапов предлагает такую *денежно-кредитную систему, в которой ключевые позиции принадлежат государству*. А это меняет дело. Государственные банки получают процент,

но направляют прибыль в казну, а казна возвращает эти деньги обществу либо в виде государственных заказов, либо в виде социальных расходов, либо в виде прямой или косвенной поддержки национальных компаний. У частных банков все не так. Они эту прибыль аккумулируют, чем создают дисбалансы в экономике. Собственно, проблеме этих дисбалансов и посвящена большая часть моей книги «О проценте: ссудном, подссудном, безрассудном».

Шарапов не раз говорил о достоинствах той финансовой и денежно-кредитной системы, которая сложилась в России до прихода к власти Александра II. Одним из важных достоинств тогдашней системы было то, что кредитные учреждения были преимущественно государственными, которые хотя и были не очень поворотливыми, но не были замечены в каких-либо махинациях и спекуляциях, обеспечивали трансформацию депозитных средств в кредиты и развитие торговли и производства. При Александре II начинается бум создания частных банков. Следует сказать, что русский человек достаточно настороженно и даже негативно воспринимал все это банковское «грюндерство» в России. Шарапов отражает общее отношение русского человека к феномену частного ростовщичества, возведенного в ранг коммерческой банковской деятельности. При этом он обосновывает преимущества государственных банковских институтов перед частными.

Шарапов – не сторонник тотальной национализации кредитно-банковской системы. Этого, по его мнению, делать не надо. Тем более, используя революционные методы, государству достаточно вспомнить, что именно оно (и только оно) имеет право осуществлять эмиссию денег, в том числе в виде так называемого «мнимого капитала» Если государство будет пользоваться теми пра-

вами, которые, если так можно выразиться, сам Бог ему даровал, то оно получит мощную денежно-кредитную систему. А частный банковский капитал, если сумеет доказать свою нужность и эффективность, будет дополнять государственную денежно-кредитную систему, т. е. теоретически Шарапов не исключал вариант «*смешанной экономики*» в денежно-кредитной сфере.

Вот что по этому поводу пишет Шарапов в «Бумажном рубле»: «Главная задача Большой Казны (так называется Государственный банк, осуществляющий эмиссию абсолютных денег в проекте Шарапова. – В.К.) – управление денежным обращением посредством приема повсюду во всех своих приказах вкладов, выдачи повсюду ссуд, установление повсюду земледельческого, торгового и промышленного кредита, а также и посредством выпуска в обращение и уничтожения излишних денежных знаков. При таких условиях всевозможные частные и общественные или акционерные банки становятся совершенно аномалией и не потому, между прочим, чтобы государство стало их преследовать или закрывать, а по невозможности конкурировать с совершенно *бескорыстным* государственным кредитом, довольствующимся самым небольшим чистым доходом в запасные средства государства. Для частного кредита останется лишь одна форма при известных условиях, может быть, еще более выгодная – это общества взаимного кредита». Кстати, общества взаимного кредита (ОВК) до революции в России были достаточно распространены и очень хорошо себя зарекомендовали. По состоянию на 1 января 1914 г. в Российской Империи было 1117 ОVK. Примечательно, что даже существовал Центральный банк ОVK, объединявший большую часть обществ. В СССР некоторое количество ОVK просуществовало до начала 1930-х гг.

В 1930–1932 гг. в СССР была проведена кредитная реформа, в ходе которой были ликвидированы кооперативные банки, предоставлявшие кредиты на коммерческих условиях. Была сформирована *государственная кредитная система* из трех звеньев:

1) Государственный банк (центральный, эмиссионный банк; осуществлял краткосрочное кредитование производства и торговли, осуществлял расчетно-кассовые операции);

2) всесоюзные специализированные банки финансирования и долгосрочного кредитования капитальных вложений (Промбанк, Сельхозбанк, Торгбанк, Цескомбанк);

3) сберегательные кассы.

Впоследствии состав кредитной системы менялся. Например, в 1959 г. был ликвидирован Сельхозбанк, а его функции были переданы Госбанку. Все функции финансирования и кредитования капитальных вложений (за исключением сельского хозяйства) были переданы Стройбанку, созданному на базе Промбанка. В 1962 г. Госбанку были переданы сберегательные кассы, которые до этого находились в ведении Министерства финансов СССР. Таким образом, в кредитной системе Советского Союза осталось лишь два специализированных банка: Банк финансирования капитального строительства (Стройбанк)¹ и Банк для внешней торговли (Внешторгбанк).

При кредитовании предприятий государственные банки взимали небольшой процент – в среднем порядка 2–3% годовых. Впрочем, были отклонения от средних значений, т. е. процентная политика была дифференцированной. При краткосрочном кредитовании (в целях пополнения оборотного капитала предприятий) ставки были более высокие. Плохо работающие предприятия получали кредиты даже под 20% годовых. Ставки по

¹ Позднее был реорганизован в Промстройбанк.

долгосрочным кредитам (для капитальных вложений) были ниже: у Стройбанка – 0,5%, у Госбанка – 0,75% с колхозов и 2,0% с государственных предприятий. Государство хотело нажать на предприятиях? – Об этом смешно говорить. Оно этим процентом стимулировало получателей эффективно и своевременно использовать денежные средства. Проценты, в конечном счете, поступали в бюджет и затем опять возвращались в общество и экономику (иногда даже в такой косвенной форме субсидий, как списание накопившихся долгов). Источником кредитования предприятий была не только денежная эмиссия Государственного банка, но также бюджет. В частности, за счет бюджетных средств осуществлялось кредитование и финансирование капитальных вложений по линии Промбанка (позднее преобразованного в Стройбанк, а еще позднее – в Промстройбанк). Нетрудно заметить, что советская кредитная система имело сходство с моделью Шарапова. Но были и отличия. Во-первых, капитальные вложения в СССР осуществлялись не только с помощью кредитов, но также в форме невозвратного финансирования (особенно в военно-промышленном секторе экономики, а также социальной сфере). Во-вторых, даже кредитование капитальных вложений имело своим источником бюджетные средства (в модели Шарапова таким источником была эмиссия абсолютных денег как «мнимых» капиталов, а также средства, поступающие на депозитные счета банков). В-третьих, процент по кредитам определялся не спросом и предложением на денежном рынке, а исходя из соображений обеспечения эффективного использования денег получателем кредита (предприятием). Советская кредитная система по сравнению с системой, предлагаемой Шараповым, имела свои плюсы и минусы, анализ которых выходит

за рамки данной работы. Но главное: ни та, ни другая не создавали дисбалансов в экономике.

На протяжении 60 лет функционирование советской кредитной системы никаких кризисов перепроизводства не возникало. Таким образом, банковский процент из «вируса», разлагающего общество при капитализме, превратился в «фермент», активизирующий трудовую, творческую энергию человека при общенародном государстве.

Мир денег после С. Ф. Шарапова. Вопросы и сомнения

Время от времени в разных аудиториях мне приходится рассказывать о бумажном рубле С. Ф. Шарапова, который он предлагал ввести в России вместо золотого рубля. Того самого золотого рубля, который России навязывал и, в конце концов, навязал в самом конце XIX века тогдашний министр финансов *С. Ю. Витте*. При этом иногда слышу вопросы и реплики, смысл которых сводится к следующему: «Сегодня в мире, включая Россию, все деньги – бумажные, металлических денег не осталось. Следовательно, идея С. Ф. Шарапова о преобразовании денежной системы практически реализовалась. Однако ситуация ни в мире, ни в России в результате такого преобразования не улучшилась. Следовательно, Шарапов ошибался?».

Действительно, в XX веке в мире окончательно рухнул тот золотой стандарт, который в XIX веке навязывался всем странам, включая Россию. В крайне усеченном варианте он существовал после Второй мировой войны, когда, согласно решениям Бреттон-Вудской международной валютно-финансовой конференции (1944 г.),

большая часть стран мира приняла так называемый *золото-долларовый стандарт*. В рамках этого стандарта связь денег с золотом осуществлялась через размен желтого металла на доллары американским казначейством. Кстати, СССР к решениям Бреттон-Вудской конференции не присоединился и жил вне золото-долларового стандарта, хотя и вынужден был учитывать его требования при выстраивании своих торгово-экономических отношений с Западом.

15 августа 1971 г. американский президент *Р. Никсон* объявил всему миру, что США прекращают размен долларов на желтый металл. Золотой стандарт, который «обосновывался» и превозносился в XIX веке и начале XX века всей гильдией «профессиональных» экономистов (и с которыми С. Ф. Шарапов вел бескомпромиссную борьбу), в одночасье канул в лету.

На смену золотым деньгам пришли бумажные деньги. «Профессиональные» экономисты тут же бросились разрабатывать различные «теории», доказывающие «объективную неизбежность» замены товарных (металлических) денег деньгами бумажными. Чтобы показать свою «ученость», стали называть бумажные деньги разными мудреными словами: «фиатные», «фидуциарные» и т. п. А золото как монетарный металл стали топтать ногами, неожиданно вспомнив слова *Дж. Кейнса* о том, что «золото – пережиток варварства». Казалось бы, пришло время торжества идей С. Ф. Шарапова.

Однако никаких облегчений бумажные деньги человечеству не принесли. Более того, после окончательного краха золотого стандарта мир стал семимильными шагами двигаться к глобальной катастрофе – экономической, социальной, экологической, военно-политической. Многие исследователи совершенно справедливо обращают внимание, что мир вошел в состояние

перманентной «турбулентности» и «волатильности» (неустойчивости) после того, как был снят «золотой тормоз» с «печатного станка» Федеральной резервной системы США. Именно после окончательной ликвидации золотого стандарта идеология экономического либерализма и глобализма расцвела пышным цветом. Началось бурное развитие финансовых рынков, появились циклопические «финансовые пузыри», во многих странах мира стали проводиться массовые приватизации предприятий государственного сектора экономики, произошли «революции цен» на рынках нефти и других биржевых товаров, мировая экономика стала уходить в оффшоры и вообще в «тень», государство перестало толком выполнять функции регулятора экономики, была проведена всеобщая валютная либерализация (что позволило иностранному капиталу беспрепятственно блуждать по всем уголкам планеты в поисках добычи), все страны дружно вступили в ВТО и ликвидировали таможенные барьеры и т. д. и т. п. Крах Бреттон-Вудской системы и современный глобальный кризис – интереснейшая тема, но она выходит за рамки нашего нынешнего разговора¹.

Да и в сегодняшней России мы пользуемся бумажным рублем, но при этом скорее не живем, а выживаем. Порой денег в стране не хватает, и отечественные предприятия переходят на бартер и всякие другие экзотические способы расчетов; кредиты дорогие; нехватка денежной ликвидности сплошь и рядом ведет к банкротствам, имеет место инфляция, безработица, бедность подавляющей части населения и т. п. Все это

¹ Для интересующихся читателей могу порекомендовать мою книгу «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном». Кн. 1.; особое внимание советую обратить на гл. 17. «Денежная революция»: введение и отмена золотого стандарта, а также на гл. 19. Всеобщая либерализация как способ формирования спроса на деньги.

действительно заставляет поставить вопрос: «Может быть, С. Ф. Шарапов где-то ошибался в своих проектах введения бумажных денег?».

Деньги стали бумажными и электронными, но не абсолютными

Нет, не ошибался. Дело в том, что главным признаком денег Шарапова является не то, что они – бумажные, а то, что они – *абсолютные*. Более того, сегодня при правильной постановке денежного дела в стране большая часть денег может иметь не бумажную, а *электронную форму*. Просто во времена С. Ф. Шарапова таких технических возможностей в мире и России еще не было. Говоря о бумажных деньгах, Шарапов имел в виду, прежде всего, что общество пользуется не товарными деньгами, а *денежными знаками*, которые никакой внутренней стоимости не имеют. Современные деньги – знаки, причем в западных странах 90% этих денежных знаков приходится на безналичные деньги (электронные), а 10% – наличные (бумажные). В современной России пропорция несколько иная: примерно 70% безналичных денег и 30% наличных.

Впрочем, до понимания того, что деньги давно уже перестали быть товаром, а стали лишь неким знаком, сегодня «дозрели» и многие представители западной экономической мысли. Кстати, и забавно, и прискорбно, что у нас в учебниках по экономике авторы по-прежнему студентам предлагают «прошлогодний снег», говоря, что деньги – это особый товар (неис требимый рудимент марксистской политической экономии). В современной глобальной экономике деньги давно уже превратились в знак денег, который обслу-

живает астрономические обороты финансовых рынков; на товарных рынках обращается очень небольшая часть всей денежной массы. Таким образом, современные деньги не только давно утратили свой товарный характер, но даже перестали исполнять роль «представителя мира товаров».

В проекте Шарапова деньги – средство, с помощью которого государство «оплодотворяет» труд, т. е. мобилизует творческий потенциал народа, способствуя в конечном счете его нравственно-духовному сохранению и совершенствованию. В то же время современные деньги – средство, с помощью которого, в первую очередь, ведутся азартные игры на финансовых рынках и которое пробуждает самые низменные инстинкты в человеке, превращает его в зверя.

У Шарапова его деньги *абсолютны* потому, что их покупательная способность не зависит от превратностей различных рынков. Товарные (в том числе золотые) деньги не являются эталоном, потому что они – товар, на рынке которого спрос и предложение зависит от тысячи факторов, и которые беспрерывно меняются. При этом биржевые спекулянты могут сознательно вносить нужный им хаос на рынках денежных товаров. Вот что в связи с этим писал о золотых деньгах в своем труде «Бумажный рубль (Его теория и практика)» С. Шарапов: «Золото...постоянной единицей (денежной. – В. К.) быть не может, ибо его собственная ценность беспрерывно колеблется 1) вследствие изменяющегося его количества в мире не пропорционально изменениям в промышленности, в торговых оборотах; 2) вследствие различных международно-торговых комбинаций. В одной стране, выгодно торгующей (Франция, Америка), золото может скапливаться и обесцениваться, в другой (Россия, Австрия) – дорожать.

Во Франции может быть лаж на банковые билеты, в России – на золото»¹.

Современные деньги – бумажные и электронные, но не абсолютные – становятся также игрушкой в руках спекулянтов, только игра ведется уже не на рынках денежных товаров, а на финансовых рынках, где обращаются «бумажные фантики» разных стран (или даже не «фантики», а их электронные «тени»).

Итак, перенесем свое внимание с формы денег Шарапова (бумажная форма) на их экономическую сущность (абсолютный характер). Я заметил, что сущность абсолютных денег быстрее схватывают люди, не «отягощенные» специальными экономическими знаниями. А вот «профессиональные» экономисты (или те, кто учится на «профессионального» экономиста) задают мне одни и те же вопросы: «Какова внутренняя стоимость абсолютных денег?», «Как определяется стоимостной эквивалент абсолютных денег?», «Как рассчитывается количество абсолютных денег, необходимых для обслуживания экономики?», «Можно ли считать, что стоимость единицы абсолютных денег равна стоимости всего общественного богатства страны, поделенного на количество обращающихся в экономике денежных единиц?» и т. п. На самом деле, в вопросах подобного рода заложена инерционность мышления людей, которых

¹ Здесь и далее (если специально не оговорено) цитирование осуществляется по последней публикации работ Шарапова: *Шарапов С. Ф.* Россия будущего. Данная книга представляет собой наиболее полное собрание сочинений С. Шарапова за последние сто с лишним лет. В книгу вошли, в частности, следующие работы: «Самодержавие и самоуправление» (1888), «Бумажный рубль (Его теория и практика)» (1895), «Иностранные капиталы и наша финансовая политика» (1899), «Финансовое возрождение России» (1908), «Марксизм и русская экономическая мысль» (1899), «Социализм как религия ненависти» (1907), «Еврейский вопрос» (1899), «Диктатор (Политическая фантазия)» (1907) и ряд других.

приучили к тому, что деньги – товар (или, в крайнем случае, деньги – знак, представляющий товар). Подобного рода мышление основано на подсознательном восприятии денег не только и не столько как средства обращения и платежа (по Марксу – вторая и третья экономические функции денег), а как средства накопления (четвертая экономическая функция). Последнюю из названных функций денег обществу навязали ростовщики, которым надо было, чтобы деньги превратились в капитал (капитал – накапливаемые деньги, которые «самовозрастают» за счет ссудного процента)¹. Именно это событие в мире денег (по сути – «денежная революция») затруднило выполнение деньгами своей основной функции – средства обращения и платежа. А положение о том, что деньги – капитал, а капитал – преимущественно деньги стало краеугольным в учебниках по экономике. Для «правоверных» (т. е. «профессиональных») «экономистов» это – непререкаемый «символ веры» современной «религии денег».

Бумажные деньги, золото и «закон грабель»

После окончательного краха золотого стандарта мир уже 40 лет живет с бумажными деньгами. Сооружены (и еще по инерции продолжают сооружаться) гигантские вавилонские финансовые башни, строительный материал – бумажные и электронные денежные знаки (которые утратили всякую связь не только с золотом, но и с миром товаров). Некоторые из этих

¹ См.: Катасонов В. Ю. Гл. 3. Денежная система капитализма // О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 1.

финансовых башен уже обвалились, другие качаются и в любой момент могут рухнуть. Хотя башни виртуальные, однако их крах будет иметь вполне ощутимые материальные последствия, под развалинами этих виртуальных башен человечество может даже погибнуть. Все это называется мало что значащим для современного человека словосочетанием «финансовый кризис»¹.

Сегодня на повестке дня вопрос о перестройке мировой финансовой системы и тех денежных систем, которые мы еще по инерции называем «национальными» (я имею в виду условность термина «национальная денежная система» в условиях глобализации конца XX – начала XXI века). Переход к альтернативной финансовой системе может осуществиться как в «плановом» порядке, так и стихийно, через серьезные катаклизмы и войны. Не буду перечислять все возможные варианты той финансовой системы, в которой человечество может оказаться завтра. Отмечу лишь, что один из вариантов – возвращение к золотому стандарту в том или ином виде. Еще несколько лет назад такой вариант казался безумным, все «профессиональные экономисты» хором говорили о том, что «дважды в одну реку войти нельзя», что «демонетизация золота – объективный и необратимый процесс» и т. п. Сегодня настроения в корпорации «профессиональных экономистов» изменились: многие стали говорить, что в разбушевавшейся экономической стихии (правильнее сказать – стихии человеческих страстей и безумия) кораблю под названием «финансовая система» нужен якорь. А лучше «золотого якоря» человечество ничего не придумало. Даже нынешний пенсионер *А. Гринспен*, долгое время заведовавший «печат-

¹ Следует иметь в виду, что слово «кризис» – греческое, буквальный перевод его означает «суд Божий». Термин «финансовый кризис» можно понимать как суд Божий над человечеством за безумную и дерзкую деятельность по сооружению вавилонских финансовых башен.

ным станком» ФРС США, неожиданно стал активным поборником «желтого металла» (таковым он был еще в 1960-е гг. до своего прихода в ФРС¹). Вторя «тяжеловесам» западного финансового мира, и наши «доморощенные» «профессиональные экономисты» и примкнувшие к ним политики начинают формирование общественного мнения в пользу введения в стране золотого стандарта², или даже наднациональной золотой валюты³.

Возникает интересный вопрос: чем обусловлена такая трогательная ностальгия по золоту? – По крайней мере, двумя причинами.

Во-первых, тем, что в мире количество поклонников золота по сравнению с временами «золотого стандарта» не убавилось, а скорее выросло. Не так давно одному из *Ротшильдов* был задан вопрос: как долго этот финансовый клан собирается еще делать бизнес на золоте? Ответ Ротшильда был следующий: Золото – для идолопоклонников, а не для нас. Пока есть идолопоклонники, а они важнее золота, нашему делу ничто не угрожает⁴.

Во-вторых, желанием королей биржи и мировых ростовщиков еще раз сыграть в «золотую рулетку» и их расчетом на то, что нынешнее поколение живущих на планете людей напрочь забыло (или даже не знает)

¹ Речь идет о работе А. Гринспена «Золото и экономическая свобода» (1966г.).

² См., например: *Юрьев М.* Реальность золотого стандарта // Профиль. – 2008. В 2011 г. Либертианская партия России начала сбор подписей с требованием восстановления в стране золотого стандарта.

³ Например, в начале 2009 г. помощник Президента РФ по экономическим вопросам *А. Дворкович* высказался в пользу замены доллара США как резервной валюты новой наднациональной валютой, которая бы выпускалась Международным валютным фондом. Эта валютная единица, по мнению Дворковича, должна быть «привязана» к «корзине товаров», в которую бы входило также золото.

⁴ *Стуруа М.* Ловкий маневр дома Ротшильдов // Известия. – 2003. – 15 июля.

о «золотой рулетке» XIX–XX веков – той «золотой рулетке», с помощью которой предки нынешних королей биржи и мировых ростовщиков обобрали человечество, поставили целые народы в положение своих вассалов и даже рабов, развязали мировые войны. Заставили тогда играть в «золотую рулетку» и Россию (благодаря немалым усилиям тогдашнего министра финансов С. Ю. Витте). Закончилась вся эта игра для России плачевно: Русско-японской войной 1904–1905 гг., «русской» революцией 1905–1907 гг., Манифестом 17 октября 1905 г. и опереточным парламентом под названием «Государственная Дума», втягиванием страны в Первую мировую войну, событиями 1917 г. (февральская и октябрьская революции) и т. д.

После революции 1917 г. известный русский монархист *Н. Е. Марков* писал: «Своего золота у России нет, а потому на золоте нельзя строить русскую денежную систему. Три четверти мирового золота принадлежит международному капиталу, и потому, когда международный капитал строит свою систему на золоте, он поступает сознательно, ибо для международного капитала золото есть вполне реальное основание. На золотой валюте воздвигается вавилонская башня иудейского владычества над человечеством»¹. За прошедшее время мало что изменилось: Россия, хотя и является золотодобывающей страной, своего золота почти не имеет (оно уходит за границу). А львиная доля всего золота по-прежнему принадлежит международному капиталу. Почему бы международному капиталу не возобновить строительство «вавилонской башни иудейского владычества над человечеством»?

Мне неоднократно уже приходилось говорить о том, что экономика – не наука, поскольку в ней нет уни-

¹ *Марков Н. Е.* Указ. соч. – С. 421.

версальных законов. Но я, пожалуй, отойду от столь жесткой позиции и признаю, что в экономике есть один универсальный закон: «закон грабля». Короли биржи и мировые ростовщики периодически подсовывают обществу одни и те же «грабли», и оно на них наступает. Вот и сегодня мы видим: мировые олигархи достали из своего чулана «золотые грабли» и пытаются вновь подсунуть их человечеству. У России есть несколько больше шансов, чем у других народов, избежать удара по лбу «золотыми граблями».

Во-первых, как писал Шарапов, у нее больше опыта жизни с бумажными деньгами, которые по своим качествам нередко приближались к абсолютным деньгам. К этому можно прибавить еще советский период нашей истории, когда денежные знаки также имели некоторые свойства абсолютных денег.

Во-вторых, потому, что Шарапов оставил нам подробный анализ золотых денег и показал, что денежная система, базирующаяся на желтом металле, – самый плохой вариант для России.

О денежных идолах и христианских деньгах

Противостоя С. Витте с его проектом золотого рубля, Шарапов писал в «Бумажном рубле»: «Зачем добиваться и искать того, чтобы золото, переставшее быть у нас деньгами и ставшее ценным товаром и *деньгами только международными*, вновь овладело нашей финансовой системой?... Золото – отжившая *рабская и языческая* форма денег. Рабская потому, что приводит, естественно, к господству капитала над трудом, еврея над христианином, биржи над церковью. Языческая по-

тому, что золото—деньги исключают *нравственную роль государства*. России предстоит с болью, с жертвами, недоразумениями и ошибками, конечно, выработать систему *христианских денег*, т. е. таких, при которых денежный знак является, безусловно, послушным орудием в руках *христианского государства*, а мы, словно евреи вокруг золотого тельца, пляшем и рыдаем, что история разрушает нашего божка...».

Удивительно точные и яркие слова, раскрывающие одновременно и социальную, и духовную сущность золотых денег! Шарапов показывает, что золотые деньги – инструмент господства:

- капитала над трудом;
- биржи над Церковью;
- еврея над христианином.

Приняв в конце XIX века золотой стандарт, русские люди, «словно евреи», вынуждены были плясать вокруг золотого тельца. Как мы помним из Писания, пляски евреев вокруг золотого тельца им обошлись дорого: по приказу Моисея было убито около трех тысяч идолопоклонников. Русскому народу пляски вокруг золотого тельца обошлись в несколько миллионов жизней (потери в Первой мировой войне, революции и гражданской войне).

В романе Шарапова «Кабинет диктатора» (продолжение романа «Диктатор») фигурирует герой – *Афанасий Васильевич Васильев* (это реальный человек, который занимал довольно высокие посты в системе государственного контроля Российской Империи). Этот Васильев был категорически настроен против золотых денег и прямо говорил: «Золотая валюта есть дело антихристово и носит даже звериное число». Шарапов разъясняет смысл этих слов в сноске: «1 рубль кредитный был приравнен к 66,6 коп. золотом». А как известно,

число 666 считается, согласно Апокалипсису Иоанна Богослова, числом Зверя, или антихриста.

Уже 20 лет русский народ поклоняется «зеленому тельцу» – доллару, который пришел на смену тельцу золотому. Поклонение ему проявляется в том, что вся денежная система РФ зиждется на так называемых международных резервах, состоящих из «зеленой бумаги», производимой Федеральным резервом¹. Оккультно-масонская символика долларовой банкноты не оставляет никаких сомнений не только в языческом, но и откровенно антихристианском смысле этого идола. Бог такие «пляски» безнаказанными оставить не может. Расплата для русского народа может оказаться еще более серьезной, чем в начале XX века.

Возможное возвращение от доллара к золоту для русского народа ничего принципиально не меняет: речь идет лишь о смене идолов, одинаково чуждых и враждебных Христианству, одинаково порабащающих русский народ, одинаково угрожающих России революциями и войнами.

Шарапов был первым (и, пожалуй, до сих пор единственным) мыслителем, который сформулировал важный принцип: *христианский народ не должен пользоваться деньгами, чуждыми христианству (в то время – золото); у русского народа как истинно христианского должны быть свои христианские деньги.*

Сущность христианских денег Шарапов раскрывает через их противопоставление реально существующим деньгам, которые, по сути, можно назвать языческими и даже антихристианскими: «Деньги – золото, деньги – власть, деньги – темная сила и орудие рабства

¹ То, что часть международных резервов РФ состоит из валюты под названием «евро» – ничего не меняет, поскольку «евро» – проект хозяев Федерального резерва и является (при ближайшем рассмотрении) производным от доллара.

слабого у сильного обращаются (в православной цивилизации. – В. К.) в бумажку, в беспритязательного объективного счетчика, в орудие христианской помощи народному труду, предприимчивости и сбережению». Фактически здесь Шарапов еще раз повторяет ту простую истину, что в обществе христианской справедливости деньгами должны на равных, «паритетных» условиях обеспечиваться все три основные категории участников хозяйственного процесса:

- а) трудящиеся, участвующие в процессе своим живым трудом;
- б) предприниматели (носители знания);
- в) владельцы материальных средств производства, воплощающих прошлый труд (те, кто сберегает прошлый труд).

Продолжая мысли Шарапова о деньгах, рискну сформулировать собственную мысль: русский народ получил золотые деньги в наказание за отход от Христианства и Церкви. Нынешний русский народ должен осознать события в денежно-кредитной и финансовой сфере дореволюционной России с духовно-религиозной, а не с чисто финансово-технической точки зрения.

Итак, христианские деньги – не просто бумажные деньги, поскольку сегодня в мире все деньги представляют собой знаки (бумажные или электронные), а мир уже полностью отошел от Христа и даже становится агрессивно-антихристианским. Это не просто абсолютные деньги, поскольку таковые были, как пишет Шарапов, и в некоторых других странах и у других народов (например, в Америке до введения там золотого стандарта). Это абсолютные деньги, которые, по мнению С. Шарапова, характеризуются следующими особенностями:

- 1) их выпуск осуществляет самодержавное государство, которому народ безгранично доверяет;

2) главная их функция – не экономическая, а духовная: совершенствование человеческой личности в соответствии с христианскими идеалами;

3) приоритетная социально-экономическая функция таких денег – полное раскрытие трудового потенциала человека («помощь народному труду»), реализация его творческих способностей («предприимчивости»), превращение труда из обременительной обязанности в жизненную потребность;

4) «традиционные» экономические функции денег (мера стоимости, средство обращения и платежа) сохраняются, но занимают подчиненное место по отношению к главной социально-экономической функции; «традиционная» (для капиталистического общества) экономическая функция денег как средства накопления и образования сокровищ полностью исчезает;

5) практическое использование таких денег возможно в обществе с достаточно высоким уровнем духовно-религиозного сознания общества (в противном случае искусственное насаждение христианских денег неизбежно закончится их «мутацией» в иные формы денег).

Даже во времена Шарапова реализация проекта христианских денег была достаточно проблематична. Шарапов это осознавал, поэтому почти не использовал понятие «христианские деньги», а говорил лишь о деньгах абсолютных. Сегодня в условиях нашего всеобщего духовного нездоровья и оскудения ставить на повестку дня вопрос о переходе страны на христианские деньги тем более преждевременно и неразумно. Но как бы глубоко мы ни пали, нам всегда надо иметь «маяки», которые будут помогать нашему возрождению. В том числе нужен нам христианский идеал экономики и христианский идеал денег. С. Шарапов внес немалый вклад в их разработку.

ГЛАВА 10. С. ШАРАПОВ: КОНТУРЫ РУССКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

С. Шарапов о капитале и капитализме

Значительную часть своего труда «Бумажный рубль (Его теория и практика)» Шарапов посвятил раскрытию такого понятия, как капитал. Он делит его на две основные категории:

- а) «действительный», или «реальный»;
- б) «мнимый».

Шарапов писал: «Политическая экономия определяет капитал как концентрированный прошлый труд, являющийся орудием новому труду. Недостаток денежных знаков, возвышая плату за наем капитала, отделяет, отрезывает его от труда будущего, обесценивает, парализует этот труд, отдает его в кабалу и ставит элементы праздные в положение, господствующее в стране, элементы трудовые – в рабство им». Между прочим, очень интересное замечание. Марксизм констатирует, что любой капитал выступает в качестве эксплуатации наемного работника, превращая его в раба собственника капитала (капиталиста). С. Шарапов отмечает, что капитал как «концентрированный прошлый труд» становится орудием такой эксплуатации «нового труда» лишь при «недостатке денежных знаков», «возвышая плату за наем капитала». Указанную мысль можно сформулировать еще более определенно: *капитализм, понимаемый как система эксплуатации живого (настоящего, нового) труда владельцами капитала (прошлого труда) может существовать лишь при*

условии недостатка денег в экономике. Таким образом, опираясь на определение капитала, данное С. Шараповым, можно заключить: *решающая роль в обеспечении существования капитализма принадлежит денежным капиталистам (ростовщикам), которые, захватив в свои руки контроль над эмиссией и обращением денег в обществе, создают искусственный дефицит денег.* В определении капитала, приведенном выше, речь идет о «действительном» капитале. Шарапов неоднократно отмечал, что «действительный» капитал имеет две формы: а) натурально-вещественную (физическую, товарную); б) денежную.

Первая из них – орудия труда, запасы добытого сырья и топлива, здания и сооружения, продовольствие и потребительские товары и т. п. Вторая – деньги, стоимостной объем которых отражает стоимостной объем физического капитала. Итак, количество денег соответствует размерам накопленного обществом физического капитала, но при этом оно может не соответствовать (и фактически не соответствует) потребностям общества. Прежде всего, их может оказаться недостаточно для того, чтобы задействовать весь трудовой потенциал общества. Недостаток денег ведет к безработице, а также недооценке труда работающих. *В обществе, называемом «капиталистическим», количество денег в обращении лимитируется размерами «настоящего» физического капитала, и это сдерживает социальное и экономическое развитие такого общества.*

По мнению Шарапова, в обществе не должен доминировать ни капитал (господство капитала – *капитализм*), ни труд (господство труда – *социализм*). Должно быть равновесие, обеспечивающее *справедливый обмен* между капиталом и трудом; *равновесие* это в конце XIX века было нарушено, по мнению Шарапова, биржей

(а также банкирами-ростовщиками – добавлю от себя). Соответственно, равновесие может быть восстановлено путем отнятия власти у биржи и возвращения ее государству: «Исключив из общественной жизни, посредством изъятия из обращения процентных бумаг, биржу с ее игрой, государство тем самым раз навсегда лишает капитал экономического, политического и всякого иного преобладания, распускает армию рантьеров, развенчивает биржевых князей и царей и ставит свободный капитал лицом к лицу со свободным трудом, предоставляя им при посредстве государственных финансовых учреждений (или помимо их) вступать в любовные сделки и *равноправно обмениваться* услугами, добросовестно вознаграждая третий экономический элемент – знание, служащее им оплодотворяющей силой. *Капитализму, т. е. господству капитала, здесь нет места, а потому нет места и его антитезе – социализму*».

В приведенной цитате Шарапов повторяет ранее высказанную мысль, что *факторами (элементами) производства являются труд, капитал и знание*. Последний элемент обеспечивает оплодотворение труда капиталом, и это дает знанию право на получение своей доли в продукте производства. К знанию, если судить по контексту, Шарапов относит и *предпринимательство*. Он разводит понятие «предприниматель» (носитель знания) и «капиталист» (владелец капитала). Конечно, в реальной жизни в одном лице может совмещаться предприниматель и капиталист. В условиях господства биржи капиталисты превращаются в рантьеров (получателей ренты, процента) и теряют окончательно качества предпринимателей¹.

¹ К. Маркс также разделяет капиталистов на предпринимателей и получателей ренты. Первых он называет капиталом-функцией, вторых – капиталом-собственностью. Классик признает, что в раннем капитализме капитал-функция и капитал-собственность совмещаются в одном человеке, в «зрелом» капитализме начинается их разделение.

Мы не будем сейчас подробно рассматривать взгляды Шарапова на *социализм*. Шарапов наряду с капитализмом также непримиримо критиковал социализм, имея в виду его *марксистскую разновидность*, которая в то время захватила умы и души русской интеллигенции. Отметим лишь, что Шарапов его оценивал как вульгарный материализм. Иногда он даже квалифицировал его как «религию ненависти»¹. Мы сейчас обратим внимание лишь на один частный, экономический момент его критики: социализм – господство труда, труда настоящего, живого. Этот труд подавляет труд прошлый, называемый капиталом. Опять происходит нарушение равновесия между факторами производства. Как говорится, «хрен редьки не слаще». Ни парламентско-биржевое государство, ни государство диктатуры пролетариата экономической и социальной гармонии обеспечить не может. Это может сделать, по мнению Шарапова, только самодержавное государство, опирающееся на самоуправление православного народа. И условием, и проявлением указанной гармонии являются абсолютные деньги.

Шарапов в работе «Бумажный рубль...» неоднократно проецировал свои общие мысли о капитале и капитализме на Россию. Он в частности подчеркивал:

а) Россия, начиная с Александра II, встала на *путь капиталистического развития*, и главным признаком и условием такого движения было искусственное создание дефицита денег в обращении;

б) благодаря «русскому финансовому ведомству за последнюю четверть века вместо старого добродушного

¹ Критика С. Шараповым марксистского социализма содержится в следующих его работах: «Марксизм и русская экономическая мысль (речь в собрании экономистов, произнесенная 5 февраля 1899 г.)», «Социализм как религия ненависти» (1907 г.), «Еврейский вопрос» (1899 г.). Все эти работы вошли в собрание сочинений С. Ф. Шарапова «Россия будущего».

крепостного права юридического создано новое, в тысячу раз тягчайшее – крепостное право экономическое».

В разных своих произведениях С. Шарапов прямо выражал свое неприятие капиталистического пути развития России, объясняя, что такой путь неизбежно закончится катастрофой для страны. Он предлагал России иной путь. Для этого он сумел по-новому взглянуть на капитал и предложил использовать его в созидательных целях.

Государственный сектор экономики и государственная казна

Шарапов особо акцентирует внимание на том, что предприятия государственного сектора должны обеспечивать хороший доход в казну государства и перечисляет условия, которые позволят такой доход обеспечить: «Доход, который должно давать государству это ведомство, находится в тесной зависимости от постановки в нем дела и приемов контроля и управления, т. к. предполагается, что государственные предприятия по существу своему могут быть лишь абсолютно верными, не допускающими никаких сомнений. Даже те новые отрасли, в которых государство выступит как бы первым номером, действуя более в интересах народного хозяйства, чем фиска, должны исключать всякую возможность ошибки или убытка. Достичь этого возможно только при соблюдении условий: 1) самостоятельности ведомства, 2) широкой гласности и 3) правильного контроля»¹.

Здесь хотелось бы прокомментировать приведенный отрывок. Пожалуй, в первый раз я позволю себе не согласиться с Шараповым.

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 219.

Во-первых, вряд ли целесообразно возлагать функцию управления государственными предприятиями на министерство. Особенно, если от предприятий ожидается получение дохода. Опыт многих стран (в том числе нашей страны) показывает, что хозяйственно-коммерческие функции плохо уживаются с обычными функциями министерств и государственных ведомств (планирование, контроль, разработка нормативных документов для подведомственных организаций, распределение бюджетных средств и т. п.). Можно возразить, что в СССР управление предприятиями осуществляли самые разнообразные отраслевые министерства (их было много – только на союзном уровне десятка три; а еще бесчисленное количество республиканских министерств). Но в советской экономике прибыль долгое время не ставилась во главу угла государственных предприятий, что делало возможным и допустимым «министерский» способ управления государственными предприятиями.

Так было, по крайней мере, до так называемой «косыгинской» реформы, которая началась с середины 1960-х гг. Напомню, что тогда предприятия стали переводить на хозрасчет, а в показателях их работы на одно из первых мест стала выдвигаться прибыль. Но тогда для управления предприятиями в новых экономических условиях (чтобы не перегружать министерства) стали создаваться специальные организации – производственные объединения, научно-производственные объединения, строительные тресты и т. п. (хотя, следует признать, министерства и после этого продолжали в той или иной форме управлять низовыми производственными единицами). В странах с так называемой «рыночной» экономикой непосредственное управление государственными предприятиями обычно воз-

лагается на специальные организации типа государственных агентств или корпораций. И в этом есть большой резон.

Во-вторых, есть сомнение в том, что все предприятия государственного сектора экономики следует ориентировать на получение прибыли. Шарапов называет целый ряд государственных монополий: винную, элеваторную, табачную, нефтяную. Да, безусловно, в этих отраслях может быть высокая рентабельность. Как от прямого, так и косвенного участия в деле (прямое – через учреждение государственных предприятий; косвенное – через выдачу концессий частным компаниям) государство должно получать большой доход. Но есть еще другие отрасли, которые мы сегодня относим к *экономической инфраструктуре* (Шарапов называет некоторые из них: водный и железнодорожный транспорт, почта, телеграф, телефон), без которых страна не может обходиться. Это могут быть достаточно капиталоемкие отрасли с низкой рентабельностью или даже «затратные». Нельзя так же подходить с мерками рентабельности к *предприятиям военной промышленности*. Учитывая, что Россия – крупнейшая в мире по территории страна, что эта территория раскинулась на многих часовых поясах, что половина территории относится к так называемым «Северам», а также, учитывая многие другие особенности нашей страны, следует признать: от всех предприятий государственного сектора нельзя требовать, чтобы они давали максимальную прибыль. Это просто опасно для безопасности России.

Опыт существования СССР показывает, что к разным отраслям и производствам, к предприятиям, находящимся в разных природно-географических условиях, государство подходило с разными мерками. Упомянутая выше хозяйственная реформа А. Косыгина нацелила

большую часть предприятий на максимизацию прибыли, что сыграло крайне негативную роль в дальнейшем развитии нашей страны. Впрочем, это тема, далеко выходящая за рамки данной работы.

Подытоживая учение С. Шарапова о государственном хозяйстве, следует еще раз повторить:

а) он достаточно смело поставил вопрос о резком расширении рамок хозяйственной деятельности государства, что расходилось как с теорией, так и практикой того времени (государству в основном отводилась роль «ночного сторожа»);

б) он заблуждался в том, что государство должно стремиться к максимальной доходности предприятий, образующих государственное хозяйство.

Впрочем, заблуждений не избежали и большевики, которые поначалу бросались из одной крайности в другую. На самых первых порах они пытались строить вообще безденежную экономику, в которой по определению не было места прибыли («военный коммунизм»). Экономика разваливалась на глазах. В 1921–1922 гг. они стали переводить крупные государственные предприятия и тресты на полный хозяйственный расчет. Также не получилось. И лишь постепенно, методом проб и ошибок стали проводить дифференциацию предприятий. Для предприятий разных отраслей или однотипных, находившихся в разных природных условиях, определяли индивидуальный плановый уровень рентабельности и абсолютную величину прибыли. Одновременно целые отрасли и производства переводили в разряд «планово убыточных». Через государственный бюджет и государственную кредитную систему происходило перераспределение национального дохода с учетом текущих и долгосрочных задач социально-экономического развития страны.

О «разделении труда» между государственным и частным капиталом

Самодержавное государство, начинающее оперировать «мнимыми» капиталами, не уничтожает частный капитал, а лишь уничтожает монополию последнего. Далее государственный и частный капиталы сосуществуют, между ними образуется достаточно ясное «разделение труда». Государственный капитал существует как в форме «мнимого», так и «реального» капитала; частный капитал – только в форме «реального». В «Бумажном рубле» для лучшего понимания различий в сферах применения государственного и частного капиталов С. Шарапов приводит три примера. «Ничто не помешает тем же инженерам воспользоваться услугами не мнимого, а настоящего, реального частного капитала и войти с ним в добровольную сделку. Разница будет лишь в том, что частный капитал более склонен бояться риска, ибо у его владельца нет охоты лично ехать в Мурман (третий пример, приводимый Шараповым, – разработка серебряно-свинцового месторождения на берегу моря в районе Мурманска. – В. К.) и нет тех средств контроля, какими располагает государство. Кроме того, мнимый капитал удовольствуется гораздо меньшим, ибо ему важно не столько размер дохода, сколько пробуждение спавшего народного труда и дальнейшая народная польза от дела. Таким образом, мнимые капиталы, пускаемые в оборот государством, и реальные, т. е. частные, капиталы будут работать параллельно, не мешая друг другу, и в этом именно и будет заключаться здравая и справедливая экономическая политика. Они не будут мешать друг другу, ибо их цели совершенно различны. Государству важно оживить и улучшить народный труд и создать новое имущество, которое может давать доход хотя бы в отдаленном будущем:

государству есть время ждать. Частному капиталу важно заработать *немедленно*, т. е. получить больше, чем ему платят на вкладе... Элеваторы, порты, железные дороги, первые (в каком-либо деле) фабрики будут строиться на мнимые капиталы, т. е. или прямо государством, или при поощрении со стороны государства, подгородные конки, подъездные пути, сельское хозяйство, фабрики, заводы, мастерские будут оборачивать капиталы реальные».

Итак, «разделение труда» между частными и государственными капиталами очень простое: по критерию риска и нормы прибыли (а также срок окупаемости). На деле это означает, что «нишей» для государственных капиталов будут в первую очередь инфраструктурные проекты, а также капиталоемкие промышленные проекты с длительным сроком реализации и столь же длительным сроком окупаемости (добыча полезных ископаемых, металлургия, машиностроение, химия и т. п.).

Та модель экономики, которую нарисовал С. Ф. Шарапов, имеет некоторое сходство с моделью «смешанной» экономики, которая была теоретически обоснована западными экономистами после Второй мировой войны. Модель «смешанной» экономики была практически воплощена в ряде стран Западной Европы – Франции, Италии, Швеции, Норвегии и ряде других. Действительно, в учебниках по экономике и экономической истории приводятся цифры, которые показывают, что в 60-е и 70-е гг. прошлого столетия в ряде западноевропейских стран на государственный сектор приходилось до половины промышленного производства, часть сельскохозяйственного, в нем были сосредоточены предприятия экономической инфраструктуры (транспорт, связь, коммунальные услуги и др.). Вместе с тем европейская «смешанная» экономика прошлого столетия не идентична модели Шарапова. Ведь ключевые позиции в финансово-банковском секторе оста-

вались за частным капиталом в лице «королей биржи» и ростовщиков; поэтому они продолжали эффективно контролировать политическую власть, прикрывавшуюся фиговым листочком «парламентаризма». Перевод убыточных и малорентабельных предприятий из частного в государственный сектор был выгоден этим «королям биржи» и ростовщикам: эти предприятия поддерживались «на плаву» благодаря бюджетной поддержке государства. В конце прошлого века на смену теориям «смешанной» экономики пришли другие теории, которые были замешаны на крайнем либерализме. Началась приватизация государственных предприятий, и о «смешанной» экономике сегодня в Европе уже никто не вспоминает.

Достаточно посмотреть на сегодняшнюю Россию (РФ), чтобы понять ту простую истину, что на одном частном капитале далеко не уедешь. Российская экономика по определению является капиталоемкой (таковы, прежде всего, природно-географические условия нашего существования), и для ее развития необходимо участие государства в виде масштабных инвестиций. Так оно и было во времена СССР. Фактически промышленное и инфраструктурное строительство в советское время осуществлялось за счет «мнимых» капиталов, которые направлялись в экономику по линии Госбанка и Промстройбанка. Наше сегодняшнее руководство страны, находящееся под гипнозом западных либеральных экономических теорий, ждет «чудес» от рынка, который «сам все сделает». Свободный рынок способен лишь на то, чтобы «родить» инвестиции в форме «реального» частного капитала. А такой капитал алчен и одновременно пуглив; в лучшем случае он может быть вложен в пополнение оборотного капитала (торговля, сфера услуг) или строительство торговых центров и офисов.

Впрочем, и во времена Шарапова в России также господствовали западные либеральные теории и ожида-

ния «чудес» от рынка. Тогдашнее правительство почти не пользовалось инструментом «мнимых» капиталов», предпочитая прибегать к помощи иностранных инвесторов.

О государственной монополии

В целом позиция Шарапова очевидна и понятна: он сторонник укрепления позиций государства в экономике, но при этом против экстремизма, который несколько позднее продемонстрировали революционеры и большевики («экспроприация экспроприаторов» в виде конфискации или национализации частных предприятий). Укрепление позиций государства предполагалось эволюционным путем с помощью использования государством «мнимых капиталов».

Тем не менее, в ряде отраслей экономики Шарапов сразу же предлагал установить государственную монополию. Государственная монополия не является изобретением большевиков, она существовала в истории человечества на протяжении многих веков, а, может быть, и тысячелетий; существует она и сегодня¹. Государствен-

¹ Вот как определяется государственная монополия в современных словарях и учебниках: «Монополия государства на производство и реализацию товаров массового потребления (табак, соль и т. п.). Она может быть полной, если государство монополизирует и производство, и реализацию какого-либо товара, или частичной, если монополизировано только производство или только реализация. Применяется не во всех государствах (например, ее нет в Великобритании). Существует в Италии (на табак, спички, пиво, спирт), Японии (соль, табак, спирт, опиум), ФРГ (вино) и ряде других стран» //Энциклопедический словарь экономики и права (Интернет).

Конечно, современное определение является крайне зауженным, опирающимся на постулаты экономического либерализма. В XX веке в социалистических странах существовала государственная монополия на большую часть экономической деятельности. В годы Второй мировой войны и в западных странах устанавливалась государственная монополия на производство оружия и стратегически важных материалов.

ная монополия может означать, что государство само занимается какой-то хозяйственной деятельностью. А может она выступать и в форме так называемых концессий: государство, имея исключительные права на занятие той или иной деятельностью, передает это право на определенных условиях частным лицам (физическим или юридическим). Условия включают, прежде всего, уплачиваемую государству-монополисту денежную сумму (единожды или регулярно) и сроки действия разрешения на хозяйственную деятельность.

В той же дореволюционной России XIX века существовали так называемые «винные откупы»: частные лица занимались производством водки и вина и их торговлей, покупая у государства право на такие занятия. Позднее (при С. Витте) была введена так называемая государственная винная монополия, что означало: только государство может заниматься конечной реализацией алкогольной продукции. Что оно и делало. А вот производили продукцию частные лица, которые продавали ее государству.

Целью государственной монополии было в основном пополнение бюджета (фискальная цель). Но могли быть также иные (политические, социальные, военные) цели.

Шарапов предлагает расширить круг отраслей и сфер, где государство должно занимать позиции монополиста. Это, в первую очередь: элеваторное хозяйство, табачная торговля, нефтяная. Так же за государством сохраняется винная монополия.

Если табачная и винная монополии могут обеспечить поступления в казну за счет внутренних потребителей, то по таким товарам, как нефть и зерно, эти поступления могут обеспечиваться за счет мирового рынка. Ведь по указанным товарам Россия занимает

весьма солидное место на мировом рынке. Соединение всей экспортной торговли в руках государства означает, что Россия сможет диктовать свои цены на рынках зерна и нефти и получать дополнительный доход в казну. Вот что писал Шарапов по этому поводу в *«Финансовом возрождении России»* (1908): «Нефтяная монополия благодаря исключительному положению России и истощению нефтяных запасов в Америке представляется операцией тем более блестящей, что весь налог может быть переложен с внутреннего потребителя на мировой рынок. Нефтью и ее дериватами казна должна торговать на международном рынке монополично, покупая весь вывозной товар от производителей и добытчиков и устанавливая ему надлежащую цену»¹.

Шарапов считает, что и по некоторым другим товарам целесообразно поставить российский экспорт под монополичный контроль государства: «Возможны еще и другие монополии, например марганца и платины, но самая доходная и верная будет, без сомнения, элеваторная на хлеб и лен»². Режим государственной монополии распространяется лишь на вывоз указанных товаров, при этом внутри страны сохраняется их свободное обращение на рынке: «Принцип здесь тот, что, оставляя хлебную и льняную торговлю свободной, казна весь вывозимый хлеб и лен выпускает не иначе как проведя сквозь свою сеть портовых и пограничных элеваторов и подвергнув их там обезличению, очистке и браковке. Тариф на эти услуги должен быть подвижным и включать в себе изменяющийся размер вывозной пошлины, устанавливаемый сообразно состоянию цен на мировом рынке, внутреннему и внешнему урожаю в движении хлебных запасов».

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 228.

² Там же.

Впрочем, Шарапов не исключает возможности установления государственной монополии на хлеб и другие продовольственные товары даже внутри страны – учитывая их большую социальную значимость (понятно, что в данном случае государственная монополия будет, наоборот, защищать население от спекулятивных цен): «Весьма возможно, что несомненный успех этого дела в связи с необходимостью правильно поставить дело нашего народного продовольствия и иметь государственный хлебный фонд, вызовет организацию государственной сети элеваторов и для внутренней хлебной торговли; но говорить об этом пока преждевременно. Элеваторная же монополия для вывозной торговли, безусловно, необходима»¹.

В своей теории абсолютных денег Шарапов постоянно подчеркивает: это деньги национальные, обращающиеся только в пределах государственных границ. Для международных расчетов используются золото и иностранная валюта. Для создания такой денежной системы неизбежно нужна *государственная валютная монополия*². А указанная валютная монополия, в свою очередь, должна опираться на *государственную монополию внешней торговли* – торговли как экспортной, так и импортной, причем не по отдельным товарам и услугам, а по всем без исключения. Теоретически можно, конечно, представить модель, в которой существует частный экспорт товаров, но при этом частные экспортеры обязуются сдавать все 100% экспортной валютной выручки в обмен на рубли. В 1990-е гг. в Российской Федерации был установлен порядок, согласно которому экспортеры должны были обмени-

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 228.

² См. Гл. 8, раздел «Национальные деньги. Государственная валютная монополия» наст. изд.

вать определенную долю валютной выручки на рубли (величина этой доли время от времени менялась). Но жизнь показала, что фактически экспортеры товаров обменивали у Банка России на валюту ровно столько рублей, сколько им необходимо для выполнения всех своих обязательств, номинированных в рублях. Остальная часть экспортной выручки оставалась за границей. Способов уклонений экспортеров от полного выполнения своих обязательств по обмену валюты на рубли множество¹. Опыт валютного регулирования и валютного контроля в РФ показывает, что при осуществлении экспорта и импорта товаров и услуг частными компаниями государство не в состоянии обеспечить полный и эффективный контроль над валютными операциями этих компаний.

Шарапов начал осторожно подбираться к выводу о необходимости государственной монополии внешней торговли. Но до формулировки необходимости полной государственной монополии внешней торговли он не дошел. *Абсолютные* деньги Шарапова требовали также *абсолютной* государственной монополии внешней торговли! Для его времени эта идея была революционной ересью, грозившей существованию капитализма. И К. Маркс, и В. Ленин совершенно верно подметили, что капитализм без внешних рынков существовать не может². Частному капиталу внешняя торговля жизненно необходима. Национализация внешней торговли фак-

¹ Подробнее см.: Катасонов В. Ю. Бегство капитала из России.

² «Капиталистическое производство, – писал К. Маркс, – вообще не существует без внешней торговли» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 24. – С. 534). У Ленина наиболее последовательно и полно положение о жизненной важности внешних рынков для капитализма изложено в работах: «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» (1899); «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916).

тически означает ликвидацию частнокапиталистического способа производства. Идеология экономического либерализма крайне непоследовательна. Она всегда запрещала вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Вместе с тем, экономический либерализм никогда не ставил под сомнение право государства защищать интересы частного капитала в сфере внешней торговли: ограждать внутренний рынок от внешней конкуренции таможенными барьерами и оказывать поддержку (прямую или скрытую) своим экспортерам. Без такой поддержки капитализм в рамках данной страны рискует погибнуть¹.

Прецедентов установления тотальной государственной монополии на операции в сфере внешней торговли в истории человечества не было. Впрочем, прошло всего 10 лет после доклада Шарاپова «Финансовое возрождение России», и большевики-революционеры такую монополию ввели². Я этим революционерам, затопившим Россию кровью, нисколько не симпатизирую, но должен им отдать должное: в плену западных либеральных экономических и финансовых теорий они действительно не находились³.

¹ И сегодня Запад, втягивая бывшие социалистические страны и Российскую Федерацию во Всемирную торговую организацию (ВТО), добиваясь раскрытия их рынков для транснациональных корпораций, продолжает защищать свои внутренние рынки, используя различные нетарифные (т. е. не связанные с таможенными пошлинами) барьеры. Также используются многочисленные средства прямой и скрытой государственной поддержки экспортеров (см.: *Ключников Б.* ВТО – дорога в рабство – М., 2005).

² Декретом СНК от 22 апреля 1918 г.

³ Вместе с тем они оказались в плену еще более изощренной и лукавой экономической и социальной теории – марксизма. И от этого плена коммунистическое руководство СССР за 70 лет советской власти так и не сумело избавиться. В конечном счете это привело к краху социализма и Советского Союза. Но данная тема выходит далеко за рамки нашей книги.

О народном самоуправлении и едином экономическом ведомстве

Мы уже неоднократно отмечали, что Шарапов смело нападает на бюрократию, требуя заменить ее народным самоуправлением: «Бюрократия отжила свой век, опозорила и разорила Россию и вызвала к себе такую ненависть, с которой нам с вами не справиться. Нужно вступать на иной путь. Иной, кроме Царской и Самодержавной, верховной власти в России быть не может. Но под нее нужно подвести совсем иной фундамент. Этот фундамент – широкое самоуправление, которое должно всецело заменить бюрократию. Все будущее России – в земстве, поставленном как первооснова государственного здания».

О необходимости наведения порядка в управлении народным хозяйством России говорили во времена С. Шарапова многие русские патриоты. Они обращали внимание на два взаимосвязанных аспекта тогдашнего управления: а) бездейственность, неповоротливость и коррумпированность центрального государственного аппарата; б) подавление народной инициативы, противодействие со стороны указанного аппарата созданию хозяйственного самоуправления на местах.

Так, генерал *А. Д. Нечволодов* в работе «От разорения к достатку» обращает внимание на недостаток самоуправления в сфере промышленности и сельского хозяйства, зависимости местного товаропроизводителя от двух враждебных ему сил – столичной бюрократии и банкиров-ростовщиков. Реорганизация государственного управления и переход к дешевым бумажным деньгам (от дорогих золотых денег) приведет, по мнению генерала, к возрождению хозяйственной жизни

на местах: «Таким образом, только при помощи бумажных денег мы можем возродить все виды нашего народного хозяйства в гармоничном взаимодействии и заменить *политику экономической централизации*, приведшую страну к стольким бедствиям, политикой самого широкого создания мелких *экономических центров*. Этим, вместе с тем, разрешится наиболее целесообразным образом ... вопрос об условиях *промышленного самоуправления*»¹.

Но вернемся к С. Шарапову. Применительно к проекту реорганизации денежной системы России принцип народного самоуправления воплощался в том, что: а) Большая Казна и Державная Казна опирались на широкую сеть своих территориальных учреждений; б) работа низовых учреждений Большой Казны и Державной Казны координировалась с работой органов местного самоуправления. Впрочем, мы об этом уже говорили.

Что же касается «головных» контор Большой Казны и Державной Казны, то тут Шарапов полагает необходимым укрепление их людьми «от земли», которые были бы в штате этих контор или выполняли функции контроля и консультирования.

В романе «Диктатор» генерал Иванов в ходе разговора о реорганизации денежного и финансового хозяйства страны спрашивает своего министра финансов Соколова о том, какова роль земств в управлении этим хозяйством. Соколов отвечает: «Очень просто. Области посылают своих специальных выборных в соответствующие советы. Таким образом, составляется совет Государственного Банка, Совет государственных предприятий, Финансовый совет у меня. Это для управления. А для экономического законодательства составьте из представителей областей выборный Народнохозяй-

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 64.

ственный Совет, параллельный Государственному Совету по вашей схеме. Нужно только строго соблюдать правило, чтобы в эти советы попадали люди с соответственным служебным цензом, а не “ораторы” и не присяжные поверенные».

Еще в начале своей журналистской и публицистической деятельности Шарапов обращал внимание на то, что, несмотря на обилие в столичном граде Петербурге различных министерств, канцелярий и департаментов, согласия между ними не было. Проще говоря, была сплошная неразбериха, в которой разобраться даже опытным бюрократам было невозможно. Не говоря уже о «внешних»: промышленниках, земледельцах и торговцах, которые бы рискнули обратиться за помощью в правительство. В результате ни одно ведомство народным хозяйством толком не занималось, оно (народное хозяйство) оказалось «ребенком без глазу у семи нянек»: «В государственном механизме России не хватает малого: нет органа, которого прямой задачей являлась бы забота о народном хозяйстве, руководство народным трудом, защита национально-экономических интересов! Вести народное хозяйство, иметь ясный план русской промышленной деятельности, поднимать голос за русский национальный интерес – попросту оказывается *некому*, даже при том непомерном изобилии ведомств и начальств, которым поистине *болеет* Россия»¹.

В России для наведения порядка в государственном управлении и преодоления хозяйственной разрухи периодически проводились кадровые перестановки и обновления. Конечно, по мнению Шарапова, это необходимое, но не достаточное условие радикального повышения эффективности государственного управления народным хозяйством: «Даже в том случае, если будут призваны к

¹ Базулин Ю. В. Указ. соч. – С. 49–50.

правительственной деятельности люди с живым знанием России и русских экономических условий, эти люди запутаются в неизбежных противоречиях, будут поглощены обилием канцелярского дела, станут естественным образом такими же бюрократами, как и их самые талантливые предшественники». В этой связи первое и очевидное, что, по мнению Шарапова, необходимо сделать – создать ведомство, которое бы отвечало целиком за народное хозяйство: «Необходимо поэтому учреждение специального министерства, которое сосредоточивало бы в своих руках все отрасли народного хозяйства, ведало бы все дела по поднятию земледельческой, обрабатывающей и торговой промышленности страны»¹.

К сожалению, идея создания специального ведомства, которое сосредоточивало бы в своих руках управление всем народным хозяйством (своеобразного суперминистерства) до революции так и не была реализована. Это также одна из причин (может быть, не самых главных) того, что произошло с Россией через несколько лет после смерти Шарапова. Впрочем, Сергей Федорович об этом предупреждал еще в 1885 г. (за 32 года до событий 1917 г.): «При отсутствии специального органа, ведающего все отрасли народного хозяйства, живая народная жизнь и народный труд будут вечно и неизменно оставаться в пренебрежении, в политике и мероприятиях государства будут одни случайности, борьба и противоречия, и те беды, которые переживает теперь русская земледельческая и обрабатывающая промышленность, из формы кризиса легко перейдут в форму экономической катастрофы»².

Уже в конце жизни в своем докладе «Финансовое возрождение России» (1908) Шарапов вновь возвраща-

¹ Базулин Ю. В. Указ. соч. – С. 54.

² Там же.

ется к теме централизованного и скоординированного управления национальным хозяйством. За 23 года со времени первого его обращения к данной теме в России мало что изменилось. Для эффективного управления экономикой, по мнению Шарапова, требуется, по крайней мере, следующий набор министерств и ведомств: 1. Министерство финансов. 2. Министерство торговли и промышленности. 3. Министерство государственных предприятий (или государственного хозяйства). 4. Министерство народного кредита (Государственный Банк). 5. Министерство земледелия. На момент, когда Шарапов писал доклад «Финансовое возрождение России», существовало лишь четыре ведомства, а Министерства государственных предприятий не было. Шарапов отмечает: «Группа этих пяти ведомств нуждается, очевидно, в более тесном объединении, чем представляет наш высший государственный аппарат в виде Сената, Совета Министров, Государственной Думы и Государственного Совета. Жизненные интересы страны, ведаемые сетью экономических учреждений, слишком важны и слишком своеобразны, чтобы довольствоваться общим наблюдением и руководством сверху, не говоря уже про законодательство посредством случайного состава Думы. Малейшая несогласованность в частях единой экономической политики государства, и вся хозяйственная жизнь страны пойдет вкривь и вкось. С другой стороны, эта область лишь косвенно соприкасается с остальными частями государственного законодательства и управления, полицией, судом, просвещением и пр. Наилучшим, объединяющим звеном в административном отношении был бы параллельный нынешнему Совету Министров Хозяйственный совет под председательством выдающегося экономиста, состоящий из глав и представителей, входящих в груп-

пу ведомств, чинов Государственного контроля и лиц, особо назначенных Верховной Властью из числа известных русских экономистов и финансистов. Задача этого учреждения – согласовать и проверять неослабно деятельность ведомств, устранять все разногласия и давать компетентное руководство по каждому представляющемуся вопросу»¹.

Надо отдать должное большевикам: после прихода к власти они быстро сориентировались и поняли, что без единого экономического ведомства в стране начнется хозяйственный хаос, и они не сумеют удержать власть. Поэтому уже в декабре 1917 года такие ведомство было учреждено: это был *Высший совет народного хозяйства* (ВСНХ). Обратите внимание: название этого органа похоже на то, которое предлагал Шарапов («Хозяйственный совет»). Основная функция ВСНХ – организация и управление всем народным хозяйством и финансами страны. Совет имел статус Народного комиссариата, в состав которого входили отраслевые ведомства (главки). Просуществовал до 1932 г.

Другим центральным экономическим ведомством был *Госплан СССР*. Это ведомство было создано в 1923 г., и его полное первоначальное название: Государственная Комиссия СССР по планированию при Совете Труда и Обороне. Сначала Госплан был высшим экспертным и научно-координационным центром в области экономики. Позднее (после упразднения ВСНХ) приобрел статус главного ведомства по управлению и планированию народным хозяйством, осуществлял координацию деятельности всех министерств и ведомств финансово-экономического блока. Госплан СССР имел свои филиалы во всех союзных республиках, где они координировали деятельность республиканских мини-

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 221–222.

стерств и ведомств. Госплан СССР просуществовал до конца советского периода нашей истории.

Сегодня, в Российской Федерации наша экономика опять оказалась без «головы». Между министерствами и ведомствами финансово-экономического блока координация отсутствует, каждое ведомство представляет собой «удельное княжество», в руководстве страны, как и во времена Шарапова, царит атмосфера «экономического либерализма». До чего этот «экономический либерализм» может довести, Шарапов уже сказал 127 лет назад: «Те беды, которые переживает теперь русская земледельческая и обрабатывающая промышленность, из формы кризиса легко перейдут в форму экономической катастрофы».

И еще одна интересная мысль Шарапова по усовершенствованию управления национальным хозяйством: о необходимости *особого подхода к разработке законодательства в сфере экономики и финансов*. Шарапов в «*Финансовом возрождении России*» отмечает: «Для законодательства в экономической и финансовой области нынешние законодательные учреждения, Государственный Совет и Государственная Дума и недостаточны, и едва ли соответственны. Экономическое законодательство требует, прежде всего, абсолютной беспартийности и весьма больших специальных познаний. Я не буду входить в эту область, которая требует совершенно особого исследования и увлекла бы нас слишком далеко. Скажу только пока совершенно голословно и в виде намека, что именно здесь парламентарного типа учреждения особенно непригодны. Если желать серьезного экономического законодательства и серьезного контроля над деятельностью ведомств, нет иного средства, как образование специальных учреждений из выборных от земств как представителей элемента земледельческо-

го и городов и торгово-промышленных учреждений как представителей элемента коммерческого на основании серьезного служебного ценза, определяющего работоспособность членов будущей коллегии. В этом деле не может быть места никаким случайностям. И если случайности бюрократического характера, вроде полновластного 11-летнего хозяйничанья совершенно невежественного и беспринципного человека, привели Россию к страшному современному положению (Шарапов имеет в виду деятельность С. Ю. Витте на посту министра финансов. – *В. К.*), то случайности парламентарные в виде законодательства так называемых лучших людей, высланных политической улицей, могут привести нашу Родину к самым тяжким катастрофам». Шарапов считает, что Хозяйственный совет, который он предлагает как высший орган управления национальной экономикой, должен быть не только исполнительной, но отчасти законодательной властью, участвуя в подготовке законопроектов экономического и финансового характера: «Здесь же (в Хозяйственном совете. – *В. К.*) должны предварительно обсуждаться и согласовываться все законопроекты, ранее внесенные в законодательном порядке».

Сегодня наша Государственная Дума вырабатывает и принимает кучу различных законов по экономике и финансам. Законы эти несут на себе отпечаток партийных пристрастий, лукавства и шкурных интересов депутатов, лоббирующих интересы тех или иных олигархов, отражают низкий профессионализм, а порой и откровенное невежество «народных избранников». Поэтому, что депутаты привыкли к политической деятельности, выборным и рекламным кампаниям, лоббированию; они в содержание большинства экономических законов не вникают и порой даже не понимают, о чем

идет речь¹. Как это все похоже на деятельность Государственной Думы столетней давности!

Об «отмирании» частного капитала

Ранее мы уже подчеркнули, что, если государство будет активно пользоваться инструментом «мнимого» капитала, то частный капитал в новой экономической системе неизбежно займет подчиненное место по отношению к государственному капиталу. Но Шарапов полагает, что сам частный капитал утратит свою первоначальную природу и независимо от личных качеств его владельцев начнет более активно работать не на этих владельцев, а на общество. С. Шарапов рассуждает следующим образом: капиталисты в обществе, где всем правит биржа, накапливают капиталы для того, чтобы рано или поздно стать во главе биржи и всего мира. Любой капиталист (если он не на грани банкротства) накапливает такие капиталы в промышленности, сельском хозяйстве или торговле, которые намного превышают возможности его нормального потребления. Для чего ему нужен этот избыток (полученная прибыль за вычетом личного потребления)? Чтобы стать сначала рантье́ром, а затем (если его бог мамона даст) – королем биржи. Но биржа в этой экономической системе упразднена. Что ему остается делать? По мнению Шарапова, остается одно из двух:

а) бить дорогую посуду, иным образом разрушать свое имущество и восполнять потери получаемым избытком;

¹ В конце 2011 г. спикер Государственной Думы РФ с гордостью заявил, что Дума пятого созыва, которая только что закончила свою работу, установила абсолютный рекорд: приняла 1581 федеральный закон и одобрила 27 федеральных конституционных законов. О каком качестве законов (в том числе экономических) может идти речь при таких «рекордах»?

б) заниматься меценатством за счет избытка.

Первый вариант – для ненормальных. Стало быть, капиталисту остается заниматься *меценатством* (второй вариант): «Когда посредством системы абсолютных денег у капитала будет отнята всякая политическая власть, миллионеру в самом деле ничего иного не останется, как то или другое меценатство, и здесь он будет вне конкуренции с государством; тогда быстрое обогащение единиц станет для страны поистине благодеянием, а для самих богачей нравственной наградой за их предыдущий труд в виде возможности делать высшее добро, не всегда доступное монархам».

Шарапов приводит в качестве примера *Третьяковых*, которые в России создали на свои деньги прекрасную картинную галерею. Поскольку в России деньги до реформы С. Витте имели признаки абсолютных, развитие биржи значительно отставало от европейского, то склонность к меценатству у русских предпринимателей была выше, чем у европейских. Шарапов считал, что в случае, если в России удастся выстроить экономическую систему без биржи и господства частного капитала, то меценатство станет нормой, каждый предприниматель, оперирующий реальными капиталами, будет ориентирован на то, чтобы «делать высшее добро».

К сожалению, после перехода России от бумажных денег к золотым атмосфера в обществе, в том числе среди российских предпринимателей, резко изменилась. Третьяковы, Рябушинские, Мамонтовы, Морозовы и прочие российские купцы и предприниматели почувствовали, что страна сильно меняет вектор своего развития, движется в сторону построения парламентарно-биржевого государства. Кто-то из них принял новый курс, кто-то стал ему сопротивляться.

Неудивительно, что некоторые из русских предпринимателей (классический пример – Морозов) стали помогать деньгами революционерам-социалистам. В любом случае русское меценатство перед Первой мировой войной начало хиреть.

Сегодня у нас достаточно часто говорят о «православном бизнесе», «православном предпринимательстве», «социально ориентированном бизнесе»¹. Шарапов нам объясняет, что это такое и какие условия позволят превратить «православное предпринимательство» из фантазии или исключения в норму.

Страхование против водки

Еще один важный пункт программы Соколова (в романе «Диктатор») – избавление России от «пьяных» бюджетов. Следует отметить, что во времена Шарапова значительная часть поступлений в бюджет российского государства формировалась за счет «водочных» доходов, Россия понемногу начинала «спиваться», и вопрос замещения «водочных» доходов стоял очень остро. Бюджеты российского государства (начиная с финансовых реформ 1860-х гг.) стали называть

¹ По совершеннейшему недоразумению наши «профессиональные экономисты» в качестве примера «социально ориентированного бизнеса» приводят американский бизнес, который в прошлом веке стал активно создавать так называемые «благотворительные» фонды. Эти фонды лишь прикрываются благотворительностью, на самом деле они представляют собой средство ухода бизнеса от налогов. «Благотворительные» фонды освобождаются от ряда налогов; переводимые в них частные капиталы освобождаются от налога на наследство (подробнее см.: *Катасонов В. Ю.* Гл. 22 «Теневая экономика» как способ существования мировых ростовщиков // Благотворительные фонды как «внутренние» офшоры // О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 2.

«пьяными» в виду высокой доли «водочных» доходов в общем объеме бюджетных поступлений. До конца 1860-х гг. в России существовали «винные откупы» (что-то наподобие концессий, за которые производители вина платили в казну). Затем они были заменены *акцизами* на торговлю вином и водкой (разновидность косвенных налогов). В 1895 г. (при министре финансов С. Витте) была введена *государственная винная монополия*, при которой государство закупало продукцию винокурения у частных производителей и затем само реализовывало эту продукцию (казенная торговля), получая от этого занятия хороший барыш. По данным В. В. Похлебкина¹, в среднем за период 1885–1894 гг. доля питейного дохода во всех доходах российского бюджета была равна 28,6%². Это был самый крупный источник государственных доходов. Для сравнения доли некоторых других источников (в процентах за тот же период, в порядке убывания): таможенный доход – 14,5; доход от казенных железных дорог – 4,92; доход от выкупных платежей помещичьих крестьян – 4,47. По данным государственных росписей, питейный доход в 1869 г. был равен 138 млн. руб., а в 1895 г. он достиг 500 млн. руб., т. е. за 16 лет увеличился в абсолютном выражении в 3,6 раза.

Так вот, «водочный», или «питейный» доход государства герой романа «Диктатор» Соколов предлагает заместить взносами по обязательному и добровольному *страхованию* от различных рисков: «Я возмещу его всеобщим государственным страхованием... это мысль

¹ Похлебкин В. В. История водки. – М., 2005 (работа размещена в Интернете).

² Примечательно, что в Европе «питейный доход» также занимал важное место в поступлениях в государственную казну. По данным Похлебкина, в начале прошлого века эта доля в Великобритании была равна 27%, во Франции – 14%.

покойного А. Д. Пазухина¹. Я ее только разработал... Государство привлекает к обязательному страхованию все строения от пожара, поля от града, скот от эпидемий, суда и товары в пути и т. д. Страхует пенсию на старость, помощь в несчастных случаях, пособие при совершеннолети, приданое при замужестве. Минимум – обязательно, дальше – добровольно. При полтора миллионах населения, огромном пространстве и крупнейших цифрах рисков, а главное, при очень простой организации – величина премии будет ничтожна. Разложите на эту необъятную массу клиентов и имуществ налогов в 500–600 миллионов – вы получите такую картину: те же деньги и с того же населения будут взяты не за отраву, а за бесценные и бескорыстные услуги государства».

А вопрос, как поступить с водкой, следует передать на усмотрение областей: «Хотят – пусть запрещают совсем, как те штаты, где temperance, или пусть пьют пиво и виноградное вино. Хотят – пусть вводят Готеборгскую систему и вытрезвляют публику иначе. На месте виднее». В приведенном фрагменте романа упоминается Готеборгская (Гетеборгская) система – система продажи спиртных напитков, которая была введена впервые в 1865 г. в Швеции в г. Гетеборге (Goteborg), чем и объясняется название. Сущность ее заключается в том, что продажа водки передается акционерному обществу (Bolag), которое получает лишь минимальные выгоды от продажи спиртных напитков (5–6% годовых на затраченный капитал) и главным образом заинтересовано в доходах от продажи безалкогольных напитков и кушаний. Все остальные доходы от продажи водки

¹ Пазухин Алексей Дмитриевич (1845–1891) – российский государственный деятель, автор реформ государственного управления (в частности, предложил создать институт земских начальников) – В. К.

при Гетеборгской системе поступают в распоряжение местных самоуправлений и государства.

Таким образом, Соколов пытается «убить двух зайцев»: искоренить пьянство и дать толчок развитию страхования. Последнее в начале прошлого века в России было на достаточно низком уровне и находилось в зависимости от западных страховых компаний¹. При этом, как видно из контекста, страхование в России героем романа Шарапова мыслилось, прежде всего, как обязательное и государственное.

В наиболее развернутом виде предложения С. Шарапова о развитии *страхования* изложены в его докладе «*Финансовое возрождение России*» (1908). Шарапов говорит о том, что опыт организации государственного всеобщего страхования имеется: оно существовало в Царстве Польском с 1840-х гг. Оно действовало в русской Польше и в начале XX века, но в урезанном виде. Страхование, по Шарапову, – лишь один из видов хозяйственной деятельности государства наряду с другими. Но это один из самых простых видов: «По существу своему, ведение страхования есть работа чисто канцелярская, не требующая ничего, кроме статистических выкладок и точного исполнения регламента. Здесь почти нет места личным талантам, творчеству и инициативе. Из всех видов предприимчивости это, бесспорно, самая доступная для государства и, пожалуй, даже более простая, чем управление железными дорогами, почтами, телеграфами и телефонами.

Представим, что государство принимает на себя и делает обязательным на всем пространстве русской территории страхование: от огня, града, падежей скота, страхование жизни, пожизненных пенсий, несчаст-

¹ См.: Орланюк-Малицкая Л. А. История страхового дела в России. – М., 2004.

ных случаев, товаров в пути – словом, все виды рисков, устанавливая обязательный минимум и допуская выше этого страхование добровольное. Пусть будет застрахована от огня, безусловно, всякая постройка, всякая движимость; от града – всякая десятина посева, от падежа – всякая лошадь, корова, овца. Пусть каждый русский подданный, достигший нерабочего возраста, получает пожизненную пенсию обязательную, например, от 3 руб. в месяц, добровольную произвольного размера, а в случае смерти – пенсию детям. Пусть будет застраховано каждое место товара в вагоне и на воде, минимально по классу тарифа, максимально по оценке. Что получится? Необъятная сумма рисков, при которых премия, оплачивающая самую дешевую администрацию и совершенно не оплачивающая услуг капитала (ибо здесь статистика, имея дело с колоссальными цифрами, будет математически верна, страхование же по существу будет строго взаимное), эта премия будет чрезвычайно, почти ничтожно мала»¹.

Правильная постановка страхового дела предполагает проведение полной инвентаризации имущества и надзора за его состоянием, что в любом случае только на руку государству, которое будет знать материальное состояние народного хозяйства: «Рядом с этим будут во всех главных видах определены имущественные признаки всех русских граждан. Налог в 300–400–500 млн. рублей, распределенный на единицу имущества, будет разложен так, как никогда не разложить никакого подоходного налога»².

К уплачиваемым страховым премиям будет присоединен специальный налог в пользу казны, но при этом страховые премии будут ниже, чем сегодня, когда

¹ Шаратов С. Ф. Россия будущего. – С. 230–231.

² Там же. – С. 231.

услуги предоставляют маломощные страховые компании: «При осуществлении государственного страхования, хотя бы с присоединенным к нему 500-миллионным налогом в пользу казны, страховые премии будут едва ли выше нынешних, скорее ниже, принимая во внимание необъятный размер всей массы застрахованных имуществ»¹.

Фактически у Шарапова основная часть страхового дела так же, как и кредитно-банковского, переходит в ведение государства, против этого не будет возражать большая часть населения страны; страхование будет выгодным и справедливым для всех слоев: «На малоимущие классы упадет сравнительно немного, на богатых ляжет очень много, и ни те, ни другие не будут иметь поводов жаловаться. Последние и сейчас от огня страхуют почти все; страхование от града, эпизоотии, страхование жизни является и сейчас, несомненно, выгодным, даже при относительно очень высоких премиях, и практикуется многими добровольно»². Однако Шарапов не призывает к тотальной национализации страхового дела. По его мнению, частный страховой бизнес мог бы заниматься добровольным страхованием, т. е. покрытием рисков, превышающих установленные государством минимумы убытков. Шарапов резюмирует: «Вот задача, достойная великого самолюбия и великого патриотизма! Царя, скрепившего своей подписью подобную реформу, история без колебания назовет Великим»³.

Сегодня в России ситуация такова: пьянство в стране находится на запредельно высоком уровне, смертность от алкоголизма растет из года в год; в то же время

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 231.

² Там же.

³ Там же. – С. 230.

доля доходов от водки в виде акцизов в государственном бюджете сравнительно с дореволюционной Россией достаточно скромная. Скажем, в 2010 г. поступления акцизов от водки были равны примерно 82 млрд. руб., а доходная часть бюджета находилась на уровне 7 трлн. руб. Таким образом, доля акцизов на зелье в общих доходах была немного выше 1%. Но это говорит не о том, что государство проводит политику на оздоровление нации и искоренение пьянства, а лишь о том, что Россия сегодня оказалась на «нефтегазовой игле» (значительная часть бюджета формируется за счет налогов на добычу и экспорт углеводородного топлива). Однако в случае падения мировых цен на нефть и природный газ власть может запросто прибегнуть к «пьяному бюджету». В начале 2011 г. Министерство финансов РФ, в частности, заявило, что для компенсации возможного падения цен на нефть оно планирует поэтапное повышение акциза на водку: с 92,4 руб. за 1 л водки в 2010 г. до 360 руб. в 2014 г. При этом поступления водочных акцизов возрастут, по оценкам Минфина, до 316 млрд. руб., т. е. почти в четыре раза по сравнению с 2010 г.

Почему бы нашему Минфину не попытаться заменить водочный акциз поступлениями в виде страховых премий и специального налога по обязательному государственному страхованию (как это предлагал Шарапов)? К сожалению, наши власти не только не укрепляют систему страхования за счет создания мощной государственной компании (типа советского «Ингосстраха»), но, наоборот, бездумно (или предательски) «сдают» западным транснациональным корпорациям зарождающийся отечественный страховой бизнес. Согласно оценкам наших экспертов, в случае вступления России в ВТО наши маломощные и не защищенные государством страховые компании обречены на гибель.

О хлебном запасе

Как известно, Россия в конце XIX века активно вывозила за рубеж зерно. Последовательно реализовывался лозунг министра финансов *И. А. Вышнеградского*: «Не доедим, но вывезем!». Хлеб вывозился ради поддержания активного торгового баланса и курса кредитного рубля, накопления золотого запаса и введения в России «золотого рубля». О безумности такой политики говорил не только С. Шарапов, но и многие другие русские писатели и ученые, например *А. Н. Энгельгардт*¹. Александр Николаевич зрил в корень и говорил, что выручка от экспорта зерна доставалась, в конечном счете, не крестьянину, а шла преимущественно на погашение процентов по долгам России иностранным кредиторам. «Хлеб нужно продавать немцу для того, чтобы платить проценты по долгам». А долги делались ради того, чтобы на Берлинской или Парижской бирже поддерживать курс кредитного рубля: «И дался им этот рубль... Точно он какое божество, которому и человека в жертву следует приносить»².

Народ действительно приносился в жертву рублю: сначала – кредитному, а затем – золотому. Из различных источников хорошо известно, что народ по сравнению с предыдущими временами стал питаться хуже, а иногда просто голодал. Началось физическое вырождение русского народа.

Как это похоже на сегодняшний наш день, когда ради эфемерного накопления валютных резервов

¹ Энгельгардт Александр Николаевич (1832–1893) – русский ученый-химик, педагог, агроном, землевладелец, публицист. Основная его работа: «Из деревни. 12 писем».

² Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. – М., 1956. – Письмо девятое.

наши власти форсируют экспорт нефти и природного газа. При этом:

а) цены на нефтепродукты на нашем внутреннем рынке выше, чем в некоторых странах – импортерах российской нефти;

б) тысячи населенных пунктов на обширных пространствах России до сих пор не газифицированы, а внутренние тарифы на газ для населения и предприятий неуклонно растут;

в) происходит истощение российских кладовых углеводородов, и наши дети и внуки могут оказаться у «разбитого корыта»;

г) значительная часть выручки от экспорта углеводородов оказывается на счетах наших олигархов в зарубежных банках или в виде ценных бумаг и никогда в Россию не вернется.

Как тут не вспомнить слова генерала А. Д. Нечволодова, который писал про дореволюционную Россию, вывозившую хлеб: «Мы вывозим значительно больше, чем можем, *т. е. не продаем, а распродаем*»¹.

Вместо лозунга Вышнеградского сегодня появился лозунг А. Л. Кудрина (министра финансов РФ, уже бывшего): «Накопим валюту в Стабилизационном фонде!». Впоследствии эта нефтедолларовая «кубышка» была реорганизована в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. Но принципиально ничего не изменилось. Средства указанных фондов размещаются в долговых бумагах американского казначейства и государственных облигациях других стран Запада. Процент по бумагам минимальный, фактически идет «бескорыстное» кредитование западных государств в ущерб народу России.

Но вернемся к России времен Шарапова. Жизненный уровень, по данным русского эмигранта «первой

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 13.

волны» писателя *И. Солоневича*, среднестатистического жителя Российской Империи, был несравнимо ниже, чем на Западе: «Факт чрезвычайной экономической отсталости России по сравнению с остальным культурным миром не подлежит никакому сомнению. По цифрам 1912 г. народный доход на душу населения составлял: в САСШ – 720 руб. (в золотом, довоенном исчислении), в Англии – 500, в Германии – 300, в Италии – 230 и в России – 110. Итак, средний русский, еще до Первой мировой войны был почти в 7 раз беднее среднего американца, и более чем в 2 раза беднее среднего итальянца.

Даже потребление хлеба – основного нашего богатства – было скудным. Если Англия потребляла на душу населения 24 пуда, Германия – 27 пудов, а САСШ – целых 62 пуда, то русское потребление хлеба было только 21,6 пуда, включая во все это и корм скоту. Нужно при этом принять во внимание, что в пищевом рационе России хлеб занимал такое место, как нигде в других странах не занимал. В богатых странах мира хлеб вытеснялся мясными и молочными продуктами и рыбой¹. На Россию накануне Первой мировой войны приходилось 18% мирового производства пшеницы и 52% ржи. Она поставляла на экспорт 25% зерна, что превышало поставки США, Канады, Аргентины, вместе взятых. В отдельные годы хлебный экспорт из России заполнял до 40% мирового рынка.

Многим в России была очевидна абсурдность аграрной и продовольственной политики российского правительства, которая ради введения, а затем поддержания «золотого рубля» обрекала народ на недоедание и даже голод. Голод же возникал в неурожайные годы и был вызван тем, что у государства были очень скуд-

¹ *Солоневич И.* Указ. соч. – С. 77–78.

ные резервы зерна; тогда приходилось запускать руку даже в семенной фонд или покупать хлеб втридорога за границей. Тем не менее, все равно умирали тысячи людей, как это ни странно – именно в деревне, а не в городах. Наиболее тяжелым в дореволюционное время был голод 1891–1892 гг.

Шарапов в романе «Кабинет диктатора» (продолжение основного романа «Диктатор») через размышления министра финансов Соколова формулирует собственные идеи, как Россия могла бы вырваться из указанного порочного круга: «Новому министру финансов Соколову приходилось, в первую очередь, ставить два вопроса: народный кредит, смело и широко организованный, должен был поднять сельское хозяйство, государственный хлебный запас, в связи с системой государственных элеваторов, имел обеспечить народное продовольствие, правильное обсеменение полей и упорядоченный заграничный вывоз».

Россия могла бы при правильной организации контролировать мировой рынок хлеба: «Было очевидно, что, составив продовольственный совет из серьезных знатоков дела и владея запасами около миллиарда пудов пшеничного хлеба, такая фирма, как Российское государство, могла бы не бояться никакой конкуренции, держать хлебные цены на уровне, наиболее благоприятном русскому земледелию, и одновременно заставляла бы платить возможно высокую цену иностранного потребителя». Фактически Шарапов через героя своего романа Соколова проводит мысль о *государственной монополии в сфере хлебной торговли*.

Для того, чтобы обеспечить устойчивое продовольственное снабжение внутри страны и ее доминирование на внешних рынках зерна, надо было создать мощную *сеть элеваторов* (хранилищ) зерновых урожая-

ев. В романе «Кабинет диктатора» Шарапов достаточно подробно описывает проект Соколова по строительству хлебных элеваторов: «Разумеется, для осуществления этого проекта в полном объеме требовались колоссальные затраты, вводить же элеваторы по частям не имело смысла. Полная сеть по приблизительному счету стоила не менее 1200 млн. руб., да оборотный капитал хлебной операции определялся примерно в полумиллиард. Но этих затрат Соколов не боялся и деньги имел готовые. Было достаточно снять с рынка на равную сумму ренты, заменив ее облигациями продовольственного или хлебного займа и выпустив на соответствующее количество кредитных рублей. Государственная роспись сразу освобождалась от 68 млн. процентов по обменной ренте, элеваторы же при умелом хозяйстве должны были не только покрыть эту сумму, но и дать значительный чистый доход (за счет которого и покрывались бы в дальнейшем проценты по продовольственному займу. – В. К.)».

Обратим внимание: Соколов планирует строить элеваторы за счет размещения на рынке облигаций хлебного (продовольственного) займа. Чтобы у населения были средства для покупки таких облигаций, предлагается погашение каких-то других государственных процентных бумаг, которые каждый год «сосали» из бюджета большие суммы для погашения процентов. А погашение обязательств по облигациям хлебного займа предполагалось за счет доходов от государственного элеваторного хозяйства, которое вкупе с государственной монополией в области хлебной торговли обещало быть весьма доходным делом.

Выражаясь современным языком, проект строительства сети элеваторов мог бы стать «локомотивом», который бы помог «вытянуть» ряд отраслей россий-

ской экономики; деньги кредита, предназначенного для строительства элеваторов, могли бы быстро оказаться в сельском хозяйстве, дав ему дополнительный импульс развития: «Грандиозный выпуск денежных знаков на элеваторы и хлебную операцию решал одновременно и второй неотложный государственный вопрос – устройство народного кредита. Основная мысль была та, что открытый в Государственном банке на вновь выпущенные бумажки строительный кредит в 1200 млн. руб. исчерпывался не сразу, а постепенно, в точно отведенные сроки. Следовательно, деньги могли быть в непрерывном движении, обслуживая одновременно сеть провинциальных учреждений Банка и через них кассы мелкого кредита. Достаточно было обязать заводы, строящие по казенным заказам части элеваторов, а также остальных подрядчиков-строителей работать по условным текущим счетам местных отделений Банка, чтобы почти весь огромный строительный кредит совершенно освобожден и мог быть направлен с первого же момента в оборотные средства земледелия».

Как сегодня актуальна задача создания государственного запаса (резерва) зерна. В течение 20 лет существования РФ строительство элеваторов почти не велось, а элеваторы советского времени требуют серьезного ремонта и реконструкции. Емкостей для хранения зерна катастрофически не хватает, мы сегодня вынуждены иногда чуть ли не в убыток себе реализовывать урожай зерна. Как это ни парадоксально, сельхозпроизводители боятся сегодня чрезмерного урожая не меньше, чем засухи или иной потери урожая. А ведь создание сети первоклассных зерновых элеваторов и формирование государственного зернового запаса могло бы стать приоритетной государственной программой, которая позволила бы:

– поднять наше зерновое хозяйство,

- укрепить позиции России на мировом рынке продовольствия,
- застраховать общество от возможных неурожаев и укрепить продовольственную безопасность страны,
- создать импульс для развития ряда отраслей российской экономики.

О сельском хозяйстве

Через все работы Шарапова тема деревни и сельского хозяйства проходит красной нитью. И главные мысли везде одни и те же:

а) сельское хозяйство России находится в плачевном состоянии;

б) главная причина постоянной деградации сельского хозяйства – нехватка денежных средств для пополнения оборотного капитала и формирования основного капитала;

в) данная нехватка обусловлена общей денежной политикой государства, которая связана с постоянным сжатием денежной массы в экономике;

г) для преодоления аграрного кризиса необходима реформа денежной системы России на основе теоретических положений С. Шарапова об абсолютных деньгах и мнимых капиталах.

Помимо указанных ключевых вопросов Шарапов затрагивает и другие вопросы деревни и сельского хозяйства: разрушения сельской общины (в том числе в результате реформы П. Столыпина) и способов ее защиты, деградации земельных ресурсов в результате хищнической эксплуатации угодий, внедрения новых технологий обработки земли, организации элеваторного хозяйства, создания государственного резерва про-

довольствия, введения государственной монополии на хлебную торговлю, государственного регулирования тарифов на перевозку зерна по железным дорогам, подготовки кадров для сельского хозяйства, создания агропромышленного производства на селе, управления курсом русского рубля для повышения эффективности экспорта зерна и др.

Мы уже много раз повторяли ключевую мысль Шарапова: реформы «молодых финансистов» привели Россию к безденежью. Но за средними цифрами обеспеченности российского жителя наличными деньгами скрывалась большая дифференциация: в городах денег было мало, а в деревне их не было вовсе. Если что-то в виде денег появлялось в провинции, то все тут же «отсасывалось» в центр ростовщиками, банками, налоговыми инспекторами, торговцами вином. «Государственные сберегательные кассы, – писал Шарапов, – обратились в сеть насосов, выкачивающих из местных оборотов все народные сбережения. Винная монополия начала выбирать последние остатки свободной наличности из рук населения...

В деревне определилось полное отсутствие денег. Раз в год, осенью, появлялись деньги у скупщиков земледельческих продуктов. Эти деньги поступали в руки крестьян и тут же переходили из рук в руки в казну, выбираемые почти сполна в виде податей, значительная часть коих, несмотря на самые крутые меры взыскания, вечно оставались в недоимке.

Разменять десять рублей стало едва ли возможно в средней руки деревне...»¹.

Шарапов обращает внимание на то, что после реформы 1861 года отношения между помещиком и крестьянами стали очень напряженными. Как незави-

¹ Шарапов С. Ф. Земля и воля ... без денег. – С. 17.

симые товаропроизводители они начинают конкурировать между собой на рынке сбыта. Крестьянин хочет свободы и независимости от помещика. Помещик стремится заманить своего бывшего крепостного на свои угодья уже в качестве наемного работника. Но у помещика это далеко не всегда получается, поскольку крестьянину надо платить, а с деньгами ситуация напряженная. Кстати, бытует ошибочное мнение, что у помещиков был неплохой стартовый капитал для того, чтобы выстраивать свое хозяйство на новых началах. Мол, помещики получали выкупные платежи за землю, которую собирали с освободившихся крестьян и могли пускать их в дело. Однако большая часть выкупных платежей прошла мимо помещиков. Эти деньги пошли в карманы банкиров-ростовщиков. Дело в том, что к моменту реформы 1861 г. у помещиков накопилась громадная задолженность перед ростовщиками, и выкупные платежи шли преимущественно на погашение этой задолженности, а не на развитие хозяйства в новых условиях¹. Из-за безденежья помещиков значительная часть их земель перестала обрабатываться и была заброшена.

Помещичьи имения стали превращаться в объект мародерства и спекуляций. Шарапов так писал об этом печальном явлении в 1907 г.: «Развилось явление, ни в какой другой стране не виданное: спекуляция имениями *в лом*², создавшая целую профессию особого вида дельцов. Из купленного за бесценок имения *в ходу* самым варварским образом извлекается видимый капитал

¹ В 1833 г. в кредитных учреждениях было заложено помещиками 43,2% ревизских душ, в 1859 г. – 66%. За годы царствования Николая I общая сумма помещичьей задолженности увеличилась примерно в 4 раза и достигла 425 млн. руб. (*Высочков Л. В. Николай Первый.* – М., 2006. – С. 206).

² Здесь и далее курсив С. Шарапова – В. К.

путем уничтожения лесов, распродажи построек, скота, инвентаря; затем имение через Крестьянский банк сбылось крестьянам, которые спешили истребить капитал невидимый, распахивая землю до полного истощения. Таким образом ликвидировано от половины до $\frac{9}{10}$ когда-то цветущих экономий, и это неслыханное варварство ускоренным ходом идет и сейчас»¹.

Крестьянин, отягощенный выкупными платежами, налогами, а также долгами по кредитам, которые он вынужден был брать у ростовщиков, оказывался в ситуации сложного выбора – выбора между «плохим и совсем плохим»: а) остаться в голодной деревне и пытаться наладить хозяйство на собственном участке земли; б) остаться в той же голодной деревне и превратиться в наемного работника у своего бывшего хозяина-помещика; в) уехать в город на фабрику или завод в качестве наемного работника. Многие выбирали последнее, и в городе они пополняли армию наемных фабрично-заводских рабочих.

Продолжение прежней государственной аграрной политики грозило полным развалом села и даже голодом: земля – как крестьянская, так и помещичья – могла оказаться и без хозяев, и без работников. Об этом говорил, между прочим, и *А. Н. Энгельгардт*, друг и оппонент Шарапова. С одной стороны, он отмечал глубокий индивидуализм русского крестьянина даже в рамках традиционной общины². С другой стороны, он

¹ Шарапов С. Ф. Земля и воля ... без денег. – С. 17.

² Энгельгардт достаточно скептически относился к тому, как большинство славянофилов (включая Шарапова) воспринимали крестьянскую общину (а также и артель). В письмах Энгельгардта русские крестьяне предстают глубокими индивидуалистами: «Крестьянская община, крестьянская артель – это не пчелиный улей, в котором каждая пчела, не считаясь с другою, трудолюбиво работает по мере своих сил на пользу общую» (*Энгельгардт А. Н.* Указ. соч. – С. 183) «В моих

понимал, что аграрное производство в России может существовать лишь в виде крупных хозяйств на больших площадях, что требовало коллективных форм труда: «Все дело в союзе... у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении»¹. Энгельгардт считал, что объединяющим труд сельского труженика началом может стать городской интеллигент, сочетающий в себе профессиональные знания и понимание гражданской ответственности за сохранение русской деревни и укрепление русского государства. Энгельгардт обратился к городской молодежи с призывом поехать на село и заняться сельским трудом (проект «*интеллигентных деревень*»). Русский писатель Л. Н. Толстой, подобно Энгельгардту, призывал городских интеллигентов создавать коллективные хозяйства на селе (что-то вроде «трудовых братств», или «коммун»). Одно время была мода на такие «интеллигентские колхозы», однако большинство из них развалились².

Шарапов считал такие призывы горожан ехать в деревню ошибочными, полагая, что там и так имело место относительное перенаселение. Он считал, что

письмах я уж много раз указывал на сильное развитие индивидуализма в крестьянах; на их обособленность в действиях, на неумение, нежелание, лучше сказать, соединяться в хозяйстве для общего дела. На это уже указывают и другие исследователи крестьянского быта. <...> Действительно, делать что-нибудь сообща, огульно, как говорят крестьяне, делать так, что работу каждого нельзя учесть в отдельности, противно крестьянам» (Там же. – С. 266). Подробнее см.: Крупкин П. Л. Институты русской деревни конца XIX века по наблюдениям А. Н. Энгельгардта // Научный эксперт. – 2010. – № 11.

¹ Энгельгардт А. Н. Указ. соч. – Письмо седьмое.

² См.: Мелешко Е. Д. Толстовские земледельческие коммуны // Сайт Института философии РАН.

перемещение части рабочих рук из деревни в город даже необходимо – для ускорения промышленного развития России. Шарапов был уверен, что деревне нужны не просто рабочие руки, а работники, которые понимают что-то в агрономии, животноводстве, агропромышленном производстве. Горожане в этом смысле были плохими специалистами. Проект Шарапова сводился к тому, чтобы на селе создавать коллективные хозяйства во главе с помещиком («помещичьи колхозы»). Помещик должен был стать не просто руководителем, а аграрным специалистом, который организует сельское хозяйство на основе минеральных удобрений, правильных севооборотов, применения продуктивного скота и хороших семян, последних достижений агротехники, предварительной обработки сельскохозяйственной продукции, а иногда и ее глубокой переработки (создание агропромышленных производств).

Подобные мысли Шарапова не были плодом кабинетных размышлений. Все эти мысли он апробировал на базе своего собственного имения «Сосновка» в Смоленской губернии. Это 400 десятин земли, 40 дворов и примерно 100 ревизских «душ». Некогда заброшенное и запущенное имение в короткий срок стало образцовым. На основании практического опыта организации сельского хозяйства в имении Сосновка, где Шарапов был управляющим, а крестьяне – работниками, Сергей Федорович написал книгу «Пособие молодым хозяевам при устройстве их на новых началах» (1895). Он показал, что для успешного развития сельского хозяйства необходимо было: а) проявление активной позиции со стороны бывшего помещика, который должен взять ответственность за новое хозяйство; б) сохранение крестьянской общины, которая способствовала организации коллективного труда в таком хозяйстве; в) оказание

поддержки новым хозяйствам со стороны государства (прежде всего, в виде кредитов).

К сожалению, очень незначительная часть помещиков последовала совету Шарапова. Большая часть их стала перемещаться в города, пополняя ряды чиновников или пробуя себя в каком-либо капиталистическом предприятии. Часть дворянства, получая большие суммы денег в виде выкупов за землю, полностью перешла на праздный образ жизни; а в случае нехватки средств стремилась получить кредиты под залог оставшейся у них земли или продавала ее нарождавшемуся классу сельских кулаков. Часть из создававшихся «помещичьих колхозов» распалась вскоре после их создания по причине безденежья – до начала Первой мировой войны государство так и не смогло наладить масштабное кредитование сельского хозяйства.

Еще раз подчеркнем, что Россия была аграрной страной: более 90% были сельскими жителями. Из-за нищенского уровня жизни крестьяне не могли обеспечить необходимый спрос на орудия труда, удобрения, потребительские товары. В конечном счете это было препятствием для развития отечественной промышленности. Об этом еще в 1881 г. писал *А. Н. Энгельгардт*: «Ну что толку для землевладельца, когда его земля пустует или беспутно выпаживается; что толку для фабриканта, что голодный рабочий дешев, когда фабриканту некому сбыть свой миткаль, кумач, плис? Да он, фабрикант, втрое будет платить рабочему, лишь бы только был сбыт на его товар. А кто же, как не мужик-потребитель, может поддержать и фабриканта, и купца? На господах далеко не уедешь. *Не тот фабрикант живет, который производит господский товар, а тот, который производит мужицкий. Богатеет тот купец, который торгует русским, т. е.*

*мужицким, товаром*¹. Не оттого ли купец, фабрикант, мещанин, поп относятся так сочувственно к упованиям мужика на милость насчет земли? Да и кому же может быть невыгодно, если улучшается благосостояние мужика, если мужик делается богат? А благосостояние мужика может улучшиться только тогда, если он так или иначе получит возможность увеличить свой надел, расширить свое хозяйство. Пустой расчет тех, которые думают, что, если мужик будет беден, то он будет дешево наниматься в работу в их хозяйство. Пожалуй, будет наниматься дешево, да что толку-то?»².

О промышленности: что сказал и не сказал С. Шарапов

У Шарапова вопросам, относящимся непосредственно к состоянию и развитию промышленности в России, внимания уделяется сравнительно немного – гораздо меньше, чем сельскому хозяйству или железным дорогам. Сельское хозяйство у Шарапова было на первом месте, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, Россия была страной сельской, и именно аграрный сектор определял общее социально-экономическое положение страны. Во-вторых, потому, что Шарапов как помещик был ближе к земле, чем к промышленности (ему, как мы выше сказали, принадлежало имение «Сосновка», в котором он организовал образцовое хозяйство).

Железным дорогам Шарапов уделял большое внимание потому, что это была одна из важнейших отраслей государственного хозяйства или, по крайней мере, ука-

¹ Курсив мой. – В. К.

² Энгельгардт А. Н. Указ. соч. – Письмо одиннадцатое.

занная отрасль была связана с государственным бюджетом. А государственное хозяйство и государственный бюджет были в фокусе внимания Шарапова.

Итак, о промышленности – добывающей и обрабатывающей – у Шарапова говорится лишь вскользь. В его работах есть много интересных замечаний, касающихся отдельных отраслей промышленности (например, нефтяной, производство сельскохозяйственных орудий), отдельных проблем ее развития (например, таможенные тарифы). Но еще раз повторимся: целостного учения о русской промышленности в работах Шарапова мы не найдем. Вполне вероятно, что Шарапов искренне полагал, что в сельской стране на первом месте должны находиться вопросы развития аграрного сектора экономики. А затем этот аграрный сектор как «локомотив» потянет другие отрасли экономики, в том числе промышленность. Впрочем, после неудачной для России войны с Японией в 1904–1905 гг. и возрастающей угрозой возможной мировой войны тональность работ С. Ф. Шарапова несколько меняется. Стало достаточно очевидно, что в промышленном отношении Россия была не готова эффективно отражать внешние угрозы и успешно вести войны¹. Хотя справедливости ради следует признать, что до конца Шарапов так и не сформулировал вывод о необходимости ускоренного и приоритетного развития промышленности в России как важнейшего условия ее выживания в новой геополитической ситуации.

С некоторыми замечаниями Шарапова по вопросам промышленности вообще нельзя согласиться. В частности, в своей работе «Финансовое возрождение России»

¹ Шарапов С. Ф. В виду грядущей мировой войны // Свидетель. – 1910. – № 31/32 (работа имеется в современном источнике: Базулин Ю. В. Указ. соч. – С. 131–150).

(1908) он сетует на плохую организацию на казенных заводах военного ведомства и предлагает их приватизировать: «Современная постановка дела на казенных заводах и специальных заводах военного и морского ведомства крайне плоха и ненормальна по самому своему принципу. Заводы эти подлежат передаче в частные руки, лучше все в аренду»¹. Конечно, Шарапов был прав, что постановка дела на казенных заводах была плоха. Но передавать их в частные руки было еще хуже. Это продемонстрировала Первая мировая война: продукция частных военных заводов поставлялась военному ведомству по ценам, гораздо более высоким, чем цены государственных заводов. Фактически частные промышленники были озабочены не обороноспособностью страны, а обогащением на войне за счет казны. Это серьезно ослабляло военную мощь России².

Вопросы промышленного развития, пожалуй, – наименее проработанная часть экономического учения Шарапова. Другие авторы конца XIX – начала XX века в определенной мере компенсировали недостаточную проработанность этих вопросов в работах С. Шарапова. Например, современник Шарапова генерал *А. Д. Нечволодов* в своей небольшой книге «От разорения к достатку» сформулировал ряд задач в области промышленной политики русского государства. Высокая приоритетность задач промышленного развития вытекала из «диагноза», который генерал поставил в отношении этого сектора экономики в начале XX века: «Современное положение нашей промышленности может быть очерчено следующим образом: а) она очень незначительна по

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего. – С. 227.

² См.: Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. – М., 1956; Калашников М. Гл. 9 Первая мировая: экзамен для России // Указ. соч.

своим размерам, сравнительно с размерами промышленности государств Западной Европы и Соединенных Штатов; б) она стоит совершенно отдельно от сельского хозяйства и носит вполне капиталистический характер; в) вследствие своего капиталистического характера, несмотря на свою незначительность, она уже создала многочисленный рабочий пролетариат, оторванный от земли и подверженный всем кризисам капиталистического производства; г) ввиду значительно более *высокого* *учетного процента* в России сравнительно с таковым же за границей, она не только не может конкурировать на внешнем рынке с иностранной промышленностью, но благодаря торговым договорам ей трудно конкурировать с ней и *на внутреннем рынке*; д) ввиду же того, что она имеет только один рынок – внутренний, – она всецело и зависит от него; малая его емкость, вследствие общей бедности, – не дает ей развиваться до тех размеров, в каких развиты промышленности в других странах, а ненормальные условия нашего государственного хозяйства, приведшие к современному аграрному кризису, отражаются в ней целиком»¹.

Промышленность: «издержки» русского капитализма

Кратко обрисует мысли некоторых из них, предварив их кратким обзором состояния промышленности в XIX веке. В момент восшествия на трон Николая I (1825 г.) количество промышленных предприятий в России было равно 4189, что для такой огромной страны было, конечно, ничтожно мало. К концу его царствования (1855 г.) их количество выросло немногим

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 63.

более чем на одну тысячу и достигло 5261. С приходом к власти Александра II начался достаточно бурный рост промышленности: в 1860 г. число промышленных предприятий составило уже 15 338, т. е. увеличилось с начала его царствования почти в 3 раза. В конце царствования Александра II (1881 г.) число промышленных предприятий достигло 31 173, т. е. увеличилось в 6 раз по сравнению с началом его царствования. Число рабочих выросло с 460 тыс. в 1855 г. до 565 тыс. в 1860 г. и до 771 тыс. в 1881 г.¹

Вся промышленность во времена Николая I и первые годы царствования Александра II была сосредоточена в четырех основных регионах: Московской губернии, Владимирской губернии, Приуралье, Петербурге. Промышленность была представлена черной металлургией (Приуралье), хлопчатобумажной. Зачатки металлообработки были лишь в Петербурге (15 заводов в 1860 г.). Большинство промышленных предприятий были созданы на частные (преимущественно купеческие) деньги и были частными. Исключение составляли предприятия горной промышленности на Урале (казенные заводы). Машины для российской промышленности, особенно текстильной, были почти исключительно импортными. Во времена Николая I присутствие иностранного капитала в российской промышленности было ничтожно мало. Следует иметь в виду, что в российском обществе первой половины XIX века достаточно сильны были настроения против развития промышленности, идеалом русского пути рассматривалось аграрное развитие. М. Ф. Антонов так пишет по поводу этих настроений: «В России необычайно долго держалось мнение, что это страна земледельческая, что фабрично-заводское производство ей не нужно. Дескать, русская индустрия никог-

¹ Антонов М. Экономическое учение славянофилов. – С. 10, 115.

да не сможет успешно конкурировать с западноевропейской и, наконец, фабрика и весь уклад ее деятельности растлевающим образом влияет на население»¹. Примечательно, что противники промышленного развития в России во многом смыкались с фритредерами (сторонниками свободной торговли, отмены или снижения таможенных импортных пошлин). Логика была очень простой: сохранение протекционизма будет способствовать развитию промышленности, развитие промышленности потребует свободных рабочих рук, такие рабочие руки могут появиться в результате отмены крепостного права, отмена крепостного права приведет к пролетаризации большей части населения и социальной революции. Уж пусть лучше Россия остается без фабрично-заводского производства, развивая сельское хозяйство на базе крепостного права (может быть, смягченного) и сохраняя свои народные промыслы. Вот одна из тогдашних журнальных публикаций против фабрично-заводской промышленности: «Земледелец зарыл в землю зерно, но прозябания его и оплодотворения ожидает свыше. Земледельческий народ есть самый набожный, а также и самый миролюбивый, крепкий и благонравный. Он вместе и самый покорный Царю. Он привязан к родной земле своей, которая его возрастила. Мастеровой ничего не ожидает от Бога, а все от машин и, ежели бы Господь не насылал на него болезней, то он едва ли бы когда вспомнил о Боге. Сообщество нескольких сот или тысяч мастеровых, и живущих, и работающих всегда вместе, не имеющее никакой собственности, питает в них дух буйства и мятежа. Частые мятежи в английских мануфактурных городах служат тому доказательством»².

¹ Антонов М. Экономическое учение славянофилов. – С. 28.

² Цит. по: Бурыйшкин П. А. Москва купеческая: Мемуары / Вступ. статья, коммент. г. Н. Ульяновой, М. К. Шацилло. – М., 1991.

Впрочем, были и противоположная точка зрения – в пользу индустриализации России. Особенно она стала убедительной после поражения России в Крымской войне. Например, *Василий Кокорев*, известный русский предприниматель в своей работе «Экономические провалы» (1887) отмечал, что если бы правительство в 1840-е гг. начало сооружение железной дороги из Москвы к Черному морю, то Россия войны не проиграла бы, а, скорее всего, могла бы вообще ее избежать. А когда Россия приступила еще в царствование Николая I к активному строительству железных дорог, то ей следовало бы прежде озаботиться созданием у себя рельсовых, паровозных и других заводов, а не закупать все необходимое на Западе.

Во времена *Александра II*, как мы отметили выше, начался впечатляющий рост числа предприятий в промышленности. Он характеризовался следующими особенностями:

а) рост количества предприятий преимущественно в легкой промышленности, отчасти горной промышленности; в машиностроении новых предприятий создается крайне мало;

б) появление в промышленности иностранного капитала, который был уравнен в правах с капиталом российским;

в) широкое использование акционерной формы при создании новых предприятий.

Внешне бурное развитие промышленности не решало многих проблем России. Прежде всего, сохранялось и даже увеличивалось отставание России от стран Запада по уровню развития обрабатывающей промышленности (за исключением текстильной); особенно критическим становилось отставание России по машиностроению. Большую часть машин и оборудова-

ния приходилось закупать за границей. Кроме того, при Александре II началось закабаление русской промышленности иностранным капиталом, хотя тогда еще этой угрозы почти никто не чувствовал (критического уровня оно достигнет во времена С. Витте, в конце XIX – начале XX века). Эксплуатация наемных работников на промышленных предприятиях была нещадной; отсутствие рабочего законодательства превращало бывших крепостных в наемных рабов. Появился неременный атрибут капитализма – циклическое развитие экономики и кризисы перепроизводства, которые вели к банкротствам промышленных предприятий и увольнениям рабочих. Бурным цветом расцвело мошенничество в виде так называемого «грюндерства».

Чуть подробнее о «грюндерстве». Суть его – создание мошенниками акционерных предприятий за счет сбора денег с доверчивых инвесторов и последующая ликвидация такого предприятия (фирма-однодневка, ложное банкротство)¹. Впрочем, «грюндерство» процветало не только в промышленности, но также в железнодорожном строительстве, банковском и торговом деле. Славянофил А. И. Кошелев писал: «Без гроша в кармане и только с отвагою в душе и голове мы составляем компании, стараемся извлечь что можем и затем покидаем их на произвол судьбы. Состоятельность и честность в денежных делах у нас почти не существуют, и ими мало дорожат. Обанкротиться можно и раз, и два, и десять раз – считается нипочем... У нас менее

¹ Следует отметить, что первые акционерные общества появились еще при Николае I после того, как в 1836 г. было издано первое положение о компаниях на акциях. На то время это было самым совершенным в мире законом об акционерных обществах. В частности, оно предусматривало необходимые меры против мошенничества в виде «грюндерства». Акционерное законодательство при Александре II было весьма либерализовано.

всего доверяют состоятельности и честности человека, чем его дерзости; громадные прибыли на словах и большие проценты, вперед уплаченные, имеют у нас чарующее действие. Вследствие этого промышленность и торговля развиваются не постепенно, а скачками и чисто вопреки здравому смыслу»¹. В результате «грюндерства» наживались в короткие времена громадные капиталы. Но такая экономика не вела к росту богатства всего народа, она вела преимущественно к перераспределению национального богатства в пользу горстки спекулянтов за счет народа. Еще в самом начале реформ Александра II близкий к славянофилам экономист *И. К. Бабст* писал о начавшейся акционерной горячке: «Умножением денег частные лица могут разбогатеть, народ – никогда. Отчаянные спекуляции могут обогатить одних, разоряя других; народ от спекуляций никогда не будет в выигрыше. Народ богатеет от действительного производства, от предприятий призрачных – никогда»². Выше мы приводили некоторые цифры. Из них видно, что количество промышленных предприятий за время царствования Александра II увеличилось примерно в 6 раз, а число занятых в промышленности – лишь в 1,7 раза. В какой-то мере различия в динамике двух показателей свидетельствуют о царившей в России акционерной горячке: многие компании учреждались ради мошеннических целей, а реальным производством не занимались.

В целом экономические историки характеризуют период с 1860 г. по 1885–1888 гг., пришедшийся в основ-

¹ *Кошелев А. И.* Наше положение (Берлин, 1875) // *Кошелев А. И.* Самодержавие и Земская дума / Сост., предисл., коммент. Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011.

² *Бабст И. К.* Мысли о современных нуждах нашего народного хозяйства (1860). Цит. по: *Платонов О. А.* Русская экономика без глобализма. – С. 347.

ном на царствование Александр II, как *период экономической депрессии и промышленного спада*¹. Хотя в целом за этот период объемы производства в текстильной промышленности, машиностроении и других отраслях выросли, но в намного меньшем размере, чем за предыдущие 30 лет, а в расчете на душу населения почти не изменились ввиду быстрого демографического роста в стране. Так, производство чугуна (в европейской части страны) выросло с 20,5 млн. пудов в 1860 г. до 23,9 млн. пудов в 1882 г. (лишь на 16%), т. е. в расчете на душу населения даже сократилось². Депрессивному состоянию российской промышленности способствовала политика низких тарифов при взимании пошлин с импортных товаров (в отличие от политики последовательного протекционизма в эпоху Николая I ее проводил министр финансов Е. Ф. Канкрин). Как известно, в Европе в 70–80-е гг. XIX века наблюдалась затяжная экономическая депрессия (спровоцированная введением во многих европейских странах золотого стандарта). Западная Европа частично компенсировала последствия этой депрессии за счет российского рынка, слабо защищенного тарифными барьерами.

Начиная с середины 1880-х гг. (после воцарения Александра III) Россия от либерализации внешней торговли вернулась на путь протекционизма. В 1891 г. был введен самый высокий за предыдущие 35–40 лет таможенный тариф по импорту, что дало резкий толчок промышленному развитию в России в конце XIX века. Лишь за 10 лет (1887–1897 гг.) промышленное производство в стране удвоилось. За 13 лет – с 1887 по 1900 г. –

¹ Portal R. The Industrialization of Russia. Cambridge Economic History of Europe Volume VI, Part 2. – Cambridge, 1965. – P. 822–823.

² Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. – М. 1960. – С. 489, 501.

производство чугуна в России выросло почти в 5 раз, стали – также почти в 5 раз, нефти – в 4 раза, угля – в 3,5 раза, сахара – в 2 раза¹. Беспрецедентными темпами шло строительство железных дорог. В конце 1890-х гг. ежегодно вводилось в строй около 5 тыс. километров железнодорожного полотна². Вместе с тем, импортные пошлины стимулировали производство не сложных промышленных изделий, а базовой продукции русской промышленности (чугун, сталь, нефть, уголь и т. д.). Импортные пошлины взимались только в европейской части страны, за Уралом же граница почти на всем ее протяжении была достаточно условной. Там процветала контрабанда, в том числе ввозилось беспошлинно большое количество промышленных товаров.

Итак, в России была видимость бурного промышленного развития, но разрыв между ней и Западом по показателям реального производства многих видов промышленной продукции не уменьшался. В частности, производство черного металла в России в 1912 г. составляло 28 кг на человека, а в Германии – 156 кг, т. е. в 5,5 раз больше³. Что касается более сложных и наукоемких отраслей, то там отставание было намного большим. Как указывал экономический историк Н. Рожков, своего производства средств производства (станков и оборудования) и иного машиностроения в России в начале XX века почти не существовало⁴. Судостроительная промышленность была развита слабо: за рубежом закупалось порядка 80% всех судов; часть собственных

¹ См.: Кузовков Ю. История коррупции в России. – М., 2010.

² Струмилин С. Г. Указ. соч. – С. 507.

³ Miller M. The Economic Development of Russia, 1905–1914. With special reference to Trade, Industry and Finance. – London, 1967. – P. 256.

⁴ Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. 12. – Л. – М., 1926–1928. – С. 161.

судов производилась в районе Каспия, куда импортные суда попросту не могли дойти¹. Новые отрасли: авто- и авиастроение, – только начали развиваться незадолго до Первой мировой войны, но и здесь наметилось значительное отставание России от ведущих стран Запада. Так, в годы Первой мировой войны Россия выпускала в 4 раза меньше самолетов, чем Германия, Франция или Англия. Кроме того, почти 90% русских самолетов были оснащены импортными двигателями, притом что двигатель являлся самым наукоемким элементом конструкции, и его цена составляла более 50% стоимости самолета². В условиях растущей экономической и военной агрессивности Запада промышленное отставание России создавало угрозу существованию российской государственности.

Д. И. Менделеев: индустриализация в контексте русской экономики

Пожалуй, наиболее последовательным поборником индустриализации был наш русский ученый *Д. И. Менделеев*. Основные идеи Дмитрия Ивановича относительно промышленного развития России изложены были в следующих работах: «*Об условиях развития заводского дела в России*» (1882), «*О возбуждении промышленного развития в России*» (1884), трех статьях под общим названием «*Письма о заводах*» (1885–1886), «*Заветные мысли*» (1903–1904)³.

¹ Miller M. Op. Cit. – P. 179–180.

² Шаэров В. Б. История конструкций самолетов в СССР до 1938 г. 3-е изд., испр. – М., 1985.

³ В последней из указанных работ, особенно: гл. 4 «Фабрики и заводы»; гл. 8 «Промышленность».

При этом Менделеев говорил об индустриализации в интересах всего народа, т. е. *национальной индустриализации* (в противовес «дутой» индустриализации времен Александра II, которая приняла форму «грюндерства» и обогащала спекулянтов и прочих мошенников).

Модель промышленной экономики Менделеева вообще обходилась *без иностранного капитала*, который, по мнению Дмитрия Ивановича, наносил большой урон России. По мнению ученого, иностранный капитал не только обескровливал российскую экономику вывозом прибылей. Он также был опасен в военное время, создавая угрозу паралича экономики. От 70 до 100% производственных мощностей в большинстве отраслей промышленности накануне Первой мировой войны контролировал иностранный капитал¹. Менделеев мыслил индустриализацию как создание не просто большого количества промышленных предприятий и объектов, а предприятий и объектов, составляющих единое целое – *народнохозяйственный комплекс*, включающий весь набор отраслей и производств. Индустриализацию Менделеев рассматривал как средство создания *«самодостаточной» экономики*.

Большое внимание Менделеев уделял развитию *нефтяной промышленности* России. Он предложил построить нефтепровод Баку–Батуми и построить ряд нефтеперерабатывающих заводов на побережье Черного моря. Они должны были избавить Россию от импорта американского керосина и обеспечить экспорт нефтепродуктов в Европу. Ученый предлагал использовать нефть не только как топливо, но также как сырье для химической

¹ Рожков Н. Указ. соч. Т. 12. – Л. – М., 1926–1928. – С. 166–167. Как отмечает автор данной работы, среди иностранного капитала превалировал французский капитал.

промышленности. Ему принадлежат известные слова: «Нефть – не топливо, топить можно и ассигнациями».

Менделеев указывал на необходимость развития *черной металлургии*, прежде всего обеспечивая более глубокий передел металла. А качественный металл нужен был другим отраслям экономики. В частности, в России не было налажено производство достаточного количества рельс и подвижного состава. В стране происходило бурное строительство железных дорог, а рельсы и подвижный состав закупались за рубежом, прежде всего в Германии. По мнению Менделеева, частично промышленность Германии была построена на российские деньги. Потери России были астрономическими: «В 20 последних лет Россия переплатила Западной Европе более 1500 млн. руб. за чугун, железо и сталь в разных видах. Если бы вместе с постройкой железных дорог были приняты для водворения железного производства должные меры... тогда бы экономическое положение России было иным, чем ныне... Россия давно продавала бы за границу массу товаров этого рода и народ пользовался бы дешевлешими металлическими орудиями»¹.

Большое внимание Менделеев уделял развитию *угледобывающей промышленности*, ибо уголь в экономике России в конце XIX – начале XX века был главным энергоносителем, который использовался для выработки электричества, на железных дорогах, в судоходстве, при отоплении в городах, в черной металлургии и большинстве других отраслей промышленности. На тот момент главным источником отечественного угля был Донецкий бассейн, однако он использовался слабо. Россия импортировала большие количества угля из Англии и Польши. Менделеевым была разработана

¹ Менделеев Д. И. Сочинения в 25 т. Т. 18. – С. 363.

программа освоения Донецкого месторождения угля, которая включала строительство железнодорожных коммуникаций из Донбасса до Москвы, портов на Черном и Азовском морях, введения специального таможенного тарифа по углю. Кроме того, Менделеев высказывался за быстрое и масштабное освоение угольных месторождений за Уралом (Кузнецкий угольный бассейн, Сахалин и др.), выдвинул революционную идею подземной газификации угля, использования его не только как энергоносителя, но и сырья для промышленного производства и т. п.

Большая озабоченность Д. И. Менделеева промышленным отставанием России привела его к выводу, что в системе государственного управления страной необходимо создание специального ведомства – *Министерства промышленности*¹. Данное министерство виделось Дмитрию Ивановичу не как обычное бюрократическое ведомство, а как институт, который бы сочетал в себе правительственное и общественное начала. Министерство должно было состоять из двух частей: министр и его аппарат; общественный совет. Лица, входящие в первую часть, назначаются правительством; лица, представляющие общественность, выбираются народом в губерниях и уездах.

Менделеев достаточно критически относился к капиталистической форме организации промышленности в России. Он предлагал три *альтернативы* существовавшим предприятиям с их единоличной или ак-

¹ Напомним, что С. Шарапов предлагал создать в правительстве блок экономических ведомств (всего – пять ведомств), в который должно было войти Министерство торговли и промышленности (см. гл. 10, раздел «О народном самоуправлении и едином экономическом ведомстве» наст. изд.). Менделеев выступал за создание отдельного Министерства промышленности. Это отчасти свидетельствует о том, что у Менделеева промышленное развитие занимало более приоритетное место, чем у Шарапова.

ционерной капиталистической собственностью, «и все они, более или менее, имеют уже приложение в практике... Эти три способа назовем складочными капиталами, государственно-монопольными предприятиями и артельно-кооперативными... В идеале можно себе представить заводы и фабрики основанными на складочные капиталы, поступившие от самих же работников и потребителей, действующих на тех же или на других фабриках и заводах»¹.

Последняя из форм, кстати, получила достаточно широкое распространение на Западе после Второй мировой войны в виде так называемых «народных предприятий»². Что касается *государственно-монопольных предприятий*, то такую форму также предлагал С. Ф. Шарапов в ряде отраслей: в нефтяной, табачной промышленности, в виноделии, добыче платины и некоторых других металлов³. Большие перспективы перед промышленностью открывала *артельно-кооперативная форма* хозяйства, которая, по мнению Менделеева, была более эффективной, чем частнокапиталистическая форма, т. к. базировалась на свободном труде. Менделеев, в частности, предлагал передавать убыточные капиталистические предприятия «с надлежащим контролем артельно-кооперативному хозяйству, а не закрывать их, как делается в Западной Евро-

¹ Цит. по: Менделеев Дмитрий Иванович // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа // С. 499..

² В частности, в США и некоторых других странах Запада действуют программы наделения акциями работников (ИСОП). Закон о создании программ наделения работников акциями был принят в США в начале 70-х годов, прежде всего, из идеологических соображений, как вызов советскому социализму. Конгресс тогда признал, что в США слишком мало капиталистов, слишком много наемного труда и слишком велика концентрация собственности в руках 1% населения, а это опасно для капитализма в принципе.

³ См. гл. 10, раздел «О государственной монополии» наст. изд.

пе, обрекая трудящихся на безработицу». Но делать это надо «открыто и по соревнованию»¹. Таким образом, происходило бы эволюционное вытеснение капитализма из российской промышленности.

Промышленность и сельское хозяйство как единый организм

Менделееву приходилось доказывать, что индустриализация России не противоречит задачам *укрепления сельского хозяйства*. Даже наоборот, – будет способствовать:

– во-первых, производя орудия труда для растениеводства и животноводства, а также химические удобрения для улучшения плодородия почв;

– во-вторых, обеспечивая глубокую переработку сельскохозяйственной продукции; появится возможность выращивать целый ряд непродовольственных, технических культур;

– в-третьих, создавая спрос на продукцию сельского хозяйства со стороны работников промышленности.

Со временем, полагал Менделеев, можно будет расширить экспорт промышленной продукции, за счет чего можно пойти на сокращение вывоза хлеба за границу. Если из страны и будет вывозиться продукция сельского хозяйства, то только после ее глубокой переработки, например льняные ткани. Это повысит эффективность сельскохозяйственного производства и снизит нагрузку на землю, остановит истощение почв. В своей работе *«Об условиях развития заводского дела в России»* (1882) Менделеев писал: «Развитие за-

¹ Цит. по: Менделеев Дмитрий Иванович // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа – С. 499.

водов, обрабатывающих сырье, уничтожит пагубный для России вывоз ее хлебного сырья, который заменится вывозом продуктов заводских. Это уничтожит быстрое истощение земель, составляющее результат односторонней разработки нашего чернозема»¹. Часть земельных угодий можно будет использовать под другие культуры, а также под животноводство. Сельское хозяйство станет более диверсифицированным, за счет внутреннего производства будет создан рынок с широким ассортиментом продуктов, улучшится питание русского человека, повысится продовольственная безопасность страны.

Еще на один аспект плодотворного взаимодействия промышленности и сельского хозяйства обратил внимание генерал *А. Д. Нечволодов* в работе «От разорения к достатку» (1906). Он обращал внимание на перенаселение деревни, что выражалось в сравнительно невысоких показателях обеспеченности сельского жителя земель. Тут мы можем заметить определенные различия в позициях *С. Шарапова* и *А. Нечволодова*. *Сергей Федорович* утверждал, что нет никакого дефицита земли в России. Он приводил убедительные цифры, которые показывали, что земли в расчете на душу населения в России больше, чем в любой другой экономически развитой стране мира. Что проблема не в нехватке земли, а в том, что она плохо используется.

Во-первых, часть земель вообще не обрабатывается. Особенно заброшенными выглядели земли, которые принадлежали помещикам.

Во-вторых, вовлеченная в хозяйственный оборот часть земель используется неэффективно, урожаи на таких участках низкие, при этом происходит прогрессирующее истощение почвы.

¹ Цит. по: *Антонов М.* Экономическое учение славянофилов. – С. 228.

Одна из главных проблем – не нехватка земли, а недостаток денег в деревне. Вместо того, чтобы заниматься освоением земель за Уралом, в Сибири (программа П. А. Столыпина), следует, считал С. Шарапов, преодолеть «денежный голод» на селе. Программе экстенсивного развития сельского хозяйства России Столыпина Шарапов противопоставлял свою программу интенсивного развития сельского хозяйства, которая базировалась на новейших достижениях агротехники. Условием реализации программы интенсивного развития сельского хозяйства С. Шарапов считал замену существовавшей в России денежной системы золотого рубля на систему бумажных денег. Последняя позволила бы преодолеть «денежный голод» на селе: сельский труженик смог бы закупать необходимую технику для обработки земли, удобрения, организовывать хранение и переработку сельскохозяйственной продукции на местах.

Иные акценты у А. Нечволодова. Он согласен с тем, что у России самые обширные в мире земельные угодья для ведения сельского хозяйства, но вместе с тем в стране имеется дефицит таких угодий. Он следующим образом объясняет этот парадокс: «В настоящее время в России от земледелия кормится значительно больший процент населения, чем во всех других странах, а именно 65% всего числа жителей, тогда как во Франции – только 46%, в Германии – 35,5, а в Англии – 18%; поэтому Россия, занимая одно из первых мест в мире по количеству удобной земли, приходящейся на одного человека всего населения, уступает даже Англии и Дании по количеству удобной земли, приходящейся на одного человека земледельческого населения»¹.

В своей книге Нечволодов приводит цифры душевой обеспеченности удобной землей всего населения

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 64–65.

отдельных стран (на начало XX века, десятин): Канада – 2,2; Соединенные Штаты – 2,1; Россия – 2,01; Дания – 1,3; Англия – 0,48, т. е. обеспеченность русского человека удобными землями в четыре с лишним раза выше, чем англичанина. А вот цифры по душевой обеспеченности землей земледельческого населения (десятин): Канада – 4,6; Соединенные Штаты – 4,4; Россия – 2,59; Дания – 2,7; Англия – 2,82.

Нечволодов продолжает свою мысль: «А из этого следует, что обращение части сельского населения России к промышленной деятельности будет влиять, разумеется, самым благотворным образом на сельское хозяйство; промышленность же, при правильной постановке всего народного хозяйства, и увеличения покупательной способности нации неминуемо будет нуждаться в весьма большом количестве рук, как это мы можем заключить из сравнения современного потребления главнейших видов промышленного производства в России и в других цивилизованных странах; так, в настоящее время вследствие малой покупательной способности населения ежегодное потребление чугуна на душу населения достигает в России только 44 фунта, тогда как в соседней Германии оно равняется уже 308 фунтам, в Англии – 403, а в С. Штатах – 448 фунтам; ежегодное потребление угля на душу населения равняется у нас 7 пудам, во Франции – 60, в С. Штатах – 147, а в Англии – 237 пудам; годовое потребление сахара на одного жителя составляет в России только 9,7 фунта, в Германии – 25,7, в Дании – 60,2, а в Англии – 90,9 фунта и т. д.»¹.

Сравнение позиций Шарапова и Нечволодова по вопросам сельского хозяйства показывают, что Шарапов не считал, что в деревне имелось перенаселение; по

¹ Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 65–66.

его мнению, имело место лишь неэффективное (и неполное) использование земельного фонда. Нечволодов считал, что аграрное перенаселение существовало. Он полагал, что излишек рабочих рук на селе может быть использован на пользу России, этот излишек следует направить в промышленность.

Вместе с тем, у обоих авторов имелось много общего по вопросам развития аграрного сектора.

Во-первых, они оба негативно относились к аграрной политике тогдашнего премьер-министра П. А. Столыпина, в частности к переселению крестьян в Сибирь для освоения новых земель. Шарапов настаивал на том, что сначала надо толком освоить земли в европейской части, здесь и так дел не початый край. Нечволодов не был противником миграции населения за Урал. Более того, он был ярким сторонником такого переселения, но преимущественно с целью промышленного освоения природных богатств Сибири и Дальнего Востока, а также укрепления наших военно-стратегических позиций на берегах Тихого океана (что стало особенно очевидным после войны с Японией в 1904–1905 гг.). Нечволодов писал: «...необходимо...считаться с переселением, как с *фактом огромного государственного значения*... заселение окраин *совершенно необходимо* с точки зрения общегосударственного хозяйства... наше политическое положение на Дальнем Востоке выдвигает самым острым вопросом о возможно более сильном заселении местности к востоку от Байкала»¹.

Во-вторых, оба автора высказывались за развитие промышленности непосредственно на селе (развитие агропромышленного комплекса), что преодолеvalo бы искусственное противопоставление города и деревни. Приближение промышленности к селу позволило

¹ Там же. – С. 67.

бы: а) более полно использовать трудовой потенциал сельского населения; б) обеспечивать переработку продукции аграрного сектора на месте и снижать, таким образом, ее потери; в) сохранять традиционные устои сельской жизни и не вырывать крестьянина из привычной природной и культурной среды; г) более равномерно распределять производительные силы по территории страны, избавлять города от перенаселения и перегрузки промышленными объектами.

На более тесную смычку аграрного и промышленного секторов экономики, города и деревни указывали и другие мыслящие люди России, например *Д. И. Менделеев*. Он писал: «Для меня дело рисуется в особенности удовлетворительно при том условии, если крестьяне-земледельцы, занятые преимущественно в летнюю пору, для зим устроят подходящие фабрично-заводские виды промышленности и будут иметь у себя на месте прочный заработок». Фабрика или завод при каждой сельской общине – «вот что может сделать Русский Народ богатым, трудолюбивым и образованным»¹. По мнению Менделеева, такой индустриализации деревни должны помогать как центральная власть, так и земства. Широкие возможности для этого он видел в связи с распространением электричества, когда электродвигатель может быть установлен даже в крестьянской избе.

В-третьих, ключевым условием развития как аграрного, так и промышленного сектора экономики и Шарاپов, и Нечволодов считали переход от золотого рубля к бумажным деньгам.

Нечволодов писал: «Таким образом, *помощью бумажных денег и только при их посредстве* могут быть подняты на должную высоту наши сельское хозяйство

¹ Цит. по: Менделеев Дмитрий Иванович // Русское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. – С. 499.

и промышленность, подобно тому, как это произошло в Англии в конце XVIII века, благодаря переходу нации на бумажные деньги, предложенному гениальным Питом»¹. Говоря о программе заселения азиатской части Российской Империи русским населением, Нечволодов опять повторяет, что такая масштабная программа может быть реализована лишь при переходе к системе бумажных денег: «...колонизация наших Азиатских владений должна быть поставлена на должную высоту, а совершить это возможно только *при переходе на народные бумажные деньги*»².

Менделеев и Шарапов о государственной защите российского товаропроизводителя

В учении Менделеева об индустриализации России важное место занимают его взгляды, касающейся *тарифной политики* в сфере внешней торговли. Эти взгляды были изложены ученым в его работе «Толковый тариф» (1892). Современники называли ее «библией русского протекционизма». Идеи Менделеева были учтены при разработке протекционистских тарифов, которые были введены в 1891 г. Главная заслуга Менделеева в том, что он отошел от традиционного подхода к торговым пошлинам как источнику пополнения

¹ Там же. – С. 66. В приведенной цитате речь идет об *Уильяме Питте Младшем* (англ. William Pitt the Younger); Питт Младший – второй сын Уильяма Питта (Старшего). Питт Младший перевел страну на бумажные деньги в 1797 г., размен бумажных знаков на золото был восстановлен только в 1821 г. через 24 года. Именно в этот период в Англии наблюдалось наиболее быстрое капиталистическое развитие как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. См. также примечание 1 на с. 387 наст. изд.

² Нечволодов А. Д. Указ. соч. – С. 68.

государственной казны и стал оценивать уровень пошлин (как ввозных, так и вывозных) с точки зрения их влияния на уровень развития производительных сил в стране. Впрочем, Менделеев постоянно подчеркивал, что казна при высоких импортных пошлинах не понесет ущерба: снижение объема поступающих в казну импортных пошлин будет достаточно быстро компенсировано поступлением налогов от растущего внутреннего производства промышленных товаров. Низкие импортные пошлины, по мнению Менделеева, давали России иллюзорный выигрыш: считалось, что они обеспечивают низкие цены на ввозимые товары, что выгодно российским потребителям. Однако мир вступал в эпоху монополистического капитализма: иностранные компании, жестоко конкурировавшие между собой, завоевывали российский рынок с помощью демпинговых цен, а достигнув монопольных позиций, резко взвинчивали цены и нещадно грабили российских потребителей. Протекционистский тариф ставил барьер на пути торговой экспансии международных монополий.

Конечно, протекционистские тарифы, предлагавшиеся Менделеевым (и введенные с 1891 г.), были необходимым, но не достаточным условием для защиты отечественного товаропроизводителя и потребителя от западных монополий. Для преодоления таможенных барьеров эти монополии имели такое средство, как вложения своих капиталов в российскую экономику и захват российского рынка изнутри. И Менделеев, и Шарапов констатировали, что, к сожалению, уже через несколько лет после введения протекционистского тарифа началось вторжение в российскую экономику иностранных инвесторов. Инвесторы либо давали кредиты, либо приобретали доли в капитале, паи и акции российских компаний, иногда покупая на корню все

предприятия, довольно часто овладевая российским предприятием через кредит: российский должник, будучи некредитоспособным, вынужден был погашать свои обязательства акциями или даже всем складочным (уставным) капиталом.

Вот что писал С. Шарапов вместе со своим единомышленником русским экономистом *П. Олем* в 1896 г., когда процесс вторжения иностранного капитала только начинался: «Мы еще сильны, самостоятельны и, пожалуй, богаты. Сейчас еще иностранцы, хотя и сильные числом и капиталами, почти пропадают в общей массе русских промышленников и капиталистов. Но если мы усвоим себе тот взгляд, что привлечение иностранных капиталов есть благодеяние для России, мы серьезно рискуем задолжать настолько, что спасение и оздоровление нашей экономической жизни станет невозможным без великого потрясения. Те же цифры показывают, что в настоящую минуту, несмотря на нашу огромную задолженность, есть простой и спокойный выход из нашего разорительного хозяйства: это перемена финансовой политики, восстановление равновесия в расчетном балансе, правильное погашение сделанных долгов и безусловное отречение от всяких новых внешних видов задолженности, какой бы необходимой, заманчивой и выгодной она ни представлялась. И сейчас потребуются тяжелые жертвы, напряжение всех сил нашего народного организма, но сейчас еще никакой непосредственной опасности катастрофы нет. А через несколько лет нынешнего разорительного хозяйства, когда наша внешняя задолженность переступит границы благоразумия, когда главные промышленные дела будут во власти иностранцев, когда русским народным трудом будут распоряжаться акционерные правления Парижа, Брюсселя и Берлина, когда у русского наро-

да уже не будет средств расплатиться с нашими мирными завоевателями и освободиться от их экономического владычества, тогда явится непосредственная опасность катастрофы, размеров и характера которой нельзя и предугадать...»¹.

Через три года в своей речи «*Иностранные капиталы и наша финансовая политика*» (1899) Шарапов вынужден был уже констатировать: «Увы! К 1 января 1899 г. иностранцам принадлежит уже свыше четверти складочных капиталов в наших акционерных обществах»².

В связи с этим и Менделеев, и Шарапов говорили о необходимости проведения государством *протекционизма в более широком смысле*. Среди мер такого «расширенного» протекционизма – ограничения и запреты для иностранцев осуществлять инвестиции в российскую экономику, а также всемерная государственная поддержка отечественного товаропроизводителя. О протекционизме в широком смысле Менделеев говорил, например, предлагая создать с помощью государства несколько банков, которые бы поддерживали русскую промышленность³. Но все-таки Менделеев больше внимания уделял вопросам «узкого» протекционизма, связанного с таможенными тарифами. В данном случае С. Ф. Шарапов хорошо дополняет Менделеева, акцентируя в своих работах внимание на вопросах

¹ Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881–1895 гг. П. В. Оля и С. Ф. Шарапова. — СПб., 1896. — С. 15–18. Данная работа была переиздана в наше время в следующем сборнике: *Витте С. Ю. Денежная реформа, кредит и банковская система России*. Кн. 2 // *Собрание сочинений и документальных материалов*: в 5 т. Т. 3. — С. 623–713.

² *Шарапов С. Ф. Иностранные капиталы и наша финансовая политика* // *Шарапов С. Ф. Россия будущего*. — С. 196.

³ См.: *Антонов М. Экономическое учение славянофилов*. — С. 268.

«расширенного» протекционизма. Средствами такого протекционизма, согласно учению Шарапова, выступают следующие меры государства:

– насыщение российской экономики достаточным количеством денег и дешевых кредитов (что избавит российского товаропроизводителя от необходимости идти в кабалу к иностранному инвестору);

– создание необходимой для развития отечественного производства экономической инфраструктуры (прежде всего сети железных дорог) с помощью государственных «мнимых» капиталов;

– установление государственной монополии на производство и внешнюю торговлю некоторыми видами товаров (в частности, нефти);

– снижение налогов на отечественного товаропроизводителя (в силу того, что бюджет будет формироваться в основном за счет неналоговых источников);

– государственное регулирование валютного курса рубля в целях поощрения российского экспорта и защиты внутреннего рынка и т. д.

О самодостаточности российской экономики

Запасы в золоте России, как справедливо отмечает Шарапов, нужны лишь для внешних операций, и то лишь в случае, когда баланс не в пользу данного государства. Для крупных государств, таких как Россия, золотой запас почти не нужен, т. к. такие государства «самодостаточны»: «Для России, в частности, потребуется очень немного. Подробный разбор этого любопытного вопроса читатель найдет в нашей книге *“Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве”* в главе “Война и кредитный рубль”, где в свое время мы обстоятельно

разобрали, какие пустяки нужны нам из-за границы, и прямо отрицали необходимость золота для войны»¹.

В романе «Диктатор» между генералом Ивановым (который был назначен царем на пост «диктатора») и министром финансов его кабинета Соколовым ведется разговор об организации денежного обращения в России. Первый опасается, что увеличение денег в обращении приведет к росту цен внутри страны; второй отмечает эти опасения. Соколов разъясняет, что рост цен может действительно происходить, но в том случае, если на российском рынке будут преобладать импортные товары. Если развивать собственное производство, то этой опасности можно избежать: «Это случилось бы только в том случае, если мы много потребляли иностранных товаров и не могли бы заменить их своими». По мнению Соколова (естественно, озвучивающего мысли Шарапова), Россия вполне может отказаться от импортных товаров: «Пряности и лекарства? Пробки? Но ведь этого ввозится на пустяки. Хлопок? Поднимется цена, и среднеазиатский не только вытеснит американский и египетский, но и сам пойдет за границу. Машины – сами будем делать. Металлами мы завалим все рынки. Уголь, нефть – свои. Моды, гастрономия – да Господь с ними, пусть дорожают. Я совсем не вижу причин, чтобы предметы народного потребления вздорожали. Россия сейчас совершенно обезденежена и лишена кредита. Подешевеют деньги, явятся оборотные средства, двинется промышленность, и внутренняя конкуренция не только не даст ценам повыситься, но и еще их понизит».

Справедливости ради следует сказать, что о необходимости создания «самодостаточной» экономи-

¹ Напомним, что работа С. Шарапова «Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве» была написана и опубликована в 1893 г. В наше время она не переиздавалась.

ки кроме Шарапова говорили и писали также многие другие русские патриоты. Например, наш известный ученый *Д. И. Менделеев*¹, публицист *М. О. Миньшиков*², писатель-монархист *Л. А. Тихомиров*³, экономист *А. П. Шипов*⁴, философ и писатель *Н. Я. Данилевский*⁵, специалист в области денег и кредита *Ю. Г. Жуковский*⁶, генерал и историк *А. Д. Нечволодов*⁷ и многие другие. Так или иначе, все они говорили примерно об одном и том же: о неэквивалентности торговли России с Европой; о необходимости замещения импорта отечественным производством, о создании экономики с полным набором отраслей и производств, о переходе в перспективе к автаркическому («замкнутому») развитию. При этом в качестве средств защиты русского товаропроизводителя предлагались: таможенные пошлины, регулирование валютного курса рубля, ограничения иностранного капитала в российской экономике, увеличение кредитования отечественного товаропроизводителя и улучшение условий такого кредитования. Конечно, в позициях отдельных авторов были свои особенности: некоторые предлагали формирование «самодостаточной» экономики в легкой промышленности; другие в качестве

¹ См.: *Менделеев Д. И.* Проблемы экономического развития России. – М., 1961; *Менделеев Д. И.* Заветные мысли // Заветные мысли Дмитрия Менделеева // Сост. Т. А. Соколова. – М., 2010.

² *Миньшиков М. О.* Замкнутое богатство // *Платонов О. А.* Русская экономика без глобализма.

³ *Тихомиров Л. А.* Национальная экономика // Там же.

⁴ *Шипов А. П.* О значении внутренней и внешней торговли вообще и особенно в России. – М., 1861; *Он же.* Обзор оснований рационального тарифа применительно к России. – СПб, 1868.

⁵ См.: «Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского» – СПб., 1890.

⁶ *Жуковский Ю. Г.* Промышленность. – СПб, 1910.

⁷ *Нечволодов А. Д.* Указ. соч.

приоритетного направления рассматривали тяжелую промышленность; третьи считали, что начинать надо с масштабного железнодорожного строительства, которое станет «локомотивом» всего хозяйства. Некоторые допускали при определенных условиях использование иностранного капитала, другие выступали за его ограничение или даже полное вытеснение. Автаркическое развитие не может быть универсальным средством, законом для всех стран мира. Но Россия – одна из немногих стран, где есть все необходимое и достаточное для такого развития. Этой данной нам от Бога возможностью надо пользоваться, а не «обезьянничать», пытаясь строить интегрированное в мировую экономику хозяйство по примеру Бельгии, Дании или какой-либо иной малой европейской страны.

К сожалению, в начале XX века не наблюдалось никаких признаков того, что экономика России становится «самодостаточной». Да, некоторые отрасли российской экономики в это время бурно развивались. Но это были отрасли, куда приходил иностранный капитал, где была высокая норма прибыли. К тому же в случае войны эти отрасли (например, выплавка стали, добыча нефти и производство нефтепродуктов, некоторые виды машиностроения и др.) могли оказаться парализованными (нарушение управления предприятиями в случае ухода иностранных инвесторов). Многие авторы называют индустриализацию в России в начале XX века зависимой (от иностранного капитала) и частичной (или «разрозненной»). Многие важные отрасли были лишь в зачаточном состоянии, и соответствующая продукция импортировалась или ее вообще не было в России.

Взять, к примеру, военное судостроение. В 1909–1914 гг. англичане построили 64 крупных надводных корабля, немцы – 47, французы – 24, итальянцы – 16.

В России в это время были введены в эксплуатацию лишь 10 надводных кораблей класса «линкор-крейсер». Аналогичные цифры можно приводить по моторостроению, самолетостроению, приборостроению, автомобилестроению и другим технически передовым на тот момент времени отраслям. По приборам и измерительной аппаратуре Россия на 93% свои потребности покрывала за счет импорта. Своего производства шариковых подшипников Россия не имела и все 100% потребностей покрывала за счет импорта. Да что там продукция машиностроения! Россия даже накануне Первой мировой войны продолжала импортировать многие виды сырья: серу из Италии, колчедан из Испании, селитру из Чили и т. д. В 1913 г. Россия умудрилась закупить за границей 8,7 млн. т каменного угля (при собственной добыче, равной 31 млн. т). При таком состоянии экономики Россия, конечно же, не была готова к участию в мировой войне¹.

Как сформулированная Шараповым тема «самодостаточности» российской экономики звучит актуально для современной России! Нынешняя РФ давно уже «подсела» на «иглу импорта» по большинству товарных групп: машинам и оборудованию, продовольствию, промышленным потребительским товарам, продукции фармацевтической промышленности и т. д. Получается очень любопытная финансово-экономическая схема:

1) Россия продает на мировом рынке нефть и получает за нее доллары;

2) центральный банк РФ обменивает экспортерам нефти их доллары на рубли (механизм «валютного обменника»);

3) рубли тратятся экспортерами нефти и другими компаниями (которым перепадает часть рублевой вы-

¹ Подробнее см.: *Калашников М.* Гл. 9 // Указ. соч.

ручки экспортеров нефти), а также гражданами (которым рубли перепадают через бюджет, куда экспортеры нефти платят рублевые налоги) на приобретение импортных товаров;

4) оплата импортных товаров их зарубежным поставщикам осуществляется в валюте (долларах), которые импортеры приобретают в том же самом «валютном обменнике» (центральном банке).

Из этой схемы видно, что все деньги идут мимо российского товаропроизводителя, что приводит к медленному и мучительному его умиранию. Да и резервы валюты, находящиеся в ведении центрального банка, не могут рассматриваться в качестве стратегического резерва, т. к. все они уже заранее «расписаны» для оплаты будущего импорта товаров, а также погашения долговых обязательств перед иностранными кредиторами. В последние годы наблюдается интересная картина: величина международных валютных резервов РФ почти на 100% совпадает с величиной долговых обязательств российских компаний и государства перед западными кредиторами. Фактически в последние годы наши международные резервы оказываются «расписанными» даже не для оплаты импорта товаров, а для оплаты процентов и основной суммы долга мировым ростовщикам¹.

Что касается собственного золотого резерва, то у России на сегодняшний день (начало 2012 г.) он равняется менее 800 т, что в стоимостном выражении составляет всего несколько процентов по отношению к общей величине золотовалютных резервов РФ. Для России как золотодобывающей страны это очень скромная величина.

¹ Подробнее см.: *Катасонов В. Ю.* Кредитно-долговой мазохизм денежных властей России // Русская народная линия. – 05.12.2011 (Интернет).

Ситуация в сегодняшней России катастрофическая: с одной стороны, «самодостаточной» экономики давно уже нет; с другой стороны, международных резервов («золотого запаса») на случай чрезвычайных событий крайне мало.

В плане построения «самодостаточной» экономики поистине уникален опыт советского периода нашей истории. После революции 1917 г, гражданской войны и интервенции Советский Союз фактически оказался в экономической блокаде, организованной Западом. В 1920-е гг. Сталин внес серьезные коррективы в марксистскую теорию социализма. Он отошел тогда от марксистской догмы, согласно которой социализм может победить лишь при условии всемирной социалистической революции. Такой революции, как известно, не получилось. Троцкисты и другие ортодоксальные марксисты продолжали проповедовать авантюристическую идеологию «перманентной» социалистической революции в мировых масштабах. Сталин выступил с лозунгом «построения социализма в отдельно взятой стране», конкретно – в СССР. Сталин говорил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». В 1929 г. началось выполнение первой пятилетки, основной задачей которой было проведение индустриализации страны. До 1940 г. в стране было построено около 9 тыс. новых заводов. К концу второй пятилетки по объему промышленной продукции СССР занял второе место в мире, уступая лишь США (если считать британскую метрополию, доминионы и колонии одним государством, то СССР будет на третьем месте в мире после США и Британии). Резко снизился импорт, что рассматривалось как завоевание страной экономической независимости.

Народное хозяйство страны имело почти полный набор отраслей промышленности – как тяжелой, так и по производству потребительских товаров, а также других отраслей (сельское хозяйство, строительство, транспорт и др.). Сложился, как говорили советские экономисты, «*единый народнохозяйственный комплекс*».

Кроме того, как мы уже отметили, в стране была создана государственная система стратегических резервов. Покрытие внутренних потребностей за счет импорта было сведено к минимуму¹.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Есть и другие способы выстраивания российской экономики на фундаменте абсолютных денег. Да, за 127 лет с момента написания Шараповым «Бумажного рубля...» много воды утекло. Мы не должны буквально воспроизводить все детали его модели денежной системы. Важное и непреходящее значение для нас имеют три момента из его творческого наследия в части, касающейся обсуждаемого предмета.

Во-первых, положение Шарапова о том, что *право выпуска денег принадлежит народу*, которое он реализует через свое государство. Полтора века назад русский народ фактически утратил это право, добровольно передав его ростовщикам и биржевикам, не имеющим никакого отношения к России. Вернее сказать, у народа это право было украдено. Главное требование Шарапова фактиче-

¹ Поставки товаров по программе «ленд-лиза» в СССР в годы войны покрывали всего несколько процентов потребностей нашей страны в продовольствии, стратегических материалах, технике, оружии, бытовых товарах.

ски сводилось к тому, чтобы русский народ вернул себе это право. Сегодня мы находимся примерно в такой же ситуации, в какой Россия оказалась после финансовых реформ Александра II. Я уже неоднократно говорил, что наш центральный банк – по сути, филиал Федеральной резервной системы США, а ФРС – акционерное общество, принадлежащее все тем же Ротшильдам, Варбургам, Морганам, которые держали за горло Россию еще накануне Первой мировой войны.

Стало быть, основное требование Шарапова остается в силе. Но чтобы русский народ вернул себе это право, он для начала должен понять, что оно у него украдено. К сожалению, это сегодня понимают единицы. Будем надеяться, что после возвращения Шарапова русскому народу число таких понимающих граждан будет исчисляться сначала тысячами, а затем миллионами.

Во-вторых, Шарапов помогает нам избавиться от магического, гипнотического воздействия на наши умы *западных экономических теорий*. Помогает подходить к разработке национальной денежной системы как к *творчеству и искусству*, опирающемуся на здравый смысл, интуицию, чувству гармонии, совесть, православно-славное понимание смысла жизни. Шарапов дает нам взгляд на экономику не как на набор неких застывших догм и мифов, существующих вне времени, географического и духовного пространства (которые принято называть «экономической наукой»), а как на часть живой национальной культуры народа.

Особое значение в экономическом творчестве Шарапов придавал *христианским ориентирам как абсолютной Истине*: «Христианская истина, неся человечеству свет *истинной свободы*, одна, только одна способна дать критерий и для христианской политики, и для христианской экономики».

Очевидно, что в сегодняшней, далеко ушедшей от Бога России, многим нашим согражданам христианские ориентиры кажутся чем-то далеким и отвлеченным. Поэтому на первых порах надо руководствоваться хотя бы *здравым смыслом* (который тоже от Бога). В романе Шарапова «Диктатор» главный герой (генерал Иванов) говорит: «Россия тяжело больна – ее нужно вылечить. Лекарство для великой страны – не теория, не доктрина, а здравый смысл. Он затуманился и исчез у нас за странными и нелепыми понятиями о либерализме, реакции и т. п. Его надо отыскать и восстановить, и только тогда станет возможным правительству править, а народу жить».

В-третьих, Шарапов предостерегает нас от «кабинетных фантазий» и призывает чаще обращаться к *историческому наследию России* (в том числе в части устройства финансов). В связи с этим он писал в «Бумажных деньгах»: «Все старые...государственно-кредитные учреждения не были придуманы в кабинетах ученых-теоретиков, а были выработаны здравомыслящими государственными практиками в ответ на требование жизни, а не по книжному рецепту. Если бы среди водоворота новых идей мы оказались немного менее легкомысленными, если б в нас было чуть крепче уважение к своей истории и ее двигателям, мы, вместо того, чтобы злобно топтать в грязь все, что было связано с пережитой тяжелой эпохой, сохранили и развили бы то ценное, что в ней было, мы уже имели бы теперь настоящую, отвечающую и науке, и нашим нуждам денежную систему. Но пусть хоть тяжелый сорокалетний опыт послужит нам на пользу».

Как это все созвучно сегодняшнему дню! Мы «начали злобно топтать в грязь все, что было связано с пережитой тяжелой эпохой». Это касается и того периода русской истории, о которой писал С. Шарапов.

Это касается и *советского периода* нашей истории, который стали «злобно топтать в грязь» наши «экономические гении» типа Е. Гайдара и Г. Явлинского, Т. Заславской, Г. Попова. Они, как и «молодые финансисты» 1860-х гг., оказались загипнотизированными современными «жрецами» «религии денег» типа М. Фридмана, Ф. Хайека, Л. Мизеса, П. Самуэльсона.

Думаю, что если в начале «перестройки» наш народ был бы знаком с тем печальным опытом разрушений финансовой и экономической системы дореволюционной России, который так ярко описан Шараповым, то масштабы современных разрушений были бы существенно меньше. А может быть, их вообще удалось бы предотвратить. Впрочем, и сегодня знакомство русских людей с творческим наследием С. Ф. Шарапова могло бы сыграть большую роль в преодолении продолжающегося экономического, интеллектуального и духовного кризиса нашего общества. Надо полагать, что двадцатипятилетний опыт наших экономических и финансовых бед (если отсчитывать от развала СССР и создания на его обломках РФ) отрезвит нас и, как сказал Шарапов, «послужит нам на пользу». Этот опыт уже отчасти оказал нам пользу, т. к. я вижу просыпающийся интерес нашего современника к работам великого русского экономического мыслителя С. Ф. Шарапова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. С. Ф. Шарапов: взгляд славянофила на экономику и экономическую науку	14
Главный славянофил среди экономистов, главный экономист среди славянофилов.....	14
С. Ф. Шарапов: особый взгляд на реформы в России во второй половине XIX века	16
Какие экономические идеи легли в основу реформ?....	17
«Теория» конкуренции как экономическая версия социал-дарвинизма	20
О теории и практике «государственного невмешательства».....	24
О государственной бюрократии и пренебрежении отечественным опытом.....	30
О ядовитых плодах западной финансовой науки	35
Не наука, а «гимн золоту»	39
Единомышленники и последователи С. Шарапова о «тайне золота»	46
Российские финансовые реформы: беспечность, продажность и невежество	54
Незатейливое финансовое правило, или удушение России на «научной» основе.....	58
Уроки финансовых реформ: предупреждение С. Шарапова нынешней России	64

О западных «семенах» экономического «просвещения» в России.....	66
«Наука» вместо Бога	71
Святитель Феофан Затворник о «западной тьме»	75
С. Шарапов: экономика как парадокс русской мысли и культуры.....	83
Русской экономике нужны мысль и творчество, а не придуманная наука.....	86
О самобытности русской экономической мысли и экономики.....	92
Глава 2. С. Ф. Шарапов: программа выхода России из кризиса.....	101
Три основных направления программы С. Ф. Шарапова.....	101
«Паралич» духовно-церковной жизни	105
Программа духовно-религиозного возрождения России	111
Одно государство и два народа. Кризис государственности.....	115
Коррупция и казнокрадство – вирус государственного разложения.....	123
Программа укрепления российской государственности.....	137
Программа восстановления и укрепления русской экономики	149
Программа С. Ф. Шарапова и современная Россия....	152
Глава 3. С. Шарапов об иностранных капиталах	156
Об иностранных капиталах: лукавство С. Витте и правда С. Шарапова.....	156
«Выгоды» России от иностранных инвестиций	168
С. Шарапов о причинах российской «неконкурентоспособности».....	174

Иностранные инвестиции и государственная «кормушка»	180
Иностранные инвестиции и «золотая мышеловка»	187
О государственном долге России (1)	191
О государственном долге России (2)	204
Иностранные займы как средство продвижения в Россию прямых инвестиций	208
Займы России и будущая война	213
Цена опоры на иностранный капитал	220
Долги царской России: некоторые исторические отступления	226
Глава 4. Банки в капиталистической России	231
Банки в докапиталистической России	231
Банковское «грюндерство» в России	234
Банки и финансовый капитал	241
Иностранный капитал и банки	251
Кое-что о «русских» банкирах	257
Государственный банк на службе ростовщиков и «королей биржи»	272
Глава 5. Золотой рубль Витте – «мышеловка» для России	280
Золото и денежное обращение в России	280
Россия XIX века: сосуществование бумажных и металлических денег	283
«Классики» политической экономии о золоте	289
Как создавалась «Золотая» Европа	297
«Золотая» Европа и «Великая депрессия» 1873–1896 гг.	303
Закат промышленного капитализма. Финансовый капитал	311
Алгоритм финансовых «реформ», или путь России в «золотую мышеловку»	317

«Ренессанс» С. Витте в современной России	323
Витте: курс на накопление золота	331
Реформа Витте: мошенничество в особо крупных размерах	337
Россия после введения золотого рубля. Не девальвация, а ревальвация	343
Витте и русские патриоты	346
А. Нечволодов об абсурдности системы золотого рубля	350
Как выбраться из «золотой мышеловки»: вариант Нечволодова и Кокорева	355
Как выбраться из «золотой мышеловки»: биметаллизм	360
Как выбраться из «золотой мышеловки»: серебряный рубль	365
Золотой стандарт – понятие относительное	371
Глава 6. С. Ф. Шарапов: какие деньги нужны России	377
Золото и «человеческие слабости»	377
О войне с Наполеоном, или о пользе печатного станка	382
С. Шарапов и «номиналисты»	387
Болезнь под названием «бумагофобия» и ее последствия для России	391
Борьба за поддержание курса рубля, или «издержки» западной науки	396
«Бумагофобия», перерастающая в «синдром Марата»	400
С. Шарапов о функциях и свойствах денег	403
Абсолютные деньги – “Terra incognita” для западной экономической «науки»	406
Абсолютные деньги: постоянство и «нейтральность»	409

Западная экономическая наука в порочном круге «курица и яйцо»	413
Абсолютные деньги как «идейная единица»	417
Функция абсолютных денег: «Оживление и оплодотворение народного труда»	419
Абсолютные деньги – «живой нерв» народа, а не представитель мертвых вещей	421
Абсолютные деньги – армия, готовая к войне	424
Механизм регулирования абсолютных денег	427
Абсолютные деньги у других народов: пример Америки	432
Абсолютные деньги в условиях господства биржи невозможны	438
Чем обеспечены абсолютные деньги?	443
Шарапов о грядущей мировой войне и бумажном рубле	446
Организация денежно-кредитной системы	452
О бюрократизме и абсолютных деньгах	457
Абсолютные деньги в русской истории	461
Глава 7. «Мнимые» и «запасные» капиталы в теории С. Шарапова	469
О «мнимом» капитале и экономическом потенциале России	469
Теория «мнимых» капиталов Шарапова: ключевые положения	472
Не всякий «мнимый» капитал хорош	474
«Мнимые» капиталы как средство борьбы с иностранным засильем	477
«Мнимые» капиталы и государственный сектор экономики	479
«Запасные» капиталы как важный элемент государственных финансов	482
О «запасных» капиталах и золотом запасе	485

Глава 8. Русский рубль в контексте мировой валютной системы	490
Национальные деньги. Государственная валютная монополия.....	490
Какой валютный курс рубля нужен России?	497
Как управлять валютным курсом рубля?.....	501
Валютный курс рубля: после С. Шарапова	506
О золотом запасе и золотой добыче России	517
Глава 9. Деньги после С. Шарапова	526
Советский вариант абсолютных денег.....	526
Деньги в сегодняшней России.....	530
Был ли Шарапов защитником ростовщического капитализма?.....	533
Мир денег после С. Ф. Шарапова. Вопросы и сомнения.....	543
Деньги стали бумажными и электронными, но не абсолютными	546
Бумажные деньги, золото и «закон грабель»	549
О денежных идолах и христианских деньгах.....	553
Глава 10. С. Шарапов: контуры русской модели экономики	558
С. Шарапов о капитале и капитализме	558
Государственный сектор экономики и государственная казна	562
О «разделении труда» между государственным и частным капиталом.....	566
О государственной монополии	569
О народном самоуправлении и едином экономическом ведомстве.....	575
Об «отмирании» частного капитала	583
Страхование против водки	585
О хлебном запасе	592

О сельском хозяйстве	598
О промышленности: что сказал и не сказал С. Шарапов	605
Промышленность: «издержки» русского капитализма	608
Д. И. Менделеев: индустриализация в контексте русской экономики	616
Промышленность и сельское хозяйство как единый организм.....	621
Менделеев и Шарапов о государственной защите российского товаропроизводителя	627
О самодостаточности российской экономики	631
Вместо заключения	638

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Л. А. Попенова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 10.10.2013 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 27,1 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершённым сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.

- Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
- Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
- Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
- Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
- Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
- Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
- Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
- Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
- Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
- Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
- Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
- Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
- Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
- Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
- Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
- Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
- Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
- Иларион Трицкий. Преображение души, 480 с.
- Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
- Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
- Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
- Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
- Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
- Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
- Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
- Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
- Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
- Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
- Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
- Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
- Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
- Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
- Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
- Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
- Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
- Повесть Временных Лет, 544 с.
- Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
- Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
- Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.

Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурич С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мироззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.

Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башиллов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шоссе, д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, rodina@gw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)